

Библиотека ПИР-Центра

ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ

Том I

I
ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ

ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ

(в двух томах)

Под общей редакцией
кандидата политических наук
В.А.ОРЛОВА

Том I

Редакторы
В.А. ОРЛОВ и Н.Н. СОКОВ

Рекомендовано УМО «Ядерные физика и технологии»
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений

Второе издание

ПИР-Центр политических исследований

МОСКВА
2002

УДК 623.454.8:[327+341.67](075.8)

ББК 68.8я73+66.4(0)я73

Я34

Авторы:

канд. ист. наук И.А. Ахтамзян — гл. 2, 6, гл. 15 (совместно с В.А. Орловым), составление приложений, списка сокращений, предметно-именного указателя; канд. полит. наук Д.Г. Евстафьев — гл. 7 (совместно с В.А. Орловым); канд. полит. наук В.А. Орлов — гл. 8, 11, 12, 13; д-р полит. наук Н.Н. Соков — гл. 1, 3, 9, 14, гл. 10 (совместно с Р.М. Тимербаевым); д-р ист. наук Р.М. Тимербаев — гл. 4, 5.

Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов
Я34 высших учебных заведений. В 2-х томах. Том I/ И.А.Ахтамзян и др. Под. общ. ред. В.А.Орлова. 2-е изд., переработанное и расширенное. — М.: ПИР-Центр, 2002. — 528 с.

ISBN

Впервые не только в России, но и в мире выпущено полномасштабное учебное пособие по нераспространению ядерного оружия. В первом томе подробно представлены история создания ядерного оружия, становление международного режима ядерного нераспространения, международно-правовые аспекты, детали дипломатической борьбы, особенности ядерных программ и ядерной политики отдельных государств.

Учебное пособие предназначено для студентов старших курсов высших учебных заведений, слушателей магистратуры, аспирантов, дипломатов, специалистов по международному праву, инженеров ядерного топливного цикла. Авторы — ведущие отечественные специалисты в области нераспространения, контроля над вооружениями и международной безопасности.

ISBN

ББК 68.8я73+66.4(0)я73

© ПИР-Центр, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	4
Глава 1. Введение в ядерное нераспространение.....	11
Глава 2. Ядерное оружие и атомная энергетика.....	38
Глава 3. Нераспространение ядерного оружия и понятие международного режима.....	61
Глава 4. Международный режим ядерного нераспространения: история создания и эволюция становления. Договор о нераспространении ядерного оружия.....	81
Глава 5. Международные организации в области атомной энергии и нераспространения.....	116
Глава 6. Зоны, свободные от ядерного оружия.....	149
Глава 7. Региональные особенности международного режима нераспространения ядерного оружия.....	171
Глава 8. Международный режим ядерного нераспространения во второй половине 1990-х гг.....	228
Глава 9. Сокращение ядерных вооружений: двусторонний процесс.....	265
Глава 10. Нераспространение и контроль над ядерными вооружениями: многосторонний процесс.....	301
Глава 11. Международная система экспортного контроля в целях ядерного нераспространения.....	335
Глава 12. Национальная система экспортного контроля в целях ядерного нераспространения России.....	354
Глава 13. Нетрадиционные вызовы международному режиму ядерного нераспространения.....	379
Глава 14. Международные программы содействия по снижению угрозы распространения.....	404
Глава 15. Обзор источников и литературы.....	435
Предметно-именной указатель.....	456
Список сокращений.....	466
Приложения.....	474
Приложение 1. Глоссарий.....	474
Приложение 2. Позиции государств по основным вопросам ядерного нераспространения.....	501
Contents and Summary.....	517
О ПИР-Центре политических исследований.....	523

ОТ РЕДАКЦИИ

Перед вами издание, не имеющее аналогов. Впервые не только в России, но и в мире выпущено полномасштабное учебное пособие по проблемам нераспространения ядерного оружия.

Приверженность принципу ядерного нераспространения является одной из основополагающих установок российской внешней политики. Согласно Концепции национальной безопасности России, укрепление режима нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки относится к основным задачам в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а распространение ОМУ и средств его доставки рассматривается как одна из основных угроз национальной безопасности¹.

Президент России В.В. Путин назвал проблему нераспространения ядерного оружия «важнейшим вопросом современности»².

Актуальность задач, связанных с нераспространением ОМУ, подтверждается каждодневно. Открывая солидную газету или читая ленту новостей информационного агентства, невозможно не столкнуться с проблемами нераспространения: амбиции Северной Кореи... ядерное соревнование в Южной Азии... события на Ближнем Востоке... строительство атомной электростанции в Иране... кризис вокруг Ирака... Одни события уходят, им на смену приходят новые, но смело можно утверждать: за последние 30 лет вопросы нераспространения ОМУ, прежде всего ядерного, а также средств его доставки стали одними из центральных в международных отношениях.

На эту тему, ставшую насколько «горячей», настолько и «модной», написаны и продолжают выходить тонны научных трудов, ими насыщено интернет-пространство — прежде всего в США, но также и в Европе, и других частях света. Россия не лидирует по числу публикаций, но может гордиться рядом ярких, встретивших международное признание работ.

В последние годы преподавание предмета «Нераспространение оружия массового уничтожения» введено в ряде американских и европейских высших учебных заведений. Не стала исключением и Россия, где первым принял эстафету традиционно один из самых престижных вузов — Московский инженерно-физический институт — технический университет (МИФИ). В настоящее время лекции по нераспространению читаются также в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО-

¹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. №1300 (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. №24). *Дипломатический Вестник*, №2, 2000, с.3-13.

² Пресс-служба Президента Российской Федерации. 7 ноября 2001.

Университет) МИД РФ, Дипломатической академии МИД РФ и некоторых других ведущих высших учебных заведениях России.

В то же время, как ни парадоксально, полномасштабного учебного пособия по проблемам ядерного нераспространения до недавнего времени не было. В США правда, имеется учебное пособие «Введение в ядерное нераспространение», изданное в начале 1990-х гг. и бывшее тогда ценным подспорьем, но сегодня оно уже устарело и неполно. Впрочем, это пособие и не претендовало на полноту охвата всей этой проблематики.

Предлагаемая вниманию читателей книга охватывает практически весь спектр вопросов, связанных с нераспространением ядерного оружия. Здесь подробно представлены история создания ядерного оружия, становление международного режима ядерного нераспространения, международно-правовые аспекты, детали дипломатической борьбы, особенности ядерных программ и ядерной политики отдельных государств. Учебное пособие насыщено фактами, цифрами, цитатами из документов, которые студент, исследователь, журналист обычно вынуждены собирать из десятков источников, подчас труднодоступных.

Даже человеку, мало знакомому или вовсе не знакомому с проблематикой ядерного нераспространения, не будет трудно читать учебное пособие, так как определения ключевых понятий в нем вводятся последовательно.

Учебное пособие предназначено прежде всего для студентов старших курсов высших учебных заведений России и других государств бывшего СССР, слушателей магистратуры, аспирантов. Оно может быть также полезно в текущей работе молодых специалистов — как «гуманитариев», так и «технарей»: дипломатов, специалистов по международному праву, инженеров ядерного топливного цикла, специалистов по учету, контролю и физической защите ядерного материала. К читательской аудитории учебного пособия относятся также работники ряда министерств и ведомств России, стремящиеся повысить свою квалификацию. Учебное пособие будет полезно сотрудникам научно-исследовательских институтов и неправительственных организаций, занимающихся проблемами международной безопасности. Наконец, некоторые главы учебного пособия заинтересуют журналистов, специализирующихся по проблематике нераспространения ядерного оружия.

Хотя учебное пособие ориентировано прежде всего на русскоязычную аудиторию, в нем идет речь не только о России. Конечно, в ряде случаев материал проиллюстрирован примерами, специфически российскими, но все же это учебное пособие по ядерному нераспространению во всем мире. Поэтому оно может быть принято за основу для подготовки аналогичных изданий в

других государствах, где данная проблематика привлекает внимание и находит отражение в университетских учебных программах.

Учебное пособие подготовлено к изданию в ПИР-Центре политических исследований — ведущем российском институте, изучающем вопросы контроля над вооружениями и нераспространения ОМУ. Издаваемый ПИР-Центром журнал «Ядерный Контроль» является основным российским источником информации и анализа политики и практики нераспространения для отечественного научного сообщества и правительственных экспертов.

Авторы и редакторы учебного пособия — авторитетные отечественные специалисты в области нераспространения, контроля над вооружениями и международной безопасности.

И.А. Ахтамзян (редактор второго тома учебного пособия, автор глав 2 и 6, соавтор главы 15, составитель приложений первого тома) — кандидат исторических наук, научный сотрудник ПИР-Центра и доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО-Университета МИД РФ. Автор спецкурса по нераспространению в МГИМО-Университете МИД РФ. Автор более 30 публикаций в России и за рубежом по проблемам истории международных отношений, контроля над вооружениями и нераспространения, а также двух сборников документов по этой проблематике.

Д.Г. Евстафьев (соавтор главы 7) — кандидат политических наук, старший научный сотрудник ПИР-Центра, член редколлегии журнала «Ядерный Контроль». Работал в Институте США и Канады РАН, Российском институте стратегических исследований (РИСИ). Соавтор двух монографий, автор многочисленных публикаций в научной и политической печати в России и за рубежом. Специалист по военно-политическим аспектам национальной безопасности России, проблемам внешней и военной политики США, вопросам принятия решений в условиях кризиса и урегулирования конфликтов, региональным особенностям нераспространения ОМУ.

В.А. Орлов (учебное пособие выходит под его общей редакцией; он соредактор первого тома и автор глав 8, 11, 12 и 13, соавтор глав 7 и 15) — кандидат политических наук, основатель и директор ПИР-Центра и руководитель научно-исследовательской Программы Центра «Нераспространение и Россия», главный редактор журнала «Ядерный Контроль», консультант ООН по вопросам образования в области нераспространения и разоружения, член Российского Пагуошского комитета при Президиуме Российской Академии наук. Он соавтор «Arms Control & Security in the Middle East & the CIS Republics» (1994), «Dismantling the Cold War» (1997), «Dangerous Weapons, Desperate States» (1999), «Экспортный контроль в России: политика и практика» (2000), «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия»

(2001), «Контроль над вооружениями и военной деятельностью. Справочник» (2001), «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия» (2001), автор работ по экспортному контролю, ядерному терроризму, российской политике нераспространения.

Н.Н. Соков (соредактор первого тома и автор глав 1, 3, 9, 14, соавтор главы 10) — доктор политических наук и кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований (США). Работал в МИД СССР и МИД РФ, принимал участие в переговорах о заключении договора СНВ-1, во многих встречах на высшем уровне и на уровне министров. Автор многочисленных публикаций по вопросам международной безопасности и разоружения; автор «Russian Strategic Modernization: Past and Future» (2000).

Р.М. Тимербаев (автор глав 4 и 5, соавтор главы 10) — доктор исторических наук, профессор, консультант МАГАТЭ по вопросам ядерного нераспространения, Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), член Российского Пагуошского комитета при Президиуме Российской Академии наук. Старший советник ПИР-Центра, член редколлегии журнала «Ядерный Контроль». Крупнейший специалист по вопросам ядерного нераспространения, участник выработки Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Принимал участие в переговорах о заключении ряда двусторонних и многосторонних договоров по контролю над вооружениями. Автор многочисленных трудов по нераспространению, изданных в России (СССР) и за рубежом. Среди недавних его публикаций: монография «Россия и ядерное нераспространение» (1999); соавтор книги «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия» (2001).

Вышедшее в 2000 г. первое издание учебного пособия вызвало большой интерес у специалистов и студентов и в считанные месяцы превратилось в библиографическую редкость. Идя на встречу многочисленным пожеланиям, ПИР-Центр подготовил второе издание учебного пособия, переработанное и расширенное, в двух томах.

Структура и содержание первого тома учебного пособия соответствует учебному лекционному курсу «Ядерное нераспространение», разработанному ПИР-Центром и прошедшему успешную апробацию в МИФИ в течение 1997-2001 гг. В настоящее время лекционный курс рассчитан на 40 часов в течение одного семестра в рамках магистерской программы МИФИ; по его итогам студенты пишут реферат и сдают экзамен, а некоторые также проходят стажировку в государственных

структурах или научных институтах и защищают дипломную работу по этой проблематике.

Настоящее учебное пособие призвано раскрыть и проанализировать все основные процессы ядерного нераспространения. Авторы стремились показать режим нераспространения ядерного оружия в его движении и развитии, проследив как процессы, которые привели к его созданию, так и эволюцию режима за прошедшие три с лишним десятилетия.

Другой задачей учебного пособия является рассмотрение режима во всей его полноте, т.е. не только ДНЯО и МАГАТЭ, но и других тесно связанных с ним процессов ядерного разоружения, международного сотрудничества, внутреннего российского законодательства и т.д.

Комплексный подход к режиму нераспространения позволяет не только узнать его историю и ключевые элементы, но и дает читателю возможность в будущем самостоятельно анализировать события, новые явления, а также принимать решения, необходимые для поддержания режима.

Первые три главы первого тома — вводные. В **главе 1** дается общий обзор проблематики ядерного нераспространения и его взаимосвязи с вопросами нераспространения других ОМУ и средств доставки.

Глава 2 содержит необходимый минимум информации относительно технических аспектов ядерного нераспространения. Знание хотя бы основ технических аспектов является ключом к пониманию принципов ДНЯО и деятельности МАГАТЭ, а также механизмов экспортного контроля.

Глава 3 дает обзор теории международных режимов, в том числе их возникновения и факторов, влияющих на их устойчивость и эволюцию. Многие существенные аспекты ядерного нераспространения проистекают из более общих характеристик международных режимов, а не из специфики ядерного оружия.

Следующие пять глав посвящены непосредственно режиму ядерного нераспространения.

Так, **главы 4 и 5** содержат обзор истории создания режима нераспространения ядерного оружия и переговоров по ДНЯО, постатейный анализ самого Договора, а также обзор международных организаций, непосредственно связанных с ДНЯО, прежде всего МАГАТЭ.

Главы 6 и 7 дают характеристику региональных особенностей ядерного нераспространения с упором на регионы, наиболее уязвимые в плане стабильности и устойчивости этого режима.

Глава 8 освещает принятие в 1995 г. решения о придании ДНЯО нового — бессрочного — статуса и современное положение дел с режимом нераспространения, включая результаты Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного

оружия 2000 г. В этой главе также дается характеристика современной расстановки сил на мировой арене, в том числе приводятся основные группы государств, различающиеся по их отношению к ДНЯО.

Вопросы ограничения и сокращения ядерного оружия, которые в соответствии со статьей VI ДНЯО являются одним из ключевых элементов и условий функционирования режима, рассматриваются в **главах 9 и 10**. Первая из них посвящена двусторонним советско-(российско)-американским переговорам начиная с конца 1960-х гг. Глава 10 касается многосторонних усилий, предпринимаемых в контексте ООН и Конференции по разоружению, главным образом таких важнейших вопросов, как запрещение ядерных испытаний и производства расщепляющихся материалов для военных целей.

Следующий блок глав касается системы экспортного контроля. **Глава 11** описывает и анализирует международные системы экспортного контроля, включая принципы МАГАТЭ и других организаций, играющих ключевую роль в создании правил экспорта и ограничений. В **главе 12** рассматривается созданная в России система экспортного контроля ядерных материалов и технологий.

Далее следуют главы, посвященные двум, в значительной мере противоположным, сторонам функционирования режима нераспространения ядерного оружия в современный период: новым вызовам стабильности и существованию этого режима в форме незаконного оборота ядерных материалов и ядерного терроризма (**глава 13**), а также международным усилиям, направленным на сохранение и укрепление режима, в частности, содействию, которое оказывалось Соединенными Штатами России и другим бывшим советским республикам в деле преодоления кризиса нераспространения, возникшего в связи с распадом СССР и экономическим кризисом в России и новых независимых государствах (**глава 14**).

Наконец, завершающая глава (**глава 15**) облегчает поиск дополнительной информации, источников и литературы по всему кругу вопросов ядерного нераспространения и в обзорной форме знакомит с рекомендуемой литературой, периодическими изданиями и интернет-представительствами.

Второе издание выходит в двух томах. Первый том подробно представляет историю создания ядерного оружия, становление международного режима ядерного нераспространения, международно-правовые аспекты, детали дипломатической борьбы, особенности ядерных программ и ядерной политики отдельных государств. Выпускается под совместной редакцией В.А. Орлова и Н.Н. Сокова. Второй том, который объединяет основополагающие международно-правовые и российские документы по ядерному нераспространению, выпускается под редакцией И.А. Ахтамзяна. Общая редакция учебного пособия осуществлена В.А. Орловым.

Все данные приведены по состоянию на 1 ноября 2001 г., если иное не оговорено особо.

Выражаем искреннюю благодарность В.Г. Барановскому, В.С. Белоусу, В.Е. Белякову, Н.Н. Васильеву, М.С. Виноградову, И.В. Голоскокову, И.И. Ефремову, Н.М. Емелину, А.В. Измайлову, В.П. Капашину, Д.А. Ковчегину, А.Б. Колдобскому, В.В. Корабельникову, Э.Ф. Крючкову, В.С. Кузнецову, В.Ф. Лате, Ю.Н. Мараховскому, Е.П. Маслину, В.П. Насонову, Ю.Д. Подгорных, Д.О. Рогозину, В.А. Романову, И.А. Сафранчуку, В.И. Сергееву, Е.С. Сиротинину, В.С. Слипченко, В.П. Тарасову, В.Г. Федченко, А.В. Хлопкову и К.П. Эггерту за их помощь и советы при подготовке второго издания.

Особая благодарность — правительствам Великобритании, Нидерландов, Норвегии и Швеции, а также Корпорации Карнеги Нью-Йорка, которые оказали поддержку при издании данного учебного пособия. Важно отметить, что все оценки и выводы, изложенные в учебном пособии, являются исключительно взглядами его авторов и редакторов. Они никоим образом не отражают позицию каких-либо государственных структур или организаций, оказавших содействие при издании учебного пособия. Всю ответственность за содержание учебного пособия несет ПИР-Центр.

Замечания и комментарии, а также заявки на получение учебного пособия следует направлять по адресу: ПИР-Центр, Трехпрудный пер., д. 9, стр. 1Б, Москва, 103001, Россия, по факсу (095) 234-9558 либо по электронной почте info@pircenter.org.

ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ В ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ

Ядерная эра началась в 1945 г., когда США стали первым государством, которое испытало ядерное оружие, и первым же (и единственным) государством, которое его применило. С неизбежностью за США последовал СССР, испытавший первое ядерное взрывное устройство (ЯВУ) в 1949 г. В 1952 г. ядерное оружие было создано в Великобритании, в 1960 г. во Франции и в 1964 г. в Китае. Одновременно со всей остротой встал вопрос о предотвращении ядерной войны: опыт Японии оказался слишком ужасен, чтобы к ядерному оружию можно было относиться просто как к «более мощной бомбе». Человечество впервые столкнулось с угрозой утраты своего бессмертия.

Значение режима нераспространения ядерного оружия

В 1950-е гг. казалось, что мир пойдет по пути распространения ядерного оружия, как это традиционно случалось со всеми новыми видами оружия. Большинство государств, обладавших мало-мальски развитой наукой и экономикой, запустили собственные ядерные программы, в том числе такие страны, как Австралия, Египет, Швейцария, Швеция. Однако на рубеже 1950-1960-х гг. ситуация стала меняться. В мире стало складываться более реалистичное и даже скептическое отношение к ядерному оружию. Стало яснее, каковы могут быть последствия его применения; появилось осознание того, что ядерное оружие в силу огромной разрушительной силы малоприменимо в таких традиционных военных целях, как захват территории, достижение ограниченных политических целей и т.п.; широко развернулось массовое антиядерное движение общественности; стали очевидны непомерные для многих стран расходы на его создание; уже успевшая овладеть ядерным оружием группа стран была готова воспрепятствовать появлению новых ядерных государств (ЯОГ). Все больше государств начало склоняться к тому, чтобы воздержаться от приобретения ядерного оружия при условии определенных гарантий безопасности, прежде всего — гарантии того, что их соседи и потенциальные противники также останутся безъядерными.

С другой стороны, страны, уже создавшие ядерное оружие, не проявили желания ликвидировать свои арсеналы, во всяком случае в обозримой перспективе (полное и всеобщее ядерное разоружение заявлено ими только как долгосрочная цель). В условиях «холодной войны» невозможно было даже надеяться, что СССР и США согласятся ликвидировать ядерное оружие: слишком глубокими были противоречия между ними и взаимное недоверие. Таким

образом, стремление большинства стран предотвратить угрозу ядерной агрессии путем создания безъядерного мира не могло быть полностью реализовано.

Следует также учитывать, что военные ядерные программы большинства стран задумывались не как ответ на ядерное оружие основных ЯОГ. Так, израильская программа была связана в основном с неурегулированностью региональной ситуации, в частности, с ощущением угрозы со стороны арабских стран. Египетская ядерная программа была спровоцирована ощущением угрозы со стороны Израиля, а также, особенно в 1950-е гг., опасениями относительно политики Великобритании и Франции (которые в 1956 г. предприняли попытку захватить контроль над Суэцким каналом).

Таким образом, к 1960-м гг. сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, уже само наличие ядерного оружия у небольшой группы стран провоцировало его распространение, с другой — подавляющее число государств было заинтересовано в запрещении ядерного оружия, в том числе с целью гарантированно предотвратить его распространение.

В итоге длительных официальных и неофициальных переговоров в 1960-е гг. был выработан своего рода компромисс — Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в соответствии с которым только пять государств, имевших ядерное оружие к моменту его заключения, сохраняли право официально им владеть, в то время как подавляющее большинство других стран добровольно отказывались от этого права. Тот факт, что большинство стран мира рассматривали ядерное оружие в региональном контексте, с точки зрения отношений с соседями, существенно облегчало достижение этого компромисса.

Оборотной стороной этого негласного признания исключительности пяти стран стало их обязательство в рамках ДНЯО вести дело к ядерному разоружению. Это обязательство, однако, является одним из самых слабых звеньев режима нераспространения, поскольку процесс разоружения является делом сложным, долгим и — как окончательно выяснилось только в конце 1980-х гг. — весьма дорогостоящим. ЯОГ не очень-то и спешат расставаться с этим оружием, даже несмотря на то, что чрезвычайно важный для них режим нераспространения нередко оказывается под угрозой.

В настоящее время лишь небольшая группа стран находится вне этого режима и почти все они — Израиль, Индия и Пакистан — имеют ядерное оружие, хотя и воздерживаются от его боевого развертывания. Кроме того, небольшая группа стран зарекомендовала себя в качестве ненадежных. Это прежде всего Ирак, который в 1980-е гг. в нарушение собственных обязательств осуществлял тайную военную ядерную программу, и Северная

Корея, которая создала полный плутониевый цикл, позволяющий в перспективе вести речь о создании ядерного оружия, а в 1994 г. даже заявила о намерении выйти из ДНЯО.

Режим ядерного нераспространения, несмотря на сложности, противоречия и не исчезающие до конца угрозы его существованию, стал составной частью системы международных отношений и одним из краеугольных камней правовой инфраструктуры международной безопасности.

Для того чтобы уяснить его роль, достаточно представить себе мир сегодня в том случае, если бы не удалось создать режим нераспространения. Вероятно, мы имели бы дело с полутора-двумя десятками ЯОГ (вряд ли больше, поскольку не следует преуменьшать сложность и дороговизну его создания), причем в наибольшей степени этим оружием были бы насыщены самые взрывоопасные регионы, такие, как Европа, Ближний Восток, Восточная и Южная Азия.

Остановить гонку вооружений в такой обстановке было бы крайне сложно. Достаточно вспомнить, сколько времени и сил потратили СССР (в 1990-е гг. Россия) и США на заключение *двусторонних* соглашений, чтобы понять, что достичь *многосторонних* договоренностей в условиях чрезвычайно сложного, многоуровневого ядерного баланса и крайнего взаимного недоверия было бы намного труднее. Каждое государство стремилось бы обладать ядерным потенциалом, достаточным для сдерживания сразу нескольких соседей в регионе (а наиболее крупные державы еще осуществляли бы стратегическое сдерживание стран, расположенных в других регионах). Потенциал, достаточный для сдерживания *нескольких* государств, был бы в то же время достаточен для успешного нападения на *одно* государство, и каждый из соседей усматривал бы в этих оборонительных мерах приготовление к агрессии.

В теории международных отношений этот феномен получил название «дилеммы безопасности»: государство, стремясь обеспечить собственную безопасность военными средствами может при этом создавать угрозу той стране, которой оно опасается, а также другим странам, провоцируя гонку вооружений и тем самым повышая угрозу самому себе. Именно такая ситуация создалась в 1980-е гг. в Европе, когда СССР модернизировал ракеты средней дальности, пытаясь сбалансировать нестратегические ядерные силы США, Великобритании и Франции одновременно и вызвав в ответ на это дополнительное развертывание американских ракет средней дальности. В условиях, например, Ближнего Востока аналогичная ситуация была бы намного более опасной.

Более того, не исключено, что мы уже были бы свидетелями одной-двух ограниченных ядерных войн. За последние полвека было достаточно вооруженных конфликтов, в которых участники

могли бы пойти на применение ядерного оружия, если бы оно у них было. Поскольку в ходе ирано-иракской войны в 1980-е гг. применялось химическое оружие, вполне возможно, что могло быть применено и ядерное.

Велика была бы вероятность распространения других видов оружия массового уничтожения (ОМУ) — химического и биологического, которые часто называют «ядерным оружием для бедных», поскольку их разработка и производство стоят меньше, чем создание или приобретение ядерного оружия. Соответственно возрасла бы и вероятность использования ОМУ в ходе вооруженных конфликтов.

Осознание исключительной важности режима нераспространения ядерного оружия определяет твердую позицию России с момента конститутирования ее в качестве независимого государства на его поддержку. основополагающие документы, определяющие внешнюю политику Российской Федерации, рассматривают нераспространение ядерного оружия в качестве одного из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности. В частности, Концепция национальной безопасности, принятая в январе 2000 г., относит «укрепление режима нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки» к основным задачам по обеспечению национальной безопасности РФ¹. В этом плане Россия последовательно продолжает линию СССР, который был одним из основоположников этого режима и одним из трех государств-депозитариев ДНЯО. Россия унаследовала роль депозитария Договора.

На России, как и на других постоянных членах Совета Безопасности (СБ) ООН, лежит особая ответственность. Исторически сложилось так, что именно пять постоянных членов СБ ООН являются ЯОГ. СССР (с 1992 г. — Россия), США, Великобритания, Франция и Китай сыграли ключевую роль в формировании системы международных отношений после окончания Второй мировой войны. Система международных отношений, сложившаяся в итоге Второй мировой войны, основана на решениях держав-победительниц (СССР/Россия, США, Великобритания, Китай, Франция). Они получили места постоянных членов СБ ООН, который, согласно статье 24 Устава ООН, несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. В соответствии с главой VII Устава ООН (Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии) СБ уполномочивается предпринимать такие военные действия, «которые окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности» (ст. 42).

¹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. №1300 (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. №24). *Дипломатический Вестник*, №2, 2000, с.3-13.

Закрепленный в статье IX.3 ДНЯО за этими державами статус ЯОГ создал исключительную ситуацию, когда пять постоянных членов СБ ООН являются одновременно единственными законными владельцами ядерного оружия. Хотя такое переплетение полномочий сложилось случайно (в 1945 г. никак нельзя было ожидать, что только постоянные члены СБ ООН станут ЯОГ), объективно оно возлагает на пять держав дополнительные права и обязанности. В январе 1992 г. в заявлении представителя СБ от имени его членов была выражена их общая позиция: проблемы распространения ОМУ, затрагивая международный мир и безопасность, подпадают под компетенцию СБ ООН.

Поддержание, а тем более укрепление режима нераспространения ядерного оружия требует прежде всего глубокого и полного знания его назначения, истории формирования и содержания. Не может быть прочной политика, которая основывается на слепом исполнении «указаний сверху» без осознания того, какой смысл эти указания имеют. В таком случае сотрудник таможни махнет рукой на подозрительный груз, ученый или журналист с легкой душой разработает обоснование, почему имело бы смысл вооружить то или иное государство ракетами с ядерными боеголовками, дипломат предпочтет «не суетиться» и упустит возможность укрепления режима, а политик примет решение о выходе из ДНЯО для достижения сиюминутных целей или поддавшись настроению.

Общеизвестно, что непосредственная, тактическая выгода может затмевать долгосрочный, стратегический выигрыш; общеизвестно и то, что это плохо. Но чтобы понять, в чем состоит долгосрочный интерес, нужен не только здравый смысл и патриотизм, но и глубокое знание предмета. Достаточно отсутствия лишь одного из этих трех компонентов — и политика может закончиться провалом.

Настоящее учебное пособие призвано дать ответ на три вопроса: «зачем», «как» и «что»? А именно:

- «Зачем» создан режим ядерного нераспространения, какой в нем заложен смысл и почему он отвечает долгосрочным интересам России и мирового сообщества?
- «Как» создавался режим ядерного нераспространения? Ответ на этот вопрос поможет понять, почему он приобрел именно те формы, в которых существует, включая достоинства и недостатки.
- «Что» представляет из себя режим ядерного нераспространения? Каковы его правовые основы, какие в него входят международные организации, какие ограничения на деятельность государств он накладывает?

Давая ответы на эти вопросы, авторы учебного пособия вместе с тем учитывают, что режим нераспространения ядерного оружия является живым, развивающимся организмом. Его сотрясают кризисы, меняющиеся международные условия создают новые

вызовы и угрозы его стабильности и самому существованию. Вместе с тем предпринимаются многосторонние и односторонние шаги по его укреплению, совершенствованию и приведению в соответствие с новыми условиями. Каждые пять лет собирается Конференция по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (КР ДНЯО) и почти каждый год — Подготовительный комитет, который обсуждает и принимает различные решения, касающиеся этого режима. На постоянной основе работает Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). Проводятся практически непрерывные консультации и переговоры между участниками Договора. Государства укрепляют свои режимы экспортного контроля (ЭК), а также системы физической защиты, учета и контроля ядерных материалов (ФЗУКЯМ).

С учетом этого авторы учебного пособия стремились не только представить целостную картину режима нераспространения, но и указать на его недостатки и возникающие трудности, а также наметить пути их преодоления. Авторы рассчитывают на то, что учебное пособие даст пищу для размышлений и поможет сформировать творческое, активное отношение читателей к проблеме нераспространения ядерного оружия, способствовал подготовке специалистов, на которых в будущем ляжет ответственность за принятие решений, связанных с повышением эффективности и, возможно, даже выживанием режима.

Определение и контекст режима нераспространения ядерного оружия

Интуитивно смысл понятия нераспространения ядерного оружия очевиден — речь идет о мерах, препятствующих распространению ядерного оружия и обеспечивающих неизменность решения стран, отказавшихся от его приобретения. Вместе с тем этот режим настолько сложен, что одного лишь интуитивного определения недостаточно. Требуется не только более строгое определение, но и понимание контекста, в котором он существует, а именно — его связь с режимами, относящимися к нераспространению других видов ОМУ и к сокращению вооружений.

Режим нераспространения ядерного оружия представляет собой совокупность международных договоренностей и организаций с участием как ядерных, так и неядерных государств, а также внутренних законодательств стран-участников, целью которых является предотвращение приобретения ядерного статуса государствами, которые не имели его к 1967 г.

Предметом режима являются все ЯВУ (поскольку было признано принципиально невозможным различить ЯВУ,

используемые в военных и в мирных целях, хотя обычно речь идет именно об оружии), а также материалы, оборудование и технологии, предназначенные для их изготовления.

Механизм режима состоит в регулировании поведения государств-участников, включая сохранение безъядерного статуса участников, которые не имели ядерного оружия к 1967 г.; непередачу ЯВУ, материалов, оборудования и технологий, предназначенных для их создания и производства, странам, имеющим неядерный статус, не участвующим в режиме или намеренным его нарушить; отказ неядерных государств (НЯОГ) от получения какими-либо средствами таких материалов, оборудования и технологий, а равно и ЯВУ; а также проведение переговоров между ЯОГ-участниками режима в направлении ликвидации этого оружия.

Приведенное выше определение включает ряд существенных моментов, которые требуют отдельного рассмотрения.

Во-первых, этот режим закреплен в целом ряде имеющих различный статус взаимосвязанных международных соглашений, центральное место среди которых занимает ДНЯО 1968 г.² Наряду с ним существуют другие важные соглашения, такие, как Устав МАГАТЭ и конвенции, заключенные под эгидой Агентства.

К системе соглашений, связанных непосредственно с режимом ядерного нераспространения, примыкает комплекс соглашений в области сокращения ядерного оружия, в том числе двусторонние советско- (российско-) американские договоры и ряд многосторонних соглашений (например, о запрещении испытаний ядерного оружия, о неразмещении оружия в Антарктике, на Луне и других небесных телах, на дне морей и океанов и т.д.). С режимом нераспространения напрямую связаны договоры о создании зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО).

Во-вторых, режим ядерного нераспространения является институционально развитым, т.е. включает в себя значительное число организаций и других форм регулярного взаимодействия участников. Так, частью режима стало МАГАТЭ, созданное в 1950-е гг., т.е. более чем за десятилетие до заключения ДНЯО, которому были приданы ключевые функции по обеспечению его действенности, в том числе по определению того, какие материалы и деятельность подлежат контролю, и по осуществлению контроля на местах за деятельностью как ЯОГ, так и НЯОГ-участников.

Частью режима являются два международных механизма, формально в него не входящие, но играющие ключевую роль в выработке совместных действий наиболее развитых государств (т.е. тех, которым есть что передавать потенциальным нарушителям) в

² Договоры обычно датируются годом подписания. ДНЯО был подписан в 1968 г., но вступил в силу в 1970 г.

области ЭК. Это созданный в 1971 г. Комитет ядерных экспортеров, известный как Комитет Цангера, а также созданная в 1974 г. Группа ядерных поставщиков (ГЯП).

Плотная сеть разнообразных институтов, связывающих участников режима, укрепляет его стабильность и способность своевременно реагировать на изменения ситуации, вырабатывая меры по повышению эффективности.

В-третьих, частью режима является связанное с ним внутреннее законодательство каждой страны-участника, особенно тех из них, кто располагает высокоразвитой ядерной промышленностью. В частности, речь идет о законодательстве, касающемся учета и контроля за расщепляющимися материалами и ЯВУ, а также системы ЭК, препятствующей легальному и контрабандному вывозу подлежащих контролю предметов за рубеж. Национальное законодательство в этой области основывается на системе гарантий, разрабатываемых МАГАТЭ, а также документах Комитета Цангера и ГЯП. Вместе с тем каждая страна по-своему преломляет в своей юридической практике эти документы, иногда устанавливая даже более жесткие ограничения, чем требуют международные документы, а также сама решает вопросы их воплощения в жизнь.

Ядерное оружие определяется как предназначенные для военных целей ядерные устройства с неконтролируемым выделением энергии, получаемой при делении или синтезе расщепляющихся материалов. Юридическое определение ЯВУ для целей нераспространения приведено в главе 4, но следует учитывать, что общепринятого определения не существует: например, каждый из договоров о создании ЗСЯО оперирует своим собственным определением. Впрочем, все они очень близки.

Ядерное оружие является частью более широкого понятия *оружие массового уничтожения*, в которое входят также химическое и биологическое оружие. Отличительной чертой всех видов ОМУ является способность к широкомасштабному неизбирательному уничтожению людей. Ядерное оружие привлекает наиболее пристальное внимание в связи с его наиболее разрушительным характером, способностью уничтожать не только людей, но и объекты, материальные ценности, а также крайне тяжелым долгосрочным воздействием на окружающую среду. В связи с этим именно ему уделяется особое внимание в разоруженческой деятельности, и не случайно, что именно с ним связан первый и наиболее развитый режим нераспространения.

Практика показала, что ограничивать распространение ядерного оружия в определенной мере легче, чем других видов ОМУ: его создание требует специфических материалов и оборудования, которые лучше поддаются контролю, а также значительных материальных и финансовых ресурсов.

Международно-правовые документы в отношении ОМУ сосредоточились вокруг неизбирательности его применения. Целый ряд международных документов, начиная с Санкт-Петербургской декларации 1868 г. и Гаагской конвенции 1907 г., принятых по инициативе России, настаивают на том, что в боевых действиях должны участвовать только комбатанты, в то время как мирное население следует максимально ограждать от последствий военных действий. Исходя, в частности, из этих соображений, Международный суд в 1996 г. принял консультативное заключение о том, что *«угроза ядерным оружием или использование ядерного оружия в целом противоречат правилам международного права, применяемого в вооруженных конфликтах, и, в частности, принципам и правилам гуманитарного права»*. Хотя Международный суд не принимал аналогичных решений в отношении химического и биологического оружия, де-факто оно распространяется и на них.

Химическое и биологическое оружие

Химическое оружие появилось раньше других видов ОМУ: оно было впервые применено во время Первой мировой войны Германией, а затем и другими странами. Несколько позже, в межвоенный период, начались разработки биологического оружия; наиболее масштабная программа была развернута Японией. Заслуживает внимания быстрое формирование «нормы неприменения» в отношении как химического, так и биологического оружия. Уже в 1925 г. Женевский протокол запретил применение такого оружия, хотя не все страны присоединились к нему. Наличие довольно больших запасов химического оружия в годы Второй мировой войны не сопровождалось его применением, в частности потому, что слишком велик был риск ответных действий других стран. Речь, однако, может идти и о более глубоком феномене: формировании психологического сопротивления самой идее применения ОМУ.

Эта ситуация повторилась и в случае с ядерным оружием: вскоре после его создания, уже в конце 1940-х гг. началось массовое антиядерное движение, которое способствовало появлению схожей моральной «нормы неприменения». Ситуация взаимного ядерного сдерживания СССР и США способствовала быстрому закреплению этой нормы.

В отношении химического и биологического оружия международное сообщество предпочло прямой путь — запрещение и ликвидацию этих видов ОМУ. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении (КХО) была заключена в 1993 г. и вступила в силу в 1997 г.

КХО по своему характеру и полноте схожа с режимом нераспространения ядерного оружия в том плане, что она не только запрещает это оружие, но также предусматривает контроль за соблюдением ее положений и меры по предотвращению приобретения его государствами, которые не являются ее участниками или намереваются ее нарушить.

В 1972 г. была заключена Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБО). КБО на настоящий момент не имеет механизма контроля, что ощутимо снижает ее эффективность. С 1994 г. в Женеве начались заседания Спецгруппы государств-участников КБО для подготовки протокола по контролю. Как и в случае с КХО, одной из наиболее сложных задач является нахождение баланса между надежностью системы контроля и сохранением коммерческой тайны. Достигнутый в согласовании протокола прогресс был в значительной мере обесценен тем, что в июле 2001 г. администрация Джорджа Буша отказалась от поддержки так называемого «проекта председателя», т.е. практически согласованного текста.

Режим контроля за средствами доставки оружия массового уничтожения

К режимам нераспространения ОМУ тесно примыкает Режим контроля за ракетной технологией (РКРТ). Его появление на свет в 1987 г. было связано с озабоченностью относительно того, что ряд стран находился или мог встать на путь создания собственных ядерных или химических боеприпасов, и соответственно возникла необходимость ограничить распространение средств доставки ОМУ, что позволило бы воспрепятствовать созданию боевого ракетного оружия.

Следует вместе с тем отметить, что РКРТ имеет ограниченное применение и не столь развит, как режим нераспространения ядерного оружия. Так, он предусматривает ограничения только на один вид средств доставки ядерного оружия.

Кроме того, в изначальном варианте режима отсутствовали ограничения на передачу ракетной техники и технологии ряду стран, например Израилю, т.е. он носит в определенной мере дискриминационный характер. Наконец, неполно были проработаны вопросы, связанные с использованием космоса в мирных целях, — именно тот аспект, который в отношении режима нераспространения ядерного оружия был решен удовлетворительно, и этот опыт можно было использовать в РКРТ. Впрочем, по мере развития этого режима последний недостаток был несколько ослаблен; в частности, страны, присоединившиеся

к режиму, имеют доступ и к использованию ракет-носителей стран, которые владеют такими средствами. Все же возможность независимого развития мирных ракетных программ существенно ограничена.

Эти недостатки стали причиной того, что СССР первоначально не присоединился к РКРТ, хотя создавшие режим семь западных стран, включая США, практически сразу же передали СССР соответствующее предложение. Советский Союз согласился только начать консультации, впрочем, признавая полезность в принципе этого режима.

Одним из важных возражений СССР было то, что принятие новых членов зависело от желания западных государств, т.е. союзникам СССР могло быть отказано в приеме; это возражение было снято объективным ходом событий — прежде всего окончанием «холодной войны». Более серьезной была обеспокоенность тем, что режим не охватывал передачи самолетов, в том числе типов, способных нести ядерное оружие. Эта проблема также утратила остроту с исчезновением блоковой структуры мира. В дальнейшем определенного времени потребовало согласование условий вступления в РКРТ, а также возникли вопросы, связанные с сотрудничеством в ракетной области со странами, не участвующими в режиме. Так, в 1992-1993 гг. особую остроту приобрел вопрос о поставке в Индию российских криогенных ракетных двигателей, которая по крайней мере частично расходилась с ограничениями РКРТ. После длительных переговоров объем этого контракта был сокращен.

СССР, а вслед за ним и Россия де-факто придерживались положений РКРТ, стремясь одновременно сгладить его недостатки. Постепенно число стран-участниц режима возрастало, и режим начинал приобретать менее дискриминационный характер в отношении мирного применения ракетной техники, на чем настаивала Россия. В конечном итоге в 1995 г. Россия официально присоединилась к РКРТ.

РКРТ значительно менее институционализирован, чем режим нераспространения ядерного оружия. Он не оформлен договором; вместо этого существует договоренность, выраженная в совместном заявлении семи стран — первоначальных участниц режима, к которой в дальнейшем присоединялись новые страны. При этом конкретные условия присоединения зачастую согласовывались дополнительно, в результате чего содержание режима изменялось.

РКРТ представляет собой «клуб», в рамках которого разрешаются практически неограниченные передачи ракетной техники и технологий, но за пределы которого такие поставки, как правило, не производятся.

В центре РКРТ находится запрет на поставки баллистических ракет с дальностью свыше 300 км и полезной нагрузкой свыше 500 кг.

Наиболее детализированным элементом этого режима являются два списка товаров, поставки которых запрещены или ограничиваются; эти списки охватывают компоненты ракет запрещенной категории, а также технологии и специальные материалы, используемые при их производстве. Причем эти списки настолько детализированы, что по существу означают запрет на передачу компонентов и технологий для любых ракет, поскольку в большинстве случаев невозможно различить технологию для ракет, скажем, с дальностью 250 или 350 км.

Страны, не участвующие в режиме, практически не имеют доступа к ракетной технике ни в каком виде. С учетом бурного развития мирной космонавтики и экспоненциального возрастания значения спутников страна, находящаяся вне РКРТ, рискует остаться в экономическом проигрыше. Даже для России, которая является одной из ведущих космических держав, неучастие в РКРТ грозило исключением из международного рынка космических пусков. Речь в данном случае идет о системе побудительных мотивов, «прянике», который стимулирует присоединение к режиму нераспространения и заставляет оставаться в его рамках.

Вне всякого сомнения, РКРТ представляет собой дискриминационную структуру, препятствующую не только созданию боевой ракетной техники (что, в общем, является законной целью), но и фактически развитию мирного космоса, включая такие программы, как исследования космического пространства и Земли из космоса, спутниковая связь и т.д. Дискриминационный характер подчеркивается тем, что ограничения не распространяются на некоторые существовавшие до появления РКРТ программы сотрудничества, такие, как американско-израильская программа. По сути дела, единственный способ обеспечить возможность пользоваться плодами технического прогресса заключается в том, чтобы присоединиться к РКРТ. Этот процесс, однако, далек от автоматизма, и не каждая страна может рассчитывать на принятие в него в отличие от ДНЯО, для участия в котором достаточно ратификации. Следует признать, что при всех многочисленных нареканиях режим нераспространения ядерного оружия является все же менее дискриминационным, чем РКРТ.

В ходе встречи «восьмерки» на высшем уровне в Кельне в 1999 г. Россией было выдвинуто предложение о создании «глобальной системы контроля» (ГСК) — режима, призванного инкорпорировать положительные черты РКРТ и одновременно сгладить его дискриминационные стороны, в особенности в том, что касается развития международного сотрудничества. Прошедшие весной 2000 г. в Москве консультации по этому вопросу выявили значительную заинтересованность со стороны развивающихся стран, и заметно более прохладное отношение промышленно развитых стран, которые располагают наиболее развитой ракетно-

космической техникой. Спустя год, в начале 2001 г., в Москве состоялись вторые консультации по вопросу о ГСК, которые отличались заметно большей степенью заинтересованности западных государств.

В целом можно отметить, что РКРТ, несмотря на определенные недостатки, сыграл положительную роль, способствуя снижению угрозы распространения ракетных средств доставки ядерного и других видов ОМУ. Вместе с тем данный режим нужно и можно совершенствовать, прежде всего в направлении снижения дискриминационности и расширения возможностей мирного сотрудничества и мирных космических программ. По всей видимости, позитивный отклик на российскую инициативу о создании ГСК со стороны развивающихся стран, так же как и осторожный пока что интерес со стороны развитых стран связан с осознанием необходимости совершенствования РКРТ, в том числе и с целью повышения его привлекательности. В этом случае можно было бы придать ему юридически обязывающий характер, а также усовершенствовать и сделать более объективным контроль за его соблюдением. Усилия в этом направлении, впрочем, потребуют значительного времени, уже хотя бы в силу сложности стоящих задач.

Вызовы режиму нераспространения ядерного оружия

При том, что в течение последних десятилетий режим ядерного нераспространения сыграл ключевую роль в обеспечении международной безопасности, надо отчетливо осознавать, что ускользаться опасно, поскольку его сохранение далеко не гарантировано. Парадоксальным образом окончание «холодной войны», роспуск Организации Варшавского Договора (ОВД) и разрушение биполярной структуры мира увеличили число вызовов стабильности режима.

Так, в начале 1990-х гг. потребовалось срочно решать вопрос о судьбе советского ядерного арсенала, который оказался разбросанным на территории нескольких новых независимых государств (ННГ). Политические и экономические преобразования в России вместе со значительными сокращениями ядерного арсенала потребовали внесения изменений в систему защиты и учета расщепляющихся материалов, а также в систему экспортного контроля. В 1993-1994 гг. возник кризис вокруг Северной Кореи, которая объявила о намерении выйти из ДНЯО. В 1998 г. Индия и Пакистан провели серию ядерных испытаний. Затормозился процесс сокращения ядерных арсеналов.

Перечень вызовов можно продолжить, но главное ясно — возник целый ряд дестабилизирующих факторов, бороться с

которыми оказалось достаточно непросто. В значительной мере это связано с тем, что исчезла ситуация противостояния и одновременно сотрудничества двух сверхдержав, которые могли в той или иной степени контролировать поведение многих государств мира. Некоторые были их союзниками, другие опасались вызвать совместный гнев двух наиболее мощных государств мира.

Основные причины возникновения вызовов режиму нераспространения ядерного оружия и возрастания его уязвимости, можно свести к следующим:

- противоречивый, переходный характер системы международных отношений, включая ослабление международно-правовых регуляторов применения силы и обеспечения безопасности государств, прежде всего ООН, связанное с этим сохранение и даже усиление тенденций к разрешению международных конфликтов, противоречий и разногласий с помощью военной силы;
- появление у сравнительно небольшой группы государств высокоэффективных видов обычного оружия, по своим характеристикам приближающихся к ОМУ;
- возрастание разрыва между большинством государств мира и группой наиболее продвинутых в военно-техническом отношении стран, ведущее к более «свободному» применению силы со стороны последних и создающее стимулы для первых стремиться к приобретению ядерного оружия как средства сдерживания;
- технический прогресс, способствующий преодолению разрыва между государствами, способными и неспособными к созданию собственного ядерного оружия, и связанное с этим начавшееся снижение эффективности системы экспортного контроля;
- относительное повышение роли ядерного оружия в политике безопасности ряда ЯОГ, включая Россию, которое может восприниматься НЯОГ как пример;
- появление негосударственных действующих лиц, таких, как политические организации и террористические группы, стремящихся приобрести ОМУ, контроль за деятельностью которых затруднен.

Эволюция системы международных отношений и нераспространение

Окончание «холодной войны» привело к размыванию жесткой биполярной структуры мира (включавшей не менее четко определенную группу неприсоединившихся стран) и повышению числа степеней свободы индивидуальных государств при принятии решений в области внешней и оборонной политики. Мир сегодня

переживает переходный период, и неясно, как система международных отношений будет выглядеть в будущем. В Концепции национальной безопасности России (2000) отмечается, что «после окончания эры биполярной конфронтации возобладали две взаимоисключающие тенденции»³ — к формированию многополярного мира и к миру однополярному. Уже сама ситуация неопределенности создает новые возможности и стимулы для приобретения ядерного оружия, которые раньше не существовали или были выражены слабее, чем сегодня.

Если до конца 1980-х гг. стабильность этого режима в значительной мере обеспечивалась двумя сверхдержавами, сотрудничество которых играло ключевую роль и оставалось неизменным даже в периоды резкого обострения отношений между ними⁴, то вне контекста биполярной структуры международных отношений латентно существовавшие стимулы к приобретению ядерного оружия усилились, в то время как способность системы к противодействию такой политике отдельных государств снизилась. Речь идет, в частности, об эффективности такого основополагающего элемента режима нераспространения, как ограничения на передачу технологий, оборудования и расщепляющихся материалов⁵.

Среди новых стимулов для приобретения ядерного оружия — парадоксальное и неожиданное возрастание роли военной силы. Биполярная структура, характерная для периода «холодной войны», обеспечивала не только принуждение, но и до определенной степени защиту от нападения. Это относилось и к странам «третьего мира»: две сверхдержавы подозрительно следили друг за другом и старались блокировать применение силы против «нейтралов», которое могло привести к усилению противостоящего блока.

В течение некоторого периода времени казалось, что система международных отношений плавно перейдет в новое качество: СБ ООН будет по-прежнему контролировать применение силы, но при этом будет функционировать на неконфронтационной основе. Так называемая «война в Заливе» в связи с агрессией Ирака против Кувейта в 1990 г. стала первой демонстрацией единодушия и сотрудничества постоянных членов СБ. Уже применение силы в Боснии, хотя и санкционированное ООН, вызвало резкие разногласия в СБ.

Лишь спустя десятилетие, после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне в сентябре 2001 г., вновь сложилась

³ Концепция национальной безопасности Российской Федерации, с.4.

⁴ См.: Potter William. Nuclear Power and Nonproliferation: An Interdisciplinary Perspective. Cambridge (Mass.), Oelgeschlager, Gunn, & Hain, 1982; Potter William. Nuclear Proliferation: US-Soviet Cooperation. *Washington Quarterly*, Winter 1985.

⁵ См., например, Roberts Brad. From Nonproliferation to Antiproliferation. *International Security*, No.1, Vol.18, Summer 1993.

широкая международная коалиция, объединившая в своих рядах и НАТО, и Россию. На момент написания настоящего учебного пособия было еще не ясно, выльется ли сотрудничество по данному конкретному вопросу в новое качество системы международных отношений. Заслуживает внимания, что, как и в 1990-1991 гг., антитеррористическая операция 2001 г. поставила вопрос об укреплении режима нераспространения ядерного оружия в связи с опасениями, что компоненты ядерного оружия могли попасть в руки террористов.

Снижение роли ООН в 1990-е гг. объективно создавало стимулы для приобретения ядерного оружия теми государствами, которые не вошли в «американскую группу» (НАТО и другие союзники США). Серия больших и малых конфликтов, на которые не спрашивалось прямого согласия СБ ООН (война против Югославии весной 1999 г. была лишь наиболее крупной акцией среди ряда аналогичных конфликтов), воспринимается многими странами как свидетельство того, что международное право и международные институты не могут обеспечить их безопасности. Ядерное оружие в этом контексте может восприниматься как существенная часть оборонной политики.

При оценке воздействия эволюции системы международных отношений на режим нераспространения важно иметь в виду, что этот режим является пусть и ключевым, но все же лишь инструментом обеспечения международной безопасности. Размывание других международно-правовых механизмов обеспечения безопасности неизбежно влияет и на эффективность нераспространения. Сам по себе, в одиночестве он не способен обеспечить безопасность ни одного, даже самого мощного государства. В частности, размывание полномочий ООН подрывает юридические основы режима нераспространения, поскольку, как отмечено выше, пять «легальных» ЯОГ одновременно являются постоянными членами СБ.

Значительную роль также сыграла быстрая эволюция обычных вооружений, резко возрастающий «отрыв по качеству», продемонстрированный США и в меньшей степени их союзниками в серии войн и конфликтов 1990-х гг. При этом резкое снижение потерь (до нуля на Балканах в 1999 г.) нападающей стороны делает применение силы еще более вероятным. Страны, которые опасаются, что против них может быть применена по тому или иному поводу сила, вынуждены идти на непосильное для них бремя наращивания и модернизации вооруженных сил. В этих условиях может показаться более привлекательным — и даже, возможно, более доступным по цене — ядерное оружие.

Эти процессы развиваются на фоне ускоряющегося технического прогресса, который делает ядерное оружие технологически более доступным (хотя все еще крайне сложным и

дорогим), а систему ограничений на передачу материалов, оборудования и технологии, вокруг которых построено противодействие попыткам нарушить режим нераспространения, менее эффективной. По сравнению с 1960-ми гг., когда формировался режим нераспространения ядерного оружия, число государств, способных приобрести ядерный статус, возросло во много раз.

Частично этот вопрос решается за счет дальнейшего ужесточения экспортных ограничений, включая расширение списка товаров и технологий, подпадающих под ЭК, а также усиления системы гарантий МАГАТЭ по отслеживанию мирной ядерной деятельности. Все же нет уверенности в том, что даже более строгий контроль позволит надежно перекрыть возможные секретные программы: предыдущее поколение ограничительных мер оказалось неэффективным против иракской программы 1980-х гг. При том, что эффективность ЭК можно и должно повышать, не следует забывать о том, что в первую очередь следует обращать внимание на устранение стимулов для приобретения ядерного оружия с тем, чтобы по крайней мере сократить до абсолютного минимума число стран, которые хотели бы его приобрести или продать. Пока что удается сохранять относительно стабильную ситуацию в этой области и даже добиться прекращения ряда национальных ядерных программ (например, в ЮАР, Швейцарии), но не следует и закрывать глаза на сохранение рисков и вызовов устойчивости режима, с которыми одни лишь системы ЭК не справятся.

Налицо и противоречия в осуществлении режима. Так, США согласились соорудить легководный реактор в Северной Корее в обмен на отказ от ее выхода из режима ядерного нераспространения, постановку имеющегося тяжеловодного реактора под гарантии МАГАТЭ и закрытие его в будущем. Одновременно США резко возражают против российско-иранского контракта по сооружению легководной АЭС в Бушере. Вне всякого сомнения, здесь наличествует двойной стандарт, и недовольство России действиями США обоснованно. С американской же точки зрения все иначе: без компромисса с Северной Кореей дело обстояло бы еще хуже, в то время как иранскую программу можно было бы просто закрыть. Даже то, что АЭС в Бушере находится под гарантиями МАГАТЭ, США не останавливает: после истории с Ираком эти гарантии более не считаются полностью надежными.

Нельзя не признать, что вне зависимости от обоснований отсутствие последовательности в применении условий режима нарушает логику его юридических положений и подрывает эффективность. Международное право основано на принципе суверенного равенства государств, поэтому, например, неправомерно снисходительно относиться к ядерной программе

одной страны и с предельной жесткостью к другой. Такого рода внутренние противоречия рано или поздно проявят себя.

Наконец, существует группа стран, технологический и экономический потенциал которых делает любые ограничения на экспорт бессмысленными. Скажем, Япония, Германия или Швейцария способны быстро создать ядерное оружие сами, не пользуясь ничьей помощью. Немалый потенциал в этом плане имеется у Бразилии и Аргентины. Пример ЮАР, Индии, Пакистана и Израиля показывает, что непреодолимых препятствий на пути создания ядерного оружия не существует. С учетом этого строгость и единообразие применения всех норм режима всеми странами приобретает особое значение.

Ядерные вооружения и доктрины ЯОГ

С окончанием «холодной войны» отношение ЯОГ к ядерному оружию начало меняться, но этот процесс не был линейным. Если в начале десятилетия ожидалось быстрое сокращение ядерных арсеналов и своего рода «обесценивание» ядерного оружия в политическом и военном отношениях, то спустя десятилетие выяснилось, что ситуация далеко не столь однозначна. В основе ядерной политики всех ЯОГ лежит та или иная модификация доктрины сдерживания. Роль ядерного оружия в политике безопасности России возросла, а в США ему приданы некоторые новые функции.

Сокращение вооружений также протекало неоднозначно. С одной стороны, Россия и США завершают выполнение Договора СНВ-1 и осуществляют объявленные в одностороннем порядке сокращения нестратегического ядерного оружия; Великобритания и Франция также произвели односторонние сокращения своих ядерных арсеналов. С другой стороны, планы США по развертыванию национальной системы противоракетной обороны (ПРО) могут в перспективе привести к новому витку гонки ядерных вооружений, а Китай, как ожидается, вскоре приступит к модернизации и количественному наращиванию своих ядерных вооружений.

При этом практически повсеместно признается, что ядерные арсеналы России и США являются избыточными и подлежат дальнейшему сокращению. Вопрос главным образом заключается в том, до каких пределов и каким образом сокращать оружие, с тем чтобы сохранился стратегический баланс, основанный на взаимном ядерном сдерживании.

Стратегия «ядерного сдерживания» подразумевает способность нанесения неприемлемого ущерба нападающей стороне в ответных действиях: неспособность одержать «победу» в ядерном конфликте

Таблица. Ядерные арсеналы ЯОГ

Страны	МБР	БРПЛ	Стратегическая авиация	Всего стратегических вооружений	Нестратегические вооружения
США	Носители: 577 Боезаряды: 2 079	Носители: 448 Боезаряды: 3 616	Носители: 274 Боезаряды: 1 318	Носители: 1 299 Боезаряды: 7 013	Боезаряды: 700-1 000 (оценка)
Россия	Носители: 742 Боезаряды: 3 364	Носители: 376 Боезаряды: 1 868	Носители: 80 Боезаряды: 626	Носители: 1 198 Боезаряды: 5 858	Боезаряды: 5 710 (оценка)
Велико-британия		Носители: 32 Боезаряды: 160		Носители: 32 Боезаряды: 160	
Франция		Носители: 64 Боезаряды: 384		Носители: 64 Боезаряды: 384	Боезаряды: 69
Китай	Носители: 20 Боезаряды: 20	Носители: 12 Боезаряды: 12		Носители: 32 Боезаряды: 32	Боезаряды: 464

Примечания:

1. В таблице отражены количества так называемых «развернутых» боезарядов, т.е. тех, которые могут быть использованы в одном пуске/вылете, и не включены «запасные» боезаряды, находящиеся на хранении.

2. Таблица использует классификацию носителей ядерного оружия, принятую в советско- и российско-американских соглашениях о сокращении вооружений. Данная классификация, однако, не является общепринятой; так, Франция и Китай относят значительную часть своих вооружений, которые по российско-американской классификации имеют среднюю или тактическую дальность, к категории стратегических.

3. Количества нестратегических боезарядов России и США, а также ядерных вооружений Китая являются оценочными: официально эти данные не публиковались.

4. Количества стратегических вооружений России и США приведены в соответствии с правилами засчета, принятыми в Договоре СНВ-1. В соответствии с этими правилами вооружения не выводятся из засчета до тех пор, пока не выполнены определенные процедуры, даже если сами носители уже сняты с боевого дежурства. Так, число МБР США составляет на 150 меньше указанного в Меморандуме о договоренности, число БРПЛ — меньше на 32, число стратегических бомбардировщиков составляет 138; для России количество БРПЛ составляет, по всей видимости, 320. Кроме того, СНВ-1 предусматривает специальный порядок засчета боезарядов на стратегических бомбардировщиках: например, бомбардировщик, оснащенный бомбами и ракетами малой дальности, засчитывается как один боезаряд независимо от того, сколько вооружения он несет на самом деле.

Источники: Меморандум о Договоренности к Договору СНВ-1 на 1 июля 2001 г.; Дьяков А.С. Сокращение ядерных вооружений и вопросы транспарентности. Доклад на семинаре в ПИР-Центре, Москва, 8 октября 1998 г.; Federation of American Scientists Nuclear Forces Guide. Status of Nuclear Powers and Their Nuclear Capabilities as of 1 January 1999.

является одним из факторов, делающих это оружие практически неприменимым (к числу других факторов относятся, например, психологическое и политическое отторжение самой идеи даже ограниченного применения ядерного оружия, так что агрессия такого рода сделала бы любое государство парией, юридические запреты и т.д.).

Ответный удар может наноситься как по предупреждению о нападении («ответно-встречный удар»), так и в ответ на него — быть «вторым (ответным) ударом», т.е. страна, подвергшаяся нападению, «переживает» первый удар агрессора и лишь затем применяет ядерное оружие. Второй вариант считается более способствующим поддержанию стратегической стабильности; первый связывают в основном с ситуацией, когда ядерные вооружения уязвимы по отношению к потенциалу другой стороны и могут быть потеряны в случае агрессии.

Кроме того, различают полномасштабное сдерживание (часто определяемое как «взаимное гарантированное уничтожение») и минимальное. В первом случае речь идет об основательном разрушении, практически уничтожении напавшей стороны. Второй вариант исходит из того, что даже минимальный ответный удар будет неприемлем для агрессора, и поэтому нет необходимости содержать большой арсенал ответного удара. Ориентация на ядерное сдерживание предполагает взаимную уязвимость каждого ЯОГ для ответного удара. Эти соображения легли в основу заключенного СССР и США в 1972 г. Договора по ПРО, запретившего разрывание систем обороны национальной территории.

Ядерное оружие также зачастую рассматривается как гарантия от поражения в обычной войне. Теоретическое обоснование этой стратегии было разработано НАТО в годы «холодной войны» и вылилось в стратегию использования ядерного оружия первым (в отличие от стратегии первого ядерного удара, под этим термином обычно понимается использование ядерного оружия в ответ на неядерное нападение), а также в теорию «ограниченной ядерной войны», т.е. применения сравнительно небольшого числа ядерных боеприпасов для отражения нападения обычных вооруженных сил.

В течение 1990-х гг. имело место постепенное повышение роли ядерного оружия в политике безопасности России, связанное с огромным превосходством НАТО в обычных вооруженных силах и опасениями, что эти силы могут быть применены против России. Эта обеспокоенность лишь возросла вследствие упомянутых выше процессов — таких, как снижение роли СБ ООН и более «легкое» отношение НАТО к использованию военной силы. В то же время наличие огромного, лишь немного уступающего американскому, арсенала ядерного оружия является в настоящее время одним из важных факторов, которые обеспечивают России место одного из мировых геополитических центров.

В начале десятилетия Россия «по умолчанию» отказалась от официальной советской политики неприменения ядерного оружия первой⁶, исключив это положение из официальных документов. Принятые в 2000 г. Концепция национальной безопасности и военная доктрина предусматривают возможность применения ядерного оружия «в случае необходимости отражения вооруженной агрессии, если все другие меры разрешения кризисной ситуации исчерпаны или оказались неэффективными»⁷. Это положение обычно трактуется как позволяющее применять ядерное оружие в широком спектре ситуаций, в том числе в ответ на ограниченное применение обычных вооруженных сил против России. Вместе с тем предусматриваемые Концепцией национальной безопасности модернизация и повышение эффективности обычных вооруженных сил должны привести к снижению опоры на ядерное оружие. Наконец, важно осознавать, что сама постановка вопроса об увеличении опоры на ядерное оружие, пусть и временная, связана с ощущением угрозы, исходившей от применения силы на Балканах, перспективы развертывания США противоракетной обороны и т.д. При налаживании отношений с США и НАТО можно ожидать снижения роли ядерного оружия в политике национальной безопасности России.

США в середине 1990-х гг. официально приняли стратегию «второго удара», закрепленную в президентской директиве №60, которая осталась, впрочем, засекреченной⁸. Тем не менее просочившиеся в открытую печать данные об американских планах нацеливания (2 260 целей в России, а также неназванное количество целей в Китае, Иране, Ираке и Северной Корее)⁹ вызывают определенные сомнения в официальной версии¹⁰. Беспокоит приписывание ядерному оружию роли сдерживания других видов ОМУ, что противоречило бы негативным гарантиям НЯОГ; официально США такой вариант использования ядерного оружия пока не принимали. В контексте дискуссии о придании ядерному оружию новых задач раздаются призывы к созданию новых типов боезарядов малой и сверхмалой мощности, пригодных для нанесения «точечных» ударов. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), пусть и

⁶ Основные положения военной доктрины Российской Федерации. *Российская Газета*, 18 ноября 1993.

⁷ Концепция национальной безопасности Российской Федерации, с.3-13.

⁸ Описание этой директивы было дано тогдашним помощником Президента США по национальной безопасности Робертом Беллом. *Arms Control Today*, No.8, Vol.27, November-December 1997, p.23.

⁹ Donnelly John. Senator Confirms Secret U.S. Nuclear Targeting Plan. *Defense Week*, 12 June 2000.

¹⁰ Существующие планы нацеливания «верстались» для уровня 2 500 развернутых боезарядов на стратегических носителях, достижение которого предполагалось в рамках СНВ-3.

не вступивший в силу, а также связанный с ним многосторонний мораторий на ядерные взрывы препятствуют работам в этом направлении.

Великобритания и Франция, сократив свое ядерное оружие в 1990-е гг., приняли доктрину минимального ядерного сдерживания. Аналогичных взглядов придерживается и Китай, хотя его официальная доктрина не концептуализирована в этих терминах; Китай, кроме того, является единственным ЯОГ, придерживающимся политики неприменения ядерного оружия первым. Вместе с тем Китай, по многим оценкам, впервые за много лет приступает к модернизации своего стратегического и тактического арсенала, что связывается обычно с планами США по созданию национальной ПРО и ПРО театра военных действий в Азии.

Возрастание роли ядерного оружия как политического и военного инструмента не может не оказывать влияния на подходы других стран, повышая их интерес к ядерному оружию. При этом мнение о потенциальной политической эффективности этого оружия как средства предотвращения возможной агрессии, а не ведения боевых действий после того, как агрессия уже совершилась, только подкрепляет представление о его ценности и создает предпосылки для размывания режима нераспространения¹¹.

Противоречия компонентов политики

Военные доктрины России и других ЯОГ воплощают в себе противоречие различных компонентов политики. С одной стороны, как отмечалось выше, нераспространение является одним из приоритетных направлений политики национальной безопасности РФ. С другой стороны, представление о появлении новых вызовов безопасности и возросшая уязвимость страны по отношению к потенциальным внешним угрозам заставляет в большей мере полагаться на ядерный арсенал, что косвенно увеличивает вероятность распространения ядерного оружия, которое, в свою очередь, может привести к новому ухудшению в сфере безопасности.

Аналогичные противоречия характерны и для других ядерных стран. Например, США, обеспечивая политическое прикрытие Израиля, фактически защищают и его ядерный арсенал от арабских стран, подрывая тем самым поддержку этими странами режима нераспространения. В результате США своими руками усиливают угрозу нераспространению, которое является одним из центральных приоритетов американской политики национальной безопасности.

¹¹ Евстафьев Г.М. Дискуссия о будущем ядерного оружия только разворачивается. *Ядерный Контроль*, №6, июнь 1995, с.18-19.

Можно усмотреть и противоречие в линии многих НЯОГ на ужесточение требований к ЯОГ. Например, не прямые, но достаточно явные угрозы НЯОГ, что в отсутствие прогресса в разоружении, включая возможные негативные для разоружения последствия развертывания Соединенными Штатами систем ПРО, может вызвать разрушение режима нераспространения, дополнительно стимулируют и обеспечивают предлог для создания в США оборонительных систем на случай слома этого режима.

Ядерное разоружение

Серьезной проблемой для сохранения и стабильности режима нераспространения остается крайне медленное сокращение арсеналов ядерного оружия. С одной стороны, всегда можно заявить, что прогрессу препятствуют объективные обстоятельства, в то время как участники переговоров «стараятся изо всех сил». Однако, с другой стороны, ссылка на объективные трудности может быть и не принята во внимание: НЯОГ могут усмотреть отсутствие желания вести переговоры, маскируемое ссылкой на непреодолимые обстоятельства. Проблема усугубляется тем, что процесс разоружения и в самом деле представляет собой крайне сложный и дорогостоящий процесс. Таким образом обоснованная критика легко может переходить в политические спекуляции.

Проблема заключается в том, что мера добросовестности — это вопрос субъективной интерпретации, и если в 1970-е гг. НЯОГ пусть и неохотно, но все же удовлетворялись такими переговорами, при которых ядерные арсеналы росли, то в 1990-е гг. многие из них были склонны требовать большего: установления «графика» сокращений, ликвидации тактического ядерного оружия (ТЯО), что вызывало легко объяснимое сопротивление ЯОГ.

Оценивая ситуацию в более широком контексте, следует указать, что в подходе ЯОГ к разоружению проявляется противоречие между национальным характером системы принятия решений в отношении ядерного оружия и международной значимостью этих вооружений. ЯОГ формируют позицию в отношении ядерных арсеналов исходя прежде всего из собственных представлений о том, что им нужно для обеспечения безопасности. Эти решения, в свою очередь, оказывают глубокое влияние на обстановку в мире и подвергаются критическому анализу со стороны НЯОГ, у которых есть собственные представления о том, что нужно для их безопасности.

Окончание «холодной войны» сыграло свою роль и в этом вопросе. Пока две сверхдержавы были замкнуты в непримиримом противостоянии, трудно было рассчитывать на большее, чем их взаимодействие с целью предотвращения ядерной войны.

Преодоление антагонистических противоречий позволило ставить вопрос о большем — реальном продвижении к безъядерному миру. При этом подавляющее большинство НЯОГ подходят к делу реалистически и не ожидают быстрого прогресса, понимая сложность разоружения, но более жестко требуют проявления добросовестности в деле разоружения со стороны ЯОГ.

К концу 1990-х гг. тенденция к сокращению арсеналов ядерного оружия явно возобладала. И Россия, и США проявляют интерес к сокращению своих избыточных арсеналов. Вместе с тем проявились два новых фактора, вызывающие растущую озабоченность.

Во-первых, в политике США, особенно после прихода к власти в 2001 г. республиканской администрации, все более отчетливо начали проявляться тенденции к размыванию международных соглашений в области разоружения, а то и прямому отказу от них. Положение США как наиболее мощной и богатой державы в мире вызвало рост настроений в пользу обеспечения интересов национальной безопасности односторонними мерами. При том, что США, как и Россия, заинтересованы в сокращении ядерных вооружений, усиливается тенденция в пользу того, чтобы осуществлять эти сокращения в одностороннем порядке, вне рамок международных соглашений. При этом предлагаемый порядок сокращений может в определенных случаях подорвать стратегическую стабильность. Вкупе с линией на выход из Договора по ПРО, с которым неразрывно связано более 30 международных соглашений в области разоружения, такая политика может в среднесрочной перспективе привести к глубокому, труднообратимому подрыву международной безопасности, спровоцировав гонку вооружений или приобретение ядерного оружия НЯОГ. Таким образом, сам факт сокращения арсеналов, который, казалось бы, соответствует обязательствам ЯОГ по статье VI ДНЯО, рискует превратиться в свою противоположность.

Во-вторых, исчезновение жесткой биполярной структуры международных отношений способствует размыванию традиционно двустороннего характера разоруженческого процесса. Вдобавок по мере сокращения российского и американского арсеналов роль других ЯОГ объективно возрастает. Недалек тот рубеж, который самими ЯОГ «второго уровня» установлен для полномасштабного подключения к разоруженческому процессу, а именно когда арсеналы России и США станут соизмеримы с их арсеналами. Тем более, что пока неясным остается масштаб и характер вероятного ответа Китая на создание в США системы ПРО.

Представляется, что определенная ревизия унаследованных от периода «холодной войны» разоруженческих соглашений не только неизбежна, но и желательна. Именно на это направлены выдвинутые российским руководством в 2001 г. инициативы

относительно проведения диалога по стратегической стабильности в рамках «пятерки» ЯОГ и установления предельных уровней для ядерных вооружений каждого из них. В то же время такой переход следует осуществлять с предельной осторожностью, не разрушая существующие на сегодняшний день договоренности, а заменяя их на новые, учитывающие интересы каждого участника.

Негосударственные «игроки»

«На поле игры» ядерного распространения вышли новые действующие лица — негосударственные организации, такие, как радикальные политические движения, религиозные секты и террористические группы. Они зачастую располагают значительными средствами и вместе с тем не подвергаются воздействию многих факторов, которые ограничивают политику государств.

С государствами, даже с противниками режима нераспространения ядерного оружия, иметь дело проще, поскольку их действия более предсказуемы. С ними можно вести переговоры и достигать договоренностей; их правительства должны учитывать внутренние потребности, такие, как экономическое развитие и социальные программы, т.е. им зачастую непросто отвлечь ресурсы на ядерную программу; они должны учитывать мнение и позицию соседей; в крайнем случае, если не удастся остановить их ядерные программы дипломатическими средствами, можно применить политические и экономические санкции. Наконец, в случае возникновения конфликта им можно угрожать ответным ударом: местонахождение любой страны хорошо известно, и уже в этом состоит принципиальное отличие любой страны от любой террористической группы.

В 1990-е гг. имела место определенная профессионализация, интернационализация и радикализация ряда террористических политических организаций. Более глобальные цели и оказавшиеся в их распоряжении значительные ресурсы привели к постановке задач, для решения которых ОМУ является весьма привлекательным инструментом. Опасность такого рода экстремизма была подчеркнута широко известным применением химического оружия японской сектой «Аум Синрикё» в токийском метро. Значительно менее известно, что это был далеко не первый случай, когда эта секта применила химическое оружие, и что ее конечной целью было установление контроля над всей Японией. Члены секты купили в Австралии участок земли, на котором располагались залежи урановой руды, что может свидетельствовать о намерении приобрести ядерное оружие. Особое беспокойство вызывает широкое распространение этой секты за пределами Японии, включая Россию.

В конце 1990-х гг. после серии террористических актов в США развернулась настоящая паника по поводу террориста Усамы бен Ладена, который в значительной мере был порождением американской же политики борьбы с СССР в Афганистане. Организации типа «Аум Синрикё» и «Аль Кайды» бен Ладена имеют возможность привлекать промышленные и научные ресурсы одновременно в нескольких странах, делая свои подпольные программы менее заметными.

Дополнительная трудность возникла в связи с тем, что созданная в СССР система ФЗУКЯМ, а также ЭК оказалась недостаточно пригодной для условий рыночной экономики и демократических свобод, включая свободу передвижения, торговли и т.д. В связи с этим появились опасения, что расщепляющиеся материалы, в том числе оружейные, или даже ЯВУ могут быть украдены в одной из бывших советских республик и переправлены за их пределы. Отчасти по этой причине США и другие западные страны сразу после распада СССР начали оказывать содействие в укреплении систем безопасности при перевозке и хранении «чувствительных» материалов. Эта проблема, впрочем, носит временный характер и в настоящее время можно констатировать, что период наибольшего риска остался позади, хотя немало еще предстоит сделать.

«Хрупкий баланс интересов»

Пока что нет оснований считать, что какие-либо НЯОГ-члены ДНЯО могут в ближайшее время пересмотреть свой статус. Но для самоуспокоенности оснований также нет. Период относительной стабильности должен быть использован для дальнейшего укрепления режима и системы международной безопасности. В противном случае мировое сообщество может столкнуться с неожиданным кризисом, выйти из которого будет непросто.

Специалисты неоднократно просчитывали возможные варианты развития событий, которые способны спровоцировать разрушение режима нераспространения ядерного оружия. Таких вариантов немало. Достаточно привести лишь один: создание национальной ПРО в США и тактических ПРО на Тайване и в Японии может быть воспринято в Китае как угроза безопасности и подвигнет его на широкомасштабную модернизацию ядерного арсенала. Это в свою очередь будет воспринято как угроза в Японии, и та может ответить на нее созданием ядерного оружия. Кроме того, действия Китая могут подтолкнуть Индию на полномасштабное развертывание ядерного оружия (в настоящее время, судя по всему, боеголовки хранятся отдельно от носителей). Иными словами, цепь шагов, каждый из которых будет

продиктован исключительно интересами безопасности, может легко нарушить хрупкий баланс интересов, и будет создана ситуация «дилеммы безопасности», о которой говорилось выше. В наши намерения не входит оценивать реалистичность этого и других сценариев; достаточно отметить, что они существуют.

ЛИТЕРАТУРА

Борисенко А.С., Лата В.Ф., Маслин Е.П., Орлов В.А., Сафранчук И.А., Тимербаев Р.М., Чуменко Л.Н. Справочник «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». М., Библиотека ПИР-Центра, 2001.

Давыдов В.Ф. Россия и США: Проблемы взаимодействия в укреплении режима нераспространения ядерного оружия. М., Институт Соединенных Штатов Америки и Канады РАН, 1997.

Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия. М., Библиотека ПИР-Центра, 2001.

Россияне о ядерном оружии и ядерных угрозах. Аналитический доклад по результатам всероссийского социологического исследования. М., Библиотека ПИР-Центра, 2000.

Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. М., Наука, 1999.

ГЛАВА 2. ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА

Как ядерное оружие, так и атомная энергетика основаны на действии процессов, протекающих в недрах вещества. Для понимания специфики ядерного оружия и методов предотвращения его распространения необходимо хотя бы кратко рассмотреть некоторые аспекты этого вопроса: главные технические проблемы на пути к созданию ядерного оружия, особенности делящихся материалов, выделяющие их среди радиоактивных веществ, процесс деления и слияния ядер, цепную реакцию деления, некоторые особенности урана и плутония, основные фазы ядерного топливного цикла (ЯТЦ), а также значение различных типов реакторов для целей нераспространения.

Главные проблемы на пути к ядерному оружию

Путь к ядерному оружию был впервые проложен в 1940-х гг. Программа его создания в США (Манхэттенский проект) осуществлялась ускоренными темпами в условиях мировой войны. Она потребовала напряженных усилий тысяч ученых из многих стран и мобилизации передовых отраслей самой развитой индустрии мира. Даже по официальным данным затраты составили 2 млрд долл. (свыше 16 млрд долл. в ценах конца века)¹, работа длилась шесть лет. Аналогичный путь прошли и другие ЯОГ, однако с каждым десятилетием «атомный секрет» становился более прозрачным, в первую очередь благодаря росту общего уровня научно-технических знаний. В 1980-е гг. ЮАР смогла создать шесть ЯВУ на основе собственной технологии, используя не более 400 специалистов и затратив менее одного миллиарда долларов².

Обобщенная характеристика показателей научно-технического потенциала, необходимого для производства ОМУ, была дана в одной из публикаций Службы внешней разведки (СВР) России³. Помимо кадровых ресурсов и достаточного научного потенциала⁴,

¹ По неофициальным данным, затраты достигли 25 млрд долл. в ценах 1940-х гг.

² См.: www.fas.org/nuke/intro.htm.

³ См.: Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения. М., СВР, 1993, с.32.

⁴ По оценкам японских специалистов, для создания ядерного оружия необходимо примерно 1 300 инженеров и 500 ученых, в числе которых — около 120 специалистов-атомщиков. Государство, желающее создать ядерное оружие, может использовать как обучение собственного персонала за рубежом, так и приглашение иностранных атомщиков, имеющих опыт в создании компонентов оружия. По мнению экспертов СВР, необходимо разработать «систему национальных санкций и межгосударственных многосторонних соглашений, налагающих ответственность на специалистов — граждан одних государств, участвующих в создании ОМУ в других государствах». См.: Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения, с.20.

в этом издании особо отмечаются технические аспекты производства ОМУ, связанные с наличием сырьевых ресурсов для собственного производства его компонентов, импортом недостающего сырья и компонентов, созданием соответствующих технологий и производственных мощностей.

Наиболее узкое место на пути к ядерному оружию — это создание или приобретение делящихся материалов. Это же является и самой дорогостоящей частью военной ядерной программы. Например, свыше 80% расходов США на создание первой атомной бомбы были связаны с затратами на получение расщепляющихся материалов.

Таблица 1. «Ядерный клуб» и соискатели

1945, 16 июля	США: первое ядерное испытание
1949, 29 августа	СССР: первое ядерное испытание
1952, 3 октября	Великобритания: первое ядерное испытание
1952, 31 октября	США: первое термоядерное испытание
1953, 12 августа	СССР: первое термоядерное испытание
1957, 15 мая	Великобритания: первое термоядерное испытание
1960, 13 февраля	Франция: первое ядерное испытание
1964, 16 октября	Китай: первое ядерное испытание
1967, 1 января	«ядерная черта» по ДНЯО
1967, 17 июня	Китай: первое термоядерное испытание
1968, 24 августа	Франция: первое термоядерное испытание
1974, 18 мая	Индия: первое ядерное испытание
1990, 24 октября	СССР: последнее ядерное испытание
1991, 26 ноября	Великобритания: последнее ядерное испытание
1992, 23 сентября	США: последнее ядерное испытание
1996, 27 января	Франция: последнее ядерное испытание
1996, 29 июля	Китай: последнее ядерное испытание
1998, 11 мая	Индия: первое термоядерное испытание
1998, 28 мая	Пакистан: первое ядерное испытание

В процессе формирования режима нераспространения мировое сообщество, создавая соответствующие политические стимулы и структуры, одновременно уделило первостепенное внимание научно-техническим аспектам проблемы. Начиная с ДНЯО 1968 г., главный упор был сделан на усилиях по контролю за ядерными материалами (ЯМ).

Радиоактивные изотопы

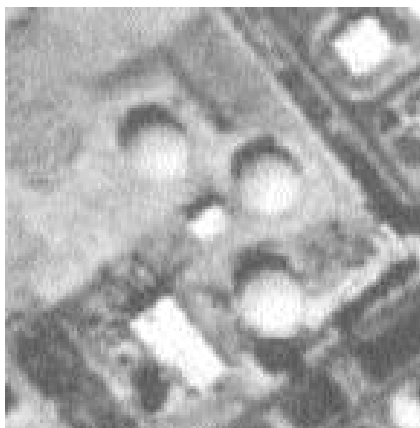
Каждый элемент периодической таблицы характеризуется строго определенным числом протонов в ядре. В то же время количество нейтронов в ядре может быть различным. Атомы элементов, в ядрах которых одинаковое число протонов, но разное число нейтронов, называются *изотопами* соответствующего

Спутниковые снимки объектов ядерных центров Израиля, Индии и Пакистана

*Пакистан
Комплекс по обогащению урана в
Кахуте, активно
развивающийся в последние
десять лет.*

*Израиль
Ядерный центр в Димоне,
являющийся ключевым звеном в
израильской программе
производства ядерного оружия.*

*Индия
Атомный исследовательский
центр им. Хоми Бабы — ведущий
индийский институт в области
ядерных исследований и
разработок.*

Источник: www.fas.org.

элемента. В природе обнаружено 94 вида элементов (90 из них стабильны), еще около пятнадцати получены искусственно. В то же время количество стабильных изотопов достигает трехсот. Различие химических свойств изотопов минимально, что сильно затрудняет их разделение, зато их ядерные свойства могут различаться в значительной степени.

Например, водород в основном состоит из атомов, в ядре которых содержится только один протон. Но примерно в одном из 6 500 атомов водорода находится один протон и один нейтрон. Такой изотоп называют *дейтерий* (или водород-2). Он повсеместно встречается в природе, в частности, входит в состав молекул воды, которую в случае высокой концентрации дейтерия называют *тяжелая вода*. Она практически неотличима от обычной воды в химическом отношении, «незаметно» используется в быту и промышленности. Если выделить всю тяжелую воду Земли, ею можно было бы заполнить емкость Черного моря. Однако ее выделение — сложный процесс, к которому прибегают из-за замечательных ядерных свойств дейтерия. Дейтерий хорошо замедляет нейтроны, причем слабо поглощает их. Эти свойства определяют необходимость контролировать тяжелую воду в рамках режима нераспространения подобно ЯМ, используемым для производства оружия. Большую роль в создании ядерного оружия играет и другой изотоп водорода — водород-3, или *тритий*.

Изотопы одного элемента принято различать по сумме протонов и нейтронов в ядре, которая именуется *атомным* или *массовым числом*. Оно добавляется к названию элемента, например уран-235, уран-238, плутоний-239, плутоний-241 и т.д. В составе ядра урана-235 — 92 протона (как и у любого изотопа урана), а кроме них — 143 нейтрона, что в сумме составляет атомное число этого изотопа. В ядре плутония-239 — 94 протона и 145 нейтронов.

За 15 млрд лет существования Вселенной возникшие в период ее образования и позднее радиоактивные ядра почти все распались, в том числе все изотопы элементов, стоящих в периодической таблице после урана (порядковый номер 92), именуемых трансурановыми элементами. Время, в течение которого распадается половина начального количества атомных ядер, называют *периодом полураспада*. Эти периоды различны для разных изотопов. Немногих сохранившихся радиоактивных изотопов тем больше, чем больше у них период полураспада. Все остальные (более двух тысяч) получены искусственным путем.

Радиоактивные изотопы получили самое широкое применение в мировой экономике, особенно в медицине, промышленной рентгенографии, в устройствах контроля за окружающей средой, в сельском хозяйстве практически всех стран мира. В сельском хозяйстве они используются для выявления болезней скота, определения влажности почв, стерилизации сельскохозяйственных

Таблица 2. Периоды полураспада некоторых изотопов

Изотоп	Период полураспада (в годах)	Изотоп	Период полураспада (в годах)
Торий-232	14 млрд	Плутоний-239	24,1 тыс.
Уран-238	4,46 млрд	Плутоний-240	6,5 тыс.
Уран-235	704 млн	Плутоний-238	87,7
Плутоний-244	81 млн	Плутоний-241	14,4
Плутоний-242	376 тыс.	Водород-3	12,3
Уран-234	245 тыс.	(тритий)	

продуктов, при селекционной работе в растениеводстве, при контроле за качеством продовольствия и обеспечении их гигиенических свойств. В США, например, выдано 157 тыс. лицензий на использование радиоактивных материалов, причем общее количество устройств, в которых они применяются, превышает 1 800 тыс.: это ионизационные индикаторы дыма, светящиеся надписи, контрольно-измерительные приборы и т.д.⁵ В подавляющем большинстве случаев речь идет о микроскопических количествах радиоактивных изотопов, не оказывающих заметного воздействия на естественный уровень радиации (природный фон) и не представляющих опасности для здоровья людей. МАГАТЭ оказывает разнообразное техническое содействие государствам-участникам по укреплению их потенциала радиационной безопасности и сохранности радиоактивных материалов⁶.

Лишь малая часть радиоактивных изотопов может быть использована в целях получения ядерной энергии в атомной промышленности или в военных целях. Международный контроль в интересах нераспространения через МАГАТЭ и иные структуры осуществляется в первую очередь в отношении делящихся, или расщепляющихся, материалов, в которых возможно осуществление цепной реакции.

Деление и слияние ядер

Самопроизвольное (спонтанное) деление ядра наблюдается в природе у тяжелых элементов с числом протонов больше 90. В результате спонтанного деления могут появляться как стабильные, так и новые нестабильные изотопы, деление которых продолжается.

⁵ См.: *Бюллетень МАГАТЭ*, №3, Том 41, 1999, с.22. Весьма широкое распространение получили, например, противопожарные детекторы дыма на основе америция-241, открытого Гленном Сиборгом в ноябре 1945 г. Одного грамма америция хватает для работы пяти тысяч таких детекторов. Большая часть из нескольких килограммов америция, ежегодно получаемого в США, идет на эти цели. См.: www.uilondon.org/americum.htm.

⁶ См.: *Бюллетень МАГАТЭ*, №2, Том 40, 1998. Все издание посвящено роли МАГАТЭ в обеспечении радиационной безопасности.

В ходе спонтанного деления ядра нейтроны могут вылетать за пределы атома. Например, в одном килограмме урана-235 освобождается за секунду примерно один нейтрон, а у изотопов плутония — 60-300 тыс. нейтронов. Нейтрон обладает способностью при попадании в другое ядро тяжелого элемента вызывать его деление.

В 1939 г. было обнаружено, что процесс деления ядер урана-235 нейтронами сопровождается появлением новых нейтронов в большем количестве, что создает возможность цепной реакции в той мере, в которой высвобожденные нейтроны продолжают процесс деления ядер. *Цепная реакция* — цепь процессов, аналогичных тому, который вызвал их начало; она может идти с затуханием, самоподдержанием и расширением. Незатухающая цепная ядерная реакция была впервые осуществлена 2 декабря 1942 г. в чикагском реакторе, построенном под руководством Энрико Ферми. Аналогичный реактор был запущен в Советском Союзе 26 декабря 1946 г. (под руководством академика И.В. Курчатова). В дальнейшем была открыта возможность цепной ядерной реакции в искусственно полученных ЯМ.

Уже в середине XX века подконтрольным отдельным государствам оказалось как военное применение деления и слияния (синтеза) ядер (1945-1953), так и мирное использование процесса деления на атомных электростанциях (1954). На реакции деления основано действие *атомного оружия (А-бомба)*, на реакции синтеза — *термоядерного*, или *водородного (H-бомба)*. В совокупности они объединяются названием *ядерное оружие*⁷.

Оба названия оружия, основанного на слиянии ядер, проистекают из особенностей протекания реакции синтеза. Во-первых, если делению ядер нейтральными частицами не препятствует электростатическое отталкивание, то синтезу положительно заряженных ядер оно весьма противодействует. Поэтому к слиянию оказываются способны ядра легких элементов с наименьшими зарядами, т.е. изотопы водорода — дейтерий и тритий. Во-вторых, для реакций деления температура среды не играет роли, но она очень существенна для протекания обратного процесса, отсюда — *термоядерное оружие*⁸.

Температуры порядка 100 млн градусов достижимы в земных условиях при реакции деления ядер тяжелых элементов. При взрывах водородных (термоядерных) боеприпасов атомные заряды, входящие в их состав, играют роль детонатора. Разрушительная мощь термоядерного оружия примерно в шесть-восемь раз больше атомного боезаряда аналогичной массы⁹, а высвобождающаяся

⁷ В широком понимании ядерное оружие включает и средства доставки.

⁸ Помимо аномально высоких температур, совершенно необходимым условием детонации термоядерного боеприпаса является достижение сверхвысокого давления.

⁹ В реальном ЯВУ мощь боеприпаса обусловлена преимущественно его конструкцией в зависимости от целевого назначения.

энергия соответствует по масштабу энергии извержения вулкана, землетрясения или урагана.

Энергия, выделяющаяся в значительных количествах при распаде, делении и слиянии ядер (ядерных превращениях), получила название *атомной* или *ядерной энергии*. Поскольку при делении ядра урана масса его осколков оказывается в сумме легче исходной на 20% массы одного протона, ученые легко рассчитали параметры энергии деления. Всего один грамм урана-235 при полном делении его ядер способен дать 23 тыс. кВт·ч тепла, а при сжигании угля или нефти для этого потребовалось бы три тонны энергоносителя. При этом энерговыделение произойдет чрезвычайно быстро, что особенно важно для его военного использования. Если цепная реакция начнется с деления всего одного ядра, то за половину одной тысячной секунды (примерно 53 поколения делящихся ядер) 57 г делящегося вещества выделяют энергию, эквивалентную взрыву тысячи тонн обычной взрывчатки (мощность ядерных взрывов принято измерять в *тринитротолуоловом эквиваленте* — ТНТ).

Не все свободные нейтроны вызывают деление ядер. Во-первых, как нейтрально заряженная частица, нейтрон может пролететь значительное расстояние до какого-либо взаимодействия с ядром и даже вылететь из нужной среды, не испытав столкновения. Во-вторых, находясь среди атомов урана-235, нейтрон может взаимодействовать с ядром и поменять направление своего движения (рассеяться), а может и поглотиться ядром, не вызвав его деления. В-третьих, нейтроны имеют разную скорость (быстрые и медленные нейтроны) и по-разному взаимодействуют с различными ЯМ.

Ядра всех тяжелых элементов относятся к категории делимых (способных разделиться под действием нейтронов), однако ядра урана-235, плутония-239 и урана-233 лучше делятся под действием медленных (тепловых) нейтронов. С другой стороны, для начала процесса деления на основе тория-232 и урана-238 необходимы быстрые нейтроны. Отсюда перед создателями реакторов с использованием, например, урана-235 встала проблема замедления нейтронов ради создания условий, необходимых для цепной ядерной реакции.

Наконец, для каждого делящегося вещества существует своя минимальная масса, в которой возможно протекание самоподдерживающейся цепной реакции деления. Эту массу называют *критической массой* (КМ). КМ делящегося вещества зависит от его геометрической формы, объема, плотности и посторонних примесей. КМ минимальна для сферической формы ЯМ. Ее можно уменьшить примерно вдвое, окружив образец делящегося вещества слоем материала, отражающего нейтроны, например, бериллия или природного урана. Если использовать

сжимание делящегося вещества, например, при неядерном взрыве вокруг сферы расщепляющегося материала (*имплозии*¹⁰), КМ можно уменьшить еще значительно. Хотя расчетное значение КМ для шара из урана-235 — 40-60 кг, а из плутония-239 — порядка 10-20 кг, МАГАТЭ считает 25 кг урана-235 и 8 кг плутония-239 *значимым количеством* ЯМ, опасность переключения которого на изготовление оружия должна быть своевременно предотвращена. Специалисты полагают, что расход делящегося материала на одну бомбу — 20 кг урана-235 либо 4,7 кг плутония-239. Наименьшая теоретически возможная КМ плутония-239 оценивается в несколько сотен граммов. Для еще более тяжелых изотопов трансурановых элементов критическая масса значительно ниже.

С точки зрения возможных нарушителей режима нераспространения, необязательно добиваться минимальных размеров взрывного устройства, если технически или экономически это окажется неприемлемым. Поэтому считается возможным использование для взрыва урана с обогащением более 20%.

Хотя в основе действия и атомного оружия, и ядерного реактора лежат аналогичные процессы деления ядра, между бомбой и реактором есть существенная разница в характере протекания этих процессов. Военное использование цепной реакции нацелено на максимальное выделение энергии в сжатые сроки, в то время как в реакторе развитие процесса идет подконтрольно. Главный показатель, количественно характеризующий цепную ядерную реакцию — коэффициент размножения нейтронов K . Он измеряется как отношение числа нейтронов следующего поколения к числу нейтронов предыдущего поколения.

Уран, плутоний и другие ядерные материалы

В 1788 г. немецкий химик Мартин Хайнрих Клапрот выделил из урановой смолки (добываемой в Чехии руды) то, что он посчитал новым элементом (оказавшимся в дальнейшем оксидом). Поскольку всего за семь лет до этого англичанин Уильям Хершель открыл новую планету, названную немцем Иоганном Боде в античной традиции Ураном (Uranus), это имя пользовалось большой популярностью в научной среде. В пару планете Клапрот предложил назвать новое вещество урания (Urania), а в дальнейшем за выделенным действительно новым элементом закрепилось чуть

¹⁰Хотя имплозия стала в современных ядерных арсеналах практически единственным способом создания КМ для ядерного взрыва, в первой атомной бомбе, сброшенной на Хиросиму, был использован другой метод, основанный на быстром сближении двух частей ядерного материала, вместе составляющих КМ (ствольная, или пушечная, бомба). Любопытно, что ЯВУ, тайно построенные в ЮАР, были основаны именно на этом более простом и, казалось бы, устаревшем методе.

видоизмененное имя уран (uranium). До конца XIX века уран применялся лишь в фотографии и для получения редких оттенков желтого цвета в глазури.

Встречающийся в природе уран состоит из смеси трех изотопов — урана-238 (99,276%), урана-235 (0,718%) и урана-234 (0,0056%). Отношение веса урана-235 к весу всего урана называется *обогащением* (для целей МАГАТЭ при этом к весу урана-235 добавляется вес искусственно получаемого изотопа урана-233). Для использования в большинстве реакторов АЭС достаточно обогащения порядка 3-5%, высокообогащенным (ВОУ) считается уран после уровня в 20% обогащения, а в реальном оружии обогащение урана превышает 93%. Понижение уровня содержания урана-235 в смеси изотопов называется *разобогащением*. При содержании урана-235 ниже природного уровня уран именуется *обедненным*.

Самоподдерживающаяся реакция деления ЯМ, имеющих в природе, возможна только в уране-235. Гораздо более доступный уран-238 называют сырьевым материалом для ядерного воспроизводства (*воспроизводящим материалом*), так как при облучении его нейтронами возможно образование делящегося материала. Его способность поглощать лишние нейтроны используется в реакторном топливе для удержания процесса под контролем¹¹.

Помимо урана-238 к воспроизводящим материалам относят достаточно широко встречающийся в природе торий-232 (а также получаемый искусственно плутоний-240). В той мере, в которой будут истощаться урановые залежи Земли, в отдаленной перспективе возможно повышение внимания к ториевому циклу: при облучении нейтронами торий превращается в уран-233, т.е. делящийся ЯМ. Пока, кроме официальных ЯОГ, лишь Индия и Япония ведут исследования в этой области. В документах МАГАТЭ торий рассматривается, как правило, наравне с обедненным ураном.

Второй вид делящегося материала, реально применяемого при производстве ядерного оружия — плутоний-239. Его период полураспада в 24 100 лет оказывается слишком мал для того, чтобы он сохранился во Вселенной. Поэтому плутоний-239 получают искусственным путем при нейтронном облучении урана-238. Атомный номер плутония — 94, а массовые числа его изотопов — от 230 до 247. Он был впервые получен американцем Гленном Сиборгом в 1940 г. и назван по аналогии с планетой Плутон, открытой за десять лет до этого.

¹¹В то же время следует указать, что ядра урана-238 делятся под воздействием высокоэнергетических нейтронов. Это его свойство используется для создания так называемой трехфазной бомбы, работающей по принципу: «деление — синтез — деление» (вокруг термоядерного заряда такого ЯВУ создается оболочка из урана-238, деление которого способствует значительному увеличению энергии взрыва).

Хотя известно 15 изотопов плутония (все они высокотоксичны), лишь один из них (помимо плутония-239) получил практическое применение в промышленных целях: плутоний-238, получаемый в ядерных реакторах из нептуния-237, используется для производства компактных термоэлектрических генераторов. Плутоний, содержащий свыше 80% плутония-238, может освобождаться из-под гарантий МАГАТЭ (INFCIRC/153, п. 36)¹². Высокая стоимость и радиоактивность сделали непрактичным применение плутония-241. Присутствие в смеси плутония-240 и плутония-242 повышает КМ.

При обычной урановой загрузке легководного реактора АЭС в составе тонны облученного ядерного топлива (ОЯТ) через три года после выгрузки находится примерно: 0,2 кг плутония-238, 5,3 кг плутония-239, 2,2 кг плутония-240, 0,9 кг плутония-241, 0,4 кг плутония-242. Однако существует возможность увеличить выход плутония-239, так как он одним из первых изотопов образуется в реакторе из воспроизводящего материала (урана-238). Поэтому интересам нераспространения соответствует удлинение режима облучения. Подобно урану, изотопный состав плутония также оценивают в процентах, но «от противоположного»: чем меньше в нем плутония-240, тем более он пригоден в качестве оружейного. По классификации, принятой в США, оружейным считается плутоний с содержанием плутония-240 менее 5,8%¹³.

МАГАТЭ относит ВОУ, уран-233 и плутоний с содержанием плутония-238 менее 80% к *материалу прямого использования*. Причем плутоний считается наиболее опасным, если судить хотя бы по тому, что понятие *эффективный килограмм*¹⁴ введено Агентством на основе веса всего плутония в килограммах, в то время как масса других ЯМ пересчитывается в эффективные килограммы в определенных пропорциях (для тория, например, 20 тыс. кг считаются одним эффективным килограммом). Это связано с тем, что выделение плутония из ОЯТ намного проще процесса обогащения, или изотопного разделения урана. Поэтому ЯОГ шли к первому испытанию атомного оружия в основном плутониевым путем.

Если говорить о ЯМ в целом, то в международно-правовых документах они подразделяются на *исходный материал* (торий, уран с природным обогащением или обедненный) и *специальный расщепляющийся материал* (плутоний, обогащенный уран и уран-233), внутри которого особняком стоит материал прямого

¹²МАГАТЭ. Док. INFCIRC/153. Нераспространение ядерного оружия: Сборник документов, М., Международные отношения, 1993, с.81.

¹³См.: Подвиг П.Л. (ред.). Стратегическое ядерное вооружение России. М., ИздАТ, 1998, с.75.

¹⁴МАГАТЭ. Док. INFCIRC/66/Rev.2. Нераспространение ядерного оружия: Сборник документов, с.56.

использования. Развернутое определение того, что считать исходным и специальным расщепляющимся материалом, дано в Уставе МАГАТЭ (ст. XX), Договоре о создании Евратома (ст. 197), Меморандуме А (п. 2) Комитета Цангера и др.¹⁵

Для целей физической защиты применяется выделение трех категорий ЯМ. Согласно приложению С к Руководящим принципам ядерного экспорта, материалы категории III¹⁶ могут использоваться и храниться в пределах зоны, доступ в которую контролируется. Материалы категории II¹⁷ используются и хранятся только в пределах защищенной зоны, которая должна находиться под постоянным наблюдением охраны или электронных устройств и быть обнесена физическим барьером с ограниченным числом пропускных пунктов, под соответствующим контролем. Перевозка материалов II и III категории разрешается со специальными мерами предосторожности, включая предварительную договоренность между отправителем, получателем и перевозчиком и предварительное соглашение между организациями, находящимися под юрисдикцией и руководствующимися нормами регулирования государств-поставщиков и государств-получателей соответственно, предусматривающие в случае международной перевозки время, место и процедуры передачи ответственности за перевозку. К наиболее высокой, I категории относят два и более килограммов плутония или урана-233, пять и более килограммов ВОУ. Использование и хранение материалов категории I разрешается только в пределах усиленно защищенной зоны. Доступ в усиленно защищенную зону должен быть дополнительно ограничен лицами, надежность которых была проверена, и под наблюдением охраны, тесно связанной с соответствующими системами реагирования. Перевозка таких материалов осуществляется только со специальными мерами предосторожности, под постоянным наблюдением конвоя и при условиях, которые обеспечивают тесную связь с соответствующими силами реагирования¹⁸.

По оценкам, на Земле к середине 1990-х гг. было накоплено 1 200 т плутония, из которых примерно 250 т сосредоточивалось в военных арсеналах. К концу XX века количество плутония возросло еще на 400 т¹⁹. Из плутония в невоенных программах около 120 т было выделено в процессе переработки ОЯТ до 1991 г.,

¹⁵МАГАТЭ. Док. INFCIRC/66/Rev.2, с.151, 152.

¹⁶К категории III относят: 500 г или менее плутония, 1 кг или менее ВОУ, менее 10 кг урана (с обогащением 10% и более), 10 кг или более урана (с обогащением менее 10%) и т.д.

¹⁷К категории II относят: от 500 г до 2 кг плутония, от 1 до 5 кг ВОУ, 10 кг и более урана (с обогащением 10% и более), от 500 г до 2 кг урана-233 и т.д.

¹⁸Руководящие принципы ядерного экспорта. Нераспространение ядерного оружия: Сборник документов, с.211-213.

¹⁹См.: Albright David, Berkhout Frans, Walker William. Plutonium and Highly Enriched Uranium 1996. World Inventories, Capabilities and Policies. SIPRI, 1996, pp.395-398.

еще 190 т, как предполагается, выделены в течение 1990-х гг. Количество произведенного ВОУ оценивается в 1 700 т ($\pm 25\%$), и, кроме этого, 100–200 т ВОУ относится к транспортным реакторам. Под гарантиями МАГАТЭ, по данным на конец 2000 г., находилось примерно 642,8 т плутония в облученном топливе и 72,2 т извлеченного плутония (включая около 20 т в НЯОГ), а также 21,8 т ВОУ (включая одну тонну в НЯОГ)²⁰.

Ядерный топливный цикл

Ядерный топливный цикл включает добычу урановой руды и производство уранового концентрата, конверсию и изотопное обогащение урана, изготовление реакторного топлива, его облучение в реакторах, хранение и переработку ОЯТ и обращение с радиоактивными отходами. ЯТЦ считается замкнутым, если в него входит переработка ОЯТ и повторное использование делящихся материалов. Процессы обогащения и переработки считаются *чувствительными фазами ЯТЦ*, и к экспорту соответствующих технологий и оборудования применяются особые ограничения в рамках режима нераспространения (решения ГЯП).

Исторически мирный ЯТЦ складывался в государствах, создавших ядерное оружие, в тесной связи с военным ЯТЦ. В СССР, например, оба цикла оказались интегрированными и на уровне урановых потоков, и в конкретных комбинатах²¹. Запасы природного урана шли как на производство оружейного плутония, так и установки по обогащению урана, откуда часть потока ВОУ опять же попадала в оружейную цепочку²².

Хотя в реактор загружается относительно малое количество ядерного топлива, если сравнивать с ТЭЦ, работающей на угле или мазуте, весь ЯТЦ охватывает движение значительных объемов и масс материалов. Для того, чтобы получить одну тонну уранового топлива (объемом 0,4 куб. м), необходимо добыть три тысячи тонн руды (1 500 куб. м). Основная масса этого материала пойдет в «хвосты» — отвалы породы после извлечения полезного элемента²³. В случае незамкнутого цикла тонна ОЯТ считается высокоактивными отходами и подлежит, со временем, захоронению, причем оказывается использованной лишь малая часть природного урана (порядка одного процента).

²⁰См.: Ежегодный доклад МАГАТЭ за 1999 г.

²¹См.: Бухарин О.А. Интеграция военного и гражданского ядерных топливных циклов в России. *Ядерный Контроль*, №9, сентябрь 1995, с.10–13.

²²См.: Стратегическое ядерное вооружение России, с.71.

²³См.: The Regulation of Nuclear Trade. Non-proliferation — Supply — Safety. Vol.I. International Aspects. Paris, Nuclear Energy Agency. OECD, 1988, p. 251, 252.

К 1992 г. в 21 стране мира действовало 55 урановых рудников. За период 1938-1999 гг. было добыто около 1,9 млн т природного урана, больше всего в США, Канаде, ГДР, СССР и его правопреемниках, ЮАР, КНР, Чехословакии, Франции, Нигере, Австралии. В соответствии с полноохватной системой гарантий МАГАТЭ²⁴ термин *исходный материал* не интерпретируется как применяющийся к руде или отходам руды (INFCIRC/153, пп. 33 и 112). В то же время любой исходный или специальный расщепляющийся материал, определенный в Уставе МАГАТЭ, может быть поставлен под гарантии по соглашениям, заключенным на основе старой системы (INFCIRC/66/Rev.2).

Производство урановых концентратов максимально приближено к местам добычи урана. Урановый концентрат проходит доочистку (аффинаж) от бора, кадмия и других поглощающих нейтроны элементов, а также от редкоземельных элементов. К концу 1980-х гг. производство концентрата было сосредоточено (около 85%) в девяти странах (Австралия, Габон, Канада, Намибия, Нигер, СССР, США, Франция, ЮАР). Большая часть разведанных запасов Советского Союза находилась на территории России (до 300 тыс. т), Казахстана (576,7 тыс. т) и Узбекистана (230 тыс. т); добыча руды велась также в Таджикистане, Киргизстане, Украине. Производство и импорт урана (из Чехословакии, ГДР, а также Болгарии и Венгрии) достигали в 1970-1980-е гг. порядка 30 тыс. т ежегодно, однако в 1990-е гг. производство снизилось в несколько раз, а импорт прекращен²⁵.

Полученный после первой фазы необогащенный продукт может быть затем либо переработан в топливо реакторов, работающих на природном уране (например, тяжеловодных), либо преобразован в гексафторид урана для последующего обогащения. В ЯОГ значительная часть (до 70%) потреблявшегося природного урана направлялась по третьему пути: на производство плутония-239 в военных целях, однако в середине 1990-х гг. его выделение было прекращено (в США — с 1989 г.). Согласно системе полноохватных гарантий МАГАТЭ (INFCIRC/153, пункты 104, 106) они применяются в НЯОГ в отношении природного урана и другого ЯМ на заводах по обработке урана и разделению его изотопов, а также в любом другом месте, где ЯМ обычно используется в количестве, превышающем один эффективный килограмм (т.е. 10 тыс. кг для урана с обогащением 0,5-1%)²⁶. В России в настоящее время переработкой природного урана и производством гексафторида занимается в основном Ангарский электролизный химический комбинат (северо-западнее Иркутска).

²⁴См.: Нераспространение ядерного оружия: Сборник документов, с.80, 106.

²⁵См.: Стратегическое ядерное вооружение России, с.68, 69.

²⁶См.: МАГАТЭ. Док. INFCIRC/153. Нераспространение ядерного оружия: Сборник документов, с.104.

К иным «нечувствительным» фазам ЯТЦ относят изготовление топливных элементов для реакторов, хранение ОЯТ и захоронение РАО. Документы, принятые в Комитете Цангера, относят установки для производства топливных элементов к оборудованию или материалам, специально предназначенным или подготовленным для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала (раздел 2.4 Меморандума В, раздел 4 Приложения)²⁷, экспорт которых контролируется на основании ДНЯО (ст. III.2).

Создание топливных элементов из урана и плутония способствует безопасности использования ЯМ и делает этот процесс максимально подконтрольным. Ядерному материалу придают цилиндрический вид, причем в процессе изготовления ЯМ нагревают до 1 700 градусов и обтачивают с точностью до десятитысячных долей миллиметра. Таблетки герметически упаковывают в стержни, из которых, в свою очередь, формируются топливные сборки. Размеры таблеток, стержней (или других тепловыделяющих элементов) и состав сборок различаются в зависимости от типа конкретных реакторов. Уязвимость к краже или переключению ЯМ в форме топлива зависит исключительно от эффективности гарантий и мер физической защиты, определенных международно-правовыми документами и внутренним законодательством государств. Привлекательность топливных сборок для возможных похитителей находится в прямой зависимости от уровня обогащения находящегося в них ЯМ, поэтому в особой защите нуждаются сборки с ВОУ, например, для транспортных реакторов атомных подводных лодок (АПЛ).

Производство топливных элементов в силу экономической целесообразности развито практически во всех странах, имеющих атомную энергетику. В России оно сосредоточено на Машиностроительном заводе в Электростали (Московская обл.) и Заводе химических концентратов в Новосибирске.

Непереработанное ОЯТ само по себе не слишком привлекательный объект для кражи или переключения ЯМ прежде всего из-за его высокой радиоактивности. Извлеченное из реакторов ОЯТ выдерживается в резервуарах с водой (от года до 20 лет), а затем отправляется в специальных контейнерах в места «сухого хранения» (вдали от реакторов). Характерный для таких транспортных контейнеров тип имеет стенки толщиной в полметра, весит более 100 т и вмещает 6-12 топливных сборок. Он способен выдержать падение с девятиметровой высоты, удары (вплоть до удара от упавшего самолета), восьмичасовое нахождение под водой (на глубине 15 м) и пребывание в пламени (800 градусов) в течение получаса. Проблема окончательного захоронения ОЯТ, в

²⁷См.: там же, с.155, 165.

случае отказа от его переработки, по-разному решается отдельными государствами и пока не нашла однозначного решения.

В зависимости от радиоактивности РАО классифицируются как слабо-, средне- и высокоактивные. После выпаривания, сжигания и опрессовывания слабо- и среднеактивные РАО цементируют в специальных емкостях для захоронения. На высокоактивные РАО при относительно малых объемах (в сравнении с другими категориями) приходится 99% радиоактивного излучения всех отходов. Они представляют определенную опасность с точки зрения проблем нераспространения, для устранения которой разработан ряд методов: битуминизация, остекловывание (сплавление со стеклянным порошком) таких отходов с последующим захоронением.

Чувствительные фазы ядерного топливного цикла

Наибольший интерес с точки зрения задач ядерного нераспространения вызывают фазы ЯТЦ, связанные с обогащением урана и переработкой ОЯТ. В ходе процесса разделения изотопов, по определениям МАГАТЭ, ЯМ сразу превращается из исходного в специальный расщепляющийся. В дальнейшем остается преимущественно количественная разница между достижением уровня в 2-4% обогащения, достаточного для топлива АЭС, и уровня в 20%, за которым уран становится ВОУ — материалом прямого использования, контролируемым МАГАТЭ с особым вниманием. При применении технологии газового центрифугирования, например, 10 повторных операций необходимы для выхода на уровень в 3% обогащения и всего 35 — на уровень в 90%, реально применимый в вооружениях. По технологии газовой диффузии — использование 1 100 и 3 700 барьеров, соответственно²⁸.

Риск распространения возрастает с каждым процентом обогащения урана, поскольку чем оно выше, тем меньше у ЯМ критическая масса и тем привлекательнее он становится для переключения на немирные цели. Теоретически можно построить атомную бомбу с применением урана, обогащенного всего до 10-20%, правда, КМ возрастет при этом до тонн²⁹. Однако не следует забывать, что первая атомная бомба со всеми приспособлениями тоже весила порядка пяти тонн.

В международно-правовых документах, посвященных ядерному нераспространению, значимость обогащения выражена, в частности, системой пересчета урана в эффективные килограммы:

²⁸См.: Potter William. Nuclear Power and Nonproliferation. An Interdisciplinary Perspective. Cambridge (Mass.), Oelgeschlager, Gunn & Hain, 1982, p.77.

²⁹См.: Nuclear Proliferation and Safeguards. Congress of the United States. Office of Technology Assessment. New York, London, Praeger Publishers, 1977, p.143.

его вес умножается на квадрат обогащения (INFCIRC/153, пункт 104). Это значит, что килограмм урана с обогащением 10% приравнен к 10 эффективным граммам, а с обогащением в 90% — уже к 810 г. «Установки для разделения изотопов урана и оборудование, кроме аналитических приборов, специально предназначенное или подготовленное для этого» отнесены Комитетом Цангера к оборудованию или материалам, специально предназначенным или подготовленным для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала (раздел 2.5 Меморандума В), экспорт которых контролируется на основании ДНЯО³⁰. Подробное описание этих установок и оборудования дано в Приложении к меморандуму (раздел 5).

Известно несколько способов обогащения урана. Одним из старейших является *газовая диффузия*. Гексафторид урана, переходящий в газообразное состояние при 56°C, прокачивается через пористый барьер (мембрану). Нарастивая количество мембран, повышают обогащение. Большим экономическим недостатком является очень высокое потребление электроэнергии для реализации этой технологии, хотя тем самым ее использование резко затруднено для тех государств, которые попытались бы скрытно обойти барьеры нераспространения. Эта технология была освоена в США, СССР (до 1950-х гг.), Франции, Китае. Пилотные установки построены в Аргентине, Италии, Нидерландах, ФРГ.

Иная технология предполагает вращение гексафторида в вертикальной *центрифуге*. При скорости 40-50 тыс. оборотов в минуту молекулы, включающие атомы урана-235, скапливаются ближе к оси. Выигрыш в сравнении с диффузионным процессом — десятикратное уменьшение потребляемой энергии и еще большее сокращение количества повторных операций, необходимых для достижения сравнимых уровней обогащения. Среди недостатков — ограниченные объемы производства на каждой установке. Центрифугирование на промышленной основе осуществляется в России, Великобритании, ФРГ, Японии, Нидерландах. Пилотные установки построены в Бразилии, Индии, Китае, Пакистане, США. Среди прочих методов обогащения — аэродинамические (Бекер, Хеликон), лазерные (AVLIS, MLIS, LAP), химические (АСЕР, Chemex) и электромагнитные (EMIS и др.). В США на промышленной основе использовались диффузионная и электромагнитная (EMIS) технологии, а в ЮАР — Хеликон. В гораздо более широком круге государств осуществлялись НИОКР в этой области: помимо ЯОГ, к диффузионной технологии проявляли интерес Ирак, Иран и Япония; к центрифужной — Австралия, Ирак, Италия и ЮАР; к аэродинамической —

³⁰См.: Нераспространение ядерного оружия: Сборник документов, с.155, 165-176.

Бразилия, Ирак и ФРГ; к лазерной — два десятка стран, включая Аргентину, Бразилию, Израиль, Индию, Иран, Пакистан, ЮАР и Южную Корею; к химической — Бразилия, Ирак и Япония; к электромагнитной — Ирак и Иран³¹. Один перечень этих государств свидетельствует о том, что фаза обогащения урана не случайно считается чувствительной с точки зрения проблем нераспространения, будучи ключевой на «урановом пути» к ядерному оружию.

«Плутониевый путь» к бомбе в большей степени связан с другой фазой ЯТЦ — переработкой ОЯТ, благодаря которой из облученного топлива извлекаются делящиеся материалы (уран-235 и изотопы плутония), а также большая часть урана-238 (в состав тонны ОЯТ входят 943 кг урана-238, 8 кг урана-235 и 8,9 кг изотопов плутония). Мирный замкнутый ЯТЦ позволяет вернуть в производство как минимум изотопы урана; помимо регенерации урана возможна и утилизация плутония. Для этого в ряде стран налажено производство смешанного уран-плутониевого топлива (МОКС-топлива) из диоксидов обоих элементов.

Хотя в военных целях ЯОГ построили специальные реакторы, нарабатывавшие плутоний, ядерное оружие может быть создано и из плутония, выделенного при переработке ОЯТ невоенных реакторов. В 1962 г. в США был осуществлен взрыв ЯВУ, использовавшего реакторный плутоний. Повышенное значение фазы переработки для проблем нераспространения определяется и тем, что если технология обогащения урана остается во многом секретной, то основы технологии переработки стали достоянием гласности, начиная с Женевской конференции 1955 г.³² Комитет Цангера относит «установки для переработки облученных топливных элементов и оборудование, специально предназначенное или подготовленное для этого» к оборудованию, экспорт которого контролируется на основании ДНЯО (раздел 2.3 Меморандума В и раздел 3 Приложения)³³.

Наиболее практичной и распространенной формой переработки ОЯТ является использование технологии «пурекс». При этом облученные топливные элементы измельчаются, растворяются в азотной кислоте, а затем уран, плутоний и продукты деления выделяются из раствора путем конверсии сначала из нитрата в оксид, а затем в металл.

³¹См.: Tyson S. Uranium Enrichment Technologies: Proliferation Implications. *Eye on Supply*, No.5, Fall 1991, p.77-92. Многих специалистов особенно заинтересовало обращение Ирака к электромагнитному методу разделения изотопов, использовавшемуся в США на самых ранних фазах ядерной программы и считавшемуся неперспективным.

³²См.: Kokoski Richard. *Technology and the Proliferation of Nuclear Weapons*. Stockholm, SIPRI, 1995, p.69.

³³См.: Нераспространение ядерного оружия: Сборник документов, с.155, 160-165.

Регенерированный уран энергетических реакторов оказывается НОУ³⁴ (около одного процента урана-235), а расходы на переработку превышают ценность получаемого в итоге топлива. Тем не менее процесс переработки привлекал внимание в различных государствах не только по военным причинам. В Советском Союзе, например, вплоть до 1960-х гг. ощущалась недостаточность урановых ресурсов, что способствовало ориентации на замкнутый ЯТЦ с максимальной регенерацией делящихся материалов из ОЯТ. Отработавшее топливо перерабатывалось на производственном объединении «Маяк» (Челябинск-65, ныне Озерск). После обогащения регенерированный уран использовался для изготовления топлива для транспортных реакторов АПЛ.

Вне ЯОГ наибольший интерес к переработке ОЯТ проявляют в Индии и Японии.

Ядерные реакторы

Реактор занимает центральное место в ЯТЦ. Именно в нем идет контролируемая самоподдерживающаяся цепная реакция деления ядер под действием нейтронов и происходит ядерное превращение воспроизводящего материала в делящиеся вещества. Комитет Цангера все реакторы и реакторное оборудование включил в раздел 2 Меморандума В (Исходный список), как предметы, экспорт которых подлежит обязательному контролю МАГАТЭ (Приложение, раздел 1.1)³⁵. Исключение сделано для реакторов нулевой мощности³⁶.

Главная часть ядерного реактора, где находится ядерное топливо и протекает ядерная реакция, называется *активной зоной*. В большинстве реакторов используется *замедлитель*, с помощью которого понижается КМ (за счет увеличения числа медленных, или тепловых, нейтронов). Использование в этих целях тяжелой воды позволяет использовать уран с природным обогащением (или НОУ). По определению Комитета Цангера, вода считается тяжелой, если отношение дейтерия к водороду превышает 1:5 000 (в природной воде — 1:6 500). В период создания первых реакторов наиболее доступным был другой замедлитель — графит, производство которого было поставлено на промышленную основу. И тяжелая вода, и ядерно-чистый графит — неядерные материалы, относимые Комитетом Цангера к материалам, передача которых за

³⁴Регенерированный уран исследовательских и транспортных реакторов — не обязательно НОУ.

³⁵См.: Нераспространение ядерного оружия: Сборник документов, с.155, 157-159.

³⁶Для целей МАГАТЭ реактор нулевой мощности определяется как реактор с проектным максимальным уровнем производства плутония, не превышающим 100 г в год.

пределы государства требует применения гарантий МАГАТЭ (раздел 2.2 Меморандума В и раздел 2 Приложения)³⁷. В то же время обычная вода, которая также используется как замедлитель³⁸, не включена в Исходный список (ввиду общедоступности). Не требуют применения замедлителя реакторы на быстрых нейтронах. Другой элемент устройства реактора — теплоноситель. На АЭС с помощью теплоносителя тепло отводится от топливных стержней, как правило, через один или два контура; образовавшийся пар используется, как на обычной электростанции, для вращения производящей электроэнергию турбины.

Есть несколько вариантов классификации реакторов. В зависимости от технических признаков, реакторы характеризуют по:

- виду теплоносителя и замедлителя (тепловые реакторы с тяжеловодным или графитовым замедлителем, реакторы на быстрых нейтронах с натриевым теплоносителем, реакторы с органическим теплоносителем и т.д. (таблица 3);

- агрегатному состоянию водного теплоносителя (водо-водяные реакторы с водой под давлением или кипящей и т.д.);

- элементу, в котором создается давление теплоносителя (корпусные, каналные, канално-корпусные);

- числу контуров охлаждения;

- структуре и форме активной зоны;

- возможности перемещения (стационарные, транспортные, транспортабельные)³⁹.

В зависимости от назначения ядерные реакторы можно подразделить на транспортные реакторы (морские и космические), военные реакторы для наработки плутония, реакторы АЭС, исследовательские реакторы.

Транспортные реакторы (преимущественно двигатели АПЛ и атомных ледоколов) используют ВОУ, но сосредоточены практически только в признанных ЯОГ и попадают в поле зрения, связанное с проблематикой нераспространения, как правило, в связи с вопросом об утилизации силовых установок списанных АПЛ. На рубеже 1990-х гг. пять ЯОГ обладали в общей сложности 513 морскими транспортными реакторами. В то же время только в СССР (затем в России) за период после середины 1950-х гг. использовалось 468 реакторов на 245 АПЛ, пяти надводных кораблях ВМФ и девяти атомных ледоколах⁴⁰.

Исторически ЯОГ использовали три вида реакторов для наработки оружейного плутония, причем во всех реакторах, по крайней мере на начальной стадии, применялся природный уран.

³⁷См.: Нераспространение ядерного оружия: Сборник документов, с.155, 159-160.

³⁸Обычная вода не только хорошо замедляет, но и активно поглощает нейтроны, что понижает ее привлекательность в качестве замедлителя.

³⁹См.: Гурин В.Н. Физические основы, системы и типы ядерных реакторов.

⁴⁰См.: Стратегическое ядерное вооружение России, с.73.

Таблица 3. Характеристика наиболее распространенных реакторов по топливу, замедлителю и теплоносителю

Тип реактора	Топливо	Замедлитель	Теплоноситель
CANDU	природный уран	тяжелая вода	тяжелая вода под давлением
«Magnox»	природный уран	графит	углекислый газ
AGR	НОУ	графит	углекислый газ
РБМК	НОУ	графит	кипящая вода
Легководный реактор/ВВЭР	НОУ	вода	вода под давлением
BWR	НОУ	вода	кипящая вода
Реактор на быстрых нейтронах	обогащенный уран или плутоний	—	натрий

Для США, СССР и Китая было характерно использование графитовых реакторов с легководным охлаждением, в то время как для Великобритании и Франции — графитовых реакторов с газовым охлаждением. Помимо этого СССР и США использовали для производства плутония и трития реакторы, в которых и теплоносителем, и замедлителем служила тяжелая вода⁴¹.

В отличие от военных реакторов, которые были построены в ЯОГ специально для этих целей, остальные реакторы официально не предназначаются для решения военных проблем. Возможность обхода международно-правовых барьеров на пути распространения во многом связана с использованием этих мирных реакторов для производства плутония. Три фактора оказываются определяющими при оценке реальности угрозы переключения ЯМ этих реакторов на иные цели (помимо вопросов о наличии перерабатывающей установки и мощности реактора): во-первых, обстоятельства загрузки/выгрузки топлива, во-вторых, потребность в материалах, требующих дополнительных установок (для обогащения урана или производства тяжелой воды) и, в-третьих, соотношение потребляемых и производимых расщепляющихся материалов.

При остановке реактора на перегрузку топлива возникает возможность переключения ЯМ, а от периода между остановками (т.е. сроков выгорания топлива) зависит изотопный состав ОЯТ, включая содержание ЯМ прямого использования. Для энергетических реакторов АЭС экономически выгоден максимально длительный период между перегрузками, что облегчает международно-правовой контроль за движением выгружаемых ЯМ. В то же время реакторы (преимущественно типа CANDU), использующие в качестве замедлителя тяжелую воду (тяжеловодные реакторы), могут работать непрерывно, а топливо

⁴¹См.: Kokoski Richard. Technology and the Proliferation of Nuclear Weapons, p.79.

перегружается без остановки реактора. Через тяжеловодный реактор мегаваттной мощности за год проходит около 130 т топлива, в то время как через средний легководный — 30 т, причем в ОЯТ реактора типа CANDU оказывается вдвое больше плутония. К тому же он ближе по изотопному составу к оружейному плутонию, чем плутоний из ОЯТ легководных реакторов, отличающихся большим сроком облучения топлива в реакторе. Тем не менее в пользу тяжеловодных реакторов свидетельствует ряд преимуществ: они используют природный уран, рентабельны при размерах вчетверо ниже минимально рентабельного легководного реактора и т.д.⁴² Канада, в которой был разработан этот тип реактора (отсюда название CANDU, т.е. CANadian Deuterium Uranium), экспортировала его в Индию, Румынию, Бразилию, Южную Корею и Пакистан.

Вторым типом энергетического реактора, вызывающим повышенное внимание с точки зрения задач нераспространения, является реактор с газовым охлаждением. Реакторы типа «Magnox» (и частично его модификация AGR), при массе неудобств, преодоленных в более поздних типах реакторов, позволяют обойти два узких места, встречающихся на пути к началу цепной реакции и получению плутония: они не требуют ни тяжелой воды, ни обогащения урана. Великобритания (наряду с Францией) вплоть до 1960-х гг. делала упор на строительство этих реакторов и даже экспортировала их: по одному экземпляру в Италию и Японию (оба остановлены к настоящему времени).

Следующим фактором, учитываемым при оценке опасности переключения ЯМ на том или ином типе реактора, является соотношение потребляемых и получаемых расщепляющихся материалов. Почти все энергетические реакторы: и легководные, и тяжеловодные, и реакторы с газовым охлаждением сжигают больше делящихся материалов, чем их содержится в ОЯТ (в пропорции примерно 10:7), что сужает вероятность их использования в военных целях. В то же время реакторы-размножители (бридеры) специально разрабатывались для наращивания количества плутония (в пропорции от 10:11 до 10:14), который может использоваться в них и в качестве топлива. Новый плутоний получается в этих реакторах из урана-238, которым окружают делящийся материал. Бридеры разрабатывались в условиях имевшегося или ожидавшегося дефицита уранового топлива, поэтому относительное перенасыщение мирового рынка ураном в 1990-х гг. при сокращении строительства новых АЭС во многих странах способствовало свертыванию программ развития этих реакторов. Лидерами в этой области остаются Франция, Россия, Япония.

⁴²См.: Rochlin G. Plutonium, Power, and Politics. International Arrangements for the Disposition of Spent Nuclear Fuel. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1979, p.47.

В целом в мире к концу 2000 г. было 438 действующих реакторов и еще 33 строились. Среди них примерно половину составляли легководные реакторы с водяным теплоносителем под давлением и еще четверть — легководные реакторы с водяным кипящим теплоносителем. На тяжеловодные реакторы приходилось примерно шесть процентов. Наибольшее число энергетических реакторов было в США (104), Франции (59), Японии (53), Великобритании (35), России (29), ФРГ (19), Южной Кореи (16), Индии (14), Канаде (14), Украине (13) и Швеции (11). Доля ядерной энергетики в производстве электричества составляла во Франции — 76%, Украине — 47%, Южной Кореи — 41%, Швеции — 39%, Японии — 34%, ФРГ — 31%, Великобритании — 22%, США — 20%, России — 15%, Канаде — 12% и Индии — 3%⁴³.

Исследовательские реакторы отличаются значительным разнообразием по мощности и используемым замедлителям и теплоносителям. Уступая по масштабам и стоимости энергоблокам АЭС, они вместе с тем реже попадают в поле зрения широкой общественности⁴⁴, хотя многие из них вызывают те же вопросы, что и перечисленные выше энергетические реакторы. Кроме этого, проводимые на этих реакторах эксперименты требуют частой остановки и перегрузки топлива, что предоставляет серьезные возможности для злоупотреблений. Исследовательские реакторы служили важным средством продвижения ядерных военных программ Индии, Пакистана, Израиля, ЮАР.

Обзор технических аспектов проблем создания ядерного оружия и возможных обходов международно-правовых барьеров на пути нарушителей режима нераспространения свидетельствуют, что при всей сложности пути «к Бомбе» он становится проходимее с каждым десятилетием. С одной стороны, это ставит повышенные требования к деятельности международных контрольных органов, прежде всего МАГАТЭ, что находит свое отражение в совершенствовании их работы. С другой стороны, относительная успешность борьбы против распространения ядерного оружия в прошлом и перспектива упрочения режима нераспространения в первую очередь связаны с умелым сочетанием различных средств поддержки этого режима (политических, дипломатических, экономических и др.), среди которых методы технического контроля ЯТЦ и противодействия возможным нарушителям занимают важное, но далеко не исключительное положение.

⁴³См.: www.iaea.or.at/programmes/a2.

⁴⁴В течение ряда лет МАГАТЭ реализовывала международную программу (с участием России) по оценке опасности исследовательских реакторов с точки зрения возможного применения ЯМ. Главный параметр, который рассматривается при такой оценке, — мощность реактора.

ЛИТЕРАТУРА

- Ауст З. Атомная энергия. М., Слово, 1994.
- Гарднер Г. Ядерное нераспространение. М., МИФИ, 1995.
- Нераспространение ядерного оружия: Сборник документов. М., Международные отношения, 1993.
- Подвиг П.Л. (ред.). Стратегическое ядерное вооружение России. М., ИздАТ, 1998.
- Радаев Н.Н., Протасов Ю.М. Технические аспекты истории создания и совершенствования ядерного оружия. М., РВСН, 1999.
- Albright David, Berkhout Frans, Walker William. Plutonium and Highly Enriched Uranium. 1996. World Inventories, Capabilities and Policies. SIPRI, 1997.
- Cochran T., Arkin W., Hoenig M. Nuclear Weapons Databook. Vol.I. U.S. Nuclear Forces and Capabilities. Cambridge (Mass.), Ballinger Publishing Company, 1984.
- Kokoski Richard. Technology and the Proliferation of Nuclear Weapons. Stockholm, SIPRI, 1995.
- Potter William. Nuclear Power and Nonproliferation. An Interdisciplinary Perspective. Cambridge (Mass.), Oelgeschlager, Gunn & Hain, 1982.
- Rochlin G. Plutonium, Power, and Politics. International Arrangements for the Disposition of Spent Nuclear Fuel. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1979.
- The Regulation of Nuclear Trade. Non-proliferation — Supply — Safety. Vol.I. International Aspects. Paris, Nuclear Energy Agency. OECD, 1988.
- Tyson S. Uranium Enrichment Technologies: Proliferation Implications. *Eye on Supply*, No.5, Fall 1991, 77-92.

ГЛАВА 3. НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ И ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЖИМА

Известно, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Именно к теории мы обращаемся в первую очередь, когда неясно, в чем суть проблемы и как ее решать. Режим ядерного нераспространения переживает переходный период; многие считают, что он переживает кризис, который может закончиться его разрушением. Усилия по сохранению режима должны в первую очередь учитывать накопленные теорией международных отношений знания об условиях возникновения и поддержания режимов, а также об их трансформации.

Настоящая глава носит по преимуществу теоретический характер и призвана рассмотреть следующие вопросы:

- характер современной системы международных отношений и причины, которые могут побуждать государства к приобретению ядерного оружия;
- теорию возникновения международных режимов как особой формы долгосрочного сотрудничества государств в той или иной области, признаки и организационные формы режимов;
- специфику ядерного нераспространения как одного из международных режимов, а также те аспекты теории режимов, которые относятся к условиям, необходимым для его сохранения в силе.

Современная система международных отношений и режим нераспространения

Дать полную характеристику современной системы международных отношений в рамках одной главы невозможно, тем более что существует немало теорий, различающихся как исходными посылками, так и практическими рекомендациями. Для целей настоящего учебника достаточно остановиться лишь на отдельных, наиболее существенных чертах.

Окончание «холодной войны» привело к размыванию жесткой структуры международных отношений, в которой позиция каждого государства определялась принадлежностью к «западной» или «восточной» группе (официальные термины из практики ООН, применяемые до сих пор за неимением лучших) либо к Движению неприсоединения (ДН), построенному вокруг принципа неучастия ни в одном из этих блоков (что предопределяло позицию его участников в большинстве вопросов международных отношений, в том числе нераспространении, по принципу «отталкивания» или равноудаленности). Позицию большинства стран можно было предугадать с высокой степенью вероятности уже по их принадлежности к той или иной группе.

«Восточная» и «западная» группы имели одинаково высокую степень заинтересованности в поддержании режима нераспространения ядерного оружия. Страны ДН, со своей стороны, сосредоточили усилия на продвижении идей ядерного разоружения, в чем они, однако, не слишком преуспели, поскольку ЯОГ (СССР и США в первую очередь) просто не допускали никого до принятия решений в отношении их ядерных арсеналов. Несмотря на довольно глубокие противоречия между «восточной» и «западной» группами государств, которые не раз подводили мир к крупным конфликтам, в том числе к грани мировой термоядерной войны, положение было довольно предсказуемым. Более того, можно утверждать, что после Карибского ракетного кризиса (1962) положение дел в определенной мере стабилизировалось. Подошедшие вплотную к ядерной пропасти СССР и США в дальнейшем более осторожно относились к планированию и осуществлению политики, стараясь избежать действий, которые могли бы вызвать непредсказуемое развитие событий. Именно за этим кризисом последовали первые шаги в области разоружения, а также ДНЯО. Естественно, что противостояние продолжало оставаться острым, сохранялась вероятность крупномасштабного конфликта, в том числе и ядерного, но все же были предприняты попытки сделать соперничество более контролируемым.

Исчезновение биполярности привело к тому, что *степень свободы в определении внешней политики для многих государств существенно возросла*. Этот феномен отчасти связан с ослаблением «блоковой дисциплины», а отчасти — с продолжающимся экономическим развитием, которое вывело некоторые страны в ряды «великих держав». Стали быстро появляться новые «центры силы». Так, например, Индия выдвинулась в число крупнейших и влиятельнейших стран мира, она претендует на постоянное членство в СБ ООН наряду с пятью нынешними постоянными членами (США, Россия, Китай, Великобритания и Франция); соответственно сократились возможности для влияния извне на решения индийского правительства, в том числе в сфере ядерных вооружений. Конечно, как и все государства, Индия не может не испытывать давления извне (в немалой степени именно позиция мирового сообщества и экономические санкции, введенные после ядерных испытаний в 1998 г., стали причиной того, что Индия не развернула ядерные вооружения и придерживается моратория на ядерные взрывы), но ее действия менее поддаются контролю, чем ранее.

Снизился уровень «дисциплины» в международных отношениях. При всем своем могуществе США не в состоянии контролировать деятельность других государств в той же мере, как в годы «холодной войны». С распадом СССР исчезла вторая сверхдержава, т.е. нарушился опасный, но довольно стабильный баланс, при

котором сама логика соперничества давала двум странам возможность во многом направлять развитие событий. Напротив, возрастание мощи США ведет, с точки зрения ряда стран, к возрастанию угрозы, поскольку американское давление более не встречает сопротивления равновеликой силы. Наконец, нередко более свободно развиваются ранее существовавшие и новые конфликты — уже хотя бы потому, что сверхдержавы их уже не сдерживают.

Таким образом, можно говорить о двух взаимосвязанных, накладывающихся друг на друга процессах: при том, что США стали наиболее мощным государством в мире, одновременно растет влияние и относительная свобода действий целого ряда других стран. В российской литературе и политике эти процессы концептуализированы как противоборство двух тенденций — к многополярному и однополярному миру¹.

Одновременно с сокращением удельного веса внешних ограничителей *возросла роль внутривнутриполитических факторов в определении политики национальной безопасности*. Правительства ряда стран в большей степени могут учитывать интересы внутренней политики и различных группировок внутри своей политической и экономической элиты.

Роль внутренней политики вообще тесно связана с уровнем мощи государства, хотя эта взаимосвязь нелинейна и имеет довольно сложную структуру. В общем плане можно сказать, что относительно более слабое государство вынуждено чаще подавлять импульсы, исходящие изнутри страны, поскольку это в политическом и экономическом плане «дешевле», чем вступать в конфликт с более мощными государствами. Для США, напротив, «дешевле» надавить на другие страны, чем на собственную элиту. При этом, конечно, следует избегать вульгаризации: внешняя политика любого государства — сложное явление, и внутренние импульсы часто направлены в противоположные стороны.

В последние годы все более отчетливо проявляется *тенденция к изменению не только сложившегося в годы «холодной войны» соотношения сил в системе международных отношений, но и к пересмотру традиционных правил игры*, включая такие важные элементы, как применение силы между государствами и, в более общем плане, порядок принятия решений на межгосударственной основе. Вне всякого сомнения, это связано со значительным

¹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. №1300 (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. №24). Концепция построения многополярного мира как альтернативы миру однополярному была выдвинута Е.М. Примаковым вскоре после его назначения на пост министра иностранных дел. См.: Примаков Е.М. На горизонте — многополюсный мир. *Международная Жизнь*, №5, 6, 1996.

абсолютным и относительным ростом мощи США². Эти попытки не могут не оказать влияния на все элементы системы международных отношений, в том числе и на режим нераспространения, хотя США и их союзники пытаются сохранить в силе те элементы прошлого, которые их устраивают.

С приходом к власти в США в 2001 г. республиканской администрации, возглавляемой Джорджем Бушем-мл., эти усилия вышли на новый уровень, что было продемонстрировано отказом от целой серии международных соглашений в течение первого же года: Киотского протокола (меры противодействия глобальному потеплению), Протокола о мерах контроля к КБО, заявлением о выходе из советско-американского Договора по ПРО 1972 г. Эти шаги, как правило, воспринимались в мире как свидетельство того, что США чувствуют себя достаточно сильными, чтобы обеспечить по-прежнему важные для них режимы нераспространения и другие международные режимы, не опираясь на юридически обязательные нормы. Некоторые считают, что, напротив, эти шаги свидетельствуют о выводе относительно безнадежности попыток сохранить режимы нераспространения и о подготовке к чисто силовой реакции на распространение ядерного оружия и средств его доставки; этим иногда объясняется линия на создание национальной системы ПРО.

Впрочем, после терактов в сентябре 2001 г., когда США столкнулись с необходимостью широкой международной коалиции, удельный вес «неоизоляционизма» в американской внешней политике значительно снизился. Можно надеяться, что и по другим вопросам действия США будут в большей мере учитывать необходимость координации с мировым сообществом.

Возникает вопрос: в какой мере противостояние тенденций к много- или однополярности может сказаться на функционировании сложившейся системы международных режимов? Окончательного ответа на этот вопрос пока дать нельзя, поскольку не завершено еще формирование «центров силы», даже столь продвинутого по этому пути, как европейский. Тем более неясно, как и на каких принципах будут складываться отношения между «центрами силы».

Тем не менее заявления российских лидеров в периоды наиболее острых кризисов в отношениях с Западом (вокруг Югославии весной 1999 г. и Чечни в конце 1999 г.), а также политика Китая, который, несмотря на обострение отношений с Западом, осенью 1999 г. начал процесс вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО) и в конце 2001 г. был в нее принят, позволяют сделать вывод, что борьба чаще всего ведется не столько вокруг самих «правил игры», сколько вокруг более

² Абсолютным, поскольку США сейчас действительно сильнее, чем, скажем, в 1980-е гг., а относительным — поскольку одновременно имело место ослабление потенциальных и реальных оппонентов, прежде всего в связи с распадом СССР.

сбалансированной системы принятия решений относительно их осуществления, а также вокруг изменения этих правил — процесса, в котором Россия как постоянный член СБ ООН и участница подавляющего большинства международных соглашений играет одну из ключевых ролей. Сближение России и Китая, в том числе подписание в 2001 г. нового Договора о сотрудничестве, дружбе и добрососедстве, является свидетельством желанья двух стран совместно действовать не столько против США, сколько в пользу сохранения основных принципов международного права, в первую очередь роли ООН, а также в плане утверждения того принципа, что изменение международных режимов должно осуществляться только на взаимоприемлемой, согласованной основе.

Можно с высокой степенью уверенности предположить, что в своей основе существующая система международных режимов сохранится, хотя и в модифицированном виде. Речь идет скорее о болезненном переходе от одной конфигурации международных отношений к другой, но большинство ключевых государств не ставят под сомнение сами «правила игры». Насколько США и некоторые из их союзников преуспеют в модификации этих «правил» и как именно они будут модифицированы, покажет время. Многое зависит от того, ощутят ли США в обозримой перспективе пределы своей мощи. Ряд реалистически мыслящих американских политиков и специалистов отмечали, что сил едва хватило на одну Югославию, а на более широких замыслах можно и «надорваться». Похоже, ту же роль сыграли потребности антитеррористической операции в Афганистане, начавшейся осенью 2001 г.

Ясно, что снижение «контролирующей» роли сверхдержав, увеличение степеней свободы в определении внешней политики, появление новых вызовов безопасности, а также возрастание роли внутривнутриполитических факторов (включая влияние радикальных националистических группировок и военно-промышленных комплексов (ВПК)) не могло не повлиять на такой важный элемент системы международных отношений, как режим нераспространения ядерного оружия.

Как будет показано в последующих главах, кризис режима ядерного нераспространения выразился прежде всего в следующих явлениях: затормозился процесс ядерного разоружения, в то время как НЯОГ начали с большей жесткостью требовать прогресса в этом направлении; целый ряд стран в крайне жесткой форме потребовал заняться наконец-то урегулированием региональных кризисов, ставя это условием своего неядерного статуса (прежде всего Египет в связи с ядерным арсеналом Израиля); вообще многие государства стали намного «проще» подходить к возможности приобретения ими ядерного статуса (например, разговоры на эту тему оживились в Японии); наконец, ряд стран

просто-напросто приобрел ядерное оружие (Индия и Пакистан; Северную Корею удалось удержать ценой немалых усилий).

На этом фоне со всей остротой встал вопрос о том, *что является стимулом для приобретения ядерного статуса*. Невозможно выработать эффективную стратегию сохранения режима ядерного нераспространения без знания того, какими проблемами надо в первую очередь заниматься. Вместе с тем обнаружилось, что после окончания «холодной войны», когда этот вопрос всерьез не исследовался, четкого ответа не существует.

Наиболее распространенное объяснение исходит из «здорового смысла» и состоит в том, что государства видят в ядерном оружии средство обеспечения безопасности. С учетом этого некоторые до сих пор считают ядерное распространение «естественным и благотворным для международной безопасности»³. В начале 1990-х гг. этот тезис приобрел новую жизнь, когда вопрос встал не только о возможности превращения НЯОГ в ЯОГ, но и о статусе бывших республик СССР, которые с приобретением независимости унаследовали значительные арсеналы (так, Украина могла претендовать на третье место после США и России). Джон Мершаймер писал в нашумевшей статье, что Украина непременно сохранит за собой ядерное оружие и что это даже укрепит безопасность в регионе; он также считал, что и другие европейские государства, в особенности Германия, должны незамедлительно обрести ядерный статус⁴. Реальность опровергла эти рассуждения, как и представление о «естественности» распространения.

Существует и иное объяснение — внутренняя политика, точнее, роль лидеров и целых групп, которые заинтересованы в развитии ядерных программ и/или опоре на ядерное оружие. Например, ядерная программа Индии в 1960-е гг. связывается с именем Хоми Бабы, главы индийской Комиссии по атомной энергии, который «пробил» и смог поддерживать на высоком уровне ее финансирование. Ядерная программа может быть связана с давлением вооруженных сил и ВПК, заинтересованных в приобретении «абсолютного оружия»⁵.

³ Мнение о том, что приобретение ядерного оружия является естественным побуждением любого государства, было широко распространено в 1950-е гг., но со временем пришло осознание опасности этого пути. Во-первых, ядерный баланс стал бы столь сложным, что закончился бы гонкой вооружений (достаточно вспомнить, с каким трудом согласовывался баланс в *двусторонних* советско-американских соглашениях). Во-вторых, трудно рассчитывать, что все лидеры всех государств воздерживались бы от его применения.

⁴ Mearshimer John. The Case for a Ukrainian Nuclear Deterrent. *Foreign Affairs*, No.3, Vol.72, Summer 1993 и его же Back to the Future: Instability in Europe After the Cold War. *International Security*, No.1, Vol.15, Summer 1990.

⁵ Этот подход к объяснению нераспространения разработан в литературе недостаточно. Роль оборонной промышленности, в особенности ее руководителей, проанализирована в работе: Baker John. Non-Proliferation Incentives for Russia and Ukraine. *Adelphi Papers*, No.309, London, IISS, 1997. Можно также отметить статью Скотта Сарана, которая

Существует, наконец, теория, которая исходит из того, что решение государств приобретать или не приобретать ядерное оружие связано с наличием международно признанных норм. Уже сам по себе режим нераспространения и повсеместное признание исключительной опасности и негуманности ядерного оружия превращают попытки получения ядерного статуса в противостояние всему мировому сообществу⁶. Далекое не всякое правительство может на это решиться. Напротив, большинство стремится добиться признания и стать составной частью сообщества. Даже проведя серию успешных испытаний, Индия и Пакистан удовлетворились ролью «виртуальных» ЯОГ. Считается, что опасение оказаться в роли «ядерного изгоя» стало определяющим в решении Украины и Казахстана отказаться от ядерного статуса.

Соответственно, пока режим ядерного нераспространения остается прочным, наиболее вероятным все же является сохранение большинством стран неядерного статуса. В редких случаях, когда статус является в течение какого-то времени юридически «неопределенным» (например, у бывших советских республик или ЮАР, которая сменила основы государственного устройства и при этом унаследовала секретную ядерную оружейную программу), государства также скорее всего выберут неядерный статус. Напротив, страны, которые имеют статус «изгоев» мирового сообщества, очевидно, могут склониться к приобретению ядерного оружия.

Хотя точку в исследованиях по этой проблематике ставить рано, модель, обращающая внимание на роль международных норм, заслуживает серьезного рассмотрения и представляется важной для понимания феномена ядерного нераспространения. При этом существенно, что авторы, подчеркивающие роль системы международных режимов в целом, уделяют большое внимание не только их «символической» составляющей («пропуск в общество»), но и вполне утилитарному аспекту — насколько система международных режимов в военно-политической сфере способна обеспечить безопасность каждого отдельного государства. Т.е., если та или иная страна считает, что ее безопасность может быть удовлетворительно обеспечена без наличия ядерного оружия, то она скорее всего не станет к нему стремиться.

рассматривает ситуацию, когда военные в той или иной стране стремятся получить ядерное оружие, но при этом политический контроль над вооруженными силами слаб. Sagan Scott. The Perils of Proliferation: Organization Theory, Deterrence Theory, and the Spread of Nuclear Weapons. *International Security*, No.4, Vol.18, Spring 1994.

⁶ Этот подход к объяснению ядерного распространения развит, например, в работе: Sagan Scott. Why Do States Build Nuclear Weapons? Three Models in Search of a Bomb. *International Security*, No.3, Vol.21, Winter 1996/97; Muller Harald. The Internationalization of Principles, Norms, and Rules by Governments: The Case of Security Regimes. In Volker Rittenberger ed., *Regime Theory and International Relations*. Oxford, Clarendon Press, 1995; Potter William. The Politics of Nuclear Renunciation: The Cases of Belarus, Kazakhstan, and Ukraine. Henry Stimson Center, Occasional paper No.22, April 1996.

Поскольку мы на каждом шагу сталкиваемся с понятием международного режима и поскольку ядерное нераспространение само принадлежит к этому классу явлений, необходимо определить, что такое международные режимы, как они появляются и насколько и почему они устойчивы.

Определение международных режимов

Хотя теория международных режимов начала развиваться сравнительно недавно, наукой о международных отношениях уже накоплен определенный запас знаний. Наиболее распространенным определением *международного режима* является «совокупность принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых концентрируются ожидания действующих лиц в данной области»⁷. В этом определении следует выделить ряд моментов.

Во-первых, речь идет о своде правил, которые могут быть закреплены в юридически обязывающих документах, но могут существовать и де-факто. Эти правила определяют действия государств в той или иной области, например в сфере безопасности или более конкретно — в ядерном нераспространении. Хотя формально любое государство может поступать так, как ему заблагорассудится, наличие режима оказывает сдерживающее влияние, и все его участники, как правило, действуют в соответствии с едиными правилами.

Во-вторых, речь идет об ограничении свободы выбора. Поведение участников режима подчиняется правилам даже в том случае, если в краткосрочном плане нарушение режима способно принести выгоду или его соблюдение наносит ущерб. Тем не менее, поскольку государства принимают на себя обязательство добровольно, сам факт вступления в режим является выражением «свободной воли» государства, отражением осознания того, что налагаемые режимом ограничения отвечают его долгосрочным интересам.

В-третьих, основополагающим принципом является взаимность, всеобщность соблюдения правил всеми участниками режима. Именно поэтому речь идет об «ожидании»: «я» твердо рассчитываю на то, что другое государство будет вести себя «по правилам», и сам «я» тоже намерен действовать «по правилам». За счет этого в межгосударственные отношения привносится элемент предсказуемости. При этом следует учитывать, что почти любой сбой в функционировании режима (например, если один из его членов поступает «не по правилам») способен привести к обесцениванию всего набора правил именно потому, что другие участники уже не могут с достаточной уверенностью предсказать

⁷ Krasner Stephen. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. In: Stephen Krasner (Ed.). International Regimes. Ithaca, Cornell Univ. Press, 1983, p.1.

поведение нарушителя и сами начнут планировать свою политику, следуя непосредственной выгоде, а не правилам режима.

Другим вариантом реакции на нарушение являются разного рода экономические или силовые санкции, призванные восстановить жизнеспособность режима (в этом плане необходимо различать санкции как средство проведения собственной политики и санкции как средство устранения нарушений).

Основополагающая роль принципа суверенного равенства государств, при котором в системе международных отношений отсутствует верховная власть, способная устанавливать и проводить в жизнь правила общежития, часто воспринимается как свидетельство неискоренимой анархии в отношениях между государствами, «войны всех против всех». При таком взгляде место и роль каждого государства определяются только его мощью (понимаемой в широком плане как совокупность всех ресурсов — военных, экономических, финансовых, людских и т.д.) и балансом силы между государствами или их объединениями. Предполагается, что каждое государство стремится к расширению своего влияния, и это стремление сдерживается только силой государств, ему противостоящих. Данный подход к анализу международных отношений получил название «реализма» или, в более современной, видоизмененной трактовке, «неореализма»⁸.

В действительности все обстоит иначе. Суверенитет не является препятствием для создания правил поведения, т.е. режимов, снижающих уровень анархии. Международные отношения — это не «игра в один раунд»: если «я» сегодня получу выгоду за счет другой стороны, то пострадавший может создать мне проблемы в будущем. В долгосрочном плане выгоднее заранее знать, как в той или иной ситуации поступят другие страны, чем каждый день ждать подвоха. Например, в условиях анархии рациональным средством обеспечения безопасности является наращивание вооружений, поскольку иначе потенциальный противник добьется военного превосходства. Однако с экономической точки зрения целесообразнее договориться о мерах ограничения вооружений и пустить сэкономленные деньги на экономическое развитие. Противник, со своей стороны, знает, что если он даже сможет нарушить договоренность, то в дальнейшем он получит гонку вооружений со стороны всех своих соседей, так что выигрыш окажется недолговечным. Школа, обращающая

⁸ Классическими трудами неореализма являются: Waltz Kenneth. *Man State and War*. New York, Columbia Univ. Press, 1959 и его же *Theory of International Politics*. Reading, Addison-Wesley, 1979. Более ранние: Morgenthau Hans. *Politics Among Nations*. 5th ed., New York, Knopf, 1978 и Wolfers Arnold. *Discord and Collaboration*. Baltimore, Johns Hopkins Univ. Press, 1962 принадлежат к так называемому «классическому реализму», который, в частности, обращает внимание на внутривнутриполитические характеристики государств.

внимание на роль международных режимов, получила название «институционализма»⁹.

Механизм создания режимов

Появление международных режимов возможно при трех условиях: во-первых, выгоды от сотрудничества должны превышать выгоды от односторонних действий, во-вторых, взаимодействие государств должно быть продолжительным, а в-третьих, требуется определенная степень открытости (транспарентности) относительно намерений и возможностей сторон.

Первое условие достаточно очевидно. Государства просто не будут сотрудничать (т.е. присоединяться к тому или иному режиму, ограничивая свою свободу действий), если от этого не ожидается никаких выгод.

Второе условие интуитивно менее очевидно. Дело в том, что положение дел, в котором участники заведомо и всегда выигрывают от сотрудничества, встречается крайне редко. Намного чаще возникает ситуация, когда существует соблазн быстро получить выгоду за счет другой стороны, в особенности если ситуация или соотношение сил этому благоприятствуют. Многочисленные исследования показали, что ключевую роль в возникновении сотрудничества играет эффект, известный как «тень будущего». Если каждый участник знает, что взаимодействие продлится в течение длительного времени, то подход к формированию политики изменяется: акцент переносится с получения краткосрочных преимуществ на максимизацию долгосрочной выгоды.

Логика достаточно проста: если «я» сегодня обманул партнера, воспользовавшись его доверчивостью, то в будущем уже не удастся достичь взаимодействия и в итоге «я» могу оказаться в проигрыше. Наиболее простым примером является принцип неприкосновенности дипломатического персонала: любое государство, естественно, имеет все возможности поступить с чужим послом так, как ему заблагорассудится, но тогда его же собственный посол окажется в аналогичной ситуации. Краткосрочные выгоды от ареста иностранных дипломатов многократно перекроются потерями в более далекой перспективе.

⁹ В качестве наиболее известных работ школы институционализма можно назвать: Keohane Robert, Nye Joseph. *Power and Interdependence. World Politics in Transition.* Boston, Little, Brown & Co., 1977; Keohane Robert. *After Hegemony.* Princeton, Princeton Univ. Press, 1984; Keohane Robert, Haas Peter, Levy Marc (Eds.). *Institutions for Earth: Sources of Effective International Protection.* Cambridge, MA, MIT Press, 1993; Keohane Robert, Martin Lisa. *The Promise of Institutional Theory.* *International Security*, No.20, Summer 1995; Haftendorn Helga, Keohane Robert, Wallander Celeste (Eds.). *Imperfect Unions.* Oxford, Oxford University Press, 1999.

Третье условие — прозрачность — также часто остается «за кадром». Речь идет о получении надежной информации о намерениях и возможностях других участников режима, а также о предоставлении аналогичной информации о себе. Логика первого элемента очевидна: если «я» знаю, что «он» будет сотрудничать, то и «я» буду сотрудничать. Значительно реже эта логика применяется к собственной стране, но на деле государство должно быть заинтересовано в предоставлении информации о себе не меньше, чем в получении информации о других — ведь другие государства также заинтересованы в предсказуемости положения дел. Поиск баланса между открытостью и естественным желанием сохранить чувствительную информацию крайне труден по очевидным причинам. Пример СССР, многие действия которого воспринимались как агрессивно направленные именно из-за недостатка информации, предостерегает от чрезмерного крена в одну сторону.

Наибольшую ценность, естественно, имеет информация, подкрепленная реальными действиями, например, сдержанность в модернизации и развертывании вооружений, а тем более заключение юридически обязывающих и поддающихся контролю соглашений. Материальным свидетельством того, что НЯОГ действительно не намерено приобретать ядерное оружие, служит отсутствие соответствующей инфраструктуры, бюджетных ассигнований, закупок оборудования и материалов и т.д. Открытость для инспекций МАГАТЭ подтверждает соблюдение взятых на себя обязательств. Иными словами, НЯОГ, намеренное соблюдать свои обязательства, заинтересовано в том, чтобы и другие об этом знали. Аналогичным образом работают системы контроля и в российско-американских соглашениях о сокращении стратегических наступательных вооружений.

Если условия возникновения режима выполнены — кто делает первый шаг? Происхождение международных режимов описывается двумя взаимодополняющими теориями. Первая рассматривает их через призму проблемы совместных действий¹⁰.

Речь идет о ситуации, когда небольшая группа сталкивается с необходимостью регулировать использование того или иного исчерпаемого ресурса, который невозможно поделить, например, общинное пастбище, район рыболовства и т.д. Если каждый участник старается «выжать» максимальную выгоду, то существует риск исчерпания ресурса. Полученная выгода будет кратковременной, и в

¹⁰См. классическую работу: Olson Mancur. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1965; а также более поздние: Ostrom Elinor. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1990 и Ruggie John. *Multilateralism Matters The Theory and Praxis of an Institutional Form*. New York, Columbia Univ. Press, 1993.

итоге пострадают все. Соответственно появляется стимул для того, чтобы выработать правила поведения, позволяющие максимизировать выгоду каждого в «долгосрочной» перспективе.

В качестве ресурса, использование которого требует регулирования, можно представить, например, международную безопасность (отсутствие войны и угрозы войны). С целью снизить вероятность возникновения войн и конфликтов, торговой конкуренции и т.д. государства вырабатывают определенные правила поведения и взаимодействия. Стимулом для создания режима является сама ситуация, которая вынуждает идти на поиск каких-то вариантов взаимодействия.

Такой вариант возникновения международных режимов наиболее вероятен в условиях примерного равенства государств или, по крайней мере, многополярного мира. Вместе с тем следует учитывать, что нахождение взаимопонимания между равными государствами является непростым делом, поскольку любой участник переговоров способен заблокировать достижение договоренности. Кроме того, такой режим может быть легко нарушен: для введения санкций в отношении нарушителя требуется согласие многих участников, достичь чего часто также бывает непросто.

В то же время почти в любой группе могут существовать свои «центры силы», способные наладить регулируемое использование ресурсов, но таким образом, чтобы им доставалась более значительная доля благ. Этому сценарию соответствует второе объяснение источника международных режимов — лидирующая роль гегемона, т.е. наиболее мощного государства, способного принудить более слабые страны к сотрудничеству, навязав им «правила игры». Этот метод может значительно ускорить создание международных режимов уже хотя бы потому, что полного единогласия не требуется, и ситуация, при которой одно государство может заблокировать переговоры, почти исключена; гегемон также обеспечивает соблюдение режима, «наказывая» его нарушителей.

В условиях режима, созданного гегемоном, возникает проблема асимметричного распределения выгод и потерь. Гегемон способен «забрать» себе львиную долю выгод от существования режима, пользуясь своей мощью и исключительным положением в рамках режима, т.е. условиями, которые он создал «под себя».

При анализе таких режимов необходимо различать понятие абсолютной и относительной выгоды. Первая относится к ситуации, когда сравнивается выгода, получаемая при наличии и отсутствии сотрудничества: решение принимается безотносительно к выгоде, которую получает другая сторона. Во втором случае собственная выгода сравнивается с выгодой, которую получает другая сторона. Ясно, что в режимах, создаваемых гегемоном,

младшие партнеры несколько меньше склонны идти на сотрудничество, поскольку есть вероятность, что они будут руководствоваться относительной, а не абсолютной выгодой.

Например, если при заключении договора стороны сделали уступки разного масштаба, то этот договор можно оценивать с двух точек зрения. Можно сказать, что договор не выгоден, поскольку другая сторона получила больше, но можно сказать, что договор выгоден, поскольку от него все равно есть польза. Подобная ситуация возникает в международных отношениях часто, и в каждом случае необходим сбалансированный анализ положения дел.

Примером может служить подписанный в 1993 г. Договор СНВ-2 о сокращении стратегических вооружений. Мнения о нем в России разделились именно в зависимости от выбора критерия: противники указывали на то, что Россия сделала намного более значительные уступки, чем США, в то время как сторонники доказывали, что в отсутствие Договора положение России будет хуже, чем в случае его ратификации.

Как правило, минимальным выигрышем при создании международного режима является предсказуемость внешней среды. Например, отказавшись от приобретения ядерного оружия, большинство участников ДНЯО может быть уверено в том, что их соседи (и, возможно, соперники) не приобретут его. Уже этот фактор способствует стабильности режима даже несмотря на его во многом дискриминационный характер.

Условия стабильности режима

Существуют два основных условия, при которых режим может оставаться стабильным.

Во-первых, режим должен быть выгоден (полезен) для его участников. Т.е. выгода от сотрудничества должна в долгосрочной перспективе превышать выгоду от односторонних действий или, что имеет те же последствия, потери от исчезновения режима должны превышать затраты на его поддержание.

Во-вторых, участники режима должны соблюдать «правила игры». Это требование только кажется очевидным, поскольку всегда сохраняется соблазн резко увеличить выгоду за счет внезапного нарушения правил. Вместе с тем любое нарушение правил может вызвать ослабление режима или даже его крах. Возможен, конечно, и другой вариант — вовремя замеченная попытка нарушения способна стимулировать действия по укреплению режима и наказанию нарушителя. Например, после того, как выяснилось, что Ирак в 1980-е гг. в нарушение своих обязательств по ДНЯО тайком создавал ядерное оружие, режим экспортного контроля был существенно усилен.

Специфическую проблему с точки зрения стабильности представляют режимы, созданные гегемоном. С одной стороны, они легче создаются и более строго выполняются, поскольку гегемон имеет возможность эффективнее применять санкции за нарушение. В то же время неравенство получаемых выгод и возможность нарушения правил самим гегемоном могут подтачивать режим.

В общем плане можно сказать, что наиболее устойчивыми являются режимы, в которых абсолютная и относительная выгоды равны, но такое встречается редко, тем более если режим создавался при ведущей роли гегемона. На втором месте в плане устойчивости находится, очевидно, размер абсолютной выгоды: если более слабые государства могут много потерять от исчезновения режима, то они скорее всего будут ему подчиняться, хотя недовольство гегемоном будет сохраняться (с этой точки зрения не стоит переоценивать критику США со стороны их союзников: речь, как правило, идет о выравнивании относительной выгоды, а не о реальной оппозиции). Положение, при котором абсолютная выгода незначительна или отсутствует, создает нестабильную ситуацию, поскольку попытки выхода из режима становятся очень вероятными. Можно сказать, что чрезмерная «жадность» добром не кончается.

Удержать «младшего партнера» в рамках режима можно двумя способами: увеличить выгоду или увеличить санкции за отказ от сотрудничества, т.е. принуждением. Оба варианта требуют затраты ресурсов и могут сократить абсолютную выгоду для гегемона.

Уже само определение международного режима предполагает, что гегемон соблюдает «правила игры»: если этого не происходит, то можно говорить о диктате, империи, но не о международном режиме. Вероятность нарушения правил со стороны гегемона сравнительно высока, поскольку он зачастую может действовать безнаказанно. Правительству бывает трудно противостоять внутривластным давлению, и при определенном уровне силы может возникнуть соблазн пойти на уступки внутри страны в ущерб международным обязательствам. Высокий уровень мощи не только способствует созданию выгодных для гегемона правил игры, но и создает предпосылки для их изменения в случаях, когда эти правила противоречат краткосрочным интересам. В конечном счете, однако, погоня за краткосрочной выгодой контрпродуктивна, поскольку разрушает саму суть международного режима и создает оппозицию. Пренебрегая созданными им правилами игры, гегемон в конечном счете рискует проиграть больше, чем выиграть от их нарушения.

Альтернативой является изменение режима с согласия всех или большинства его участников, т.е. процесс, сходный с созданием нового режима. Здесь, конечно, речь не идет о нарушении, и

обновленный режим может оказаться не менее, а то и более прочным, чем его предшественник.

Важность поддержки режима большинством участников является одним из ключевых условий его существования. Способность гегемона эффективно играть роль «полицейского», который наказывает «отступников», сама по себе основывается на том, что нарушения являются исключением, а не правилом. Мощь гегемона важна прежде всего на этапе создания режима, да и то позволяет лишь ускорить процесс, а не «затолкнуть» других в его рамки силой. При возникновении массовой оппозиции — открытой или в виде саботажа — роль «полицейского» становится проблематичной, если вообще возможной.

Осознать, что мощь имеет пределы, непросто. В свое время США потребовалось пройти войну во Вьетнаме для того, чтобы осознать существование таких пределов («вьетнамский синдром» ослаб только в 1980-е гг., да и то полностью не исчез), а для СССР переломным событием стал Афганистан.

Логично ожидать, что с исчезновением гегемона созданный при его участии режим рухнет. На самом деле это не всегда так. Уже сама по себе заинтересованность государств в предсказуемости ситуации и снижении анархии может способствовать тому, что действующий режим сохранится до тех пор, пока ему не будет найдена подходящая замена. Устойчивость режима и здесь напрямую связана с размером абсолютной выгоды, получаемой участниками от наличия общепринятого свода правил. Так, при формировании полноценной многополярности в международных отношениях режим нераспространения скорее всего сохранится даже несмотря на то, что он создавался при участии двух сверхдержав в годы «холодной войны».

Организационные формы

В процессе функционирования международного режима могут возникать разногласия относительно применения его правил; часто создаются специальные органы для урегулирования споров, а также уточнения существующих или согласования новых правил. Советско- и российско-американские договоры о сокращении ядерных вооружений предусматривают регулярно собирающиеся комиссии. В соответствии с КХО также создана специальная организация.

Международные режимы могут принимать различные организационные формы. Высшей формой является международная организация, затем следуют различные варианты двух- или многосторонних соглашений, юридически неоформленные договоренности, негласные взаимопонимания, как правило,

касающиеся воздержания от тех или иных действий¹¹. Примером высокоразвитых режимов является ООН, а также режим ядерного нераспространения. РКРТ является весьма разветвленным, но слабо оформленным с организационной точки зрения (договор на этот счет отсутствует, и режим существует в виде согласованной политики государств, которые руководствуются определенным набором принципов и согласованными списками техники и технологий, экспорт которых ограничен).

Международные организации выполняют не только функции обмена информацией (транспарентности) и снятия разногласий, но зачастую также и функцию координации, т.е. фактически являются международным механизмом принятия решений в области внешней политики.

Одной из важнейших функций международных организаций является изменение при необходимости «правил игры». Выше в этой главе уже отмечалось, что международные режимы и принципы взаимодействия государств не могут оставаться неизменными, тем более в условиях динамично меняющегося соотношения сил на мировой арене, появления новых «центров силы» и новых типов действующих лиц (в том числе негосударственных образований). Процесс изменения сложившихся в годы «холодной войны» режимов должен подчиняться определенной процедуре (как, например, существуют правила внесения поправок в Устав ООН или в договоры о сокращении вооружений). В значительной мере именно стремление США и их союзников осуществить эти изменения явочным порядком или опираясь только на поддержку ограниченного числа стран встречает сопротивление других государств, в том числе России и Китая, и вносит элемент дезорганизации в систему международных отношений. Под угрозой ставятся многие режимы, существование которых отвечает как общим, коллективным интересам большинства стран мира, так и собственным интересам США.

Плотность международных режимов в современном мире настолько высока, что часто речь идет о «сети», или «паутине», режимов. Едва ли не каждый шаг регулируется тем или иным договором или неписанной нормой. В этой связи необходимо отметить взаимовлияние и взаимоукрепление режимов. Попытка вырваться из одного из них часто затрагивает целый ряд других и

¹¹Характеристики международных режимов и международных организаций проанализированы, в частности, в таких работах, как: Young Oran. International Regimes: Problems of Concept Formation. *World Politics*, No.32, p.3; Ruggie John. International Responses to Technology: Concepts and Trends. *International Organization*, No.29, p.3; Krasner Stephen (Ed.). International Regimes. Ithaca, Cornell Univ. Press, 1983; Keohane Robert, Nye Joseph. Power and Interdependence. *World Politics in Transition*. Boston, Little, Brown & Co., 1977; Keohane Robert. After Hegemony. Princeton, Princeton Univ. Press, 1984; Jacobson Harold. Networks of Interdependence. New York, Knopf, 1979.

удерживает от опрометчивых шагов. Верно, однако, и обратное: разрушение одного режима способно подорвать всю систему. В значительной мере с этим были связаны возражения России против желания США развернуть систему ПРО национальной территории даже ценой выхода из Договора по ПРО. Трудно было бы предотвратить «эффект домино»: велика вероятность того, что преднамеренное разрушение одного договора может разрушить другие договоренности в сфере международной безопасности и контроля над вооружениями.

В заключение следует оговориться, что в той же мере, в какой было бы неверно абсолютизировать мощь государства, ошибочно абсолютизировать и роль международных режимов. Речь идет о том, что наличие режимов изменяет роль силы, ее удельный вес и методы применения. Даже самое мощное государство не может формировать свою внешнюю политику без их учета, но роль силы остается ощутимой.

Специфика режима ядерного нераспространения

Приведенный выше обзор теории международных режимов позволяет полнее понять природу возникновения и характер режима нераспространения ядерного оружия. Специфика этого режима состоит в том, что он формировался в годы «холодной войны» и принадлежит к «смешанному типу».

ДНЯО появился на свет в основном усилиями двух сверхдержав, СССР и США, которые пришли к выводу, что такой режим отвечает их интересам. Каждая из сверхдержав могла пытаться максимизировать мощь своего лагеря за счет передачи ядерного оружия союзникам, но в итоге обе только проиграли бы. Ограничение числа ЯОГ отвечало их интересам, но требовалось обеспечить предсказуемость, а именно — что другая сторона будет также проявлять сдержанность. Создание режима было ускорено тем, что СССР и США значительно превосходили другие государства по своей мощи и могли в значительной мере контролировать позицию своих непосредственных союзников.

Как указывалось выше, НЯОГ также были заинтересованы в ДНЯО. Таким образом, роль сверхдержав сводилась не столько к принуждению, сколько к организации совместных действий.

Постоянное взаимодействие СССР и США в деле ядерного нераспространения служило своего рода костяком ДНЯО, гарантируя устойчивость всего режима. Сотрудничество не было идеальным: например, США «закрыли глаза» на ядерную программу Израиля. В то же время совместными усилиями удалось предотвратить приобретение ядерного оружия арабскими государствами; в противном случае Израиль развернул бы свою

ядерную программу в полном масштабе. США сыграли существенную роль в противодействии ядерным программам ЮАР и Пакистана. Осуществив в 1974 г. ядерный взрыв, Индия в течение ряда лет воздерживалась от продолжения своей программы.

Было бы неверно приписывать стабильность ДНЯО исключительно роли СССР и США. Они могли, конечно, оказать мощное противодействие отдельным нарушителям, но вряд ли смогли бы справиться с широкомасштабным противодействием. Огромную роль сыграло осознанное решение большинства стран мира воздержаться от приобретения ядерного оружия.

Тот факт, что число «диссидентов» было небольшим, позволял СССР и США сравнительно легко поддерживать стабильность режима. Ряд стран, как известно, к ДНЯО не присоединились, но достаточно жесткий контроль над ситуацией со стороны сверхдержав позволил минимизировать воздействие их примера.

Режим ядерного нераспространения является высокоразвитым. Его основой служит договор, а в его состав входят международная организация, МАГАТЭ, а также ряд менее формализованных объединений, действующих на постоянной основе, таких, как ГЯП. Кроме того, члены режима периодически собираются на КР ДНЯО, а решение о придании ему нового, бессрочного статуса сопровождалось дальнейшим укреплением этого процесса: теперь встречи проводятся почти каждый год, в дополнение к широкомасштабным конференциям на высоком уровне каждые пять лет. В поддержании режима участвует и СБ ООН.

Режим ядерного нераспространения является также весьма разветвленным. Он касается в той или иной степени вопросов ЭК, ядерной энергетики и другого использования ядерной энергии в мирных целях, сокращения ядерного оружия и т.д. Частью режима нераспространения является растущее число ЗСЯО. С ядерным нераспространением тесно связаны также вопросы запрещения и ликвидации химического и биологического оружия, а также РКРТ.

Судьба ДНЯО напрямую зависит от того, как наиболее влиятельные государства соблюдают весь комплекс норм международного права. При том, что негативный эффект от пренебрежительного отношения к ним скорее всего скажется не сразу, это не меняет существа дела: постепенное расшатывание комплекса «правил игры» может кончиться достаточно печально даже для тех режимов, которые для великих держав представляют высокую ценность. И хотя международное право, естественно, меняется и развивается, процесс изменения также должен проходить по своим правилам и — что особенно важно — при согласии и поддержке не только великих держав, но и подавляющего большинства стран мирового сообщества.

Применение силы

Наиболее острые разногласия развернулись в последнее время вокруг критериев применения силы в межгосударственных отношениях. В соответствии с Уставом ООН (глава VII) военная сила может применяться только для целей индивидуальной и коллективной самообороны, а также с санкции СБ ООН. В США и НАТО, однако, растущее распространение получает мнение о том, что традиционные критерии чрезмерно ограничивают применение силы, ставя его в зависимость от консенсуса постоянных членов СБ; появившаяся в последние годы концепция «гуманитарной интервенции» (применение силы с целью «защиты прав человека») зачастую вступает в противоречие с Уставом ООН именно потому, что ряд членов СБ нередко предпочитают обходить этот орган.

Следует учитывать вместе с тем, что установка на более «вольное» применение силы оказывает негативное влияние на режим нераспространения ядерного оружия, поскольку многие страны начинают усматривать в этом оружии наиболее эффективное средство предотвращения силовых санкций, остановить которые международно-правовыми методами становится все труднее. В этой связи необходимо указать на ранее отмеченную взаимосвязь между эффективностью международных режимов безопасности и распространением.

Продолжая высоко ценить ДНЯО, США даже в этом вопросе начинают уделять растущее внимание военной силе как средству противодействия распространению. Оглашенная в 1993 г. министром обороны США Лесом Эспином стратегия «контрраспространения» допускает использование силы для того, чтобы противодействовать разворачиванию ядерных программ НЯОГ, обращать вспять уже начатые программы, а также сдерживать применение ОМУ. В том же направлении идет принятый в 1994 г. закон о противодействии ядерному распространению, который предусматривает расширенное применение санкций в отношении стран, осуществляющих или поощряющих деятельность, противоречащую ДНЯО. Все отчетливее вырисовывается ориентация на самостоятельные, односторонние, часто силовые действия в обеспечении нераспространения ядерного оружия.

Все же надо признать, что ни мощи США, ни мощи всех ЯОГ не хватит для того, чтобы обеспечить соблюдение ДНЯО силой: достаточно вспомнить, сколько усилий потребовалось для того, чтобы удержать в его рамках одну лишь Северную Корею. Еще сложнее добиваться этих же целей в отсутствие единодушия ЯОГ относительно фундаментальных принципов международного права. Как отмечалось выше, размывание части международных режимов способно подорвать всю систему, в том числе и те ее элементы,

которые ценны для ЯОГ, включая США и их союзников. Видимо, вопрос о сохранении или порядке модификации международного права встанет в недалеком будущем со всей остротой. Хотя нельзя предугадать, как он будет решен, уже сегодня можно видеть подводные камни и попытаться их обойти.

ЛИТЕРАТУРА

Всеобъемлющая международная безопасность. Справочник. М., Международные отношения, 1990.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. №1300 (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. №24). *Дипломатический Вестник*, №2, 2000, с.3-13.

Примаков Е.М. На горизонте — многополюсный мир. *Международная Жизнь*, №5, 6, 1996.

Соков Н.Н. Многополюсный мир в зеркале теорий международных отношений. *США — Экономика, Политика, Идеология*, №7, 8, 1998.

Шаклеина Т.А. Российская внешнеполитическая мысль: в поисках национальной стратегии. М., Московский общественный научный фонд, 1997.

Haftendorn Helga, Keohane Robert, Wallander Celeste (Eds.). *Imperfect Unions: Security Institutions over Time and Space*. Oxford, Oxford University Press, 1999.

ГЛАВА 4. МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ. ДОГОВОР О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

На заре атомной эры, когда была установлена практическая возможность создания атомной бомбы, среди ученых, администраторов, военно-политических кругов Великобритании и Соединенных Штатов¹ сформировались две тенденции в отношении создаваемого нового оружия небывалой доселе разрушительной мощи.

Многие ученые (во главе с выдающимся датским физиком Нильсом Бором, создавшим первую квантовую теорию атома и внесшим исключительный вклад в развитие теории атомного ядра и ядерных реакций) и некоторые крупные американские и английские администраторы видели в новом оружии потенциальное «яблоко раздора», которое вызовет соперничество между государствами и губительную гонку атомных вооружений, а потому, считали они, нужно попытаться найти способ поставить его, как только оно появится, под надежный международный контроль. Для этого пришлось бы поделиться секретом атомной бомбы — во всяком случае, с союзниками по антигитлеровской коалиции.

С другой стороны, в правительственных и военно-промышленных кругах США и Великобритании существовали более могущественные силы, которые считали, что новое оружие может быть использовано в качестве решающего инструмента престижа и влияния в мире и поэтому следует не допустить раскрытия секрета о работах над атомным оружием и попытаться воспрепятствовать или хотя бы максимально отдалить возможность появления его у других государств, в первую очередь у Советского Союза.

План международного контроля («план Баруха»)

Атомные бомбардировки американской авиацией Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г., во время которых погибли сотни тысяч японцев, воочию показали всему миру убойную силу атомного оружия. Как на это реагировал мир?

¹ Именно в такой последовательности, поскольку первыми доказали это работавшие в Великобритании немецкий ученый Рудольф Пайерлс и австрийский — Отто Фриш (апрель 1940 г.). В тот период английское руководство даже помышляло об организации производства атомной бомбы в Великобритании «без Соединенных Штатов», но начавшиеся массированные бомбежки нацистской авиацией английских городов вынудили англичан отказаться от этих планов. Быстро разворачивавшийся Манхэттенский проект позволил американцам обогнать англичан, и тем пришлось не без труда добиваться участия в работах над созданием атомного оружия.

В Соединенных Штатах продолжалось производство ядерного оружия, и летом 1946 г. Конгрессом был принят закон Макмагона, который запрещал передачу атомных технологий другим государствам. В Советском Союзе были ускорены работы над созданием атомного оружия, начатые в 1943 г. под руководством И.В. Курчатова. 20 августа 1945 г. И.В. Сталин подписывает постановление Государственного комитета обороны об образовании Специального комитета под председательством Л.П. Берии и Первого Главного Управления при Совете Народных Комиссаров СССР во главе с Б.Л. Ванниковым для работ «по использованию внутриатомной энергии урана» и «разработке и производству атомной бомбы». В январе 1947 г. английское правительство принимает решение о создании собственного атомного оружия.

Однако одновременно получает развитие и идея установления международного контроля над атомной энергией. На Совете министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, состоявшемся в Москве в декабре 1945 г., принимается решение внести на рассмотрение первой сессии Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН проект резолюции о создании Комиссии ООН по атомной энергии. В январе 1946 г. единогласно принимается резолюция, которая поручает комиссии выработку предложений «относительно контроля над атомной энергией» и «изъятия из национальных вооружений атомного оружия».

Передача атомной проблемы в ООН устраивала правительства трех держав, которые, судя по всему, рассчитывали, что дискуссии в международной организации не помешают их национальным планам создания атомных инфраструктур и производства атомного оружия. Некоторые американские ученые и политические деятели, в частности военный министр Генри Стимсон, считали ошибочным обращение в ООН и предлагали вступить в прямой диалог с Советским Союзом.

В марте 1946 г. в Соединенных Штатах был подготовлен план международного контроля, известный под названием «плана Ачесона-Лилиенталя», в разработке которого основную роль сыграл один из руководителей Манхэттенского проекта физик Роберт Оппенгеймер. План предусматривал создание международного органа по развитию атомной энергии, который один осуществлял бы всю деятельность, связанную с атомной энергией, вплоть до владения заводами, мировыми запасами урана, проведения научно-исследовательских работ и т.д. План не требовал немедленного прекращения производства Соединенными Штатами атомного оружия, но считалось, что «на каком-то этапе осуществления плана это потребуется». Дин Ачесон (в тот период заместитель государственного секретаря) исходил из того, что полная реализация плана займет пять-шесть лет.

Но назначенный президентом Гарри Трумэном в качестве представителя США в Комиссии ООН по атомной энергии финансист Бернард Барух убедил президента внести два радикальных изменения в план: во-первых, на деятельность международного органа не будет распространяться правило единогласия постоянных членов СБ ООН (право вето), и, во-вторых, этот орган будет обладать полномочиями принятия принудительных мер против возможных нарушителей в обход СБ, который по Уставу ООН является единственным международным механизмом, располагающим такими полномочиями. Таким образом измененный американский план поэтапного установления международного контроля, получивший название «плана Баруха», был внесен Соединенными Штатами на первом заседании Комиссии ООН 14 июня 1946 г.

«План Баруха», собственно, и не был рассчитан, как показали дальнейшие события, на серьезный диалог. Дин Ачесон, вскоре ставший государственным секретарем, считал, что выдвинутые Бернардом Барухом условия «обрекают его на неизбежный провал». «Незамедлительное, быстрое и безусловное наказание» нарушителей, как провозгласил Бернард Барух в комиссии ООН, означало бы «войну», что признавал и сам Барух в беседе с американским президентом.

Ответил бы И.В. Сталин на инициативу о прямом диалоге и мог бы такой диалог привести к каким-либо результатам? Исключать этого полностью нельзя, но даже и в этом случае согласие Советского Союза на отказ от своей атомной программы и на установление международного контроля над атомной энергией выглядит маловероятным. Имеется свидетельство А.А. Громыко, советского представителя в Комиссии ООН, а в дальнейшем министра иностранных дел, что «летом 1946 года Сталин и Молотов все еще могли пойти на соглашение с США по атомной проблеме». Однако позднее, в 1980-е гг., Громыко считал, что «сейчас, когда от переговоров с Барухом нас отделяет столько лет, я уверен, что Сталин не отказался бы от создания собственной атомной бомбы. Он хорошо понимал, что Трумэн от атомного оружия не откажется»².

В противовес «плану Баруха» А.А. Громыко внес 19 июня 1946 г. проект конвенции о запрещении и уничтожении в трехмесячный срок всех запасов готовой и незаконченной продукции атомного оружия. Что касается контроля, то предложения по этому вопросу были представлены Советским Союзом только через год — 11 июня 1947 г., причем эти предложения намеренно не затрагивали научно-исследовательские работы, которые тогда разворачивались в СССР.

² Громыко А.А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., ИПО «Автор», 1997, с.65, 67.

Соглашаясь на контроль, Советский Союз настаивал, однако, на том, чтобы вначале была заключена конвенция о запрещении и уничтожении атомного оружия, а после нее — конвенция о международном контроле.

Представляется очевидным, что советские предложения, как и американские, не отличались реалистичностью. В итоге мир оказался ввергнутым в изнурительную и взрывоопасную гонку ядерных вооружений. 29 августа 1949 г. Советский Союз произвел первое ядерное испытание на Семипалатинском полигоне. Незадолго до этого — 29 июля — состоялось последнее заседание Комиссии ООН по атомной энергии.

А спустя три года — 2 октября 1952 г. — Великобритания произвела атомный взрыв на принадлежащих Австралии островах Монте-Белло в Индийском океане.

И все же было бы неправильным считать, что обсуждение в Комиссии ООН планов установления международного контроля над атомной энергией прошло впустую. Сама идея международного контроля в дальнейшем — хотя и частично — воплотилась в международном органе по атомной энергии, созданном в 1950-х гг. — МАГАТЭ, и во всем режиме ядерного нераспространения, состоящем из широкой системы международных механизмов и национальных мер, основанных на принципах контроля.

Распространение атомных технологий в 1950-1960-х гг.

Начавшееся в 1940-1950-х гг. распространение атомных технологий быстро охватило многие страны. Это был этап «романтического» увлечения атомом. Научные исследования, технологические проработки и промышленные применения разворачивались по широкому спектру, затрагивая как мирные, так и военные аспекты использования внутриядерной энергии. В тот период практически и не проводилось принципиального различия между ними.

Несмотря на разрушительные последствия применения Соединенными Штатами ядерного оружия над Хиросимой и Нагасаки, в начале 1950-х гг. — как отмечал шведский специалист по вопросам ограничения вооружений Ян Правиц — ядерное оружие широко рассматривалось просто как более мощное оружие обычного типа. «Сегодняшние рефлексии относительно того, следует ли вообще применять ядерное оружие, — писал он в 1995 г., — в тот период не были столь определенно выражены»³.

Такая же точка зрения получила распространение в Советском Союзе. Маршал Советского Союза Н.В. Огарков писал, что в

³ Prawitz Jan. From Nuclear Option to Non-Nuclear Promotion: The Sweden Case. Research Report 20. Stockholm, The Swedish Institute of International Affairs, 1995, p.5.

1950-1960-х гг., когда ядерного оружия было еще мало, оно рассматривалось лишь как средство, дающее возможность нарастить огневую мощь войск⁴.

В те годы для ЯОГ было вполне привычным делом, исходя из своих интересов, помогать некоторым странам не только в развитии мирного использования атомной энергии, но даже и в их военных программах. В то же время ряд государств имел самостоятельные планы создания ядерного оружия.

Соединенные Штаты после внесения в 1954 г. изменений в закон Макмагона 1946 г. и последующих послаблений в американском законодательстве оказывали все более существенную помощь Великобритании в модернизации ее военного атомного потенциала (это в особенности касалось создания водородного оружия), а также средств доставки. Сквозь пальцы Вашингтон смотрел на израильскую атомную программу, особенно после прихода к власти в начале 1969 г. республиканской администрации Никсона-Киссинджера.

Советский Союз с 1955 по 1958 г. заключил с Китаем ряд соглашений о сотрудничестве в атомной области, в том числе соглашение от 15 октября 1957 г., в соответствии с которым обязался поставить КНР макет атомной бомбы, ракеты и соответствующую техническую документацию. В Китае работали многие сотни советских специалистов-атомщиков, в том числе конструкторы ЯВУ, а китайские специалисты проходили подготовку в СССР.

Однако уже в 1958 г. в связи с начавшимся ухудшением советско-китайских отношений Н.С. Хрущев стал вести дело к свертыванию помощи Китаю в атомной области. В конце июля — начале августа 1958 г. в Пекине состоялась встреча между Хрущевым и Мао Цзедунем, в ходе которой, по свидетельству сына Хрущева Сергея, китайская сторона хотела получить заверения о поддержке силой их попыток овладеть островами в Тайваньском проливе, но Хрущев уклонился, считая, что «общие усилия должны согласованно направляться на отпор агрессии, а не провоцировать американцев на ненужную конфронтацию»⁵.

К маю 1959 г. Н.С. Хрущев «созрел окончательно: ни под каким видом атомные секреты передавать нельзя», и 20 июня 1959 г. «соглашение, предусматривавшее передачу Китаю новейших технических достижений, в первую очередь в военной области, нами было в одностороннем порядке аннулировано»⁶. Китайские источники также подтверждают, что ЦК КПК получил официальное письмо от 20 июня, в котором сообщалось, что макет

⁴ Огарков Н.В. История учит бдительности. М., Воениздат, 1985, с.51.

⁵ Хрущев С.Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. Взгляд изнутри. М., Новости, 1988, с.349.

⁶ Там же, с.353.

атомной бомбы, чертежи и техническая информация о бомбе не будут поставлены. 18 июля 1960 г. посольство СССР в Пекине в ноте МИДу КНР сообщило об отзыве всех советских специалистов, включая военных, на родину ввиду «недружественных» по отношению к ним действий со стороны китайских властей⁷, и в августе все советские специалисты, участвовавшие в китайской военной программе, возвратились в СССР⁸. Через пять лет после прекращения советской помощи — в октябре 1964 г. — Китай провел свое первое атомное испытание.

Франция, присоединившаяся к «ядерному клубу» в 1960 г., начиная с конца 1950-х гг. помогала Израилу в строительстве промышленного тяжеловодного реактора мощностью 40 МВт в Димоне и подземного радиохимического завода по выделению плутония. Норвегия поставляла Израилу тяжелую воду⁹.

Франция, ФРГ и Италия в 1957-1958 гг. пытались образовать «ядерно-стратегическое общество». Согласно мемуарам германского министра обороны Франца Йозефа Штрауса, идея создания такого сообщества принадлежала французскому министру обороны Жаку Шабан-Дельмасу. Центральным пунктом было стремление к совместному созданию и производству ЯВУ¹⁰. Министрами обороны трех стран — Жаком Шабан-Дельмасом, Францем Йозефом Штраусом и Паоло-Эмилио Тавиани были заключены три соглашения. При этом Бонн хотел, чтобы его участие в совместных работах проходило «без формального изменения Парижских соглашений»¹¹, без шума, совершенно секретно и легально». На это Жак Шабан-Дельмас ответил, что «Германия будет участвовать во французских работах, которые будут проходить либо на французской, либо на итальянской территории, что никоим образом не компрометировало бы Парижские соглашения»¹². В конкретном плане речь шла о совместном строительстве завода по разделению изотопов урана в Пьерлатте, а также о сотрудничестве в производстве ракет. И лишь

⁷ Полный текст ноты опубликован в: Cold War International History Project Bulletin. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Wash. D.C., Issues 8-9, Winter 1996/1997, pp.249-250.

⁸ Lewis John Wilson, Litali Xue. China Builds the Bomb. Stanford (CA), Stanford University Press, 1988, p.72.

⁹ Норвегия в тот период и сама имела довольно продвинутую атомную программу, нацеленную на производство плутония. См.: Forland Astrid. Norway's Nuclear Odyssey: From Optimistic Proponent to Nonproliferator. *Nonproliferation Review*, No.2, Vol.4, Winter 1997, pp.1-16.

¹⁰ Strauss Franz Josef. Die Erinennungen. Berlin, 1989, pp.314-315. Цит. по: Kunzel Matthias. Bonn & the Bomb, German Politics and the Nuclear Option. L., Pluto Press, 1995, p.9.

¹¹ По Парижским соглашениям 1954 г. ФРГ отказалась от производства ядерного и других видов ОМУ «на своей территории».

¹² La France et l'Atome. Etude d'histoire nucleaire. Sous la direction de Maurice Vaisse. Bruxelles, Bruylant, 1994, p.142.

приход к власти Шарля де Голля в 1958 г. положил конец этой опасной затее.

ФРГ быстро развивала атомную энергетическую промышленность. Особую тревогу у многих стран вызывал тот факт, что делалась ставка на переработку облученного в энергетических реакторах топлива, сооружение крупномасштабных заводов по химической переработке, использование выделенного плутония в реакторах на быстрых нейтронах, создание полного ЯТЦ.

Атомные исследования в *Израиле* начались вскоре после образования государства Израиль. Израильская программа овладения ядерным оружием стала принимать широкие масштабы с осени 1956 г., после Суэцкого кризиса, при существенной поддержке со стороны Франции. С 1966 г. началась наработка плутония, а в 1967 г. у Израиля были в готовом состоянии два ЯВУ¹³.

Фундамент программы *Индии*, ведущей к созданию ядерного оружия, был заложен еще в 1950-е гг. По свидетельству заместителя министра среднего машиностроения В.С. Емельянова, руководитель индийской атомной программы Хоми Баба неоднократно говорил ему, что Индия не может закрыть для себя дверь к приобретению и производству в будущем ядерного оружия, «учитывая, что им владеет Китай, претендующий на значительные районы индийской территории»¹⁴.

До середины 1960-х гг. Индия категорически отвергала предположения о работах над ядерным оружием. Считается, тем не менее, что в конце 1964 г., после первого китайского ядерного взрыва, при премьер-министре Лале Бахадуре Шастри было принято решение приступить к ускоренному осуществлению этой программы. Продолжая выступать против ядерного оружия, он заявлял, что поддерживает разработку ЯВУ, но только для «мирных целей». В конце 1969 г. премьер-министр Индира Ганди подтвердила свою приверженность политике создания «мирных» ЯВУ.

В *КНДР* научно-экспериментальная инфраструктура в атомной области создавалась начиная с 1960-х гг. Поставленный Советским Союзом небольшой исследовательский реактор на ВОУ был пущен в эксплуатацию в конце 1960-х гг.

ЮАР приступила к проведению научно-исследовательских работ и строительству атомных установок в Пелиндабе вблизи Претории в начале 1960-х гг. Значительная помощь поступала из-за границы, в том числе от США, ФРГ, Израиля, Франции. В течение последующих десяти лет американцы поставляли ЮАР ВОУ под гарантиями МАГАТЭ.

¹³Cohen Avner. Israel and the Evolution of U.S. Non-Proliferation Policy: The Critical Decade (1958-1968). *Nonproliferation Review*, No.2, Vol.5, Winter 1998, p.16.

¹⁴Емельянов В.С. Проблемы нераспространения ядерного оружия. М., Наука, 1981, с.46.

Аргентина приступила к работам в области атомной энергии еще в конце 1940-х гг. и ныне обладает наиболее развитой ядерной промышленностью среди стран Латинской Америки. Овладев и ядерной энергетикой, и практически почти всеми компонентами ЯТЦ, Аргентина получила значительную степень независимости от ядерных поставщиков.

Бразилия с 1960-х гг. осуществляла две параллельные атомные программы — гражданскую энергетическую, в основном на базе научных центров в Рио-де-Жанейро, и военную под руководством вооруженных сил страны, главным образом ВМС, в Сан-Паулу.

В январе 1957 г. генеральный директор Национального управления оборонных исследований *Швеции* публично заявил, что страна имеет возможности и ресурсы для производства собственного ядерного оружия и оно может быть поставлено на вооружение через шесть-семь лет. Шведский исследователь Ян Правиц, ссылаясь на рассекреченные шведские документы, указывает, что к концу 1950-х гг. было ясно, что развитие атомных работ шло таким темпом, что к 1964 г. нужно было бы принимать политическое решение о создании и развертывании атомного оружия¹⁵.

Однако шведское общественное мнение постепенно склонялось в пользу отказа от ядерного статуса. Если в 1957 г. шведы выступали за создание атомной бомбы в пропорции 2,5:1 (40% за и 17% против), то в 1967 г. противники ядерного оружия опережали сторонников в 2,3 раза (69% против 30%). Таге Эрландер, в течение многих лет занимавший пост премьер-министра, говорил: «Было время, когда я считал, что Швеция должна иметь ядерное оружие. Но к концу 1957 г. я изменил свою точку зрения [...]». К середине 1960-х гг. в шведском руководстве сложилось мнение, что «обладание ядерным оружием приведет к вовлечению Швеции в будущую мировую войну на самом раннем этапе, ибо у Советского Союза появится искушение нанести упредительный удар по шведскому ядерному арсеналу. Иными словами, ядерное оружие скорее всего послужит как бы магнитом для военных действий, чем будет средством сдерживания, чего хотели бы шведские власти»¹⁶. Окончательное решение об отказе от создания ядерного оружия было принято шведским парламентом 22 мая 1968 г.

Согласно докладу, опубликованному в 1996 г. по поручению правительства *Швейцарии*, работы по атомной проблеме в этой стране, начатые в 1945 г., интенсифицировались в 1965 г., когда высшие офицеры швейцарских вооруженных сил пришли к выводу, что надежная оборона страны может быть обеспечена

¹⁵Prawitz Jan. Op.cit., p.10.

¹⁶Cole Paul M. Atomic Bombast: Nuclear Weapon Decisionmaking in Sweden. 1945-1972. Occasional Paper No.26. Wash. D.C., The Henry L. Stimson Center, 1996, pp.27-28.

только с помощью ядерного оружия. В докладе говорится, что даже в конце 1969 г., когда Швейцария уже подписала ДНЯО, Берн все еще сохранял открытой возможность атомного выбора¹⁷.

Усилия *Австралии* обзавестись ядерным оружием можно условно разбить на две фазы: первая из них — попытка приобрести его у Великобритании (1956-1963) и вторая — попытка произвести его самостоятельно (1964-1972). Руководство страны по инициативе Министерства обороны трижды обращалось к правительству Великобритании с предложением о приобретении у него ядерного оружия. Премьер-министр Роберт Мензис вел переговоры по этому вопросу с английским премьером Гарольдом Макмилланом, но безуспешно¹⁸.

Начиная с 1964 г., после китайского ядерного испытания, правительство всерьез рассматривало возможность самостоятельного производства ядерного оружия. В стране имелось два небольших реактора. Когда в 1966 г. Соединенные Штаты предложили австралийцам поставить реакторы под гарантии МАГАТЭ (до этого они находились под американским контролем), правительство Гарольда Холта воспротивилось этому «из опасения, что это помешало бы будущей программе создания ядерного оружия».

В итоге все же было принято решение об отказе от создания ядерного оружия на том основании, что в противном случае, во-первых, Австралия может лишиться американской защиты по союзному договору АНЗЮС (договор США, Австралии и Новой Зеландии 1951 г.), во-вторых, может быть стимулировано ядерное распространение в Восточной и Юго-Восточной Азии и, в-третьих, производство будет дорогостоящим и длительным, причем нет уверенности в том, что бомба сможет дать должный ответ на возможную угрозу стране.

В 1950-х и 1960-х гг. проходили внутренние дебаты относительно возможного ядерного будущего *Японии*. В 1957 г. премьер-министр Киси, а в дальнейшем и некоторые другие японские руководители утверждали, что обладание ядерным оружием для целей обороны не противоречит антиядерным принципам, заложенным в японской конституции. В официальном докладе «Основные принципы дипломатической политики нашей

¹⁷ Вопрос был полностью закрыт только к 1977 г., когда страна ратифицировала Договор. В Швейцарии в течение этого времени втайне сохранялись запасы урана, который предполагалось обогатить посредством центрифугирования. Межведомственная рабочая группа, занимавшаяся этой проблемой, была ликвидирована только в 1988 г. В СМИ сообщалось, что правительство решило предать доклад гласности, чтобы показать, что это дело давней истории. *PPNN Newsbrief*, No.34, 2nd Quarter 1996, p.13.

¹⁸ Данные по Австралии основаны главным образом на исследованиях, проведенных Джимом Уолшем на базе недавно рассекреченных архивных документов. См.: Walsh Jim. *Surprise Down Under: The Secret History of Australia's Nuclear Ambitions*. *Nonproliferation Review*, No.1, Vol.5, Fall 1997, pp.1-20.

страны», подготовленном в 1969 г., заявлялось, что Япония не может бесконечно полагаться на «ядерный зонтик» США, и рекомендовалось, чтобы она овладела возможностями для создания ядерного оружия¹⁹. Рекомендация принята не была, но сам факт, что имелось поручение подготовить подобный доклад, не может не говорить о том, что в японских официальных кругах рассматривалась возможность ядерного выбора.

Начало ядерной программы *Южной Кореи* относится к 1959 г. Южнокорейские власти начиная с 1968 г. не раз предпринимали попытки создать мощности по химпереработке и получению плутония, но наталкивались на противодействие США²⁰.

В 1960-х гг. интерес к ядерному оружию возник и на Тайване. В 1969 г. *Тайвань* получил из Канады 40-мегаваттный исследовательский реактор и тогда же предпринял попытку создать установку для химпереработки ОЯТ и выделения плутония, но США помешали этому²¹. Бывший руководитель научной организации «Академика Синика» У Даю публично подтвердил, что правительство Тайваня рассматривало в конце 1960-х гг. возможность создания ядерного оружия²².

Обобщенное представление о возможностях создания ядерного оружия различными государствами дает таблица, подготовленная Пентагоном для представления президенту Джону Кеннеди в 1963 г.

Из приведенных выше данных и из таблицы со всей очевидностью следует, что, развивая атомную энергетику, целый ряд стран одновременно, — а в некоторых случаях преимущественно — разворачивал программы производства ядерного оружия. В результате к 1960-м гг. мир оказался на пороге широкомасштабного распространения ядерного оружия с потенциально далеко идущими последствиями для международной безопасности. Если этот процесс не был бы вовремя остановлен, то

¹⁹Mack Andrew. Proliferation in Northeast Asia. Occasional Paper No.28. Wash. D.C., The Henry L. Stimson Center, 1996, p.12.

²⁰Имелись сообщения, что в 1971 г. Президент Пак Чжон Хи принял решение приступить к осуществлению программы создания ядерного оружия, но США воспрепятствовали этому. Он затем попытался заручиться техническим содействием Франции. В 1975 г. Пак Чжон Хи объявил, что Южная Корея приступит к производству ядерного оружия, если США уберут «ядерный зонтик». Было заключено соглашение с Францией о строительстве завода по химпереработке, но в начале 1976 г. под нажимом США от этой сделки Пак Чжону Хи пришлось отказаться. Но это его, тем не менее, не остановило. Лишь после его убийства и прихода к власти Чон Ду Хвана в 1980 г. военная ядерная программа была свернута. Suh Mark B.M. From Confrontation to Accomodation: Ways and Means of Sustaining a Nuclear-Weapon-Free Korea. Paper presented at the 26th Pugwash Workshop on Nuclear Forces, 7-9 February 1997, Geneva, Switzerland, p.6.

²¹В дальнейшем тайваньские власти не раз делали подобные попытки, в частности, в середине 1970-х гг. в период улучшения отношений между США и КНР, но американцы всякий раз оказывали нажим, чтобы пресечь подобные замыслы.

²²*International Herald Tribune*, 22 September, 1997.

сегодня насчитывалось бы по меньшей мере полтора-два десятка ЯОГ.

Таблица. Ядерные возможности проблемных стран (оценка 1963 г.)²³

Государство	Оценка количества лет			
	Первое испытание	Авиация	Ракеты средней дальности	Ядерный стимул
Китай	0-1	7	9	Высокий
Израиль	2-3	5	5	Средневысокий
Швеция	2-3	5	8	Оценивается
Западная Германия	4-5	6	7	Средний
Индия	4-5	5	8	Низкий, но зависит от Китая
Италия	5-6	5	8	Низкий
Япония	5-6	5	8	Низкий
Канада	5-6	5	7	Очень низкий

Образование международного консенсуса в пользу ядерного нераспространения

Распространение ядерных технологий в 1950-1960-е гг. стало вызывать озабоченность мировой общественности относительно дальнейшего расплзания ядерного оружия и появления все новых ЯОГ. В ряде стран шли внутренние дебаты о том, стоит ли овладевать ядерным оружием. Многие страны были бы готовы отказаться от ядерного выбора, но при условии, что и другие государства, прежде всего соседние, тоже взяли бы на себя аналогичные обязательства. Во многих странах, особенно европейских, развернулось широкое антиядерное движение. Характерен в этом отношении приведенный выше пример эволюции общественного мнения Швеции. Начались поиски возможных коллективных путей предотвращения дальнейшего распространения ядерного оружия — как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Первой в 1958 г. предметно поставила перед ООН проблему предотвращения дальнейшего распространения ядерного оружия Ирландия. Ее министр иностранных дел Фрэнк Эйкен проявлял большую настойчивость в продвижении предложения о ядерном нераспространении. Однако при обсуждении ирландского проекта

²³National Security Archive, Nuclear History Collection, Memorandum of February 12, 1963, from Secretary of Defense McNamara to President Kennedy.

Восточная Германия, Чехословакия и Польша были перечислены в конце списка с припиской: «СССР запрещает». Цит. по: Bunn George. Arms Control by Committee. Managing Negotiations with the Russians, Stanford, Stanford University Press, 1992, p.68.

резолюции ГА ООН между Советским Союзом и Соединенными Штатами проявились серьезные расхождения в связи с тем, что к тому времени в отношениях между двумя державами возникла проблема, связанная с размещением в Европе американских ракет «Тор» и «Юпитер» с ядерными боеголовками. Москва хотела, чтобы и эта проблема была охвачена решением ООН, против чего Вашингтон возражал.

После длительных обсуждений ГА в декабре 1961 г. *единодушно* приняла резолюцию 1665 (XVI), основной пункт которой гласил: «Генеральная Ассамблея [...] призывает все государства, в особенности государства, обладающие в настоящее время ядерным оружием, приложить всемерные усилия к обеспечению заключения международного соглашения, содержащего постановления, согласно которым ядерные державы обязались бы воздерживаться от передачи контроля над ядерным оружием и от передачи сведений, необходимых для производства этого оружия, государствам, не обладающим таким оружием, а также постановления, согласно которым государства, не обладающие ядерным оружием, обязались бы не производить такого оружия или каким-либо иным способом приобретать контроль над ним».

Резолюция получила название «ирландской», и значение ее состояло в том, что в ООН складывался широкий консенсус в пользу заключения договора о нераспространении ядерного оружия. Однако прошло еще немало лет, прежде чем эта резолюция воплотилась в юридически обязательный международно-правовой инструмент — ДНЯО.

Планы создания многосторонних ядерных сил НАТО

Благоприятные возможности, создавшиеся в начале 1960-х гг., не были тогда использованы, и заключение ДНЯО затянулось на ряд лет из-за того, что Соединенные Штаты с конца 1960 г. до середины 1966 г. продвигали планы создания многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС).

В августе 1959 г. верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО американский генерал Лорис Норстэд выдвинул идею передать часть ядерного оружия непосредственно под контроль НАТО и таким образом фактически превратить блок в «четвертую ядерную державу», где атлантические союзники могли бы на равных сотрудничать в оперативном использовании этого оружия²⁴. Однако в конце 1962 г. генерал Норстэд, которого в ФРГ считали сторонником атомного

²⁴ Давыдов В.Ф. Нераспространение ядерного оружия и политика США. М., Наука, 1980, с.28.

вооружения Западной Германии, был освобожден президентом Джоном Кеннеди с натовского поста.

По поручению госсекретаря Кристиана Гертера управление внешнеполитического планирования госдепартамента под руководством Роберта Боуи разработало первоначальный план МЯС. Его основной политической целью было крепче привязать Западную Германию к США и через эту связку проецировать американское влияние на всю Западную Европу. План был официально представлен Кристианом Гертером Совету министров НАТО в декабре 1960 г. Он предусматривал передачу блоку пяти АПЛ, оснащенных 80 ракетами «Поларис», при этом должна быть разработана система многостороннего контроля. В дальнейшем число ракет возросло бы до 200. Кристиан Гертер высказался также за то, чтобы другие страны-члены НАТО в качестве своего вклада в атлантические ядерные силы приобрели 100 ракет «Поларис», которые находились бы в коллективном владении и под коллективным контролем и располагались бы на АПЛ, надводных кораблях или на суше. Ракетные расчеты для этих сил укомплектовывались бы на многосторонней основе.

Однако в самом Вашингтоне возникли трудности ввиду возражений против передачи НАТО АПЛ со стороны одного из инициаторов создания атомного подводного флота адмирала Хаймена Риквера, который считал, что размещение на них смешанных экипажей приведет к утечке важной секретной информации. После разговора с Риквером Кеннеди отклонил идею многостороннего подводного флота²⁵.

Поэтому весной 1963 г. было решено, что МЯС будут представлять собой флотилию из 25 надводных судов, внешне похожих на торговые, каждое из которых будет нести по восемь ракет «Поларис А-3» дальностью 4,5 тыс. км. Суда будут иметь смешанные экипажи, состоящие из граждан не менее трех натовских государств. Ни одно государство не сможет вносить на расходы более 40% от общей суммы. США и Западная Германия взяли бы на себя по 40% расходов, а все другие участники — остальные 20%, при этом распределение должностей в командовании судов находилось бы в прямой зависимости от размера финансового взноса.

Главный вопрос — как будут приниматься решения об использовании ядерного оружия — формально оставался открытым. Американцы намеренно уходили от ответа на него, считая, что пока МЯС не созданы, решение этого вопроса может быть отложено. Вместе с тем, чтобы сделать предложение о МЯС более привлекательным, они давали понять, что со временем,

²⁵Smith Gerard. Disarming Diplomat. The Memoirs of Gerard Smith, Arms Control Negotiator. Lanham, N.Y., L., Madison Books, 1996, p.132.

скажем через 10 лет, США могут отказаться от права вето на применение ядерного оружия. Однако в циркулярной телеграмме госдепартамента посольствам США от 17 февраля 1964 г. разъяснялось, что применение ядерного оружия непременно требовало бы согласия Соединенных Штатов²⁶.

Тем временем англичане выдвинули альтернативный план создания атлантических ядерных сил (АЯС), которые состояли бы из *национальных* контингентов натовских государств, располагающих ядерным оружием. Британцы исходили из того, что АЯС будут находиться не в подчинении верховного главнокомандующего НАТО в Европе, а состоять под руководством особого органа, в котором ЯОГ сохраняли бы право вето в отношении применения этих сил²⁷. В подходах США и Великобритании к ядерным силам появились различия, которые со временем стали еще более ярко выраженными. Если Администрация США предпочитала говорить о «многосторонних» силах, то англичане высказывались за «многонациональные» силы, в которых английское ядерное сдерживающее средство играло бы независимую роль. Франция, со своей стороны, в противовес МЯС и АЯС выдвинула идею создания «европейских ядерных сил». Итальянцы также не испытывали восторга относительно идеи смешанных экипажей. Чего они действительно хотели, так это установить «Поларисы» на своем крейсере «Гарибальди», что и было бы их вкладом в «многонациональные» (а не «многосторонние») силы²⁸.

Советский Союз с момента появления планов создания ядерных сил НАТО дал им резко критическую оценку. В докладе на сессии Верховного Совета СССР 23 декабря 1960 г. А.А. Громыко заявил: «Превращение в «ядерную державу» НАТО на практике означало бы превращение в «ядерную державу» Западной Германии [...]. Передача в распоряжение командования НАТО ядерно-ракетного оружия и допуск к этому оружию западногерманских милитаристов были бы преступлением против мира»²⁹.

В Вашингтоне тем временем продолжались дебаты по поводу целесообразности или нецелесообразности продолжать оказывать давление на страны НАТО в пользу создания МЯС. И у Джона Кеннеди, и после его гибели у Линдона Джонсона, и у ряда влиятельных представителей администрации, и у многих

²⁶ Lyndon Baines Johnson Library. Austin (TX). Administrative History of the State Department, Vol. I, Chapter 3 (Europe), Sections A & B, Box I, Doc. b.3, p.2.

²⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (в дальнейшем АВП РФ), Ф.047, оп.2. п.130. д.30, л.115.

²⁸ Botti Timothy J. *Ace in the Hole. Why the United States Did Not Use Nuclear Weapons in the Cold War, 1945-1965*, Westport (CT), L., Greenwood Press, 1996, p.226.

²⁹ *Правда*, 24 декабря 1960. Приводится по Сборнику основных документов по вопросу о разоружении. М., МИД СССР, Том III (1959-1960), с.913-914.

конgressменов продолжали оставаться сомнения в отношении МЯС. Однако партия сторонников МЯС тем не менее настойчиво продолжала отстаивать необходимость их создания. Так, руководитель управления внешнеполитического планирования госдепартамента Роберт Боуи заявлял: «Мы не должны отдавать в жертву общность Запада во имя символических соглашений [то есть договора о нераспространении. — Ред.] с Советским Союзом»³⁰.

В качестве выхода из создавшегося положения министр обороны США Роберт Макнамара предложил в мае 1965 г. создать в НАТО группу ядерного планирования. Важным фактором, который ускорил окончательное крушение планов МЯС/АЯС, явилась резолюция, единогласно принятая Сенатом по предложению сенатора Джона Пасторе 17 мая 1966 г., в пользу скорейшего заключения ДНЯО. Президент Джонсон в своих мемуарах так суммировал многолетний итог дискуссий по проблеме МЯС: «[...] Дипломаты и военные лидеры союзников приходили к выводу, что объединенные ядерные силы не являются необходимыми для жизнеспособности НАТО и что попытки разработать детальные положения относительно таких сил могут повести к большему расколу, чем к объединению. Британцы резко возражали против объединенных сил. Итальянцы раскололись. Французы осуждали эти силы. Даже западные немцы, которые поддержали идею с наибольшим энтузиазмом, пришли к выводу, что политические издержки превышают возможные преимущества. [...]

В дополнение к этому я знал, что в Конгрессе существует серьезное сопротивление тому, чтобы разделить ядерную ответственность. Любые изменения в нашем законе, требуемые вследствие создания союзных ядерных сил, вызвали бы сильную оппозицию на Капитолийском холме, даже если бы сохранился американский контроль за применением оружия»³¹.

История, как известно, не любит сослагательного наклонения, но, может быть, будучи создан на несколько лет раньше, режим ядерного нераспространения был бы и эффективнее, и охватил бы большее число государств?

Неприсоединившиеся страны и договор о нераспространении

В 1965 г. Соединенные Штаты и Советский Союз внесли свои первоначальные проекты договора о нераспространении, которые расходились в главном: США стремились иметь возможность передавать ядерное оружие в распоряжение военных блоков, в то

³⁰Clausen Peter A. Nonproliferation and the National Interest. America's Response to the Spread of Nuclear Weapons. N.Y., Harper Collins College Publishers, 1993, p.79.

³¹Johnson Lindon Baines. The Vantage Point. Perspectives of the Presidency. 1963-1969. N.Y., Holt, Rinehart and Winston, 1971, p.477.

время как СССР хотел перекрыть все каналы распространения — и на национальной, и на многосторонней основе.

Неприсоединившиеся и нейтральные члены Женевского комитета 18-ти государств по разоружению, где рассматривались оба проекта, — Бирма, Бразилия, Индия, Мексика, Нигерия, Объединенная Арабская Республика (Египет), Швеция и Эфиопия — взяли на себя выражение и продвижение в комитете взглядов и мнений по проблеме нераспространения НЯОГ, т.е. подавляющего большинства членов ООН.

Индия выступала с идеей «интегрированного» подхода к нераспространению и решения этой проблемы в пакете с другими вопросами разоружения. Нигерия и Египет подчеркивали необходимость предоставления со стороны ЯОГ гарантий безопасности НЯОГ, Швеция делала акцент на полном запрещении испытаний ядерного оружия — как наиболее практическом пути к предотвращению появления новых ЯОГ и т.д.

Восьмерка неприсоединившихся стран-членов Комитета 18-ти 15 сентября 1965 г. представила в комитет совместный меморандум по вопросу о нераспространении, в котором подчеркивалось, что договор о нераспространении *не является самоцелью, а средством достижения конечной цели — всеобщего и полного разоружения и, особенно, ядерного разоружения*. Неприсоединившиеся страны, говорилось в меморандуме, «убеждены, что меры по запрещению распространения ядерного оружия должны поэтому сопровождаться или за ними должны последовать осязаемые шаги по прекращению гонки ядерных вооружений и ограничению, сокращению и уничтожению запасов ядерного оружия и средств его доставки»³².

На XX сессии ГА восемь государств продолжили совместные усилия по продвижению решения проблемы нераспространения в своей трактовке. В ноябре 1965 г. они внесли проект резолюции, содержащий «главные принципы» договора о нераспространении. В принятой ГА резолюции 2028 (XX)³³ эти принципы были сформулированы следующим образом:

«а) договор не должен иметь никаких лазеек, которые могли бы позволить ядерным или неядерным державам осуществить распространение, прямо или косвенно, ядерного оружия в любой форме;

б) договор должен воплощать приемлемое равновесие взаимной ответственности и обязательств ядерных и неядерных держав;

³²Док. ENDC/158.

³³Резолюция была принята 19 ноября 1965 г. 93 голосами, против никто не голосовал, пять делегаций воздержались (Гвинея, Куба, Пакистан, Румыния и Франция). Текст резолюции приводится по Сборнику основных документов по вопросу о разоружении. М., МИД СССР, Том VIII (1965-1966), с.714-716.

с) договор должен являться шагом в направлении достижения всеобщего и полного разоружения и, особенно, ядерного разоружения;

д) должны быть приемлемые и осуществимые положения для обеспечения эффективности договора;

е) ничто в договоре не должно оказывать неблагоприятного воздействия на право какой-либо группы государств заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях».

На основе этой резолюции, с которой согласились основные ЯОГ, неприсоединившиеся страны добивались отражения своих требований в договоре о нераспространении.

Переговоры по ДНЯО

К осени 1966 г. созрели условия для серьезных переговоров по договору о нераспространении. 22 и 24 сентября между А.А. Громыко и госсекретарем США Дином Раском состоялись встречи в Нью-Йорке, а 10 октября Громыко имел беседы в Вашингтоне с президентом Линдоном Джонсоном и еще раз с Дином Раском. Затем переговоры были продолжены в двусторонней рабочей группе в Нью-Йорке, а с начала 1967 г. в Женеве между делегациями СССР и США, которые были сопредседателями Комитета 18-ти государств по разоружению, и в самом Комитете. В марте 1968 г. Комитет представил проект договора ГА ООН, в ходе работы которой в текст были внесены окончательные изменения, и 12 июня ГА одобрила договор и открыла его для подписания.

Статьи I и II

Между Громыко и Раском было достигнуто понимание, что Соединенные Штаты не будут «предоставлять ядерное оружие и отказываться от контроля над ним под прикрытием смешанных сил, например МЯС»³⁴. Советский Союз, со своей стороны, заявил о готовности договориться о «запрещаемых» действиях вместо перечня «разрешаемых» действий. По смыслу этой юридической конструкции все не запрещенные прямо действия считались разрешенными, а следовательно, проведение консультаций по ядерным вопросам в группе ядерного планирования НАТО не считалось бы препятствием к заключению договора.

³⁴LB Johnson Library. National Security File. Boxes 55, 56; Administrative History of the Department of State. Vol.I, Chapter 3 (Europe), Section A & B, Box 1, Doc. b.3, pp.26-27.

Эта принципиальная договоренность позволила рабочей группе согласовать в начале декабря 1966 г. тексты статей I и II, где ключевой была формула о непередаче ядерного оружия и контроля над ним «кому бы то ни было». Хотя она фактически запрещала передачу ядерного оружия в распоряжение МЯС или вообще каких-либо группировок государств, прямо об этом не говорилось, но подразумевалось. И в то же время она спасала лицо американцам перед своими союзниками. Как выразился председатель Комиссии США по атомной энергии Гленн Сиборг, обговоренный текст, «запрещая МЯС, не тыкал немцев в нос»³⁵. Статья II, содержащая обязательства НЯОГ, является как бы зеркальным отражением статьи I. Обе статьи, которые в дальнейшем не подвергались изменениям и вошли в окончательный текст договора, гласят:

«Статья I. Каждое из государств-участников настоящего Договора, обладающих ядерным оружием, обязуется не передавать кому бы то ни было (to any recipient whatsoever) ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также контроль над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно; равно как и никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к производству или к приобретению каким-либо иным способом ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами.

Статья II. Каждое из государств-участников настоящего Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется не принимать передачи от кого бы то ни было (from any transferor whatsoever) ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно; не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или ядерные взрывные устройства, равно как и не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств».

Достижение договоренности между двумя державами по первой и второй статьям ДНЯО, содержащим основные обязательства ЯОГ и НЯОГ по нераспространению, можно по праву назвать историческим. Эта договоренность отвечала тогда и отвечает поныне коренным интересам безопасности обеих стран. Она заложила фундамент на многие годы для устойчивого сотрудничества между ними в этой области.

Следует отметить, что статьи I и II не запрещают размещение ядерного оружия, принадлежащего ЯОГ, на территориях НЯОГ-участников ДНЯО при условии, что оно находится под контролем

³⁵Seaborg Glenn T. with Loeb Benjamin S. Stemming the Tide. Arms Control in the Johnson Years. Lexington (MA), Toronto, Lexington Books, 1986, p.195.

ЯОГ. Тем не менее до тех пор, пока ядерное оружие продолжает оставаться на территории НЯОГ, его пребывание там будет вызывать озабоченность. В новых геополитических условиях размещение ядерного оружия за пределами границ ЯОГ является анахронизмом, пережитком «холодной войны», хотя юридически это и не противоречит положениям ДНЯО.

Понятия «ядерное оружие» и «другие ядерные взрывные устройства»

В процессе переговоров некоторые НЯОГ (Япония, Италия, Бразилия, Индия) высказывали сомнения в отношении того, что «ядерное оружие» и «другие ядерные взрывные устройства» ставятся в договоре на одну доску. Бразилия и Индия были за то, чтобы ДНЯО разрешал производство и испытания ЯВУ для мирных целей. Однако ни эти страны, ни другие члены Комитета 18-ти не были в состоянии показать, каковы же различия в ядерной технологии оружия и «мирных» ЯВУ. Как писал один из участников переговоров египтянин Мохамед Шакер, «история переговоров о ДНЯО [...] продемонстрировала единодушную убежденность в том, что ядерные взрывные устройства неотличимы от ядерного оружия»³⁶.

Сам ДНЯО не содержит определения ядерного оружия или ЯВУ. Однако история переговоров проливает достаточно определенный свет на этот вопрос. Представитель США Уильям Фостер так охарактеризовал понятие ядерного оружия на заседании Комитета 18-ти в июне 1967 г.: «Все виды ядерного оружия имеют одну общую характеристику. Она состоит в том, что [...] они могут выделять огромные количества энергии в очень короткий период времени из источника относительно небольшого объема и легкого по весу» в сравнении с обычными взрывчатыми веществами³⁷.

Это понимание никем не оспаривалось, и, следовательно, составляет часть истории переговорного процесса по ДНЯО. В то же время со стороны американского представителя было разъяснено, что такая *контролируемая* ядерная реакция, как, например, реакция термоядерного синтеза, не подпадает под запрещения, содержащиеся в договоре. Это разъяснение также не оспаривалось³⁸.

³⁶Shaker Mohamed. The Nuclear Non-Proliferation Treaty. Origin and Implementation. 1959-1979. Vol. I-III. L., Rome, N.Y., Oceana Publications, Inc., 1980, p.205.

³⁷Док. ENDC/PV.303, pp.4-11.

³⁸Bunn George, Timerbaev Roland. Avoiding the 'Definition' Pitfall To a Comprehensive Test Ban. *Arms Control Today*, May 1993, pp.15-18; Bunn George, Timerbaev Roland. Nuclear Verification Under the NPT: What Should It Cover — How Far May It Go? PPN Study Five, Published by The Mountbatten Centre for International Studies, University of Southampton, England, 1994, pp.6-8.

Статья III

В ходе переговоров обе державы исходили из принципа обязательности гарантий (контроля) для НЯОГ. Однако при этом Советский Союз считал, что в разрабатываемом договоре универсального характера должны применяться международные гарантии МАГАТЭ. А Соединенные Штаты и страны Евратома (особенно ФРГ) требовали, чтобы для контроля за соблюдением ДНЯО на территории этих стран применялись только гарантии Евратома.

При создании этой региональной организации страны-члены Евратома установили, что контроль за их ядерной деятельностью будет осуществляться на замкнутой основе, дабы избежать промышленного и иного шпионажа, и высказались против гарантий МАГАТЭ. Как свидетельствует Гленн Сиборг, верховный комиссар Франции по атомной энергии Франсис Перрен в разговоре с ним прямо сказал, что французы возражают против гарантий МАГАТЭ главным образом по той причине, что могут появиться инспекторы из «такой страны, как Россия»³⁹.

Эта позиция западных государств стала серьезным камнем преткновения на переговорах, и из-за проблемы МАГАТЭ/Евратом согласование статьи III заняло больше года. В ходе упорных переговоров советская делегация добивалась установления единого международного контроля для всех НЯОГ, в противном случае в каких-то государствах осуществлялся бы самоконтроль. В Комитете 18-ти многие другие представители, в частности, Швеции (Альва Мюрдаль) и Египта (Халаф), также подчеркивали важность недискриминационного контроля. Так, Альва Мюрдаль заявила, что наилучшим решением было бы «применение *единой* системы гарантий к (ядерной) деятельности во *всех* странах», а Халаф сказал, что договор должен четко требовать «единообразных» гарантий МАГАТЭ во всех НЯОГ и что контрольная система должна охватывать передачи ЯМ и «всю ядерную деятельность, прошлую и настоящую». Возражения против принципа «самоконтроля» в странах Евратома высказала и Япония. Как отмечал ответственный сотрудник Белого дома Сперджен Кини, «Советы занимают сильную позицию, поскольку международный контроль Евратомом стран Евратома явно является самоконтролем. Более того, самоконтроль Евратома противоречил бы нашим собственным интересам, поскольку он подтолкнул бы к установлению подобных же процедур контроля для Соватома, Арабатома и т.д.»⁴⁰.

³⁹Seaborg Glenn T. Op.cit., p.274.

⁴⁰LB Johnson Library. National Security File. Subject File. Memorandum for Mr. Bundy by Spurgeon Keeny of June 23, 1967, p.3. Box 26.

Американская делегация оказалась фактически «между двумя огнями». В этих условиях с целью выхода из тупика советская делегация высказала идею заключения между странами Евратома и МАГАТЭ «многостороннего» соглашения о гарантиях, что допускается Уставом МАГАТЭ (ст. III.A.5). При таком решении вопроса действовали бы и гарантии Евратома, однако примат оставался бы за гарантиями МАГАТЭ, инспекторы которого осуществляли бы независимые проверки в странах Евратома. Американцы после консультаций со своими союзниками приняли это предложение, и соответствующее положение было сформулировано так: НЯОГ-участники ДНЯО заключают соглашения с МАГАТЭ о гарантиях «либо в индивидуальном порядке, либо совместно с другими государствами» (п. 4 ст. III Договора)⁴¹.

Окончательно текст статьи III был согласован в январе 1968 г. Первый ее пункт гласит:

«1. Каждое из государств-участников Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется принять гарантии, как они изложены в соглашении, о котором будут вестись переговоры и которое будет заключено с Международным агентством по атомной энергии в соответствии с Уставом Международного агентства по атомной энергии и системой гарантий Агентства, исключительно с целью проверки его обязательств, принятых в соответствии с настоящим Договором, с тем чтобы не допустить переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства. Процедуры гарантий, требуемые настоящей статьей, осуществляются в отношении исходного или специального расщепляющегося материала, независимо от того, производится ли он, обрабатывается или используется в любой основной ядерной установке или находится за пределами любой такой установки. Гарантии, требуемые настоящей статьей, применяются ко всему исходному или специальному расщепляющемуся материалу во всей мирной ядерной деятельности в пределах территории такого государства, под его юрисдикцией или осуществляемой под его контролем где бы то ни было».

Главное здесь — гарантии применяются ко *всему* ЯМ во *всей* ядерной деятельности НЯОГ. Смысл формулировки о «мирной» ядерной деятельности состоит в том, что НЯОГ по определению не должны заниматься военной ядерной деятельностью, хотя договор и не запрещает использование ядерной энергии для военных целей,

⁴¹Французская журналистка Женеьева Табуи так охарактеризовала суть выработанной формулировки по статье III.4: «В политической битве, длившейся месяцы, верх одержал Советский Союз. Контроль будет осуществлять Международное агентство по атомной энергии в Вене. Единственная уступка Бонну, которая была сделана ради формы, заключается в том, что Венское агентство сможет поручить, скажем, Евратому, провести ту или иную инспекцию, ответственность за которую, однако, будет нести оно само». *За рубежом*, №5, 1968, с.2.

не связанных с ядерными взрывами, например, для АПЛ или надводных военных кораблей, приводимых в движение атомными реакторами.

При разработке статьи возник вопрос, может ли договор допускать поставки НЯОГ ядерного топлива или оборудования для «военных судов с ядерными энергетическими установками». В этой связи делегация США 15 марта 1968 г. подготовила следующее разъяснение, согласованное с советской делегацией:

«[...] Для целей договора подводная лодка с ядерной энергетической установкой сама по себе не является оружием. Договор не касается таких форм применения ядерной энергии, как ядерный двигатель, установленный на военных судах. Таким образом, ничто в договоре не запрещает предоставления ядерного топлива в этих целях, и такого рода деятельность не является предметом контроля, как он изложен в статье III проекта договора, который предусматривает применение контроля ко всему исходному или специальному расщепляющемуся материалу во всей мирной ядерной деятельности в пределах территории любого государства, не обладающего ядерным оружием, под его юрисдикцией или осуществляемой под его контролем где бы то ни было. Исключительной целью такого контроля является не допустить переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства»⁴².

При согласовании типового соглашения о гарантиях для НЯОГ-участников ДНЯО было решено, что гарантии не будут применяться к ЯМ в «незапрещенной военной деятельности», но он вновь будет поставлен под гарантии, как только такой материал снова будет возвращен в мирную ядерную деятельность (п. 14 типового соглашения о гарантиях — INFCIRC/153). Впрочем, на практике ни одно НЯОГ-участник ДНЯО пока не воспользовалось возможностью получения ядерного топлива для военных судов, приводимых в движение атомными реакторами.

Пункт 2 статьи о контроле имеет следующую формулировку:

«2. Каждое из государств-участников Договора обязуется не предоставлять: а) исходного или специального расщепляющегося материала или б) оборудования или материала, специально предназначенного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, любому государству, не обладающему ядерным оружием, для мирных целей, если на этот исходный или специальный расщепляющийся материал не распространяются гарантии, требуемые настоящей статьей».

Этот пункт заложил международно-правовую основу для всей системы контроля за ядерным экспортом. Он налагает обязательства на всех участников договора, ЯОГ и НЯОГ. При этом

⁴²Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Том X. М., МИД СССР, 1968, с.224-226.

данный пункт относится к экспорту материалов и оборудования в «любое» НЯОГ, независимо от того, является оно участником договора или нет. Такое положение бесспорно правильно, иначе государства-неучастники договора оказались бы в привилегированном положении. Требование, чтобы НЯОГ-импортеры приняли гарантии на поставляемый им материал, объективно способствует распространению гарантий МАГАТЭ даже на страны, которые не являются участниками договора.

При практическом осуществлении пункта 2 статьи III важно иметь единообразное понимание того, какие именно ЯМ и оборудование следует рассматривать как требующие применения гарантий в стране-получателе. В договоре не раскрываются эти понятия. Эта работа была выполнена позднее — в начале 1970-х гг. в Комитете Цангера, который постоянно проводит уточнение и расширение такого списка, известного как Исходный список, с учетом развития атомных технологий.

В преамбуле ДНЯО также содержатся положения о контроле. В их продвижении основную роль сыграла ФРГ, где в Национальном центре атомных исследований в Карлсруэ проводились работы по гарантиям, направленные на их «упрощение». О них объявил министр иностранных дел Вилли Брандт в германском бундестаге в апреле 1967 г., указав, что «будет достаточно применять гарантии к исходным или расщепляющимся материалам и к топливному циклу в некоторых ключевых местах, используя, насколько это возможно, автоматические приборы»⁴³. Позиция ФРГ была поддержана членами Евратома и другими промышленно развитыми странами. США и СССР в определенной мере пошли им навстречу, включив в преамбулу следующий пункт:

«Выражая свою поддержку усилиям по исследованию, усовершенствованию и другим усилиям, направленным на содействие применению в рамках системы гарантий Международного агентства по атомной энергии принципа эффективных гарантий в отношении движения исходных и специальных расщепляющихся материалов посредством использования приборов и других технических способов в определенных ключевых местах».

В статью о гарантиях по предложению ряда промышленно развитых стран — ФРГ, Японии, Италии, Швейцарии, выразивших опасения, что гарантии будут препятствовать мирному использованию атомной энергии, был также включен пункт 3:

«Гарантии, требуемые настоящей статьёй, осуществляются таким образом, чтобы соответствовать статье IV настоящего Договора и избегать создания препятствий для экономического или технологического развития участников Договора или международного сотрудничества в области мирной ядерной деятельности, включая

⁴³Цит. по: Shaker Mohamed, Op.cit., p.742.

международный обмен ядерным материалом и оборудованием для обработки, использования или производства ядерного материала в мирных целях в соответствии с положениями настоящей статьи и принципом применения гарантий, изложенным в преамбуле Договора».

Наконец, пункт 4 статьи III определяет сроки заключения соглашений о гарантиях между НЯОГ-участниками ДНЯО и МАГАТЭ: они должны вступить в силу в течение 18 месяцев со дня присоединения к договору. Это положение было принято по предложению Советского Союза, который стремился к тому, чтобы страны Евратома, включая ФРГ, как можно скорее заключили соглашения с МАГАТЭ. США называли более продолжительный срок — три года.

Согласование статьи о международном контроле еще не означало, что вопрос о контроле за соблюдением ДНЯО полностью решен. В ходе дальнейших переговоров о конкретных процедурах гарантий возникало немало проблем, особенно в связи с тем, что индустриально развитые страны — ФРГ, Япония и некоторые другие НЯОГ стремились ослабить эти процедуры. Однако, хотя и с большими задержками, эти проблемы так или иначе решались. Практически МАГАТЭ приступило к применению гарантий в странах Евратома только в 1978 г.

Статья IV (мирное использование атомной энергии)

Инициатива включения в ДНЯО такой статьи принадлежала НЯОГ. При их участии был согласован следующий текст:

«1. Никакое положение настоящего Договора не следует толковать как затрагивающее неотъемлемое право всех участников Договора развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации и в соответствии со статьями I и II настоящего Договора.

2. Все участники Договора обязуются способствовать возможно самому полному обмену оборудованием, материалами, научной и технической информацией об использовании ядерной энергии в мирных целях и имеют право участвовать в таком обмене. Участники Договора, которые в состоянии делать это, также сотрудничают в деле содействия, по отдельности или совместно с другими государствами или международными организациями, дальнейшему развитию применения ядерной энергии в мирных целях, особенно на территориях государств-участников Договора, не обладающих ядерным оружием, с должным учетом нужд развивающихся стран мира».

Как следует из пункта 1, использование участниками договора ядерной энергии в мирных целях должно проходить только в

соответствии со статьями I и II, т.е. на основе соблюдения обязательств по нераспространению. Это положение было включено по настоянию ЯОГ, но компромиссный характер статьи очевиден, да она и не могла быть иной. «Идеальное» решение вопроса о мирном использовании атомной энергии просто недостижимо: распространение ядерных технологий и материалов остановить нельзя. Любое развитие такой энергии так или иначе создает основу для ее применения как в мирных, так и в военных целях, так что абсолютно плотный барьер на пути распространения практически установить невозможно.

Статья V (о мирных ядерных взрывах)

Она также была включена в Договор по предложению НЯОГ. В данном случае инициативу проявила Мексика. Текст статьи гласит:

«Каждый из участников настоящего Договора обязуется принять соответствующие меры с целью обеспечения того, чтобы в соответствии с настоящим Договором, под соответствующим международным наблюдением и посредством соответствующих международных процедур потенциальные блага от любого мирного применения ядерных взрывов были доступны государствам-участникам настоящего Договора, не обладающим ядерным оружием, на недискриминационной основе, и чтобы стоимость используемых устройств для таких участников Договора была такой низкой, как только это возможно, и не включала расходы по их исследованию и усовершенствованию. Государства-участники настоящего Договора, не обладающие ядерным оружием, будут в состоянии получать такие блага в соответствии со специальным международным соглашением или соглашениями через соответствующий международный орган, в котором должным образом представлены государства, не обладающие ядерным оружием. Переговоры по этому вопросу начнутся так скоро, как это возможно, после вступления в силу настоящего Договора. Государства-участники настоящего Договора, не обладающие ядерным оружием, могут также получать такие блага в соответствии с двусторонними соглашениями».

Суть статьи очевидна: услуги по проведению ядерных взрывов в мирных целях (МЯВ) могут быть на определенных условиях и под международным контролем предоставлены неядерным странам ядерными державами. Ни одно НЯОГ не ставило, однако, официально вопрос о предоставлении услуг по МЯВ. Основными причинами являются опасность для окружающей среды и отсутствие убедительной практической потребности в МЯВ.

Сравнительно недавно ведущие ЯОГ — СССР/Россия и США — свернули свои программы в этой области. Однако

полного, окончательного запрета на МЯВ в международном праве не существует. Заключенный в 1996 г. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), запрещая «любые» ядерные взрывы, в то же время предусматривает (ст. VIII), что через десять лет после вступления Договора в силу конференция его участников может разрешить проведение МЯВ, но только «консенсусом». При этом соответствующая поправка к Договору принимается также при отсутствии голосов против. Хотя и существует такой «двойной барьер» в отношении МЯВ, все же теоретически они могут быть разрешены.

Конференция по ДНЯО 2000 г. в Заключительном документе, принятом на основе консенсуса, подтвердила, что положения статьи V должны интерпретироваться в свете положений ДВЗЯИ.

Статья VI (о переговорах по ядерному разоружению)

И этот вопрос был поднят НЯОГ. Первой предложила включить в договор специальную статью о ядерном разоружении делегация ОАР (Египта), а текст был внесен Мексикой в сентябре 1967 г. и поддержан Индией, Бразилией, Швейцарией, Японией и др. СССР и США включили статью в свой совместный проект договора 18 января 1968 г. После внесения в нее нескольких поправок, предложенных Швецией, она приняла следующий окончательный вид:

«Каждый участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем».

Вопрос о том, насколько определенные и твердые обязательства по ядерному разоружению взяли на себя ЯОГ по статье VI, неизменно был и остается предметом острых разногласий и споров на протяжении всего существования ДНЯО. Об этом свидетельствуют периодические Конференции по рассмотрению действия Договора, три из которых — в 1980, 1990 и 1995 гг. завершились без принятия заключительного документа именно из-за расхождений относительно того, выполняют ли ЯОГ свои обязательства по этой статье, особенно в том, что касается прекращения испытаний ядерного оружия и других мер ядерного разоружения.

Ключевыми в статье VI в первую очередь являются положение о проведении «переговоров в духе доброй воли»⁴⁴ и слова «в ближайшем будущем».

⁴⁴ Существует несоответствие между русским и английским текстами формулы «в духе доброй воли». Английский текст («in good faith») скорее соответствует русскому «добросовестно», что предполагает более твердое обязательство, чем «в духе доброй воли». Формула «in good faith», по мнению авторитетных юристов, имеет существенный вес и значение с точки зрения теории и практики международного права.

По отдельным аспектам замедления гонки ядерных вооружений вскоре после заключения Договора начались двусторонние советско-американские переговоры, завершившиеся соглашениями ОСВ-1 и 2, РСМД, СНВ-1 и 2 и др. Тем не менее следует считать — во всяком случае так полагает подавляющее большинство НЯОГ, — что положения Договора относительно переговоров об «эффективных» мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в «ближайшем» будущем в удовлетворительной мере не выполнены.

Наибольшую озабоченность среди НЯОГ вызывало состояние дел с заключением ДВЗЯИ, который неизменно считался ключом к движению вперед в деле прекращения гонки ядерных вооружений и который был единственной конкретной мерой разоружения, упомянутой в Договоре (в его преамбуле). Именно этот вопрос постоянно вызывал острые трения с ЯОГ, особенно на КР ДНЯО. ДВЗЯИ был заключен только в 1996 г., т.е. спустя более 25 лет после введения ДНЯО в действие, но в силу еще не вступил.

По другим аспектам сокращений ядерных вооружений переговоры еще и не начинались, не говоря уже о переговорах о ядерном разоружении, относительно которых участники ДНЯО также взяли на себя договорные обязательства по статье VI. При этом если Россия и США, хотя и медленно, но все же двигаются в направлении, предусматриваемом статьей VI, то остальные ЯОГ — Китай, Великобритания и Франция — пока что даже и не подключались к процессу переговоров.

Статья VI продолжает оставаться постоянным источником внутренней напряженности Договора и всего режима ядерного нераспространения. Без систематического движения в направлении ядерного разоружения этот режим, столь важный для поддержания международной безопасности, будет оставаться неустойчивым. Построение мира, полностью свободного от ядерного оружия, не может реально рассматриваться как дело близкого будущего, но важно коллективными усилиями всех ЯОГ обеспечить непрерывность процесса. Именно в этом видится основной смысл статьи VI.

Статья VII (о безъядерных зонах)

Мексика явилась автором предложения о включении в текст договора положения о том, что он не должен затрагивать право какой-либо группы государств заключать региональные договоры о «полном» отсутствии ядерного оружия на их территориях. СССР и США откликнулись на мексиканское предложение, но изложили его в согласованном между ними проекте договора от 24 августа 1967 г. не в виде отдельной статьи, а в качестве пункта преамбулы. В дальнейшем — в проекте от 18 января 1968 г. — они согласились

включить в договор самостоятельную статью VII в следующей редакции:

«Никакое положение настоящего Договора не затрагивает право какой-либо группы государств заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях».

Включение в ДНЯО статьи, подтверждающей право государств на образование региональных ЗСЯО, несомненно, усилило нераспространенческий характер договора, способствуя созданию ЗСЯО в различных регионах мира. В статье особо подчеркивается цель «полного отсутствия ядерного оружия» на их территории, в ЗСЯО должно запрещаться не только производство, приобретение или получение ядерного оружия неядерными участниками, но и *размещение* ядерного оружия, принадлежащего ЯОГ.

Статья VIII (о поправках к договору и о конференциях по рассмотрению его действия)

Положения договора о внесении в него поправок (пп. 1 и 2 ст. VIII) делают возможность изменения договора чрезвычайно сложным делом. Вносимая поправка должна быть рассмотрена созываемой правительствами-депозитариями (Россией, США и Великобританией) конференцией, если этого потребует одна треть или более участников договора. Поправка, далее, должна быть принята большинством участников договора, включая все ЯОГ, а также всеми другими участниками договора, являющимися членами Совета управляющих МАГАТЭ на дату рассылки поправки.

Советский Союз и Соединенные Штаты добивались принятия сложной процедуры внесения в договор изменений, руководствуясь стремлением практически исключить возможность пересмотра текста договора. Они исходили из того, что порядок рассмотрения и принятия поправок — это не просто формальное юридическое положение, которое присутствует, как правило, в любом соглашении, а вопрос прочности договора.

Положение о проведении конференций было впервые предложено Соединенными Штатами. Первоначальный советский проект не содержал положения о конференции, однако в нем был пункт о внесении поправок к договору, которого не было в американском проекте. По предложению ОАР (Египта) обе идеи были объединены, и они неизменно рассматриваются НЯОГ как средство подталкивания ЯОГ к устранению той дискриминации, которая, по их мнению, создается ДНЯО, разделившим мир на две категории государств — ЯОГ и НЯОГ.

В ходе двусторонних советско-американских переговоров советской стороной в декабре 1966 г. был передан американской стороне следующий проект положения о конференции:

«Через пять лет после вступления в силу настоящего Договора в Женеве (Швейцария) должна быть созвана конференция участников Договора, чтобы рассмотреть, как действует настоящий Договор, имея в виду, что такое рассмотрение не должно повлечь за собой ослабление положений этого Договора, определяющих обязательства государств, обладающих ядерным оружием, и государств, не обладающих таким оружием, в отношении нераспространения ядерного оружия»⁴⁵.

Советская сторона, предлагая этот текст, стремилась к тому, чтобы КР ДНЯО не повела к пересмотру основных обязательств по нераспространению или к ослаблению таких обязательств. Американский представитель Уильям Фостер предложил контрвариант:

«Через пять лет после вступления в силу настоящего Договора в Женеве (Швейцария) должна быть созвана конференция участников Договора, чтобы рассмотреть, как действует настоящий Договор, для того, чтобы иметь уверенность в том, что цели Договора осуществляются»⁴⁶.

В согласованном проекте от 24 августа 1967 г. СССР и США объединили в одной статье оба положения — о поправках к договору и о конференции. Пункт о конференции звучал так:

«3. Через пять лет после вступления в силу настоящего Договора в Женеве (Швейцария) должна быть созвана конференция участников Договора, чтобы рассмотреть, как действует настоящий Договор, для того чтобы иметь уверенность в том, что цели и положения Договора осуществляются».

В проекте речь шла об одной-единственной конференции. Но последовало предложение Швеции: «Через каждые последующие пять лет большинство участников Договора может, путем представления предложений с этой целью правительствам-депозитариям, добиться созыва дальнейших конференций с той же целью рассмотрения действия настоящего Договора». И, наконец, по предложению Великобритании, было добавлено, что на конференциях будет рассматриваться не только осуществление положений договора, но и как реализуются цели преамбулы. Шведская и английская поправки были приняты, и с этими дополнениями пункт 3 статьи VIII принял свой окончательный вид:

«Через пять лет после вступления в силу настоящего Договора в Женеве (Швейцария) созывается конференция участников Договора для рассмотрения того, как действует настоящий Договор, чтобы иметь уверенность в том, что цели, изложенные в

⁴⁵АВП РФ, Ф.047, оп.13, п.136, д.27, л.20.

⁴⁶Там же.

преамбуле, и положения Договора осуществляются. Через каждые последующие пять лет большинство участников Договора может, путем представления предложения с этой целью правительствам-депозитариям, добиться созыва дальнейших конференций с той же целью рассмотрения того, как действует Договор».

КР ДНЯО, созывавшиеся каждые пять лет (1975, 1980, 1985, 1990, 1995, 2000), играют важную роль в поддержании жизнеспособности Договора и всего режима нераспространения. На них было принято немало решений, укрепивших Договор, в частности в том, что касается усиления контроля за ядерным экспортом. НЯОГ-участники Договора использовали конференции для оказания давления на ЯОГ прежде всего с целью побудить их принять меры по прекращению гонки ядерных вооружений и ядерному разоружению и осуществлению более энергичных усилий по «вертикальному» нераспространению. Ввиду разногласий, возникавших по этим вопросам между НЯОГ и ЯОГ, КР ДНЯО 1980, 1990 и 1995 гг. не смогли принять заключительные документы, которые содержали бы согласованные выводы о том, как выполняется ДНЯО, особенно в части, касающейся ядерного разоружения.

Статьи IX и XI (подписание и вступление в силу договора, определение ядерных держав и другие заключительные постановления)

ДНЯО открыт для подписания и присоединения к нему всех государств. Правительствами-депозитариями определены СССР (сейчас Россия), США и Великобритания. Необходимость такого нестандартного решения объясняется тем, что некоторые государства (например, ГДР, Северная и Южная Кореи) не имели тогда дипломатических отношений со всеми тремя ЯОГ или не были представлены в ООН.

Договор вступает в силу после его ратификации и депонирования ратификационных грамот государствами-депозитариями, а также 40 другими государствами. Цифра 40 была определена с таким расчетом, чтобы вступление ДНЯО в силу не затягивалось. Советский Союз первоначально предлагал 36 государств. Выдвигались и предложения увеличить эту цифру, скажем, до 60 (Мексика), однако СССР и США настояли на меньшей цифре. Вступление договора в силу и так заняло без малого два года: он вступил в действие 5 марта 1970 г.

Для целей договора государством, обладающим ядерным оружием, определено государство, которое произвело и взорвало ядерное оружие или другое ЯВУ до 1 января 1967 г. (п. 3 ст. IX). Более поздний срок, например, после вступления договора в силу, мог бы подтолкнуть то или иное государство форсировать создание

ядерного оружия и тем самым перейти в категорию ЯОГ и получить закрепление этого статуса в договоре.

Таким образом, это определение распространяется на пять ЯОГ, включая Францию и Китай, которые вначале воздерживались от подписания ДНЯО и присоединились к нему в начале 1990-х гг. Указанное определение ЯОГ с точки зрения международного права не распространяется на такие страны, как Индия и Пакистан, которые взорвали ЯВУ после указанной даты, и Израиль, который также располагает, как широко признается, ядерным потенциалом.

ЮАР, создавшая в конце 1970-х — начале 1980-х гг. несколько ЯВУ, также, конечно, не подпадала под определение ЯОГ для целей ДНЯО. Она демонтировала эти устройства и присоединилась к ДНЯО в 1991 г.

Статья X (о выходе из договора и сроке его действия)

Пункт о *выходе из договора* гласит:

«Каждый Участник настоящего Договора в порядке осуществления своего государственного суверенитета имеет право выйти из Договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны. О таком выходе он уведомляет за три месяца всех Участников Договора и Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. В таком уведомлении должно содержаться заявление об исключительных обстоятельствах, которые он рассматривает как поставившие под угрозу его высшие интересы».

Положение о выходе из договора при чрезвычайных обстоятельствах было впервые включено в Московский договор 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах и в дальнейшем предусматривалось всеми договорами по ограничению и сокращению вооружений. Следует считать естественным правом каждого суверенного государства, особенно с учетом того, что эти договоры затрагивают интересы национальной безопасности государств-участников, иметь юридически зафиксированную возможность сложить с себя обязательства по ним в случае возникновения обстоятельств, подвергающих опасности само существование государств.

Для ДНЯО была принята та же формула, которая предусматривается Московским договором 1963 г., но с важным дополнением, предложенным Соединенными Штатами и поддержанным Советским Союзом: о предстоящем выходе из договора государство должно не только предупредить за три месяца других участников договора, но и поставить об этом в известность СБ ООН, причем в уведомлении должно содержаться заявление об

исключительных обстоятельствах, которые данное государство рассматривает как поставившие под угрозу его высшие интересы. Это предполагает, что СБ как орган, несущий по Уставу ООН главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, может принять меры, которые он сочтет необходимыми, для поддержания или восстановления мира и безопасности в случае выхода того или иного государства из ДНЯО.

Как и в Московском договоре о частичном запрещении ядерных испытаний, в ДНЯО не уточняется характер «исключительных обстоятельств», которые могут повлечь за собой выход из договора. Говорится лишь, что они должны быть «связаны с его содержанием». Эта формула взята из договора 1963 г. Тогда США предлагали конкретно квалифицировать эти обстоятельства и уточнить, что выход допускается в случае невыполнения обязательств по договору каким-либо другим участником договора или проведения ядерных взрывов государством-неучастником (имелся в виду Китай). Советская сторона не имела возражений против включения в договор положения об обстоятельствах, которые могли бы вынудить принять решение о выходе из договора, однако она стремилась избежать формулировки, которая могла бы содержать намек на Китай. Отсюда — компромиссная формула об обстоятельствах, «связанных с содержанием» договора⁴⁷.

Срок действия. Первоначальные американский и советский проекты предусматривали, что договор будет бессрочным. Некоторые НЯОГ добивались установления срока действия. Еще в августе 1965 г. министр иностранных дел Италии Аминторе Фанфани внес в Комитет 18-ти предложение об установлении НЯОГ одностороннего «моратория [...] на конкретный срок» на неприобретение ядерного оружия до тех пор, пока ЯОГ не проведут переговоры о своих обязательствах перед НЯОГ, включая «гарантии от ядерного нападения» и достижение «некоторого прогресса в области разоружения»⁴⁸. Итальянское предложение поддержал канцлер ФРГ Людвиг Эрхард.

Советский Союз и Соединенные Штаты, однако, продолжали совместно отстаивать постоянный характер договора. Их согласованный проект договора от 24 августа 1967 г. предусматривал именно такое положение о сроке. ФРГ и Италия и после внесения

⁴⁷Следует заметить, что когда СБ ООН в 1993 г. рассматривал заявление КНДР о намерении выйти из ДНЯО, то было упущено из поля зрения то обстоятельство, что приведенные Северной Кореей мотивы для объяснения выхода (американо-южнокорейские маневры «Тим Спирит», которые ежегодно проводились в течение многих лет, и «несправедливые действия некоторых должностных лиц секретариата МАГАТЭ» — документ ООН S/25407) никак не могут рассматриваться как исключительные обстоятельства, связанные с содержанием Договора. Как известно, в результате американо-северокорейских переговоров КНДР свое намерение выйти из ДНЯО не осуществила.

⁴⁸Док. ENDC/PV.219.

советско-американского проекта добивались установления ограниченного срока действия договора. В октябре 1967 г. итальянская делегация внесла следующую поправку к договору:

«Настоящий договор остается в силе «X» лет и возобновляется автоматически для каждого участника настоящего договора, не сделавшего за шесть месяцев до истечения срока действия договора предварительного уведомления о своем намерении не продлевать для себя срок действия договора»⁴⁹.

Следует заметить, что в кулуарах Комитета 18-ти существовало широко распространенное мнение, что итальянская активность в вопросе об ограниченном сроке в немалой степени проистекала из того, что делегация Италии действовала заодно с ФРГ, которая не была членом Комитета и настойчиво добивалась как можно более короткого срока действия ДНЯО. В октябре 1967 г. Вилли Брандт в письме на имя Дина Раска предлагал пятилетний срок договора⁵⁰.

Приведенные варианты по сроку действия договора, поддержанные и рядом других НЯОГ, не могли не повлиять на решение Соединенных Штатов и Советского Союза предложить положение о сроке, которое имело бы общеприемлемый характер и могло рассчитывать на получение согласия Комитета, действовавшего на основе консенсуса. В итоге текст о сроке принял следующий вид:

«Через двадцать пять лет после вступления Договора в силу созывается конференция для того, чтобы решить, должен ли Договор продолжать оставаться в силе бессрочно или действие Договора должно быть продлено на дополнительный определенный период или периоды времени. Это решение принимается большинством участников Договора».

Такое положение, необычное в договорной практике, означало, что после первоначального двадцатипятилетнего срока действия конференция должна решить только *один* вопрос: на какой срок он будет продлен — и тут предусмотрены, как видно из текста, три возможных варианта. Вопрос о прекращении действия договора через 25 лет, таким образом, исключался. Конференция 1995 года решила продлить договор о нераспространении бессрочно (см. главу 8).

Гарантии безопасности неядерных государств

Когда международное сообщество пришло к убеждению, что следует положить конец всепродельному расползанию ядерного оружия, то одновременно возникла проблема — как обеспечить тем

⁴⁹ Док. ENDC/200. Приводится по Сборнику документов по разоружению МИД СССР, Том IX, 1967, с.319-320.

⁵⁰ Kuntzel Matthias. Op.cit., p.85.

странам, которые отказываются от владения ядерным оружием или просто не имеют возможности создать его, необходимую безопасность от применения или угрозы применения против них этого оружия со стороны тех государств, которые им располагают или стремятся его создать. Иными словами, дать гарантию от ядерного шантажа. НЯОГ также заботил вопрос о том, придут ли им на помощь, если кто-либо на них нападет или будет угрожать ядерным нападением. Первый вид гарантий безопасности — гарантии неприменения — получил название «негативных», второй — гарантии помощи — «позитивных».

В получении гарантий безопасности в первую очередь были заинтересованы страны ДН и нейтральные НЯОГ, поскольку страны, входившие в военные блоки или вступившие в иные союзнические соглашения с ЯОГ, могли рассчитывать на так называемый «ядерный зонтик».

Однако ЯОГ отказались включить вопрос о гарантиях в ДНЯО, поскольку они, в соответствии со своими военными доктринами, стремились сохранить «свободу рук» в применении ядерного оружия. Они пошли только на принятие резолюции СБ ООН о позитивных гарантиях. Такая резолюция была принята СБ почти одновременно с одобрением договора ГА — 19 июня 1968 г.

В резолюции 255 (1968) говорилось, что СБ «признает, что агрессия с применением ядерного оружия или угроза такой агрессии против государства, не обладающего ядерным оружием, создала бы обстановку, в которой Совет Безопасности, и прежде всего его постоянные члены, обладающие ядерным оружием, должны были бы немедленно действовать в соответствии с их обязательствами по Уставу Организации Объединенных Наций»⁵¹.

Одновременно СССР, США и Великобритания сделали согласованные идентичные заявления о том, что они будут действовать через СБ с тем, чтобы предпринять меры, необходимые для отражения агрессии с применением ядерного оружия или устранения угрозы агрессии. Инициатива такого решения вопроса о позитивных гарантиях исходила от Советского Союза.

Что касается негативных гарантий, то они были даны ЯОГ позднее в виде односторонних заявлений, причем на определенных условиях. Эти заявления были подтверждены ими 5-6 апреля 1995 г., накануне Конференции по продлению действия ДНЯО (КРП ДНЯО)⁵². НЯОГ не удовлетворены такими односторонними гарантиями и продолжают добиваться выработки юридически обязательного международно-правового документа о гарантиях

⁵¹За резолюцию голосовали 10 членов СБ, против голосов не было, воздержались Франция, Индия, Пакистан, Алжир и Бразилия. КНР в тот период в состав членов ООН не входила.

⁵²Российская Федерация в новой военной доктрине 2000 г. вновь подтвердила гарантии безопасности НЯОГ на некоторых условиях.

безопасности НЯОГ. ЯОГ, напротив, стремятся и дальше сохранять за собой возможность потенциального применения ядерного оружия. КНР занимает особую позицию, заявив о неприменении ядерного оружия первой и о неиспользовании ядерного оружия против НЯОГ при любых обстоятельствах, хотя некоторые военные эксперты подвергают сомнению искренность этой формулы.

Участники ДНЯО

Договор был одобрен ГА ООН 12 июня 1968 г.⁵³ и открыт для подписания в Москве, Вашингтоне и Лондоне 1 июля 1968 г. Он вступил в силу 5 марта 1970 г. По состоянию на конец 2001 г., его участниками являются 187 государств. Не присоединились к договору Израиль, Индия и Пакистан, а также Куба.

ЛИТЕРАТУРА

Давыдов В.Ф. Нераспространение ядерного оружия и политика США. М., Наука, 1980.

Договор о нераспространении ядерного оружия.

Калядин А.Н. Проблемы запрещения испытаний и распространения ядерного оружия. М., Наука, 1976.

Михайлов В.Н., Петросьянц А.М. (ред.). Создание первой советской ядерной бомбы. М., Энергоатомиздат, 1995.

Резолюции Совета Безопасности ООН о гарантиях безопасности неядерных стран 255 (1968) и 984 (1995).

Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945-1968. М., Наука, 1999.

Bundy McGeorge. *Danger and Survival. Choices about the Bomb in the First Fifty Years.* N.Y., Random House, 1988.

Bunn George. *Arms Control by Committee. Managing Negotiations with the Russians.* Stanford, Stanford University Press, 1992.

Seaborg Glenn T. with Loeb Benjamin S. *Stemming the Tide. Arms Control in the Johnson Years.* Lexington (MA), Toronto, Lexington Books, 1986.

⁵³Резолюция была принята 95 голосами против 4 (Албания, Замбия, Куба, Танзания) при 21 воздержавшемся (в том числе Алжир, Аргентина, Бразилия, Индия, Испания, Франция).

ГЛАВА 5. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ОБЛАСТИ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Конец американской атомной монополии и появление в 1949 г. второго ЯОГ — Советского Союза совпали по времени с первыми шагами по развитию мирного использования атомной энергии. На базе инфраструктуры и опыта, приобретенного военной атомной промышленностью, стало интенсивно развиваться мирное применение ядерной энергии — вначале в СССР, США, и Великобритании. Затем к этому процессу примкнул и ряд других стран. В энергии атома многие видели путь ускоренного промышленного развития и достижения высокого технологического уровня, а также — не в последнюю очередь — и создания базы для ее потенциального использования в военных программах.

Соревнование между СССР и США за первенство в развитии атомной энергетики

В городе Обнинске (Калужская обл.) в 1954 г. была пущена в эксплуатацию первая в мире АЭС небольшой мощности (5 МВт), — но значение и воздействие этого события на дальнейшее развитие атомной энергетики было огромным. В СССР, США и Великобритании начали строить экспериментальные и учебные реакторы, проектировать вначале небольшие, а потом и крупные энергетические реакторы.

На XX съезде КПСС (14-25 февраля 1956) было объявлено, что в шестом пятилетнем плане (1956-1960) предусмотрено строительство АЭС общей мощностью 2500 МВт. Началось сооружение первого атомного ледокола, с 1951 г. под руководством акад. Л.А. Арцимовича проводились исследования возможности получения электроэнергии за счет управляемых термоядерных процессов (на базе системы «Токамак»), о чем впервые было объявлено И.В. Курчатовым в докладе в английском атомном центре Харуэлле в 1956 г. во время визита Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в Великобританию.

С 1955 г. Советский Союз приступил к заключению соглашений о сотрудничестве в области развития и использования атомной энергии в мирных целях с КНР, Чехословакией, ГДР, Болгарией, Венгрией, Румынией, в следующем году с Югославией, Египтом, а в дальнейшем и со многими другими странами.

В США и Великобритании частный сектор живо заинтересовался перспективами производства электроэнергии с помощью атомных реакторов, возможностями завоевания рынков сбыта таких реакторов, приложения капитала в этой области. В США такому развитию, однако, препятствовало действовавшее

тогда законодательство (закон Макмагона 1946 г.). В 1953 г. в Конгрессе начались слушания по новому законопроекту об атомной энергии, который снимал некоторые юридические препятствия для участия частной промышленности в атомной деятельности. Так, разрешалось бы на основании лицензий, выданных Комиссией по атомной энергии (КАЭ), частное владение энергетическими реакторами и расщепляющимися материалами, используемыми в качестве топлива для реакторов. Допускалось бы и международное сотрудничество в области применения атомной энергии при соответствующих гарантиях неиспользования ее в недозволенных целях. Выступая в Объединенном комитете Конгресса по атомной энергии, заместитель государственного секретаря Беделл Смит говорил: «Первостепенное значение для наших международных связей вообще имеет поддержание и совершенствование Соединенными Штатами своего руководящего положения в развитии атомной энергии [...]. Положению Соединенных Штатов был бы нанесен большой ущерб, если бы другая страна стала первой в этой области и особенно — если бы Советский Союз превзошел нас в развитии атомной энергии»¹.

В августе 1954 г. в закон об атомной энергии (закон Макмагона 1946 г.) были внесены существенные изменения, что позволяло США проводить более активную политику в области международного атомного сотрудничества.

Важным шагом в развитии такого сотрудничества явилась Женевская конференция по мирному использованию атомной энергии, состоявшаяся в августе 1955 г. В ней приняли участие около полутора тысяч ученых и научных администраторов из 73 стран. На конференцию было представлено свыше тысячи докладов, в том числе советскими учеными — 102 доклада. На ней были рассмотрены доклады о потребностях в энергии отдельных стран и о той роли, которую атомная энергия будет играть в течение ближайших десятилетий; о типах ядерных реакторов для АЭС; о проблемах ядерной безопасности; использовании радиоактивных изотопов и т.д. По предложению советской стороны в программу конференции был включен и рассмотрен пункт «Сообщения государств-участников конференции о мероприятиях по оказанию помощи другим странам в области мирного применения атомной энергии».

¹ Atomic Power Development and Private Enterprise. Hearings before the JCAE. 83^d Congress, 1st Session, Wash., D.C., 1953, p.64. Цит. по: Малинин С., Онушкин В. Международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии. М., Соцэгиз, 1961, с.23.

План «Атомы для мира»

Началось и политическое осмысливание новых тенденций в атомной сфере. Существенную роль в трансформировании американской политики сыграл доклад группы экспертов во главе с Робертом Оппенгеймером, который был представлен новому президенту США Дуайту Эйзенхауэру в феврале 1953 г.

В докладе делался вывод, что для крупных держав в будущем не будет нехватки делящихся материалов и ядерное оружие будет стоить сравнительно дешево. В этих условиях надо что-то делать с усиливающейся гонкой вооружений. Проанализировав ситуацию с рассмотрением американского «плана Баруха» в ООН, авторы доклада пришли к заключению, что разногласия с Советским Союзом «столь глубоки, что не представляется вероятным подлинное широкомасштабное политическое урегулирование при жизни нынешнего поколения»:

«В принципиальном плане и в конечном итоге проблема, поставленная высвобождением атомной энергии, — это вопрос о том, способно ли человечество управлять собой без войны. Теперь, когда люди научились высвобождать эту энергию, нет способа навечно исключить атом из нашей жизни. Даже если будет установлен в разумной мере полный контроль над атомной энергией, знания об атоме сохранятся, и трудно представить себе, как избежать большой войны, в ходе которой та или другая сторона в конечном счете не создаст и не применит атомные бомбы. В этом отношении в 1945 г. навсегда радикально изменилась суть проблемы вооружений»².

Доклад группы Оппенгеймера произвел на Дуайта Эйзенхауэра впечатление. После смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. президент США стал более оптимистически смотреть на возможность улучшения отношений с СССР. Совет национальной безопасности одобрил большинство положений доклада Оппенгеймера, хотя к этому времени уже развернулась травля ученого, которого в конце концов лишили допуска к секретным работам.

Эйзенхауэр решил пойти дальше и в июне 1953 г. высказал мысль о целесообразности выступления США с новым планом по атомной энергии. В сентябре в письме председателю КАЭ Льюису Страусу он конкретизировал свое предложение, высказавшись за то, чтобы США и СССР выделили определенные количества расщепляющихся материалов на мирные цели³.

² Hewlett Richard G., Holl Jack M. Atoms for Peace and War. 1953-1961. Eisenhower and the Atomic Energy Commission. Berkeley, University of California Press, 1989, pp.42-43.

³ Как писал в своих мемуарах Льюис Страус, Эйзенхауэр сказал ему, что поскольку русские отклонили «план Баруха», нужно сделать новое предложение, которое было бы «безопасным для свободного мира и привлекательным для русских». См.: Strauss Lewis. Men and Decisions. N.Y., Garden City, Doubleday and Co., 1962, pp.337, 357.

8 декабря 1953 г. Дуайт Эйзенхауэр представил план «Атомы для мира» на заседании ГА ООН. В нем предлагалось, чтобы «главным образом заинтересованные правительства [...] приступили сейчас и продолжали делать совместные вклады из своих запасов обычного урана и расщепляющихся материалов в международное агентство по атомной энергии», которое создавалось бы под эгидой ООН. На агентство «могла бы быть возложена ответственность за получение, хранение и защиту выделяемых в его распоряжение расщепляющихся и других материалов».

Американский специалист по ядерному нераспространению Питер Клаузен так расценивает план президента:

«Как рассчитывал Эйзенхауэр, план «Атомы для мира» был главным образом средством возобновления американско-советского диалога по разоружению. Предлагавшаяся передача расщепляющегося материала была намеренно скромным первым шагом, который искусно продвигал бы урегулирование трудно поддающихся решению проблем инспекции, строгого выполнения соглашений и международного контроля, обречших на провал «план Баруха» и другие всеобъемлющие подходы. И в то же время у плана (Эйзенхауэра) присутствовал несомненный пропагандистский аспект. Он был призван отвлечь внимание от более радикальных советских предложений по разоружению, при этом для Москвы было бы политически рискованным делом отвергнуть содержащиеся в нем привлекательные черты. Кроме того, предлагаемые передачи (ядерных материалов) имели бы символический характер и ни в коей мере не затронули бы военных возможностей — в особенности с учетом того, что обе страны продолжали производить расщепляющиеся материалы. И в самом деле, предложение совпало с массивным расширением военно-промышленного комплекса США, и Эйзенхауэр прекрасно сознавал, что если план будет осуществлен, он фактически увеличит американское военное превосходство»⁴.

По свидетельству современников, президент говорил своим советникам: «Предположим, США и Советы передадут в ООН на мирные цели по «икс» кг расщепляющегося материала [...]. Количество «икс» могло бы быть установлено на уровне, который мы могли бы легко выделить из наших запасов, но которому Советам было бы трудно соответствовать»⁵.

План Эйзенхауэра, таким образом, был противоречив и содержал как позитивные, так и негативные элементы. Но при всей противоречивости план «Атомы для мира», предусматривавший создание международного агентства по атомной энергии с ограниченными полномочиями, был шагом вперед в деле ограничения распространения в сравнении с «планом Баруха»,

⁴ Clausen Peter A. Nonproliferation and the National Interest. America's Response to the Spread of Nuclear Weapons. N.Y., Harper Collins College Publishers, 1993, pp.30-31.

⁵ Цит. по: McGeorge Bundy. Danger and Survival. N.Y., Random House, 1988, p.290.

который ставил бы СССР в зависимое от США положение. Новое предложение было более приемлемо для него в условиях, когда быстро набирало темп расползание по миру атомных технологий. И советское руководство увидело это рациональное зерно.

Советско-американские переговоры о создании МАГАТЭ

После смерти И.В. Сталина новое советское руководство было готово завязать диалог с новой американской администрацией. К этому времени обе державы овладели секретом водородной бомбы и испытали ее, к тому же с очень небольшим временным интервалом. В двух испытаниях 1955 г. СССР первым в мире произвел сброс термоядерных бомб с самолета, США первое такое испытание провели в 1956 г.⁶ Советский Союз достиг статуса самостоятельного ЯОГ, обладающего необходимыми ядерными технологиями.

Это, несомненно, придавало советским руководителям чувство уверенности в силах и возможностях молодой атомной промышленности Советского Союза. В заявлении Советского правительства от 21 декабря 1953 г. относительно предложения о создании международного атомного агентства и о передаче ему части ЯМ обращалось внимание на то, что, во-первых, «главная масса атомных материалов по-прежнему будет направляться на производство атомных и водородных бомб» и что, во-вторых, «предложение президента Эйзенхауэра нисколько не ограничивает саму возможность использования атомного оружия». Тем не менее выражалась готовность принять участие в переговорах о создании агентства, однако в ходе этих переговоров должно было быть *одновременно* рассмотрено следующее предложение:

«Государства-участники соглашения, руководствуясь стремлением к уменьшению международной напряженности, принимают на себя торжественное и безоговорочное обязательство не применять атомного, водородного и другого оружия массового уничтожения».

Таким образом, и советский ответ содержал пропагандистский элемент, продиктованный стремлением вести переговоры с США о новом атомном органе в наступательном плане.

Первый диалог между В.М. Молотовым и госсекретарем США Джоном Фостером Даллесом состоялся во время берлинского совещания министров иностранных дел великих держав в конце января — начале февраля 1954 г. В марте стороны приступили к двусторонним переговорам, в ходе которых Даллес вручил

⁶ Гончаров Г.А. Хронология основных событий истории создания водородной бомбы в СССР и США. Доклад на международном симпозиуме «Наука и общество. История советского атомного проекта (40-50-е годы)». Труды симпозиума. Том 1. М., ИздАТ, 1997, с.251-252.

советскому послу в Вашингтоне Г.Н. Зарубину меморандум, содержащий «предварительные взгляды, поясняющие предложения о Международном агентстве по атомной энергии». Агентство предлагалось учредить «под эгидой ООН». Как оценивал МИД СССР, его роль сводилась бы к получению поставок ЯМ от государств-участников, которые имеют запасы таких ЯМ, для целей поощрения исследований и мирного использования атомной энергии. США были бы готовы сделать «в качестве пожертвования значительный первоначальный взнос». СССР сделал бы «эквивалентное пожертвование». Агентство обладало бы необходимыми полномочиями для «обеспечения того, чтобы выделенный расщепляющийся материал использовался в целях, для которых он был выделен»⁷.

Советское правительство усмотрело в американских предложениях попытку США создать организацию, подобную специализированным учреждениям ООН (Международная организация труда, Всемирная организация здравоохранения и т.д.), в которых американцы тогда безраздельно господствовали. Кроме того, советское руководство на основе опыта рассмотрения в ООН «плана Баруха» считало, что вопросы, относящиеся к использованию атомной энергии, непременно должны находиться под неусыпным оком СБ ООН как органа, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, органа, где великие державы, включая СССР, располагают правом вето.

Советская реакция была жесткой. В памятной записке, врученной Молотовым Даллесу в Женеве 27 апреля 1954 г., подтверждалась позиция СССР в пользу необходимости запрещения применения атомного оружия и подчеркивалось, что без достижения договоренности об этом «начавшиеся переговоры не могут дать должных результатов».

Американцы тоже решили «проявить характер» и приступили к обсуждению планов создания атомного агентства без СССР — в кругу одних лишь западных стран, хотя сомнительно, что без второго ЯОГ учреждение такой организации имело бы какой-либо смысл. В неофициальной записке, врученной Джоном Фостером Даллесом В.М. Молотову в Женеве 1 мая, государственный секретарь сообщил, что «ввиду отсутствия интереса у Советского Союза к тому, чтобы в настоящее время продолжать рассмотрение этого предложения (о создании агентства), Соединенные Штаты будут считать себя свободными рассмотреть вопрос о создании такого агентства совместно с другими заинтересованными странами. Если же Советский Союз впоследствии решит, что он

⁷ АВП РФ, Ф.047, оп.1«б», п.77«в», д.9, лл.10-12, 29-34.

желает участвовать в таком обсуждении, Соединенные Штаты будут, конечно, приветствовать это участие»⁸.

Обмен мнениями между обеими державами все же был продолжен. В советской записке от 22 сентября 1954 г. была выражена готовность «в любое время возобновить переговоры для рассмотрения как предложения Советского правительства, так и предложения Правительства США». В записке советской стороны при этом впервые высказывалась готовность рассмотреть вопрос о гарантиях мирного применения ЯМ:

«В меморандуме Правительства США указывается, что возможны такие формы мирного использования атомной энергии, при которых могут быть намечены пути, чтобы создать гарантию против утечки материалов из реакторов, производящих энергию, и что, по мнению Правительства США, имеются такие формы мирного использования, при которых вопрос о материалах, идущих на производство атомного оружия, не возникает. Советское правительство готово рассмотреть в ходе дальнейших переговоров соображения Правительства США по данному вопросу».

Важным новым элементом в советской записке было также заявление о том, что «Советское правительство разделяет мнение Правительства США относительно того, чтобы соответствующий международный орган докладывал Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее о своей деятельности. Само собой разумеется, что в тех случаях, когда в связи с этим будут возникать вопросы, касающиеся безопасности тех или иных государств, необходимые решения должен принимать именно Совет Безопасности, как орган, на который возложена главная ответственность за поддержание мира и международной безопасности»⁹. В дальнейшем, когда завяжутся предметные переговоры о создании международного агентства, вопрос о взаимосвязи между МАГАТЭ и ООН станет одним из центральных в советских предложениях.

Трудное начало переговоров о создании агентства во многом объяснялось проходившими в советском руководстве после смерти И.В. Сталина сложными процессами: осмысливанием стратегического и политического значения атомного и водородного оружия, оценкой безопасности СССР в условиях развернувшейся гонки ядерных вооружений.

Министерство среднего машиностроения (нынешний Минатом), которое тогда возглавлял В.А. Малышев, отрицательно относилось к плану «Атомы для мира». Военные также высказывали возражения против участия в новом международном атомном органе. Начальник Генерального штаба маршал

⁸ К переговорам между Правительством СССР и Правительством США по атомной проблеме. М., Госполитиздат, 1954, с.40-41.

⁹ Там же, с.53-54.

В.Д. Соколовский писал Молотову 18 сентября 1954 г., что с точки зрения военных интересов вступать в международный орган нецелесообразно, поскольку СССР будет вынужден открыть членам этого органа данные о запасах атомного сырья, уровне атомного производства и пр. Советский же Союз во всяком случае получить новые сведения вряд ли сможет. Он больше проиграет, чем выиграет.

В МИД СССР существовало мнение, изложенное в записке Отдела по делам ООН, что «[н]еучастие СССР в проектируемом агентстве дало бы США возможность возглавить все это дело, определять направление деятельности этого агентства по их усмотрению, устанавливать условия предоставления помощи различным государствам в области мирного применения атомной энергии и использовать связи с учеными кругами других стран исключительно в своих интересах. Кроме того, неучастие СССР в указанном агентстве могло бы быть использовано американской пропагандой для попыток изобразить Советский Союз в качестве противника международного сотрудничества в этой области»¹⁰.

Линия на создание международного агентства возобладала, она отражала общую тенденцию к налаживанию сотрудничества с Западом, складывавшуюся тогда в советском руководстве. В июле 1955 г. была выражена готовность принять участие в многосторонних переговорах. В памятной записке правительству США от 18 июля Советский Союз, подчеркнув свою прежнюю позицию, что вопросы развития международного атомного сотрудничества находятся в прямой зависимости от разрешения проблемы запрещения атомного оружия, изложил принципиальные положения, которые должны лечь в основу МАГАТЭ:

- В Агентстве могут принять участие все желающие государства, при этом соглашение о его создании не должно ставить какую-либо страну или группу стран в привилегированное положение.

- При оказании помощи какому-либо государству Агентство не должно обуславливать эту помощь требованиями политического или военного характера и оно не должно быть использовано в ущерб безопасности тех или иных государств.

- Агентство создается в рамках ООН и должно представлять доклады СБ и ГА ООН, когда это будет запрошено любым из этих органов.

- Агентство осуществляет свою деятельность по оказанию помощи государствам в области мирного использования атомной энергии на следующей основе:

- а) Агентство оказывает государствам помощь консультативного характера в области мирного использования атомной энергии;

¹⁰ АВП РФ, Ф.047, оп.1, п.64, д.4, л.15.

б) расщепляющиеся материалы и специальное оборудование предоставляются государствами, оказывающими помощь, непосредственно государствам-потребителям на основе заключенных при содействии Агентства соглашений между заинтересованными государствами. Ответственность за хранение и использование полученных расщепляющихся материалов несет само государство-потребитель в соответствии с заключенным соглашением (т.е. без международного контроля).

• Агентство поощряет обмен научной и технической информацией среди стран и несет ответственность за широкое распространение данных, находящихся в его распоряжении. С этой целью Агентство создает научно-исследовательские учреждения и содержит группу специалистов в области мирного использования атомной энергии, которые оказывают необходимую помощь государствам в этой области. Агентство оказывает содействие и помощь государствам в подготовке национальных кадров специалистов в области мирного использования атомной энергии.

Что касается вопроса о проведении экспертами обеих стран совместного изучения «проблемы, вытекающей из того, что само применение атомной энергии в мирных целях связано с возможностью увеличения количества расщепляющихся материалов, которые служат основой для производства атомного оружия, Советское правительство подтверждает свое согласие на проведение такого совещания экспертов»¹¹. Таким образом, подтверждалась, хотя и в довольно туманной форме, готовность рассмотреть вопрос о контроле.

Советский Союз выразил также готовность внести в международный фонд атомных материалов 50 кг расщепляющихся материалов, как только будет достигнуто соглашение о создании Агентства. (США объявили о взносе 100 кг расщепляющихся материалов осенью 1954 г., в июне 1955 г. заявили, что увеличат свой взнос до 200 кг, а потом до 5 000 кг. Англичане, со своей стороны, заявили о выделении 20 кг.)

Многосторонние переговоры об атомном агентстве

Проект Устава Агентства, выработанный группой западных стран, был направлен правительством США Советскому Союзу 29 июля 1955 г. С советской точки зрения, проект был далеко не совершенным документом. В нем не предусматривалось установление достаточно тесной связи между Агентством и ООН, а структура Агентства не отличалась демократизмом. Тем не менее

¹¹ *Международная Жизнь*, №10, 1956, с.133. В журнале опубликована переписка между СССР и США по вопросам создания МАГАТЭ с ноября 1954 г. по сентябрь 1956 г.

Советское правительство согласилось, чтобы проект с некоторыми поправками был положен в основу для выработки Устава МАГАТЭ. В памятной записке правительству США от 3 октября 1955 г. Советское правительство сделало замечания по проекту Устава, суть которых сводилась к следующему:

1. *Поскольку деятельность Агентства будет самым тесным образом связана с использованием расщепляющихся материалов, необходимо предусмотреть в Уставе положение относительно контроля за расходованием поступающих в Агентство материалов с тем, чтобы не допустить их использования в военных целях. Для этого нужно обеспечить надлежащее наблюдение и контроль за работой Агентства со стороны ООН.*

2. *Устав Агентства должен исходить из признания того принципа, что ни одна страна или группа стран не будет находиться в привилегированном положении. Агентство должно осуществлять деятельность по оказанию помощи государствам таким образом, чтобы предоставление этой помощи не обуславливалось предъявлением стране, получающей помощь, требований политического, экономического или военного характера, как и иных требований, несовместимых с суверенными правами государств.*

3. *Контроль и инспекция за использованием государствами получаемой от Агентства помощи должны осуществляться с должным соблюдением суверенных прав этих государств. (За этой формулировкой скрывалось критическое отношение к гарантиям, т.е. контролю МАГАТЭ, которое советские представители настойчиво отстаивали в процессе разработки Устава и в течение первых лет деятельности Агентства. Однако каких-либо конкретных замечаний тогда высказано не было.)*

4. *Любое государство, даже если оно не является членом ООН или специализированного учреждения, должно иметь право быть в числе инициаторов создания МАГАТЭ. (Советский Союз добивался участия в этом процессе таких стран, как КНР и ГДР, которые тогда были отстранены от участия в международных организациях.)*

5. *Постоянные члены СБ ООН должны быть включены в Совет управляющих Агентства в качестве постоянных членов.*

Советское правительство предложило созвать совещание экспертов правительств наиболее заинтересованных государств (США, СССР, Чехословакии и тех стран, с которыми США вели переговоры о создании Агентства) для совместного рассмотрения вопросов, связанных с выработкой Устава Агентства¹².

Х сессия ГА ООН в единогласно принятой резолюции от 3 декабря 1955 г. высказала одобрение проводимых переговоров по выработке проекта Устава МАГАТЭ и намерения созвать совещание 12 государств, которое подготовило бы этот проект и

¹²Там же, с.143, 144.

представило его на рассмотрение международной конференции всех членов ООН и специализированных учреждений.

По предложению США было условлено, что в августе 1955 г. состоятся предварительные технические переговоры по рассмотрению гарантий (контроля) для создаваемого международного атомного агентства с участием, наряду с делегациями США и СССР, делегаций Великобритании, Франции, Канады и Чехословакии. Делегацию СССР возглавлял директор Физического института АН СССР акад. Д.В. Скобельцын, американскую — председатель Генерального консультативного комитета КАЭ США Исидор Раби, английскую — Джон Кокрофт, французскую — Франсис Перрен.

Переговоры проходили с 22 по 27 августа. Обе основные делегации прибыли на переговоры слабо подготовленными. Американская сторона изложила на совещании общие принципы обеспечения физической сохранности и установления процедур отчетности. Акад. Скобельцын в основном ограничивался общими рассуждениями и больше задавал вопросы, не выдвигая каких-либо предложений. В коммюнике по итогам встречи говорилось, что состоялся «полезный обмен мнениями технического порядка» и что обсуждавшиеся проблемы будут «дополнительно рассмотрены соответствующими правительствами». В отчете госсекретарю США о результатах совещания шести стран Исидор Раби писал, что позиция советской делегации на совещании «отражала стремление [...] Советского правительства к определенно открытым и основанным на сотрудничестве взаимоотношениям с США. [...] Советский представитель и его советники тщательно избегали прямой полемики с США, оставляя открытой дверь для соглашения в будущем, не связывая, однако, себя принятием наших предложений»¹³.

Когда администрация США разработала процедуры применения гарантий к своим двусторонним соглашениям в области мирного применения атомной энергии, она обратилась к советскому правительству с предложением, не пожелает ли советская сторона изучить возможность применения к своим соглашениям о мирном использовании атомной энергии гарантий, которые предполагалось установить по разрабатываемому Уставу МАГАТЭ, где это предусматривалось бы осуществлять на добровольной основе, в порядке договоренности между соответствующими сторонами. Советский Союз, однако, ушел от этого вопроса, заявив, что «к нему можно было бы вернуться после принятия Устава Агентства с учетом работы конференции и после необходимой ратификации Устава»¹⁴.

¹³U.S. National Archives and Records Administration. General Records of the Department of State. Special Assistant to the Secretary for Energy and Outer Space. Records Relating to Atomic Energy Matters. Box 79.

¹⁴*Международная Жизнь*, №10, 1956, с.144-148.

В своей практике заключения двусторонних соглашений СССР в течение довольно длительного времени придерживался отношений доверия к контрагентам, полагаясь на их юридически оформленные заверения, что получаемая помощь будет применяться исключительно в мирных целях, и не требовал установления гарантий на предоставляемых установках. Эти соглашения, вместе с тем, содержали обязательства для стран-получателей о возвращении в СССР всего ОЯТ, чем в значительной степени обеспечивалось, что эти страны не смогут выделять для себя плутоний, накапливавшийся в поставляемом ядерном топливе.

Вашингтонское совещание и Конференция в Нью-Йорке по выработке Устава МАГАТЭ

В соответствии с решением ООН в Вашингтоне с 27 февраля по 18 апреля 1956 г. проходило совещание 12 стран по подготовке Устава Агентства.

В директивах советской делегации поручалось исходить из того, что «проект Устава может быть положен в основу для выработки Устава» МАГАТЭ. При этом делегации «следует ограничиться необходимым минимумом поправок, направленных на обеспечение прав и интересов Советского Союза. Наша позиция не должна дать повода для того, чтобы истолковывать отношение Советского Союза к созданию Агентства или к участию в Агентстве, как отрицательное». В директивах указывалось:

«[...] Ввиду исключительного значения использования атомной энергии в мирных целях и учитывая тот факт, что деятельность Агентства самым тесным образом связана с использованием опасных расщепляющихся материалов, настаивать на создании Агентства в рамках Организации Объединенных Наций, а также на предоставлении Агентством докладов о своей деятельности Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН [...].

При обсуждении вопроса о системе инспекций и контроля не возражать против положений, предусмотренных в проекте Устава, но в эти положения внести дополнение, что проверка и контроль осуществляются с должным соблюдением суверенных прав государств и в рамках соглашений между государствами и Агентством». (Здесь опять же заметно настороженное отношение к гарантиям, но более конкретно это проявилось при выработке гарантий уже после образования Агентства.)

Делегация должна была также исходить из того, что с научно-технической точки зрения заинтересованность СССР в международном органе определялась возможностью получать интересующую его информацию, которая будет поступать в этот орган, и, кроме того, участие в нем даст возможность устанавливать

контакты с научно-техническими кадрами, имеющимися в этой области в других странах¹⁵.

Директивы давали возможность советской делегации на Вашингтонском совещании проявлять гибкость: «При голосовании проекта Устава Агентства выступить с изложением основных замечаний Советского Союза по проекту Устава, но голосовать за принятие Устава даже в том случае, если эти замечания не будут приняты»¹⁶.

Одним из важнейших на Вашингтонском совещании был вопрос о взаимоотношениях между Агентством и ООН. Было согласовано, что между двумя организациями будет установлена тесная связь. Наиболее спорными были вопросы о составе Совета управляющих и взаимоподчиненности создаваемых органов Агентства. Советский Союз выступал за то, чтобы высшим органом была Генеральная конференция, включающая всех членов организации, и чтобы ее решения были обязательными для Совета. Но это предложение не прошло. Хотя права и полномочия Генконференции были расширены по сравнению с первоначальным проектом, а функции Совета несколько ограничены, все же круг его полномочий остался весьма широким.

Что касается состава Совета управляющих, то в согласованной редакции Устава сочетался принцип справедливого географического распределения с принципом представительства государств, наиболее развитых в области атомной энергии, а также государств, производящих исходные атомные материалы. Положение о назначении (а не избрании) в состав Совета управляющих стран, «наиболее развитых в области технологии атомной энергии», фактически гарантирует постоянное членство ЯОГ в Совете.

При рассмотрении проблемы гарантий советская делегация, не возражая в принципе против установления необходимой системы инспекции и контроля, в то же время подчеркивала, что проверка и контроль за использованием каким-либо государством помощи, получаемой от Агентства, должны осуществляться лишь в той мере, в какой это необходимо, и при обязательном соблюдении суверенных прав таких государств. Делегация СССР тесно сотрудничала с делегацией Индии в попытках ослабить положения о гарантиях, предлагавшиеся США и Великобританией.

В итоге Вашингтонское совещание единогласно одобрило проект Устава. Заключительным этапом в создании Агентства стала Международная конференция в Нью-Йорке, проходившая с 20 сентября по 23 октября 1956 г. и собравшая представителей 81 страны.

По проблеме гарантий, рассмотрение которой вызвало на Нью-Йоркской конференции наиболее острую борьбу, США предлагали,

¹⁵АВП РФ, Ф.06, оп.15«а», п.24, д.33, л.52.

¹⁶АВП РФ, Ф.047, оп.2. п.79, д.18, лл.7-11, 38-41.

чтобы в Устав (ст. XII) были включены примерно те же условия контроля и инспекции, которые предусматривались в двусторонних соглашениях, заключавшихся США с другими странами.

К открытию конференции Советский Союз ужесточил свою позицию по гарантиям. МИД и Минсредмаш обратились в ЦК КПСС с предложением поправить советскую позицию в отношении условий контроля над использованием государствами полученной от Агентства атомной помощи в сторону их смягчения, вплоть до исключения из проекта Устава положений об инспектировании государств, получающих атомную помощь. Сохранялись бы лишь положения, предусматривающие обязательство государств предоставлять Агентству отчеты и доклады об использовании получаемой помощи. При этом в Москве исходили из того, что изменение позиции в отношении контроля в сторону его смягчения найдет положительный отклик и встретит поддержку со стороны развивающихся стран, таких, как Индия, Египет, Сирия, Индонезия и др.

В соответствии с директивами советской делегацией на Нью-Йоркской конференции было заявлено, что она «считает достаточной гарантией предусматриваемые в проекте Устава обязательства государств не использовать получаемую от Агентства помощь для производства ядерного оружия, а также обязательства государств представлять отчеты и доклады об использовании помощи, получаемой от Агентства»¹⁷.

И действительно, против американской позиции по контролю на конференции выступили делегации Индии, Индонезии, Цейлона (Шри-Ланки), Египта, Ирана, Сирии, Афганистана, Филиппин, Ливана и ряда других стран. Особенно упорно против американских предложений по контролю выступала на конференции делегация Индии. Франция также возражала против жесткого контроля, считая его посягательством на национальный суверенитет. Французский представитель Бертран Гольдшмидт вспоминал: «Индия была лидером оппозиции очень строгому применению гарантий, и Франция, которую я представлял, поддержала ее, предложив смягчить гарантии в отношении естественного урана и настаивая на том, чтобы гарантии не были столь суровыми, чтобы отпугивать будущие государства-члены от обращения к новому агентству за помощью»¹⁸.

Под занавес конференции, когда возникла угроза отклонения проекта статьи XII или ее принятия очень небольшим числом голосов, Франция и Швейцария предложили компромиссную поправку, которая с некоторыми изменениями была принята. После включения в статью еще некоторых смягчающих ее

¹⁷ Там же, Ф.047, оп.6, п.117, д.37, лл.69, 70.

¹⁸ Goldschmidt Bertrand. The Origins of the International Atomic Agency. International Atomic Energy Agency: Personal Reflections. Vienna, IAEA, 1997, p.11.

поправок, текст, во многих отношениях близкий к его первоначальной редакции, был единогласно одобрен.

В принятом Уставе Агентство уполномочивается «устанавливать и проводить в жизнь гарантии, имеющие своей целью обеспечить, чтобы специальные расщепляющиеся и иные материалы, услуги, оборудование, технические сведения, предоставляемые Агентством или по его требованию или под его наблюдением или контролем, не были использованы таким образом, чтобы способствовать какой-либо военной цели, и распространять, по требованию сторон, применение этих гарантий на любые двусторонние или многосторонние соглашения или, по требованию того или иного государства, на любые виды деятельности этого государства в области атомной энергии» (ст. III.A.5). На основе этого принципиального положения Устава в статье XII излагается порядок осуществления гарантий. МАГАТЭ явилось первой широкой международной организацией, располагающей функциями контроля и инспекции на территории ее государств-членов.

Но ограниченный и компромиссный характер предусмотренной Уставом МАГАТЭ системы гарантий очевиден. Контроль может быть установлен только при трех обстоятельствах:

1. Помощь государству-получателю оказывается самим Агентством. Эта помощь на практике носит чрезвычайно ограниченный характер. Обещанные США, СССР и Великобританией многие сотни килограммов расщепляющихся материалов так и не были предоставлены членам Агентства, за исключением незначительных количеств.

2. Гарантии применяются к двусторонним (или многосторонним) соглашениям о сотрудничестве. Установление контроля зависит, стало быть, от требования государства, предоставляющего помощь, и от согласия на это государства-получателя.

3. Государство само добровольно соглашается поставить под гарантии свою ядерную деятельность. Этот вариант некоторыми скептиками тогда считался гипотетическим и даже наивным, но во всяком случае безвредным. Однако в дальнейшем, после заключения Договора о нераспространении ядерного оружия, именно в соответствии с этим положением все ядерные державы добровольно согласились поставить под гарантии МАГАТЭ свою гражданскую ядерную деятельность (или часть ее), а участники соглашений о зонах, свободных от ядерного оружия, приняли международные гарантии для контроля за обеспечением безъядерного статуса таких зон. В 1996 г. была достигнута принципиальная договоренность между Россией, США и МАГАТЭ о добровольной постановке под международный контроль расщепляющихся материалов, высвобождаемых в результате сокращения ядерных арсеналов.

США считали текст статьи о гарантиях минимальным, но приемлемым выходом, который был «предпочтительнее, чем ничего», и рассчитывали в дальнейшем постепенно усиливать систему контроля¹⁹, что в действительности впоследствии и произошло. Советский Союз, удовлетворившись тем, что не все требования США были приняты и что ему удалось завоевать поддержку ряда развивающихся стран, также согласился на принятие статьи XII.

Большое место в дискуссиях на конференции занял вопрос о взаимоотношениях между МАГАТЭ и ООН, в рассмотрении которого особую активность проявляла советская делегация. В Уставе МАГАТЭ была зафиксирована особая форма взаимоотношений между двумя организациями. Не будучи специализированным учреждением ООН, Агентство имеет автономный статус в рамках «семьи ООН».

Внесенное еще на Вашингтонском совещании советское предложение включить в Устав формулировку о представлении Агентством докладов ГА и СБ ООН в окончательном виде было зафиксировано в статье III.В.4 следующим образом:

Агентство «представляет ежегодные доклады о своей деятельности Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций и, когда это требуется, Совету Безопасности. Если в связи с деятельностью Агентства возникают вопросы, входящие в компетенцию Совета Безопасности, Агентство уведомляет об этом Совет Безопасности, на который возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности, а также может принять меры, на которые оно уполномочено в силу настоящего Устава».

Уставное положение об особом характере взаимоотношений между МАГАТЭ и ООН и ее СБ было конкретизировано позднее в соглашении между МАГАТЭ и ООН, заключенном в 1957 г. Во многом благодаря усилиям Советского Союза текст статьи IX этого соглашения был сформулирован следующим образом:

«Агентство сотрудничает с Советом Безопасности, представляя ему по его требованию такие сведения и оказывая такую помощь, какие могут потребоваться при исполнении им своих обязанностей по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»²⁰.

Именно это положение в дальнейшем послужит юридической основой для тесного сотрудничества между специально созданным СБ органом — Специальной комиссией ООН по Ираку и МАГАТЭ в деле разоружения ядерного потенциала Ирака после войны в Персидском заливе в 1991 г.

¹⁹Clausen Peter A., Op.cit., p.36-37.

²⁰Док. МАГАТЭ INFCIRC/11.

В отношении другого важного аспекта деятельности МАГАТЭ — его участия в контроле за ограничением ядерных вооружений и разоружением, в Уставе Агентства с общего согласия было записано важное положение о том, что Агентство «проводит свою деятельность в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций, направленными на укрепление мира и поощрение международного сотрудничества, и в согласии с проводимой Организацией Объединенных Наций политикой содействия установлению обусловленного гарантиями разоружения во всем мире и в согласии с любыми международными соглашениями, заключенными с соответствия с такой политикой» (ст. III.В.1).

Эта статья Устава в дальнейшей деятельности Агентства стала юридической основой для усилий Агентства по контролю за соблюдением ДНЯО, договоров о ЗСЯО и др.

23 октября 1956 г. Устав МАГАТЭ был единогласно принят Нью-Йоркской конференцией. Он вступил в силу 29 июля 1957 г. Депозитарием Устава является правительство США.

Цели, функции, структура, членский состав и бюджет МАГАТЭ

Основные *цели* Агентства, как они определены статьей II Устава, состоят в содействии использованию атомной энергии в мирных целях и в обеспечении того, чтобы это не способствовало «какой-либо военной цели».

Функции МАГАТЭ заключаются, в соответствии со статьей III, в том, чтобы: во-первых, содействовать научно-исследовательской работе, развитию и применению атомной энергии в мирных целях; во-вторых, обеспечивать услуги, материалы, оборудование и технические средства; в-третьих, способствовать обмену научно-технической информацией; в-четвертых, поощрять обмен научными работниками; в-пятых, устанавливать гарантии; в-шестых, устанавливать нормы безопасности для охраны здоровья; и, в-седьмых, приобретать или создавать любые установки, заводы и оборудование.

Основными органами МАГАТЭ являются *Генеральная конференция*, состоящая из всех членов Агентства и собирающаяся на свои сессии один раз в год, *Совет управляющих*, состоящий из 35 членов²¹ и проводящий ежегодно несколько сессий, и секретариат, возглавляемый *Генеральным директором*. Нынешним

²¹Сессия Генеральной конференции 1999 г. приняла решение об увеличении членского состава Совета до 43 членов, однако вступление в силу соответствующей поправки к Уставу, как ожидается, займет несколько лет. По состоянию на май 2001 г. поправка ратифицирована всего лишь 17 государствами, между тем как для вступления в силу требуется ратификация двумя третями членов Агентства.

Генеральным директором является Мохамед Эльбарадей (Египет), переизбранный в 2001 г. на еще один четырехлетний срок. Структура секретариата Агентства показана на рис. 1. В конце 2000 г. штат секретариата насчитывал 2 173 человека, из них 912 человек профессиональной категории. Примерно треть всех сотрудников работает в Департаменте гарантий.

Регулярный *бюджет* Агентства в 2000 г. составлял около 226 млн долл. Кроме того, МАГАТЭ располагало около 39 млн долл. внебюджетных средств, включая неиспользованный остаток с предыдущего года. Около трети финансовых средств расходуется на осуществление гарантий — свыше 80 млн долл. из регулярного бюджета и более 20 млн долл. из внебюджетных средств. Плановая цифра добровольного фонда трехлетней помощи и сотрудничества составляет 73 млн долл., однако она выполняется только на 80%.

Членами МАГАТЭ являются 133 государства.

Разработка системы гарантий по Уставу МАГАТЭ

Первой важной задачей Агентства стала разработка системы гарантий на основе статьи XII Устава. Эта работа началась в 1959 г. и завершилась в 1965 г.

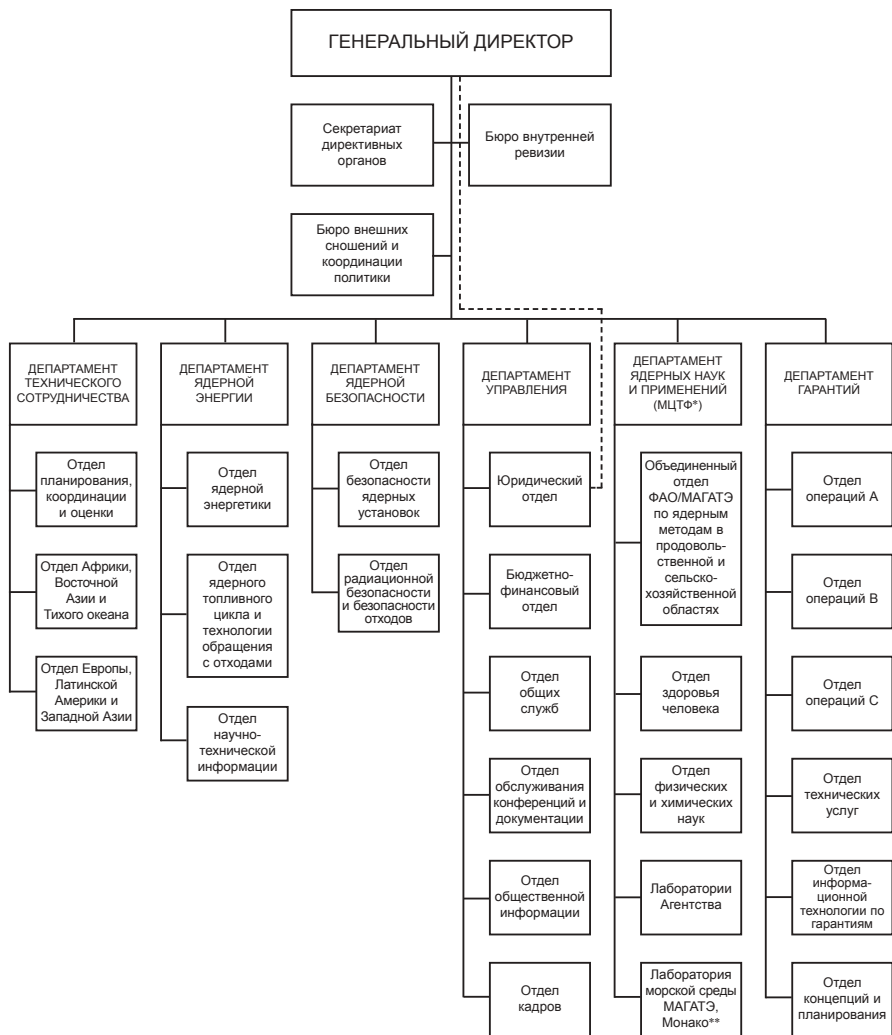
Секретариат к маю 1959 г. подготовил документы об общих принципах и о детальных процедурах гарантий. На сессии Совета управляющих в июне-июле того же года советский представитель заявил о своих возражениях, считая преждевременным и нецелесообразным на данной стадии учреждать систему контроля. Не приняв никаких решений по существу вопроса, Совет решил перенести обсуждение на сентябрьскую сессию 1959 г.

К этой сессии Совета стало ясно, что среди стран-получателей единой линии в отношении гарантий нет. Представители Индии, Индонезии и ОАР (Египта) выступали против учреждения системы гарантий, а Бразилия, Аргентина, Пакистан и некоторые другие страны проявляли колебания. С оговорками они высказались в поддержку системы гарантий, «рассчитывая — по оценке МИД СССР — на то, что американцы передадут со временем под контроль Агентства свои двусторонние соглашения и жесткий американский контроль, осуществляемый по этим соглашениям, будет заменен международным контролем Агентства»²².

Документ о гарантиях был в предварительной форме одобрен Советом в сентябре 1959 г. В нем определялись типы предприятий, к которым должны применяться гарантии, виды помощи, требующие гарантий, количества ЯМ, предоставление которых

²²АВП РФ, Ф.047, оп.6, п.117, д.37, лл.74-75.

Рис. 1. Организационная структура МАГАТЭ

Примечание:

* Международный центр теоретической физики им. Абдуса Салама (МЦТФ им. Абдуса Салама), юридически именуемый «Международным центром теоретической физики», функционирует в качестве совместной программы ЮНЕСКО и МАГАТЭ. Руководство от имени обеих организаций осуществляет ЮНЕСКО. Участие МАГАТЭ в работе Центра обеспечивает Департамент ядерных наук и применений.

** При участии Программы ООН по окружающей среде и Международной океанологической комиссии.

получателю не вызывает необходимости в установлении гарантий, и т.д.

Об отрицательном отношении Советского Союза на этом этапе к выработке системы гарантий свидетельствовало, в частности, предложение Минсредмаша, сделанное в начале 1959 г., выступить в Совете управляющих с заявлением о «неудовлетворительной деятельности» МАГАТЭ и с требованием, чтобы Агентство «впредь до заключения соглашения о запрещении атомного оружия и установления контроля за таким соглашением временно отказалось от создания той жесткой системы контроля, которая предусматривается Уставом Агентства, поскольку такой контроль является односторонним — распространяется лишь на страны-получатели помощи от Агентства — и отпугивает страны-члены Агентства от использования такой помощи». Однако министр иностранных дел А.А. Громыко высказал возражения, и такое далеко идущее заявление сделано не было²³.

Работа над гарантиями тем временем продолжалась. В январе 1960 г. Совет управляющих рассмотрел процедуры применения гарантий к реакторам тепловой мощности менее 100 МВт, т.е. в основном к исследовательским реакторам, образовав комитет под председательством Гуннара Рандерса (Норвегия) для детальной проработки процедур гарантий.

Доклад комитета рассматривался Советом управляющих, и при постатейном обсуждении документа о гарантиях представителями СССР, Чехословакии и Болгарии был внесен ряд поправок, направленных «на приведение системы гарантий и контроля в соответствие с объемом и характером помощи», но за поправки проголосовали только социалистические страны и Индия. В январе 1961 г. Совет управляющих при прохладной поддержке Франции и при пяти воздержавшихся (СССР, Чехословакия, Болгария, Индия и Шри-Ланка) одобрил первый документ МАГАТЭ о гарантиях (INFCIRC/26).

Поворот СССР к гарантиям

В 1962 г. Агентство приступило к практическому осуществлению гарантий в ряде стран. Это были инспекции исследовательских реакторов небольшой мощности. Но уже строились энергетические реакторы большой мощности, в

²³Там же, Ф.047, оп.5«а», п.108, д.2, лл.1-18. В Агентстве было сделано куда более мягкое, но все же критическое в отношении гарантий заявление, чем это предлагал Минсредмаш. Тогдашняя советская позиция по гарантиям, очевидно, отражала неоднозначное отношение советского руководства к проблеме ядерного нераспространения. С одной стороны, в Москве отдавали отчет в опасности распространения ЯМ и технологий, а с другой — в тот период активно помогали КНР в создании инфраструктуры для производства атомного оружия.

частности, в Японии, ФРГ и других странах. США вступили в добровольное соглашение с Агентством о постановке под контроль крупного энергетического реактора «Янки». В этих условиях Совет управляющих в феврале 1963 г. решил, что действующую систему гарантий, принятую для реакторов малой мощности, следует распространить на реакторы любой мощности.

Была создана рабочая группа, в которой Советский Союз поначалу занимал неконструктивную позицию, поддерживая обструкционистскую линию Индии. Тем не менее в советской позиции по гарантиям уже намечались перемены. В июне 1963 г. Совет управляющих единодушно постановил распространить INFCIRC/26 в предварительном порядке на более мощные реакторы и провести общий пересмотр всей системы гарантий. Управляющий от СССР В.С. Емельянов впервые энергично поддержал систему гарантий Агентства. Как писал управляющий от Франции Бертран Гольдшмидт, Емельянов заявил перед изумленной аудиторией, что «он всегда рассматривал применение гарантий в качестве наиболее важной задачи Агентства»²⁴.

В феврале 1964 г. Совет учредил рабочую группу под председательством Гуннара Рандерса для широкого пересмотра системы гарантий, и при конструктивном сотрудничестве со стороны Советского Союза в 1964-1965 гг. группой была разработана и в феврале 1965 г. в предварительном порядке принята Советом, а в сентябре того же года единодушно утверждена Генеральной конференцией новая система гарантий, применимая к реакторам любой мощности (INFCIRC/66). На состоявшемся после конференции заседании Совета документ по гарантиям был формально введен в действие.

Изменение подхода Советского Союза к гарантиям, как отмечал американский специалист по МАГАТЭ Лоуренс Шайнмэн, «не только способствовало развитию политики Агентства в отношении гарантий, но и прибавило легитимности системе гарантий Агентства [...]. Пересмотренная система составила первую программу международных инспекций, взаимно поддерживаемую и Востоком, и Западом. Эта солидарность твердо сохраняется и сегодня»²⁵. Это было написано в 1987 г., но данный вывод с полным основанием можно отнести и к настоящему времени.

После принятия документа о гарантиях в отношении реакторов любой мощности возник вопрос о распространении документа на заводы по химпереработке ОЯТ. Советский Союз поддержал проведение этой работы.

Следующим этапом было распространение системы гарантий на заводы по изготовлению ядерного топлива. В рабочей группе

²⁴Goldschmidt Bertrand. Le Complexe Atomique. Paris, Fayard, 1980, p.404.

²⁵Scheinman Lawrence. The International Atomic Energy Agency and World Nuclear Order. Wash. D.C., Resources for the Future, 1987, p.37.

МАГАТЭ, рассматривавшей этот вопрос в ноябре 1967 г., советская делегация решительно отстаивала необходимость строгого контроля, учитывая характер подвергаемых гарантиям объектов, и полностью поддержала проект документа, подготовленный секретариатом Агентства. Она выступила против предложения ЮАР, поддержанного ФРГ, Японией и Индией, о том, чтобы гарантии распространялись не на сами заводы, а только на ЯМ, находящиеся на них. Руководитель делегации Г. Аркадьев заявил, что предложение ЮАР расходится с ранее принятым документом о гарантиях в отношении заводов по химпереработке. Советскую позицию поддержали США, Чехословакия и Аргентина, и предложение ЮАР было отклонено.

Эксперт от ФРГ Хефеле выступил с предложением, чтобы инспекции на заводах по изготовлению топлива осуществлялись только в «ключевых местах», т.е. на входе и выходе с предприятий и в пунктах между производственной зоной и зоной хранения, причем контроль осуществлялся бы преимущественно с помощью приборов. Однако делегации СССР, США и Великобритании выступили с возражениями, и предложение немецкого эксперта было отклонено. Проект, подготовленный секретариатом, был принят при минимальных поправках и в июне 1968 г. утвержден Советом управляющих. В сводной форме документ о гарантиях получил индекс INFCIRC/66/Rev.2.

В таком виде указанная система гарантий Агентства действует и сейчас применительно к *отдельным* атомным объектам, в отношении которых между Агентством и соответствующими странами заключены соглашения о гарантиях.

Существовало немало предположений о том, что послужило причиной изменения Советским Союзом в 1963-1964 гг. своего скептически-критического отношения к гарантиям и его активного включения в работу по усовершенствованию и усилению системы гарантий Агентства. Так, управляющий от Франции Бертран Гольдшмидт высказывал предположение, что главной причиной была наступившая после Карибского кризиса 1962 г. разрядка в советско-американских отношениях, которая подтолкнула оба основных ЯОГ к заключению в 1963 г. Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космосе и под водой²⁶. Лоуренс Шайнмэн тоже связывает сдвиги в советской позиции с заключением этого договора²⁷. Дэвид Фишер, многие годы руководивший отделом внешних сношений Агентства, придерживался мнения, что поворот в отношении СССР к гарантиям произошел по той причине, что Советский Союз «обжегся», помогая КНР создавать ядерное оружие, но в последний

²⁶Goldshmidt Bertrand. Op. cit., p.176.

²⁷Scheinman Lawrence. Op. cit., p.37.

момент — в 1959 г. — передумал из-за опасений, как бы это оружие не было использовано против «самого благодетеля»²⁸.

В действительности причины перемены в подходе к гарантиям руководства СССР состояли главным образом в том, что Москва в начале 1960-х гг. стала проявлять все большую озабоченность ускоренным развитием ядерной энергетической промышленности ФРГ. По данным Лондонского института стратегических исследований, атомные энергетические установки Западной Германии нарабатывали к 1966 г. плутоний в количествах, которые были бы достаточны для производства свыше 60 бомб мощностью 20 кт.

В начале 1964 г. МИД СССР запрашивал Минсредмаш (впоследствии — Минатом) об имеющихся у него данных относительно развития атомной энергетики в Западной Германии. В ответе приводились детальные сведения о количестве, мощности, типе, других характеристиках германских исследовательских и энергетических реакторов. Особое внимание было обращено на соглашение, заключенное фирмой «Сименс» с Комиссариатом по атомной энергии Франции о строительстве реакторов на природном уране с графитовым и тяжеловодным замедлителями²⁹.

Другим важным обстоятельством было то, что ядерная деятельность ФРГ и других западноевропейских стран находилась вне контроля МАГАТЭ и под гарантиями только Евратома, к которому у Советского Союза никакого доверия не было. В аналитическом материале «ФРГ и гарантии Евратома», подготовленном в МИД СССР в мае 1966 г., отмечалось, что для ФРГ значение Евратома состоит в том, что он потенциально может открыть путь для налаживания производства ядерного оружия. «Даже при наличии формального запрещения производства ядерного оружия в ФРГ последняя может через свое участие в Евратоме создать необходимую научно-техническую и производственную базу для перехода к военному производству»³⁰.

Советский Союз не мог не испытывать озабоченности и в отношении ряда других государств, в частности Японии, где также быстро развивалась атомная деятельность. И хотя к ней применялся контроль Агентства, но все же полной гарантии возможного переключения ЯМ на военные цели это не давало.

²⁸Однако в дальнейшем Дэвид Фишер изменил свое мнение. В 1997 г. он писал: «[...] Нет сомнения, что подоплекой перемены позиции была советская озабоченность по поводу Федеративной Республики Германии и ее развивающейся ядерной программы. Стало ясным, что более строгие международные гарантии будут отвечать интересам Советского Союза, даже несмотря на то, что в 1963 г. отнюдь не было уверенности, что гарантии МАГАТЭ когда-либо будут применяться в ФРГ». См.: Fischer David. History of the International Atomic Energy Agency. The First Forty Years. Vienna, IAEA, 1997, pp.251, 252.

²⁹ДВП РФ, Ф.047, оп.10, п.116, д.42, лл.85-87.

³⁰Там же, Ф.047, оп.12, п.131, д.34, л.68.

Разумеется, общая эволюция международной обстановки после разрешения Карибского кризиса 1962 г. в сторону смягчения напряженности между Советским Союзом и Соединенными Штатами, заключение в 1963 г. Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах также содействовали изменению подхода СССР к гарантиям МАГАТЭ в положительную сторону.

Разработка системы гарантий по ДНЯО

После вступления в силу ДНЯО в 1970 г. возникла необходимость в создании новой системы гарантий. Если прежняя система гарантий (INFCIRC/66/Rev.2) применяется лишь в отношении *конкретного* материала и оборудования, то договором требуется обязательная постановка под гарантии *всей* ядерной деятельности в НЯОГ-участниках ДНЯО с тем, чтобы «не допустить переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства».

Такая система гарантий была разработана в 1970-1971 гг. специальным комитетом Совета управляющих МАГАТЭ при тесном сотрудничестве СССР, США и Великобритании, которые добивались в комитете установления строгой системы вопреки противодействию ФРГ, Японии и некоторых других стран. Новая система, которую называют всеобъемлющей (*comprehensive*), была утверждена Советом в виде типового проекта соглашения о гарантиях между Агентством и государством-участником ДНЯО (INFCIRC/153).

По соглашению государство обязуется информировать Агентство о ЯМ, который оно импортирует или производит внутри страны, и сообщать обо всех местах нахождения такого ЯМ, а инспекторы МАГАТЭ проводят независимую проверку и дают оценку полноты и точности заявлений государства относительно ЯМ и мест его нахождения.

Основным способом обеспечения гарантий является учет ЯМ, для чего государство создает и ведет национальную систему учета и контроля. Меры Агентства по контролю доступа к ЯМ, например, использование печатей на контейнерах и дверях и наблюдение с помощью видеокамер и других устройств за ЯМ и/или за маршрутами, по которым проходит ЯМ, применяются для пополнения информации, полученной на основе практики учета ЯМ, а также подтверждения ее неизменности. Целью практики учета является установление количества ЯМ, присутствующего в ядерной установке, и изменений, которые могут иметь место.

Инспекторы МАГАТЭ, обладающие необходимыми привилегиями и иммунитетами, периодически посещают установку

с целью проверки инвентарного количества и его изменений и для определения правильности отчетов. Проверка включает измерения ЯМ на месте и отбор проб для последующего анализа в Агентстве.

Результаты проверки и выводы, сделанные инспекторами, Агентство направляет государству. Если данные свидетельствуют о том, что могло иметь место переключение ЯМ на запрещенные цели, Генеральный директор представляет доклад Совету управляющих. Если Совет приходит к выводу, что МАГАТЭ не в состоянии проверить факт отсутствия переключения ЯМ, он может представить доклад СБ ООН для принятия соответствующих мер по Уставу ООН. Совет управляющих представлял такие доклады по Ираку в 1991 г. и по КНДР в 1992 г. (см. главу 6).

По состоянию на 31 декабря 2000 г. из 187 государств-участников ДНЯО соглашения о гарантиях действовали со 129 государствами, а 53 не выполнили своих обязательств по заключению соглашений. Впрочем, почти все эти государства не имеют ядерной деятельности, подлежащей гарантиям³¹.

Дополнительный протокол

В связи с выявлением в 1991 г. тайной деятельности Ирака, являющегося участником ДНЯО, по созданию ядерного оружия, Агентством были предприняты интенсивные усилия по укреплению отдельных элементов системы гарантий. В 1991-1993 гг. Совет управляющих подтвердил право на использование специальных инспекций (проводимых Агентством, если оно считает, что информация, предоставленная государством или полученная в результате обычных инспекций, является недостаточной); принял решения относительно заблаговременного предоставления информации о конструкции установок, находящихся в стадии строительства или модернизации, о более широкой схеме отчетности по импорту и экспорту ЯМ, а также по экспорту специального оборудования и неядерного материала.

В 1993 г. Советом управляющих была утверждена так называемая «Программа 93+2» по созданию более эффективной и более экономичной системы гарантий.

В ходе работы над этой программой было подтверждено, что в число мер, осуществляемых в рамках существующих юридических полномочий, входят получение от государств дополнительной информации об установках, на которых когда-либо находился или будет находиться ЯМ, подлежащий гарантиям; расширенное использование необъявленных инспекций; отбор проб окружающей среды в тех местах, к которым инспекторы имеют

³¹Док. МАГАТЭ GOV/2001/13.

доступ; использование усовершенствованной технологии для дистанционного контроля перемещений ЯМ.

В целях осуществления дальнейших мер по укреплению гарантий, для которых требуются новые юридические полномочия, Совет управляющих в мае 1997 г. одобрил типовой Дополнительный протокол (INFCIRC/540) в качестве стандарта для дополнительных протоколов к соглашениям о всеобъемлющих гарантиях по документу INFCIRC/153. Совет предложил также провести переговоры о заключении дополнительного протокола к соглашениям с ЯОГ и с другими государствами (по документу INFCIRC/66/Rev.2).

В число мер, предусматриваемых Протоколом, входят:

- получение информации и доступ инспекторов *ко всем аспектам ЯТЦ* государств, от урановых рудников до хранилищ урановых отходов, а также к любым другим местам нахождения, где имеется ЯМ, предназначенный для неядерного использования;

- получение информации об исследованиях и разработках, связанных с ЯТЦ, и механизмы их инспектирования;

- получение информации *о всех зданиях, находящихся на ядерной площадке, и доступ к ним инспекторов с краткосрочным уведомлением;*

- получение информации об изготовлении и экспорте чувствительных технологий, связанных с ядерной деятельностью, и механизмах инспекций в местах, связанных с изготовлением и импортом;

- *отбор проб окружающей среды* за пределами заявленных мест нахождения в тех случаях, когда МАГАТЭ считает это необходимым;

- административные мероприятия, улучшающие процесс назначения инспекторов, *выдачу многократных въездных виз (необходимых для необъявленных инспекций)* и доступ МАГАТЭ к современным средствам связи.

Процедуры присоединения к Дополнительному протоколу являются такими же, как и для соглашений о гарантиях. Совет управляющих одобрил протоколы с 57 государствами, включая все ЯОГ. Но только 19 соглашений уже введены в действие.

После принятия Дополнительного протокола Агентство продолжает работу над усовершенствованием системы гарантий. Следующим этапом является разработка *интегрированной системы гарантий*, которая направлена на ее оптимизацию с учетом новых мер, предусмотренных Протоколом и включающих применение на наиболее рациональной основе современных технических средств гарантий. В частности, если Агентство будет убеждено в отсутствии незаявленных установок по переработке ОЯТ, то принятые в настоящее время требования к контролю такого топлива могут быть существенно снижены. Подобная оптимизация может быть

проведена и в отношении других категорий ЯМ, не являющихся критическими с точки зрения ядерного нераспространения. Высвобождающиеся таким образом ресурсы могут быть направлены на контроль более чувствительных ЯМ и на применение международных гарантий в отношении все возрастающих количеств ЯМ, к которым будут применяться гарантии. К сожалению, работы над созданием интегрированной системы гарантий идет медленно и пока что не дает экономии средств.

Добровольная постанoвка под гарантии установок в ядерных государствах

В начале 1960-х гг. Соединенные Штаты, а затем Великобритания добровольно поставили под гарантии Агентства некоторое количество своих гражданских ядерных установок.

В тот период Советский Союз возражал против установления контроля МАГАТЭ над ядерными объектами на своей территории. В феврале 1964 г. председатель КАЭ США Гленн Сиборг обратился с письмом к одному из руководителей советского атомного ведомства А.М. Петросьянцу с предложением о совместных действиях двух стран по добровольной постанoвке под гарантии гражданских ядерных установок в целях «укрепления усилий Агентства по разработке удовлетворительных мер по гарантиям»³².

Ответ советской стороны был отрицательным. Петросьянец писал Сиборгу: «Какой смысл отрабатывать сейчас методику контроля на советском и американском реакторах, если само установление данного контроля не может быть приемлемо в предлагаемых США условиях, т.е. без осуществления разоружения?»³³.

Во время визита в Москву Генерального директора МАГАТЭ Зигварда Эклунда (Швеция) в апреле 1964 г. в беседе с А.М. Петросьянцем он также зондировал возможность постанoвки под гарантии одного из советских реакторов, но получил аналогичный ответ³⁴. В ноябре 1966 г. директор отдела в Департаменте гарантий Агентства Слободан Накиченoвич (Югославия) обратился к советскому представителю в Вене с предложением провести на Нововоронежской АЭС разработку практических методов и процедур применения гарантий в отношении водо-водяных реакторов. При этом «работа будет носить только научно-исследовательский характер и никоим образом не связывается с постанoвкой под гарантии установок, на

³²АВП РФ, Ф.047, оп.10, п.116, д.42, лл.81, 82.

³³Там же, лл.83, 84.

³⁴Там же, д.43, лл.17, 18.

основе которых такие процедуры разрабатываются»³⁵. Положительный ответ советской стороны был дан в июне 1967 г.³⁶

В дальнейшем на Нововоронежской АЭС проходила интенсивная разработка процедур гарантий для энергетических реакторов типа ВВЭР-440, регулярно проводились курсы по подготовке инспекторов Агентства для применения гарантий на таких реакторах, строившихся в ряде социалистических стран, а также в Финляндии.

Для содействия получению согласия на принятие гарантий в отношении всей ядерной деятельности НЯОГ, особенно индустриально развитых, в ходе переговоров по статье III ДНЯО возникла необходимость во встречаемых шагах со стороны ЯОГ. Некоторые НЯОГ (Индия, Бразилия, Швейцария, Швеция, Нигерия, Эфиопия) выступали с весьма радикальных позиций, предлагая, чтобы гарантии на «недискриминационной» основе применялись и в ЯОГ. Другие НЯОГ (ФРГ, Япония, Италия, Бельгия), не выдвигая столь далеко идущих требований, утверждали, что открывая свои реакторы и другие ядерные установки для инспекций международными контролерами, они тем самым оказываются в невыгодном, с точки зрения промышленной и коммерческой конкуренции, положении.

Гленн Сиборг отмечал: «Чаще всего в качестве конкурента назывался Советский Союз, но нам было ясно, что они на деле были более озабочены конкуренцией со стороны Соединенных Штатов, однако дипломатично умалчивали об этом. Мы пытались ответить на их жалобы тем, что инспекторы МАГАТЭ будут иметь инструкции не вмешиваться в эксплуатацию реакторов. Однако убедительно подать этот аргумент было трудно [...]. Как мне представляется, аргументы относительно коммерческих невыгод, возможно, были несколько надуманными и на деле предназначались для того, чтобы закамуфлировать сопротивление основным положениям ДНЯО. В некоторых промышленно развитых странах требование об отказе от ядерного оружия на неопределенное время было серьезной внутренней политической проблемой. Однако для любой из них признать это было не вполне респектабельно. Но, с другой стороны, было совершенно респектабельно утверждать, что предлагаемые положения о гарантиях угрожают поставить законное развитие их промышленности в невыгодное положение»³⁷.

Представитель США в Комитете 18-ти по разоружению Уильям Фостер предложил такой выход: США предоставят МАГАТЭ возможность применять гарантии ко всей американской мирной ядерной деятельности, но при условии, что, во-первых, такое

³⁵Там же, Ф.047, оп.12, п.128, д.9, лл.124-129.

³⁶Там же, Ф.047, оп.13, п.135, д.7, л.84.

³⁷Seaborg Glenn. T. with Loeb Benjamin S. Stemming the Tide. Arms Control in the Johnson Years. Lexington (MA), Toronto, Lexington Books, 1986, p.297.

предложение будет сделано только после того, как станет ясно, что оно существенно облегчит принятие статьи III ДНЯО, и, во-вторых, оно будет реализовано только после вступления в силу этого договора, и, в-третьих, договор будет предусматривать обязательные гарантии в НЯОГ. Американское предложение было официально объявлено президентом Линдоном Джонсоном 2 декабря 1967 г. — в 25-ю годовщину пуска в Чикаго первого атомного реактора. 5 декабря аналогичное заявление сделал в Комитете 18-ти представитель Великобритании³⁸.

С советской стороны тогда каких-либо заявлений не делалось. Советский Союз довольно долго затягивал постановку под гарантии Агентства своих атомных установок на добровольной основе. Когда СССР дал такое согласие, то, в отличие от США и Великобритании, он согласился на принятие гарантий МАГАТЭ в отношении не всей своей гражданской ядерной деятельности, а только нескольких десятков ядерных установок, поскольку в СССР гражданский и военные секторы атомной отрасли исторически не были разделены и в ряде случаев, например, на гражданских научно-исследовательских реакторах, проводились закрытые военные исследования.

Соответствующие соглашения с МАГАТЭ о гарантиях вступили в силу: с Великобританией — в 1978 г., с Соединенными Штатами — в 1980 г. Соглашения о добровольной постановке под гарантии Агентства части мирной ядерной деятельности были заключены и вступили в силу: с Францией — в 1981 г., с Советским Союзом — в 1985 г. и с Китаем — в 1989 г.

Практически деятельность Агентства по применению гарантий в ЯОГ ограничивается небольшим количеством ядерных установок ввиду скромных финансовых возможностей МАГАТЭ. Тем не менее добровольные действия ЯОГ способствовали отклонению доводов некоторых НЯОГ, что ДНЯО носит дискриминационный характер.

В последние годы Россия и США предпринимают шаги по добровольной постановке под контроль МАГАТЭ расщепляющихся материалов оружейного происхождения, высвобождаемых из ядерных оружейных программ, разрабатывает совместно с МАГАТЭ соответствующие типовые соглашения (так называемая Трехсторонняя инициатива).

Общий объем деятельности МАГАТЭ по гарантиям и отчетность об этой деятельности

По состоянию на конец 2000 г. действовали соглашения о гарантиях со 140 государствами³⁹. Всего под контролем Агентства

³⁸ Док. ENDC/PV.353.

³⁹ Кроме того, действует соглашение о гарантиях с Тайванем (Китай).

по всем соглашениям о гарантиях, включая установки в ЯОГ, в конце 2000 г. находилось свыше 900 установок и 111 554 «значимых количеств» материалов в различном виде: выделенный плутоний, ВОУ и НОУ, ОЯТ и т.п.⁴⁰

Совет управляющих ежегодно рассматривает доклад секретариата Агентства об осуществлении гарантий (Safeguards Implementation Report — SIR). Обычно доклад содержит заявление, что секретариат, проведя оценку всей информации, полученной в результате осуществления соглашений о гарантиях, и всей другой имеющейся у Агентства информации, не обнаружил какого-либо свидетельства переключения ЯМ, поставленного под гарантии, или использования не по назначению установок, оборудования или ядерного материала, поставленных под гарантии. На этой основе делается вывод о том, что ЯМ и другие предметы, которые были поставлены под гарантии, по-прежнему использовались в мирной ядерной деятельности или же были соответствующим образом учтены. В докладе за 2000 г. содержится заключение, что в отношении семи государств, заключивших Дополнительный протокол, секретариат не обнаружил также свидетельств присутствия *незаявленных ЯМ* или *незаявленной* деятельности в этих государствах.

Вместе с тем, секретариат Агентства доложил, что не имеет возможности проверить точность и полноту представленного КНДР отчета о ЯМ и сделать вывод об отсутствии переключения ЯМ в этом государстве. Однако Агентство могло проконтролировать «остановку» имеющихся в КНДР реакторов с графитовым замедлителем и связанных с ними установок в соответствии с просьбой СБ ООН и как это предусмотрено в Рамочном соглашении между США и КНДР от октября 1994 г. Секретариат также не имел возможности с декабря 1998 г. осуществлять свою деятельность в Ираке в соответствии с мандатом СБ. В то же время Агентство могло провести в Ираке проверку фактически наличного количества ЯМ, находящегося под гарантиями, и проверить присутствие соответствующего ЯМ⁴¹. Доклад секретариата был принят к сведению Советом управляющих Агентства.

Разработка инновационных проектов реакторов, устойчивых с точки зрения нераспространения

В ряде государств (Россия, Франция, Южная Африка, США, Япония и др.) разрабатываются проекты энергетических реакторов,

⁴⁰ Под «значимыми количествами» («significant quantities») понимаются материалы прямого назначения: 8 кг по плутонию, 8 кг по урану-233 и 25 кг по урану-235 с обогащением 20% и более.

⁴¹ Док. GOV/2001/21, с.7-8. Подробнее о ситуации вокруг КНДР и Ирака см. в главе 7.

устойчивых с точки зрения нераспространения, обладающих улучшенными свойствами обеспечения безопасности и экономически конкурентоспособных. Выступление президента В.В. Путина на Саммите тысячелетия в сентябре 2000 г. в Нью-Йорке дало новый импульс этой важной деятельности. В пользу рассмотрения под эгидой МАГАТЭ подобного рода ядерных технологий высказалась Генеральная конференция Агентства в сентябре 2000 г., приняв соответствующую резолюцию⁴². В этой связи в Агентстве создан новый проект — внебюджетный Международный проект по инновационным ядерным реакторам и топливным циклам (ИНПРО), в котором российские специалисты принимают активное участие.

Региональные организации

Наряду с универсальной организацией в области атомной энергии и ядерного нераспространения — МАГАТЭ и такими международными механизмами, как ГЯП и Комитет Цангера, существуют и региональные организации в этой сфере.

Евратом (Европейское сообщество по атомной энергии) — наиболее крупная региональная организация. Она была создана по Римскому договору 1957 г., который вступил в силу 1 января 1958 г. Первоначальными членами были шесть государств — Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция и ФРГ. Сейчас в Евратом входят 15 государств-членов Европейского Союза (ЕС) — в дополнение к перечисленным выше: Австрия, Великобритания, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Португалия, Финляндия и Швеция.

В задачу Евратома входят содействие созданию и развитию ядерной промышленности, совместное проведение исследовательских работ, обмен научно-технической информацией, создание общего рынка оборудования и сырья. При этом должно обеспечиваться, что сырье, исходные и специальные расщепляющиеся материалы «не будут переключаться на иные цели, чем те, для которых они предназначены».

Основными органами Евратома являются: Европейский парламент, Совет министров, Комиссия европейских сообществ, Генеральный директорат по энергии, Директорат по гарантиям, осуществляющий гарантии в странах Евратома и имеющий свой инспекционный аппарат. Существуют также Агентство Евратома по снабжению, в задачу которого входит обеспечение сырьем и ядерным топливом, а также совместные научно-исследовательские центры в Испре (Италия), Карлсруэ (Германия), Гееле (Бельгия) и

⁴²Док. GC(44)RES/21.

Петтене (Нидерланды). В Испре находится постоянный секретариат Европейской ассоциации по исследованию гарантий и их развитию.

При разработке ДНЯО в 1966-1968 гг. страны Евратома, поддерживаемые Соединенными Штатами, настаивали на том, чтобы в этих странах применялись гарантии Евратома, а не МАГАТЭ. Это на многие месяцы затянуло достижение согласия по статье III о контроле, поскольку Советский Союз и многие другие государства справедливо требовали применения единых международных гарантий Агентства во всех без исключения НЯОГ-участниках ДНЯО. В конечном счете было решено, что Евратом заключит с МАГАТЭ многостороннее соглашение о гарантиях Агентства в странах Евратома (см. главу 4).

На практике инспекторы Евратома осуществляют инспекционную деятельность под наблюдением инспекторов МАГАТЭ или совместно с ними, однако совместная деятельность приводила к значительному дублированию и излишним расходам. В связи с этим в 1992 г. был принят «новый подход к партнерству» между МАГАТЭ и Евратомом, основанный на принципе «одна задача, один человек», что привело к существенному снижению объема инспекционной деятельности Агентства в странах Евратома без ослабления эффективности независимого контроля со стороны МАГАТЭ за ядерной деятельностью Евратома. Предполагается дальнейшее расширение сотрудничества между МАГАТЭ и Евратомом в целях повышения эффективности и экономичности гарантий.

Из других международных организаций по атомной энергии регионального масштаба следует отметить *Агентство по ядерной энергии* (АЯЭ), которое является полуавтономным органом Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР). Агентство было создано в 1958 г. и тогда называлось Европейским агентством по атомной энергии, однако в 1972 г. было переименовано в АЯЭ в связи с вхождением в него США, Канады и некоторых других неевропейских государств. В цели Агентства входит содействие сотрудничеству в развитии ядерной энергетики и в области безопасности и регулирования ядерной энергии, и тем самым оно играет определенную роль в плане поддержки ядерного нераспространения.

К региональным организациям в области ядерного нераспространения относятся также органы, учрежденные по договорам о создании ЗСЯО (см. главу 6).

ЛИТЕРАТУРА

Архангельский И.А., Ермаков С.В., Толченков Д.Л., Хлебников Н.Н. Система международного контроля за мирным использованием атомной энергии. М., Энергоатомиздат, 1986.

Бабаев Н.С., Адамов Е.О., Рыжов М.Н., Соболев И.А. МАГАТЭ. М., Грин Лон, 1997.

Документы МАГАТЭ INFCIRC/66/Rev.2, INFCIRC/153, INFCIRC/540.

Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945-1968. М., Наука, 1999.

Устав Международного агентства по атомной энергии. Вена, Международное агентство по атомной энергии, 1990.

Fischer David. History of the International Atomic Energy Agency. The First Forty Years. Vienna, IAEA, 1997.

Inventory of International Nonproliferation Organizations and Regimes. 1996-1997 Edition. Monterey (CA), Center for Nonproliferation Studies, Monterey Institute of International Studies, 1997.

Scheinman Lawrence. The International Atomic Energy Agency and World Nuclear Order. Wash. D.C., Resources for the Future, 1987.

ГЛАВА 6. ЗОНЫ, СВОБОДНЫЕ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Без малого за полвека идея ЗСЯО прошла долгий путь, завоевав поддержку сотен миллионов людей и став ощутимым политическим фактором. Начавшись в период «холодной войны», создание безъядерных зон¹ продолжилось и после ее окончания. Латинская Америка и Карибский бассейн, южная часть Тихого океана, Юго-Восточная Азия и Африканский континент уже провозглашены ЗСЯО, что укрепило и развило режим нераспространения ядерного оружия. Идет борьба за создание безъядерных зон и зон, свободных от любого ОМУ (ЗСОМУ), в регионах, отличающихся военно-политической напряженностью — на Ближнем Востоке, Корейском полуострове, а также в других районах. Особенности каждой ЗСЯО заслуживают внимательного анализа, поскольку их международно-правовое оформление отличается собственной динамикой, сочетая логику регионального развития и универсальные нормы режима нераспространения.

Появление и эволюция идеи создания безъядерных зон

Идея создания ЗСЯО восходит к середине 1950-х гг. Еще 27 марта 1956 г. СССР внес предложение об установлении в Европе зоны ограничения и инспекции вооружений, причем такое соглашение предусматривало бы запрещение развертывания в регионе «атомных военных соединений и каких-либо видов атомного и водородного оружия»². Вслед за этим в 1957 г. польский министр иностранных дел Адам Рапацкий выдвинул идею провозгласить безъядерной зоной Центральную Европу, наиболее насыщенную ядерными вооружениями в годы «холодной войны» («план Рапацкого»). В этих инициативах сплетались два элемента: стремление не допустить Западную Германию к обладанию ОМУ в любой форме и попытки ограничить военное присутствие США в Европе.

Западные государства рассматривали любые предложения об ограничении ядерных арсеналов, исходившие от Советского Союза или стран Восточной Европы, как пропагандистские шаги, реализация которых давала бы Востоку односторонние преимущества. «Ядерный зонтик» США над союзными им государствами Европы и сегодня рассматривается как ключевое звено политического положения на континенте, а присутствие

¹ Термины «зона, свободная от ядерного оружия» и «безъядерная зона» в настоящем издании рассматриваются как синонимичные.

² Зорин В.А. (ред.). Борьба Советского Союза за разоружение. 1946-1960 годы. М., МГИМО, 1961, с.416.

ядерных сил — как своего рода символ и гарантия стратегической вовлеченности в европейские дела.

В 1960-е и последующие годы были выдвинуты планы создания аналогичных ЗСЯО на Балканах и в районе Адриатики, Средиземноморья, Балтийского моря, в Северной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, на Дальнем Востоке, в других регионах. Хотя общественность многих стран в 1970-1980-х гг. активно провозглашала ЗСЯО в отдельных местностях (вплоть до городских районов), практический смысл имели лишь официальные действия на уровне государственных органов. Однако их активность была скована реалиями «холодной войны».

Сдвиги в решении этих вопросов наметились не сразу, и первые результаты были достигнуты применительно к ненаселенным или отдаленным районам. К числу таких первоначальных опытов можно отнести³:

- Договор об Антарктике (открыт для подписания 1 декабря 1959 г., вступил в силу 23 июня 1961 г.) — создана демилитаризованная зона к югу от 60-го градуса южной широты;

- Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (27 января 1967 г., 10 октября 1967 г.) — запрещено размещение в космическом пространстве ОМУ, демилитаризованы Луна и другие небесные тела;

- Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (11 февраля 1971 г., 18 мая 1972 г.) — исключена возможность развертывания ОМУ вне пределов территориальных и внутренних вод государств.

До создания на рубеже 1960-х гг. межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и возникновения ситуации «взаимно гарантированного уничтожения» появление ЗСЯО в регионах соприкосновения военных сил Востока и Запада могло бы послужить фактически снижению вероятности ядерной войны. В дальнейшем преобладание получает второй, нераспространенческий аспект идеи ЗСЯО: взаимный отказ определенной группы государств от создания или приобретения в любой форме контроля за ядерным оружием. При этом инициатива в выдвижении таких проектов полностью перешла от ЯОГ к странам соответствующих регионов: Африки, Латинской Америки, Океании и др.

³ Любая демилитаризованная зона, особенно если это подтверждено международным соглашением, может рассматриваться как ЗСЯО. Любопытный пример в Европе — Аландские острова (Финляндия). Обязательство об их демилитаризации было взято еще Россией в Конвенции 30 марта 1856 г., а в дальнейшем — Финляндией в Конвенции от 20 октября 1921 г. По статье 5 мирного договора с Финляндией от 10 февраля 1947 г. «Аландские острова должны оставаться демилитаризованными в соответствии с существующим в настоящее время положением».

В ДНЯО была внесена статья VII о ЗСЯО (см. главу 4). Ее формулировка достаточно осторожна: положения ДНЯО не затрагивают «право какой-либо группы государств заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях». Однако важно было закрепить сам принцип полного отсутствия иностранного ядерного оружия на территориях целых групп стран и регионов как перспективу дальнейшего развития режима нераспространения. В политическом лексиконе появилось различие между НЯОГ, т.е. государством, не обладающим ядерным оружием, и безъядерной территорией, или зоной, в которой обеспечено полное отсутствие такого оружия, независимо от его принадлежности.

В ДНЯО оказалась обойдена проблема гарантий безопасности НЯОГ. Соответствующая резолюция, принятая накануне подписания договора СБ ООН, не вполне удовлетворила НЯОГ, а прецедент, созданный в Дополнительном протоколе II к Договору о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (см. ниже), побудил НЯОГ к увязыванию этого вопроса с созданием ЗСЯО.

В 1975 г. ГА ООН приняла на основе мексиканского проекта резолюцию 3472В (XXX), в которой содержится определение ЗСЯО. Генеральный секретарь Агентства по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке (ОПНАЛ) Энрике Роман-Морей выделил в нем следующие основные элементы:

- инициатива создания такой ЗСЯО должна исходить от государств соответствующего региона;
- инструментом создания должен быть международный договор, имеющий обязательную силу;
- участники ЗСЯО принимают обязательства о полном отсутствии ядерного оружия в районе применения договора;
- необходимо создание системы проверки и контроля для ядерной деятельности в ЗСЯО;
- ЗСЯО должна быть признана ГА ООН;
- необходимо четко определить границы применения договора.

Дополнительным элементом являются обязательства ЯОГ в отношении самих ЗСЯО и государств-участников⁴.

В представленном незадолго до этого специальном отчете Конференции по разоружению «Всеобъемлющее исследование по вопросу о зонах, свободных от ядерного оружия» дополнительно обозначены такие руководящие принципы формирования ЗСЯО, как возможность охвата не только континентов и широких регионов, но и менее крупных групп государств и даже отдельных стран; полная добровольность участия в ЗСЯО; участие в ЗСЯО всех значительных в военном отношении государств региона для повышения ее

⁴ См.: Alves P.G., Cipollone D.B. (Ed.). Nuclear-Weapon-Free Zones in the 21st Century. New York and Geneva, United Nations, 1997, pp.12, 13.

эффективности; бессрочный характер соответствующих договоров. При этом создание ЗСЯО должно способствовать экономическому прогрессу стран-участниц путем развития международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии.

Мощный импульс становлению ЗСЯО был придан Конференцией по рассмотрению и продлению ДНЯО в апреле-мае 1995 г. В ключевом итоговом документе Конференции «Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения» содержится специальный раздел, посвященный ЗСЯО (пп. 5-7).

Наибольший интерес в последние три десятилетия привлекали процессы практического становления ЗСЯО в густонаселенных районах: Латинской Америке, южной части Тихого океана, Юго-Восточной Азии, Африке. Инициативы в этих регионах взаимно дополняли друг друга, создатели зон учились на опыте предшественников, смыкавшиеся границы ЗСЯО позволяли выдвигать все более широкие и смелые проекты.

Зона, свободная от ядерного оружия, в Латинской Америке (Договор Тлателолко)

Еще в 1958 г. Коста-Рика предложила всем латиноамериканским государствам «не производить ядерное оружие и не приобретать его у держав, которые его производят»; сходные инициативы выдвигались Чили в 1959-1960 гг., однако они не получили развития в документах Организации американских государств.

4 ноября 1961 г. ГА ООН приняла резолюцию 652 (XVI), призывавшую рассматривать Африку как ЗСЯО. В сентябре 1962 г. представитель Бразилии в Женевском комитете по разоружению Альфонсо Аринос де Мело Франко предложил, чтобы резолюция была распространена и на Латинскую Америку. В следующем месяце события резко подхлестнул Карибский кризис. Боливия, Чили и Эквадор поддержали бразильскую инициативу, а 29 апреля 1963 г. эти страны и Мексика выступили с Совместной декларацией, провозгласив свое желание подписать многостороннее региональное соглашение с обязательством «не производить, не принимать, не хранить и не испытывать ядерное оружие или ядерные пусковые устройства»⁵.

Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (именуемый также Договором Тлателолко, по месту подписания в районе столицы Мексики, где расположен мексиканский МИД) был открыт для подписания 14 февраля 1967 г., более чем за год до ДНЯО. Сложная процедура его вступления в силу «для всего региона» (ст. 28) требует подписания и ратификации Договора

⁵ См.: Alves P.G., Cipollone D.B. (Ed.). *Op.cit.*, pp.xi, 23, 39, 40.

всеми государствами региона, подписания и ратификации Дополнительных протоколов I и II рядом внерегиональных держав (последняя из них — Франция — представила инструмент ратификации Дополнительного протокола I в 1992 г.), а также заключения с МАГАТЭ дву- или многосторонних соглашений о гарантиях. Выполнение всех этих условий оказалось непростой задачей, которая до конца не решена.

Предвидя эти трудности, разработчики Договора внесли в его текст статью 28.2, которая позволяет ратифицировавшим Договор государствам ввести его в действие «для себя» посредством специальной декларации (waiver). Уже к 25 апреля 1969 г. 11 государств региона сделали соответствующую декларацию, и на основе статьи 28.3 правительство-депозитарий (мексиканское) созвало совещание этих стран для создания ОПАНАЛ. К концу 1980-х гг. Договор действовал для 23 государств региона. К 1999 г. уже 32 страны воспользовались правом специальной декларации и ввели его в действие, включая Аргентину, Бразилию и Чили (1994). Все 33 государства Латинской Америки подписали Договор. Этому способствовало внесение в Договор Тлателолко поправок. Первая (3 июля 1990) добавила в название документа слова «и Карибском регионе» (and the Caribbean), что облегчило присоединение англоговорящих государств Карибского бассейна.

Согласно второй поправке (10 мая 1991), отменен параграф 2 статьи 25, благодаря чему Белиз и Гайана стали участниками Договора. Изначально статья 25.2 гласила: «Генеральная конференция не принимает никакого решения относительно принятия в число членов политического объединения, часть или вся территория которого была еще до даты открытия настоящего Договора для подписания предметом спора или тяжбы между внеконтинентальным государством и одним или более латиноамериканскими государствами, до тех пор пока этот спор не будет решен мирными средствами»⁶. Новая формулировка этого параграфа допускает участие в Договоре всех независимых государств, расположенных в зоне его применения по статье 4 и статье 28.1, которые были членами ООН по состоянию на 10 декабря 1985 г., и неавтономных (зависимых от иностранных государств) территорий, как только они обретут независимость⁷.

Хотя статья 13 Договора не оговаривала «полномасштабности» контроля МАГАТЭ, по уже заключенным соглашениям о гарантиях (по типу INFCIRC/153) введен контроль над всеми ЯМ в государствах-участниках. Система международных гарантий дополнена процедурами отчетов и специальных отчетов, обменом

⁶ Гайана имеет неурегулированные территориальные споры с Венесуэлой и Суринамом, а на территорию Белиза претендует Гватемала.

⁷ См.: Документ Организации американских государств (ОАГ) от 5 ноября 1985 г. OEA/CER.P, AG/doc. 1939/85, www.opanal.org/ENGLISH/DOCS/status-in.html.

информацией. 26 августа 1992 г. на специальной сессии Генеральной конференции ОПАНАЛ, созданного в соответствии со статьями 7-11 Договора, была одобрена третья поправка к документу. Изменения коснутся статей 14-16 и 19-20, положения которых будут, в частности, предусматривать усиление роли МАГАТЭ в регионе, оставляя за этим Агентством исключительное право на проведение специальных инспекций. Первоначальный текст Договора предоставлял право на специальные инспекции и МАГАТЭ, и ОПАНАЛ (ст. 16). Эта поправка, предложенная Аргентиной, Бразилией, Мексикой и Чили, вступит в действие (как и две предшествующих поправки) после выполнения требований статьи 28. Первая поправка к 1 сентября 2000 г. была в силе для 20 стран (еще 8 государств лишь подписали ее), вторая поправка — для 16 (еще 10 стран ее подписали), третья поправка — для 18 (еще 8 государств ее подписали). Таким образом, Договор Тлателолко со всеми поправками вступил в действие для 16 государств, включая Аргентину, Бразилию, Венесуэлу, Мексику и Чили⁸.

Куба, заявившая о поддержке ЗСЯО еще в 1962 г. и подписавшая договор 25 марта 1995 г. (три поправки к нему — 5 декабря 1995 г.), не ратифицировала этот документ в связи с положением во взаимоотношениях с США. 12 марта 1996 г. в США был принят закон «О кубинской свободе и демократической солидарности» (известный также как Закон Хелмса-Бертон), вызвавший особое недовольство на Кубе. Новый закон усилил американские санкции против кубинского правительства, в частности эмбарго на торговлю и финансовые операции с Кубой, которое до этого основывалось лишь на президентской прокламации (со времен администрации Кеннеди)⁹. Завершение строительства АЭС в Хурагуа (чего, кстати, так и не произошло, по экономическим причинам) рассматривалось в законе фактически как угроза национальной безопасности США, несмотря на то, что вся ядерная деятельность на Кубе охвачена гарантиями МАГАТЭ, причем 15 октября 1999 г. представителями Кубы и Агентства был подписан Дополнительный протокол (в рамках «Программы 93+2»), усиливающий систему гарантий¹⁰.

⁸ См.: www.opanal.org/ENGLISH/DOCS/status-in.html.

⁹ См.: www.state.gov/www/regions/wha/cuba/helms.html. Еще в 1963 г. представители СССР и Кубы на сессии ГА ООН заявили, поддерживая предложение о создании ЗСЯО в Латинской Америке, что эффективность его реализации связана с позицией США, которые должны принять обязательство не иметь ядерного оружия к югу от своих границ, включая зону Панамского канала и Пуэрто-Рико, и ликвидировать в этом районе свои военные базы, в том числе Гуантанамо (на острове Куба). В дальнейшем СССР действовал в этих вопросах в постоянном контакте с кубинским руководством, что привело к отсрочке подписания Советским Союзом Дополнительного протокола II вплоть до 1978 г. См.: Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение, с.183-185.

¹⁰ См.: www.iaea.org/worldatom/updates/safeguards.html.

При ратификации Дополнительного протокола II в 1971 г. США, а в 1978 г. и СССР высказали наиболее серьезные оговорки по статье 18 Договора Тлателолко, разрешающей странам-участницам осуществлять МЯВ, «включая взрывы, предполагающие использование устройств, аналогичных тем, которые применяются в ядерном оружии». Разрешается сотрудничество в этих целях участвующих в Договоре государств с третьими сторонами. При этом, согласно Договору, не должны нарушаться статьи 1 и 5. В статье 5 дано весьма широкое определение ядерного оружия, фактически включающее всякое ЯВУ: «*В настоящем договоре под ядерным оружием подразумевается всякое устройство, способное высвободить неконтролируемую ядерную энергию и имеющее такую группу характеристик, которая подходит для использования его в военных целях*». С точки зрения ЯОГ, это означает, что проведение МЯВ государством-участником Договора явилось бы нарушением статьи 1, запрещающей испытание, использование, изготовление, производство и приобретение любым путем ядерного оружия, а также получение, хранение, установку, размещение или любую форму владения таким оружием.

СССР и США разошлись в вопросе о возможности транспортировки ядерного оружия через зону применения Договора. Советский Союз принял к сведению толкование Договора, данное в заключительном акте подготовительной комиссии по объявлению Латинской Америки ЗСЯО, о том что транспортировка ядерного оружия сторонами Договора охватывается запрещениями, предусмотренными в статье 1. В заявлении СССР была подтверждена советская позиция: «допущение транзита в любой форме противоречило бы целям Договора»¹¹. США подчеркнули, что документ не затрагивает прав договаривающихся сторон разрешать или отказывать в транспортных и транзитных привилегиях не участвующим в Договоре государствам. В самом тексте договора этот вопрос обойден, а в заключительном акте подготовительной комиссии дана трактовка Договора в том смысле, что выдача разрешения на транзит ядерного оружия по просьбе государств, не являющихся участниками Договора, входит в компетенцию каждой отдельной страны-участницы. Мексика и Панама, ключевые в плане транзита государства региона, приняли обязательства о запрещении транзита ядерного оружия через свои территории.

С советской стороны было также отмечено, что подписание Дополнительного протокола II «никоим образом не означает признания возможности распространения действия Договора, как

¹¹Заявление СССР при подписании Дополнительного протокола II см.: Громько А.А. и др. (Редкол.). Борьба СССР против ядерной опасности, гонки вооружений, за разоружение: Документы и материалы. МИД СССР. М., Политиздат, 1987, с.431-433.

это предусматривается в пункте 2 статьи 4, за пределы территории государств-участников, включая воздушное пространство и территориальные воды, установленные в соответствии с международным правом»¹². Ситуация, предусмотренная в этом пункте, возникнет в случае вступления Договора в силу для всех государств региона (остальные условия уже соблюдены).

Возможность денонсации сформулирована в Договоре несколько расплывчато. Право на денонсацию появляется, если у любой стороны «возникли или могут возникнуть» связанные с содержанием Договора или протоколов обстоятельства, которые затрагивают ее высшие интересы, мир и безопасность одной или более стран-участниц (ст. 30). Любопытно, что нарушение Договора, согласно статье 20, не связывается с этими обстоятельствами, и должно вызывать, в случае угрозы миру и безопасности, передачу информации об этом одновременно СБ и ГА ООН, а также Совету Организации американских государств (ОАГ).

Дополнительный протокол I, подписанный и ратифицированный США, Великобританией, Францией и Нидерландами, как государствами, несущими де-юре или де-факто международную ответственность за территории в регионе, обязывает их применять статус ЗСЯО на этих территориях. Дополнительный протокол II, также вступивший в силу для США, Великобритании, Франции, а также СССР/России и Китая как ЯОГ, содержит обязательство «не содействовать в какой-либо форме тому, чтобы на территориях, к которым применяется Договор, согласно его статье 4, осуществлялись акты, являющиеся нарушением обязательств, изложенных в статье I». Правительства ЯОГ предоставили негативные гарантии безопасности участвующим в Договоре государствам, т.е. обязались не использовать или не угрожать использованием ядерного оружия против них (сопроводив свое согласие характерными для каждой державы оговорками). США распространили свои обязательства по Дополнительному протоколу II и на территории в пределах региона, за которые несут ответственность участники Дополнительного протокола I.

При оценке Договора Тлателолко следует иметь в виду, что это — первый документ, провозгласивший создание ЗСЯО в густонаселенном регионе Земли (еще до ДНЯО). Многие недостатки документа, например, незавершенность в вопросе о транзите ядерного оружия, вытекали из сильного внешнего влияния на регион. Творцы Договора, прежде всего мексиканский дипломат Альфонсо Гарсиа Роблес, заложили солидную базу для дальнейшего развития идеи ЗСЯО, создали важные прецеденты на будущее, среди которых:

¹²В соответствии с общепринятыми нормами международного права ширина территориальных вод устанавливается в 12 морских миль.

- максимально широкое определение понятия «ядерное оружие»;
- присоединение к Договору обязывающих протоколов для внерегиональных держав;
- положение о негативных гарантиях безопасности;
- обязательное заключение соглашений с МАГАТЭ о применении гарантий; на практике — о полноохватных гарантиях по типу INFCIRC/153;
- оригинальное решение для противоречивой проблемы вступления в силу;
- бессрочное действие Договора.

Первый проект текста Договора Тлателолко был подготовлен ночью 1 июля 1965 г. с 17 часов вечера до 5 часов утра по настоятельному указанию Альфонсо Гарсиа Роблеса, председателя Подготовительной комиссии по объявлению Латинской Америки ЗСЯО. После внесения поправок он был одобрен Подготовительной комиссией за два дня до начала подписания. Именно Альфонсо Гарсиа Роблес предложил ряд оригинальных инициатив, важнейшей из которых стала идея статьи 28.2: специальная декларация (waiver) для введения готовыми к этому государствами договора в силу без соблюдения сложных условий статьи 28.1 (не выполненных полностью даже тридцать с лишним лет спустя). Необычным аспектом этого положения стало право подписавших государств (например, в течение многих лет до 1990-х гг. — для Бразилии и Чили), которые не сделали соответствующей декларации, участвовать в механизме осуществления Договора по статье 6. Он же выступил с инициативой о выделении обязательств неконтинентальных держав в отдельные протоколы. В 1982 г. деятельность Альфонсо Гарсиа Роблеса была отмечена Нобелевской премией мира.

Договор о безъядерной зоне южной части Тихого океана (Договор Раротонга)

Южная часть Тихого океана и прилегающие акватории в разные годы были местом проведения ядерных взрывов тремя западными державами: США испытывали свое оружие на атоллах Бикини и Эниветок (Маршалловы острова) и на атолле Рождества в Полинезии (102 взрыва); Великобритания — на том же атолле, а также на островах Монте-Белло близ Австралии и в южных районах самого этого континента (21 взрыв); Франция на атоллах Муруроа и Фангатауфа (193 взрыва). В целом четверть всех западных испытаний была произведена в этом регионе¹³. Идея

¹³См.: Михайлов В.Н. (ред.). Ядерные испытания СССР. М., ИздАТ, 1997, с.185. Маклеллан Ник. Тихоокеанский регион в ядерный век: история, проблемы, перспективы. *Ядерный Контроль*, №1, январь-февраль 2002, с.65-78

провозглашения ЗСЯО получила распространение уже в начале 1960-х гг. В 1983 г. Австралия выступила с конкретной инициативой о создании в регионе ЗСЯО. 6 августа 1985 г., через 40 лет после Хиросимы, 13 государств-членов Южнотихоокеанского форума подписали Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана, или Договор Раротонга — по названию атолла, на котором расположена столица островов Кука (Аваруа). Договор вступил в силу 11 декабря 1986 г. Поскольку, согласно статье 12 Договора, он открыт для подписания любым членом Форума южной части Тихого океана, в мае 1987 г. право на подписание Договора было предоставлено Республике Маршалловы острова и Федеративным Штатам Микронезии, а в 1994 г. — Палау. Реализация этого права сдерживалась негативным отношением США к Договору. К 1999 г. Договор или Протоколы к нему были ратифицированы 16 странами, включая Китай, СССР/Россию, Францию и Великобританию (США и Тонга лишь подписали его)¹⁴.

Создатели новой ЗСЯО использовали опыт Договора Тлателолко и ДНЯО при составлении текста нового документа. В статье 1.с дано определение «ядерного взрывного устройства», которое *«означает любое ядерное оружие или другое взрывное устройство, способное выделять ядерную энергию независимо от цели, для которой оно может быть использовано»*. Согласно той же статье, этот термин включает такое оружие и устройство в несобранном или частично собранном виде. Таким образом, обойден чувствительный момент отдельного определения самого ядерного оружия.

Статья 3.с частично компенсирует другую «недоговоренность» ДНЯО: стороны обязуются «не предпринимать каких-либо действий для оказания помощи или поощрения к производству или приобретению любых ядерных взрывных устройств любым государством» (статья 1 ДНЯО относит аналогичное обязательство только к ЯОГ).

Проблема транзита иностранного ядерного оружия через территорию безъядерных государств вызвала много споров уже в связи с Договором Тлателолко. В Договоре Раротонга (ст. 5.2) за каждой стороной сохранена свобода принятия решения относительно того, разрешать ли заходы в ее порты и на ее аэродромы иностранных судов и летательных аппаратов, если на их борту предполагается наличие ядерного оружия. Право подводных ракетноносцев ЯОГ плавать в зоне применения Договора не затрагивается. В этой связи следует указать на общепринятое в международном праве понятие «свободного прохода», которое применяется в случаях, когда проход из одних международных вод в другие осуществляется через территориальные воды какой-либо страны (например, когда два моря соединены проливом). В

¹⁴См.: domino.un.org/TreatyStatus.nsf.

упрощенном изложении правило гласит, что в этом случае транзит осуществляется так, словно территориальные воды в проливе являются международными. Соответственно запретить проход кораблей или АПЛ было бы практически невозможно без пересмотра одного из важных элементов международного права.

К другим нововведениям Договора относится понятие «международной системы нераспространения ядерного оружия», основанной на ДНЯО и системе гарантий МАГАТЭ (ст. 4.b). Стороны обязались оказывать поддержку сохранению эффективности этой международной системы. Другой новацией стала статья 7 «Недопущение захоронения радиоактивных отходов». Любопытно, что в ней речь идет только о захоронении в море, хотя в преамбуле Договора выражена решимость оградить всю окружающую среду региона от заражения РАО и другими радиоактивными веществами. Обязательствам о недопущении испытаний ЯВУ посвящена, по понятным соображениям, целая статья 6. Для ЯОГ они запрещены в регионе по Протоколу 3.

В соответствии со статьей 4.a участники Договора Раротонга приняли обязательство по ЭК в отношении ЯОГ. Это положение выходит за рамки требований ДНЯО и предусматривает, что участники зоны могут поставлять в ЯОГ исходные или специальные расщепляющиеся материалы, а также оборудование или материалы, специально предназначенные или изготовленные для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, только в соответствии с применимыми соглашениями о гарантиях с МАГАТЭ. При этом любое такое предоставление должно обеспечивать гарантии «мирного, не для взрывов, использования».

Система контроля по статье 8 Договора и Приложению 2 предусматривает применение к мирной ядерной деятельности гарантий МАГАТЭ. Контрольный режим дополняется системой отчетов, обмена информацией и консультаций, процедурой обжалования. В случае нарушения любой из сторон положений Договора Раротонга, «являющегося существенным для достижения целей Договора или для духа Договора», остальные участники имеют право выхода из него (ст. 13.2). Это положение послужило прецедентом для формулировок статьи 22 Бангкокского договора (см. ниже).

В соответствии с Приложением 3 к Договору Раротонга был создан Консультативный комитет (аналогично ОПАНАЛ в Латинской Америке), созываемый для проведения консультаций по любому вопросу, возникающему у сторон в связи с Договором или для рассмотрения его действия.

8 августа 1986 г. были одобрены участниками и в декабре открыты для подписания три протокола к Договору. СССР присоединился к Протоколам 2 и 3 в 1986 г., Китай — в 1987 г.,

приняв тем самым обязательства не применять и не угрожать применением любого ЯВУ в регионе, а также не проводить здесь испытаний ЯВУ. При этом Советское правительство сделало примерно те же оговорки, что и при присоединении к Дополнительному протоколу II Договора Тлателолко (о транспортировке и транзите, случаях нарушений, поправках). Для США, Великобритании и Франции были открыты для подписания все три протокола (поскольку они несут международную ответственность в отношении расположенных в ЗСЯО территорий). Из-за позиции Франции, осуществлявшей в регионе до 1996 г. ядерные испытания, западные державы пошли на подписание протоколов лишь 25 марта 1996 г. Интересно, что с учетом опыта Дополнительного протокола II к Договору Тлателолко, действие негативных гарантий Протокола 2 к Договору Раротонга распространяется не только на стороны Договора, но и на любые территории в пределах ЗСЯО, в отношении которых государство-участник Протокола 1 несет международную ответственность.

Новая ЗСЯО, ограниченная с севера примерно линией экватора, а на западе — пределами Австралии, примыкает на востоке к латиноамериканской зоне, а на юге — к демилитаризованной зоне Антарктики (по Договору 1959 г.). Таким образом, обширная часть Южного и Западного полушарий стала зоной, закрытой не только для распространения ядерного оружия, но и для размещения иностранных ядерных вооружений.

Договор о безъядерной зоне в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор)

Договор о безъядерной зоне в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор) был подписан 10 странами региона 15 декабря 1995 г. и вступил в силу 27 марта 1997 г. К 1999 г. он был ратифицирован всеми подписавшими государствами (кроме Филиппин). Договор рассматривается участниками как шаг на пути к целям, провозглашенным еще в ноябре 1971 г. Декларацией о зоне мира, свободы и нейтралитета (Куала-Лумпурская декларация АСЕАН).

Бангкокский договор напоминает многими положениями предшествующие документы о создании ЗСЯО, вместе с тем ряд проблем поставлен или решен оригинально. Определение понятия «ядерное оружие» (ст. 1.с Договора) фактически приравнивает его к понятию «ядерное взрывное устройство» и тем самым снимает вопросы о возможности МЯВ. Вслед за участниками Договора Раротонга стороны Бангкокского договора обязуются постоянно поддерживать ответственность «международной системы нераспространения», основывающейся на ДНЯО и системе

гарантий МАГАТЭ (ст. 4.2.d). От государств-участников требуется заключить соглашение с МАГАТЭ о полноохватных гарантиях не позднее, чем через 18 месяцев после вступления договора в силу (ст. 5). Система гарантий МАГАТЭ подкрепляется на региональной основе отчетами и обменом информацией, процедурой разрешения споров. Особенностью Бангкокского договора является более развитая, в сравнении с предшествующими аналогами, система запросов о разъяснении и расследовательских миссий (ст. 10.c, 10.d, 12, 13 и Приложение). В статье 3.b ядерный экспорт в ЯОГ оговорен аналогично положениям Договора Раротонга. В статье 7 проблема транзита решена примерно так же, как в Договоре Раротонга.

Нововведением являются обязательства государств-участников, желающих приступить к осуществлению собственной мирной ядерной программы, «подвергнуть эту программу строгой проверке с точки зрения ядерной безопасности, следуя установкам и стандартам, рекомендованным МАГАТЭ» (ст. 4.2.b), и обязательство о присоединении к Конвенции об оперативном оповещении о ядерной аварии 1986 г. (ст. 6). Запрещено избавляться от РАО или материалов на суше, однако не затрагивается право на захоронение таких отходов и материалов «в соответствии со стандартами и процедурами МАГАТЭ» в земле на собственной территории или на территории другого согласного государства, если речь идет о мирном использовании ядерной энергии, «в частности, в целях экономического развития и социального прогресса» (ст. 3.3 и 4.2.e). Оригинальным является обязательство участников не совершать, не способствовать и не поощрять «какие-либо оплачиваемые действия» в нарушение основных положений Договора (включая захоронение в море или выпуск в атмосферу РАО), а также не просить и не получать какой-либо помощи в совершении таких оплачиваемых действий (ст. 3.4).

Для наблюдения за осуществлением Договора и обеспечения соблюдения его положений учреждена Комиссия по безъядерной зоне Юго-Восточной Азии и Исполнительный комитет как вспомогательный орган Комиссии (ст. 8-9).

Одновременно с Бангкокским договором был открыт для подписания ЯОГ протокол к нему, согласно которому они обязуются, в частности, не применять или не угрожать применением ядерного оружия против любого государства-участника Договора, а также в пределах ЗСЯО. ЯОГ, однако, пока воздерживаются от подписания протокола¹⁵, что связано с положениями статей 1.a и 2.1 Договора, которые распространяют действие документа на «исключительные экономические зоны» стран-участниц, простирающиеся, как правило, на 200 морских

¹⁵Лишь Китай заявил о готовности сделать это в будущем.

миль за пределы береговой черты (а не на 12 миль, обычных для территориальных вод). Между ЯОГ и странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) ведутся консультации об изменении этого положения, но пока безрезультатно. Интересно, что вопрос о запрещении испытаний ядерного оружия внерегиональными державами в протокол не внесен (в ст. 3.2.с самого Договора государства-участники обязались не разрешать испытание или применение ядерного оружия на своей территории). Других протоколов к Договору не требуется (если судить по прецеденту договоров Тлателолко и Раротонга), так как в пределах региона нет территорий, за которые несут международную ответственность внерегиональные державы.

Договор о безъядерной зоне в Африке (Договор Пелиндаба)

11 апреля 1996 г. в Каире был открыт для подписания Договор о безъядерной зоне в Африке. Место подписания Договора напоминает о Каирской декларации о безъядерной Африке, принятой Организацией африканского единства еще в июле 1964 г. В то десятилетие африканцы были всерьез встревожены французскими испытательными взрывами в Реггане и Ин-Экере в Сахаре (Алжир). С февраля 1960 г. по май 1967 г. там было произведено 17 ядерных взрывов.

Договор известен также, как Договор Пелиндаба (городок в ЮАР), по месту согласования текста к июню 1995 г. Текст Договора Пелиндаба был разработан назначенной ООН группой экспертов ОАЕ на заседаниях в Эфиопии (май 1991), Того (1992), Зимбабве (апрель 1993) и ЮАР (май-июнь 1995).

Главным препятствием на пути к заключению Договора до конца 1980-х гг. оставалась политика ЮАР в области распространения. Радикальное изменение этой позиции произошло 26 февраля 1990 г., когда президент ЮАР дал указание о ликвидации шести единиц ядерного оружия, созданного в 1979-1989 гг. После конверсии военных ядерных объектов и присоединения ЮАР к ДНЯО выработка документа о ЗСЯО не выявила серьезных противоречий¹⁶. Договор подписали 50 из 53 африканских государств (кроме Мадагаскара, Сомали и Экваториальной Гвинеи), но в силу он пока не вступил (вступит в силу в день сдачи на хранение двадцать восьмой ратификационной грамоты). Лишь 15 государств Африки ратифицировали Договор.

Текст нового документа — самый последний из имеющихся договоров о ЗСЯО, и его создатели тщательно изучили и

¹⁶См.: Ayawah I. The Treaty on the Nuclear-Weapon-Free Zone in Africa (The Pelindaba Treaty). In: Alves P.G., Cipollone D.B. (Ed.). *Op.cit.*, pp.55-58; Фишер Д. Африка: еще одна безъядерная зона. *Ядерный Контроль*, №16, апрель 1996, с.12-16.

использовали предшествующие международно-правовые акты. Чтобы подчеркнуть свою убежденность в отсутствии ядерного оружия в Африке, создатели договора, подобно авторам Договора Раротонга, пользуются термином «ядерное взрывное устройство» (независимо от целей его возможного использования), охватывающим и ядерное оружие, и другие ЯВУ, в том числе в разобранной или частично собранной форме (ст. 1.с). Специальная статья 6 посвящена «декларированию, демонтажу, уничтожению или переводу на мирные нужды ядерных взрывных устройств и предприятий по их производству», что также связано с южно-африканским опытом. В отличие от договоров Тлателолко, Раротонга и Бангкокского договора, Договор Пелиндаба не распространяется на океанические районы за пределами территориальных вод участников. По требованию африканского государства Маврикий, претендующего на удерживаемый Великобританией архипелаг Чагос, он включен в состав африканской ЗСЯО. В число островов архипелага входит Диего-Гарсия, на котором развернута военная база США¹⁷.

Новыми элементами на пути совершенствования текстов договоров о ЗСЯО стали обязательства участников договора Пелиндаба декларировать любую имеющуюся возможность производства ЯВУ (ст. 6.а) и поддерживать высочайший уровень безопасности и эффективную физическую сохранность ЯМ, объектов и оборудования (ст. 10). Договор Пелиндаба — единственный из договоров о создании ЗСЯО, предусматривающий запрещение исследований «в отношении любого ядерного взрывного устройства любыми средствами и в любом месте» (ст. 3.а). Статья 3.с, подобно соответствующему положению Договора Тлателолко, восполняет пробел ДНЯО и распространяет на НЯОГ обязательство «не предпринимать каких-либо действий для оказания помощи или поощрения к исследованиям, разработке, производству, накоплению или приобретению любого ядерного взрывного устройства». Интересно, что африканский договор — единственный среди договоров о ЗСЯО, специально запрещающий накопление/хранение ЯВУ.

Оригинальным стало положение Договора Пелиндаба, запрещающее вооруженное нападение средствами обычного или иного оружия на ядерные объекты в африканской зоне (ст. 11). Здесь можно видеть учет опыта соответствующего индо-пакистанского соглашения 1988 г.¹⁸ Более жесткую позицию, чем в предшествующих

¹⁷При подписании протоколов к Договору Россией была сделана оговорка о невозможности распространить действие протоколов на часть территорий, включая архипелаг Чагос, из-за присутствия там ЯОГ.

¹⁸Исследователи выражают сомнения в действенности этого обязательства в условиях Африки. Под гарантиями МАГАТЭ на континенте находятся ядерные объекты шести государств: Алжира, Конго (бывшего Заира), Ганы, Египта, Ливии и ЮАР. См.: Поликанов Д.В. К вопросу о будущем договора Пелиндаба. *Ядерный Контроль*, №1, январь-февраль 2000, с.22-30.

документах, заняли составители африканского договора по вопросу о захоронении РАО: оно целиком запрещено в пределах ЗСЯО, причем стороны обязались эффективно осуществлять меры, предусмотренные Конвенцией «О запрещении импорта в Африку и контроле провоза через границы и утилизации опасных отходов в пределах Африки» в части, касающейся РАО (ст. 7).

Для обеспечения выполнения обязательств по Договору участники учредили Африканскую комиссию по ядерной энергии (ст. 12, Приложение III). Приложение II к Договору предусматривает, что гарантии МАГАТЭ в государствах-участниках должны носить полномасштабный характер, т.е. относиться к материалам во всей ядерной деятельности соответствующих государств (по типу INFCIRC/153). Подобно другим ЗСЯО, в африканской ЗСЯО контроль МАГАТЭ дополняется региональной системой отчетов и обменов информацией, консультаций и конференций.

Три протокола к Договору открыты для подписания внеафриканскими государствами. Россия подписала Протокол I (не применять или не угрожать применением ЯВУ) и Протокол II (не испытывать, не оказывать содействия и не поощрять испытания ЯВУ) в ноябре 1996 г. (остальные ЯОГ — в апреле 1996 г.). Протокол III адресован Франции и Испании и обязывает их обеспечивать применение гарантий и выполнять статьи 3-10 Договора в отношении территорий в ЗСЯО, за которые они де-юре или де-факто несут международную ответственность. Франция (в отличие от Испании¹⁹) подписала и ратифицировала Протокол III, как и два других протокола. В целом лишь Франция и Китай ратифицировали подписанные протоколы к Договору.

Перспективы становления новых безъядерных зон

После вступления в силу для всех участников Договора Пелиндаба ЗСЯО могут охватить свыше 110 государств. Географическое распространение этих зон с юга побудило развивающиеся страны вынести на обсуждение в ООН вопрос о провозглашении всего Южного полушария ЗСЯО. Резолюция ГА ООН 51/45В была принята 10 декабря 1996 г. 129 голосами против 3 (США, Великобритания и Франция) при 38 воздержавшихся, включая Россию²⁰.

¹⁹В африканской зоне находятся принадлежащие Испании Канарские острова, а на самом континенте — города Сеута и Мелилья. Несмотря на нежелание официального Мадрида давать обязательства в отношении этих территорий, Испания, как НЯОГ-участник ДНЯО, не может ни проводить ядерные испытания, ни применять соответствующее оружие, в том числе и против участников африканской ЗСЯО.

²⁰Текст резолюции см.: *PPNN Newsbrief*, No.36, 4th quarter, 1996, pp.19, 20.

Среди регионов, в которых возможно появление безъядерных зон, выделяются Корейский полуостров, Ближний Восток, Центральная и Восточная Европа, Центральная Азия.

20 января подписана и 19 февраля 1992 г. вступила в силу Совместная декларация о провозглашении *Корейского полуострова* безъядерной зоной, в соответствии с которой «Юг и Север не испытывают, не производят, не получают, не имеют, не хранят, не размещают и не применяют ядерного оружия», а также «не владеют установками для переработки ядерных материалов и обогащения урана». Практическая реализация документа застопорилась. Это было связано с ядерной программой КНДР²¹, в рамках которой был создан почти полный плутониевый цикл. В результате МАГАТЭ в ежегодных докладах об осуществлении гарантий констатирует, что оно «не имеет возможности проверить точность и полноту первоначального заявления о ядерном материале, сделанного КНДР, и в связи с этим не имеет возможности сделать вывод об отсутствии переключения ядерного материала»²². Перспектива реализации Совместной декларации в настоящее время связана с выполнением Рамочного соглашения между США и КНДР от 21 октября 1994 г., раздел IV.3 которого гласит, что КНДР обеспечит полное выполнение ее соглашения с МАГАТЭ, «когда будет в основном завершено строительство комплекса на легководных реакторах, но до поставки основных ядерных компонентов».

Монголия в 1992 г. объявила свою территорию ЗСЯО в одностороннем порядке, что признано резолюцией ГА ООН в 1998 г.

Предложение о создании ЗСЯО на *Ближнем Востоке* было выдвинуто Египтом и Ираном еще в 1974 г., когда по их инициативе ГА ООН приняла первую резолюцию «Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в регионе Ближнего Востока». С тех пор такие резолюции принимались ежегодно. В ходе первых шести голосований Израиль воздерживался, выдвигая два тезиса: во-первых, принципиальная поддержка идеи создания такой ЗСЯО; во-вторых, категорический отказ от провозглашения ЗСЯО путем односторонних параллельных деклараций или в результате консультаций Генерального секретаря ООН в регионе. С 1980 г. Израиль присоединился при голосовании к консенсусу в ГА, но выдвинул дополнительные требования: во-первых, необходимость осуществлять региональный подход и предоставить гарантии безопасности всем государствам региона; во-вторых, (с 1981 г.) необходимость созыва многосторонней международной конференции для учреждения ЗСЯО. С 1990 г. были выдвинуты новые предварительные требования: признание законности

²¹См. главу 7.

²²*Бюллетень МАГАТЭ*, №2, Том 40, 1998, с.39.

существования Израиля со стороны всех соседних государств и прекращение всех видов угроз его существованию²³.

Очевидно, на пути к созданию ЗСЯО на Ближнем Востоке немало препятствий, среди которых взрывоопасная ситуация и колоссальные военные потенциалы в государствах региона, отказ Израиля присоединиться к ДНЯО и наличие военной ядерной программы, обладание ряда стран химическим оружием, неопределенность географических очертаний возможной зоны. Два фактора несколько улучшили положение: успехи Мадридского процесса всестороннего урегулирования, в рамках которого была создана региональная структура переговоров по контролю над вооружениями, и предложение о параллельном изучении вопроса о создании ЗСОМУ, впервые выдвинутое Египтом в апреле 1990 г. К сожалению, до конца десятилетия так и не удалось добиться устойчивого прогресса в мировом урегулировании. В условиях регулярно обостряющегося положения создание зоны пока не имеет реальной перспективы.

В ходе борьбы вокруг продления ДНЯО в 1995 г. поддержки арабскими странами бессрочного продления удалось добиться, приняв на Конференции отдельную резолюцию, в которой содержится, помимо прочего, призыв ко всем государствам на Ближнем Востоке «предпринять на соответствующих форумах практические шаги с целью добиться прогресса в направлении, в частности, создания на Ближнем Востоке подпадающей эффективному контролю зоны, свободной от ОМУ, — ядерного, химического и биологического — и систем его доставки, и воздерживаться от принятия любых мер, которые препятствовали бы достижению этой цели»²⁴.

Перспективы появления ЗСОМУ на Ближнем Востоке, напрямую зависят от сложной борьбы группировок в руководстве Израиля, некоторые из которых допускают поддержку создания такой зоны, но лишь после достижения мирных договоренностей на остающихся неурегулированных направлениях, прежде всего с Сирией.

Идея создания ЗСЯО в *Центральной и Восточной Европе* является развитием «плана Рапацкого» в новых военно-политических условиях 1990-х гг., когда появившиеся после самороспуска ОВД нейтральные государства стали втягиваться в блок НАТО. Россия рассматривает возможность появления на территории новых членов альянса ядерного оружия как нарушение духа режима нераспространения и смысла договоренностей об

²³См.: Elaraby N. The Establishment of a Nuclear-Weapon-Free Zone in the Middle East. In: Alves P.G., Cipollone D.B. (Ed.). *Op.cit.*, pp.84, 85. Тимербаев Р.М. Насколько реально создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке? *Ядерный Контроль*, №12, декабрь 1995, с.7-11.

²⁴*Ядерный Контроль*, №7, июль 1995, с.18.

объединении Германии. В Договоре 1990 г. об окончательном урегулировании в отношении Германии (ст. 5.3) стороны согласились, что «после завершения вывода советских войск с территории нынешней Германской Демократической Республики и Берлина [...] иностранные войска и ядерное оружие или его носители не будут размещаться в данной части Германии и разворачиваться там». В пользу возможности учреждения ЗСЯО свидетельствует и Основополагающий акт об отношениях между Россией и НАТО (май 1997), в котором НАТО заявляет об отсутствии намерений развернуть ядерное оружие на территории новых членов блока (Польши, Чехии и Венгрии). Данное положение Основополагающего акта, однако, не носит обязывающего характера и теоретически может быть пересмотрено в любой момент; предложения России весной 1997 г. придать ему более высокий юридический статус были отвергнуты НАТО.

Предложение создать безъядерный пояс государств в Европе от Балтийского до Черного моря было выдвинуто Белоруссией на сессии ГА ООН в 1990 г.²⁵ В дальнейшем было предложено распространить зону на Скандинавию. К сожалению, в условиях дебатов в Центральной и Восточной Европе вокруг расширения НАТО интерес, поначалу проявленный в этом регионе к инициативе Белоруссии, был утрачен. На КРП ДНЯО (1995) Белоруссия вновь предложила вернуться к этому вопросу, однако в итоговые документы это положение не вошло. Россия и Украина поддержали идею такой ЗСЯО. В 1996 г. с территорий и Украины, и Белоруссии были выведены в Россию последние ядерные заряды, и обе республики обрели не только неядерный, но и де-факто безъядерный статус.

Развивая свою позицию, Белоруссия выдвинула проект создания трехгрупповой ЗСЯО. Первая группа включала бы Белоруссию, Украину, Молдавию, Польшу, Венгрию, Чехию, Словакию, Латвию, Литву, Эстонию, Румынию и Болгарию. Обязательства этих государств были бы максимально приближены к положениям существующих договоров о ЗСЯО. Страны второй группы (Швеция, Финляндия, Австрия, республики бывшей Югославии и Албания) могли бы выборочно принять на себя те обязательства первой группы, которые соответствуют их интересам. Наконец, третья группа государств (Германия, Норвегия и Дания) могла бы способствовать созданию ЗСЯО в рамках своего законодательства и международных обязательств перед НАТО. Однако прием в 1999 г. в НАТО новых членов и позиция западных ЯОГ, посчитавших идею Белоруссии «преждевременной», а также непоследовательная

²⁵См.: Sychou A. Status of the Initiative to Create a Nuclear-Weapon-Free Space in Central and Eastern Europe. In: Alves P.G., Cipollone D.B. (Ed.). *Op.cit.*, pp.65-73. Правиц Я. Зона, свободная от ядерного оружия, от Черного до Балтийского моря. *Ядерный Контроль*, №23, ноябрь 1996, с.8, 9.

позиция Украины не позволили продвинуться в решении этого вопроса. На КР ДНЯО (2000) попытки Белоруссии добиться хотя бы упоминания своей инициативы в Заключительном документе были заблокированы рядом стран-членов НАТО.

Предложения о создании безъядерной зоны в *Центральной Азии* были выдвинуты последовательно Узбекистаном в 1993 г. и Киргизией в 1995 г.²⁶ Постепенно идея ЗСЯО получила поддержку пяти республик региона, ранее входивших в Советский Союз, и 28 февраля 1997 г. президенты пяти государств (Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана) подписали Алма-Атинскую декларацию, в которой подтвердили свою приверженность учреждению такой зоны. В сентябре того же года министры иностранных дел пяти республик подписали в Ташкенте совместное заявление о создании в Центральной Азии ЗСЯО. Россия высказалась в поддержку этой идеи. Россия и Казахстан придерживаются того мнения, что ЗСЯО не должна препятствовать полному осуществлению всех положений Договора о коллективной безопасности (1992). В вопросе о транзите Россия выступает за решение, аналогичное принятому де-юре в договорах Раротонга, Пелиндаба и Бангкокском договоре и де-факто в практике реализации Договора Тлателолко: каждое государство, входящее в зону, должно иметь право самостоятельно решать этот вопрос. Эксперты пяти республик выработали проект будущего договора, который подвергается всестороннему обсуждению. Среди мотивов принятия нового документа отсутствует внутрорегиональное соперничество в ядерной области, характерное для других регионов, зато ощутимо желание укрепить свою безопасность, особенно в связи с проведением индийских и пакистанских ядерных испытаний в мае 1998 г. Западные державы заняли сдержанную позицию, приветствуя идею ЗСЯО в принципе, но заявляя о необходимости ее «детализации и проработки» применительно к Центральной Азии.

Практика создания и функционирования четырех имеющихся ЗСЯО, как и попытки учредить новые ЗСЯО, демонстрируют высокую привлекательность этой формы укрепления безопасности государств, охватившей уже более половины всех стран мира. Исчезновение биполярности, в том числе ядерной, усилило внимание к угрозам регионального уровня, что заставляет государства многих районов Земли искать новые решения. В этом смысле ЗСЯО, наряду с экономической интеграцией, становятся той формой коллективной безопасности, которая позволяет снизить опасные последствия неизбежной политической конкуренции в регионах.

²⁶См.: Проблема создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия. Алматы: Казахстанская ассоциация исследователей проблем нераспространения, 1998; Таипова Г.З., Чумак В.Н. Возможно ли создание безъядерной зоны в Центральной Азии? *Ядерный Контроль*, №20-21, август-сентябрь 1996, с.26-30.

Окончание «холодной войны» внесло существенные коррективы в отношении ЯОГ к ЗСЯО. Прежде их отношение к той или иной предлагаемой зоне определялось логикой глобального противостояния — стремлением предотвратить создание ЗСЯО в регионах, где планировалось содержать ядерное оружие, или, напротив, поощрять создание зоны с тем, чтобы другая сторона не могла разместить в том или ином регионе свое ядерное оружие.

Можно констатировать, что в настоящее время ЯОГ обращают больше внимания на роль ЗСЯО как элемента режима нераспространения ядерного оружия. Далеко не случайной представляется «волна» подписания протоколов к различным ЗСЯО, которая началась в конце 1980-х гг. Сохраняющиеся сомнения относительно создания новых зон зачастую связаны с незавершенностью перехода от условий «холодной войны», как это имеет место в Европе, однако и там можно констатировать отсутствие фундаментальных, неразрешимых противоречий.

С другой стороны, в несомненном выигрыше оказываются не только члены ЗСЯО: создание зон стало важным элементом развития режима нераспространения в целом. В процессе осуществления гарантий МАГАТЭ в связи с ЗСЯО не зарегистрировано ни одного случая проведения специальных инспекций по просьбе местных органов контроля (ОПАНАЛ и др.). Укрепив структуру нераспространения снизу, ЗСЯО оказали важное психологическое воздействие, способствуя преодолению отношения к ДНЯО и МАГАТЭ как к инструментам Севера, навязанным развивающемуся Югу.

Противоречивые интересы отдельных государств и групп стран остаются, как неустраимы и попытки внерегиональных держав использовать специфические черты конкретных зон и договоров для получения преимуществ. Однако позитив ЗСЯО слишком очевиден, и в XXI веке можно ожидать, что дальнейшее развитие и диверсификация разновидностей этого феномена приведут к расширению районов мира, в которых ядерное оружие будет запрещено.

При этом следует учитывать, что созданию ЗСЯО должна предшествовать огромная подготовительная работа, зачастую связанная с решением глубоких политических конфликтов и комплексным решением вопросов безопасности целых регионов. Так, в Латинской Америке создание ЗСЯО стало возможным после того, как Бразилия и Аргентина приняли обоюдное решение о неперенесении соперничества между ними в ядерную область; создание ЗСЯО позволило закрепить это решение в юридически обязывающих и поддающихся проверке формах. Предпосылкой к созданию африканской зоны стал отказ ЮАР от ядерного оружия.

Таким образом, создание ЗСЯО в таких регионах, как Европа, Ближний Восток или Центральная Азия требует решения

сложных политических проблем. В то же время уже само по себе наличие предложений о ЗСЯО помогает обеспечить решение хотя бы части этих проблем и тем продвигает вперед урегулирование в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Борьба СССР против ядерной опасности, гонки вооружений, за разоружение: Документы и материалы. Министерство иностранных дел СССР; Редкол.: Громько А.А. и др. М., Политиздат, 1987.

Действующее международное право. В 3-х томах. Сост. Колосов Ю.М. и Кривчикова Э.С. Том 2. М., Издательство Московского независимого института международного права, 1997.

Зоны, свободные от ядерного оружия. Вопросы и ответы. Алматы: Казахстанская ассоциация исследователей проблем нераспространения, 1997.

Зорин В.А. (ред.). Борьба Советского Союза за разоружение. 1946-1960 годы. М., Издательство Института международных отношений, 1961.

Поликанов Д.В. К вопросу о будущем договора Пелиндаба. *Ядерный Контроль*, №1, январь-февраль 2000, с.22-29.

Правиц Я. Зона, свободная от ядерного оружия, от Черного до Балтийского моря. *Ядерный Контроль*, №23, ноябрь 1996, с.8, 9.

Проблема создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия. Алматы: Казахстанская ассоциация исследователей проблем нераспространения, 1998.

Советский Союз в борьбе за разоружение. Сборник документов. М., Политиздат, 1977.

Таипова Г.З., Чумак В.Н. Возможно ли создание безъядерной зоны в Центральной Азии? *Ядерный Контроль*, №20-21, август-сентябрь 1996, с.26-30.

Тимербаев Р.М. Насколько реально создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке? *Ядерный Контроль*, №12, декабрь 1995, с.7-11.

Alves P.G., Cipollone D.B. (Eds.). Nuclear-Weapon-Free Zones in the 21st Century. New York and Geneva, United Nations, 1997.

ГЛАВА 7. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

В данной главе рассматриваются вопросы, связанные с реализацией военных ядерных программ в государствах Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии, Восточной Азии, Южной Африки, Латинской Америки. Особо анализируются военно-политические факторы, которые обуславливали принятие решения тем или иным государством о разработке собственного ядерного оружия. Рассмотрены как действующие программы, так и история завершенных (прерванных) по тем или иным причинам программ.

Отдельно в данной главе освещается комплекс вопросов, связанных с вызовами международному режиму нераспространения ядерного оружия после распада Советского Союза; описывается ситуация, сложившаяся на территории бывшего СССР (без России) в начале 1990-х гг.; объясняются причины, побудившие Украину, Казахстан и Белоруссию сделать выбор в пользу неядерного статуса.

Классификация государств-пролиферантов

Как правило, государства-пролиферанты подразделяются на три группы¹:

- *страны, уже обладающие ядерным оружием*, но не являющиеся официальными ЯОГ по ДНЯО. К числу таких государств относят Индию, Израиль и Пакистан;

- *пороговые страны*, руководство которых приняло решение о создании собственного ядерного оружия, а имеющаяся техническая и экономическая база позволяет им реализовать его в обозримой временной перспективе. Классификация каждого конкретного государства по принадлежности к данной группе является, как правило, спорной. В разное время к пороговым странам наиболее часто причисляли такие государства, как КНДР и Ирак;

- *околопороговые страны*, т.е. государства, имеющие программу создания собственного ядерного оружия, но не имеющие в полной мере потенциала для ее реализации или же политического решения, нацеливающего на претворение такой программы на практике. К околопороговым странам, как правило, относят Иран, Ливию, Республику Корея и некоторые другие.

Надо добавить, что для некоторых государств, официально провозгласивших свой безъядерный статус, создание ядерного оружия является вопросом лишь политического решения, ибо они

¹ Классификация государств-пролиферантов дается по: Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения. Доклад Службы внешней разведки Российской Федерации. М., 1993, с.12, 13. Однако в литературе используются и другие классификационные принципы.

в полной мере обладают военно-техническим и экономическим потенциалом. К таким государствам можно отнести Японию, Германию, Швецию, Австралию и некоторые другие. Особое положение занимает Южно-Африканская Республика, создавшая ЯВУ, но отказавшаяся от ядерного статуса.

Угроза обвального распространения ядерного оружия была наиболее острой в период середины 1960-х — конца 1970-х гг., когда и были реализованы наиболее масштабные военные ядерные программы Израиля, Индии, ЮАР и, несколько позже, Пакистана. Развернулись углубленные исследования в Аргентине, Бразилии, Иране, Ираке и, видимо, КНДР. Другие страны, например Ливия, Египет, Алжир, Тайвань², не обладая в полной мере техническим, экономическим и научным потенциалом для решения данной задачи, именно в этот период открыто демонстрировали заинтересованность в приобретении ядерного статуса и осуществляли некоторые технические мероприятия в этой области.

Заключение ДНЯО, а также последующие связанные с ним соглашения в области нераспространения ядерного оружия и особенно ЭК, позволили сдерживать процессы горизонтального распространения. ДНЯО оказался эффективным средством сдерживания, а вернее, дезавуирования ядерных амбиций тех стран, которые либо не имели всех необходимых возможностей для создания ЯВУ, либо чей интерес к такому оружию был маргинален. Однако он оказался не вполне эффективен в отношении тех стран, где обозначилось сочетание политической воли, военно-политических потребностей в средствах неконвенционального сдерживания и научно-технических возможностей. ДНЯО не привел к прекращению ядерных программ Индии, Израиля и Пакистана. А ядерный потенциал ЮАР был демонтирован исходя прежде всего из внутривнутриполитических соображений.

История тенденций распространения ядерного оружия на региональном уровне учит, что начало целенаправленной программы по разработке такого оружия одной из стран может стимулировать «догоняющие программы» в сфере военной ядерной энергетики у ее соседей, равно как и варианты «асимметричных ответов» с использованием химического или биологического оружия. Это в ряде случаев привело к возникновению региональной гонки вооружений даже в случаях, когда реальных военно-политических или политико-экономических оснований не было. Это прежде всего касается «параллельных ядерных программ» Аргентины и Бразилии, которые развивались вне военно-политического противостояния

² Упоминание Тайваня как отдельного случая никоим образом не означает отхода от официальной позиции Российской Федерации по поводу территориальной целостности Китайской Народной Республики. Однако в случае ОМУ и в целом в сфере безопасности Тайвань осуществлял политику, заслуживающую самостоятельного рассмотрения.

друг с другом и без наличия значительных территориальных или ресурсных противоречий. Стимулы к приобретению ядерного оружия были, естественно намного сильнее в тех случаях, когда региональная ситуация была чревата серьезными конфликтами. Хорошо известна «пара» Индия–Пакистан; меньше внимания обращают на индийско-китайское соперничество (включая как застарелый территориальный конфликт, так и соревнование за ведущую роль в регионе), которое также стимулировало индийскую ядерную программу.

Опасной тенденцией является стремление ряда государств, прежде всего Пакистана и Индии, но также Израиля и КНДР, «явочным порядком» легализовать свои ядерные программы, как в форме уже боеготового ЯВУ, так и в форме неких технико-технологических субпродуктов. Этому частично способствуют различные политические проекты в сфере региональной безопасности и мер доверия, которые предусматривают фиксацию статус-кво на ядерных объектах пороговых стран и по запасам ЯМ.

Усиления потребности в различных видах ОМУ как в военных инструментах отчасти были стимулированы войной в Персидском заливе против Ирака в 1991 г., показавшей, что региональные центры силы на сегодняшний день не обладают потенциалом ведения боевых действий против США и их союзников только с использованием обычных вооружений. В ряде стран (прежде всего в Индии) был сделан вывод о том, что ядерное оружие является единственным средством предотвращения внешнего вмешательства в дела региона. Этому способствовало и то, что большая часть объявленных после войны в Персидском заливе проектов по созданию региональных систем безопасности не получила практического воплощения. Определенным стимулом такого рода стала и Балканская война НАТО 1999 г., в которой проявилась стратегическая уязвимость изолированных «центров силы», не обладающих ядерным оружием, в случае противостояния военной коалиции, обладающей превосходством в сфере дальнобойного высокоточного оружия. Эти процессы также способствовали новому витку распространения средств доставки, в частности баллистических ракет большей дальности.

Зачастую можно наблюдать переплетение региональных и глобальных факторов. Так, программы Ирака в области ОМУ развивались в региональном контексте — как инструмент приобретения доминирующей роли на Ближнем и Среднем Востоке, а также как средство предотвратить вмешательство великих держав (прежде всего США) в региональную политику Ирака. В каждом случае важно четко различать уровень стимулов (региональный и глобальный) для точного выбора средств противодействия ядерному распространению.

Ближний и Средний Восток

К региону Ближнего и Среднего Востока относят все арабские страны Ближнего Востока, Северной Африки и Персидского залива, а также Израиль и Иран. Ближний Восток остается регионом повышенной военной опасности. Мирные договоры, прекращающие состояние войны, у Израиля существуют только с Египтом и Иорданией. Важнейшим военно-политическим фактором в регионе является деятельность радикальных исламских движений, ставящих своей задачей уничтожение государства Израиль. В регионе находится одно из неофициальных ЯОГ — Израиль, оккупирующий часть территории арабских стран, включая Палестинское государство, создание которого было условием создания Израиля согласно резолюции ГА ООН 181/II. Практически все крупные страны региона в той или иной форме ранее выражали стремление получить в свое распоряжение ядерное оружие, обосновывая это необходимостью противостояния Израилю. Однако ни одно из арабских государств не имеет потенциала для создания ядерного оружия в ближайшие пять-семь лет.

Наиболее близко к получению ядерного оружия стоял Ирак, однако в результате деятельности Специальной комиссии ООН по разоружению (ЮНСКОМ) его ядерная программа если и не прекращена полностью, то в значительной мере отброшена назад.

Некоторые арабские страны имеют запасы химического оружия, которое рассматривается ими как противовес ядерному оружию Израиля. Есть информация о наличии у них программ и в области биологического оружия. В результате возникает сложный баланс сил, в котором взаимоуравновешиваются различные виды ОМУ, а также и обычные вооружения, хотя этот баланс весьма неустойчив.

Главной проблемой, ограничивающей перспективы реализации любых соглашений по контролю над вооружениями, включая и ОМУ, на Ближнем и Среднем Востоке, является отсутствие даже минимального уровня доверия между потенциальными партнерами. Это порождено как общей конфронтационной военно-политической атмосферой, так и традиционной закрытостью государственных систем многих государств. Также противодействует международным усилиям и недемократический характер политических систем целого ряда арабских стран. Мирный процесс между Израилем и Организацией освобождения Палестины (ООП) способствует созданию благоприятной атмосферы в сфере нераспространения ОМУ, однако пока переговоры о контроле над вооружениями и создании систем коллективной безопасности на Ближнем Востоке, начатые в Мадриде в октябре 1991 г., не дали практических результатов.

Израиль является неофициальным ЯОГ, обладающим военно-применимым ядерным оружием. Израиль был, по-видимому, первым

государством из числа не вошедших в «ядерный клуб», которое смогло успешно реализовать свою военную ядерную программу. Израиль сегодня является государством с развитой ядерной военной инфраструктурой. Он имеет не только ядерные боеприпасы различного класса, включая и относительно компактные, но и диверсифицированный спектр средств доставки, включая артиллерию, авиацию, а также баллистические ракеты «Иерихон» различного радиуса действия, способные поражать территорию всех арабских стран, которые могут быть непосредственно вовлечены в конфликт с Израилем. Израиль также осуществляет НИОКР в сфере противоракетной обороны.

Главным фактором, который обусловил принятие политического решения о разработке и боевом развертывании ядерного оружия, стало признание невозможности обеспечить численное превосходство вооруженных сил Израиля над вооруженными силами арабских стран в обычных вооружениях. Опыт войн на Ближнем Востоке 1948-1949, 1956, 1967, 1973 и 1982-1984 гг. показал, что, во-первых, антиизраильская коалиция, которая объединила бы большинство или даже все арабские страны, в такого рода военных столкновениях не возникает, а во-вторых, Израиль добивается военной победы за счет более высококвалифицированного личного состава и более высокого качества боевой техники. Тем не менее израильские политики и военные ориентируются в военном планировании на так называемый «наихудший сценарий», в рамках которого наличие ядерного оружия представляется совершенно необходимым. Другой чертой, которая ранее обуславливала необходимость наличия ядерного оружия, является абсолютный отказ руководства Израиля от самой идеи использования каких-либо международных гарантий в качестве основы своей политики в сфере национальной безопасности.

Однако реальное военное значение ядерного оружия для Израиля не слишком велико. Поскольку любое его применение напрямую отразится и на Израиле в силу географической «сжатости» потенциального театра военных действий, ядерное оружие превращается в гарантию только от полного военного поражения и оккупации страны противником³. То есть для Израиля ядерное оружие применимо только как средство так называемого «центрального сдерживания», по аналогии со стратегическими вооружениями России и США.

Точные характеристики израильской ядерной программы неизвестны. Это связано с высокой степенью секретности всех сведений и осознанно принятой израильским руководством стратегией «рассчитанного умолчания», при которой наличие ядерного оружия открыто не признается. Эта стратегия была

³ См.: Hersh Seymour M. The Samson Option. Israel Nuclear Arsenal and American Foreign Policy. New York, Random House, 1991.

впервые сформулирована в 1961 г. на встрече между президентом США Джоном Кеннеди и тогдашним заместителем премьер-министра Израиля Шимоном Пересом, на которой Перес сказал, что Израиль никогда не станет первым государством на Ближнем Востоке, которое заявит о наличии у него ядерного оружия⁴. Впоследствии, в 1981 г., эта политика была дополнена так называемой «доктриной Бегина» (по имени Менахема Бегина, тогдашнего премьер-министра Израиля), которая гласила, что Израиль будет всячески противодействовать проведению арабскими странами научных исследований, направленных на получение ядерного оружия. В соответствии с «доктриной Бегина», 7 июня 1981 г. израильские самолеты нанесли удар по строящемуся в Ираке реактору в Озиреке, выведя его из строя.

Одним из наиболее известных источников данных о ядерной программе Израиля стали откровения израильского специалиста Мордехая Вануну, который сумел выехать из страны и распространил свою информацию через западные СМИ в 1986 г. Вануну якобы работал на ядерном центре Димона в пустыне Негев, где было произведено около 200 боеготовых ЯВУ. Впоследствии Мордехай Вануну был выкраден израильскими спецслужбами из Западной Европы и привезен обратно в Израиль, где осужден за измену родине. Однако некоторые специалисты считают, что «дело Вануну» было продуманной операцией израильских спецслужб, направленной на то, чтобы укрепить «виртуальное ядерное сдерживание» без официального подтверждения наличия ядерных боеприпасов.

Израиль не произвел ни одного ядерного испытания. Однако считается, что он создал свое первое военное ЯВУ в конце 1960-х гг. Допускается, что в ходе арабо-израильской войны 1973 г., когда для Израиля сложилась сложная военно-политическая обстановка, израильское руководство рассматривало возможность использования против войск Сирии и Египта тактических ядерных боеприпасов.

Отцом израильской ядерной программы был специалист в области органической химии Эрнст Дэвид Бергманн, который стал главой израильской Комиссии по атомной энергетике, созданной в 1952 г.

Начало военной ядерной программы Израиля относится к 1956 г., когда в результате неудачной попытки Великобритании, Франции и Израиля поставить под контроль Суэцкий канал встал вопрос о необходимости изменения принципов обеспечения выживания Израиля. Первая технологическая информация по ядерному оружию была получена Израилем от Франции, тогдашнее

⁴ В англоязычных источниках используется формула «introduce nuclear weapons», которая не имеет адекватного русского эквивалента. См.: Opall Barbara. Peres: Keep Nuclear Details Secret. *Defense News*, July 29-August 4, 1996, p.3.

правительство которой рассматривало это государство как противовес арабскому национализму, угрожавшему присутствию Франции в арабском мире, и в частности в Алжире. В 1956 г. было достигнуто секретное соглашение о поставке в Израиль реактора для наработки оружейного плутония. В 1957 г. при содействии Французского комиссариата по атомной энергии Израиль подписал соглашение с одной из французских фирм о строительстве исследовательского комплекса в Димоне, который изначально планировался как центр для полного цикла военных ядерных НИОКР. Франция также предоставила Израилю информацию о конструктивных особенностях ядерного оружия и доступ к информации о результатах первого французского ядерного взрыва в 1960 г. на полигоне в Алжире. Израиль через возможности своих спецслужб имел доступ к информации о ядерных исследованиях в США⁵.

К объектам ядерной инфраструктуры Израиля относят:

- Центр ядерных исследований в Димоне, который включает в себя тяжеловодный реактор на природном уране, комплекс по наработке плутония. В Димоне также расположен экспериментальный комплекс по очистке и обогащению урана на основе центрифужной и лазерной технологий, а также по производству лития-6. Центр ядерных исследований в Димоне является главным элементом военной ядерной программы Израиля.

- Центр ядерных исследований в Нахал Сорек на побережье Средиземного моря, где осуществляется полный цикл НИОКР по ядерным взрывным устройствам, а также находится пилотное производство по извлечению плутония. В Нахал Сорек также находится легкий исследовательский реактор на ВОУ мощностью в 5 МВт — единственный объект ядерной инфраструктуры Израиля, находящийся под гарантиями МАГАТЭ.

- Производственный центр в Йодефате, на котором, как считается, происходит окончательная сборка ЯВУ.

- Комплекс по первичной переработке урана в Хайфе.

- Кфар Захария и Эйлабун, где хранятся баллистические ракеты с ядерными боеголовками и ТЯО.

Современная политика Израиля в сфере ядерного нераспространения неоднозначна. Еще в 1994 г. в израильских политических кругах возникла дискуссия относительно того, как следует относиться к предложению администрации США о прекращении производства расщепляющихся материалов. Это предложение не затрагивало уже существующие запасы ЯМ и ядерного оружия и в этом смысле не затрагивало критические аспекты военной стратегии Израиля. Однако согласие требовало от

⁵ Это было, в частности, выявлено в ходе «дела Полларда», когда за шпионаж в пользу Израиля в 1985 г. был осужден Джонатан Поллард, высокопоставленный сотрудник военно-морской разведки США.

руководства Израиля принятия на себя широких обязательств по контролю, включая доступ экспертов на ядерные объекты и места хранения ЯМ.

В ходе КРП ДНЯО (1995) Израиль подвергся беспрецедентному давлению со стороны арабских стран. Так, Египет (который имеет с Израилем дипломатические отношения согласно кэмп-дэвидскому мирному договору 1979 г.) потребовал, чтобы Израиль вступил в ДНЯО в течение двух лет после продления Договора. В ответ на это предложение тогдашний министр иностранных дел Израиля Шимон Перес заявил, что Израиль будет готов подписать соглашение с арабскими странами о создании на Ближнем Востоке ЗСОМУ через два года после заключения всеобъемлющего мирного договора между всеми странами региона, включая Иран.

25 сентября 1996 г. правительство Израиля подписало ДВЗЯИ, но задержало его ратификацию. На сегодняшний день одной из главных политических мотиваций развития военной ядерной программы Израиля служит неясность намерений Ирана в ядерной области. Израильское руководство рассматривает Иран как враждебное государство, стремящееся получить ядерное оружие⁶.

Ирак в течение многих лет проводил исключительно широкую программу по созданию ядерного оружия, а также средств его доставки. Помимо ядерного оружия, Ирак интенсивно разрабатывал химическое и биологическое оружие. Еще в 1970-е и 1980-е гг. имелись предположения, что Ирак осуществляет какую-то научно-исследовательскую программу, выходящую за рамки гражданских исследований. В 1981 г. Израиль нанес удар по иракскому исследовательскому реактору «Таммуз-1» (Озирак), выведя его из строя, и объяснил свои действия угрозой создания Ираком ядерного оружия.

После разгрома иракских войск, вторгнувшихся в августе 1990 г. в Кувейт, 3 апреля 1991 г., в развитие перемирия, достигнутого между действовавшими по мандату ООН многонациональными силами и правительством Ирака, СБ ООН принял резолюцию 687, согласно которой весь потенциал Ирака в области ОМУ и средства его доставки должны были быть уничтожены под наблюдением ЮНСКОМ.

Согласно данным ЮНСКОМ, с 1982 г. Ирак форсированно осуществлял программу по обогащению урана до оружейного качества. Ирак пытался использовать практически все известные технологические способы, включая электромагнитное разделение изотопов, газовые центрифуги, лазерное разделение изотопов и химическое обогащение. Такое решение было принято в результате отказа от расширенной программы по созданию реакторов для

⁶ Например: Appel Yoav. Iran «working on nuclear arms». *Associated Press*, 18 December 2001.

наработки плутония, прекращенной после 1981 г., хотя Франция поставила Багдаду реактор «Таммуз-2» (Исис). Указанные программы не были правильно идентифицированы международным сообществом, поскольку Ирак сделал ставку не на создание или копирование современной технологии, а на максимальное использование имеющейся открытой информации и рассекреченных технологий, ориентируясь на создание ядерного боеприпаса на уровне технологических решений конца 1940-х гг. Сообщения об иракской военной ядерной программе игнорировались отчасти в силу того, что в 1980-е гг. Ирак рассматривался рядом государств Запада в качестве главного противовеса расширению влияния Ирана (который находился в состоянии конфронтации с Западом). Это снизило степень жесткости действий МАГАТЭ даже на объектах, находившихся под гарантиями Агентства.

Центром военной ядерной программы Ирака был комплекс аль-Атех к западу от Багдада. Работа по созданию детонаторов проводилась на комплексе аль-Ка Каа к югу от Багдада.

Несмотря на большие усилия, производство по электромагнитному разделению изотопов в Центре ядерных исследований в Тувейте и комплекс в Тармие не были введены в эксплуатацию до начала войны в Персидском заливе. Это же касается и программы обогащения урана с использованием центрифуг в Тувейте и Рашдие, которые реализовывались с широким привлечением германских специалистов и импортированного оборудования, поставлявшегося с прямым нарушением ограничений на поставки чувствительного оборудования и технологий. Германские специалисты работали в Ираке по контракту с фирмой «Уренко», являющейся крупнейшим европейским коммерческим обогатителем урана. В перспективе Ирак планировал создать собственное промышленное производство центрифуг на заводе аль-Фурат, где к концу 1992 г. планировалось ввести в строй каскад из 100 центрифуг. Программа по лазерному разделению изотопов успеха не имела.

Иракские специалисты также осуществили несколько попыток извлечения плутония из реакторов, находившихся под гарантиями МАГАТЭ. В одной из таких попыток плутоний был выделен из топливного элемента, находившегося в реакторе российского производства ИРТ-5000. Несколько попыток были связаны с облучением на этом же реакторе диоксида урана (UO_2) и последующей переработкой данного топлива в одной из лабораторий, находившейся вне контроля МАГАТЭ. В результате было получено шесть граммов плутония и определенные технологические знания. Однако при этих темпах Ирак мог бы получать в год до 60 г плутония, чего было явно не достаточно для создания ЯВУ.

В сентябре 1990 г., после захвата Кувейта и начала полномасштабной конфронтации с мировым сообществом, иракское руководство приняло решение о форсировании военной

ядерной программы, тем более что задача сохранения секретности потеряла смысл. Предполагалось использовать для военных нужд 36 кг необлученного и слабо облученного ВОУ, который использовался в реакторах ИРТ-5000 и «Таммуз-2» и находился под гарантиями МАГАТЭ. Планировалось извлечь из топлива ВОУ и провести обогащение на специально созданной в экстренном порядке обогатительной фабрике с каскадом из 50 центрифуг. Это могло дать до 25 кг ВОУ к апрелю 1991 г., однако технические сложности замедлили этот процесс, а начавшаяся 17 января 1991 г. воздушная кампания против Ирака положила конец этим работам.

18 июля и 9 августа 1991 г. МАГАТЭ официально объявило о том, что Ирак нарушил свои обязательства перед Агентством в части обладания и использования ЯМ. В ходе последующих инспекций были полностью уничтожены все объекты иракского ядерного комплекса. 19 сентября 1994 г. Генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс заявил, что Агентство завершило демонтаж иракской ядерной программы. С августа 1994 г. МАГАТЭ осуществляет постоянное присутствие в Ираке с целью мониторинга состояния ядерной программы и изучения степени эффективности принятых мер. 27 марта 1996 г. СБ ООН единогласно проголосовал за резолюцию, согласно которой в отношении Ирака устанавливался особый порядок контроля импортно-экспортных операций, устанавливающий режим инспекций в отношении оборудования, товаров и технологий, которые могут быть отнесены к предметам «двойного назначения».

Пример Ирака говорит о том, что государство, находящееся на доиндустриальной стадии развития, может в течение длительного времени осуществлять результативную военную ядерную программу, предотвращая идентификацию со стороны других государств и международных организаций (МАГАТЭ) той стадии, на которой эта программа находится. Однако в условиях зависимости от внешних источников технологии и информации, а также ограниченности промышленной базы процесс создания ЯВУ становится исключительно сложным и в нем задействуются различного рода «обходные способы» решения технологических задач. Высокий уровень требуемой секретности часто приводил к параллелизму в технологических программах.

Иран с 1970 г. является членом ДНЯО. На протяжении длительного времени (как при шахском режиме, так и после установления исламской республики) Иран подозревался в незаконных исследованиях и конструкторских разработках в ядерной области. Главными источниками технологий для иранской ядерной программы в шахский период являлись США, которые рассматривали Иран как своего важнейшего регионального союзника и исходили из того, что его ядерная программа в любом случае будет управляема. После падения шахского режима (1979) Иран опирался на содействие КНР, а затем России.

Шахская ядерная программа была рудиментарна и может быть отнесена к категории имитационных. К концу 1970-х гг. единственными практическими результатами ее были два недостроенных энергетических реактора западногерманского производства (на АЭС в Бушере). Ядерные реакторы были сильно разрушены в ходе ирано-иракской войны (1980-1988).

В Иране работает легководный исследовательский реактор американского производства, размещенный в центре ядерных исследований в Тегеране, а также миниатюрный нейтронный источник излучения в исследовательском центре в Исфахане мощностью в 27 кВт, использующий 900 г ВОУ, введенный в эксплуатацию в 1984 г. Подозрения в том, что ядерная программа Ирана выходит за пределы гражданских ядерных исследований, стимулировались двусмысленными заявлениями иранского руководства относительно необходимости укрепления обороноспособности страны с использованием всех возможностей современной технологии. В октябре 1992 г. начал работать Центр по изучению лазерной техники, который считается основным элементом в иранской программе лазерного обогащения урана. Иран обладает значительными запасами природного урана на месторождении Саханд, которые оцениваются в 5000 т⁷. Иранская ядерная программа контролируется Организацией по использованию атомной энергии Ирана, хотя часть программы закупок производится по каналам Министерства обороны и Корпуса стражей исламской революции.

Главным направлением реализации ядерной программы Ирана стала достройка АЭС в Бушере. Первоначально планировалось, что главными источниками технологии и оборудования для данного объекта будут Китай и Аргентина, которые должны были поставить ядерные реакторы, технологию электромагнитного обогащения урана, а также установки по производству тяжелой воды. В 1992 г. Китай согласился поставить в Иран два ядерных реактора модели «Киншан-1» мощностью в 300 МВт. Однако под давлением США в октябре 1997 г. Китай заявил о прекращении или замораживании всех программ по сотрудничеству с Ираном в ядерной области.

С 1995 г. основную роль в реализации ядерной программы стала играть Россия, которая согласилась поставить в Иран четыре ядерных реактора типа ВВЭР-1000, а также НОУ в качестве топлива. Несмотря на достигнутые договоренности, строительство АЭС продвигается с большим трудом, что связано прежде всего с неритмичностью в финансировании данного проекта. Ближайший срок введения в действие АЭС оценивается в настоящее время как 2003 г., однако и он может быть передвинут.

⁷ Koch Andrew, Wolf Jeanette. Iran's Nuclear Procurement Program: How Close to the Bomb. *Nonproliferation Review*, No.1, Vol.5, Fall 1997, p.123.

Решение о постройке АЭС вызвало негативную реакцию США и части их европейских союзников, которые считали необоснованными ссылки иранского руководства на необходимость укрепления энергетической базы страны. Хотя утверждения американцев были логичными, — объективной необходимости для Ирана, обладающего большими запасами нефти и природного газа, в строительстве АЭС нет — такой подход противоречил принципу национального суверенитета и права каждого государства самостоятельно определять специфику и структуру своей энергетической базы. США также неоднократно обвиняли иранские спецслужбы в попытках приобрести ЯМ, технологии, а также готовые ЯВУ в бывшем СССР. Несмотря на то, что никаких доказательств этих слухов не появилось, они создали неблагоприятную атмосферу для реализации ядерной программы.

Другой проблемой, связанной с ядерной программой Ирана, стало то, что это государство после исламской революции относилось к наиболее закрытым с точки зрения доступа на чувствительные промышленные и технологические объекты. С 1991 г. МАГАТЭ провело для снижения напряженности серию инспекций на ядерных объектах Ирана, причем с согласия иранского руководства инспекции были проведены не только на заявленных ядерных объектах, но и на иных объектах, вызывавших подозрение. Никаких факторов, подтверждавших подозрения США, обнаружено не было.

В 1995 г. выяснилось, что Иран неоднократно пытался закупить у германских и швейцарских фирм технологию и оборудование для обогащения урана центрифужным методом. В соглашении с Минатомом о строительстве АЭС в Бушере также содержался протокол о возможности в дальнейшем передать Ирану комплекс по центрифужному обогащению урана. Несмотря на то, что этот комплекс должен был изначально находиться под полными гарантиями МАГАТЭ, намерения Ирана были расценены рядом специалистов как стремление тайно копировать и изучать технологию, непосредственно относящуюся к созданию ядерного оружия. В мае 1995 г. президент России Б.Н. Ельцин официально отказался от выполнения соглашения с Ираном о поставке оборудования и технологий по обогащению урана, оставив в силе соглашение о строительстве АЭС в Бушере.

В ходе заседаний Подготовительного комитета к конференции по ДНЯО, в частности, в сентябре 1994 г., Иран заявлял о возможности своего выхода из ДНЯО, утверждая, что эмбарго западных стран на поставки ЯМ и оборудования нарушают Договор. Снятие Ираном с повестки дня этих и других возражений было результатом давления со стороны России.

В сентябре 1996 г. Иран подписал ДВЗЯИ, несмотря на то, что до этого имел существенные возражения против Договора, из-за которых до сих пор не ратифицировал его.

С одной стороны, Иран не обладает достаточной технологической базой для реализации собственной ядерной программы. Ее продвижение связано с исключительно высокими затратами финансовых ресурсов, которые не всегда расходуются производительно. Любые проблемы, связанные с финансированием разработок, приводят к резкому сокращению темпов работ. С другой стороны, неоднократные кризисы вокруг ядерной программы Ирана показали, что главными в сегодняшней системе международных отношений являются не юридические обязательства и наличие конкретных фактов относительно нарушений той или иной страной обязательств в ядерной области, а восприятия намерений другими государствами. Иными словами, обязательства в сфере нераспространения ОМУ не существуют вне общей линии внешней и военной политики государства.

В *Алжире* в период нахождения под колониальным контролем Франции и некоторое время в период независимости имелся полигон для французских ядерных испытаний. Он был закрыт в 1966 г. Алжир длительное время отказывался от вступления в МАГАТЭ, чем вызывал серьезную обеспокоенность в мировом сообществе, усиливавшуюся угрозой прихода к власти в этой стране радикальных исламистов. 12 января 1995 г. Алжир присоединился к ДНЯО, еще раньше передав под гарантии МАГАТЭ все объекты своей ядерной инфраструктуры, включая и недостроенный исследовательский реактор в Айн-Уссере, который считался центром военных ядерных исследований. В настоящее время Алжир не относится к государствам, вызывающим какую-либо озабоченность с точки зрения ядерного нераспространения.

Ливия считается одним из государств, которое стремится получить ядерное оружие из внешнеполитических соображений, связанных со спецификой своей идеологии. Созданная ливийским лидером Муамаром Каддафи концепция «джамахирии» предполагает активный экспорт этих идей, в том числе и с использованием силовых инструментов. Попытка получить собственное ядерное оружие также была частью политики Ливии, направленной на прямую конфронтацию с США, а также с Израилем. Особенностью ливийской ядерной программы является то, что основной упор делается не на проведение полноценных НИОКР на национальном уровне, а на покупку уже готовых компонентов ЯВУ, а возможно, и готового устройства. Впервые попытка купить ядерное оружие была предпринята в 1970 г., когда Ливия на официальном уровне обратилась к Китаю с предложением продать ядерное оружие, но получила отказ. На протяжении последующих лет неоднократно появлялись сообщения о том, что ливийские представители пытались купить

ядерное оружие и компоненты, необходимые для его производства, в странах Западной Европы, а затем и государствах бывшего СССР.

Ливия ратифицировала ДНЯО в 1975 г., однако заключила соглашение с МАГАТЭ о гарантиях только в 1980 г. В процессе КРП ДНЯО (1995) позиция Ливии до последнего момента заключалась в том, что никакое продление Договора невозможно без вступления в него Израиля. Однако в последний момент Ливия приняла решение не блокировать продление Договора, что было обусловлено позицией других арабских стран, ранее согласившихся на компромисс. В январе 1996 г. Муамар Каддафи выступил с заявлением о том, что арабские страны должны стремиться к самостоятельному производству ядерного оружия для того, чтобы бороться с гегемонией Израиля в регионе⁸. В сентябре 1996 г. Ливия выступила против ДВЗЯИ.

С 1992 по 1999 гг. Ливия находилась в режиме международных санкций, наложенных на нее за отказ сотрудничать в расследовании дела о террористическом акте против самолета авиакомпании «Пан Америкэн» над деревней Локерби в Шотландии.

Ливия использует реактор советского производства мощностью 10 МВт, расположенный в исследовательском центре Тажура, который находится под гарантиями МАГАТЭ. Он использовался для экспериментов в ядерной и медико-биологической сфере. С 1997 г. с Россией ведутся переговоры о его капитальном ремонте. Планы по строительству АЭС вблизи залива Сидра, которые обсуждались со второй половины 1970-х гг., заморожены. На сегодняшний день Ливия не обладает ни ресурсами, ни технологическими возможностями для реализации масштабной военной ядерной программы.

В целом ливийскую ядерную программу следовало бы в ее военно-политической части отнести к имитационным, т.е. не имеющим прямой цели создания ЯВУ, а ориентирующейся на использование пропагандистского эффекта от наличия атрибутов военно-ядерной программы для повышения статуса государства.

Южная Азия

В числе факторов, которые определяют ситуацию в сфере нераспространения ядерного оружия в Южной Азии, можно назвать:

- стремление Индии к геополитическому равноправию с ведущими мировыми державами и получению статуса регионального гегемона;
- наличие латентного ядерного сдерживания в отношениях между Индией и КНР, выросшего из политических и территориальных противоречий между ними;

⁸ Reuters, 27 January 1996.

- военно-политическое противостояние между Индией и Пакистаном.

Успешная реализация военных ядерных программ этих государств является примером того, как жесткая настроенность государственной элиты на получение ядерного оружия, не была поколеблена ни частыми сменами правительств, ни международным давлением.

В значительной мере противостояние между Индией и Пакистаном стало результатом военно-политической реализации процессов формирования силовой многополярности в развивающемся мире.

В 1998 г. Индия и Пакистан стали первыми государствами, которые открыто перешли из категории неофициальных ЯОГ в категорию государств, провозгласивших себя ЯОГ. Испытания Индией, а затем и Пакистаном ядерного оружия во многом прервали настроения самоуспокоенности, которые господствовали в мировом сообществе после бессрочного продления ДНЯО (1995). Действия этих государств также подчеркнули, что в системе международных отношений, сложившейся после окончания «холодной войны», военная сила сохраняет роль инструмента внешней политики, а значит, и потребность в ядерном оружии будет сохраняться на высоком уровне.

Понимание сложности взаимодействия друг с другом в ядерной области в условиях повышенной военной напряженности и минимального доверия заставили руководство Индии и Пакистана пойти на выработку определенных мер для предотвращения военных инцидентов. В частности, в январе 1991 г. в действие было введено соглашение об отказе от нанесения ударов по ядерным объектам друг друга, список которых периодически обновляется, но тем не менее вызывает сомнения у обеих стран. В августе 1992 г. вступило в силу соглашение о предварительном уведомлении о военных учениях.

Индия является неофициальным ЯОГ, которое произвело в общей сложности шесть ядерных испытаний и обладает развитой системой средств доставки ядерного оружия, включая тактические ракеты и ракеты средней дальности. Считается, что Индия обладает примерно 100 ядерными боеприпасами различной мощности.

На протяжении десятилетий Индия выступала против соглашений, которые ограничивали бы ее свободу действий в ядерной сфере. Индия традиционно выступала против ДНЯО, рассматривая его как дискриминационный. Она отказалась от подписания ДВЗЯИ.

Первое ядерное испытание было произведено Индией в мае 1974 г., однако Дели объявил его «мирным ядерным экспериментом». Официальная позиция Индии с 1974 по 1998 гг. заключалась в том, чтобы не признавать наличия у себя ядерного

оружия и планов по его обладанию. Такая позиция была вызвана стремлением обеспечить себе свободу маневра.

Ядерная программа Индии началась в конце 1940-х гг. Эта страна принимала активное участие в американской программе «Атомы для мира». В 1955 г. Индия получила в свое распоряжение тяжеловодный реактор CIRUS канадского производства мощностью в 40 МВт, на котором и был наработан плутоний для первого ЯВУ. США передали Индии некоторое количество тяжелой воды, необходимой для работы реактора. Канадское правительство не требовало от Индии постановки реактора и ядерных материалов под гарантии МАГАТЭ, поставки были осуществлены только на основании формальных письменных заверений индийской стороны относительно использования оборудования в мирных целях. Западные исследователи полагают, что использование оборудования, поставленного в Индию в рамках программ ядерного сотрудничества, началось практически сразу же после получения. Однако до того момента, как Индия стала активно закупать оборудование для строительства центра по переработке плутония в Тромбее, подозрений Дели в стремлении получить ядерное оружие не было⁹.

Первым руководителем ядерной программы Индии был Хоми Баба, именем которого назван крупнейший центр ядерных исследований.

На сегодняшний день к числу основных объектов ядерной инфраструктуры Индии принадлежат:

- Центр ядерных исследований им. Хоми Бабы вблизи Мумбаи (Бомбея), являющийся центром индийской военной ядерной программы, в котором расположены несколько ядерных реакторов, включая «Dhruva» и CIRUS, комплекс по извлечению плутония и пилотное предприятие по обогащению урана. Ни один из объектов центра не находится под гарантиями МАГАТЭ.

- Центр в Тарапуре по извлечению плутония из топлива, который находится вне системы гарантий МАГАТЭ.

- Центр ядерных исследований им. Индиры Ганди вблизи Мадраса в городе Калпакам, который включает в себя действующий реактор на быстрых нейтронах мощностью в 40 МВт, строящийся реактор такого же класса, а также производство по извлечению плутония, сданное в эксплуатацию в 1996 г. Все объекты центра находятся вне системы гарантий МАГАТЭ.

- Центр современной технологии в Индауре, где сконцентрированы исследования в сфере лазерного обогащения урана. Считается, что часть объектов комплекса не завершена.

- Предприятие в городе Раттехалли на юге Индии по обогащению урана.

⁹ Jones Rodney, McDonough Mark, Dalton Toby, Koblenz Gregory. Tracking Nuclear Proliferation. Washington D.C., Carnegie Endowment for International Peace, 1998, p.112.

- Ядерный полигон в Похране, на котором производились ядерные испытания.

Индия также обладает 12 энергетическими ядерными реакторами, из которых под гарантиями МАГАТЭ находятся два легководных реактора — «Тарапур-1» и «Тарапур-2» американского производства мощностью в 210 МВт, а также реакторы «Раджастан-1» и «Раджастан-2» мощностью в 220 МВт, построенные в 1972 и 1980 гг. Предприятие по переработке ядерного топлива в Тарапуре находится под гарантиями МАГАТЭ только в периоды, когда перерабатывается топливо с реакторов, в свою очередь находящихся под гарантиями Агентства. Индия планировала значительно расширить ядерную энергетическую базу, построив 10 реакторов, однако эти планы могут подвергнуться пересмотру в силу финансовых трудностей. Индия осуществляет программу по совершенствованию технологии центрифужного обогащения урана, которая рассматривается как часть проекта по созданию собственной модели реактора для АПЛ.

Индия проводит военную ядерную программу преимущественно на основе собственных ресурсов и технологических наработок. Собственные разработки ядерных реакторов базируются на канадском проекте CANDU, хотя Индия испытывает определенные технические трудности в их эксплуатации. Это связано с тем, что после ядерного испытания 1974 г. было прекращено сотрудничество в ядерной области с Канадой и значительно сокращено с США. В 1978 г. США отказались от поставок топлива на легководные реакторы в Тарапуре. С 1992 г. ГЯП приняла решение не поставлять ЯМ и оборудование в страны, которые отказываются принять гарантии МАГАТЭ на всю ядерную деятельность. Это решение осложнило переговоры о строительстве «под ключ» АЭС в местечке Куданкулам на юге страны с использованием реакторов ВВЭР-1000 российского производства, хотя решение ГЯП не распространялось на контракты, подписанные до 1992 г.

Особенность военной ядерной программы Индии состоит в том, что военный и гражданский сектор разделены весьма условно. Это, с одной стороны, позволяет консолидировать усилия для решения конкретных задач (в частности, облегчена задача наработки оружейного плутония на энергетических реакторах и реакторах на быстрых нейтронах). С другой стороны, это не дает (за редким исключением) возможности допускать к объектам гражданской энергетики экспертов МАГАТЭ и тем самым смягчать международное давление.

Индия имеет собственную развитую программу по переработке ОЯТ. Это дает возможность получать значительные объемы плутония для оружейных нужд.

С технологической точки зрения пример Индии показывает, что государство, находящееся под международным давлением по поводу своей деятельности в ядерной области, все же способно осуществлять

достаточно эффективную военную ядерную программу, однако оказывается в затруднительном положении в сфере гражданской ядерной энергетики и рутинной эксплуатации ядерных реакторов.

11 и 13 мая 1998 г. Индия произвела серию из пяти ядерных испытаний, после которых провозгласила себя ЯОГ. Испытания ничего не изменили в системе отношений в регионе, а также в характере отношений между Индией и мировым сообществом по поводу ядерного нераспространения, поскольку иллюзий относительно характера и статуса индийской ядерной программы не было.

И тем не менее испытания 1998 г. имели существенные последствия.

Принципиально новым фактором стало то, что Дели продемонстрировал наличие относительно компактных ядерных боеприпасов различной мощности, хотя по некоторым данным испытания оказались не очень удачными¹⁰. Это, с учетом наличия у Индии диверсифицированной системы средств доставки ядерного оружия (включающих и баллистические ракеты «Агни», «Притхви» собственной разработки), значительно подняло политическое качество индийского ядерного потенциала.

Решение о проведении испытаний явно было принято из долгосрочных политических соображений. За ним стояло стремление подчеркнуть самостоятельность государства во внешней политике в условиях глобальной монополярности, необходимость найти новые методы для консолидации общества в условиях обострения внутривосточной ситуации. Индия планировала провести эту серию ядерных испытаний еще в конце 1995 г., однако тогда отказалась из-за международного давления.

Испытания поставили мировое сообщество перед рядом сложных проблем. Во-первых, с формальной точки зрения, Индия не нарушила ни одного международного соглашения. Во-вторых, Индия является столь крупным участником системы международных отношений и экономического взаимодействия, что рассчитывать на то, что даже формально введенные ограничения на взаимодействие с ней дадут какой-то позитивный результат, невозможно. В-третьих, общественная реакция в Индии на испытания ядерного оружия показала высокую степень национального единства в отношении заявленных правительством методов обеспечения безопасности.

Пакистан с середины 1970-х гг. осуществлял активную «догоняющую» ядерную программу с откровенно заявленной целью нейтрализовать превосходство Индии в сфере ядерного оружия. Одним из важнейших факторов, обусловивших политическое

¹⁰См., например: Новиков В.Е. Проблемы создания Индией ядерного потенциала. *Ядерное Распространение*, вып. 34, январь-март 2000, с.10-11.

решение руководства Пакистана о начале ядерной программы, помимо необходимости «достичь ядерного паритета в возможностях» с Индией, было четкое понимание неспособности Пакистана по политическим и экономическим соображениям достичь с Индией равновесия в обычных вооружениях. Успешная реализация ядерной программы стала возможной благодаря умелой игре пакистанского руководства на противоречиях ведущих мировых держав и использованию благоприятной международной обстановки.

Ядерная программа Пакистана началась в 1972 г. вскоре после его поражения в войне 1971 г. с Индией. Полномасштабный характер она приобрела после проведения Индией первого ядерного испытания в 1974 г. К началу 1980-х гг. пакистанские ученые решили все технологические проблемы, связанные с разработкой ядерного оружия, включая освоение технологии обогащения урана.

В 1993 г. покинувший свой пост премьер-министр Пакистана Наваз Шариф заявил о том, что Пакистан имеет собственное ядерное оружие. Правительство, возглавляемое в то время Беназир Бхутто, заявило, однако, что Пакистан, обладая полным объемом знаний и технологических решений, добровольно отказывается от окончательного принятия решения о своем статусе и придерживается безъядерного выбора, пока политика Индии не заставит его изменить решение.

28 и 30 мая 1998 г. Пакистан произвел серию ядерных испытаний, получивших наименования «Похран II» и «Чагай I», официально заявив об обладании ЯВУ. Пакистан еще до ядерных испытаний произвел несколько боеготовых ЯВУ, которые, однако, находились в несобранном виде¹¹. По западным данным, Пакистан получил первый оружейный плутоний в 1985 г., а к 1986 г. его было достаточно для производства первой ядерной бомбы. Общее количество боевых ЯВУ оценивается в настоящее время как 25-30. По оценке западных экспертов, более скромное, чем у Индии, количество ЯВУ связано с ограниченными возможностями по наработке ЯМ оружейного качества. В силу этого и структура ядерного арсенала, видимо, будет слабо диверсифицированной¹².

Пакистанская ядерная инфраструктура весьма обширна. Наиболее важными ее объектами являются:

- Ядерный полигон Чагай вблизи границы с Афганистаном.
- Комплекс по окончательной сборке ядерных боеприпасов в городе Вах.
- Исследовательский центр в Кахуте с комплексами по обогащению урана.

¹¹Office of the Secretary of Defense. Proliferation: Threat and Response, April 1996, p.38.

¹²Джонс Родни. Ядерная политика Пакистана: в поисках гарантированного сдерживания. *Ядерное Распространение*, вып. 34, январь-март 2000, с.40-41.

- Легководные исследовательские реакторы мощностью в 9 и 13 МВт в Равалпинди (находятся под гарантиями МАГАТЭ).
- Строящийся реактор по наработке плутония в Хушабе мощностью в 50-70 МВт.
- Экспериментальные комплексы по обогащению урана в Сиале и Голре.
- Исследовательский комплекс Пакистанского института ядерных исследований, включающего лаборатории по наработке плутония расчетной мощностью в 20 кг в год в Равалпинди, введение которого в строй ознаменовало появление у Пакистана возможности создания ядерного оружия на основе плутония.

Помимо этого, Пакистан обладает действующим тяжеловодным энергетическим реактором мощностью в 137 МВт в Карачи, который находится под гарантиями МАГАТЭ.

Данная инфраструктура позволяет Пакистану производить технически совершенные ЯВУ на базе как ВОУ, так и плутония.

Особенность пакистанской ядерной программы заключается в том, что в значительной мере технологические знания относительно производства ядерного оружия были получены из-за рубежа от пакистанцев, работавших на различных ядерных объектах в странах Запада, главным образом в Европе. Это прежде всего относится к технологии центрифужного обогащения урана. Пакистан также использовал техническую информацию и оборудование, которые предоставлялись ему из КНР. Китай в свою очередь рассматривал Пакистан как важнейший противовес Индии, отношения с которой были традиционно напряженными.

Другой особенностью программы является большая роль пакистанских военных во всех ее сферах, включая принятие политических решений, которые в других странах относились к исключительной компетенции гражданского политического руководства. Это связано как с тем, что наиболее активный рывок в реализации пакистанской ядерной программы был сделан в период нахождения у власти военного правительства во главе с президентом Зия-уль-Хаком, так и с тем, что пакистанская армия традиционно играет важнейшую интегрирующую роль в обществе.

Одним из «отцов» пакистанской ядерной программы стал Абдул Кадыр Хан, специалист в области металлургии, обучавшийся в Германии и имевший доступ к секретной информации во время работы на ядерном объекте компании «Уренко» в Нидерландах. После его возвращения в Пакистан в 1975 г. ядерная программа приобрела исключительно активный характер. Он возглавил программу по строительству и оснащению центра ядерных исследований в Кахуте.

Первые подозрения о том, что Пакистан в своей ядерной программе вышел за пределы разрешенной деятельности, появились в 1979 г., когда были зафиксированы централизованные закупки

Исламабадом оборудования для центра ядерных исследований в Кахуте, которое не было предъявлено представителям МАГАТЭ для инспекции. К 1983 г. государственный департамент США констатировал, что имеются неопровержимые доказательства того, что Пакистан активно реализует программу по производству ядерного оружия¹³. Однако поскольку Пакистан был важнейшей опорой для борьбы с расширявшимся советским присутствием в Афганистане, администрация США в 1981 г. отложила на шесть лет введение против Пакистана ограничений согласно «поправке Гленна-Саймингтона», принятой в 1977 г., которая предусматривала прекращение предоставления экономической помощи странам, импортировавшим ядерное оборудование без инспекции со стороны МАГАТЭ. В 1985 г. была принята «поправка Пресслера», которая требовала от президента в начале каждого финансового года подтверждать перед Конгрессом, что Пакистан не имеет ядерного оружия и помощь, предоставляемая со стороны США, существенно уменьшает риск того, что Пакистан такое оружие приобретет. В противном случае поставки вооружений из США в Пакистан должны быть прекращены. До 1989 г. президенты Рональд Рейган и Джордж Буш подтверждали отсутствие у Пакистана ядерного оружия. В 1989 г. подтверждение было дано только после того, как премьер-министр Беназир Бхутто гарантировала отказ от продолжения производства оружейного урана. Отказ президента Буша (1989-1993) подтвердить отсутствие у Пакистана ядерного оружия привел к замораживанию поставок в Пакистан вооружений на общую сумму в 1,3 млрд долл. Впоследствии, в силу ряда причин, ограничения были смягчены в соответствии с принятыми в ноябре 1995 г. «поправкой Брауна» и в 1997 г. «поправкой Харкина». Целями смягчения позиции США было стремление сохранить возможность влиять на позицию Пакистана через «дозирование» взаимодействия.

После проведения Пакистаном ядерных испытаний в 1998 г. США отказались от политики смягчения санкций. Однако санкции все же были сняты осенью 2001 г. в качестве поощрения пакистанского президента генерала Мушаррафа, который полностью поддержал военную операцию США против режима талибов в Афганистане.

Премьер-министр Пакистана Зульфикар Али Бхутто (1971-1977), говоря о ядерной программе Пакистана, заявил, что пакистанцы скорее будут есть траву, нежели согласятся с ядерной монополией Индии. Однако пример Пакистана показал, что экономическая мощь является одним из решающих моментов в реализации ядерной программы. Несмотря на сравнительно благожелательное отношение ряда ведущих стран мира, ядерная программа истощила экономические ресурсы Пакистана.

¹³Jones Rodney, McDonough Mark, Dalton Toby, Koblentz Gregory. Tracking Nuclear Proliferation, p.131.

В результате он не только проиграл геополитическое соревнование Индии, обладавшей более диверсифицированной экономикой и системой внешних связей, но и столкнулся с нарастающими внутренними социальными проблемами, которые частично стали следствием расходов на ядерную программу, а частично — результатом изменения отношения к Пакистану со стороны ведущих промышленных держав мира. Для Пакистана результат ядерных испытаний оказался противоположен тому, которого добились Индия.

Кроме того, в отличие от Индии, где уровень ядерной безопасности традиционно высок, в Пакистане присутствует риск несанкционированного доступа к его ядерной инфраструктуре со стороны негосударственных игроков, прежде всего, международных экстремистских террористических групп, использующих религиозную (исламскую) риторику, как возглавляемая Усамой бен Ладеном «Аль-Кайда». Борьба за власть и внутренние противоречия, раздирающие Пакистан, также ставят под угрозу безопасность его ядерных объектов.

Оценивая такую угрозу как высокую, США уже в первые дни после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. оказали Пакистану помощь в укреплении физической защиты его ядерных объектов. В тот момент это могло рассматриваться как шаг, необходимый для обеспечения безопасности и снижения риска теракта или шантажа с использованием ЯМ или даже ЯВУ, особенно в условиях начала военных действий в соседнем Афганистане. В то же время остается вопросом, как следует квалифицировать такую помощь государству, остающемуся вне ДНЯО, с точки зрения международно признанных принципов и целей нераспространения ядерного оружия.

Восточная Азия

Ситуация в Восточной Азии определяется сложным сочетанием факторов военного и политического характера. Во-первых, в регионе находится одно из признанных ЯОГ — Китайская Народная Республика, которая обладает ядерным оружием и средствами доставки всех диапазонов дальности. Во-вторых, в регионе находится как минимум одно государство, имеющее неоднократно подтвержденный безъядерный статус, но располагающие всеми военно-техническими и промышленно-технологическими предпосылками для реализации собственной военной ядерной программы, — Япония. В-третьих, в регионе существуют как минимум два очага военно-политической напряженности — на Корейском полуострове, где идет сложный

переговорный процесс между Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Южная Корея, стартовавший в результате встречи руководителей двух стран в Пхеньяне (июнь 2000), и между КНР и Тайванем¹⁴.

Наиболее серьезным, с точки зрения нераспространения ОМУ, стал кризис вокруг северокорейской ядерной программы.

Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР, или Северная Корея) с 1985 г. является членом ДНЯО. Однако значительная часть мирового сообщества исходит из того, что КНДР осуществляет ядерные исследования, выходящие за рамки ДНЯО. До 1992 г. КНДР затягивала заключение соглашения о гарантиях с МАГАТЭ и тем самым препятствовала Агентству в проведении инспекций на объектах ядерного комплекса, несмотря на данные о возможном военном характере проводимых там исследований и, в частности, о попытках корейских специалистов извлечь плутоний из облученного топлива. Считалось, что КНДР могла уже накопить до 12 кг плутония, чего было достаточно для производства двух ЯВУ. Обеспокоенность вызывало и то, что КНДР осуществляла значительные исследования и опытно-конструкторские разработки в сфере средств доставки ядерного оружия и довела некоторые образцы ракет тактической и меньшей дальности до серийного производства.

Центром ядерной инфраструктуры КНДР является Нёнбён, где расположены действующий газографитовый урановый реактор мощностью 5 МВт, исследовательский реактор советского производства, находившийся с самого начала под гарантиями МАГАТЭ, а также производственные и исследовательские лаборатории по обогащению урана. Там же сконцентрированы недостроенные объекты ядерной инфраструктуры: ядерный реактор на 50 МВт, способный нарабатывать плутоний на 10-12 ЯВУ в год, а также комплекс по извлечению плутония. Также КНДР имеет недостроенный реактор планируемой мощностью в 200 МВт в Тэчоне, лабораторный комплекс в Пхеньяне, в котором используется в основном устаревшее оборудование советского производства. КНДР обладает несколькими промышленными месторождениями урана.

КНДР неоднократно заявляла, что ее ядерная программа нацелена на решение проблемы нехватки электроэнергии, что с экономической точки зрения соответствовало действительности.

В 1993 г. КНДР, пользуясь положениями ДНЯО о возможности прекращения членства в Договоре, объявила о начале процедуры своего выхода из него. Этому предшествовал глубочайший за всю

¹⁴Тайвань в 1960-1980-х гг. осуществлял расширенные исследования в ядерной области и создал мощную ядерную энергетику. Можно говорить о том, что Тайвань проводил имитационную военную ядерную программу, которая в силу зависимости его от США не имела шансов на реализацию.

историю ДНЯО кризис в отношениях между МАГАТЭ и государством-членом Договора. В мае 1992 г. МАГАТЭ начала серию инспекций и «визитов» на северокорейские ядерные объекты для первичной оценки имеющегося у КНДР оборудования и запасов ЯМ. К концу 1992 г. стало очевидно, что заявленные КНДР позиции существенно отличаются от данных экспертов Агентства. В частности, анализ химического состава топливных сборок показал, что процесс выделения из них плутония имел место неоднократно. По оценкам специалистов Агентства, попытки выделения плутония начались еще в 1989 г.¹⁵ Подверглось сомнению и заявление КНДР о том, что не производилось замены активной зоны реактора в 5 МВт, который начал действовать с 1986 г., а плутоний был извлечен из ограниченного числа дефектныхборок. В начале 1993 г. МАГАТЭ запросило специальную инспекцию на два незаявленных объекта в КНДР вблизи Нёнбёна. КНДР отказалась допустить инспекции и заявила о начале процесса выхода из ДНЯО, а также прекратила членство в МАГАТЭ. Введение в действие данного решения было впоследствии «отложено».

После длительных переговоров с США и руководством МАГАТЭ в марте 1994 г. КНДР согласилась допустить инспекции на заявленные объекты ядерной инфраструктуры, однако воспрепятствовала в процессе инспекции взятию проб на комплексе по извлечению плутония в Нёнбёне. Обстановка стала еще более сложной после того, как КНДР в одностороннем порядке начала извлечение топлива из реактора в 5 МВт. В результате МАГАТЭ лишилась возможности установить, как долго топливные сборки находились в реакторе, а значит, было ли ранее заменено топливо. Это усложнило установление того, смогла ли КНДР накопить незаявленные запасы ЯМ оружейного качества. В качестве ответной меры в июне МАГАТЭ прекратило оказание технической помощи КНДР, а США внесли в СБ ООН предложение о поэтапном введении санкций, которые включали бы в себя запрет на поставки вооружения и военной техники и снижение уровня дипломатических отношений, а на завершающем этапе — прекращение всяческих экономических отношений. Для США эти шаги не несли серьезных последствий, поскольку они не поддерживают с КНДР практически никаких отношений, тогда как для КНР и ряда других стран они имели бы существенный негативный эффект. По мнению некоторых специалистов, КНДР в ходе переговоров с США и Республикой Корея преследовала двойную цель. В ходе контактов с южнокорейской стороной Пхеньян стремился получить надежные доказательства вывода американского ТЯО с территории Республики Корея. Интересы

¹⁵Smith Jeffrey. N.Korea and the Bomb: High-Tech Hide and Seek. *Washington Post*, 27 April 1993.

КНДР в ходе переговоров с США были преимущественно политическими и экономическими¹⁶.

16-17 июня 1994 г. в Пхеньяне состоялась встреча бывшего президента США Джеймса Картера с лидером КНДР Ким Ир Сенем, на которой было достигнуто соглашение о замораживании ядерной программы КНДР и возобновлении переговоров.

21 октября 1994 г. после длительных консультаций КНДР подписала с США «Рамочное соглашение» (Agreed Framework) о разрешении кризиса вокруг северокорейской ядерной программы. Согласно этому соглашению КНДР приняла на себя следующие обязательства:

- прекратить строительство и использование реакторов в Нёнбёне и на предприятии по обогащению урана;
- отказаться от извлечения плутония из топливных сборок реакторов;
- вывезти ОЯТ за пределы КНДР;
- принять меры по демонтажу всех объектов, чье назначение вызывало опасения с точки зрения ядерного распространения.

В обмен на это был сформирован консорциум с участием США, Южной Кореи и Японии, который обязался поставить для нужд национальной энергетики КНДР два легководных реактора, смонтировать их и обеспечить гарантиями, а также поставлять 500 тыс. т мазута в год, пока первый из ядерных реакторов не будет введен в строй.

По итогам данного соглашения 9 марта 1995 г. была сформирована Организация по развитию энергетики на Корейском полуострове (КЕДО). В декабре 1995 г. было подписано соглашение о финансировании поставок реакторов. В КНДР будут поставлены реакторы мощностью в 1000 МВт, основанные на разработках американской фирмы АВВ-СЕ. В качестве координатора проекта выступает американская фирма «Дюк Инжиниринг», тогда как главным подрядчиком является южнокорейская «Korea Electric Power Corporation». Общая стоимость проекта, по различным оценкам, колеблется от 5,2 до 5,5 млрд долл. 15 мая 1996 г. КЕДО и ЕС подписали соглашение о включении Евратома в состав директоров компании в обмен на вклад в 86 млн долл.

С ноября 1994 г. МАГАТЭ имеет доступ к северокорейским ядерным объектам, за исключением перерабатывающего комплекса, и может только измерять объемы ОЯТ, но не проводить его анализ. Северокорейская сторона считает, что она не обязана предоставлять какую-либо дополнительную информацию до того момента, пока не будут введены в строй легководные реакторы.

¹⁶Yong-Sup Han. North Korea Behavior in Nuclear Negotiations. *Nonproliferation Review*, No.1, Vol.7, Spring 2000, p.45.

Кризис вокруг ядерной программы КНДР высветил следующие проблемы ядерного нераспространения.

Во-первых, формальная сторона ДНЯО такова, что государство, которое из него выходит, соблюдая все положения, оказывается практически неуязвимым с точки зрения буквы закона, тогда как воздействие на него со стороны других стран за нарушение духа режима подвержено соображениям текущей политической конъюнктуры.

Во-вторых, даже намек на появление ОМУ и тем более ядерного оружия у такого государства, как КНДР, где процесс принятия политических решений и мотивы их принятия существенно отличаются от других государств региона, способен в корне изменить отношение к ядерному оружию других региональных держав, в частности Японии.

В-третьих, опыт отношений международного сообщества с КНДР показал, что государство, пошедшее на прямой вызов мировому сообществу по одному из наиболее важных вопросов международной безопасности, не только не ухудшило свое экономическое положение, а, напротив, смогло извлечь максимум экономических дивидендов. Это могло создать впечатление об экономической рентабельности «шантажа» в сфере ОМУ, что способно породить опасный прецедент.

Существенную роль в формировании общего климата нераспространения ядерного оружия в Восточной Азии играет Япония.

Япония является государством, подвергшимся использованию ядерного оружия и добровольно отказавшимся от него в соответствии с так называемыми «тремя безъядерными принципами». В то же время в этой стране ядерная энергия широко используется в гражданской сфере.

В 1956 г. была сформирована Комиссия по атомной энергии, целью которой изначально объявлялась разработка реактора на быстрых нейтронах¹⁷. В 1967 г. была принята долгосрочная программа развития национальной энергетики, в которой предусматривалось создание на территории Японии полного ЯТЦ. Стремление Японии активно развивать ядерную энергетику обусловлено объективной необходимостью снизить зависимость экономики от импорта энергоносителей, и в первую очередь нефти из нестабильного региона Персидского залива. Японское правительство выступило с предложением создать структуру, условно называемую «Азия-атом», которая занималась бы утилизацией ядерных отходов и предотвращала бы перевод ЯМ из гражданской в военную область.

¹⁷Skolnikoff Eugene, Suzuki Tatsujiro, Oye Kenneth. International Responses to Japanese Plutonium Programs. Cambridge, Mass., Center for International Affairs, Massachusetts Institute of Technology, August 1995, p.2.

В настоящее время Япония является одним из немногих государств, которое проводит интенсивные исследования по использованию плутония в качестве основы топлива для энергетических ядерных реакторов. С этой целью с конца 1970-х гг. Япония проводит политику накопления плутония на своей территории. Эта программа вызывает определенные опасения мирового сообщества¹⁸. По различным оценкам, под контролем Японии находится свыше 20 т плутония (от 21 до 24 т), большая часть которого находится, однако, в Европе. На территории Японии сосредоточено свыше 5 т плутония^{19,20}.

Энергетическая политика Японии вызывает определенную озабоченность у других стран, поскольку это государство и по своим промышленным возможностям, и по уровню развития науки и технологии вполне способно форсированно осуществить прикладную военную ядерную программу²¹. Подозрения о возможности изменения позиции Японии по вопросам ядерного нераспространения усиливаются двусмысленными заявлениями некоторых представителей японского политического руководства. В частности, премьер-министр Японии Тсутому Хата в июне 1994 г., в период кризиса вокруг северокорейской ядерной программы, заявил о том, что Япония имеет технологическую возможность создать ядерное оружие. Ранее министр иностранных дел Муто косвенно увязал сохранение безъядерного статуса Японии с гарантией невыхода КНДР из ДНЯО²².

Однако в настоящее время нет никаких оснований говорить о том, что политическое решение о создании собственного ядерного арсенала руководством Японии может быть принято. Наоборот, Япония предпринимает напряженные дипломатические усилия, направленные на обеспечение большей эффективности международного режима нераспространения ядерного оружия в целом и в регионе Восточной Азии, в частности. Эта политика в значительной мере обусловлена общественным мнением Японии, не приемлющим «ядерного варианта».

Развитый ядерный комплекс в рассматриваемом регионе имеют также Тайвань и Южная Корея, однако их усилия в сфере реализации военных ядерных программ в настоящее время остановлены благодаря давлению со стороны США.

¹⁸Katahara Eiichi. Japan's Plutonium Policy: Consequences for Nonproliferation. *Nonproliferation Review*, No.1, Vol.5, Fall 1997, p.57.

¹⁹Ibid.

²⁰Тимербаев Р.М. О международном симпозиуме по мирному использованию ядерной энергии и нераспространению. *Ядерный Контроль*, №3, май-июнь 2000, с.71.

²¹Евстафьев Г.М. Северная Корея пишем, Япония — в уме. *Московские Новости*, №61, 1994, с.14; Белоус В.С. Возможности ядерной программы Японии. *Ядерный Контроль*, №27, март 1997, с.18.

²²Radin Charles A. In Japan, Quiet Talk of Nuclear Arms. *Boston Globe*, 19 September 1993.

Тайвань начал исследования в области ядерной энергии в 1965 г., когда был создан Тайваньский научно-исследовательский институт ядерной энергии. В дальнейшем Тайвань уделял большое внимание развитию энергетических ядерных реакторов и производству топлива для АЭС. Это имело значительное народно-хозяйственное значение в силу ограниченности энергетических ресурсов. В частности, в 1985 г. было подписано соглашение о совместной разработке тайваньскими и американскими фирмами месторождений урановой руды в США. Военно-прикладная ядерная программа Тайваня, по сведениям российских официальных источников, развивалась в 1960-1970-е гг. и носила ограниченный характер. США, предоставив Тайваню официальные гарантии безопасности от китайского вторжения, добились ее прекращения. Тайвань является членом ДНЯО с 1 июля 1968 г. (ратификационная грамота представлена 27 января 1970 г.), однако не имеет соглашения о гарантиях с МАГАТЭ.

Республика Корея (Южная Корея) еще в 1956 г. заключила соглашение с США о совместной деятельности в области мирного использования ядерной энергии. В то же время, как считают российские источники, до середины 1970-х гг. руководство Республики Корея проводило незначительную военно-прикладную ядерную программу, которая обосновывалась северокорейским преимуществом в области обычных вооружений. Есть основания полагать, что южнокорейская ядерная программа носила имитационный характер, поскольку на территории этого государства находилась американская группировка, имевшая на вооружении в том числе и ядерное оружие. Республика Корея подписала ДВЗЯИ в момент его открытия, 24 сентября 1996 г. и ратифицировала ровно через три года, 24 сентября 1999 г.

Латинская Америка

Главной особенностью ситуации в Латинской Америке стало соревнование в ядерной гонке между Бразилией и Аргентиной, которое продолжалось с начала 1950-х гг. Их «параллельные» ядерные программы имели своей целью предотвращение доминирования одной из сторон в регионе. Также был очевиден и мотив поднятия статуса государств в мировом сообществе. В перспективе ядерные программы двух стран, будучи завершенными, могли привести к возникновению ситуации взаимного ядерного сдерживания на субстратегическом уровне. Гонка вооружений была прекращена не столько в силу международного давления или различных договоренностей в сфере нераспространения, сколько из-за истощения экономических возможностей сторон.

Ядерные программы Бразилии и Аргентины развивались на фоне напряженных усилий мирового сообщества по предотвращению появления ядерного оружия в Латинской Америке, которые увенчались созданием в регионе ЗСЯО согласно договору Тлателолко.

Ядерная программа *Аргентины* является одной из наиболее значительных с точки зрения истории и технологической проработки. В организованной форме она была начата в 1950 г. Тогда же было создано национальное агентство по атомной энергии. В 1953 г. ядерная программа, имевшая изначально военный характер, перешла из разряда теоретических исследований в категорию опытно-конструкторских разработок. В 1953 г. началась промышленная добыча урана.

Прогрессу в осуществлении ядерной программы Аргентины способствовал, с одной стороны, приток высококвалифицированных инженерных кадров из Германии, скрывавшихся после Второй мировой войны, а с другой — внутривластные устремления правительства президента Хуана Перона, который пытался использовать ядерную программу не только для повышения своего рейтинга, но и для консолидации нации.

Аргентина в первый период развития своей ядерной программы опиралась на значительную технологическую помощь со стороны США. В 1958 г. она начала использовать первый ядерный исследовательский реактор американского производства в Конституэнтесе, который был поставлен в страну в соответствии с межгосударственным соглашением 1955 г. Реактор получил название RA-1. Впоследствии Аргентина построила еще три реактора исследовательского назначения.

В связи с двусмысленной политикой руководства Аргентины в отношении ядерного оружия сотрудничество с Соединенными Штатами в ядерной сфере было существенно сокращено. С начала 1960-х гг. основным источником получения технологий и оборудования становится ФРГ. В 1968 г. Аргентина приобрела в ФРГ у фирмы «Сименс» реактор «Атуча-1» мощностью в 320 МВт.

В Эзейзе в середине 1960-х гг. был построен исследовательский комплекс по извлечению плутония из ОЯТ, который впоследствии был закрыт в силу технологических проблем. Общий объем извлеченного плутония не превысил одного килограмма.

Аргентина в течение длительного времени, несмотря на активный переговорный процесс в связи с заключением ДНЯО и Договора Тлателолко, отказывалась передать свои ядерные объекты, включая промышленную энергетическую установку «Атуча», под гарантии МАГАТЭ. Позиция Аргентины заключалась в том, что гарантии МАГАТЭ не могут распространяться на объекты, построенные и оснащенные технологическими линиями исключительно местного производства.

Мощный импульс аргентинская ядерная программа получила в 1976 г. с приходом к власти военного правительства. В 1978 г. с использованием исключительно местных ресурсов Аргентина начала строительство второго комплекса по переработке ЯМ в компоненты оружия в Эзейзе; по западным данным, этот объект мог бы производить до 20 кг плутония в год. Аргентинское руководство утверждало, что он имеет исключительно гражданское назначение. В силу внутривнутриполитических причин, а также международного давления объект остался недостроенным.

С середины 1970-х гг. аргентинская ядерная программа находилась под пристальным вниманием международных институтов, поскольку она была ориентирована на использование плутония, который в гражданской атомной энергетике страны не применялся.

В 1978 г. на юго-западе страны в Пилканиеу было начато строительство засекреченного комплекса по обогащению урана, основанного также на собственных производственных и технологических мощностях. Как показали позднее полученные данные, комплекс имел исключительно военное предназначение. Он, однако, не был выведен на полную промышленную нагрузку и, по мнению экспертов МАГАТЭ, производил уран крайне низкого уровня обогащения.

В 1983 г., с приходом к власти гражданского правительства, ядерная программа претерпела значительную эволюцию. Во-первых, аргентинское руководство вступило в переговоры по мерам доверия с Бразилией. Во-вторых, в силу необходимости получения международной поддержки Аргентина приняла решение о значительном сокращении своей ядерной программы и о допуске международных экспертов на ряд ядерных объектов, ранее недоступных МАГАТЭ.

Особенностью ситуации было то, что относительная технологическая и промышленная самостоятельность Аргентины сделала ее одним из наиболее активных экспортеров ЯМ и технологий. В частности, Аргентина поставила в 1985 г. ядерный реактор Алжиру (который не находится под гарантиями МАГАТЭ). Более того, впоследствии обсуждалось соглашение о том, что Аргентина может поставить Алжиру изотопы и элементы активной зоны реактора. В 1974 г. было заключено соглашение с Ливией относительно поставки в эту страну горнодобывающего оборудования в урановой сфере²³. Аргентина также принимала участие в начальных фазах иранской ядерной программы после свержения шаха. Лишь в 1992 г. президент Аргентины Карлос Менем ввел жесткие меры ЭК.

²³Kessler Richard. Menem Government Eyes Isotope Production Reactors for Algeria. *Nucleonics Week*, 4 January 1990, p.11; Spector Leonard. *Nuclear Proliferation Today*. New York, Vintage Books, 1994, p.157.

В 1994 г. Аргентина полностью присоединилась к Договору Тлателолко, приняв на себя обязательство не допускать производства, приобретения, испытаний ядерного оружия, а также его транзита или временного хранения.

10 февраля 1995 г. Аргентина стала полноправным членом ДНЯО. 24 сентября 1996 г. она подписала ДВЗЯИ, который ратифицировала 4 декабря 1998 г.

Первые попытки *Бразилии* получить ядерные технологии связаны с покупкой экспериментального оборудования в Западной Германии в 1953 г., которая, однако, была заблокирована Соединенными Штатами. Бразилия в 1955 г. подписала соглашение с Соединенными Штатами о сотрудничестве в ядерной области, а в 1957 г. национальная комиссия по ядерной энергетике начала эксплуатацию первого ядерного реактора, поставленного из Соединенных Штатов. В течение 1960-х гг. Бразилия вела переговоры с Францией о поставке энергетического реактора, которые, однако, остались безрезультатными.

В 1971 г. Бразилия приобрела свой первый легководный ядерный реактор, поставленный американской фирмой «Вестингауз». В 1975 г. было заключено соглашение с ФРГ о поставке 10 ядерных энергетических реакторов, которые должны были находиться под гарантиями МАГАТЭ, однако соглашение было выполнено лишь частично.

Бразилия параллельно проводила военные ядерные исследования, однако организационно они были практически полностью отделены от гражданской ядерной энергетике.

Особенность бразильской военной ядерной программы состояла в том, что каждый вид вооруженных сил отвечал за конкретное направление НИОКР. Например, ВМС отвечали за разработку центрифуг для обогащения урана; ВВС занимались технологиями лазерного обогащения урана, а также разработкой конструкции ядерного боеприпаса. Полностью был реализован только проект создания лаборатории по центрифужному обогащению урана в Сан-Паулу, а также построен пилотный модуль крупного обогатительного комплекса в Иперо, принадлежащего ВМФ. Министерство обороны создало небольшой ядерный полигон в местечке Качимбо в джунглях Амазонки. Проект получил название «Солимос».

Ядерная программа Бразилии не имела успеха и была заморожена в начале 1990-х гг. на стадии производства НОУ, который не мог быть использован для военных целей²⁴. Строившийся ядерный полигон был закрыт указом президента Фернандо Коллора Де Мелло 17 сентября 1990 г.

²⁴ Существует точка зрения, что бразильское правительство никогда не принимало решение о полномасштабной ядерной программе и именно это привело к фрагментированности ядерных усилий. См.: Spector Leonard with Smith Jacqueline R. Nuclear Ambitions. Boulder, CO, Westview Press, 1991, pp.243-249.

30 мая 1994 г. Бразилия ввела в действие Договор Тлателолко, который предполагает допуск экспертов МАГАТЭ на все ядерные объекты Бразилии. В 1995 г. МАГАТЭ провела широкий комплекс исследований состояния ЯМ в Бразилии.

С начала 1990-х гг. происходит интенсивный процесс аргентинско-бразильского сближения, который играет существенную роль в снижении общего уровня военно-политической напряженности. Этот процесс начался в июле 1991 г. подписанием президентами Карлосом Менемом и Фернандо Колором де Мелло двустороннего соглашения (Гвадалахарское соглашение). В соответствии с этим соглашением было создано Бразильско-аргентинское агентство по контролю и наблюдению (АБАКК). Соглашение предусматривало, среди прочего, проведение инвентаризации ЯМ двух стран. Впоследствии соглашение было дополнено четырехсторонней договоренностью с участием также представителей АБАКК и МАГАТЭ. Соглашение вступило в силу 4 марта 1994 г.

Гвадалахарское соглашение было поначалу воспринято рядом экспертов как стремление Бразилии и Аргентины «заменить» таким образом для себя действие ДНЯО, участниками которого они к тому времени не являлись, так как считали его положения дискриминационными. На самом деле, пакет подписанных соглашений содержал еще более жесткие условия, чем ДНЯО. Кроме того, вслед за вступлением в действие Гвадалахарского соглашения обе страны — сначала Аргентина, а затем Бразилия — присоединились к ДНЯО.

Бразилия стала членом ДНЯО в 1998 г. и сразу же заняла активную позицию в ходе обсуждения на Подготовительных комитетах к КР ДНЯО. Она присоединилась к «Коалиции за новую повестку дня» (КНПД). Бразилия подписала ДВЗЯИ параллельно с Аргентиной 24 сентября 1996 г., однако ратификация произошла несколько раньше — 24 июля 1998 г.

Гарантии, установленные согласно Четырехстороннему соглашению, и даже условия Гвадалахарского соглашения практически не отличались от положений тех документов, которые были подписаны Аргентиной и Бразилией для присоединения к ДНЯО. Это означает, что никаких изменений в применении гарантий не произошло после того, как ДНЯО вступил в силу для двух этих государств.

Правительства Бразилии и Аргентины считали, что задачи Гвадалахарского соглашения не должны исчерпываться лишь присоединением их стран к ДНЯО. Напротив, они рассматривали АБАКК в качестве более адекватной структуры для осуществления гарантий по ДНЯО.

События конца 1990-х гг. показали необходимость укрепления не только традиционных механизмов, но и региональных структур

(Евратом в Европе и АБАКК в Латинской Америке), которые стали серьезной опорой режима нераспространения. Региональные организации по ядерным гарантиям приблизили систему к условиям работы на местах, поскольку они лучше знакомы со спецификой ситуации в проблемных государствах.

Региональные гарантии в то же время имеют смысл, прежде всего, когда они используются совместно с международными гарантиями МАГАТЭ. Это означает, что крайне важным является объединение усилий в области гарантий, которое может быть достигнуто за счет сотрудничества по линии МАГАТЭ–Евратом и МАГАТЭ–АБАКК.

Такое объединение усилий является еще более важным при применении Дополнительного протокола о гарантиях. Бразилия, Аргентина и АБАКК выразили намерение о начале переговоров по присоединению к нему. В этом контексте необходимо отметить, что АБАКК (как и Евратом) имеет все полномочия для того, чтобы играть главенствующую роль в применении новых гарантий.

Техническое сотрудничество между Бразилией и Аргентиной, а также их взаимодействие с международным сообществом являются надежным способом укрепления доверия между двумя странами. В последние годы Аргентина, Бразилия и АБАКК наращивают сотрудничество в области гарантий и в других областях, подключая третьи страны и обеспечивая прозрачность, необходимую для мирного использования ядерной энергии.

За восемь лет эффективного применения гарантий Бразилией и Аргентиной АБАКК провело 944 инспекции продолжительностью 4 560 человеко-дней. Во время этих инспекций, а также проверок, проводившихся совместно с МАГАТЭ, АБАКК достигло существенного прогресса в уменьшении числа человеко-дней при сохранении эффективности инспекций. За эти годы АБАКК собрало и проанализировало 249 образцов ЯМ. Более 1,44 млн долл. было вложено в оборудование и подготовку персонала.

В соответствии с обязательствами по Гвадалахарскому и Четырехстороннему соглашениям и по Договору Тлателолко, АБАКК представило МАГАТЭ 3 200 отчетов и 30 отчетов об инспекциях. 770 таких инспекционных отчетов были направлены обоим государствам. Кроме того, 19 деклараций Бразилии и Аргентины, 11 из которых касались исполнения Договора Тлателолко, были направлены этими государствами в адрес ОПАНАЛ²⁵.

Куба является государством, которое пока воздерживается от присоединения к ДНЯО. Эта позиция публично объясняется «дискриминационным характером» Договора, а также политикой США, которые, по мнению Кубы, нарушают свои обязательства по

²⁵Заявление заместителя секретаря АБАКК д-ра Карлоса Феу Алвима на КР ДНЯО 2000 г. ООН, Нью-Йорк, апрель-май 2000.

ДНЯО (в частности, по ст. VI). Куба ставит условием своего вступления в ДНЯО, во-первых, прекращение американской блокады и отказ США от военного давления на Кубу; во-вторых, отказ США от заходов кораблей с ядерным оружием на американскую базу в бухте Гуантанамо на территории Кубы; в-третьих, определение точного юридического статуса Пуэрто-Рико и отношения этой территории к ядерному оружию. Несмотря на свое негативное отношение к ДНЯО, Куба добровольно заключила соглашение с МАГАТЭ и передала под гарантии Агентства все свои ядерные объекты. В октябре 1999 г. Куба подписала с МАГАТЭ Дополнительный протокол о гарантиях.

Для Кубы появление источников ядерной энергии было хотя бы частичным решением проблемы тотальной зависимости от поставок нефти из-за рубежа²⁶. На территории Кубы не завершено сооружение двух реакторов типа ВВЭР-440, строительство которых было заморожено в 1992 г. Российские официальные лица в течение 1997 и 1998 гг. неоднократно выступали за завершение строительства этих объектов, возможно, при участии других государств. В конце сентября 1998 г. руководство Кубы заявило о замораживании строительства АЭС в Хурагуа на неопределенный срок²⁷. Отчасти это связано с позицией США, блокирующих любые капиталовложения в ядерную энергетику Кубы. США также пытаются, по мнению кубинского руководства, ограничивать свободу научно-технического и технологического сотрудничества²⁸.

В западной печати периодически обсуждается вопрос о том, что для нынешнего политического руководства Кубы ядерная энергетика может стать источником ЯМ, которые затем могут быть использованы для военных целей. Объективно, однако, Куба не имеет технического и промышленного базиса для начала собственной прикладной военной ядерной программы даже имитационного характера. В этом плане нежелание Кубы присоединиться к ДНЯО качественно отличается от позиции других неучастников — Израиля, Индии или Пакистана. Показательно, что согласно советско-кубинскому соглашению о строительстве атомных энергетических реакторов топливо должно было поставляться из СССР и находиться под полным контролем советских специалистов. Вполне вероятно, что Куба в условиях

²⁶ Диас-Баларт Фидель Кастро. Ядерный путь Кубы. *Ядерный Контроль*, №4, июль-август 2001, с.57-66; №5, сентябрь-октябрь 2001, с.72-80.

²⁷ Benjamin-Alvarado Jonathan. Cuba's Nuclear Program: A Hollow Threat. Cuba Briefing Paper Series, Georgetown University, October 1998, p.5.

²⁸ См., например: Позиция Кубы в отношении Договора о нераспространении ядерного оружия. Приложение к письму от 8 мая 2000 г. Постоянного представительства Республики Куба при ООН, адресованного Генеральному секретарю Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия 2000 года. *Ядерный Контроль*, №5, сентябрь-октябрь 2000, с.49-50.

деградации ее экономики не сможет эксплуатировать гражданские ядерные реакторы без международного участия.

Африка южнее Сахары

Государства этого региона не обладают научно-техническим потенциалом для создания собственного ядерного оружия или даже для развертывания сколько-нибудь серьезных исследований в этой области. Исключение составляет *Южно-Африканская Республика*, успешно осуществившая военную ядерную программу, но впоследствии отказавшаяся от ядерного оружия по внутрисполитическим соображениям.

По свидетельству бывшего южноафриканского президента Фредерика де Клерка, решение о разработке собственного ядерного оружия было принято в 1974 г. Однако уже с 1971 г. в ЮАР проводились исследования, направленные на создание так называемых «мирных ЯВУ», которые предполагалось использовать для разработки шахт. В качестве индустриальной базы для осуществления программы первоначально использовались небольшое опытное производство по обогащению урана в Восточной Пелиндабе и полигон в пустыне Калахари, оборудованный для осуществления подземных ядерных испытаний. Основная исследовательская база находилась в лаборатории Адвена в Претории. Военная ядерная программа осуществлялась в полном секрете. Это было связано как с внешнеполитическими соображениями — ЮАР находилась под международными санкциями из-за политики апартеида и ее положение могло бы еще более ухудшиться, так и с внутрисполитическими соображениями, поскольку информация о разработке ядерного оружия могла еще более ухудшить отношения между черной и белой общинами страны.

При принятии решения южноафриканское руководство придерживалось прежде всего военно-политических соображений. Считалось, что получение военно-применимого ядерного оружия относительно небольшой мощности сможет сыграть роль фактора сдерживания соседей ЮАР, поддерживавших в тот период тесные отношения с СССР. Южноафриканское руководство исходило из того, что угроза применения ядерного оружия заставит Запад вмешаться в конфликт. На основании такого понимания роли ядерного оружия, его испытание должно было быть проведено именно как средство сдерживания агрессии в том случае, если начало конфликта станет неизбежным. До этого официальная политика должна была заключаться в том, чтобы ни отрицать, ни подтверждать наличие ядерного оружия.

В августе 1977 г. советские разведывательные спутники обнаружили наличие полигона; СССР поставил в известность США,

которые затем тоже зафиксировали этот факт. Южноафриканцам были сделаны представления, и они согласились закрыть полигон и не проводить испытания²⁹.

В 1979 г. был изготовлен первый ядерный урановый заряд пушечного типа (т.е. аналогичный «хиросимской» бомбе) с обогащением 80% и мощностью порядка 3 кт. К 1989 г. ЮАР становится обладателем еще пяти боезарядов с оценочной мощностью 10-18 кт каждый. Считалось, что основным средством доставки боеприпасов будет авиация. Седьмое устройство было в стадии производства к моменту принятия решения об уничтожении всего арсенала в связи с подготовкой к присоединению ЮАР к ДНЯО. Конструктивные особенности ЯВУ и направленность НИОКР позволяли предположить, что ЮАР усиливала боевые заряды путем использования в них ВОУ с добавками дейтерия и трития. 30 г трития для этих целей были получены из Израиля в обмен на 600 т окиси урана. Этого количества трития, по оценкам специалистов, было бы достаточно для производства порядка 20 боезарядов усиленного типа (хранилище, обнаруженное в ЮАР, было рассчитано на 17 единиц)³⁰.

В сентябре 1979 г. американский разведывательный спутник зафиксировал вспышку в Южной Атлантике, которая была интерпретирована многими странами, как проведение ядерного испытания. Однако сейчас уже очевидно, что к тому времени ЮАР не имела достаточного количества ВОУ для создания полноценного ЯВУ. Южноафриканская сторона при передаче всей информации по своей военной ядерной программе в МАГАТЭ также не подтвердила факт испытания. Вероятно, вспышка была результатом неполадок в работе спутника³¹.

ЮАР обладала достаточным промышленным и научно-технологическим потенциалом для самостоятельной разработки ядерного боеприпаса. Ее большим преимуществом было и наличие месторождений природного урана. Многие факты говорят о том, что в процессе осуществления ядерной программы ЮАР пользовалась содействием Израиля.

После прихода к власти в сентябре 1989 г. президента Фредерика де Клерка было принято решение о полном свертывании военной ядерной программы и уничтожении уже созданных ядерных боеприпасов. С июля 1990 г. началась ликвидация завода по обогащению урана в Восточной Пелиндабе и лаборатории Адвена. Была уничтожена также вся техническая документация. Весь наработанный ВОУ, включая и извлеченный из

²⁹Spector Leonard with Smith Jaqueline. Nuclear Ambitions. The Spread of Nuclear Weapons 1989-1990. Boulder (CO), Westview Press, 1990, p.272.

³⁰СВР РФ. Цит. соч., с.66, 67.

³¹Spector Leonard. Nuclear Proliferation Today. New York, Vintage Books, 1984, pp.299, 453-457.

ликвидированных боеприпасов, был передан в КАЭ. В 1991 г. ЮАР вступила в ДНЯО, а затем подписала соглашение о гарантиях с МАГАТЭ. Весь процесс ликвидации военной ядерной программы был завершен к 1992 г. Однако до марта 1993 г. наличие такой программы держалось в строгом секрете.

В настоящее время ЮАР твердо выступает за соблюдение ДНЯО и укрепление режима нераспространения ОМУ. ЮАР использует два легководных реактора Кеберг по 920 МВт каждый на побережье Атлантического океана и исследовательский реактор «Сафари-1», на котором используется наработанный ВОУ. Все реакторы находятся под гарантиями МАГАТЭ.

Пример ЮАР интересен, поскольку решение о ликвидации и полном демонтаже ядерного оружия было принято в связи со стратегическим решением об отказе от системы апартеида, что автоматически приводило к переходу власти к черному большинству. Помимо прочих последствий, это радикально меняло положение дел в сфере внешней безопасности. ЮАР удалось провести полный цикл военной ядерной программы и ее демонтаж в условиях международных санкций и без утечек информации о состоянии программы. Это показывает ограниченность возможностей мониторинга ситуации с использованием дистанционных средств.

Государства бывшего СССР и процессы нераспространения ядерного оружия

Распад Советского Союза (1991) стал уникальным событием в истории международных отношений в целом и нераспространения ядерного оружия в частности. Он поставил международное сообщество перед новой, ранее неизвестной проблемой: впервые происходил распад официального ЯОГ.

Процессы нераспространения ядерного оружия на территории бывшего Советского Союза принципиально отличались от общемировых тенденций. Если в других регионах мира главным содержанием процесса нераспространения ядерного оружия были различные аспекты военно-политической ситуации, то на территории бывшего Советского Союза превалировали правовые и экономические аспекты проблемы. Это связано со следующими факторами:

- преимущественно социально-экономическим, а не военно-политическим характером процесса распада Советского Союза при сохранении на первом этапе сравнительно высокой степени взаимозависимости экономических систем ННГ³² на фоне ухудшающейся экономической обстановки;

³²Здесь и далее термин ННГ используется для обозначения всех государств, образовавшихся после распада СССР, кроме России и стран Балтии.

- отсутствием у постсоветских государств крупных противоречий и между собой, и в отношениях с другими государствами мира, требовавших использования военной силы для их разрешения, что лишало ядерное оружие значения инструмента межгосударственных отношений;

- высокой степенью интернационализации процессов дележа «советского наследства» в ядерной области, что связано, в частности, с опасениями развитых промышленных государств относительно судьбы ядерного потенциала СССР, а также технологических знаний, которые были накоплены в советском ядерном комплексе;

- наличием постоянного переговорного процесса относительно юридического статуса ядерной инфраструктуры, оборудования и иных компонентов, находящихся за пределами Российской Федерации.

Распад Советского Союза повлек за собой существенные угрозы распространения ядерного оружия и его компонентов. Учитывая слабость систем ЭК во всех государствах, образовавшихся в результате распада бывшего СССР, нельзя не прийти к выводу о том, что в течение 1992-1994 гг. риски горизонтального ядерного распространения в мире возросли. Лишь на рубеже 1994-1995 гг. эти риски начали снижаться, во многом благодаря налаживанию национальных систем контроля над ядерным экспортом, а также благодаря принятию НЯОГ полноохватных гарантий МАГАТЭ.

Советские военные сумели во многом предвосхитить ситуацию и еще до юридического оформления распада СССР сгруппировать большинство тактических ядерных боеприпасов на территории России, Украины и Белоруссии. Этот шаг позволил значительно снизить угрозу ядерного распространения, которая в ином случае стала бы неизбежностью уже вскоре после распада СССР³³. В то же время не удалось избежать определенных проблем в отношении ТЯО, размещенного на Украине. Основной проблемой, однако, являлось наличие стратегического ядерного арсенала бывшего СССР на территории четырех новых государств — России,

³³ Вывод ТЯО проходил на фоне усложненной оперативной обстановки, связанной, в частности, с активизацией разного рода политических групп, некоторые из которых могли попытаться воспрепятствовать этим действиям, в том числе и силой. Вывод ядерных боеприпасов из Азербайджана в 1990 г. после столкновений в Баку был резко осложнен попыткой некоторых элементов, связанных с Народным фронтом Азербайджана, воспрепятствовать этим действиям. Вывод боеприпасов осуществлялся под большим секретом, что помогло доставить их на военный аэродром без эксцессов, но там взлетно-посадочная полоса оказалась заблокирована группой гражданских лиц, которые попытались не дать самолетам взлететь. По свидетельству участника, ситуация была крайне напряженной, и экипажам пришлось произвести предупредительные выстрелы из оружия средних бомбардировщиков, которые использовались для перевозки боеприпасов. К счастью, толпа рассеялась, и все обошлось без жертв; самолеты смогли спокойно взлететь.

Белоруссии, Казахстана и Украины. Судьба этого оружия сразу же после краха СССР оказалась в центре внимания лидеров ННГ, привлекла к себе повышенный интерес политических кругов большинства стран мира.

Возникли следующие вопросы:

- как обеспечить безопасность и высокий уровень физической защиты ядерного оружия на территории бывшего СССР и устойчивость элементов ядерного комплекса к потенциальным террористическим актам;
- как обеспечить непрерывность учета и контроля ЯМ в соответствии с мировыми стандартами;
- как исключить расширение «ядерного клуба» и обеспечить присоединение Украины, Белоруссии и Казахстана к ДНЯО в качестве НЯОГ;
- как предотвратить утечку технологии и знаний, критических с точки зрения ядерного нераспространения, за пределы ННГ;
- каким образом следует продолжить процесс сокращения стратегических вооружений в новых условиях относительной децентрализации управления стратегическими ядерными силами (СЯС) бывшего СССР, а также обеспечить полную и безусловную преемственность обязательств бывшего СССР в сфере нераспространения ОМУ, и в частности ядерного оружия;
- как обеспечить распространение на ядерные объекты ННГ, получивших статус НЯОГ, полноохватных гарантий МАГАТЭ.

Решение обозначенных выше проблем ННГ, связанных с нераспространением ОМУ, происходило на фоне сложных геополитических процессов, порожденных формированием у ННГ самостоятельной, отличной от СССР системы внешнеполитических связей. Таким образом, через вопросы, формально связанные с нераспространением ОМУ, решалась и часть более широких внешнеполитических задач.

Ядерная инфраструктура новых независимых государств

В каждой из 15 республик СССР велась какая-либо ядерная деятельность либо находились компоненты ядерного оружия. Основная часть ядерной инфраструктуры находилась на территории Российской Федерации. Там же была сконцентрирована основная часть ядерного оружия³⁴.

³⁴Информация о состоянии ядерного комплекса и инфраструктуры в постсоветских государствах составлена по: Захаров В.С., Свиридов А.С., Акчури И. Состояние ядерного оружейного комплекса в странах ближнего зарубежья. *Ядерный Контроль*, №13, январь 1996, с.22.; Potter William. Nuclear Profiles of the Soviet Successor States. Monterey Institute of International Studies, May 1993; *Nuclear Status Report*, No.6, June 2001.

В *Армении* вблизи Еревана находилась АЭС с двумя реакторами ВВЭР-440, использовавшими уран со степенью обогащения в 3,3%. Эксплуатация АЭС была прекращена в 1989 г. по соображениям сейсмической опасности. После жесточайшего энергетического кризиса в Армении, последовавшего за этим в 1992-1995 гг., в ноябре 1995 г. при помощи российских специалистов эксплуатация АЭС была возобновлена. В 1999 г. ядерная отрасль давала свыше 36% электроэнергии страны. На территории Армении действовал Институт физических исследований Армянской академии наук. Армения передала на хранение ратификационные грамоты ДНЯО 10 февраля 1995 г.

На территории *Грузии* в Тбилиси находился исследовательский реактор ИРТ-М мощностью 8 МВт, содержащий до четырех килограммов урана-235, обогащенного до 90%, который был расположен в тбилисском Институте физики. Реактор, построенный в 1957 г., был остановлен в 1990 г., однако его демонтаж к началу распада СССР еще не начинался. В Физико-техническом институте им. И.Н. Векуа в Сухуми была расположена учебная база по эксплуатации ядерных реакторов. Там же, по некоторым сведениям, находились два малых реактора по производству изотопов. Объекты в Сухуми были практически полностью разрушены в ходе грузино-абхазской войны в первой половине 1990-х гг. Грузия передала на хранение ратификационные грамоты ДНЯО 7 марта 1994 г.

Одной из главных проблем, связанных с ядерными объектами на территории Грузии, было обеспечение их безопасности. В частности, в октябре 1997 г. несколько грузинских военнослужащих получили дозы радиации после обнаружения нескольких контейнеров с радиоактивными материалами. В феврале 1999 г. была зафиксирована попытка продажи некоторого количества цезия-137 одной из грузинских фирм. Несоблюдение норм оборота ЯМ имело место и на государственном уровне — в 1993 г. на основании межгосударственного соглашения Грузия продала в Узбекистан для «научных исследований» 5 кг ВОУ. В связи с угрозой хищений оставшихся 4,2 кг урана и 1 кг отходов была предпринята операция по вывозу этих ЯМ в безопасное место. В связи с отказом России принять эти ЯМ правительство США, оплачивавшее транспортировку (в размере 2 млн долл.), в 1998 г. достигло соглашения с правительством Великобритании о вывозе материалов на экспериментальный ядерный реактор в г. Даунри (Шотландия). Институт физики Грузии получил компенсацию в размере 125 тыс. долл.³⁵

Киргизия обладала развитой атомной добывающей промышленностью. В число объектов входили месторождения Ак-Туюз (добыча урана, тория и редкоземельных металлов),

³⁵ Двали Г. США вывозят из Грузии уран. *Коммерсант*, 23 апреля 1998, с.5.

Орловка (добыча урана), Гранитогорск (добыча урана и его первичная переработка), Кара-Балта (переработка урана), Каджи-Сай (добыча урана), Кизил-Джар и некоторые другие. На комплексе в Кара-Балта находилось предприятие по обогащению урана на основе центрифужной технологии. Киргизия присоединилась к ДНЯО 5 ноября 1995 г.

Таджикистан обладал мощной ядерной добывающей базой. В числе месторождений, относящихся к ядерному комплексу, наиболее крупными считаются: Адрасман, Табошар (добыча урана), комбинат Востокредмет (вблизи Ходжента), Туя-Муюн, Кизил-Жар. В Чкаловске (Атомабад) на комбинате Востокредмет функционировало производство по обогащению урана. В Яване и Калининабаде существовало производство тяжелой воды, которое к моменту распада СССР было заморожено³⁶. Объекты ядерной инфраструктуры на территории Таджикистана были значительно повреждены в ходе гражданской войны. Из-за проблем с обеспечением безопасности хранения ЯМ неоднократно возникали слухи об их утечках из Таджикистана в пороговые государства. Таджикистан предоставил ратификационные грамоты ДНЯО 17 января 1995 г.

Узбекистан обладал к моменту распада СССР ядерным реактором ВВР-СМ мощностью в 20 МВт, который был расположен в Ташкенте в Институте ядерной физики. Реактор был введен в строй в 1959 г. и использовал до восьми килограммов урана-235, обогащенного до 90%. На территории республики был расположен Навоинский горно-металлургический комбинат, состоящий из четырех крупных производств урана (Нурабад, Учкудук, Заф-Арабад, Заравшан). Навоинский комбинат имел также комплекс по обогащению урана, который к моменту распада СССР не функционировал. На территории Узбекистана были расположены и другие месторождения урана. Узбекистан сдал России на хранение ратификационные грамоты ДНЯО 2 мая 1992 г.

Наиболее мощный ядерный комплекс из всех ННГ имели Белоруссия, Казахстан и Украина. К тому же на территории этих государств было расположено стратегическое ядерное вооружение бывшего СССР. Вопросы, со статусом этих элементов советского ядерного комплекса, рассмотрены ниже.

Переговорный процесс относительно судьбы ядерного оружия СССР

Вскоре после создания Содружества независимых государств (СНГ) 30 декабря 1991 г. в Минске было подписано Соглашение

³⁶ *Независимая Газета*, 27 февраля 1992, с.6.

государств-членов СНГ по Стратегическим силам, по которому государства-участники признавали «необходимость объединенного командования Стратегическими силами и сохранения единого контроля над ядерным оружием...». В статье IV регламентировалось, что «до полной ликвидации ядерного оружия решение о необходимости его применения принимается президентом Российской Федерации по согласованию с главами Республики Беларусь, Республики Казахстан, Украины, в консультации с главами других государств-участников Содружества»³⁷. Соглашение предусматривало, в частности, что «на период до полного уничтожения ядерное оружие, размещенное на территории Украины, находится под контролем объединенного командования Стратегических сил с целью его неиспользования и разукрупнения к концу 1994 г.», а процесс уничтожения ядерного оружия, размещенного на территориях Белоруссии и Казахстана должен вестись «под совместным контролем государств Содружества». Действие соглашения считалось «прекращенным» в отношении того государства, с территории которого будут выведены Стратегические силы и вывезено ядерное оружие. Однако по ряду внутривосточных и международных причин реально объединенные Стратегические силы созданы не были.

25 декабря 1991 г. М.С. Горбачев передал «ядерный чемоданчик» Б.Н. Ельцину. Таким образом, был частично дан ответ на вопрос о контроле над СЯС бывшего СССР. Президент России Б.Н. Ельцин принял на себя исполнение обязанностей министра обороны. Паралич структур Министерства обороны России затянулся до апреля-мая 1992 г., когда в должность министра вступил П.С. Грачев. К этому времени наметилось противостояние между П.С. Грачевым и Е.И. Шапошниковым, бывшим министром обороны СССР, который затем возглавил командование Объединенными вооруженными силами СНГ. Противостояние касалось прежде всего полномочий в сфере оперативного контроля над ядерным потенциалом бывшего СССР. Командование Объединенными вооруженными силами СНГ являлось аморфным институтом власти, что стало особенно заметно на фоне быстрого усиления полномочий Министерства обороны РФ. Примерно к осени 1992 г. один из «ядерных чемоданчиков» перешел к Грачеву, а весной 1993 г. другой был отобран у Шапошникова. В результате реальный контроль над СЯС продолжал осуществляться исключительно из Москвы, без всякого участия Минска, Киева и Алма-Аты.

6 июля 1992 г. девять государств СНГ (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Украина, Молдавия и Туркмения) подтвердили, что поддерживают участие

³⁷Соглашение между государствами-участниками СНГ по Стратегическим силам. Нераспространение ядерного оружия. Сборник документов, с.228.

России в ДНЯО в качестве государства-обладателя ядерного оружия, и заявили, что готовы присоединиться к ДНЯО в качестве НЯОГ. Таким образом, был «юридически решен» вопрос правопреемства, и Российская Федерация стала правопреемником СССР в части владения ядерным оружием. При этом речь шла о владении всем ядерным оружием бывшего СССР, включая и то, что находилось на территориях Украины, Белоруссии и Казахстана. Руководство Украины, на словах заявляя о желании расстаться с ядерным оружием, находившимся на ее территории, на практике всячески оттягивало решение вопроса его ликвидации, при этом ставя под сомнение принадлежность ядерных боеголовок России. Украина высказала тезис о том, что, хотя стратегические ядерные вооружения на ее территории и находятся в оперативном управлении России, право собственности как на носители, так и на боеголовки принадлежит Украине.

23 мая 1992 г. США, Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан подписали Лиссабонский протокол к Договору между СССР и США о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Согласно протоколу, Украина, Белоруссия и Казахстан были признаны наряду с Россией сторонами СНВ-1. Они обязались после введения в действие Договора СНВ-1 ликвидировать или передать России все стратегические ядерные боеголовки и присоединиться к ДНЯО в качестве НЯОГ. Фактически же через механизм Лиссабонского протокола осуществлялась эрозия ранее отработанной формулы о том, что Россия является единственным преемником международного статуса и обязательств Советского Союза.

Вывод ядерного оружия с территории Белоруссии

К моменту провозглашения независимости на территории Белоруссии находилась 81 стратегическая ракета и не менее 725 ядерных боеголовок тактического класса³⁸. На протяжении всего переговорного процесса относительно судьбы этой части ядерного потенциала Советского Союза Россия сохраняла полный административный и оперативный контроль над ядерным оружием.

Гражданская ядерная инфраструктура Белоруссии была не столь значительна. В Минске к моменту провозглашения независимости действовало два исследовательских центра: Институт инженерных проблем энергетики (поселок Сосны), где на хранении находилось 14 кг плутония и 40 кг урана оружейного обогащения, и Научно-исследовательский институт ядерных

³⁸START-Related Facilities by Republic as Declared in MOU Data Exchange, Sept. 1, 1990. Hearings on Start Treaty, Committee on Foreign Relations, US Senate, 102nd Congress, 6 February 1992.

проблем, который занимался исключительно теоретическими исследованиями проблемы. В Институте инженерных проблем энергетики находится исследовательский реактор мощностью 4-8 МВт, выведенный из постоянной эксплуатации. На этом же объекте находился действующий исследовательский реактор с нейтронным генератором. Эти объекты в настоящее время находятся под гарантиями МАГАТЭ.

Особенностью ситуации в Белоруссии являлись серьезные антиядерные настроения, связанные с экологическими последствиями аварии на Чернобыльской АЭС (1986). Эти настроения обусловили решение белорусских властей о безъядерном статусе республики.

21 декабря 1991 г. Белоруссия совместно с Россией, Украиной и Казахстаном подписала Алма-Атинское соглашение по ядерному оружию. Белоруссия также обязалась вывести все тактические ядерные боеприпасы на территорию России. Белоруссия присоединилась к решению о необходимости согласия других государств-участников СНГ с решением президента России о применении ядерного оружия, которое действовало до июня 1993 г., когда Россия взяла на себя полный контроль над ядерным оружием бывшего СССР. Белоруссия подписала Лиссабонский протокол от 23 мая 1992 г., который регламентировал выполнение условий Договора СНВ-1. В контексте этого протокола руководство Белоруссии также пообещало тогдашнему президенту США Джорджу Бушу ликвидировать все стратегические ядерные вооружения на территории Белоруссии в течение семилетнего периода формального выполнения всеми сторонами условий Договора СНВ-1³⁹. 4 февраля 1993 г. белорусский парламент ратифицировал Договор СНВ-1.

Белоруссия присоединилась к ДНЯО в качестве НЯОГ 22 июля 1993 г.

Белоруссия получала международное содействие в выполнении своих обязательств в сфере ядерного разоружения и реабилитации земель, пострадавших от Чернобыльской АЭС. Также в рамках американской программы Нанна-Лугара и программ помощи со стороны Германии, Швеции и Японии были осуществлены проекты по повышению уровня ядерной безопасности на объектах ядерного комплекса Белоруссии, главным образом на исследовательском комплексе в поселке Сосны.

Белоруссия задержалась с графиком вывода оружия в Россию, однако в конце ноября 1996 г., накануне встречи в верхах глав государств-участников Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), последние 18 МБР «Тополь» (СС-25) (всего 18 боеголовок), находившиеся под юрисдикцией и

³⁹Договор СНВ-2. Факты и аргументы (Белая книга). М., Международные отношения, 1993, с.212.

оперативным контролем России, были все-таки выведены с территории Белоруссии. Таким образом, международные обязательства оказались полностью соблюдены, и статус Белоруссии как НЯОГ был подтвержден.

Вывод ядерного оружия с территории Казахстана

Казахстан после распада СССР унаследовал значительную часть ядерного потенциала. К декабрю 1991 г., когда была провозглашена независимость республики, на территории Казахстана находилось 1410 ядерных боеголовок стратегического класса, установленных на стратегических ядерных ракетах наземного базирования типа СС-18 (по американской классификации), которые в количестве 104 были размещены на ракетной базе в Жангиз-Тюбе и Державинске (всего 1 040 боеголовок). Помимо этого, на территории республики находилась группировка стратегических бомбардировщиков типа Ту-95, оснащенных крылатыми ракетами.

На протяжении всего переговорного процесса относительно денуклеаризации Казахстана Россия сохраняла административный и оперативный контроль над ядерными боеприпасами, включая коды запуска для всех систем, оснащенных ядерными боеголовками.

В число объектов военного ядерного комплекса входили испытательный центр носителей ядерного оружия в Ленинске (Байконур), а также комплекс по производству и окончательной сборке ядерных боеприпасов в Курчатове (Семипалатинск-21). На территории Байконура в настоящее время находится российская военная база.

На территории Казахстана расположен крупный гражданский исследовательский центр — Институт атомной энергии и связанный с ним Институт ядерной физики в Алма-Ате. В данном исследовательском центре находится реактор типа ВВР-К мощностью 10 МВт, работающий на уране 36% обогащения. Помимо этого, в Актау (Шевченко) находится реактор на быстрых нейтронах типа БН-350 мощностью 335 МВт, работающий на уране средней степени обогащения. В Семипалатинске работают два исследовательских реактора мощностью 60 и 0,4 МВт, использующие уран 90% обогащения. Все объекты гражданской ядерной инфраструктуры Казахстана на сегодняшний день находятся под полноохватными гарантиями МАГАТЭ.

Казахстан технологически не меньше, чем Украина, и, безусловно, больше, чем Белоруссия, был готов к самостоятельному производству ядерного оружия. В течение первых месяцев 1992 г. ряд казахских националистических организаций пытались настоять

на том, чтобы республика стала ЯОГ. Однако президент Нурсултан Назарбаев предпочел отказаться от политики «ядерного блефа» и к лету 1992 г. подтвердил перед Россией и США обязательства Казахстана в качестве НЯОГ.

14 февраля 1994 г. Казахстан стал полноправным членом ДНЯО с неядерным статусом.

К настоящему времени на его территории не осталось ни одной МБР. К апрелю 1995 г. в Россию была вывезена последняя боеголовка, находившаяся на территории Казахстана, а к 5 сентября 1996 г. российские Ракетные войска стратегического назначения (РВСН) полностью покинули Казахстан. Тяжелые бомбардировщики были еще ранее перебазированы в Россию.

Оставшийся на ядерном полигоне в Семипалатинске в шахте ядерный заряд был уничтожен с использованием обычных взрывчатых веществ 31 мая 1995 г.

26 июля 1994 г. Казахстан подписал соглашение с МАГАТЭ о гарантиях, в соответствии с которым была проведена инвентаризация ядерных объектов республики. Особенностью ситуации было то, что первые «ознакомительные» визиты были проведены на неформальных условиях, поскольку соглашение о гарантиях вошло в силу только 11 августа 1995 г.

Главной проблемой, с которой столкнулись и руководство Казахстана, и мировое сообщество, была низкая степень безопасности находившихся на территории республики ЯМ. Это было связано как с объективными факторами — незаконченностью формирования государственной системы республики, включая органы безопасности, так и с субъективными — отсутствием необходимых средств для укрепления режима безопасности на объектах ядерного комплекса, находившихся под юрисдикцией Казахстана.

Это обстоятельство стимулировало принятие руководством США решения о проведении так называемой «операции Сапфир» (1994) по вывозу в Соединенные Штаты около 600 кг ВОУ с производственного комплекса в Усть-Каменогорске, где не соблюдались даже элементарные условия хранения ЯМ. Казахстан получил компенсацию около 30 млн долл.⁴⁰

Принятые руководством Казахстана меры значительно сократили степень угрозы, которую мог создать для системы международных отношений неконтролируемый распад элементов советского ядерного комплекса, расположенных на территории Казахстана. На сегодняшний день одной из наиболее серьезных проблем, связанной с ядерным комплексом Казахстана, является обеспечение эффективности ЭК.

⁴⁰Smith Jeffrey. US Takes Nuclear Fuel. *Washington Post*, 23 November 1994.

Вывод ядерного оружия с территории Украины

Украина обладала к моменту получения независимости разветвленной ядерной инфраструктурой как военного, так и гражданского характера.

Главными объектами гражданской ядерной инфраструктуры Украины являлись:

- Институт ядерных исследований в Киеве, где находились запасы топлива из ВОУ и плутония. В этом исследовательском центре находится исследовательский реактор типа ВВР, использующий 36 и 90% обогащенный уран.

- Харьковский физико-технический институт, в котором находятся предназначенные для исследовательских целей запасы расщепляющихся материалов.

- Севастопольский институт ядерной энергетики и промышленности, в котором осуществляется обучение персонала, работающего на ядерных реакторах. В институте действует реактор типа ИР-100, мощностью 200 кВт, который не лицензирован для использования.

На территории Украины действует четыре АЭС, использующих 13 реакторов ВВЭР-1000 и ВВЭР-440. Атомная энергетика исключительно важна для украинской экономики, поскольку она дает до 50% всей потребляемой в этом государстве электроэнергии. Причем, завершение строительства энергоблока «Запорожье-6» было осуществлено уже после получения Украиной независимости. На АЭС в Чернобыле после произошедшей там аварии функционирует специализированный исследовательский центр. В Желтых Водах осуществляется добыча природного урана. Производство тяжелой воды сконцентрировано на Приднепровском химическом комбинате в Днепропетровске.

В настоящее время Украина осуществляет целый ряд программ, связанных с совершенствованием систем безопасности и повышением эффективности объектов гражданской ядерной инфраструктуры. Украина рассматривается и как важный рынок коммерческой реализации ЯМ и оборудования. В начале 1999 г. началось обсуждение программы развития ядерной энергетики на период до 2030 г., которая вырабатывается при непосредственном участии МАГАТЭ⁴¹.

Главной проблемой гражданского ядерного сектора на Украине является «человеческий фактор», а именно низкая степень социальной защиты работников ядерного комплекса в результате экономического кризиса.

На территории Украины к моменту распада Советского Союза был размещен значительный военный ядерный потенциал. На ее

⁴¹ Заборский В. Ядерная энергетика Украины: проблемы и перспективы. *Ядерный Контроль*, №5, сентябрь-октябрь 1999, с.67-76.

территории находилось 46 стратегических ядерных ракет типа СС-24 с 10 ядерными боеголовками каждая, 130 ракет СС-19 с шестью боеголовками каждая, группировка из 25 стратегических бомбардировщиков Ту-95М и 19 Ту-160, способных нести крылатые ракеты большой дальности. По различным данным, на территории Украины находилось от 2650 до 4200 тактических ядерных боеприпасов⁴².

На территории Украины были сконцентрированы многочисленные предприятия, связанные с производством компонентов конструкции ядерного вооружения, а также его носителей. Таким образом, Украина обладала самостоятельным научно-техническим потенциалом если не для развития на национальной базе, то, как минимум, для поддержания существовавшего уровня ядерных боеприпасов в течение относительно продолжительного времени. С другой стороны, Украина в 1992-1993 гг. была не способна самостоятельно и эффективно установить оперативный контроль над всеми боеголовками, находившимися на ее территории (т.е. осуществлять, а также предотвращать запуск). Вместе с тем она была способна в срок от нескольких месяцев до полутора лет приобрести негативный контроль, т.е. возможность предотвратить запуск ракет со своей территории, если он не согласован с руководством Украины. Что касается позитивного контроля (способности самостоятельно применять оружие), то здесь мнения экспертов расходились. Доминировало предположение, что у Украины не были отсечены все возможности позитивного контроля находившихся на ее территории ракет. Во-первых, дешифраторы («электронные замки») кодов производились на территории Украины — в Харькове. Во-вторых, командный пункт 46-й ракетной армии, через который шли все коммуникации к штабам и пусковым установкам (ПУ), был расположен в Виннице. В-третьих, украинские военные были в принципе способны рассчитывать траектории полета ракет и, соответственно, программировать полетные задания. В то же время отсутствие спутниковой информации, необходимой для точного определения новых целей, сводило реальную возможность позитивного контроля к минимуму.

Украина оказалась обладателем ядерного потенциала, превышавшего арсеналы Великобритании, Франции и Китая вместе взятых. Руководство и Парламент Украины не раз заявляли, что ликвидация ядерного оружия на территории республики является одним из ее основных внешнеполитических приоритетов. Но на практике Украина повела себя иначе, последовательно двигаясь к статусу полноправного владельца стратегических ядерных вооружений. В феврале 1992 г. президент Л.М. Кравчук

⁴²Chronology of Commonwealth Security Issues. *Arms Control Today*, May 1992, p.27.

приостановил вывоз тактических ядерных боезарядов. В апреле вывоз ТЯО был возобновлен после подписания специального соглашения о контроле за его демонтажем. Весной ядерные вооружения на территории Украины были поставлены под административный контроль украинского правительства, а личный состав начал принимать присягу на верность Украине вместо принятой в то время в Стратегических силах присяги на верность всему СНГ. Когда в Лиссабоне Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан подписывали документы о правопреемстве в Договоре СНВ-1, одновременно главы государств, в том числе и Л.М. Кравчук, обратились с письмами к президенту США с обещанием ликвидировать ядерное оружие на своей территории и вступить в ДНЯО. Вскоре, однако, украинские официальные лица заявили, что данное письмо — не больше чем «личное послание, не имеющее юридической силы». При этом следует учитывать, что намерение ликвидировать ядерное оружие на собственной территории вызвало серьезные подозрения со стороны России, поскольку предприятия по демонтажу боеприпасов не отличаются от предприятий по их производству; потребовалось бы также передать Украине документацию относительно конструкции боезарядов, что явилось бы прямым нарушением ДНЯО.

Россия не смогла обеспечить сохранение административного контроля над группировкой сил и средств, находящейся на территории Украины. Вопрос о ядерных боезарядах и их носителях, размещенных на Украине, оказался чрезвычайно сложным. Его решение затянулось на три года.

В ноябре 1993 г. украинский Парламент ратифицировал Договор СНВ-1, однако сопроводил это решение значительным количеством поправок, в значительной мере обесценивавших принятые в 1992 г. обязательства. Ни Россия, ни США не были удовлетворены текстом украинского документа.

В январе 1994 г. в Москве было подписано Трехстороннее заявление президентов России, Украины и США, согласно которому Украина обязалась вывести все оставшиеся ядерные боеголовки (которых по разным данным было до 1 800 единиц) со своей территории в течение семи лет с момента вступления в силу Договора СНВ-1.

В Трехстороннем заявлении говорилось, что «Президент (Украины) Кравчук подтвердил свое обязательство о том, что Украина присоединится к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве государства, не обладающего ядерным оружием, в возможно кратчайшие сроки»⁴³.

Президенты признали «важность компенсации Украине [...] стоимости высокообогащенного урана в ядерных боезарядах,

⁴³Трехстороннее заявление Президентов России, США и Украины. Сборник документов. М., МИД РФ/МГИМО (Университет), 1998, с.203-205.

размещенных на их территориях. Были выработаны договоренности о предоставлении справедливой и своевременной компенсации Украине, Казахстану и Белоруссии по мере вывода ядерных боезарядов с их территории в Россию с целью разукрупнения»⁴⁴.

Три президента приняли решение «относительно одновременных действий по выводу ядерных боезарядов из Украины и предоставлению компенсации Украине в виде тепловыделяющих сборок для атомных электростанций»⁴⁵.

Президенты Ельцин и Клинтон информировали президента Кравчука о том, что Россия и США готовы предоставить Украине гарантии безопасности, как только Договор СНВ-1 вступит в силу и Украина станет государством-участником ДНЯО, не обладающим ядерным оружием. В частности, речь шла о следующих обязательствах:

- уважать независимость, суверенитет и существующие границы и признать, что изменения границ могут осуществляться только мирным путем и по договоренности;
- воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости Украины;
- воздерживаться от экономического принуждения, направленного на то, чтобы подчинить своим собственным интересам осуществление Украиной прав, присущих ее суверенитету;
- добиваться незамедлительных действий СБ ООН по оказанию помощи Украине как государству-участнику ДНЯО, не обладающему ядерным оружием, в случае если Украина станет жертвой акта агрессии или объектом угрозы агрессии с применением ядерного оружия;
- не применять ядерное оружие против Украины.

Президенты Ельцин и Клинтон информировали президента Кравчука о том, что состоялись консультации с Великобританией, третьим государством-депозитарием ДНЯО, и она готова предоставить Украине такие же гарантии безопасности, как только Украина станет государством-участником ДНЯО, не обладающим ядерным оружием. Эти обязательства не выходили за пределы общественных норм международного права и гарантий ЯОГ всем неядерным странам.

После демонтажа боеголовок в России выделенный из них ВОУ должен был быть превращен в низкообогащенную смесь, часть из которой была бы превращена в топливные сборки, переправляемые на Украину для использования в гражданской ядерной энергетике. Это служило частичной компенсацией за энергетическую ценность ЯМ, находящихся в боеголовках.

⁴⁴Там же.

⁴⁵Там же.

Впоследствии срок, отведенный для вывода ядерных боеголовок на территорию России, был сокращен до трех лет.

Как и настаивало украинское руководство, Трехстороннее заявление было напрямую увязано с предоставлением Киеву 125 млн долл. помощи со стороны США, а также компенсацией НОУ; вслед за этим помощь была расширена.

К осени 1994 г. руководство Украины окончательно пришло к выводу о невозможности содержать ядерный арсенал. Дальнейшее затягивание с ратификацией Украиной ДНЯО в качестве НЯОГ было чревато тем, что государство оказалось бы в международной изоляции. В результате Парламент Украины 16 ноября 1994 г. ратифицировал ДНЯО (301 голос за, восемь — против), сопроводив ратификацию требованием к ЯОГ предоставить Украине особые гарантии безопасности. Три государства-депозитария ДНЯО — США, Россия и Великобритания — предоставили эти гарантии в совместных меморандумах на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (Будапешт, 5 декабря 1994 г.). Франция и Китай также огласили отдельные документы о распространении их гарантий безопасности на Украину. Таким образом, 5 декабря 1994 г. Украина, после многочисленных проволочек, присоединилась к ДНЯО. Существенный очаг напряженности и потенциальный источник ядерного распространения на территории бывшего СССР был, с юридической точки зрения, ликвидирован.

Присоединение Украины к ДНЯО в качестве НЯОГ позволило ввести в действие Договор СНВ-1, изначально подписанный между СССР и США и затем распространенный, согласно Лиссабонскому протоколу, на Россию, Украину, Белоруссию и Казахстан⁴⁶. В дальнейшем Украина строго выполняла свои обязательства по Трехстороннему заявлению и по Договору СНВ-1, с учетом Лиссабонского протокола.

Украина подписала соглашение с МАГАТЭ о гарантиях 28 сентября 1994 г., что позволило Агентству провести полный цикл инспекций на ядерных объектах Украины. Соглашение вошло в силу 13 января 1995 г. Однако это сотрудничество было осложнено отсутствием официального членства Украины в МАГАТЭ. 21 сентября 1995 г. Украина подписала второе соглашение с МАГАТЭ уже как НЯОГ. В апреле 1996 г. Украина стала членом ГЯП.

В июне 1996 г. последний ядерный боеприпас покинул территорию Украины и был отправлен в Россию. Процесс ликвидации ракет и ПУ ракет СС-19 и СС-24 финансировался за счет программ помощи со стороны США. В 2000 г. Россия приобрела у Украины часть стратегических бомбардировщиков.

⁴⁶Российский Парламент ратифицировал СНВ-1 с условием, что он вступит в России в силу только после присоединения Украины к ДНЯО.

Из «украинского прецедента» следует извлечь несколько уроков. Во-первых, распад ЯОГ должен сопровождаться четким и жестким документом о ядерном правопреемстве. Во-вторых, государство, на территории которого в результате распада оказывается ядерное оружие, не обязательно становится его юридическим владельцем. В-третьих, передача ядерного оружия с территории НЯОГ, на территории которого остались его запасы, должна идти при участии международного сообщества, включая финансовую помощь, и сопровождаться предоставлением гарантий безопасности со стороны всех пяти ЯОГ.

Современные проблемы ядерного нераспространения в новых независимых государствах

В целом задачи предотвращения ядерного распространения на территории ННГ в 1990-е гг. были решены.

Однако в настоящее время сохраняется и целый ряд проблем:

- Успехи в реализации различных программ по обеспечению безопасности ядерного комплекса и снижению угрозы распространения ядерного оружия, а также предотвращению незаконного оборота ядерных материалов (НОЯМ) во многом были связаны с массивной финансовой и организационно-технической помощью со стороны отдельных государств и международных организаций. ННГ пока не имеют экономических возможностей по поддержанию безопасности без использования зарубежных финансовых источников.

- Не удалось в полной мере предотвратить возникновение НОЯМ на территории ННГ. Это связано как с общим относительно высоким уровнем организованной преступности в ряде государств, так и с просчетами в обеспечении безопасности второстепенных элементов ядерного комплекса (места хранения ОЯТ), а также части неядерных производств, в которых используются радиоактивные вещества (медицина, металлургия).

- Сохраняется необходимость приведения практики ЭК в ННГ в соответствие с их международными обязательствами. Это будет неизбежно связано с необходимостью осуществлять значительные дополнительные финансовые вливания. Также существует проблема высокого уровня коррупции.

- До конца не решена проблема утечки кадров с предприятий ядерного комплекса, которые имеют знания о характере технико-технологических процессов производства ядерного оружия или его компонентов. Хотя данная угроза наиболее сильна в России (где она решается в рамках программ помощи закрытым административно-территориальным образованиям (ЗАО), в ряде ННГ она также актуальна.

- Сохраняются проблемы с утилизацией устаревшего оборудования и части отработанных или излишних материалов гражданских ядерных объектов: подлинной конверсии или демонтажа избыточных элементов ядерного комплекса за прошедшие годы не произошло ни в одном из ННГ.

- Между ННГ отсутствуют эффективно действующие координационные механизмы в области контроля над распространением ОМУ (например, в рамках СНГ). Значительную роль в этой связи может сыграть формирование инфраструктуры Таможенного союза, в который входят Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

ЛИТЕРАТУРА

Джоунс Родни. Ядерная политика Пакистана: в поисках гарантированного сдерживания. *Ядерное Распространение*, выпуск 34, январь-март 2000, pp.40-41.

Захаров В., Свиридов А., Акчурин И. Состояние ядерного оружейного комплекса в странах ближнего зарубежья. *Ядерный Контроль*, №13, январь 1996, с.22.

Новиков В.Е. Проблемы создания Индией ядерного потенциала. *Ядерное Распространение*, выпуск 34, январь-март 2000, с.5-33.

Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения. Доклад Службы внешней разведки Российской Федерации, М., 1993.

Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия. М., Библиотека ПИР-Центр, 2001.

Ядерный фактор в современном мире. М., Российский институт стратегических исследований, 1996.

Albright David, O'Neill Kevin. Solving the North Korean Nuclear Puzzle. ISIS, 2000.

Arnett Eric. Military capacity and the risk of war (China, India, Pakistan and Iran). Oxford University Press, 1997.

Feldman Shai. Nuclear Weapons and Arms Control in the Middle East. MIT Press, 1997.

Hamza Khidhir, Stein Jeff. Saddam's Bombmaker. Scribner, 2000.

Jones Rodney W., McDonough Mark G., Dalton Toby F., Koblentz Gregory D. Tracking Nuclear Proliferation. A Guide in Maps and Charts. Carnegie Endowment For International Peace, Wash.D.C., 1998.

Kemp Geoffrey. Iran's Nuclear Weapons Options: Issues and Analysis. Nixon Center, 2001.

Mazarr Michael J. Nuclear Weapons In Transformed World. New York, St. Martin's Press, 1997.

Moltz James Clay, Mansourov Alexandre Y. (Eds.). *The North Korean Nuclear Program. Security, Strategy, and New Perspectives from Russia.* New York and London, Routledge, 2000.

Nizamani Haider K. *The Roots of the Rhetoric: Politics of Nuclear Weapons in India and Pakistan.* Praeger, 2000.

Nuclear Status Report. Carnegie Endowment for International Peace, Monterey Institute of International Studies, No.6, June 2001.

Perkovich George. *India's Nuclear Bomb: the Impact on Global Proliferation.* Philip E. Lilienthal Book, 1999.

Shields John M., Potter William C. (Eds.); foreword by Senator Sam Nunn. *Dismantling the Cold War,* The MIT Press Cambridge, 1997.

ГЛАВА 8. МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГГ.

Последнее десятилетие XX века стало периодом, когда вопросы предотвращения распространения ОМУ заняли одно из ключевых мест в международных отношениях. Задача предотвращения новых угроз ядерного распространения, наряду с угрозами распространения химического, биологического оружия и средств их доставки, выдвинулась для многих государств мира на приоритетное место в обеспечении национальной безопасности. Угроза ядерного распространения, в сравнении с химическим, биологическим и ракетным, рассматривалась как относительно менее вероятная, но в то же время имеющая наиболее угрожающие для безопасности государств и их граждан последствия.

В данной главе рассмотрены условия, которые сложились к середине 1990-х гг. и которые предопределили подготовку и ход КРП ДНЯО, состоявшейся в апреле-мае 1995 г. в Нью-Йорке; подробно рассмотрены задачи, основные узлы проблем и ее итоги; изложены основные вопросы Московской встречи на высшем уровне по ядерной безопасности 1996 г.; дан обзор основных проблем нераспространения ядерного оружия в период 1995-2001 гг., включая основные результаты КР ДНЯО (2000).

Международный режим нераспространения ядерного оружия накануне Конференции 1995 года по рассмотрению действия и продлению ДНЯО

Начало 1990-х гг. было отмечено двумя противоположными процессами. С одной стороны, международный режим ядерного нераспространения заметно укрепился благодаря присоединению к ДНЯО целого ряда государств, среди которых было два признанных обладателя ядерного оружия (Франция и КНР), а также один неофициальный обладатель — ЮАР, которая стала первым государством мира, добровольно отказавшимся от уже созданных ЯВУ. Ратифицировали ДНЯО в качестве НЯОГ Украина, Казахстан, Белоруссия. Остановили свои военные ядерные программы Аргентина и Бразилия, несколько снизились угрозы нераспространению в Северной Африке (Алжир, Ливия и Египет не предпринимали, по разным причинам, активных попыток реанимировать свои программы в этой области). К концу марта 1995 г. число участников Договора достигло 172. Таким образом, авторитет ДНЯО для мирового сообщества оставался неоспоримым.

Было предотвращено создание ядерного оружия в Ираке. Удалось в значительной степени сдержать ядерные амбиции Северной Кореи. Другие «очаги распространения» в первой

половине 1990-х гг. не возникли. Шло сокращение ядерных вооружений бывшего СССР и США согласно Договору СНВ-1. Был подписан Договор СНВ-2 (январь 1993). В Женеве активно велась работа над выработкой ДВЗЯИ.

С другой стороны, распад Советского Союза и появление на политической карте ННГ — Украины, Белоруссии и Казахстана, которые имели ядерное оружие на своей территории, вызывали озабоченность с точки зрения опасности расползания ядерных боеприпасов, материалов и технологий. При этом распад СССР нанес серьезный удар по ядерной безопасности России. Под сомнением оказалась эффективность систем физической защиты, учета и контроля ядерных материалов и ядерных боеприпасов; возникла опасность распространения ядерного оружия с территории России и ННГ.

На фоне начавшегося со второй половины 1980-х гг. значительного сокращения Соединенными Штатами и Советским Союзом, а затем Россией своих ядерных арсеналов все острее зазвучал вопрос об опасности появления «третьей силы», которая в этих новых условиях могла бы, создав ядерное оружие, угрожать международной стабильности. Существование трех неофициальных ЯОГ (Израиль, Индия, Пакистан), равно как и стремление ряда государств (Ирак, Северная Корея) войти в число обладателей ядерного оружия, делало эту угрозу реальной.

Ряд статей ДНЯО был нарушен, что поставило под вопрос эффективность некоторых современных методов борьбы с распространением ядерного оружия, в том числе применяемых СБ ООН и МАГАТЭ. Так, серьезным ударом стало обнаружение в Ираке, после его поражения в войне в Персидском заливе 1990-1991 гг., целого комплекса, направленного на создание собственного арсенала ОМУ.

Однако в целом ситуация середины 1990-х гг. мало у кого вызывала сомнения, что ДНЯО будет сохранен. В то же время некоторые тенденции заставляли предположить, что продление Договора, как то предусматривалось его статьей X, не будет легким. Ведь главной задачей было не просто продлить Договор, но продлить его на как можно более длительный срок. По замыслу дипломатов России и США, Договор следовало продлить *бессрочно*, что предусматривалось пунктом 2 статьи X, но только как один из вариантов. Поэтому дипломатам ЯОГ, а также, шире, развитого Севера пришлось развернуть активную подготовительную работу, как официально — в рамках заседаний Подготовительного комитета (наиболее важными были два последних заседания — в сентябре 1994 г. и в январе 1995 г.), так и в кулуарах.

В январе 1995 г. в Москву прибыл наиболее вероятный кандидат на пост председателя будущей конференции посол Джаянта Данапала (Шри-Ланка). В ходе обсуждения с российским

министром иностранных дел он высказал предположение, что наиболее удачным исходом конференции стало бы принятие решения без голосования. Тогда же он предложил и свою формулу резолюции по продлению: «Так как большинство государств-участников выступает за бессрочное продление, то ДНЯО продлевается бессрочно без голосования». Российские дипломаты оценили формулу Джаянта Данапалы как «элегантную», однако, по их собственному признанию, сомневались, что на конференции голосования удастся избежать.

Вместе с тем государства Севера признавали важность достижения компромисса и принятия решений консенсусом. Избежать голосования и найти широкую общую платформу в ходе конференции значило бы в зародыше устранить риск раскола и, следовательно, исключить самую вероятность того, что какие-либо участники ДНЯО решили бы, не соглашаясь с итогами конференции, выйти из Договора.

Дипломатия накануне конференции включала в себя и уговоры, и жесткий прессинг. В результате усиленной политико-дипломатической «артподготовки» дипломатам ЯОГ удалось в целом снять скепсис в отношении возможности бессрочного продления Договора. В то же время накануне конференции мало кто из них был уверен в том, что инициатива о бессрочном продлении способна сходу набрать необходимую половину голосов от общего числа участников Договора.

Недоработкой сторонников бессрочного продления ДНЯО стало ослабление внимания к вопросу об «универсализации» членства в Договоре. Речь прежде всего шла о группе арабских государств, которые выражали сомнение в целесообразности продления Договора на значительный срок в условиях, когда Израиль не намеревается к нему присоединиться. Тревожным сигналом стало принятие 6 февраля 1995 г. «Дамасской декларации» восемью арабскими государствами, в которой они критически оценили возможность существования ДНЯО без Израиля. Еще более тревожным оказалось заявление президента Египта Хосни Мубарака от 10 февраля 1995 г., где он прямо увязал согласие Египта на бессрочное продление ДНЯО с незамедлительным подписанием Договора со стороны Израиля. Только в марте 1995 г., под давлением США, он смягчил свою позицию.

Недооцененной оказалась и особая позиция ряда государств Юго-Восточной Азии, прежде всего Малайзии, которая, в отличие, например, от латиноамериканских государств, оказалась невосприимчивой к давлению со стороны развитых государств.

Гарантии безопасности

В преддверии КРП ДНЯО заметное место заняла дискуссия по вопросу предоставления НЯОГ юридически закрепленных гарантий безопасности со стороны ЯОГ.

Накануне конференции по данному вопросу между государствами «ядерного клуба» возникли разногласия. Россия в принципе поддерживала идею ДН о заключении конвенции по гарантиям безопасности. Не возражала Великобритания, исходя из того, что сам этот вопрос носит прежде всего символический характер и, следовательно, уступки ЯОГ именно здесь могут пойти достаточно далеко. Американские дипломаты отнеслись к данной идее вяло. Решительно против выступила Франция, заявив, что принятие такой конвенции противоречит ее национальной концепции ядерного сдерживания. В качестве компромисса было решено выступить с резолюцией в СБ ООН, которая подтверждала бы приверженность всех ЯОГ предоставлению гарантий безопасности НЯОГ-участникам ДНЯО, прежде всего гарантии оказания помощи в случае нападения на такое НЯОГ. Хотя такой компромисс был достигнут еще осенью 1994 г., практическая работа над выработкой текста резолюции затянулась до начала апреля 1995 г.

По инициативе всех пяти ЯОГ 11 апреля 1995 г., т.е. менее чем за неделю до открытия КРП ДНЯО, СБ ООН принял резолюцию 984 о гарантиях безопасности. Совет пошел дальше резолюции 255 (1968). В новой резолюции были усилены положения о позитивных гарантиях. Кроме того, она «с удовлетворением» приняла к сведению односторонние заявления каждого из ЯОГ о предоставлении гарантий о неприменении ядерного оружия против НЯОГ ДНЯО с оговорками (за исключением Китая)¹.

Так, в заявлении МИД Российской Федерации говорилось, что Россия «не применит ядерное оружие против государств — участников ДНЯО, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае вторжения или любого другого нападения на Российскую Федерацию, ее территорию, ее Вооруженные силы или другие войска, ее союзников или на государство, с которым она имеет обязательства в отношении безопасности, осуществляемых или поддерживаемых таким государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием»².

КНР оказалась единственным ЯОГ, которое, исходя из своей многолетней политики, подтвердило свое обязательство «никогда и ни при каких обстоятельствах не применять первым ядерное оружие; [...] никогда и ни при каких обстоятельствах не применять

¹ См.: Банн Д., Тимербаев Р.М. Режим нераспространения ядерного оружия и гарантии безопасности неядерным государствам. *Научные Записки ПИР-Центра*, №1, 1996.

² Там же, с.18.

ядерное оружие и не угрожать его применением против государств, не обладающих ядерным оружием, или зон, свободных от ядерного оружия...»³. Именно такой видели бы многие НЯОГ идеальную формулировку в будущем договоре или конвенции о гарантиях безопасности.

Резолюция 984, в дополнение к предложению военной помощи жертвам ядерной агрессии, призвала членов ООН предоставить техническую, медицинскую, научную или гуманитарную помощь таким жертвам, а также выплату им компенсации за потери, ущерб или причиненный вред.

Новое решение СБ ООН содержало в своей преамбуле недвусмысленное заявление о том, что «любая агрессия с применением ядерного оружия поставит под угрозу международный мир и безопасность», сделав таким образом применимой к данному случаю главу VII Устава ООН, которая санкционирует применение силы по решению СБ. Эти добавления улучшают резолюцию СБ 1968 г. Однако новая резолюция, как и прежняя, все же не является юридическим обязательством не угрожать и не нападать на НЯОГ с применением такого оружия.

Резолюция 984 была принята единогласно, хотя некоторые НЯОГ-члены СБ и другие государства, принимавшие участие в заседании СБ (Египет, Индонезия, Нигерия), выразили мнение, что резолюция идет недостаточно далеко. На КРП ДНЯО (1995) государства ДН продолжали критиковать ее недостатки и требовать принятия более надежных гарантий безопасности. Формулировка соответствующего параграфа решения конференции по «Принципам и целям ядерного нераспространения и разоружения» гласит:

«Принимая к сведению резолюцию 984 (1995) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, которая была принята единогласно 11 апреля 1995 года, а также заявления государств, обладающих ядерным оружием, касающиеся как негативных, так и позитивных гарантий безопасности, необходимо рассмотреть вопрос о дальнейших мерах для предоставления государствам-участникам Договора, не обладающим ядерным оружием, гарантий против применения или угрозы применения ядерного оружия. Эти меры могли бы выразиться в разработке международного документа, имеющего обязательную юридическую силу».

Несмотря на «половинчатый» характер резолюции 984, это в любом случае был сильный ход ЯОГ, который позволил если не снять, то по крайней мере несколько смягчить остроту критики в ходе конференции. Даже радикалы из числа участников ДН ссылались на нее как на важный (пусть, по их мнению, и

³ См.: Банн Д., Тимербаев Р.М. Режим нераспространения ядерного оружия и гарантии безопасности неядерным государствам. *Научные Записки ПИР-Центра*, №1, 1996., с.22.

промежуточный) шаг к предоставлению юридически закрепленных гарантий безопасности для НЯОГ.

Основные задачи КРП ДНЯО

КРП ДНЯО открылась в Нью-Йорке в здании штаб-квартиры ООН 17 апреля 1995 г. и завершилась в ночь на 13 мая 1995 г. Перед участниками Конференции стояло несколько основных задач. *Во-первых*, было необходимо продлить Договор и определить срок продления, как это предполагалось пунктом 2 статьи X ДНЯО. *Во-вторых*, участники Конференции должны были рассмотреть выполнение Договора государствами-участниками за последние пять (1991-1995) и за все 25 (1970-1995) лет его действия. *В-третьих*, надо было выработать рекомендации по повышению эффективности Договора вне зависимости от того, на какой срок и на каких условиях он будет продлен, и создать механизм реализации этих рекомендаций. *В-четвертых*, важно было способствовать достижению универсальности Договора, т.е. присоединению к нему, пусть постепенно, всех государств мира.

Хотя вопрос о продлении Договора, его сроке и условиях являлся центральным, с формальной стороны он значился в повестке дня лишь девятнадцатым пунктом. В течение всей Конференции государства-участники высказывали свое отношение к вопросу продления, но решение было отодвинуто на один из последних дней. Это привело к постоянной и все нараставшей напряженности в ходе Конференции, к доминированию кулуарной интриги над пленарными дебатами и работой главных комитетов, а также к снижению способности делегатов детально обсуждать вопросы действия, эффективности и совершенствования механизма реализации Договора.

Российские дипломаты еще в начале 1994 г. предлагали включить вопрос о продлении первым (или одним из первых) пунктом повестки дня Конференции, с тем чтобы, определившись со сроком продления, затем можно было бы заниматься обсуждением конкретных сторон Договора и его дальнейшей реализации. Однако это предложение не нашло поддержки, прежде всего из-за неверия американских дипломатов в то, что «блицкриг» с бессрочным продлением вообще может быть удачным. Поэтому была принята тактика «изматывания» противников бессрочного продления ДНЯО в ходе трехнедельных кулуарных дискуссий одновременно с прямым и косвенным давлением на высшее политическое руководство тех государств, которые проявляли наибольшую строптивость. Причем ведущие государства — сторонники бессрочного продления — разделили усилия. Так, США взяли на себя давление на «проблемные» государства

Латинской Америки; Франция, Великобритания, Нидерланды — на свои бывшие колониальные владения; Россия — на государства СНГ и Иран. Тактика «кнута и пряника» применялась в отношении Мексики, Венесуэлы, Нигерии, Кении, Индонезии, Танзании, Филиппин и др., в результате чего ряд «проблемных» стран отказался к заключительному этапу Конференции от своих непримиримых установок.

Основные группы государств и конфликты интересов

Важной особенностью Конференции стала множественность конфликтов вокруг ДНЯО, которые условно можно объединить в две большие группы: конфликты «ценностей» и конфликты «интересов». Причем последние имели преобладающее значение. Вместе с тем на Конференции наблюдалось — порой весьма острое — противопоставление общечеловеческих ценностей и национальных интересов. Первые находили отражение в декларативных заявлениях ряда неприсоединившихся (Малайзия, Танзания, Зимбабве, Мексика, Венесуэла, Уругвай) и развитых (Швеция, Швейцария, Ирландия, Новая Зеландия, Австрия) государств о необходимости достижения «безъядерного мира» и создании «безъядерной зоны во всем мире» уже в ближайшие десятилетия с принятием жесткого графика сокращений ядерного оружия всеми официальными ЯОГ вплоть до полного его уничтожения, запрещением производства и уничтожением накопленных расщепляющихся материалов для целей обороны и прекращением ядерных испытаний.

Расстановка сил на Конференции определялась тем, что сформировались две большие противостоящие друг другу группы — Север (промышленно развитые государства Запада, Япония, Россия, другие государства СНГ, государства Центральной и Восточной Европы, Австралия), выступавший за бессрочное и безусловное продление ДНЯО, и Юг (ДН), выступавший против безусловного продления Договора и ставивший под вопрос целесообразность его бессрочного продления. Вместе с тем эти группы были достаточно размыты.

Группа ДН действовала активно: выдвигала своих представителей на должности, регулярно собиралась на консультации. Однако на деле ДН оказалось неспособно выработать единую линию, и в ходе всей Конференции лидеры из числа региональных «сверхдержав» (Индонезия, Нигерия) предпринимали отчаянные, но неудачные попытки это единство восстановить, чем и объяснялись многочисленные заседания. В ходе Конференции раскол усилился, а появление новых лидеров (ЮАР) привело к параличу организационных возможностей ДН,

которое, казалось бы, уже в силу своей численности (110 государств) могло определять результаты Конференции.

ДН раскололось прежде всего по вопросу о бессрочном продлении. В нем сформировались группа «непримиримых» (Сирия, Ливия, Малайзия, Нигерия, Северная Корея), группа «радикалов», с трудом, но все же в конце концов пошедших на компромисс (Индонезия, Иран, Египет, Мексика, Венесуэла, Кения и др.), группа «умеренных», изначально склонных к компромиссам (Иордания, Филиппины, Уругвай, Колумбия, Шри-Ланка и др.), группа «новой инициативы» во главе с ЮАР, публично заявившей о несогласии со старым курсом ДН на отказ от бессрочного продления и предложившей собственный набор политических инструментов по совершенствованию международного режима нераспространения ядерного оружия, и, наконец, группа «однозначно прозападных», которые голосовали так, как им порекомендовали в Вашингтоне или Лондоне (например, островные государства Карибского бассейна).

В политическом плане раскол ДН был связан также с тем, что у каждой «региональной» группы государств ДН были собственные интересы. Так, для арабских государств (Египет, Ливан, Ливия, Сирия, Судан) это был вопрос о придании Договору универсального характера, т.е. о поиске путей присоединения к нему Израиля. Для государств Тихоокеанского бассейна (Папуа-Новая Гвинея, Федеративные Штаты Микронезии, Маршалловы Острова) на первый план выдвинулось скорейшее запрещение ядерных испытаний (особую остроту этот вопрос приобрел в связи с готовившимся тогда решением Франции о проведении серии испытаний во Французской Полинезии).

Продление ДНЯО — основной вопрос Конференции

В первые дни атмосфера Конференции была напряженной, поскольку расстановка сил по вопросу о продлении ДНЯО оставалась неясной. С особым нетерпением ожидалось выступления представителей ЮАР, КНР, Египта, Ирана, Мексики, которые могли качнуть маятник обсуждения на Конференции как в сторону бессрочного продления Договора, так и в сторону более критичного отношения к нему. Ожидалось, что большинство государств поддержат один из двух вариантов продления: либо бессрочное, либо продление на последовательно сменяющие друг друга 25-летние сроки.

Но уже по прошествии трех первых дней общее напряжение начало спадать: позиции ряда ключевых и непредсказуемых государств прояснились, что позволило уточнить предварительные расчеты по возможному голосованию по продлению. По итогам

общих прений, в которых выступили представители 112 государств, стало возможно говорить о поддержке всеми государствами-участниками самого Договора. Все выступившие государства-участники, за исключением Ливии и Сирии, поддержали, в том или ином виде, продление Договора.

Накал был частично снят после выступления министра иностранных дел ЮАР Альфреда Нзо, который высказался за бессрочное продление ДНЯО, однако выступил против безусловного продления. Напротив, он перечислил те условия, которыми должно сопровождаться бессрочное продление, назвав их «системой сдержек и противовесов». Прежде всего речь шла об укреплении механизма рассмотрения Договора. С этой целью ЮАР предложила разработать и принять «Принципы ядерного нераспространения и разоружения», где был бы «учтен современный международный климат».

Развернутое выступление южноафриканского представителя, содержавшее целый ряд конкретных предложений по совершенствованию механизма рассмотрения Договора, позволило ЮАР выйти в число новых лидеров ДН, но одновременно указало и на раскол в Движении.

Программное выступление представителя ЮАР не стало неожиданностью для ЯОГ. Они находились в курсе подготовки такого выступления и его деталей, а руководители дипломатии США и России накануне Конференции специально направили письма поощрительного содержания своему южноафриканскому коллеге.

Напряжение еще более снизилось после того, как стало ясно, что другой традиционный критик ЯОГ — Мексика также не намерена оставаться на своих прежних жестких позициях и готова к гибкому подходу, не исключавшему бессрочное продление. Она уклонилась от указания конкретного срока продления, заявив, что «варианты продления будут естественно проистекать из того баланса, которого удастся достичь в отношении ответственности всех стран-участниц»⁴. Мексика выразила готовность участвовать в процессе коллективной выработки решения, потребовав от остальных участников «избегать поляризации»⁵. Вместе с тем она выдвинула пять условий: подписание ДВЗЯИ не позднее чем через год; начало как можно скорее переговоров по запрещению производства расщепляющихся материалов (ЗПРМ); принятие негативных гарантий безопасности; укрепление нынешнего режима гарантий МАГАТЭ и, наконец, принятие механизма по рассмотрению и оценке действия Договора. Тем самым Мексика как бы попыталась сохранить свой имидж наиболее активного сторонника полного и всеобщего запрещения ядерных испытаний.

⁴ Док. NPT/CONF.1995/32 (Part III), p.49.

⁵ Ibid., p.50.

Однако высказывание об увязке продления ДНЯО со «скорейшим подписанием ДВЗЯИ» напоминало скорее пожелание, нежели требование, что, с одной стороны, отразило определенную слабость мексиканской дипломатии перед нажимом США, но, с другой — показало ее реализм: действительно, трудно требовать от одной конференции (проходящей в Нью-Йорке), чтобы она принимала решения, обязательные для другой конференции (проходящей в Женеве), пусть и по смежному, но все-таки иному вопросу.

Объявленная позиция КНР также не вызвала опасений у сторонников бессрочного продления Договора. Китай заявил, что «продление [...] на ограниченный срок нежелательно [...] Если Договор продляется бессрочно, это ни в коем случае не должно трактоваться как увековечивание прерогативы ядерных государств на владение ядерным оружием»⁶. Китай, однако, оставил себе поле для маневра. Предпочитая бессрочное продление, вместе с тем он подчеркнул, что не против и другого варианта — продления на несколько 25-летних сроков (но не меньше). Главное, чтобы ДНЯО был продлен «гладко». Китайские дипломаты, кроме того, предпочли выждать и оценить расстановку сил, чтобы не испортить отношений с ДН. Обратной стороной такой политики максимальной осторожности и выжидательности стал тот факт, что китайская дипломатия в целом не была заметна в ходе «кулуарного этапа» конференции, особенно на фоне активности трех других членов «ядерной пятерки» — США, Великобритании и России. Можно предположить, что в задачу китайских участников Конференции такая активность и не входила.

Интересно отметить, что аналогичный вариант прорабатывался и во внешнеполитических ведомствах России. Позицию, что оба варианта продления равно приемлемы, рекомендовал для российской делегации Совет Безопасности РФ. Однако уже в первые дни Конференции делегация России получила возможность сравнить предполагаемые варианты расстановки сил с реальной картиной. В результате был сделан принципиальный вывод о том, что на Конференции может быть собрано большинство голосов стран-участниц ДНЯО в пользу бессрочного и безусловного продления. Выступая в начале второй недели прений (т.е. получив уже достаточно информации о подходах разных групп государств к продлению ДНЯО), министр иностранных дел России А.В. Козырев заявил: «Россия твердо выступает за бессрочное и безусловное продление Договора. Перед нами историческая возможность сделать это сейчас, и было бы непростительно упустить ее»⁷.

⁶ Ibid., p.39.

⁷ Ibid., pp.131, 132.

В ходе следующего этапа, продолжавшегося семь-восемь дней, участники конференции пришли к тому, что следует сделать выбор лишь между двумя вариантами продления:

а) многократное продление на 25-летние сроки, с проведением после каждого такого срока конференции по продлению; и

б) бессрочное продление.

В случае голосования бессрочное продление получило бы необходимое большинство. Однако принятие решения «автоматическим большинством» могло бы оттолкнуть ряд государств ДН от дальнейшего активного вовлечения в международный режим нераспространения. Такие возможные последствия рассматривались рядом ведущих делегаций, в том числе российской, как крайне нежелательные. Поэтому на данном этапе участникам Конференции предстояло решить вопрос о достижении консенсуса в вопросе продления. Такая работа была почти полностью перенесена в кулуары, где ее координировал председатель Конференции Джаянта Данапала.

Кроме того, развернулась полемика вокруг «безусловности» либо «условий» продления Договора. Значительная часть участников Договора выступила за «безусловное» продление. Вместе с тем большинство государств-участников (подавляющее большинство членов ДН, а также некоторые государства Европы, например, Швеция, Украина) настаивало на том, что продление Договора должно сопровождаться принятием определенных документов, регламентирующих дальнейшее ядерное разоружение, а также меры по эффективному выполнению ДНЯО в дальнейшем. Смягчение остроты постановки вопроса о сроке продления позволило участникам перейти к детальному рассмотрению конкретных вопросов ядерного нераспространения и соблюдения Договора, а также решить вопрос об «условиях» бессрочного продления.

Когда число вариантов выбора срока продления сузилось до двух — бессрочное либо последовательные продления на 25-летние сроки, — значительное число государств, до этого не определивших свою позицию, пришло к убеждению, что принципиальное различие между этими двумя вариантами отсутствует: и в том, и в другом случае речь идет, по сути, о бессрочном продлении (правда, второй вариант позволяет «переиграть» ситуацию через четверть века в случае неких экстраординарных обстоятельств). Таким образом, целый ряд государств, особенно небольших, пришел к выводу о возможности склониться к «воле большинства»⁸.

⁸ Workshop on the Results of the NPT Extension Conference. Paper on the key points of the speakers. Monterey, 15 August 1995, p.12.

Нераспространение и разоружение

Вслед за вопросом о сроке и условиях продления ДНЯО в центре обсуждения оказался вопрос о темпах и критериях ядерного разоружения.

Были внесены предложения по ускорению процесса ядерного разоружения. Среди наиболее важных следует отметить предложение Новой Зеландии ввести «подлежащий эффективной проверке запрет на производство ядерного оружия»⁹. Швеция настаивала на включении в итоговые документы Конференции подтверждения, что «все ядерное оружие должно быть уничтожено»¹⁰. Япония, Австрия и Ирландия выступили за «дальнейшие усилия (со стороны ядерных государств) по ядерному разоружению с конечной целью ликвидации ядерного оружия»¹¹. Наконец, целый ряд государств выступил за принятие жесткого графика сокращения ядерных вооружений.

Максимум, чего смогли добиться наиболее активные НЯОГ, так это принятия документа «Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения», где, в частности, констатируется, что *«государства, обладающие ядерным оружием, вновь подтверждают свое обязательство, предусмотренное в статье VI, в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах, касающихся ядерного разоружения [...] с конечной целью ликвидации этого оружия [...] под строгим и эффективным международным контролем»*¹².

При обсуждении вопроса о заключении ДВЗЯИ дискуссия шла вокруг конкретного срока, к которому его следует подписать. Было выдвинуто два варианта. Швеция, Папуа-Новая Гвинея, Малайзия, Мексика, Нигерия предлагали заключить его уже в 1995 г. Большинство государств Севера настаивало на том, чтобы завершить выработку Договора и открыть его к подписанию к концу 1996 г. (что в итоге и произошло). В результате обсуждения именно этот вариант был сочтен реалистичным, и *«завершение Конференцией по разоружению не позднее 1996 года переговоров о всеобщем и поддающемся международной и эффективной проверке ДВЗЯИ»* было принято как рекомендация. Примечательно, что «до вступления в силу ДВЗЯИ ядерные государства призывались проявлять исключительную сдержанность»¹³, однако сторонникам скорейшего и полного запрещения ядерных испытаний не удалось включить в итоговые документы формулу о «запрете на проведение ядерных испытаний вплоть до вступления в силу ДВЗЯИ».

⁹ Док. NPT/CONF.1995/32 (part III), p.86.

¹⁰ Ibid., p.270.

¹¹ Ibid., pp.13, 44.

¹² Ibid.

¹³ Док. NPT/CONF.1995/L.5, p.2 (Russian).

Концентрация внимания участников Конференции почти исключительно на сроке продления ДНЯО привела к тому, что нью-йоркский форум «проскочил» мимо таких важных вопросов, как распространение оружейных материалов, используемых в гражданских ядерных программах. Участники Конференции лишь подчеркнули необходимость начала переговоров в Женеве с целью заключения международной конвенции о ЗПРМ. Требование ряда государств (Индонезия, Танзания) включить в повестку дня этих переговоров также вопрос об уничтожении уже имеющихся запасов расщепляющихся материалов не получило поддержки не только у ЯОГ, но и у большинства других государств-участников ДНЯО. В результате Конференция ограничилась рекомендацией «немедленного начала и скорейшего завершения переговоров о недискриминационной и универсально применимой конвенции о запрещении производства расщепляющегося материала для целей ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств»¹⁴.

Мирное использование атомной энергии и обмен технологиями

В отличие от предыдущих КР ДНЯО (в частности, 1980, 1985, 1990) и заседаний Подготовительного комитета, данный вопрос не оказался в числе центральных на данной конференции. Большинство развивающихся государств в своих заявлениях лишь подтвердили важность соблюдения государствами — ядерными поставщиками положений статьи IV ДНЯО, но не делали заявлений с упреками в адрес ядерных поставщиков. Анализ показывает, что в целом развивающиеся страны удовлетворены тем, как на уровне двусторонних контактов и многостороннего сотрудничества (МАГАТЭ) реализуются положения данной статьи.

Особую позицию в данном вопросе заняли Ирак, Ливия и Иран. Так, Иран призвал снять «односторонне навязанные ограничительные меры, лежащие вне гарантий МАГАТЭ», выступил с жесткими требованиями по универсализации режима ЭК и отмене дискриминационных структур (Комитет Цангера, «пост-КОКОМ» и т.п.)¹⁵. Предложение Ирана о создании вместо них новой экспортно-контрольной организации из всех стран-членов ДНЯО поддержки не встретило.

Недовольство Ирана ситуацией с соблюдением статьи IV Договора легко объяснимо. Во-первых, США явно нарушили данную статью Договора, всячески пытаясь помешать Германии, Аргентине, а затем и России развивать сотрудничество с Ираном в деле мирного использования атомной энергии (строительство АЭС

¹⁴ Док. NPT/CONF.1995/L.5, p.2 (Russian).

¹⁵ Док. NPT/CONF.1995/32, pp.100, 101.

в Бушере). Во-вторых, в самый разгар Конференции президент США Билл Клинтон заявил о введении санкций против Ирана, обвинив его в поддержке международного терроризма и в стремлении к созданию ядерного оружия.

В контексте мирного использования атомной энергии обсуждался (правда, как второстепенный) вопрос о МЯВ. Понятие «мирных ядерных взрывов» было введено в статью V ДНЯО, так как во второй половине 1960-х гг. доминировало положительное отношение к ним. К настоящему времени, за исключением Китая, ни одно другое государство мира не выразило заинтересованности в «реанимации» статьи V. Подавляющее большинство государств-участников в целом пришли к выводу, что на переговорах по ДВЗЯИ следовало вести речь о запрещении любых ядерных взрывов, включая МЯВ. По сути, единственным государством, которое на протяжении практически всей Конференции высказывало особую позицию по данному вопросу, был Китай (заявивший что «МЯВ должны проводиться» как на основании статьи V ДНЯО, так и на основании положения статьи IV о праве на использование ядерной энергии в мирных целях). Позицию противников МЯВ наиболее активно выражала Австралия. В результате Китай не смог противостоять выработке положения в итоговом докладе Третьего главного комитета Конференции о том, что *«предполагавшийся положительный эффект от МЯВ не оправдался»* и Конференции по разоружению в Женеве *«рекомендуется [...] принять во внимание данное положение и его (возможное) развитие»* на переговорах по ДВЗЯИ¹⁶.

Достижение универсального характера ДНЯО

Ко дню начала Конференции оставалось 11 государств, не присоединившихся к ДНЯО: неофициальные ЯОГ (Израиль, Индия, Пакистан), государства, готовившиеся присоединиться к ДНЯО вскоре после КРП ДНЯО (Ангола, Андорра, Бразилия, Вануату, Джибути, Коморские Острова, Оман, ОАЭ, Чили) или готовые это сделать в перспективе при определенных условиях (Куба).

Вопрос об универсальности ДНЯО поднимался прежде всего арабскими государствами, а также, шире, государствами исламского мира, в связи с отказом Израиля присоединиться к ДНЯО и сохранением у него значительного ядерного потенциала. Очевидно, что только США были способны существенно повлиять на отношение Израиля к ДНЯО. В этой связи примечательно, что

¹⁶ Док. NPT/CONF.1995/MCIII/WP.6; NPT/CONF.1995/MCIII/CRP.4; NPT/CONF. 1995/32 (Part III), pp.395, 396.

накануне открытия КРП ДНЯО член делегации США посол Томас Грэм заявлял: «Мы напряженно работаем с Израилем [...] У меня нет сомнений, что Израиль в конце концов присоединится к ДНЯО»¹⁷. Однако со стороны США на практике не было заметно никаких шагов, оказывающих давление на Израиль с целью его присоединения к ДНЯО. Политика США сводилась к изъятию самого упоминания Израиля в критическом контексте из проекта резолюции по Ближнему Востоку. Участники финальной стадии переговоров по выработке итоговых документов признавали, что ни в каком вопросе США не были столь бескомпромиссны, как в отстаивании интересов своего ближневосточного стратегического партнера.

В ходе КРП ДНЯО участники проявили пассивность при обсуждении ситуации в Южной Азии. Хотя данный регион, наряду с Ближним Востоком, является наиболее чувствительным с точки зрения рисков ядерного распространения, в ходе Конференции он оказался «забыт». Лишь считанные государства высказали критику в адрес Индии и Пакистана, которые отказываются присоединиться к ДНЯО, что выглядело особенно резким контрастом на фоне каждодневной критики Израиля. Такой «мягкий» подход объяснялся отчасти нежеланием соседей Индии и Пакистана по региону обострять ситуацию. Его следствием стало то, что оба государства (но прежде всего Индия), видимо, почувствовали, что получили таким образом индульгенцию международного сообщества на игнорирование международно признанных норм ядерного нераспространения.

Завершающий этап КРП ДНЯО. Принятие решений

Исходя из новой расстановки сил на Конференции, Канада распространила сверхлаконичный проект резолюции: «ДНЯО должен оставаться в силе бессрочно»¹⁸. Проект резолюции был представлен канадским послом Кристофером Вестдалом от имени Канады и еще 103 государств, среди которых были Франция, Россия, США, другие члены ОБСЕ, большинство стран Латинской Америки и Карибского бассейна, несколько стран Африки, Азии и Океании. Вестдал указал, что не все страны, которые выступают за предложение Канады, поставили свои подписи, потому что они рассчитывают на достижение консенсуса без голосования. По этой же причине в текст резолюции не было внесено слово «безусловное». Оно отсутствовало и в комментарии канадского посла. В последний момент, уже в ходе пленарного заседания, к проекту присоединились Филиппины,

¹⁷BASIC Reports, 14 April 1995, p.1.

¹⁸Док. NPT/CONF.1995/L.2.

сделав публичную оговорку, что выступают за начало переговоров по конвенции о запрещении ядерного оружия. Казалось бы, присоединение еще одного государства к мощной и очевидно побеждающей группе имело лишь символическое значение. На самом деле, однако, эмоциональное выступление представителя Филиппин в пользу бессрочного продления заставило задуматься даже радикально настроенных представителей ДН: Филиппины традиционно занимали антиядерные позиции, особенно учитывая, что на протяжении длительного времени на их территории, на военных базах США было дислоцировано ядерное оружие. Политико-дипломатический дрейф Филиппин в сторону бессрочного продления хотя, конечно, не явился неожиданностью для соседей по региону — Малайзии и Индонезии, оказал существенное воздействие на позицию ряда «сомневавшихся» членов ДН из Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) (Бруней, Вьетнам, Таиланд, Лаос) в пользу бессрочного продления без голосования.

К крайнему сроку выдвижения проектов резолюций 5 мая председатель Джаянта Данапала получил три предложения — Канады (бессрочное продление), Индонезии (последовательное продление на 25-летние сроки) и Мексики (условно-бессрочное продление), причем Мексика, как и ожидалось, уточнила свое предложение, добавив в первый пункт результирующей части после «Договор должен оставаться в силе» слово «бессрочно».

В этой ситуации решили разыграть свою карту арабские государства. Египет попытался возглавить те арабские силы на КРП ДНЯО, которые, возражая против радикализма Ливии, возражали также и против «соглашательства» со сторонниками бессрочного продления. Египет повторил свою позицию, что не может поддержать бессрочное продление, потому что Израиль отказывается подписать договор о создании ЗСЯО на Ближнем Востоке или сделать другие уступки своим арабским соседям в этом вопросе. Соединенные Штаты в какой-то момент надеялись, что Египет отдаст свой голос в поддержку бессрочного продления ДНЯО, однако египетский министр иностранных дел Амр Мусса заявил на Конференции, что безопасность его страны не может быть гарантирована соглашением, которое не охватывает Израиль. Амр Мусса подчеркнул, что «прогресс, достигнутый в осуществлении ДНЯО, не оправдывает ожиданий его отцов-основателей». Жесткая позиция Египта оказалась неприятным сюрпризом для тех, кто рассчитывал на повторение здесь «мексиканского варианта» с его декларативной жесткостью, внутренней противоречивостью и в конечном счете уступчивостью.

Несмотря на стремительно приближавшийся срок принятия решений, договориться с Египтом об отказе от столь жесткой позиции не удавалось. В качестве компромисса была выдвинута идея о том, что к уже разрабатывавшимся итоговым документам

необходима также «ближневосточная резолюция», достаточно аморфная по содержанию, однако уже одним фактом своего существования частично умиротворявшая Египет и его сторонников. Как первый шаг на этом пути, 9 мая был распространен проект резолюции группы арабских стран, возглавляемых Египтом, в которой Конференции предлагалось выразить «глубокую озабоченность продолжающимся нахождением на Ближнем Востоке бесконтрольных ядерных объектов Израиля», призвать Израиль «без промедления присоединиться к ДНЯО и поставить всю свою ядерную деятельность под всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ», призвать «все государства Ближнего Востока предпринять практические шаги по созданию [...] ближневосточной зоны, свободной от оружия массового уничтожения: ядерного, химического, биологического и систем их доставки, и, вплоть до создания такой зоны воздержаться от любых мер, которые могут помешать осуществлению этих задач»; наконец, «пригласить пять ядерных государств предоставить, в качестве приоритетной задачи и временной меры, расширенные гарантии безопасности государствам региона — членам ДНЯО»¹⁹. Невозможно было представить, чтобы такой проект поддержали США, прежде всего из-за прямого упоминания Израиля. Пункт о «расширенных гарантиях безопасности» не устраивал и другие ЯОГ.

Российская делегация высказала соображение, что нельзя отмахиваться от данного проекта, с тем чтобы в результате и произвести «обмен»: ближневосточные арабские государства и Иран получают смягченный вариант их резолюции, принятый консенсусом, в обмен на это они согласятся присоединиться к консенсусу по вопросу о бессрочном продлении. Работа представляла колоссальную, а оставался всего лишь день до принятия итоговых решений.

США не были готовы даже на минимальные уступки в тексте. Дипломатическая борьба вокруг именно этой резолюции чуть было не стала источником серьезного кризиса под самый занавес Конференции, а скрытое недовольство ее текстом со стороны Ирана и Сирии задержало принятие итоговых документов на два часа и все это время держало в напряжении более 170 делегаций государств-участников, которые собрались в зале ГА ООН 11 мая.

В итоге переговоров Соединенные Штаты, Россия и Великобритания согласились, как страны-депозитарии, стать соавторами «ближневосточной резолюции». В результате кулуарной работы над текстом он значительно изменился. Достаточно сказать, что из него исчезло прямое упоминание Израиля; кроме того, было снято упоминание о предоставлении ЯОГ гарантий безопасности для стран региона — членов ДНЯО. В конечном итоге Египет и другие арабские государства приняли условия «обмена». Это

¹⁹Док. NPT/CONF.1995/L.7.

объяснялось не только и не столько давлением США. Среди большинства арабских делегаций в ходе КРП ДНЯО постепенно сформировалось убеждение, что альтернативой данному, пусть и неравноценному, «обмену» может стать только раскол стран-участниц ДНЯО, в результате которого задача ликвидации ядерного оружия Израиля отодвинулась бы на неопределенный срок, а образ Израиля как «виновника нестабильности» уступил бы место критике в адрес самих арабских государств, которые наверняка были бы обвинены в «несдержанности» и «экстремистских шагах».

Государства-депозитарии после консультаций как с последовательными сторонниками бессрочного продления, так и с сомневающимися пришли к выводу, что следует принять предложение Джаянта Данапалы о том, чтобы итоговое решение Конференции утвердить в «пакете» (резолюция Канады плюс Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения плюс резолюция о совершенствовании механизма рассмотрения ДНЯО), а также его формулу: «председатель призывает принять весь «пакет» консенсусом, исходя из того, что большинство с очевидностью поддерживает бессрочное продление».

Ключевой проект — по продлению — практически повторял формулировку резолюции Канады, однако учитывал дипломатический ход Данапалы: после четырех вводных абзацев в нем содержится лишь один абзац с итогом: «(Конференция) решает, что, так как существует большинство среди государств-участников ДНЯО, которое выступает за его бессрочное продление в соответствии со ст. X.2., ДНЯО остается в силе бессрочно»²⁰.

«Пакет» также оказался двойным. В первой его части — три уже упомянутые резолюции, во второй — резолюция по Ближнему Востоку²¹. После прочтения названий первых трех документов и их номеров возражений не последовало, и председатель объявил о принятии документов без голосования. Далее председатель сообщил, что имеется также проект резолюции по Ближнему Востоку, который выдвинут тремя странами-депозитариями. Возражений снова не последовало, и решение также было принято без голосования.

Было бы неверно говорить, что бессрочное продление поддержано консенсусом. На самом деле, «консенсусом» принята резолюция с признанием того факта, что «очевидное большинство» выступает за бессрочное продление и, следовательно, необходимость в голосовании отсутствует, а решение о бессрочном продлении приобретает полную юридическую силу.

Таким образом, Конференция в целом выполнила свою задачу: она продлила ДНЯО без голосования, тем самым избежав раскола государств-участников.

²⁰ Док. NPT/CONF.1995/L.6.

²¹ Требование группы арабских государств о том, чтобы резолюция по Ближнему Востоку была принята первой, перед остальными тремя, было отвергнуто ее новыми авторами.

Второй финал Конференции оказался, в отличие от первого, неудачным. Работа Редакционного комитета по выработке Заключительного документа продвигалась крайне медленно, а в согласовании вопросов, связанных со статьей VI, практически и вовсе не продвигалась. В конце концов Джаянта Данапала предложил не принимать Заключительного документа, исходя, во-первых, из того очевидного факта, что противоречия сторон невозможно примирить за считанные часы, особенно по статье VI, и, во-вторых, из прецедента, что не на всех предыдущих КР ДНЯО заключительные декларации были приняты, что никак не умалило важности самого процесса рассмотрения.

Таким образом, разногласия между Севером и Югом по кардинальным вопросам ядерного разоружения все-таки оказали значительное воздействие на итоги всей Конференции. Юг заблокировал принятие Заключительной декларации, что несколько снизило общий успех и показало, что ни переговоры и взаимные уступки, ни давление не смогли привести ЯОГ и государства-экспортеры ядерной энергии, с одной стороны, и НЯОГ из числа ДН, с другой, к взаимоприемлемому соглашению о продвижении в реализации статьи VI ДНЯО.

Вместе с тем было бы ошибочно драматизировать неудачу с Заключительным документом. В отличие от принятых днем раньше, он имел бы чисто политическое значение. Принятие юридически обязательного документа о продлении ДНЯО, безусловно, перевесило непринятие Заключительного документа.

Итоги Конференции

К главным итогам Конференции следует отнести, *во-первых*, принятие юридически обязательного решения о продлении ДНЯО на основании статьи X.2; *во-вторых*, закрепление бессрочного характера продления ДНЯО; *в-третьих*, принятие решения о продлении ДНЯО без голосования, практически консенсусом; *в-четвертых*, утверждение механизма совершенствования рассмотрения действия ДНЯО в дальнейшем; *в-пятых*, принятие рекомендации к КР в Женеве о необходимости заключения ДВЗЯИ не позднее конца 1996 г. Важным итогом Конференции стало также участие в ее работе практически всех государств-участников ДНЯО.

К плюсам Конференции можно отнести принятие итоговых решений без голосования. Это позволило избежать раскола между «подавляющим большинством» и «незначительным, но упорным меньшинством», к которому принадлежат такие крупные развивающиеся государства, как Индонезия, Малайзия, Иран, Нигерия, Венесуэла, Египет. Помимо объективных причин, позволивших достичь принятия итоговых решений практически

консенсусом, сказалась и такая субъективная причина, как личная роль председателя Конференции в достижении компромисса.

Принятие решений об усилении механизма рассмотрения ДНЯО и о Принципах и целях ядерного нераспространения и разоружения позволило *обусловить* бессрочное продление ДНЯО механизмом более активного рассмотрения в период между конференциями, проходящими раз в пять лет, а также рельефнее обозначить цели ядерного нераспространения.

В частности, была подтверждена необходимость:

- достижения универсальности Договора, которая была объявлена «неотложной приоритетной задачей»;
- приложения всех усилий для осуществления Договора во всех его аспектах для предотвращения распространения ядерного оружия и других ЯВУ без ущерба для использования ядерной энергии в мирных целях государствами-участниками Договора;
- завершения не позднее 1996 г. переговоров о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний;
- начала и скорейшего завершения переговоров относительно конвенции о ЗПРМ для ядерного оружия;
- поощрения создания ЗСЯО, особенно в регионах, в которых наблюдается напряженность, таких, как Ближний Восток;
- рассмотрения вопроса о дальнейших мерах для предоставления государствам-участникам Договора, не обладающим ядерным оружием, гарантий против применения или угрозы применения ядерного оружия;
- выполнения соглашений МАГАТЭ с государствами-участниками, заключенных в целях выполнения ими своих обязательств по пункту 1 статьи III Договора, и обеспечения уверенности в том, что эти соглашения выполняются, с тем чтобы не допустить переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ЯВУ;
- постановки ядерного расщепляющегося материала, переключаемого ЯОГ с военного использования на цели мирной ядерной деятельности, под действие гарантий МАГАТЭ в рамках добровольных соглашений о гарантиях, заключаемых с ЯОГ;
- обеспечения осуществления неотъемлемого права всех участников Договора развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации;
- способствовать обеспечению транспарентности в вопросах контроля за ядерным экспортом²².

²²Решения Конференции по ДНЯО 1995 года. Решение 2. Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения. Док. NTP/CONF.1995/32 (Part I). См.: Тимербаев Р.М. Россия и Конференция 2000 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. *Научные Записки ПИР-Центра*, №12, 1999, с.28-30.

Результат Конференции стал триумфом дипломатии ЯОГ. Они сумели выполнить стоявшую перед ними задачу-максимум: принять решение о бессрочном продлении и при этом не пойти на уступки, которые ущемили бы их национальные интересы. Действительно, ни по одному из острых обсуждавшихся вопросов ЯОГ не взяли на себя каких-либо дополнительных обязательств. В то время как резолюция о бессрочном продлении — это юридический документ, остальные три резолюции — это политические и рекомендательные документы.

Можно ли, таким образом, рассматривать принятое решение о бессрочном продлении как однозначно позитивный фактор в деле ядерного нераспространения и контроля над ОМУ?

С одной стороны, да: удалось достичь, по сути, консенсуса и не отсечь от Договора его критиков; усилился контроль за выполнением ДНЯО; вопрос о дальнейшем продлении больше не будет нервировать участников, они смогут сосредоточиться на существенных вопросах разоружения.

С другой стороны, конкретные обязательства, которые взяли на себя ЯОГ в ходе Конференции, скромны. Кроме того, КРП ДНЯО не смогла дать ответы на такие острые вопросы, как использование запасов расщепляющихся материалов оружейного качества, прежде всего плутония; повышение роли и возможностей МАГАТЭ в противодействии ядерному распространению и в его пресечении; предоставление юридически обязательных гарантий безопасности НЯОГ; пути достижения универсальности Договора.

Трудно не согласиться с аргументом ряда развивающихся государств, что продление Договора «навечно» усложняет контроль мирового сообщества за шагами ЯОГ, дает возможность неофициальным ЯОГ (Израиль, Индия, Пакистан) и дальше находиться вне рамок ДНЯО.

Приходится признать, что вариант многократного продления на 25-летние сроки не в меньшей степени способствовал бы укреплению международного режима ядерного нераспространения, чем бессрочное продление. По-видимому, можно говорить даже о том, что именно такой вариант, позволявший влиять на ЯОГ путем голосования раз в 25 лет, был бы оптимальным с точки зрения ценностей ядерного нераспространения.

В целом можно сделать вывод, что в результате КРП ДНЯО международный режим нераспространения ядерного оружия укрепился. Однако принятые в ходе Конференции решения не дают гарантии повышения уровня соблюдения Договора, прежде всего по статье VI. Эйфория, вызванная итогами Конференции, не имела под собой достаточных оснований. По меткому определению, прозвучавшему на научно-практической

конференции по итогам продления ДНЯО, «операция прошла успешно, пациент жив, но находится в реанимации»²³.

Проблемы, вызывающие рост угроз ядерного распространения, ко второй половине 1990-х гг. не только не были сняты, но проявились с новой остротой.

Московская встреча на высшем уровне по ядерной безопасности

Осознавая значимость проблем ядерной безопасности для России, президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин выступил в июне 1995 г. с инициативой провести встречу лидеров семи крупнейших промышленно развитых государств («семерки») и России по ядерной безопасности.

Встреча состоялась в Москве 19-20 апреля 1996 г. Ее заключительная декларация еще раз обратила внимание на то, насколько серьезно стоят в мире вопросы нераспространения ядерного оружия. Учитывая как существующие, так и потенциальные угрозы, руководители восьми государств подтвердили свою готовность укрепить «в духе решений, принятых в мае 1995 г. в ходе нью-йоркской Конференции по рассмотрению действия и продлению [...] ДНЯО, включая Решение о принципах и целях ядерного нераспространения и разоружения, [...] сотрудничество в сфере ядерного нераспространения и разоружения, в том числе способствуя всеобщему присоединению к ДНЯО, действуя энергично для укрепления системы гарантий [...] МАГАТЭ и применяя эффективные и ответственные меры экспортного контроля»²⁴.

Участники встречи признали, что безопасность всего ЯМ является существенным элементом ответственного и мирного использования ядерной энергии. В частности, безопасное обращение с расщепляющимися материалами, включая материалы, высвобождаемые в результате демонтажа ядерного оружия, является не менее важным, чем гарантии против любого риска незаконного оборота ЯМ.

Участники Московского саммита подтвердили свою приверженность немедленному началу и скорейшему завершению переговоров о «недискриминационном и универсально применимом» соглашении о ЗПРМ для ядерного оружия или других ЯВУ.

«Восьмерка» подтвердила ответственность государств за обеспечение безопасности всех имеющихся у них ЯМ и необходимость включения их в эффективные национальные системы

²³Workshop on the Results of the NPT Extension Conference. Paper on the Key Points of the Speakers. Monterey, 15 August 1995, p.1.

²⁴Документы встречи на высшем уровне по вопросам ядерной безопасности. Декларация. М., Международные отношения, 1996, с.1.

ФЗУКЯМ. Такие системы должны включать создание нормативной базы, лицензирование и инспектирование. Была выражена поддержка режиму гарантий МАГАТЭ, который играет ключевую роль в обеспечении уверенности в том, что не происходит необнаруженного переключения ЯМ на другие цели, и подчеркнута необходимость расширения возможностей обнаружения незаявленной ядерной деятельности.

Участники саммита выразили поддержку усилиям, направленным на обеспечение безопасного хранения всех чувствительных ЯМ, заявленных как не предназначенные для использования в оборонных целях, включая распространение на них гарантий МАГАТЭ так скоро, как это представится практически возможным.

Главы государств «восьмерки» признали, что в последние годы были сделаны существенные шаги в сфере ядерного разоружения, что сопровождалось высвобождением значительных запасов расщепляющихся материалов, более не требуемых для целей обороны. Отмечалось, что важно обеспечивать безопасное обращение с их запасами и в конечном счете переводить их в ОЯТ или другие формы, непригодные для ядерного оружия, а также их безопасное захоронение. При этом первоочередную ответственность за безопасное обращение с оружейными расщепляющимися материалами несут сами ЯОГ, однако приветствуется содействие со стороны других государств и международных организаций там, где это желательно.

Участники встречи приветствовали шаги США и РФ, предпринятые для переработки высвободившегося после демонтажа ядерного оружия ВОУ в НОУ, а также программы сотрудничества Канады, Франции, Германии, Италии, Японии, Великобритании, США и других государств с Российской Федерацией для безопасного хранения и мирного использования расщепляющихся материалов, высвобождаемых в результате демонтажа ядерного оружия, их надежную и безопасную транспортировку для этих целей и другие усилия в данном направлении. Серьезное внимание на встрече было уделено обращению с ядерными отходами, а также безопасности гражданских ядерных реакторов.

Особое место в обсуждении занял вопрос противодействия НОЯМ. Все участники встречи, признав важность данного вопроса, отметили, что «поскольку риск сохраняется, мы согласовали и опубликовали Программу противодействия незаконному обороту ядерных материалов, ориентированную на укрепление сотрудничества между нашими правительствами по всем аспектам предотвращения, обнаружения, обмена информацией, расследования и наказания в случаях незаконного ядерного оборота» и призвали другие правительства присоединиться к реализации этой программы.

Итоги Московской встречи в верхах 1996 г. вызвали неоднозначную реакцию в мире. Ее подвергали критике за «слишком общие» заявления. Некоторые экологические движения сочли, что тональность поддержки развития атомной энергетики в XXI веке была чересчур однозначной и не учитывала дебатов о роли ядерной энергетики, идущих в ряде государств, особенно в Германии. Тем не менее можно утверждать, что Московская встреча имела важное и позитивное значение для международного режима ядерного нераспространения. Ведущие государства мира сообща выразили свое намерение укреплять этот режим путем координации действий, обмена информацией и сотрудничества. Особенно заметным в этой связи стало принятие Программы противодействия НОЯМ.

В ходе Московской встречи российская делегация выступила с предложением о неразмещении ядерного оружия вне пределов национальных территорий ЯОГ. Эта инициатива, хотя она шла полностью в развитие целей ДНЯО, не была поддержана другими государствами, принимавшими участие в саммите.

Международный режим нераспространения ядерного оружия во второй половине 1990-х гг.

После успеха КРП ДНЯО 1995 г., проведения Московской встречи по ядерной безопасности в апреле 1996 г. и подписания в сентябре 1996 г. ДВЗЯИ ЯОГ стали проявлять самоуспокоенность в вопросах укрепления международного режима ядерного нераспространения.

Большие ожидания возлагались на первое после КРП ДНЯО заседание Подготовительного комитета по проведению Конференции 2000 года, которое прошло весной 1997 г., уже с учетом принятого на КРП ДНЯО решения о повышении эффективности процесса рассмотрения действия Договора. Теперь Подготовительный комитет проходил в течение 10 рабочих дней. Целью его заседаний, как следовало из решения КРП ДНЯО (1995), являлось «рассмотрение принципов, задач и путей содействия всестороннему осуществлению Договора, а также приданию ему универсального характера...». Иными словами, функции Подготовительного комитета становились в большей степени политическими, нежели чисто процедурными. Хотя итоги заседания 1997 г. можно оценить как умеренно-успешные, возлагавшихся ожиданий они не оправдали.

Второе заседание Подготовительного комитета в 1998 г. окончилось провалом: не удалось принять ни одного рабочего документа по существу вопросов. Процесс выработки рекомендаций для КР ДНЯО (2000), начатый на заседании 1997 г.,

натолкнулся на жесткое противостояние ЯОГ, с одной стороны, и НЯОГ — с другой. Соединенные Штаты наиболее решительно воспротивились принятию двух документов — по разоружению и по Ближнему Востоку, инициированных Египтом, Канадой и ЮАР — тремя государствами, которые, наряду с Ираном и Мексикой, выступили как наиболее активные представители НЯОГ в ходе Подготовительного комитета.

Как пощечина всему сообществу государств, являющихся участниками ДНЯО, прозвучало индийское ядерное испытание, проведенное спустя лишь считанные дни после окончания заседания Подготовительного комитета 1998 г. Майские ядерные испытания Индии, а затем и Пакистана показали, к чему могут привести самоуспокоенность и отсутствие конкретной программы действий по универсализации договора.

Третье, и последнее перед Конференцией 2000 года, заседание Подготовительного комитета проходило в мае 1999 г., в разгар бомбардировок Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО Югославии. Резко обострившаяся в этой связи общеполитическая ситуация в мире наложила серьезный отпечаток на ход дискуссий на Подготовительном комитете, засвидетельствовав, что ЯОГ по-прежнему придают важное значение своим арсеналам. В ходе этого заседания Подготовительного комитета активную позицию занял Китай, который добился обсуждения вопроса о взаимосвязи бомбардировок Югославии и вопросов контроля над вооружениями. Эту позицию поддержала и Россия. В контексте обсуждения статьи VI зазвучали и новые темы, такие, как попытки США изменить Договор по ПРО (против чего выступила Россия); роль ТЯО (так, озабоченность высказали Финляндия, Швейцария, Нигерия и Киргизия). В отличие от обоих предыдущих заседаний Подготовительного комитета, ЯОГ на этот раз не удалось принять совместный (пятисторонний) документ с отчетом о процессе разоружения в каждой из стран, так как Китай демонстративно отказался присоединяться к другим ЯОГ и предоставлять какую-либо информацию о развитии собственных ядерных сил. Подчас заседание оказывалось на грани провала. Однако усилия таких государств, как Ирландия и Новая Зеландия, помогли избежать полного фиаско²⁵.

К скромным достижениям третьего заседания Подготовительного комитета следует отнести более гибкую, нежели прежде, позицию США по вопросу о вовлечении Израиля в ДНЯО.

Новым явлением стала активная роль, которую играла в ходе заседания Подготовительного комитета КНПД. Новая группа государств была сформирована в июне 1998 г., что разрушило традиционное, еще со времен «холодной войны» сложившееся

²⁵Johnson Rebecca. Divisions and Doubts at the Third NPT PrepCom. *Arms Control Today*, No.3, Vol.29, April/May 1999, pp.11-16.

деление на три группы — западную, восточную и ДН. В КНПД вошли Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, ЮАР и Швеция²⁶. Коалиция сочетает жесткие заявления в пользу ядерного разоружения с весьма прагматическим стратегическим подходом.

Если рассмотреть исполнение решений КРП ДНЯО (1995), то увидим следующую картину.

Универсальность. «Всеобщее присоединение к Договору» было объявлено «неотложной приоритетной задачей». Частично это решение было исполнено: к ДНЯО присоединились Ангола, Андорра, Бразилия, Вануату, Джибути, Коморские Острова, Оман, ОАЭ, Чили. Число государств-участников на 1 января 2000 г. составило 187. Вне Договора осталось только четыре государства. Казалось бы, это значительный прогресс, делающий ДНЯО самым универсальным из всех когда-либо заключенных международных договоров.

Тем не менее никаких особых заслуг в присоединении вышеперечисленных государств к ДНЯО у ЯОГ нет. В то же время из остающихся вне Договора четырех государств три — Израиль, Индия и Пакистан — как раз и являются предметом первостепенной озабоченности. Не случайно в 1995 г. особый акцент был сделан на присоединении «в кратчайшие сроки» «государств, в которых имеются ядерные объекты, не поставленные под действие гарантий».

Скорое присоединение к ДНЯО Израиля, Индии и Пакистана представляется нереальным. Возможны компромиссные меры, в частности, постанковка всех объектов этих государств под гарантии МАГАТЭ или создание региональных агентств по примеру АБАКК. Однако и в этом направлении ничего не удалось сделать; наоборот, после проведения испытаний в Южной Азии вопрос об универсальности оказался отброшенным назад.

Нераспространение. Во второй половине 1990-х гг. в целом удавалось избежать значительного распространения компонентов ядерного оружия. Инспекции МАГАТЭ поставили точку на иракской военной ядерной программе.

В Северной Корее сохранялась определенная неясность, однако действия США в рамках достигнутых в 1994 г. рамочных соглашений по строительству в КНДР легководных реакторов в обмен на отказ Пхеньяна от военной ядерной программы, в сочетании с серьезными финансовыми трудностями КНДР, способствовали невозобновлению военной программы Пхеньяном и, по заключению американских официальных лиц, сделанному в мае 1999 г., «ядерного оружия или его компонентов в КНДР нет»²⁷.

²⁶ Япония и Канада хотя и не присоединились к коалиции официально, фактически солидаризировались с ее действиями. Словения на начальном этапе вошла в КНПД, однако затем прекратила работу в группе.

²⁷ U.S. Says N.Korea Site Nuclear Free; Perry Visits Pyongyang. *Arms Control Today*, No.3, Vol.29, April/May 1999, p.39.

Удалось пресечь ряд сомнительных сделок по поставкам материалов, которые могли бы способствовать развитию военной ядерной программы, в частности, из Великобритании в Пакистан (1999). КНР взяла на себя обязательство не передавать ядерные технологии Пакистану.

В то же время именно вторая половина 1990-х гг. выдвинула в первый ряд вопрос о доступе негосударственных игроков, таких, как сепаратистские движения, террористические группы, организованные преступные сообщества, к технологиям производства ядерного оружия и к материалам для его создания. Проблемы предотвращения НОЯМ заняли серьезное место в повестке дня саммитов, а также в обмене информацией между ведущими спецслужбами мира. Однако вряд ли эту проблему удастся устранить в обозримой перспективе.

Ядерное разоружение. Решение КРП ДНЯО (1995) по этому вопросу состоит из трех компонентов.

Первый — завершение переговоров о заключении ДВЗЯИ не позднее 1996 г. — был выполнен в указанный срок. Тем не менее особенностью ДВЗЯИ является перечень из 44 государств, без присоединения которых он не вступит в силу. Индия, Пакистан и КНДР продолжают блокировать вступление Договора в силу, игнорируя даже его подписание. Сенат США отказался ратифицировать Договор. КНР не приступала к ратификации. К достижениям можно отнести тот факт, что ЯОГ, проявляя сдержанность, не возобновили ядерных испытаний. В то же время в течение нескольких лет подписанный Договор продолжает оставаться неработающим, хотя мораторий, объявленный пятью ЯОГ, сохраняется.

Второй компонент — «немедленное начало и скорейшее завершение переговоров о недискриминационной и универсально применимой конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия» — не был выполнен. Ожидалось, что переговоры начнутся в Женеве в рамках КР в январе 1999 г. Все пять ЯОГ в совместном заявлении от 28 апреля 1998 г. на заседании Подготовительного комитета в четкой и недвусмысленной форме выразили свою приверженность задаче скорейшего достижения договора о ЗПРМ и высказались за скорейшее начало переговоров. Однако начать их так и не удалось.

Процесс разоружения продвигается на одностороннем и двустороннем уровнях. Россия и США не только активно ведут демонтаж своих ядерных боеприпасов и прекратили производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия, но и объявили в совместном заявлении президентов Б.Н. Ельцина и Билла Клинтона от 2 сентября 1998 г. о намерении изъять из своих ядерных оружейных программ по 50 т плутония и «переработать его так, чтобы никогда нельзя было использовать этот плутоний в

ядерном оружии». Президентом было также заявлено: «Признавая, что по мере дальнейшего сокращения вооружений количество такого плутония будет увеличиваться, меры по обращению с ним и уменьшению его запасов становятся важнейшим элементом усилий по обеспечению необратимости процесса сокращения вооружений и являются необходимыми для недопущения риска распространения». Наряду с этими мерами, Россией осуществляется переработка больших количеств ВОУ в НОУ.

Великобритания, со своей стороны, объявила в 1998 г. размеры запасов своих ЯМ в гражданском и военном секторах и высказала намерение поставить часть этих материалов под гарантии Евратома и МАГАТЭ (в рамках существующего соглашения с Агентством о добровольной постановке под контроль своей гражданской ядерной деятельности)²⁸.

Третий компонент — «решительное продолжение всеми ядерными государствами систематических и последовательных усилий для сокращения ядерного оружия...» — не был выполнен в полной мере из-за неготовности Сената США ратифицировать Нью-Йоркские документы 1997 г., в то время как Россия ратифицировала Договор СНВ-2 и Нью-Йоркские соглашения в апреле 2000 г. Однако договор из-за его неполной ратификации американской стороной в силу не вступил. Затягивание с ратификацией, а потом со вступлением в силу СНВ-2 не позволило России и США начать полноценные переговоры по выработке договора СНВ-3. Наконец, новой серьезной проблемой стало намерение США приступить к созданию национальной системы противоракетной обороны (см. главу 9).

Зоны, свободные от ядерного оружия. В решении КРП ДНЯО подчеркивалось, что «приветствовалось бы создание дополнительных зон, свободных от ядерного оружия, ко времени проведения Конференции по рассмотрению действия Договора в 2000 году». С одной стороны, в 1995-1996 гг. были подписаны Бангкокский договор и договор Пелиндаба. С другой стороны, существенного прогресса в этом вопросе достичь не удалось: не вступил в силу договор Пелиндаба; ни одно из ЯОГ не подписало протоколы к Бангкокскому договору. Наконец, не было никаких подвижек в том, что касается двух действительно критически важных с точки зрения нераспространения зон — в Южной Азии и на Ближнем Востоке, хотя, по крайней мере в последнем случае, предпосылки к этому имеются.

Гарантии безопасности. Никакого движения в последние годы по «разработке международного документа, имеющего обязательную юридическую силу», не наблюдалось.

²⁸Тимербаев Р.М. К новому соглашению по ограничению ядерных вооружений. *Ядерный Контроль*, №1, январь-февраль 1999, с.4-10.

Гарантии МАГАТЭ. Серьезных проблем с введением в действие соглашений с МАГАТЭ о гарантиях не было. Важным достижением стала разработка Дополнительного протокола о гарантиях в рамках требования по «укреплению потенциала МАГАТЭ по выявлению необъявленной ядерной деятельности», который подписали более 50 государств, включая Россию.

В то же время не удалось добиться того, чтобы государства, не являющиеся участниками ДНЯО, заключили с МАГАТЭ соглашения о полноохватных гарантиях.

Использование ядерной энергии в мирных целях. Значительных проблем, связанных с осуществлением решений КРП ДНЯО по данному вопросу, не было. Так, развивающимся НЯОГ по-прежнему по возможности предоставляется режим наибольшего благоприятствования. Серьезной проблемой оставалась политика США в отношении Ирана, что находило свое проявление в давлении на Россию в связи со строительством АЭС в Бушере. В то же время нельзя было не обратить внимание на тот факт, что давление США к 1998-1999 гг. ослабло, и основное внимание было переключено на вопросы ракетного нераспространения применительно к Ираку.

Конференция 2000 года по рассмотрению действия ДНЯО

Шестая КР ДНЯО — и первая после его бессрочного продления в 1995 г. — прошла в Нью-Йорке с 24 апреля по 20 мая 2000 г. В КР ДНЯО приняли участие 157 государств-членов ДНЯО из 187. Из четырех стран, не входящих в Договор (Куба, Индия, Израиль и Пакистан), только Куба направила своего наблюдателя. Кроме того, на конференции присутствовали представители 141 исследовательской и неправительственной организации.

Несмотря на пессимистические прогнозы, после жестких дебатов по некоторым вопросам — прежде всего по вопросам статьи VI — Конференция приняла консенсусом Заключительный документ, который содержит как ретроспективный взгляд на выполнение Договора, так и оценку перспектив на будущее, предлагая ряд дальнейших шагов по укреплению международного режима ядерного нераспространения и содействию ядерному разоружению. Таким образом, впервые за последние 15 лет участникам удалось принять итоговый документ. На двух предшествующих форумах такого рода (в 1990 и 1995 гг.) стороны не смогли согласовать заключительные документы из-за принципиальных разногласий, прежде всего касавшихся вопроса соблюдения ЯОГ положений статьи VI.

Итоги Конференции можно расценить как успешные. Она смогла дать новый импульс дальнейшим коллективным мерам по поддержанию и укреплению режима нераспространения. Это

особенно важно в свете неблагоприятной ситуации, сложившейся в области контроля над вооружениями и ядерного нераспространения за предшествовавшие конференции пять лет.

Выработав итоговый документ, КР ДНЯО показала, что мировое сообщество глубоко и искренне заинтересовано в сохранении режима ядерного нераспространения как одного из краеугольных камней международной стабильности. Прогнозы экспертов о том, что конференция не сможет достичь согласия относительно заключительного документа, а некоторые государства-участники ДНЯО могут выйти из Договора, не оправдались. По мнению многих наблюдателей, общая атмосфера конференции отличалась конструктивностью.

Важным позитивным вкладом в работу конференции стало сделанное 1 мая согласованное заявление делегаций пяти ЯОГ (Франции, Китая, России, США и Великобритании). В заявлении, среди прочего, приветствуется ратификация ДВЗЯИ Российской Федерацией и говорится о том, что *«ни одна из наших ядерных ракет не нацелена ни на какое другое государство»*. Кроме того, отмечено, что *«ратификация Российской Федерацией СНВ-2 является важным шагом в усилиях по сокращению стратегических наступательных вооружений, и мы приветствуем это. На первое место сейчас выходит завершение процесса ратификации СНВ-2 Соединенными Штатами Америки. Мы стремимся как можно скорее заключить СНВ-3 при одновременном сохранении и укреплении Договора об ограничении систем противоракетной обороны в качестве краеугольного камня стратегической стабильности и основы для дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений в соответствии с его положениями»*²⁹.

В заявлении пяти членов «ядерного клуба» подчеркнута важность Дополнительного протокола МАГАТЭ, подписанного всеми ЯОГ, а также поддержано повышение транспарентности системы контроля над ядерным экспортом.

После долгих дебатов председатель Конференции алжирский посол Абдалла Баали констатировал завершение форума, объявив о принятии Заключительного документа, содержащего общие для государств-участников взгляды на цели и задачи в области ядерного разоружения и нераспространения. Несмотря на то, что конференция закончилась почти на сутки позже запланированного срока и после серии заседаний, растянувшихся до поздней ночи, все вздохнули с облегчением, когда первая после бессрочного

²⁹Письмо представителей Китайской Народной Республики, Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Франции от 1 мая 2000 г. на имя председателя Конференции 2000 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. Док. NPT/CONF.2000/21. *Ядерный Контроль*, №5, сентябрь-октябрь 2000, с.44-47.

продления Договора КР ДНЯО закончилась столь удачно. Ее успешное окончание рассматривалось как победа и ЯОГ, и НЯОГ. Последним удалось добиться принятия недвусмысленных обязательств и конкретных мер по ядерному разоружению.

Активная роль государств КНПД явилась особенностью данной конференции. Другой особенностью стало то, что роль ДН была практически незаметна. Таким образом, впервые за историю КР ДНЯО дискуссии сместились из плоскости «ЯОГ-ДН» в плоскость «ЯОГ-КНПД».

В этой связи важно отметить, что, несмотря на серьезные разногласия между ЯОГ, в частности, между Россией и США и между США и Китаем, ЯОГ выступили на данной конференции, как и раньше, сообща.

Россия занимала в ходе Конференции активную и гибкую позицию, после определенных размышлений согласившись на предложенный КНПД язык Заключительного документа по разоружению. Позиция России была сформулирована в послании к участникам Конференции и.о. президента России В.В. Путина: «Договор о нераспространении прошел испытание временем и за 30-летнюю историю подтвердил свою роль важнейшего инструмента сдерживания угрозы расползания ядерного оружия. Его действие способствовало укреплению региональной и глобальной стабильности. Договор заложил условия для необратимого движения по пути ядерного разоружения, понизил риск возникновения ядерной войны.

Россия привержена своим обязательствам в области ядерного разоружения, намерена и далее следовать им в условиях сохранения стратегической стабильности и созданной за последние десятилетия системы разоруженческих договоров как основы для дальнейших сокращений и ограничений стратегических наступательных вооружений.

Как государство-участник Договора о нераспространении и как один из его депозитариев Россия считает, что ДНЯО является одной из главных опор системы международной безопасности. Именно ДНЯО является основным механизмом, препятствующим распространению ядерного оружия, одновременно обеспечивающим развитие международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии»³⁰.

В то же время Россия выразила и свою озабоченность «появлением новых серьезных угроз международной безопасности и стабильности. Локальные конфликты, международный терроризм и воинствующий сепаратизм создают питательную среду для расползания ядерного и других видов оружия массового уничтожения и средств их доставки.

³⁰ И.о. Президента Российской Федерации В.В. Путин направил приветствие участникам Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. *Пресс-служба Президента РФ*, 24 апреля 2000.

Не меньшую опасность представляет тенденция к расшатыванию существующей системы стратегической стабильности, попытки строить национальную безопасность в ущерб интересам других государств, а тем более присвоить себе право применять силу в нарушение основополагающих принципов Устава ООН и международного права. Это, по сути, прямое приглашение к новой гонке вооружений на планете»³¹.

Заключительный документ содержит призыв к Индии и Пакистану последовать резолюции СБ ООН 1172, принятой после проведения этими двумя государствами ядерных испытаний в 1998 г. Не менее важным является и требование о создании ЗСОМУ на Ближнем Востоке, причем документ называет Израиль в числе четырех оставшихся стран (Индия, Израиль, Пакистан и Куба), которые должны как можно скорее присоединиться к ДНЯО в качестве НЯОГ. В то же время в Заклучительном документе отсутствует предложение Белоруссии об обсуждении возможности создания безъядерного пространства в Центральной и Восточной Европе. Это произошло в результате решительного противодействия Польши, ряда других государств НАТО.

В Заклучительном документе ЯОГ заявили о «недвуслмысленном обязательстве [...] осуществить полную ликвидацию своих ядерных арсеналов для достижения ядерного разоружения, делу которого привержены все государства согласно статье VI». В то же время предложения некоторых государств из ДН об установлении конкретных сроков ядерного разоружения приняты не были. Государства-участники ДНЯО подчеркнули необходимость скорейшего вступления в силу ДВЗЯИ и скорейшего начала переговоров по ЗПРМ, которые застопорились на КР. Поддерживая идею добросовестного и полного выполнения СНВ-2, участники Конференции призвали США и РФ добиться заключения СНВ-3. НЯОГ выразили свою озабоченность тем, что ЯОГ всерьез не воспринимают свои обязательства по ядерному разоружению, что затрудняет прогресс в этой области. В этой связи ими был выдвинут ряд важных инициатив, которые необходимо осуществить в течение следующих пяти лет в дополнение к двусторонним шагам по сокращению стратегических вооружений, предпринимаемым сейчас. Согласно принятой на конференции программе действий, ЯОГ принимают на себя следующие обязательства:

- *предпринимать дальнейшие односторонние усилия по сокращению своих ядерных арсеналов.* С 1991 г. США, Россия, Великобритания и Франция сделали ряд серьезных шагов по одностороннему ядерному разоружению, сократив количество

³¹ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова на Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. Нью-Йорк, 25 апреля 2000.

имеющегося у них тактического и стратегического ядерного оружия. Односторонние меры способны сыграть важную роль, когда двусторонние и многосторонние переговоры заходят в тупик. Кроме того, односторонние меры могут выступать как хорошее дополнение к существующим соглашениям по разоружению;

- *обеспечивать большой обмен информацией о ядерных возможностях друг друга и о ходе выполнения соглашений по разоружению.* Великобритания, Россия и США уже несколько продвинулись в направлении большей транспарентности, что является первым шагом к повышению эффективности проверок, однако Франция и особенно Китай не намерены раскрывать такого рода информацию;

- *сокращать арсенал нестратегических ядерных вооружений.* Россия продолжает обладать большим количеством ТЯО; Вашингтон также сохраняет ТЯО в своем арсенале, причем 150-200 тактических бомб по-прежнему находятся за пределами США на территории стран НАТО в Европе;

- *осуществлять конкретные меры по дальнейшему снижению состояния оперативной готовности ядерного оружия.* ДН и КНПД оказывали давление на ЯОГ с целью заставить последних снять с боевого дежурства свои ядерные вооружения, деактивировать их и отстыковать ядерные боеголовки от носителей, обеспечив их отдельное складирование в удаленных от средств доставки местах. В упоминавшемся выше заявлении от 1 мая пять ЯОГ впервые отметили, что их ядерные вооружения не нацелены против кого-либо. Теперь же ЯОГ обязались предпринять дальнейшие шаги в этом направлении;

- *уменьшать роль ядерного оружия в обеспечении безопасности.* На Конференции НЯОГ вновь и вновь поднимали вопрос о том, что ЯОГ, входящие в НАТО, и Россия продолжают придерживаться политики сдерживания, основанной на возможности применения ядерного оружия первым. Не меньшую обеспокоенность вызывает и концепция использования ядерного оружия в ответ на угрозу применения или применение химических и биологических вооружений другими странами;

- *включиться, как можно скорее, в переговорный процесс по сокращению ядерных вооружений и разоружению.* В настоящее время Великобритания, Китай и Франция занимают пассивные позиции, ожидая, пока Россия и США предпримут более глубокие количественные сокращения своих ядерных арсеналов, чтобы лишь после этого подключиться к процессу сокращения и ликвидации стратегических вооружений.

Программа дальнейших мер в области ядерного разоружения предусматривает мораторий на проведение ядерных испытаний до вступления в силу ДВЗЯИ. В ней также подчеркивается «принцип необратимости» контроля над ядерными вооружениями. Это

особенно важно, учитывая тенденцию среди ряда ЯОГ к переработке плутония, ВОУ и других компонентов демонтируемых ядерных вооружений с целью их будущего использования в производстве новых или модернизированных ядерных боеголовок.

В заключительные часы работы конференции усилились разногласия между США и Ираком, от решения которых непосредственно зависел успех КР ДНЯО. Проблема состояла в формулировках нескольких абзацев в проекте решения Конференции, касающегося региональных вопросов. Из-за отказа США напрямую встретиться с иракской делегацией председателю Конференции Абдалле Баали пришлось обратиться за посреднической помощью к руководителю канадской делегации Кристоферу Вестдалу. Последний был вынужден заняться «челночной дипломатией», переходя из комнаты в комнату и доводя до сторон предложения друг друга. После того как работа конференции вышла за установленные временные рамки и была продолжена 20 мая, делегация США начала проявлять обеспокоенность слухами о том, что Вашингтон, возможно, планировал провал конференции и стремился не допустить скорейшего заключения соглашений по разоружению; что США якобы были поражены конструктивностью позиции России и Китая в области разоружения и пытались теперь использовать Ирак в качестве «козла отпущения» для срыва форума. Озабоченность вызывало и желание США использовать невыполнение Ираком условий ДНЯО в качестве противовеса аргументам Египта о необходимости осудить Израиль за неприсоединение к Договору. Оба этих положения были одинаково важны, но попытки США увязать их между собой не были поддержаны участниками конференции. Наконец, после вмешательства руководства госдепартамента США, американская делегация согласилась на формулировки, которые Ирак также был готов одобрить, а именно: были приняты во внимание результаты недавних инспекций МАГАТЭ и признавалось, что «после завершения работы инспекций МАГАТЭ в Ираке 16 декабря 1998 г.» Агентство «не имело возможности предоставить доказательства добросовестного выполнения Ираком резолюций СБ ООН 687». При этом, к удовлетворению иракской делегации, не упоминалась резолюция СБ ООН, принятая в декабре 1999 г.

Этот компромисс привел к бурной активизации деятельности по разрешению других не менее важных вопросов, включая ЭК, гарантии МАГАТЭ, консультативное заключение Международного Суда от 1996 г. (упоминавшееся в тексте лишь по названию).

20 мая Заключительный документ был принят консенсусом. Он объединил в себе отчеты трех главных комитетов и двух вспомогательных органов, а также проект документа председателя о «дальнейшем повышении эффективности процесса рассмотрения

действия ДНЯО». Вслед за утверждением документа последовали около 20 выступлений государств-участников, и в некоторых из них содержались оговорки к только что утвержденным текстам.

Вызовы для XXI века

Во-первых, количество ЯОГ, как официальных, так и неофициальных, в настоящее время стабилизировалось. Существенного увеличения числа новых неофициальных ЯОГ ожидать не стоит. В то же время наличие ядерного потенциала у трех неофициальных ЯОГ и отсутствие действенных методов воздействия на них вызывает особую напряженность прежде всего в регионах Южной Азии и Ближнего Востока, причем в первом случае сохраняется риск применения ядерного оружия. Острой проблемой становится распространение средств доставки ОМУ.

Так, по оценке Совета Безопасности России, в настоящее время в мире имеет место «тенденция к расширению ядерного и ракетного клубов, т.е. наличие ряда стран, которые не могут утихомирить свои амбиции в отношении ОМУ и средств его доставки. Наибольшее беспокойство в этом плане вызывает Ближний Восток, Центральная Азия и Дальний Восток. [...] Мы делаем все возможное, чтобы этот список не расширялся. [...] Глобализация мирового развития заставляет воспринимать эти угрозы особенно серьезно. Приуменшать их значение на фоне обострения событий на Ближнем и Среднем Востоке было бы тем более неоправданно»³².

И ЯОГ, и государствам-членам ДН, в особенности тем НЯОГ, которые проявили себя сторонниками компромисса и вместе с тем твердыми поборниками идеи ядерного разоружения (ЮАР, Швеция, Мексика, Ирландия и др.), следовало бы продумать «точечное» воздействие на три неофициальных ЯОГ. Причем трудность продвижения диалога на Ближнем Востоке и в Южной Азии не должна смущать. Возможно, речь должна идти о создании контактной группы вышеназванных НЯОГ, которые смогли бы методом «челночной дипломатии» добиться повторения Израилем, Индией и Пакистаном пути ЮАР. При этом наиболее эффективным способом выхода из регионального кризиса в обоих случаях могло бы стать создание ЗСОМУ, с четко очерченными географическими границами, с гарантиями безопасности, с жесткими мерами контроля за соблюдением статуса таких зон.

Во-вторых, Соединенные Штаты и Россия — два крупнейших обладателя ядерного оружия — в целом готовы соблюдать

³²Чернов О.Д. Глобализация мирового развития заставляет Россию воспринимать новые ракетные угрозы особенно серьезно. *Ядерный Контроль*, №1, январь-февраль 2001, с.27.

обязательства по статье VI ДНЯО о прекращении гонки ядерных вооружений и сокращении ядерного оружия. В то же время, с учетом новой геополитической и стратегической ситуации в Европе, для России ядерное оружие сохраняет роль одного из важнейших факторов сдерживания. Кроме того, не наблюдается предпосылок и для ликвидации ТЯО.

В-третьих, заключение ДВЗЯИ в сентябре 1996 г. позволяет говорить о возможности начала «безвзрывной эры». Договор предусматривает эффективную систему контроля за скрытой деятельностью по проведению ядерных испытаний. Однако его вступление в силу может затянуться на годы, что во многом зависит от согласия Индии на участие в нем. Кроме того, ДВЗЯИ не исключает возможности совершенствования ядерного оружия теми странами, у которых оно уже есть, и создания ядерного боезаряда теми, у которых его еще нет.

В-четвертых, расширение числа ЗСЯО, подключение к этому процессу Центральной Азии и особенно Европейского континента, пусть и весьма постепенное, позволили бы приступить к конструктивному обсуждению действенности статуса таких зон в будущем.

Важным шагом стало бы принятие ЯОГ юридически обязательного документа о неразмещении ими ядерного оружия за пределами своих национальных территорий.

В-пятых, видимо, не стоило бы пренебрегать настойчивыми требованиями большинства НЯОГ о начале работы над конвенцией о юридически обязательных гарантиях безопасности, предоставляемых ЯОГ в отношении НЯОГ-участников ДНЯО.

В-шестых, серьезной, длительной работы потребует выработка текста и подготовка к заключению конвенции о ЗПРМ. Эта задача все острее стоит в повестке дня.

В-седьмых, неправильно было бы рассматривать режим контроля над ядерным распространением в отрыве от режимов контроля над распространением химического, биологического оружия, средств их доставки. По-видимому, уже в скором времени такой комплексный подход должен возобладать. В противном случае уже в ближайшие два-три года весьма вероятен риск возникновения асимметрии между почти тотальным отказом от производства дорогостоящего ядерного оружия и более широко распространенным стремлением обзавестись запасами крайне дешевого и легко скрываемого от инспекций химического и в особенности биологического оружия.

В-восьмых, без широкого международного сотрудничества действенный режим нераспространения попросту невозможен. Наверное, еще в течение нескольких лет реальное сотрудничество и обмен информацией будут вестись в основном между официальными ЯОГ (без привлечения или с ограниченным привлечением КНР) или же максимум между 10-12 наиболее развитыми в ядерном плане

государствами, учитывая деликатность такой информации. В то же время надо ожидать, что такие региональные державы, как Малайзия, Бразилия, ЮАР, Мексика, Иран, Египет будут настойчиво требовать равноправия или, по крайней мере, адекватного участия в обсуждении данной информации.

Наконец, *в-девятых*, в начале XXI века особое беспокойство должны вызывать новые, нетрадиционные риски ядерного распространения. Прежде всего это угроза хищений делящихся материалов и НОЯМ, а также ядерный терроризм. Риск хищений делящихся материалов с предприятий с целью создания ЯВУ существует, однако не следует его преувеличивать. В то же время опасность хищений делящихся материалов с целью шантажа и терроризма возрастает. Наконец, существенно угроза неконтролируемой утечки технологий, включая ядерные технологии двойного использования.

ЛИТЕРАТУРА

Орлов В.А. Конференция 1995 года по рассмотрению и продлению срока действия Договора о нераспространении ядерного оружия: особенности, результаты, уроки. *Научные Записки ПИР-Центра*, №11, октябрь 1999.

Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия. М., ПИР-Центр, 2001.

Тимербаев Р.М. Россия и Конференция 2000 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. *Научные Записки ПИР-Центра*, №12, ноябрь 1999.

Bailey Emily, Guthrie Richard, Howlett Darryl, Simpson John. PPNN Briefing Book. Vol.1. The Evolution of the Non-Proliferation Regime. 4th Edition, 1998.

Cramer Kimber. Special NPT Bibliography. Arms Control Today. March 1995, pp.39, 40.

Reviewing the Non-Proliferation Treaty: Problems and Processes. ACRONYM No.12, September 1998.

1995 Review and Extension Conference of the parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Final Document. Parts I and II. New York, 1995.

ГЛАВА 9. СОКРАЩЕНИЕ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ: ДВУСТОРОННИЙ ПРОЦЕСС

Как указывалось в главе 1, ДНЯО стал возможен в результате исторического компромисса между ЯОГ и НЯОГ: последние приняли на себя обязательство не приобретать ядерного оружия в обмен на доступ к развитию атомной энергии в мирных целях и обещания ЯОГ вести дело к полной и всеобщей ликвидации этого оружия.

Определенные шаги в плане разоружения предпринимались и до заключения ДНЯО, уже в конце 1940-х и в 1950-е гг. Были внесены различные предложения, причем Советский Союз лидировал в мировом общественном мнении, настаивая на быстрой ликвидации и запрещении ядерного оружия. В 1963 г. был заключен Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, под водой и в космосе, который ограничил возможности по совершенствованию ядерного оружия.

Но к моменту подписания ДНЯО так и не были начаты серьезные переговоры о сокращении накопленных арсеналов ядерного оружия. По мысли НЯОГ, включенное в ДНЯО обязательство должно было ускорить этот процесс. Действительно, с 1969 г. начинаются полномасштабные переговоры об ограничении и сокращении ядерных вооружений. Итоги, однако, оказались скромнее, чем ожидалось 30 лет назад. Выяснилось, что разоружение сложнее и с политической, и с технической точки зрения.

Настоящая и следующая главы посвящены рассмотрению основных этапов и результатов переговоров о разоружении в период после подписания ДНЯО. Данная глава прослеживает историю двусторонних советско (российско)-американских переговоров об ограничении вооружений. С точки зрения многих специалистов, именно двусторонний контекст являлся «настоящим» разоружением, поскольку именно в этом формате рассматривалось закрытие программ модернизации и ликвидация носителей ядерного оружия. Многосторонние переговоры, которые, впрочем, не менее важны и фундаментальны, чем двусторонние, но имеют свою специфику, будут рассмотрены в главе 10.

Взаимосвязь между разоружением и нераспространением

Гонка ядерных вооружений часто определяется как «вертикальное распространение» в одном ряду с «горизонтальным», т.е. увеличением количества государств, владеющих этим оружием. Взаимосвязь между сокращением ядерных вооружений и международным режимом нераспространения определяется статьей VI ДНЯО, а также в статье VII и в некоторых пунктах преамбулы. Статья VI, в частности, гласит: «Каждый участник

настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем». Из данной формулировки прямо следует, что отсутствие прогресса в деле сокращения ядерных вооружений может рассматриваться как нарушение Договора и, следовательно, подрывает самую его основу.

Статья VI дает в руки НЯОГ рычаг для воздействия на ЯОГ — юридически оформленное право требовать серьезных действий в направлении разоружения и право давать оценку тому, что достигнуто.

В то же время следует обратить внимание на расплывчатость формулировки. Статья не устанавливает ни сроков, ни порядка осуществления сокращений. ЯОГ обязаны лишь вести переговоры «в духе доброй воли», а подобные формулировки всегда оставляют значительный простор для интерпретации и споров о том, насколько действия того или иного участника договора соответствуют духу документа.

Соответственно, разногласия между ЯОГ и НЯОГ практически неизбежны, поскольку они могут руководствоваться разными критериями. Например, США могут считать обоснованным отказ от ратификации ДВЗЯИ, так же, как внутри России существовала значительная оппозиция Договору СНВ-2. Но другие государства могут и не согласиться с существом выдвигаемых США и Россией аргументов.

Разногласия между ЯОГ и НЯОГ в оценке достигнутого прогресса в деле сокращения ядерных арсеналов не утихали в течение всего существования ДНЯО. Серьезность этих разногласий проявилась, например в 1990 г., когда согласование заключительного документа КР ДНЯО закончилось неудачей, несмотря на то, что конец 1980-х гг. представлял собой период беспрецедентного динамизма в ядерном разоружении: в 1987 г. СССР и США заключили Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД), был достигнут значительный прогресс на переговорах по СНВ-1 (подписан в 1991 г.); было заключено немало соглашений меньшего масштаба. И все же, по мнению ряда НЯОГ, этого было недостаточно.

Существует, однако, и обратная связь: в отсутствие ДНЯО сокращение ядерного оружия фактически невозможно. В условиях, когда значительное число стран уже располагает ядерным оружием и отсутствуют сколько-нибудь значимые гарантии того, что их число не возрастет, трудно ожидать, что кто-то согласится отказаться от ядерного статуса или значительно сократить количество своего оружия. Напротив, намного сильнее были бы стимулы для наращивания и совершенствования арсеналов.

Есть и чисто техническое препятствие: трудно договориться об уровнях ядерного оружия в процессе поэтапного сокращения. Пример

СССР и США показывает, что даже двустороннее стратегическое взаимоотношение всегда базируется на какой-то форме баланса, который основан на примерном равенстве возможностей по нанесению ответного удара. Этот баланс может устанавливаться стихийно, а может определяться договорным путем; к последнему в значительной мере и сводятся переговоры о сокращении вооружений. Вместе с тем договориться о том, какие уровни и структура арсеналов воплощают баланс, крайне сложно — именно с этим главным образом связана большая продолжительность переговоров. Достичь договоренностей такого рода в многостороннем формате почти невозможно.

Наконец, есть третья форма взаимосвязи между разоружением и нераспространением. Только в последнее время и ЯОГ, и НЯОГ начинают понимать всю парадоксальность положения дел: чем активнее идет процесс ядерного разоружения, тем выше риски, связанные с ядерным распространением.

В краткосрочном плане речь идет о том, что в ходе разоружения высвобождаются большие количества расщепляющихся материалов, которые требуется должным образом хранить и перерабатывать. Эта задача решаема, хотя и требует как времени, так и значительных ресурсов (и с этой точки зрения некоторое замедление разоружения представляется практически неизбежным). Без надлежащих переработки и хранения эти материалы могут быть использованы несанкционированным образом, т.е., проще говоря, может произойти их утечка в страны или негосударственные образования, стремящиеся заполучить ядерное оружие в обход ДНЯО.

Аналогичным образом, когда удастся согласовать запрет на производство расщепляющихся материалов в военных целях, любое нарушение автоматически приведет к серьезной деформации всей системы международной безопасности. Поскольку запасы оружейных расщепляющихся материалов в конце концов значительно сократятся даже у ЯОГ, исчезнет и способность адекватно ответить возможному нарушителю.

Более долгосрочную проблему представляет то, что значение любого возможного нарушения будет возрастать по мере сокращения арсеналов. На фоне десятков тысяч боезарядов, стоявших на вооружении в годы «холодной войны» (только СССР и США имели каждый по 20-30 тыс. боезарядов), несколько боезарядов в руках у нарушителей режима ядерного нераспространения имели важное значение, но все же ситуацию можно было удержать под контролем. Когда арсеналы измеряются сотнями боезарядов, любое нарушение становится крайне опасным.

Таким образом, на определенном этапе взаимосвязь между нераспространением и разоружением может приобрести зеркальный характер: страны, у которых еще сохраняется ядерное оружие, могут еще более жестко поставить вопрос о резком

повышении эффективности гарантий против распространения. Кроме того, договоры должны будут носить универсальный характер, т.е. предусматривать участие всех стран.

Примером негативной взаимосвязи такого рода является намерение США развернуть национальную систему ПРО в нарушение соответствующего договора, даже рискуя вызвать демонтаж всей системы договоренностей о разоружении. В определенной мере такая политика США связана со все более устойчивым мнением, что сдержать распространение ядерного оружия не удастся: тайная ядерная программа Ирака, вопросы к Северной Корее и неожиданные испытания в Индии и Пакистане в 1998 г. вызвали плохо скрываемый пессимизм. Однако подрыв существующих режимов в области разоружения способен подтолкнуть многие другие НЯОГ к приобретению ядерного оружия; может получиться своего рода замкнутый круг.

Классификация мер по ядерному разоружению

Договоренности, имеющие своим предметом ядерные вооружения, могут быть классифицированы по предмету и по типу. По первому признаку различают договоренности, охватывающие стратегические и нестратегические, оборонительные и наступательные вооружения. Классификация по предмету является наиболее общепринятой и связана с тем, что основные участники переговорного процесса — США и Россия — располагают всеми категориями ядерного оружия.

Другая классификация основывается на типе договоренностей. Меры по разоружению могут принимать форму договоров и соглашений, которые, как правило, включают те или иные механизмы контроля (создавая так называемые формальные международные режимы), или односторонних (параллельных или полностью односторонних) шагов, воздержания от тех или иных действий, нарушающих ядерный баланс и т.д.

Каждый из этих вариантов имеет свои преимущества и недостатки. Договоры, как правило, требуют длительного переговорного процесса, тщательно выверенного баланса интересов и взаимных уступок; переговоры могут быть прерваны вследствие неблагоприятной политической обстановки или нежелания одной из сторон идти на уступки, которые она считает неприемлемыми. Стало почти правилом считать, что переговорный процесс не успевает за модернизацией вооружений, и в результате часто ликвидируются только устаревшие системы, в то время как более совершенные и часто более опасные остаются за рамками договора. Преимуществами юридически обязывающих соглашений являются определенность обязательств, сложность выхода (как

правило, выйти из договора можно только при определенных условиях и с заблаговременным предупреждением других участников, чтобы дать им возможность подготовиться к новой ситуации).

Неформальные договоренности, такие, как, например, односторонние параллельные обязательства, могут быть достигнуты очень быстро и, как правило, не требуют тщательной «подгонки» интересов и уступок. Их негативной стороной является то, что отказ от обязательств может произойти без предупреждения, односторонним решением. Подобные меры, как правило, не предусматривают систем контроля.

Сокращение стратегических ядерных вооружений

Стратегическими считаются: для МБР наземного (шахтного или мобильного) базирования — ракеты с дальностью свыше 5500 км; для баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) — ракеты с дальностью свыше 800 км; для авиации — тяжелые бомбардировщики (ТБ) с дальностью свыше 8 000 км (для России — Ту-95 и Ту-160, для США — Б-52, Б-1Б и Б-2). Кроме того, к числу стратегических вооружений причисляются крылатые ракеты воздушного (КРВБ) и морского базирования (КРМБ) с дальностью свыше 600 км.

Стратегические вооружения служат предметом четырех договоров. Два из них вступили в силу — ОСВ-1 (1972) и СНВ-1 (1991). Договор ОСВ-2 (1979) был снят с ратификации администрацией Джеймса Картера в начале 1980 г. в знак протеста против ввода советских войск в Афганистан; а Договор СНВ-2 (1993) ратифицирован обеими сторонами, но не вступил в силу.

ОСВ-1 (Соглашение об ограничении стратегических вооружений и Договор по ПРО)

Под названием ОСВ-1 понимается комплекс из двух документов — Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (которое чаще и называется ОСВ-1) и Договор по ПРО, которые были подписаны одновременно 26 мая 1972 г.¹

¹ Различие между договором и соглашением имеет значение только для США, поскольку предусматривает разную процедуру ратификации: договоры требуют одобрения двумя третями голосов Сената — верхней палаты Конгресса, в то время как соглашение требует одобрения простого большинства (50% плюс один голос) обеих палат. Для СССР и России это различие не имеет значения: в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г. оба термина взаимозаменяемы.

ОСВ-1 заморозил количество ПУ МБР и БРПЛ. ТБ остались не охваченными, поскольку сторонам не удалось договориться о том, какие самолеты должны подпадать под ограничения. США настаивали, что речь должна идти только о ТБ, достигающих территории одной стороны с территории другой, а Советский Союз ставил вопрос о так называемых «средствах передового базирования», т.е. о самолетах США, способных достичь СССР с американских баз в Западной Европе и других регионах. Поскольку авиация осталась за рамками соглашения, СССР получил «компенсацию» в виде более высокого уровня баллистических ракет².

В ходе переговоров ОСВ-1 были выработаны некоторые основополагающие принципы, которые легли в основу и дальнейших договоренностей.

Во-первых, Договор касался только вооружений, которые могли быть применены в одном пуске (вылете), и не затрагивал общего запаса вооружений (ограничены были только возможности быстрого перезарядания шахт). Это отражало единое мнение относительно ситуации взаимного сдерживания (которое, впрочем, не было «озвучено» до конца 1980-х гг.): до тех пор, пока ни одна из сторон не имела возможности уничтожить стратегические ядерные силы другой стороны в первом ударе³, другая сторона сохраняла способность к ответному удару, и, следовательно, ядерная война оставалась невозможной.

Во-вторых, вооружения ограничивались опосредованно, через специальные правила зачета. Каждая пусковая установка рассматривалась как содержащая ракету независимо от того, находится в ней ракета или нет. Спутники и другие средства разведки (так называемые «национальные технические средства контроля») могли «засечь» только шахты МБР и подводные лодки, но не сами ракеты. Каждой из сторон было предпочтительнее считать, что все ПУ другой стороны содержат ракеты, и соответственно все они засчитывались в установленные уровни.

Договор по ПРО запретил развертывание систем противоракетной обороны национальной территории СССР и США, разрешив только две системы ПРО районов — вокруг

² Формальное неравенство установленных ОСВ-1 уровней послужило основанием для принятия в ходе ратификации «поправки Джексона», в соответствии с которой исполнительная власть США обязывалась обеспечить равные уровни для обеих стран на следующих переговорах. Это делало неизбежным включение в контекст ОСВ-2 всех видов стратегических вооружений, что, впрочем, и так отвечало намерениям сторон.

³ Традиционно считается, что для гарантированного уничтожения высокоукрепленной цели, такой, как шахта МБР, требуются как минимум две боеголовки (подводные лодки, находящиеся на боевом патрулировании, как правило, еще менее уязвимы). Соответственно, равенство пусковых установок моноблочных ракет (т.е. ракет с одной боеголовкой) теоретически гарантировало невозможность обезоруживающего удара.

столицы и одной из ракетных баз. Протокол 1974 г. сократил это количество до одной (СССР сохранил такую систему вокруг Москвы, а США оставили за собой право развернуть ее вокруг базы Гранд Форкс в Северной Дакоте). Каждая из этих систем могла развертываться в районе радиусом не более 150 км и включать не более 100 ракет-перехватчиков. Договор устанавливает ограничения на испытания ракет-перехватчиков. В частности, испытания могут проводиться только с оговоренных полигонов; испытание перехватчиков мобильного, морского, воздушного и космического базирования запрещены.

В основу Договора по ПРО легла та же логика, что и в соглашение по наступательным вооружениям, а именно — что предотвращение ядерной войны требует поддержания у каждой из сторон потенциала ответного удара, что в свою очередь предполагает «открытость» для ответного удара другой стороны. Содержащееся в первоначальном тексте Договора по ПРО право защищать столицу и одну базу МБР должно было способствовать реализации этой задачи — речь шла о сохранении контроля над СЯС и минимального числа МБР, которые могли бы быть использованы в ответном ударе. В то же время отсутствие полномасштабной обороны национальной территории другой стороны позволяло нанести ответный удар минимальными средствами. В силу этих соображений Договор по ПРО считается неотъемлемой предпосылкой процесса сокращения ядерных вооружений.

Опасность создания ПРО территории состоит в том, что объективно определить ее эффективность невозможно. Каждая из сторон исходила бы из худшего для себя варианта, считая, что другая сторона уже приобрела способность защититься от ответного удара, и продолжала бы наращивать наступательные и/или оборонительные вооружения. Поскольку потенциал преодоления системы ПРО до сих пор в несколько раз дешевле, чем развертывание обороны⁴, СССР и США рисковали сползти в непрекращающуюся гонку вооружений.

Следует отметить, что взгляды, которые легли в основу Договора по ПРО, не сразу пробили себе дорогу, в том числе и в Советском Союзе. В ходе встречи в Гласборо между Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным и президентом США Линдоном Джонсоном в 1967 г. с советской стороны было заявлено, что системы ПРО не следует ограничивать, поскольку они являются оборонительным оружием и укрепляют безопасность сторон. Министр обороны США Роберт Макнамара, считающийся одним из «отцов» теории ядерного сдерживания, прочел целую

⁴ Например, по советской оценке середины 1980-х гг., меры по преодолению системы «звездных войн», предлагавшиеся администрацией Рейгана, обошлись бы примерно в десять раз дешевле, чем расходы США по созданию оборонительной системы (Черняев А. Шесть лет с Горбачевым. М., Прогресс-Культура, 1993, с.74).

лекцию по этой теме, но потерпел неудачу. Советские военные, однако, в полной мере оценили и поддержали предложение об ограничении систем ПРО и смогли убедить руководство в целесообразности начала переговоров по этой теме.

Судьба Договора по ПРО была непростой. В 1983 г. президент Рональд Рейган выступил с так называемой «стратегической оборонной инициативой» (СОИ), в соответствии с которой предусматривалось создание эшелонированной системы обороны территории США с элементами космического базирования (включая размещение на орбите лазеров с ядерной накачкой). Советский Союз настаивал на том, что НИОКР в этом направлении противоречили бы Договору по ПРО. Одновременно СССР указывал, что создание ПРО территории страны делало бы невозможным сокращение стратегических наступательных вооружений. СССР начал целую серию НИОКР с целью обеспечить «асимметричный» ответ на будущую американскую ПРО, разрабатывая наступательные вооружения, которые были бы способны преодолеть эшелонированную оборону с участием перехватчиков космического базирования.

Наивысшая точка дипломатического противостояния по вопросу о ПРО пришлась на 1986 г., когда в ходе встречи на высшем уровне в Рейкьявике М.С. Горбачев выразил готовность согласиться на американское предложение о ликвидации всех стратегических баллистических ракет (что давало бы, по крайней мере на определенное время, преимущества США) в обмен на отмену работ по СОИ. Рональд Рейган отверг это предложение. Вопросы о соблюдении Договора по ПРО и заключении договора СНВ-1 (см. ниже) были «разведены» только осенью 1989 г., когда СССР дал согласие на заключение последнего вне зависимости от того, предоставят ли США гарантии относительно Договора по ПРО. С учетом предусматриваемых Договором СНВ-1 высоких уровней на стратегические наступательные вооружения, а также технологических «заделов» по мерам противодействия СССР действительно мог «развязать» эти два вопроса без ущерба для своей безопасности.

Параллельно развивались разногласия относительно соблюдения Договора, связанные со строительством так называемой Красноярской радиолокационной станции (РЛС) с фазированной решеткой: Договор по ПРО разрешает строительство таких РЛС только по периферии национальной территории. Проблема состояла в том, что СССР решил развернуть станцию раннего предупреждения в глубине территории с целью избежать строительства двух РЛС в отдаленных труднодоступных районах; считалось, что это не создаст проблем, поскольку Красноярская РЛС не являлась РЛС ПРО. Американская сторона, однако, указывала, что вне зависимости от предназначения данная РЛС

подпадала под запрет Договора как РЛС с фазированной решеткой определенных параметров. Советский Союз, со своей стороны, поднимал вопрос о двух американских РЛС — в Туле (Гренландия) и Файлингздейл-Мур (Шотландия), которые, будучи размещены вне территории США, также, по мнению советской стороны, подпадали под действие положения, разрешающего их развертывание только по периферии национальной территории. Этот вопрос частично разрешился только в 1990 г., когда СССР согласился демонтировать Красноярскую РЛС; американские РЛС с фазированной решеткой, однако, не были запрещены.

В 1991 г. при подписании Договора СНВ-1 Советский Союз сделал заявление, что развертывание Соединенными Штатами системы ПРО территории страны может быть истолковано СССР как основание для выхода из СНВ-1. На этом споры 1980-х гг. по существу завершились, тем более, что администрация Джорджа Буша-старшего (пришла к власти в 1989 г.) значительно ограничила работы по ПРО, по существу свернув СОИ. В 1992 г. Джордж Буш выступил с предложением о создании системы обороны против ограниченных ударов (так называемой «Джи-Палс»), в которой было предложено участвовать и России; данная идея была поддержана рядом российских оборонных НИИ и предприятий, хотя в военном и политическом руководстве сохранялись серьезные сомнения. Обсуждение данного вопроса началось осенью 1992 г. После прихода к власти в США в начале 1993 г. новой администрации во главе с Биллом Клинтонем активные работы по ПРО были свернуты, и диалог по этим вопросам не был продолжен.

Договор ОСВ-2

Сразу же после вступления в силу ОСВ-1 СССР и США приступили к переговорам о Договоре ОСВ-2⁵. Переговоры затянулись до 1979 г.

Новый договор должен был охватывать все стратегические вооружения, что требовало решить политически нелегкий вопрос об определении, какие самолеты должны считаться ТБ. Если СССР настаивал на включении в рамки договора всей американской авиации, способной достигать СССР независимо от дальности самолета, то США, отвергая это требование, со своей стороны стремились зачислить советский средний бомбардировщик Ту-22М в число тяжелых.

⁵ ОСВ-2 является договором в полном смысле этого слова, т.е. его ратификация в США требовала двух третей голосов сенаторов, однако палата представителей (нижняя палата Конгресса) не принимала участие в его одобрении.

Кроме того, новый договор должен был учесть появление новых видов стратегического оружия, прежде всего баллистических ракет с головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). США испытали МБР с РГЧ ИН в 1968 г. и приступили к развертыванию в 1970 г., хотя уже тогда многие выступали за их запрет. СССР приступил к испытаниям МБР с РГЧ ИН в 1972 г. и начал развертывание в 1975 г. Затем началось оснащение РГЧ ИН и ракет морского базирования. Кроме того, в 1970-е гг. США приступили к разработке КРВБ большой дальности для развертывания на ТБ; через несколько лет за ним последовал СССР.

Создание баллистических ракет с РГЧ ИН и ТБ с КРВБ радикально изменило стратегический баланс, поскольку теоретически создавались предпосылки для приобретения потенциала первого обезоруживающего удара⁶. Конечно, способность к победе в ядерной войне не существовала никогда, даже в 1950-е — начале 1960-х гг., когда США имели огромное количественное преимущество над СССР. Другое дело, что значительное превосходство теоретически может быть использовано для получения политических преимуществ, а также дестабилизирует и политические, и военные взаимоотношения, поскольку отстающая сторона будет пытаться ликвидировать дисбаланс.

В этих условиях каждая из сторон должна была полагаться на стратегию ответного удара по предупреждению о ракетном нападении (получившую в СССР название «ответно-встречного удара»), при которой ошибка системы предупреждения могла иметь катастрофические последствия. Растущая уязвимость вооружений стимулировала их качественное совершенствование с прицелом на повышение живучести. В 1970-е гг. и СССР, и США полным ходом развернули работы по созданию мобильных МБР, точное нахождение которых было бы сложно отслеживать в реальном масштабе времени и, следовательно, было трудно уничтожить. СССР первым создал мобильную МБР, «Темп-2С», которая во второй половине десятилетия вышла на стадию развертывания.

⁶ Каждая ракета с РГЧ ИН могла уничтожить несколько целей. Крылатые ракеты, хотя и имели одну боеголовку, обладали высокой скрытностью подлета (что сокращало время предупреждения и делало потенциальный удар неожиданным). Кроме того, они были точнее баллистических ракет и могли уничтожать высокоукрепленные цели, такие, как ракетные шахты и командные пункты.

Для уяснения причин, по которым эти вооружения считаются дестабилизирующими, достаточно рассмотреть упрощенную модель стратегического баланса в условиях равенства по пусковым установкам (принцип ОСВ-1). Если каждая сторона имеет по 100 моноблочных ракет, то после первого удара одной из сторон другая сторона сохранит порядка 50 ракет для ответного удара (при условии, что для уничтожения одной шахтной пусковой установки требуется две боеголовки). Если же каждая ракета оснащена, допустим, пятью боеголовками, то нападающая сторона может полностью уничтожить все 100 ракет другой стороны и сохранит еще 300 боеголовок. То есть она приобретет потенциал первого обезоруживающего удара и сможет «победить» в ядерной войне.

Соединенные Штаты начали разработку МБР МХ, которая так и не была развернута в мобильном варианте.

Стремясь стабилизировать стратегическое взаимоотношение, СССР и США, однако, преследовали также свои собственные интересы и исходили из разных концепций стабильности. При этом если американская концепция была достаточно хорошо разработана и «озвучена» в многочисленных выступлениях и работах независимых специалистов, то советские взгляды в то время не были изложены открыто, хотя их существо можно понять из анализа позиции СССР.

США предложили достаточно строгую классификацию различных видов стратегического оружия по их воздействию на стратегическую стабильность. При этом наиболее «стабилизирующими» оказались именно те системы, в которых США имели преимущество — БРПЛ и ТБ. Наиболее дестабилизирующими были объявлены МБР с РГЧ ИН⁷.

Советский Союз, де-факто признавая дестабилизирующие свойства МБР с РГЧ ИН⁸, указывал также на то, что американские БРПЛ новейшей модификации «Трайидент-2» обладают высокой точностью и способны поражать высокоукрепленные цели, т.е. реально могут использоваться как средство первого, обезоруживающего удара. То же относилось и к ТБ с КРВБ.

Сложность переговоров и в то время, и в дальнейшем была связана с исторически и географически обусловленными различиями между структурами СНВ двух стран. США имели две трети боезарядов на подводных лодках и ТБ. СССР, напротив, традиционно отдавал приоритет МБР. Переходить на американскую структуру для СССР было не просто дорого, но и контрпродуктивно: выходы в открытый океан были неудобны и в значительной мере могли контролироваться противолодочной обороной США и их союзников, а отсутствие передовых баз заставляло ТБ проделывать длинный путь и снижало полезную нагрузку.

Итогом длительных и сложных переговоров был компромисс. Договор ОСВ-2 установил равные уровни стратегических

⁷ МБР с РГЧ ИН являются наиболее привлекательной целью и поэтому «притягивают» к себе первый удар: нападающая сторона стремится уничтожить их в первую очередь. Соответственно, сторона, имеющая наибольшее количество МБР с РГЧ ИН, держит их в наивысшей степени готовности для пуска по предупреждению из боязни потерять их. Другой, связанный с этим аргумент состоит в том, что поскольку МБР с РГЧ ИН столь уязвимы, то их единственным предназначением может быть только использование в первом ударе; на основе этого в США в 1970-е и 1980-е гг. была создана целая серия теорий, стремившихся доказать, что СССР пытается приобрести потенциал первого удара.

⁸ Впервые дестабилизирующая роль МБР с РГЧ ИН была открыто признана министром обороны России Павлом Грачевым летом 1992 г., когда он обосновывал целесообразность согласия на запрет таких средств в рамках Договора СНВ-2. *Известия*, 6 июня 1992.

носителей — МБР, БРПЛ и ТБ — по 2 400 единиц для каждой стороны и предусмотрел даже небольшое сокращение до 2 250.

Внутри общих уровней были установлены подуровни, призванные учесть наличие средств с РГЧ ИН. Подуровни были построены по «принципу матрешки», который стал общепринятым подходом к ситуациям аналогичного рода.

Конкретно, договор установил предельный подуровень в 1 320 единиц на количество носителей с более чем одним боезарядом, а именно МБР и БРПЛ с РГЧ ИН, а также ТБ с КРВБ (тяжелые бомбардировщики с оружием малой дальности приравнивались к моноблочным ракетам⁹). Внутри него был установлен подуровень в 1 200 единиц для МБР и БРПЛ с РГЧ ИН. Наконец, внутри подуровня для баллистических ракет с РГЧ ИН был установлен подуровень для МБР с РГЧ ИН в 820 единиц.

Структура подуровней ОСВ-2 создавала своего рода «улицу с односторонним движением» для «перелива» носителей из одной категории в другую. Можно было развернуть 2 400 моноблочных МБР, но нельзя более 820 МБР с РГЧ ИН. Можно было за счет сокращения количества МБР с РГЧ ИН до нуля развернуть 1 320 БРПЛ с РГЧ ИН, но обратная процедура была запрещена. То есть Договор в определенной мере предписывал структуру СНВ каждой из сторон.

Все же, хотя вооружения, составлявшие основу советского арсенала, оказались предметом наиболее строгих ограничений, подуровни были достаточно высоки, чтобы удовлетворить интересы СССР. Далеко не случайно советские программы модернизации стратегических вооружений в 1980-е гг. укладывались в рамки ОСВ-2. Впрочем, то же можно сказать и о США.

ОСВ-2 установил некоторые ограничения на модернизацию, в частности, каждая из сторон могла создать не более одного нового типа МБР¹⁰.

Более сложная структура договора потребовала и усложненного зачета. В дополнение к правилу, что каждая пусковая установка рассматривалась как содержащая ракету, было введено «правило типа». Тип ПУ можно было различить со спутников, и если из

⁹ При этом стороны исходили из того, что ТБ с оружием малой дальности (ракетами или бомбами свободного падения) должен войти в зону действия ПВО другой стороны и может быть сбит до того, как он использует оружие. ТБ с КРВБ может произвести пуск с безопасного расстояния, и в пределы территории другой стороны проникают несколько боезарядов.

¹⁰ США планировали в качестве нового типа МБР МХ («Пискипер»). СССР, однако, развернул в 1980-е гг. два новых типа ракет. Мобильная МБР с 10 боеголовками на железнодорожной ПУ РТ-23 (СС-24 по американской классификации) была зачислена как новый тип, а грунтовая мобильная МБР РТ-2П «Тополь» (СС-25) была объявлена модификацией старой моноблочной шахтной МБР РТ-2 (СС-13), поскольку она укладывалась в предусмотренные договором пределы модернизации существующих типов.

любой ПУ определенного типа когда-либо запускалась ракета с РГЧ ИН, то все ПУ этого типа считались содержащими ракеты с РГЧ ИН. Для ТБ было введено понятие «функционально обусловленных внешне наблюдаемых признаков», по которым самолеты с КРВБ можно было отличать от самолетов, не способных нести КРВБ.

Правила засчета и система ограничений диктовались возможностями национальных средств контроля. СССР твердо выступал против инспекций на местах, поэтому иного выхода, как правило типа, не было. СССР даже пошел на существенные потери: именно невозможность надежно проконтролировать из космоса количество мобильных МБР послужило самым сильным аргументом, с помощью которого США добились запрета этих средств. В конце 1980-х гг., впрочем, выяснилось, что готовность США к широкомасштабным инспекциям на местах была в значительной мере политическим лозунгом и средством давления на СССР.

Единственным существенным нововведением в мерах контроля стал запрет на шифрование телеметрической информации, передаваемой с борта ракет во время испытательных пусков. По существу, стороны согласились открыть для прослушивания другой стороной важные данные, которые были призваны обеспечить контроль за соблюдением параметров модернизации, ограничением количества боеголовок на ракетах и т.д. Кроме того, в рамках обмена данными Советский Союз впервые предоставил информацию о количестве баллистических ракет каждого типа; до этого советская сторона использовала только американскую информацию¹¹.

Как отмечалось выше, Договор ОСВ-2 не был ратифицирован Соединенными Штатами. В начале января 1980 г. Джеймс Картер отозвал его из Сената. Впрочем, проведенные осенью 1979 г. слушания показали, что ратификация была под вопросом в любом случае. Советско-американские отношения быстро ухудшались, сползая к состоянию, которое в начале 1980-х гг. получило название «второй холодной войны».

Итоги 1970-х гг. нельзя оценить однозначно. Вне всякого сомнения, удалось начать процесс ограничения стратегических вооружений. Были заключены первые соглашения, отработаны принципы подхода к решению разоруженческих задач. Следует особо выделить заключение Договора по ПРО, который уже сам по себе предотвратил новый, особо опасный виток гонки вооружений с непредсказуемыми последствиями и создал основу для ограничения и сокращения наступательных вооружений.

¹¹В связи с этим обменом данными в Советском Союзе были придуманы специальные обозначения типов, которые не использовались более ни для каких целей; МБР обозначались как РС с соответствующим цифровым индексом, а БРПЛ как РСМ с цифровым индексом.

Вместе с тем итоги десятилетия оказались скромными. Было остановлено развертывание новых ПУ, но число боезарядов многократно возросло вследствие внедрения РГЧ ИН. В итоге стратегическая стабильность в 1970-е гг. скорее снизилась. За рамками договоренностей осталось ядерное оружие нестратегической дальности.

Советско-американские переговоры о разоружении в 1970-е гг. наглядно продемонстрировали противоречие между национальным характером принятия решений и международной значимостью проблемы. При том, что СССР и США придерживались единой точки зрения на необходимость сокращения ядерных вооружений, они существенно расходились в представлениях о том, как конкретно осуществлять эти сокращения, в частности, как учитывать различия в структурах их ядерных арсеналов. Свою роль играли различия в политических и экономических системах.

Трудно точно сказать, насколько ОСВ-1 и ОСВ-2 соответствовали обязательствам по статье VI ДНЯО. СССР и США могли заявить, что они вели дело добросовестно, и ссылаться на другую сторону и объективные трудности для объяснения скромных результатов, но многие НЯОГ имели свою точку зрения.

СНВ-1

Начало 1980-х гг. ознаменовалось глубоким кризисом в процессе сокращения вооружений. Новая администрация США пришла к власти с убеждением, что спешить с переговорами не следует: сначала нужно нарастить и модернизировать ядерные вооружения, а потом уже вести переговоры, причем более жестко добиваясь своего. И хотя под мощным давлением американской общественности и союзников по НАТО переговоры пришлось все-таки возобновить, никакой спешки не было. Президент Рейган, провозжая в Женеву на первый раунд новых переговоров главу делегации Эдварда Рауни, даже подарил ему ковбойские штаны, подбитые кожей, с пожеланием «пересидеть русских».

Начавшиеся весной 1982 г. переговоры получили название ОССВ («ограничение и сокращение стратегических вооружений»), впоследствии видоизмененное в СНВ («сокращение наступательных вооружений»); соответственно ставший их результатом договор получил название СНВ-1. Переговоры были прерваны в конце 1983 г., когда Советский Союз отказался назначить дату нового раунда в знак протеста против начавшегося в Западной Европе развертывания американских средств средней дальности (см. следующий раздел), и возобновились в марте 1985 г. (по советской трактовке — начались новые переговоры, откуда и новое название).

Резко негативное воздействие на положение дел имело выдвижение Рональдом Рейганом в 1983 г. СОИ. Начатые в 1985 г. переговоры проходили в формате трех взаимосвязанных групп — по космическим вооружениям, стратегическим наступательным вооружениям и по оружию средней дальности; эта структура отразила взаимосвязь как оборонительных и наступательных вооружений, так и оружия стратегической и средней дальности (т.е. вопрос о «средствах передового базирования», вставший в ходе ОСВ-1).

До осени 1986 г. переговорный процесс практически стоял на месте. В январе 1986 г. М.С. Горбачевым была выдвинута программа ликвидации всего ядерного оружия в течение 15 лет. Хотя она и имела несомненный пропагандистский компонент, удалось изменить политико-психологический климат и выдвинуть некоторые вполне практические предложения, позволившие оживить переговоры.

Осенью 1986 г. в ходе встречи на высшем уровне в Рейкьявике (Исландия) М.С. Горбачев и Рональд Рейган вплотную подошли к договоренности о сокращении на 50% стратегических вооружений. Договоренность сорвалась, поскольку они разошлись в вопросе о немилитаризации космоса.

После подписания в декабре 1987 г. Договора о РСМД стратегические вооружения заняли центральное место в повестке дня, и летом 1991 г. был подписан Договор СНВ-1. Он вступил в силу только в декабре 1994 г., поскольку после распада СССР потребовалось сначала урегулировать вопрос о неядерном статусе Белоруссии, Казахстана и Украины.

Отличительной чертой Договора СНВ-1 стало ограничение количества не ракет, а ядерных боезарядов, которые могли бы быть использованы в одном пуске (вылете). Их количество было ограничено уровнем 6 000. В соответствии с «принципом матрешки» не более 4 900 из них могло быть развернуто на баллистических ракетах; а из них не более 1 100 на мобильных МБР и не более 1 540 на тяжелых МБР¹². Число стратегических носителей ограничивалось уровнем 1 600, хотя при ограничении количества боезарядов ограничивать носители, в общем, не требуется.

Правила засчета в основном следовали той же системе допущений, что и в 1970-е гг. Каждая пусковая установка определенного типа считалась содержащей ракету определенного типа, а за каждым типом ракеты засчитывалось определенное количество боеголовок. Таким образом, общее количество боеголовок на баллистических ракетах можно было узнать, подсчитав ПУ. Сложнее дело обстояло с ТБ: за каждым засчитывается не максимальное количество боезарядов, а условное. Основанием для такого решения стало заявление США о том, что ТБ обычно не несут

¹² Существует только один тип тяжелых МБР — советские Р-36 и ее модификации (SS-9 и SS-18 по американской классификации). Все остальные МБР считаются «легкими»; тяжелых БРПЛ не существует и их создание запрещено.

полную нагрузку. После длительных сомнений СССР согласился, оговорив для себя более приемлемые параметры максимальной и засчетной загрузки ТБ.

За счет разницы между реальным и засчетным количеством боезарядов ТБ возник разрыв между установленным по договору уровнем 6 000 боезарядов и реальным, которое для США составляло бы приблизительно от восьми до девяти тысяч боезарядов, а для СССР по подсчетам конца 1980-х гг. могло превышать 7 000 (США имели намного больше ТБ, чем СССР). Таким образом, по сравнению с существовавшим в то время уровнем в 10-12 тыс. боезарядов для каждой из сторон сокращение арсеналов составило не более 30%. Следует учитывать, впрочем, что преимущество США создавалось в основном за счет ядерных вооружений малой дальности на ТБ, которые засчитывались как один боезаряд, СССР эти вооружения не развивал.

Предусмотренные Договором СНВ-1 сокращения в основном коснулись устаревших вооружений, которые могли быть сокращены сравнительно безболезненно. В значительной мере это произошло потому, что США возражали против сокращения новейших систем оружия, таких, как БРПЛ «Трайдент-2» и КРВБ, в то время как СССР отказывался от сокращения своих МБР с большим числом боеголовок в отсутствие американских уступок¹³.

При всем при том, стабилизация стратегического взаимоотношения позволяла говорить о более глубоких сокращениях на следующем этапе, главным образом за счет постепенного обращения вспять негативных последствий принятия на вооружение РГЧ ИН. В отличие от ОСВ-2, СНВ-1 не запретил мобильные МБР¹⁴, и, таким образом, на фоне общего сокращения количества боезарядов доля малоуязвимых систем оружия начала расти. Кроме того, СНВ-1 модифицировал классическое правило типа и разрешил снижать число боезарядов на баллистических ракетах¹⁵, что также способствовало укреплению стратегической

¹³ Например, США добились выведения за рамки СНВ-1 КРМБ большой дальности, которые по своим боевым возможностям равнялись КРВБ. Удалось только добиться одностороннего обязательства США не наращивать количество ядерных КРМБ сверх 880 единиц, но это обязательство было выведено за формальные рамки договора.

¹⁴ В течение нескольких лет США настаивали на запрете этих систем, аргументируя свою позицию сложностями контроля, но на этот раз СССР занял жесткую позицию, и США должны были снять свое требование в обмен на согласование приемлемой системы контроля.

¹⁵ В соответствии с правилом типа за каждой ракетой засчитывалось максимальное количество боезарядов, с которым она была испытана. Например, все советские БРПЛ СС-Н-18 должны были засчитываться с семью боезарядами, поскольку именно с этим числом они испытывались, хотя реально СССР к тому времени развертывал эти ракеты с тремя боезарядами. СНВ-1 позволил закончить снятие лишних боезарядов с ракет этого типа. Аналогичное правило распространялось и на другие типы баллистических ракет. Каждая из сторон имела равные права по снижению числа боезарядов на баллистических ракетах.

стабильности. Совместное заявление о дальнейших переговорах по СНВ, принятое М.С. Горбачевым и Джорджем Бушем в июне 1990 г., предусматривало движение в том же направлении, т.е. при более глубоких сокращениях должна была еще больше повыситься стратегическая стабильность, в том числе за счет снижения концентрации боеголовок на баллистических ракетах.

Принципиально новым элементом СНВ-1 стала мощная система контроля. Договор предусматривает всесторонний обмен данными, которые постоянно обновляются и позволяют точно знать, где и сколько находится ракет или ТБ каждого типа. Технические характеристики ракет контролируются за счет обязательной передачи нешифрованной телеметрической информации в ходе летных испытаний. Проводятся 13 различных видов инспекций, включая, например, проверку числа ракет на каждом объекте, количества боеголовок на баллистических ракетах и т.д. На постоянной основе контролируются заводы по производству ракет, что позволяет каждой из сторон точно знать, сколько ракет определенных типов имеет другая сторона.

Распад СССР и Договор СНВ-2

После распада СССР в конце 1991 г. на первое место вышел вопрос о судьбе советского арсенала, который оказался разбросанным, помимо России, на территориях трех республик — Украины, Казахстана и Белоруссии. Переговоры СНВ-2, начавшиеся фактически в январе 1992 г., проходили в условиях сложной многоуровневой «игры», включавшей собственно сокращение вооружений, судьбу ядерного оружия, оставшегося вне России, потребности России в экономической помощи и ряд других факторов.

Сразу после событий августа 1991 г. США выступили со своей старой инициативой о ликвидации всех МБР с РГЧ ИН¹⁶, выдвинув аргумент, что это помогло бы ликвидировать все МБР на территории Украины и Казахстана. Однако еще существовавший тогда Советский Союз отверг американское предложение как предусматривавшее неприемлемую ломку сложившейся структуры СНВ. В январе 1992 г. в ходе визита в США Б.Н. Ельцин предложил ликвидировать все баллистические ракеты с РГЧ ИН, т.е. включая и БРПЛ. Это предложение было отвергнуто

¹⁶В ходе переговоров о Совместном заявлении о дальнейших переговорах в 1990 г. США выдвинули предложение о полной ликвидации МБР с РГЧ ИН, которое было отвергнуто СССР. В интересах укрепления стратегической стабильности СССР был готов снизить концентрацию боеголовок на баллистических ракетах.

американцами¹⁷. Обмен мнениями по будущему СНВ-2 продолжался безрезультатно и практически прекратился в марте.

Тем временем начали осложняться отношения с Украиной по вопросу о ядерном оружии. Складывалось впечатление, что руководство этой страны всерьез рассматривает вопрос о принятии статуса ЯОГ; если бы это произошло, то весьма вероятно, что по пути Украины мог бы последовать и Казахстан. В отсутствие у России реальных рычагов влияния на позиции этих стран США в значительной мере держали в своих руках решение вопроса о статусе бывших советских республик. Это обусловило определенную степень готовности более внимательно отнестись к американским предложениям, включая ликвидацию МБР с РГЧ ИН.

Большую роль сыграло и то, что в течение весны стала очевидна необоснованность расчетов на сохранение не только единых стратегических сил, но и единого военно-промышленного комплекса. Поскольку производство современных МБР с РГЧ ИН осталось на Украине (Днепропетровское НПО «Южное»), Россия встала перед выбором: развернуть соответствующее производство на своей территории или согласиться на ликвидацию этого класса ракет. В условиях сложного экономического положения второй выход был единственно возможным.

С учетом этих соображений было решено принять американское предложение о ликвидации МБР с РГЧ ИН, но проведенные российскими военными расчеты показали, что изменение структуры арсенала не станет катастрофически дорогим только при условии очень глубоких сокращений — предпочтительно до 2 500 боезарядов, максимум 3 000. Соответствующие предложения были внесены на Лиссабонской встрече министров иностранных дел в мае 1992 г., которая возобновила процесс переговоров¹⁸.

В июне 1992 г. в ходе встречи на высшем уровне в Вашингтоне Б.Н. Ельцин и Джордж Буш приняли совместное заявление, в котором были очерчены основные параметры будущего Договора СНВ-2, которые включили ликвидацию МБР с РГЧ ИН. России, однако, пришлось согласиться на более высокий уровень боезарядов по будущему договору — 3-3,5 тыс., что явилось

¹⁷ Собственно, оно было неприемлемо и для России, поскольку оставляло бы только несколько сотен моноблочных мобильных МБР и горстку ТБ (все БРПЛ СССР и США имели РГЧ ИН). США при этом сохраняли бы значительную по размеру группировку ТБ с КРВБ. Можно предположить — хотя точных свидетельств на этот счет не имеется, — что выдвигание этого предложения преследовало цель заблокировать переговоры путем выдвигания заведомо неприемлемого предложения до тех пор, пока американская позиция не изменится.

¹⁸ На этой встрече также решались вопросы неядерного статуса других бывших республик СССР (см. главу 7).

компромиссом между исходными позициями¹⁹. Эти сокращения должны были быть завершены к 2003 г.²⁰

Договор СНВ-2 был подписан 3 января 1993 г., уже после выборов в США, на которых победил Билл Клинтон. Сенат США дал «совет и согласие» на ратификацию Договора в 1996 г. В России Договор был ратифицирован только в апреле 2000 г.

Ключевым недостатком СНВ-2 является не столько сама по себе ликвидация МБР с РГЧ ИН, сколько несоответствие этой меры реальным экономическим и финансовым возможностям России, а также срокам сокращений.

Кроме того, Договор ограничивал возможности России по использованию имеющейся инфраструктуры и вооружений. Так, первоначально планировалось использовать для развертывания моноблочных МБР шахты от подлежащих ликвидации тяжелых МБР, однако после упорных возражений американской стороны было разрешено использовать только 90 шахт из 154. Аналогичным образом, Россия планировала снизить количество боеголовок до одной на всех 170 МБР УР-100Н (СС-19), однако ей пришлось согласиться на то, что эта операция может производиться только на 105 ракетах. В то же время США выговорили себе право на практически неограниченное использование процедуры снижения заявленного числа боеголовок МБР «Минитмен-3» и БРПЛ «Трайидент-2» и на вывод из зачета 100 ТБ путем их «перезаявления» в качестве носителей неядерного оружия. В результате США приобрели значительный так называемый «возвратный потенциал», т.е. способность быстро нарастить свой стратегический арсенал (примерно на 50%) в случае прекращения действия Договора. Поскольку Россия должна была уничтожить все МБР с РГЧ ИН, кроме устаревших 105 УР-100Н, ее возвратный потенциал минимален.

Положительной чертой СНВ-2 по сравнению с предыдущим договором явилось изменение правил зачета вооружений ТБ: «условный зачет» был ликвидирован, и в уровень 3-3,5 тыс. боезарядов засчитывались все вооружения ТБ, как КРВБ большой дальности, так и оружие малой дальности. Это явилось значительной уступкой США, которые лишились нескольких тысяч «спрятанных» боезарядов.

¹⁹ Ясно, что реальное значение имеет только верхняя планка.

²⁰ Указание даты завершения сокращений является редким исключением: как правило, подобные договоры предусматривают «период» сокращений (например, СНВ-1 устанавливает семилетний срок с момента вступления в силу). Затягивание ратификации с каждым годом сокращало срок выполнения договора, который и без того требовал непосильных расходов. Кроме того, договор предусматривал, что при наличии американской помощи договор должен был быть выполнен даже раньше — к 2000 г. В условиях программы Нанна-Лугара (рассматривается в главе 14) более короткий срок становился фактически неизбежным.

Несмотря на это, российское руководство последовательно выступало за ратификацию СНВ-2. Руководство Министерства обороны доказывало, что при всех недостатках вступление СНВ-2 в силу больше отвечает интересам России, чем его отсутствие, при котором стратегический баланс определялся бы условиями СНВ-1, дававшего США еще большее преимущество. На судьбу СНВ-2 влияли и события, напрямую с ним не связанные. Ратификация срывалась несколько раз. Ухудшение российско-американских отношений в связи с расширением НАТО в 1997 г. сделало ратификацию практически нереальной. Весной 1998 г. почти подготовленная ратификация сорвалась из-за конфликта между президентом РФ и Госдумой по поводу назначения премьер-министра. В декабре 1998 г. СНВ-2 был снят с голосования в знак протеста против бомбардировки Ирака США и Великобританией. Наконец в марте 1999 г. практически гарантированная ратификация СНВ-2 была сорвана начавшейся войной НАТО на Балканах. «Злоключения» СНВ-2 показали, что в 1990-е гг. вопрос сокращения СНВ потерял прежнюю остроту, прежде всего вследствие явного снижения угрозы ядерной войны. В 1970-е — 1980-е гг. договоры были менее уязвимы по отношению к другим вопросам.

В течение 1990-х гг. российская дипломатия неоднократно и не без успеха предпринимала попытки изменить положение дел. 26 сентября 1997 г. был подписан Протокол, который продлил срок выполнения СНВ-2 до 2007 г., что позволило снизить расходы на его выполнение.

Подводя итоги переговоров о сокращении стратегических вооружений периода «холодной войны» (включая СНВ-2, который в своих основных чертах явился продолжением прежних договоров), следует указать на противоречивость, неполноту результатов немалых усилий, потраченных двумя крупнейшими ядерными державами.

Во-первых, сокращение вооружений вплоть до СНВ-2 было сравнительно незначительным. Соглашение ОСВ-1 и Договор ОСВ-2 смогли лишь заморозить количество стратегических носителей ядерного оружия, однако широкомасштабная модернизация, включая прежде всего оснащение баллистических ракет РГЧ ИН, ТБ крылатыми ракетами большой дальности, а также развертывание КРМБ, привели к огромному росту как количества боезарядов, так и боевых возможностей оружия. Достигшие своего пика к концу 1980-х гг. арсеналы подверглись только примерно 30-процентному сокращению в соответствии с СНВ-1 (выполнение этих мер закончилось в 2001 г.). Договор СНВ-2, предусматривающий существенно более глубокие сокращения, не вступил в силу, да и в любом случае его выполнение могло завершиться только к 2007 г. (кроме того, поскольку с американской стороны сокращения должны были

осуществляться в основном за счет «разгрузки» баллистических ракет, сохранялся значительный «возвратный потенциал»).

В то же время анализ переговорного процесса продемонстрировал, что широко распространенное мнение о том, что «переговорщики не успевают за модернизацией», неверно. Сами по себе переговоры занимали не так уж много времени — как правило от двух до четырех лет (СНВ-2 стал исключением — переговоры заняли лишь примерно полгода). Потери времени накапливались из-за недостатка политической воли, подмены серьезных переговоров имитацией диалога (как это случилось в начале 1980-х гг.). Это означает, что при наличии политической воли даже самые сложные вопросы могут быть решены в разумные сроки.

Во-вторых, подходы к ядерному разоружению были продиктованы прежде всего стремлением снизить вероятность внезапного первого удара. Соответственно, внимание было обращено прежде всего на ограничение и сокращение вооружений, которые могли быть использованы в одном пуске/вылете. Запасы ядерных боеприпасов не только не ограничивались, но и вообще не были предметом переговоров, так же как и запасы оружейных расщепляющихся материалов.

В то же время этап концентрации по преимуществу на развернутых вооружениях был, видимо, неизбежен: в конце концов, они действительно представляют наибольшую опасность. Предпринятые в течение 1970-х и 1980-х гг. шаги позволили в 1990-е гг. обратить более пристальное внимание на другие проблемы, такие, как запрещение производства расщепляющихся материалов (см. следующую главу), и сформировали повестку дня на будущее.

В-третьих, значительные, возможно даже чрезмерные усилия были затрачены на то, чтобы в максимальной степени уравнивать возможности арсеналов и сделанные каждой из сторон уступки. На деле — и это отчетливо проявилось в конце 1980-х — начале 1990-х гг. — стратегическое взаимоотношение является достаточно эластичным и позволяет проявлять на переговорах более высокую степень гибкости, чем казалось в период «холодной войны», характеризовавшийся взаимной подозрительностью и порой чрезмерно математизированными, формальными методиками расчета ядерного баланса. Преодоление преимущественно политических и социально-экономических противоречий может позволить достичь существенно более быстрого прогресса в вопросах разоружения.

К успехам этого периода можно отнести достижение определенной ясности относительно принципов стратегической стабильности. Уже сам по себе переход от утверждения на переговорах принципа полного количественного равенства, воплощавшего в себе идею «взаимного гарантированного уничтожения», к идее неприемлемого ущерба в ответном ударе

позволил значительно повысить гибкость переговорных позиций. В то же время яснее стали и пределы такой гибкости.

В-четвертых, к числу несомненных достижений 1980-х гг. следует отнести прогресс в вопросах контроля, общей транспарентности, без которой дальнейшее продвижение в вопросах разоружения было бы просто невозможным. В течение буквально нескольких лет в конце 1980-х гг. был совершен настоящий прорыв от принятия самой идеи инспекций на местах (впервые они были согласованы в Стокгольмском документе по мерам доверия 1985 г. и включали посещения маневров иностранными наблюдателями) к полномасштабным инспекциям с коротким сроком предупреждения на объектах, которые традиционно относятся к наиболее чувствительным. Огромных масштабов достиг обмен как информацией о количествах и местах развертывания вооружений, так и информацией иных видов, например, полный обмен телеметрической информацией, получаемой при пусках ракет.

Достижения этого периода позволяют сегодня с уверенностью ставить вопрос о проведении еще более интрузивных инспекций, которые могут потребоваться, например, для договоренностей, касающихся оружейных расщепляющихся материалов. Кроме того, достигнутый довольно высокий уровень сотрудничества и открытости позволил согласовать первый поистине международный механизм контроля для ДВЗЯИ (см. следующую главу).

В-пятых, сокращения, предусмотренные договорами 1980-х гг. вскрыли ту черту разоруженческого процесса, о которой ранее никто просто не задумывался: сроки и стоимость. Ликвидация ядерного оружия требует времени. Мало согласовать договор, нужно его еще выполнить, и на это уходят годы. Вскоре может сложиться такая ситуация, что договориться о ликвидации оружия будет быстрее и легче, чем уничтожить его. Кроме того, разоружение оказалось более дорогостоящим, чем ранее представлялось. Стало ясно, что более глубокие и радикальные меры, например, в отношении боеголовок или расщепляющихся материалов, потребуют тщательного расчета и взвешенных решений именно по этому параметру, который может оказаться в будущем более важным и трудным делом, чем согласование уровней и подуровней.

Вопрос о сокращении СНВ в конце 1990-х — начале 2000-х гг.

Дискуссия вокруг Договора СНВ-2, не прекращавшаяся в течение всех 1990-х годов, включала в качестве постоянного элемента тезис о необходимости заменить СНВ-2 новым договором — СНВ-3. Согласование пониженных уровней стратегических вооружений

позволило бы снять противоречие между предусмотренными СНВ-2 высокими уровнями и реальными экономическими возможностями России.

Кроме того, снимался бы риск весьма неприятной ситуации, когда Россия огромными усилиями вышла бы на уровень СНВ-2 и потом столкнулась бы с необходимостью ликвидировать только что произведенные ракеты (а отказ от сокращения ставил бы ее в двусмысленное и политически проигрышное положение якобы противника разоружения). С другой стороны, формирование программ модернизации и производства исходя из надежды на СНВ-3 в его отсутствие было тоже спорным, поскольку не было никаких гарантий заключения нового договора в короткие сроки.

Поскольку просто отказаться от СНВ-2 было по политическим соображениям сложно, большую популярность, особенно среди российских законодателей, получило предложение о том, чтобы к моменту ратификации СНВ-2 подготовить рамочное соглашение по СНВ-3, т.е. оформить договоренность об основных параметрах будущего договора. Администрация США противилась такому решению, тем более что резолюция Сената о ратификации СНВ-2 прямо запрещала любые сокращения СНВ без вступления его в силу. Тем не менее определенного сдвига все же удалось добиться: на Хельсинкской встрече на высшем уровне в 1997 г. было подтверждено, что переговоры начнутся сразу же после ратификации СНВ-2 и что новый договор установит уровень в 2 000–2 500 боезарядов.

Вскоре после этой встречи начались неофициальные консультации, которые были на некоторое время прерваны в связи с агрессией НАТО против Югославии, но затем возобновлены. В ходе этих консультаций удалось достичь определенного прогресса. Все же расхождения между детализированными позициями были еще значительны, как показал обмен проектами СНВ-3 в 2000 г. С российской точки зрения, американские предложения не решали ключевой проблемы Договора СНВ-2 — ограничения «возвратного потенциала», в то время как США считали, что Россия чрезмерно ограничивает гибкость в определении будущей структуры арсенала США. Существовало также немало других разногласий.

События 2000 г. продемонстрировали неоднозначность последствий окончания «холодной войны» для вопросов сокращения СНВ. Вряд ли можно сомневаться, что в период острого глобального противостояния двух сверхдержав обе или, по крайней мере, одна из сторон приложили бы усилия для преодоления разногласий с тем, чтобы гарантировать сокращение стратегического потенциала другой стороны. В новых условиях Россия и США могут до определенной степени позволить себе более «легкое» отношение к этим проблемам: отсутствие договора вовсе не обязательно означает сохранение или увеличение угрозы ядерной войны; если конкретные

детали слишком разнятся, то обе страны могут просто не заключать новое соглашение.

Следует, впрочем, ясно осознавать, что такая ситуация далека от идеальной. Как отмечалось в главе 3, главной функцией любого международного режима является обеспечение предсказуемости. Отсутствие юридически обязывающих, поддающихся проверке договоренностей объективно снижает уровень предсказуемости стратегического баланса, и даже если обе страны осуществят глубокие сокращения в одностороннем порядке, недостаток взаимной информации и опасения, что другая сторона (или третьи страны) может внести в стратегический баланс какой-то новый, опасный элемент, чреваты риском возникновения кризиса в их взаимоотношениях в будущем.

В течение всего рассматриваемого периода Россия проявляла существенно большую заинтересованность, чем США, в заключении нового договора. Осенью 2000 г. она даже «повысила ставки», предложив согласовать более низкий уровень, чем предусматривалось Хельсинкским совместным заявлением 1997 г. — 1 500 боезарядов. В 2001 г. было выдвинуто предложение о переводе диалога в пятисторонний формат с участием остальных трех ЯОГ: в рамках общего для «пятерки» уровня в 4 000 боезарядов Россия и США имели бы по 1 500 боезарядов, в то время как остальные три разделили бы между собой остающуюся тысячу.

Заинтересованность в заключении нового договора связана с тем, что значительная часть российского стратегического оружия подлежит ликвидации в связи с выработкой гарантийных сроков. Широкомасштабная замена их на новые вооружения вряд ли целесообразна — да и не слишком возможна — по экономическим соображениям. В этих условиях было бы, конечно, предпочтительно оформить процесс сокращения арсеналов в виде юридически обязывающей договоренности, гарантирующей от возможных «сюрпризов», таких как неожиданное наращивание американского арсенала (тем более, что США продолжают сохранять заинтересованность в количественных сокращениях). Вне зависимости от мотивировки, российская политика в большей мере отвечает рекомендациям, которые следуют из теории международных режимов. И тем не менее новые условия международных отношений оказывают свое влияние и на подход России: неготовность США идти на новый договор отнюдь не воспринималась российским руководством как угроза, стимул для втягивания в широкомасштабную гонку вооружений.

Неоднозначность современного периода особенно ярко проявилась в вопросе о намерении США развернуть систему ПРО национальной территории в нарушение Договора по ПРО 1972 г. Выше описывалась реакция СССР на аналогичные намерения США в 1980-е гг.: острое ощущение угрозы и широкомасштабные

программы «адекватного ответа». В конце 1990-х гг. реакция России была далеко не столь однозначной и нервной. США, со своей стороны, прилагали заметно меньше усилий по избежанию российских ответных мер, чем могло бы случиться в предыдущий период. Простейшее объяснение поведения обеих сторон — экономическая слабость России — представляется недостаточным, поскольку в условиях непосредственной внешней угрозы экономические соображения как правило отступают на второй план. Скорее дело прежде всего в отсутствии ощущения вероятности крупномасштабной ядерной войны.

Возрождение вопроса о создании национальной ПРО в США было для многих неожиданным, поскольку к концу 1980-х гг. рейгановская программа СОИ исчерпала себя: стала очевидной неадекватность существовавших в то время технологий и высокая стоимость предлагавшейся системы. Предложенная Джорджем Бушем-старшим идея ограниченной ПРО, предназначенной для перехвата единичных пусков баллистических ракет (в то время она чаще всего аргументировалась ослаблением контроля за стратегическими силами бывшего СССР, хотя уже и в то время упоминались государства-«изгои»), означала свертывание широкомасштабных работ. Тем не менее некоторые НИОКР сохранились, так же как и определенная политическая поддержка внутри американского истеблишмента. Интересу к вопросам ПРО способствовала «война в заливе» против Ирака в 1991 г., когда США и Израиль (с помощью поставленных США систем) пытались защититься от иракских ракет малой дальности²¹. Первоначально деятельность в области ПРО была сосредоточена на создании систем театра военных действий; эти работы вызывали обеспокоенность в России в связи с тем, что при определенных вариантах развертывания и концентрации они теоретически могли перехватывать и стратегические ракеты или, по крайней мере, послужить основой для создания в будущем стратегической ПРО.

По настоянию России (согласие американской стороны было получено в ходе встречи на высшем уровне в Хельсинки в марте 1997 г.) были согласованы и подписаны в Нью-Йорке в сентябре 1997 г. протоколы к Договору по ПРО. В соответствии с этими договоренностями был устранен крупный пробел в Договоре 1972 г.: установлено точное разграничение стратегических (запрещенных) и нестратегических (разрешенных) систем. Было установлено, что скорость мишени при испытаниях должна быть не более 5 км/с, скорость перехватчиков наземного и воздушного базирования не более 5,5 км/с, а морского — не более 4,5 км/с. Системы ниже этих параметров считались не подпадающими под

²¹ Следует отметить, что широко разрекламированная эффективность тактического противоракетного комплекса «Пэтриот» по мнению ряда независимых американских исследователей была в огромной степени преувеличена.

Договор по ПРО. Ясность на этот счет отвечала и интересам России, которая также продолжает работать над нестратегическими системами ПРО.

Кроме того, нью-йоркские протоколы обеспечили преимущество Договора по ПРО на тех же основах, что и Договора СНВ-1 в 1992 г., а именно — вместо СССР сторонами Договора стали Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан.

Эти протоколы, однако, не были ратифицированы Сенатом США. Председатель сенатского комитета по иностранным делам, радикальный сторонник национальной ПРО Джесси Хелмс (он занимал этот пост до весны 2001 г.) прямо заявил, что не допустит даже их рассмотрения, поскольку это означало бы признание де-факто, что Договор по ПРО остается в силе. В соответствии же со взглядами крайних сторонников национальной ПРО этот Договор утратил силу с распадом СССР, поскольку вопрос о правопреемстве не был урегулирован сразу после этого.

Российский парламент, со своей стороны, не только ратифицировал нью-йоркские протоколы, но в соответствии с законом о ратификации Договора СНВ-2 (апрель 2000 г.) обусловил вступление этого Договора в силу тем, что Сенат США также должен их ратифицировать. Кроме того выполнение СНВ-2 было обусловлено соблюдением Договора по ПРО²². Эти положения закона продолжили традиционную линию на утверждение взаимосвязи между сокращением наступательных и ограничением оборонительных вооружений.

К концу 1990-х гг. окончательно выкристаллизовалась аргументация в пользу создания национальной ПРО, которая обеспечила этой программе достаточно широкую политическую поддержку. Созданная в США специальная независимая комиссия во главе с Дональдом Рамсфелдом (в 2001 г. он стал министром обороны в администрации Джорджа Буша-младшего) пришла к выводу о вероятности возникновения угрозы со стороны ракетных программ государств-«изгоев», которые могли бы приобрести ядерное оружие в обход ДНЯО и затем угрожать Соединенным Штатам. В качестве таковых обычно называются Северная Корея, Ирак и Иран. Выпущенный в 1998 г., этот доклад послужил мощным толчком к активизации сторонников создания национальной ПРО. Осуществленный в августе 1998 г. пуск

²²Эти условия не были оформлены в виде поправок к СНВ-2 (они потребовали бы пересогласования текста Договора), а были обращены «внутрь» страны, к Правительству России и являлись, таким образом, внутренним делом. В этом российские законодатели взяли пример с Сената США, который также выдвинул ряд условий, обращенных к своему правительству, но так, что они оказывали воздействие на двусторонние отношения (в их числе был, например, запрет на сокращение СНВ без вступления в силу нового договора, что не позволило администрации Клинтона рассматривать возможность односторонних параллельных сокращений СНВ с Россией).

(частично удачный) северокорейской баллистической ракеты большой дальности был воспринят как наглядное подтверждение угроз, о которых говорилось в докладе Рамсфелда.

В этих условиях администрация Клинтона, ранее противившаяся активным работам в области национальной ПРО, сочла нужным открыто поддержать соответствующие планы. Естественно, что создание такой системы было невозможно без серьезной модификации или отмены Договора по ПРО.

В январе 1999 г. США официально информировали Россию о намерении согласовать поправки к Договору по ПРО, разрешающие развертывание противоракетной обороны национальной территории (НПРО). К лету Конгресс США принял законопроект, рекомендующий развернуть ограниченную по возможностям систему НПРО «как только это станет технически возможно». Билл Клинтон подписал его, заявив, что предпочтительным является согласование поправок, но что в случае неудачи переговоров США пойдут на выход из Договора.

В этих условиях Россия сделала упор на дипломатические усилия, стремясь сохранить в силе основополагающие принципы разоруженческого процесса, тем более что планы США вызвали международную оппозицию со стороны практически всех стран мира: осенью 1999 г. резолюция, призывающая к сохранению в силе Договор по ПРО, рассматривавшаяся в ГА ООН, получила поддержку подавляющего большинства стран (только три, включая США, проголосовали против).

Летом 1999 г. в ходе встречи лидеров «восьмерки» в Кельне между Б.Н. Ельциным и Биллом Клинтоном было принято совместное заявление о проведении консультаций относительно дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) и американских планов развертывания системы ПРО. Однако прошедшие затем несколько раундов консультаций выявили значительные расхождения в подходах к вопросам ПРО, в то время как по сокращению стратегических вооружений позиции сторон позволяли со временем рассчитывать на договоренность.

Разногласия относительно американских планов не позволили достичь прогресса по СНВ-3 на Московской встрече на высшем уровне в июне 2000 г. Тем не менее президенты подписали важное Совместное заявление о принципах стратегической стабильности, в котором, в частности, подтверждалась приверженность делу укрепления стратегической стабильности и единое понимание того, что способность к сдерживанию является ее ключевым аспектом. В заявлении было отмечено, что президенты «согласны в том, что Договор по ПРО вносит существенный вклад в дело сокращения стратегических наступательных вооружений и подтверждают свою приверженность этому Договору как краеугольному камню

стратегической стабильности»²³. В то же время они отметили, что Договор по ПРО в определенных ситуациях допускает изменения.

Наряду с этим с российской стороны была выдвинута идея совместного с США создания нестратегической системы ПРО, а также создания совместной ПРО в Европе. За счет этого можно было бы при необходимости обеспечить оборону США, всего НАТО, а также России в случае, если бы РКРТ и, возможно, ДНЯО оказались бы сломаны; при этом удалось бы избежать нарушения стратегической стабильности и подрыва режима сокращения ядерных вооружений. Кроме того, Россия и США договорились о качественно новой мере доверия — создании совместного Центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомления о пусках ракет²⁴.

На подход России к вопросам ПРО в этот период влияло сохраняющееся недоверие к США. Хотя США подчеркивали, что планируемая система предназначена для перехвата единичных пусков и не сможет противостоять теоретическому ответному удару со стороны России (при администрации Клинтона планировалось развернуть к концу десятилетия до 250 перехватчиков с примерно 20-процентной эффективностью), в Москве все же высказывалось беспокойство, что даже «тонкая» оборона теоретически может быть в короткие сроки расширена за счет развертывания дополнительных перехватчиков. Подозрения относительно истинных намерений США усугублялись тем, что, по мнению российских специалистов, страны, на которые США указывали как на основную угрозу в плане баллистических ракет, не смогут создать баллистические ракеты, способные достичь территории США в течение значительного срока — 20-40 лет.

На этот случай был разработан комплекс ответных мер, включавших, например, оснащение новой моноблочной МБР «Тополь-М» тремя боеголовками, продление гарантийных сроков существующих типов баллистических ракет с РГЧ ИН²⁵, выход из ранее заключенных договоров о сокращении вооружений, которые связаны с Договором по ПРО. Президент РФ В.В. Путин заявил, что Россия может принять такие меры в случае, если США выйдут

²³ Совместное заявление Президентов РФ и США о принципах стратегической стабильности, 4 июня 2000 г.

²⁴ Меморандум о договоренности между РФ и США о создании совместного Центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомления о пусках ракет, 4 июня 2000 г.

²⁵ Баллистические ракеты с РГЧ ИН считаются одним из предпочтительных способов преодоления системы ПРО, поскольку при одновременном пуске значительного количества таких ракет оборона «перегружается» и некоторое число боеголовок избегает перехвата. При этом развертывание МБР с РГЧ ИН намного дешевле развертывания соответствующего количества моноблочных ракет, а их одновременный пуск легче координировать.

из Договора по ПРО в одностороннем порядке²⁶. Все же даже самые масштабные варианты ответных мер не шли в сравнение с тем, что СССР планировал в аналогичной ситуации в 1970-е гг.: окончание «холодной войны» явно снизило уровень подозрений.

Со временем, однако, возобладало более спокойное отношение к американским планам, поскольку с учетом вероятных сроков развертывания и возможностей системы ПРО, как отметил В.В. Путин, «выход США из Договора по ПРО, если таковой произойдет, на нас не так сильно отразится»²⁷. В новых международных условиях, в отсутствие непосредственной угрозы ядерной войны можно было сделать акцент на переговорные средства, добиваясь согласованного решения, которое способствовало бы сохранению стратегической стабильности при глубоких сокращениях ядерного оружия.

При этом администрациям Клинтона и в особенности Буша-младшего пришлось столкнуться с острой критикой своих планов. Американские союзники ясно заявляли о своей оппозиции одностороннему выходу США из Договора по ПРО, требуя предварительно достичь договоренности с Россией. Особенно жесткую позицию занял Китай, который не без основания подозревал, что будущая американская ПРО направлена против него, а порядка 20 МБР и 12 БРПЛ, которыми располагает в настоящее время Китай, могут быть перехвачены даже «тонкой» ПРО.

В этих условиях администрация Буша была вынуждена пойти на начало консультаций с Россией по вопросам стратегических оборонительных и наступательных вооружений, фактически возобновив, хотя и в другом формате, консультации, которые велись при предыдущей администрации. Налаживанию диалога способствовало и четко выраженное намерение американского руководства сократить стратегические вооружения, пусть даже и в одностороннем порядке, что, несомненно, способно несколько снизить воздействие ПРО на стратегический баланс. Договоренность о начале консультаций была достигнута в ходе российско-американской встречи на высшем уровне в Генуе в июле 2001 г. На пресс-конференции по итогам этой встречи В.В. Путин подчеркнул, что оглашенные ранее ответные меры планировались именно на случай одностороннего выхода США из Договора по ПРО, но в случае решения разногласий переговорным путем «может быть, нам этого не потребуется. Это предмет переговоров»²⁸.

²⁶ См.: Интервью Президента Российской Федерации В.В. Путина итальянской газете *Коррьере делла Сера*. 11 июля 2001 года (полный текст опубликован на сайте president.kremlin.ru).

²⁷ Там же.

²⁸ Ответы Президента Российской Федерации В.В. Путина на вопросы журналистов в ходе совместной с Президентом Соединенных Штатов Америки Джорджем Бушем пресс-конференции. 22 июля 2001 г., Генуя (текст опубликован на сайте president.kremlin.ru).

Осенью 2001 г. сотрудничество в рамках антитеррористической коалиции позволило выйти на новый уровень взаимодействия и в вопросах СНВ-ПРО. В ходе встречи президент США объявил о планах сокращения американских СНВ до уровня 1 700-2 200 боеголовок. Президент РФ В.В. Путин, со своей стороны, предложил «радикальную программу дальнейших сокращений СНВ — по меньшей мере раза в три — до минимального уровня, необходимого для поддержания стратегического равновесия в мире»²⁹. При этом речь на саммите шла о том, что объявленные в Вашингтоне сокращения осуществлялись бы сторонами в одностороннем порядке, вне юридически обязывающих договоренностей и в отсутствие взаимного контроля, следуя примеру односторонних параллельных инициатив осени 1991 г. (см. следующий подраздел). В.В. Путин, однако, указал на готовность российской стороны оформить эти соглашения «в договорном формате, в том числе и вопросы контроля и верификации»³⁰. В то же время стороны не смогли достичь какой-либо договоренности по Договору по ПРО, указав в совместном заявлении на готовность «продолжить консультации в широких рамках новых стратегических взаимоотношений»³¹, в том числе и по оборонительным вооружениям.

В целом можно отметить, что новый уровень доверия, который начал складываться уже в течение весны-лета 2001 г. и получил мощный импульс осенью, позволил легче решать многие вопросы, в то время как сохраняющиеся расхождения уже не вызывали столь острой, как обычно, реакции.

Тем не менее, традиционная модель разоружения находится в состоянии глубокого кризиса. При всех своих многочисленных недостатках советско (российско)-американские договоры обеспечивали высокую степень предсказуемости, в то время как получившие популярность, особенно в США, менее формализованные подходы могут оказаться более уязвимыми по отношению к внезапным изменениям международной обстановки и взаимным подозрениям.

Предложенный Россией на Вашингтонском саммите подход, предполагающий закрепление неформальных договоренностей в юридически обязывающем документе, представляется наиболее

²⁹Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина перед представителями американской общественности и политическими деятелями США, 13 ноября 2001 г., Вашингтон (текст опубликован на сайте president.kremlin.ru).

³⁰Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина и ответы на вопросы журналистов на совместной пресс-конференции с Президентом Соединенных Штатов Америки Джорджем Бушем, 14 ноября 2001 г., Вашингтон (текст опубликован на сайте president.kremlin.ru).

³¹Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Соединенных Штатов Америки Джорджа Буша о новых отношениях между Россией и США, 13 ноября 2001 г., Вашингтон (текст опубликован на сайте president.kremlin.ru).

оптимальным с точки зрения долгосрочной перспективы. Он позволяет гармонично сочетать преимущества односторонних заявлений (гибкость, минимальное время на достижение согласия) с преимуществами договоров (устойчивость, предсказуемость, контролируемость).

Ограничение и сокращение нестратегических ядерных вооружений

Понятие нестратегических вооружений охватывает несколько категорий ядерного оружия, среди которых, как правило, выделяют две: оружие средней дальности и тактическое. Существует и более дробное деление, например, в категории средней дальности можно различать средства большей и меньшей дальности, а среди тактических можно выделить оружие поля боя (артиллерию) и ядерные фугасы, а также тактические ракеты и авиационное вооружение (бомбы и ракеты малой дальности).

Юридически зафиксировано определение баллистических ракет средней и меньшей дальности — от 500 до 5 500 км (ракеты с дальностью от 1 000 до 5 500 км называются ракетами средней, а от 500 до 1 000 км — меньшей дальности). Авиационные средства юридически не определялись. Что касается тактического оружия, то по остаточному принципу в него следует включать все вооружения наземного базирования с дальностью менее 500 км (ракеты и артиллерия), а также значительную часть авиации, способной нести ядерное оружие (очевидно, за вычетом средних бомбардировщиков, таких, как российские Ту-22М3), а также ядерные вооружения флота, имеющие дальность менее 600 км.

Нестратегические ядерные вооружения являются предметом двух международных режимов — Договора по РСМД 1987 г. и односторонних параллельных заявлений Джорджа Буша и М.С. Горбачева 1991 г.

Договор по РСМД

Вопрос о ракетах средней дальности возник после того, как СССР в 1970-е гг. начал развертывание новых ракет этого класса «Пионер» (СС-20) для замены устаревших типов ракет. Развертывание велось быстрыми темпами, причем эти ракеты несли по три боеголовки (в отличие от тех, которые должны были сниматься с вооружения), были намного более точными и превосходили ранние образцы по всем остальным параметрам. Эти действия СССР вызвали обеспокоенность европейских союзников США, которые настояли на принятии в 1979 г. НАТО так называемого «двойного решения»: США должны были начать

переговоры с СССР об ограничении ракет «Пионер», а если они окончатся неудачей, то развернуть в Европе новые американские ракеты средней дальности — баллистические «Першинг-2» и крылатые ракеты наземного базирования (КРНБ).

Переговоры начались лишь осенью 1981 г. при администрации Рональда Рейгана и только после мощного давления европейских стран и американской общественности, по мнению которых администрация просто-напросто не хотела вести переговоры, стремясь развернуть ракеты средней дальности в нарушение «двойного решения». Соединенные Штаты выдвинули предложение о так называемом «нулевом варианте», которое было расценено в Европе и отчасти в США как средство избежать серьезных переговоров: речь шла о том, чтобы СССР ликвидировал все свои ракеты «Пионер» в обмен на обязательство США не развертывать «Першинги-2» и КРНБ.

Советский Союз между тем не только возражал против развертывания американских ракет, но также настаивал на том, что в европейский баланс должны включаться английские и французские ядерные вооружения, способные достичь его территории, а также авиационные средства НАТО. Со своей стороны он был готов заморозить развертывание «Пионеров» уже достигнутым уровнем.

Осенью 1983 г. Советский Союз прервал переговоры после того, как США приступили к развертыванию ракет в Европе. Переговоры возобновились весной 1985 г. в новом формате (см. выше).

С избранием в 1985 г. М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС советская позиция на переговорах начала приобретать новые черты. При этом учитывалось, что для СССР принципиальное значение имеет не количественное равенство с США или НАТО в целом, а тот факт, что подлетное время «Першингов-2» составляет всего восемь минут, т.е. они идеально подходят для первого неожиданного удара; КРНБ достигают сходного эффекта за счет скрытности подлета. Исходя из этого, ставка была сделана на то, чтобы добиться полной ликвидации этих ракет в Европе. Неожиданно для США Советский Союз принял предложение о «нулевом варианте».

Затем на переговорах возник вопрос о ракетах средней дальности в Азии — Советский Союз планировал сохранить некоторое количество этих ракет за Уралом (включая возможность развертывания на Чукотке), что давало США право развернуть свои ракеты на Аляске. С учетом этого была достигнута договоренность о «глобальном нуле», т.е. ликвидации всех ракет средней дальности.

Наконец, США поставили вопрос о советских ракетах меньшей дальности «Ока» (СС-23), которые, с американской точки зрения, могли решить некоторые задачи «Пионеров». М.С. Горбачев дал согласие на «второй ноль», т.е. на ликвидацию и этих ракет, в связи

с чем в договор была добавлена категория меньшей дальности, от 500 до 1 000 км (изменилось и название — Договор по РСМД вместо РСД). Это решение до сих пор вызывает в России критику, поскольку дальность «Оки» составляла немного менее 500 км³².

Для Договора по РСМД была согласована качественно новая система мер контроля, которая предусматривала обмен информацией и инспекции на местах — впервые в связи с договором, касающимся ядерного оружия.

Еще одной особенностью Договора по РСМД явилась контролируемая ликвидация корпусов боеголовок подлежащих уничтожению ракет — элемент, который не вошел в Договор СНВ-1. Впрочем, сами боезаряды сохранялись и могли использоваться вновь в других боеголовках (так, США использовали боезаряды «Першингов-2» в новой модификации авиабомб Б-61 модель 10).

Договор по РСМД был подписан в декабре 1987 г. и вступил в силу летом 1988 г. В 1991 г., через три года после вступления в силу, было завершено выполнение предусмотренных в нем сокращений, хотя контроль за бывшими ракетными базами и за непроизводством ракет средней дальности продолжался до 2001 г.

Значение Договора по РСМД состоит в том, что он стал первым соглашением о реальном сокращении ядерных вооружений (Договор СНВ-1 был подписан три с половиной года спустя) и, более того, предусмотрел ликвидацию целого класса ядерных вооружений двух крупнейших ЯОГ.

Тактическое ядерное оружие

В том, что касается ТЯО, позиции сторон долго оставались противоположными. Советский Союз настаивал на его сокращении, в то время как США и их союзники возражали, ссылаясь на то, что и в Европе, и в Азии ТЯО является противовесом обычным вооруженным силам СССР и его союзников.

Однако после августа 1991 г. США быстро пересмотрели свое отношение к ТЯО. С точки зрения американского руководства, возникла реальная опасность утраты централизованного контроля над ядерным оружием, а ТЯО считается особо уязвимым в этом плане в силу большей рассредоточенности и доступности. В то же время начавшиеся в СССР политические и экономические реформы, распад ОВД, а также Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), подписанный в конце 1990 г., снизили роль ТЯО для НАТО.

³² Договор по РСМД содержал перечисление конкретных типов ракет, подлежащих ликвидации, включая и «Оку», а также запрет на создание в будущем новых типов ракет с дальностью 500 км и более, т.е. дальность самой «Оки» в договоре прямо не упоминается.

В конце сентября 1991 г. Джордж Буш выступил с односторонним заявлением, объявив о намерении США осуществить глубокие сокращения нестратегических вооружений. Через десять дней М.С. Горбачев выступил с ответным заявлением, объявив о сходных мерах, которые в январе 1992 г. были подтверждены Б.Н. Ельциным от имени России.

Объявленные сторонами меры предусматривали полное снятие с вооружения и уничтожение ядерных артиллеристских зарядов, ядерных мин и ядерных боеголовок тактических ракет; то же самое относилось к ядерным боезарядам носителей морского базирования, кроме БРПЛ; часть ядерных боезарядов нестратегической авиации уничтожалась или складировалась. Это означало, что нестратегическое ядерное оружие оставалось только на самолетах. Кроме того, в рамках инициатив решился и вопрос с ядерными КРМБ, которые хотя и являются оружием большой дальности, также подпали под снятие боезарядов.

Инициативы 1991 г. представляют собой классический пример неформального режима, который позволил достичь весьма впечатляющих результатов в рекордно короткий срок, избежав многих неизбежных в ходе переговоров трудностей, таких как тщательное балансирование взаимных уступок, контроль, процесс ратификации, зависимость от внутривнутриполитических процессов и т.д.

Однако этот метод имеет и недостатки, проистекающие из того, что режим 1991 г. основывается не на юридических обязательствах, а на политических заявлениях.

Из неформального режима легко выйти: в отличие от официального договора, он не требует предупреждения за определенный срок и не ограничивает права на выход какими-либо условиями (так, из Договора СНВ-1 или по ПРО можно выйти только с уведомлением за шесть месяцев в случае возникновения обстоятельств, представляющих угрозу национальной безопасности).

Инициативы по ТЯО не предусматривают ни обмена данными, ни мер контроля. После десяти лет действия режима так и осталось официально неизвестным, сколько ТЯО имеют Россия и США, где оно развернуто, сколько и где находится на хранении. Следует отметить, что неформальный характер режима был изначально связан с нежеланием администрации Джорджа Буша согласовывать меры контроля. СССР, напротив, рассчитывал подписать полномасштабный договор.

Политическое заявление как метод создания режима был также использован НАТО в 1997 г. в связи с заявлением об отсутствии намерений размещать на территории новых членов альянса ядерное оружие: это обязательство также не имеет юридической силы.

Недостатки неформального режима в отношении ТЯО остро проявились к концу 1990-х гг., когда, сначала в связи с расширением НАТО, а затем на фоне войны в Косово, ряд российских

военачальников и экспертов выступили с предложениями о выходе из односторонних заявлений 1991-1992 гг. Была предложена концепция «деэскалации» обычных конфликтов ограниченного масштаба с помощью ограниченного применения ядерного оружия. Тактические вооружения привлекают пристальное внимание в силу того, что они могут обеспечить более высокую гибкость применения. Ряд высокопоставленных специалистов российской атомной промышленности предложили разработать новые ядерные боеприпасы малой и сверхмалой мощности с тем, чтобы сделать ядерное оружие более «используемым» за счет значительного снижения «побочных» эффектов ядерного взрыва, таких как выделение радиации.

Сходным образом развивались события и в США, где ряд представителей вооруженных сил и Министерства энергетики (отвечающего за разработку ядерных боеприпасов) выступили за разработку ядерных боезарядов малой мощности для нестратегических носителей с целью обеспечить решение ограниченных задач, таких как уничтожение командных пунктов и подземных мест хранения оружия.

Следует отметить, впрочем, что в обеих странах речь идет пока лишь об обсуждении этих вопросов. На официальном уровне решений на этот счет не принималось. Более того, считается, что разработка новых боеприпасов неизбежно потребует возобновления ядерных испытаний, которое в свою очередь повлечет официальный выход из не вступившего пока в силу ДВЗЯИ и односторонних мораториев, т.е. повышенное внимание к новым функциям ТЯО может повлечь за собой разрушение важного международного режима в области ядерного разоружения.

В растущей степени ядерное оружие, в том числе нестратегическое, рассматривается как средство сдерживания химического и биологического оружия, разработка и производство которого, как считается, осуществляется в ряде стран «третьего мира». Такая новая функция противоречила бы негативным гарантиям (см. главу 4), в соответствии с которыми ЯОГ обязались не угрожать применением ядерного оружия в отношении НЯОГ. Пока что негативные гарантии, впрочем, остаются в силе, и на официальном уровне расширение функций ядерного оружия не осуществлялось. Тем не менее сам факт все более активного обсуждения этих вопросов вселяет беспокойство за судьбу как неофициального режима 1991-1992 гг., так и ряда других официальных и неофициальных режимов.

В итоге, достижения 1990-х гг. в этой сфере оказались значительными, но неустойчивыми. Представляется маловероятным, что в обозримом будущем удастся достичь сколько-нибудь ощутимого прогресса на этом направлении. Сокращение ТЯО представляет значительную трудность с точки

зрения контроля. Здесь не годится способ, который принят для СНВ, когда каждый носитель рассматривается как содержащий ядерный боезаряд: большинство носителей ТЯО имеют двойное назначение, т.е. самолеты одного и того же типа могут существовать в ядерном и в неядерном оснащении; то же относится к ракетам, артиллерии и т.д. Поэтому система контроля должна сосредоточиться на сравнительно небольших по размеру боезарядах. Это требует открытия многих объектов, которые принадлежат к числу самых секретных, таких как склады, места производства и т.д. Разработка надежной системы мер контроля сама по себе не столь уж и сложна, но требует соответствующего климата в международных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

Арбатов А.Г. (ред.). Ядерные вооружения и безопасность России. М., ИМЭМО РАН, 1997.

Договор СНВ-2: Факты и аргументы (Белая книга). М., Международные отношения, 1993.

Подвиг П.Л. (ред.). Стратегическое ядерное вооружение России. М., ИздАТ, 1988.

Сафранчук И.А. Будущее ядерных сил России. *Научные Записки ПИР-Центра*, №10, апрель 1999.

Сафранчук И.А. (ред.). Ядерная политика России: проблемы и перспективы. *Научные Записки ПИР-Центра*, №14, май 2000.

Соков Н.Н. Эволюция российских стратегических наступательных вооружений. *Ядерный Контроль*, №1, январь-февраль 1998.

FitzGerald Frances. Way Out There in the Blue: Reagan, Star Wars and the End of the Cold War. Simon & Schuster, 2000.

ГЛАВА 10. НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ И КОНТРОЛЬ НАД ЯДЕРНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ: МНОГОСТОРОННИЙ ПРОЦЕСС

В течение последних десятилетий в центре внимания были двусторонние переговоры между СССР/Россией и Соединенными Штатами об ограничении и сокращении стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Именно этими державами в условиях взаимной конфронтации в период «холодной войны» были накоплены громадные по своим масштабам ракетно-ядерные вооружения, которые намного превышали по разрушительной мощи вооружения других государств и представляли наибольшую опасность для сохранения международного мира и безопасности. Однако в принципиальном плане и в реальной жизни ядерные вооружения других государств, а также химическое и биологическое оружие и обычные вооружения представляют не меньшую угрозу для человечества, особенно по мере того, как основные ЯОГ постепенно сокращают запасы своих ядерных вооружений.

Значение и специфика многостороннего ядерного разоружения

Содержащееся в ДНЯО обязательство о проведении переговоров о ядерном разоружении относится не только к ЯОГ, но ко *всем* участникам Договора. И сделано это было не случайно, поскольку составители Договора допускали возможность того, что какие-либо его участники, не обладающие ядерным оружием, несмотря на принятие ими на себя обязательство поставить под международный контроль всю свою ядерную деятельность, могут все же попытаться организовать тайное производство ядерного оружия (примеры: Ирак и КНДР). Кроме того, учитывалось, что некоторые индустриально развитые НЯОГ-участники ДНЯО, располагающие ЯМ и высокими ядерными технологиями (как, например, Япония, Германия и др.) могут со временем пересмотреть свое решение о безъядерном статусе и встать на путь ядерного вооружения. Наконец, статьей VI предусматривается проведение переговоров о заключении договора о всеобщем и полном разоружении, что, разумеется, является обязательством, по определению распространяющимся на все государства-участники.

Поэтому особая ответственность ЯОГ за сокращение арсеналов ядерного оружия и в конечном счете за его полную ликвидацию никак не отменяет потребности в более широких многосторонних усилиях с участием и НЯОГ. Переговоры о многостороннем ядерном разоружении в идеале должны достигать трех взаимосвязанных целей.

Во-первых, шаги по ядерному разоружению, которые в основном касаются ЯОГ, по возможности должны распространяться на все страны, с тем чтобы члены «ядерного клуба» имели определенные гарантии, что и другие государства будут соблюдать соответствующие обязательства. Например, трудно ожидать юридически обязывающего запрета на ядерные взрывы, если нет гарантий, что какое-либо НЯОГ тайно не начнет создавать ядерное оружие и не проведет испытания такого оружия.

Во-вторых, необходимо дальнейшее закрепление режима нераспространения, который в результате мер разоружения основывался бы не только на решении не приобретать ядерное оружие, но и на юридически обязывающих, поддающихся проверке дополнительных соглашениях, таких, в частности, как запрет на испытания или на производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия.

В-третьих, крайне важно подключить к разоруженческой и нераспространенческой деятельности так называемые пороговые государства. Хотя для них могло бы быть политически трудно присоединиться к ДНЯО, они могли бы подписать другие соглашения, такие как ДВЗЯИ и конвенция о ЗПРМ, и тем самым де-факто продвинуться к неядерному статусу.

Многосторонние меры по ядерному разоружению имеют существенное отличие от тех, которые рассматриваются Россией и США в двустороннем контексте. ЯОГ пока преимущественно ведут речь о сокращении средств доставки, т.е. в действительности о сокращении количества боеприпасов, которые могут быть применены в одном пуске/вылете. Сокращение возможностей ведения ядерной войны ведет к укреплению международной безопасности, но почти не затрагивает вопроса о самом оружии. Правда, в одностороннем порядке ЯОГ уже демонтировали тысячи боеголовок баллистических и крылатых ракет, бомб, снарядов и мин. В многостороннем контексте речь, напротив, должна идти в первую очередь о мерах, которые напрямую затрагивают ядерные боезаряды и тем самым ставят вопрос о самом существовании ядерного оружия.

Новым моментом является и то, что Россия и США, в общем, уже в течение нескольких десятилетий ведут переговоры и договариваются о мерах ядерного разоружения. Они объявили мораторий на ядерные взрывы еще задолго до заключения соответствующего договора. Они также прекратили производство расщепляющихся материалов для изготовления оружия в начале 1990-х гг., хотя многосторонние переговоры по этому вопросу не начались в течение всего последующего десятилетия. И если в последние годы истекшего десятилетия переговорный процесс между ними по ряду причин замедлился, то это, судя по всему, является делом временным.

Между тем до сих пор в переговорный процесс не вступали другие ЯОГ — Китай, Франция и Великобритания. Последние два государства осуществили некоторые односторонние меры по сокращению своих ЯМ, но это было сделано не на основе контролируемого международного соглашения. Китай же пока вообще уклоняется от каких-либо разоруженческих шагов.

Чрезвычайно важной проблемой является вовлечение в процесс ядерного разоружения неофициальных ЯОГ, особенно Индии и Пакистана, а также Израиля. Индия и Пакистан даже не подписали ДВЗЯИ. В итоге Индия начала утрачивать прежнее лидерство в ДН. Выдвигая радикальные требования к ЯОГ, она, как и Пакистан, сама продвинулась к приобретению де-факто ядерного статуса.

Организация Объединенных Наций и разоружение

Основными форумами для выработки рекомендаций и проведения многосторонних переговоров по разоружению являются ООН и КР, хотя время от времени создавались и иные форумы переговоров, например трехсторонние переговоры СССР, США и Великобритании по запрещению ядерных испытаний (1958-1963 и 1977-1980 гг.).

Система органов ООН, занимающихся вопросами разоружения, складывалась много лет и отличается довольно сложной структурой; в рамках настоящей работы представлен лишь краткий схематичный обзор, без которого многие существенные моменты, связанные с согласованием ДНЯО и других соглашений в области контроля над ядерными вооружениями, будут недостаточно ясны.

В Уставе ООН роль этой организации в вопросах разоружения проистекает из положений статьи 1, которая определяет в качестве главной цели ООН поддержание международного мира и безопасности. Статья 11 уполномочивает ГА ООН рассматривать «принципы, определяющие разоружение и регулирование вооружений, и делать в отношении этих принципов рекомендации Членам Организации или Совету Безопасности, или и Членам Организации и Совету Безопасности». Кроме того, в соответствии со статьей 26 СБ ООН «несет ответственность за формулирование [...] планов создания системы регулирования вооружений для представления их Членам Организации». В Уставе ООН не упоминается прямо задача ядерного разоружения, но это естественно, поскольку он был подписан 26 июня 1945 г. — до появления ядерного оружия. Вместе с тем самое первое решение ГА ООН, принятое 24 января 1946 г., предусматривало создание Комиссии ООН по атомной энергии, которой поручалось

подготовить предложения «относительно исключения из национальных вооружений атомного оружия»¹.

Будучи наиболее универсальной и демократической по своему характеру международной организацией, ООН, вне всякого сомнения, является оптимальным форумом для решения глобальных задач, включая многостороннее ядерное разоружение. Вместе с тем крайняя сложность разоруженческой проблематики, которую трудно — если вообще возможно — обсуждать в столь широком контексте, вызвала потребность в создании достаточно разветвленной системы вспомогательных органов.

Существующая структура органов ООН построена, так сказать, по иерархическому принципу, в котором каждый вопрос передается с одного уровня на другой в зависимости от того, на какой стадии обсуждения и решения он находится. Эта структура призвана выполнить следующие задачи.

Во-первых, обеспечить осуществление принципа суверенного равенства государств. Каждое государство должно иметь возможность высказать свою точку зрения по обсуждаемой проблеме и требовать ее учета. Это включает возможность установления взаимосвязи между качественно разными проблемами, например, между разоружением и экономическим развитием. Это требует, во-первых, наличия органов, позволяющих вести общие дискуссии, а во-вторых, выделения каждого направления переговоров в отдельный форум с тем, чтобы обсуждение одного вопроса не блокировало продвижение по другому.

Во-вторых, выделить обсуждение определенных направлений, одним из которых является разоружение, в ведение специализированных органов с тем, чтобы дать возможность лучше сфокусировать дискуссию.

В-третьих, отделить общую дискуссию от практической работы по согласованию текста будущего договора, создав функционально различающиеся органы.

При этом следует учитывать и тот факт, что любой член ООН имеет право вносить свои предложения относительно структуры организации в любой сфере, включая разоружение. Эти предложения могут приобретать большое влияние, особенно если вокруг них создаются целые группы стран. Вследствие этого иногда оказывается проще создать даже избыточные, параллельные структуры, чем иметь строго определенную субординацию вспомогательных органов. Некоторая избыточность является неизбежной и, видимо, более или менее приемлемой платой за утверждение принципа суверенного равенства всех государств, хотя в последнее время все более популярной становится идея

¹ Резолюция ГА ООН 1(1).

сокращения расходов за счет рационализации структуры и механизма деятельности ООН.

В своем нынешнем виде система органов ООН, занимающихся разоружением, сложилась после Первой специальной сессии ГА ООН по разоружению в 1978 г. Спецсессия не только наметила программу действий в этой области, но и определила порядок обсуждения и разработки конкретных договоренностей, во многих случаях институционализировав уже существовавшие, но не имевшие постоянного характера органы.

В центре всей структуры ООН стоит ГА, которая проводится каждую осень. В связи с большим количеством рассматриваемых вопросов после завершения общей дискуссии конкретные вопросы распределяются по специализированным комитетам. В их числе Первый комитет (по разоружению и международной безопасности), который обсуждает конкретные предложения государств и по достижении поддержки того или иного предложения передает его на пленарное заседание ГА для принятия решения. Обычно Первый комитет принимает до 50 проектов резолюций по различным аспектам разоружения, в том числе несколько проектов по вопросам ядерного разоружения. Резолюции ГА носят необязывающий, рекомендательный характер, но они, тем не менее, имеют важное значение, поскольку во многом определяют направление усилий государств по разработке и осуществлению контроля над вооружениями и разоружению. ГА по рекомендации Первого комитета также рассматривает и одобряет договоры и соглашения по вопросам разоружения и принимает решения об открытии их для подписания, как бы давая им тем самым поддержку международного сообщества. Так, ГА одобрила и открыла для подписания ДНЯО, ДВЗЯИ и многие другие международные соглашения, выработанные Женевской КР (см. ниже).

Кроме того, в рамках ООН существует специализированная Комиссия по разоружению, которая является вспомогательным органом ГА и включает в себя всех членов ООН. Комиссия по разоружению была учреждена в 1952 г. вместо существовавших ранее Комиссии по атомной энергии и Комиссии по вооружениям обычного типа, а первая спецсессия ГА ООН по разоружению (1978) подтвердила ее образование. Комиссия собирается ежегодно весной на три недели. Она состоит из всех членов ООН и является форумом для рассмотрения вопросов и выработки рекомендаций по отдельным насущным вопросам разоружения. В отличие от Первого комитета, который занимается широким кругом вопросов, вынесенных на ГА, Комиссия по разоружению имеет свою более узкую повестку дня, что позволяет вести более углубленное обсуждение тех или иных актуальных вопросов разоружения. В 1989 г. было принято решение ограничить повестку дня каждой сессии лишь тремя-четырьмя пунктами с тем, чтобы позволить

более углубленное обсуждение и за счет этого ускорить принятие рекомендаций. В последние годы Комиссия рассматривает, в частности, вопрос о «путях и средствах достижения ядерного разоружения», по которому она должна в 2002 г. подготовить свои рекомендации для представления ГА.

Ни Первый комитет, ни Комиссия по разоружению не ведут практической работы по согласованию международных договоров и соглашений. Вместе с тем их роль велика. Они позволяют выработать единство точек зрения на приоритетность той или иной проблемы («созрела» ли она для выработки соглашения) и подходы к ее решению.

Процесс разоружения в ООН и на других международных форумах во многом определяется соотношением влияния различных групп государств, представленных в них, и наличием или отсутствием взаимодействия между ними. В течение периода «холодной войны» успех или неуспех тех или иных начинаний в области контроля над вооружениями определялся тремя группами государств: участниками НАТО, Варшавского договора и ДН². Во многом определяющую, если не сказать решающую, роль, конечно же, играло взаимодействие между СССР и США, что особенно ярко проявилось в ходе переговоров по ДНЯО в 1966-1968 гг. (см. главу 4).

Но после окончания «холодной войны», распада СССР и роспуска Варшавского договора в расстановке сил на международных форумах по разоружению произошли большие изменения. Уже на КРП ДНЯО в 1995 г. отчетливо обозначилось расслоение ДН. К 1998 г. оформилась еще КНПД, которая выдвинула в рамках ГА ООН проект резолюции о ядерном разоружении (так называемая Дублинская декларация, июнь 1998). В 1999 г. эта резолюция была улучшена с целью учесть ряд возражений и включила следующие элементы:

- предложение об одновременной работе сразу по нескольким направлениям: односторонним, двусторонним и пятисторонним шагам и в многостороннем (т.е. не ограниченном «ядерным клубом») контексте;
- в качестве первоочередных шагов предлагались ликвидация ТЯО, снижение уровня боеготовности ядерных вооружений и транспарентность ядерных вооружений;
- придание ДНЯО универсального характера (т.е. вступление в него Индии, Израиля и Пакистана).

Новые лидеры ДН, такие как ЮАР и Малайзия, а также участвующие в КНПД западные страны (Ирландия, Швеция, Новая Зеландия) и Мексика сегодня задают тон среди НЯОГ.

² Характерно, например, что Комитет 18-ти государств по разоружению (1962-1969) состоял из трех групп: пяти стран НАТО, пяти членов Варшавского договора и восьми неприсоединившихся и нейтральных государств.

Предложенный ими в Дублинской декларации подход в значительной мере определяет сегодня повестку дня в многостороннем разоружении.

Конференция по разоружению

Как указывалось, ГА ООН и ее вспомогательные органы, определяя основные ориентиры разоруженческого процесса, не ведут практические переговоры по выработке международных соглашений. Центральное место в разоруженческой деятельности, без сомнения, принадлежит КР. КР была учреждена в качестве единого многостороннего форума международного сообщества для ведения переговоров по разоружению. Первая спецсессия ГА ООН приветствовала согласие, достигнутое в результате консультаций между членами ООН (главным образом, между государствами Востока и Запада) о том, что участие в КР открыто для ЯОГ и 32-35 других государств. Она заменила собой другие находившиеся в Женеве переговорные форумы, включая Комитет десяти государств по разоружению (1960), Комитет 18-ти государств (1962-1968) и Совещание Комитета по разоружению (1969-1978). Первоначально в состав КР входило 40 стран, но со временем их число возросло до 66.

КР является основным переговорным форумом, на котором вырабатывается согласие относительно мер, «созревших» для практической работы, создаются специальные органы и согласовываются документы. В рамках КР и ее предшественников разрабатывались такие ключевые соглашения, как ДНЯО, Конвенция по запрещению военного или иного враждебного использования ядерного оружия и других видов ОМУ на дне морей и океанов и в его недрах, КБО, КХО, ДВЗЯИ и т.д.

Поскольку на КР представлена только примерно треть членов ООН, она является несколько более компактным, но все же слишком многочисленным органом для ведения конкретных переговоров. Вместе с тем в нее входят все ключевые страны, включая лидеров различных групп, и результат их работы достаточно адекватно отражает консенсус всего мирового сообщества. Как правило, ведущую роль все же играют лидирующие в военном отношении страны, но с ними по влиянию соперничают формальные и неформальные лидеры различных групп, таких, как ДН и КНПД. В результате реальная работа, как правило, осуществляется сравнительно небольшой группой участников, в то время как остальные играют менее активную, но временами достаточно существенную роль.

Наиболее важными вопросами контроля над ядерными вооружениями последнего времени, которые находились в центре

внимания КР, являются ДВЗЯИ и обсуждение вопроса о заключении международного договора о ЗПРМ. Остановимся на них подробнее.

Запрещение ядерных испытаний

Смысл запрещения ядерных испытаний состоит, прежде всего с точки зрения НЯОГ, в том, что оно позволяет резко ограничить — если не прекратить полностью — модернизацию ядерного оружия, а со временем ставит под вопрос надежность и безопасность боезарядов. ЯОГ постепенно утратят уверенность в том, что оно будет функционировать. В результате станет политически и психологически легче договориться о ликвидации оружия. Плодом многолетних усилий стал ДВЗЯИ, заключенный в 1996 г.

В течение примерно 50 лет было проведено 2 049 ядерных испытаний. СССР в 1949-1990 гг. (до введения одностороннего моратория, который действует и поныне) провел 715 взрывов, США в 1945-1992 гг. (до введения моратория) — 1 032 взрыва, Великобритания с 1952 по 1991 гг. — 45 взрывов, Франция с 1960 по 1996 гг. — 210 взрывов, Китай с 1964 по 1996 гг. — 47 взрывов³, Индия взорвала шесть ЯВУ (1974 и 1998), Пакистан — шесть ЯВУ (1998). Из этих сведений видно, что два ведущих ЯОГ, а также Великобритания полностью прекратили ядерные взрывы еще в начале 1990-х гг. за несколько лет до заключения ДВЗЯИ, а Франция и Китай поспешили закончить свои программы испытаний к моменту его заключения. Напротив, «новые» ЯОГ — Индия и Пакистан — бросили прямой вызов мировому сообществу, проведя испытания уже после заключения Договора.

На пути к ДВЗЯИ

Процесс практических шагов в направлении прекращения гонки ядерных вооружений и ядерного разоружения начался именно с запрещения испытаний. Первоначально этот вопрос был поднят перед мировым сообществом премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру в 1954 г. после проведения Соединенными Штатами серии мощных ядерных взрывов в Тихом океане, которые привели к радиоактивному заражению экипажа японского рыболовецкого судна. В 1957 г. СССР согласился на рассмотрение этого вопроса отдельно от других мер по разоружению (до этого

³ Михайлов В.Н. (ред.). Ядерные испытания СССР. М., ИЗДАТ, 1997, с.185. Следует отметить, что во время 715 испытаний Советским Союзом были взорваны 969 ядерных зарядов (там же, с.302).

советская дипломатия выступала и была готова вести речь только о полном и всеобщем ядерном разоружении), а на следующий год предложил в качестве первого шага объявить мораторий на ядерные испытания. В 1958 г. СССР объявил о введении такого моратория при условии, что его примеру последуют и другие страны. В том же году в Женеве состоялось совещание авторитетной международной группы экспертов для изучения возможности контроля, которая дала положительное заключение о возможности контролировать запрет на испытания.

В 1958 г., после окончания работы этой группы, США объявили о моратории на ядерные испытания и была достигнута договоренность о начале трехсторонних переговоров между СССР, США и Великобританией о запрещении испытаний. Однако поскольку США продолжали испытания до самого момента начала переговоров, СССР решил в ответ провести «заключительную» серию испытаний, которая включила в себя ядерные взрывы большой мощности; последние взрывы были произведены уже после начала переговоров (переговоры начались 31 октября 1958 г., а последние два испытания СССР пришлось на 1 и 3 ноября). Тем не менее после обмена резкими заявлениями стороны прекратили испытания, которые не были возобновлены даже после того, как американский мораторий официально закончился.

Вначале стороны сосредоточились на обсуждении запрещения испытаний во всех средах: в космосе, в атмосфере, под водой и под землей. Однако четырехлетние переговоры не принесли успеха ввиду разногласий по многим вопросам, и прежде всего по контролю.

Осенью 1961 г. СССР возобновил ядерные испытания в атмосфере, проведя около 50 взрывов в течение чуть более двух месяцев. США также возобновили испытания.

Потепление отношений, наступившее после Карибского ракетного кризиса, трансформировалось в желание закрепить начавшийся процесс разоруженческими мерами, и вопрос об испытаниях оказался наиболее подготовленным для быстрого прорыва. Существенную роль также сыграли продолжавшиеся массовые протесты международной общественности против ядерных испытаний в атмосфере, которые сделали их политически невозможными для американского правительства. Текст Московского договора о запрещении испытаний в трех средах удалось согласовать в течение практически двух недель; он был подписан 5 августа 1963 г. и вступил в силу 10 октября того же года. Китай и Франция, однако, не присоединились к Московскому договору и в течение многих лет продолжали проводить испытания в атмосфере: Франция — до 1974 г., а Китай — до 1980 г.

В 1974 г. в контексте политики разрядки СССР и США начали переговоры об ограничении мощности подземных взрывов. Договор был подписан в июле того же года. Как и в других

областях разоруженческой деятельности, было оставлено «окно» для модернизации — разрешались взрывы мощностью менее 150 кт. Полное запрещение испытаний было сложным в связи с отсутствием надежного контроля: существовала вероятность, как считали многие специалисты, спутать ядерное испытание малой мощности с землетрясением. Даже уровень в 150 кт оказалось не так просто проконтролировать — при желании всегда можно было поднять вопрос о возможном нарушении. По мере очередного ухудшения советско-американских отношений такие вопросы ставились все чаще, и в итоге США так и не ввели этот договор в силу до 1990 г., когда был согласован специальный протокол о контроле. Тем не менее стороны де-факто соблюдали его и не проводили взрывов мощностью свыше 150 кт.

В 1976 г. был заключен Договор о ядерных взрывах в мирных целях, который регулировал невоенное применение ЯВУ, в частности, проведение взрывов вне испытательных полигонов: в целях сейсмондирования, увеличения добычи нефти, создания подземных полостей для хранения газового конденсата или вредных отходов, перемещения грунта и т.д., но в определенных пределах мощности взрывов.

В 1977-1980 гг. между СССР, США и Великобританией велись переговоры о полном запрещении испытаний, но без особого успеха. Хотя был в принципе согласован вопрос о создании в СССР и США сети национальных сейсмических станций, а также о проведении инспекций на местах для проверки характера неопознанных явлений, при администрации Рональда Рейгана переговоры прекратились полностью.

В 1985 г. М.С. Горбачев объявил о годичном одностороннем моратории на ядерные взрывы, который затем неоднократно продлевался. В связи с тем что США не последовали советскому примеру, испытания были возобновлены в 1987 г., так же, как и МЯВ.

Был осуществлен интересный и во многом уникальный эксперимент по контролю за запрещением испытаний, в ходе которого каждая из сторон разместила свою сейсмическую аппаратуру соответственно на Семипалатинском полигоне и на американском полигоне в штате Невада. Переговоры, однако, не завершились успехом, поскольку на официальном уровне результаты эксперимента не были приняты американской стороной как достаточное свидетельство возможности контроля. С американской стороны эксперимент проводился неправительственными кругами, хотя де-факто правительство США не препятствовало его проведению и с интересом следило за результатами; формальная отстраненность позволила интерпретировать результаты эксперимента так, как было в тот момент выгодно официальному Вашингтону. В 1989 г. СССР вновь приостановил проведение взрывов, а 24 октября 1990 г. произвел последний ядерный взрыв.

После распада СССР Россия подтвердила односторонний мораторий.

Многосторонние переговоры о запрещении ядерных взрывов начались на КР в январе 1994 г., продолжались свыше двух с половиной лет и отличались большим упорством. Индия отказалась поддержать консенсус, который был достигнут между членами КР, и проект договора был внесен на одобрение ГА ООН не КР, а группой государств. По решению ГА ДВЗЯИ был открыт для подписания 24 сентября 1996 г.

Основные положения ДВЗЯИ

Основные обязательства стран-участниц весьма просты и содержатся в статье I Договора:

«1. Каждое государство-участник обязуется не производить любой испытательный взрыв ядерного оружия и любой другой ядерный взрыв, а также запретить и предотвращать любой такой ядерный взрыв в любом месте, находящемся под его юрисдикцией или контролем.

2. Каждое государство-участник обязуется далее воздерживаться от побуждения, поощрения или какого-либо участия в проведении любого испытательного взрыва ядерного оружия и любого другого ядерного взрыва».

В отличие от ранее заключенных договоров, запреты распространяются на все среды (Договор 1963 г., как указывалось, разрешал подземные взрывы). Также устанавливается так называемый «нулевой порог». Таким образом, запрет носит *всеобъемлющий* характер.

Запрет касается не только испытаний, но и МЯВ, на сохранении возможности которых в ходе переговоров настаивал Китай. Основанием для столь широкого запрета явился принцип, по которому в ДНЯО НЯОГ запрещалось обладание любыми ЯВУ, а их передача запрещалась для любых государств, так как практически невозможно выработать технические и юридические критерии для того, чтобы различить ЯВУ для военных и мирных целей. В отличие от ДНЯО, который допускал проведение МЯВ ЯОГ по просьбе НЯОГ-участников ДНЯО, ДВЗЯИ накладывает запрет и на эту деятельность. Вместе с тем по настоянию Китая в Договоре оставлена возможность вернуться к вопросу о разрешении проведения МЯВ. Это может сделать конференция по обзору действия ДВЗЯИ через 10 лет после вступления его в силу, но для принятия решения будет необходимо достижение консенсуса государств-участников.

Содержащиеся в ДВЗЯИ отличия легко объяснимы. Наряду с трудностями контроля за прошедшие десятилетия появилось и

широко распространилось негативное отношение к любым ядерным взрывам. Ядерная энергия допускается общественным мнением только в контролируемом виде — в АЭС и для атомных двигателей надводных и подводных судов, но не в виде взрывов, связанных с негативными последствиями для окружающей среды и здоровья людей.

Дополнительные обязательства государств-участников содержатся в *статье III*, которая излагает национальные меры по осуществлению Договора. Они обязаны принять шаги для того, чтобы:

«а) запретить физическим и юридическим лицам где бы то ни было на его территории или в любом другом месте, находящемся под его юрисдикцией, как это признано международным правом, заниматься любой деятельностью, запрещенной государству-участнику по настоящему Договору;

б) запретить физическим и юридическим лицам заниматься любой такой деятельностью где бы то ни было под его контролем; и

с) запретить в соответствии с международным правом физическим лицам, обладающим его гражданством, заниматься любой такой деятельностью где бы то ни было».

Речь в данном случае идет о том, что международные соглашения не имеют прямого действия, т.е. не распространяются на частные лица и неправительственные организации. Запретить им деятельность, противоречащую Договору, имеют право только правительства, в юрисдикцию которых такие лица и организации входят, и статья III именно это и предусматривает. Как правило, международные соглашения не требуют подобного положения. Тем не менее авторы ДВЗЯИ включили такое положение, поскольку не все государства являются членами Венской конвенции о праве международных договоров (например, США подписали ее, но не ратифицировали).

Договор вместе с тем не запрещает проведение так называемых подкритических экспериментов, в которых не происходят ядерные взрывы. И Россия и США проводят такие эксперименты соответственно на Новоземельском и Невадском полигонах.

Механизмы реализации ДВЗЯИ

ДВЗЯИ предусматривает создание специальной организации (ОДВЗЯИ) со штаб-квартирой в Вене, которая призвана обеспечивать соблюдение Договора, включая меры контроля. В состав ОДВЗЯИ входят Конференция государств-участников, Исполнительный совет и Технический секретариат, который включает Международный центр данных; во главе Технического секретариата стоит Генеральный директор, избираемый Конференцией всех стран-участниц Договора.

Исполнительный совет состоит из представителей 51 государства, причем в соответствии с принципом справедливого распределения мест между различными регионами мира были введены специальные квоты: семь мест было отведено Восточной Европе (в группу входят Азербайджан, Албания, Армения, Белоруссия, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Грузия, Латвия, Литва, Македония, Молдавия, Польша, Россия, Румыния, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Чехия, Эстония и Югославия), десять — странам Африки, девять — Латинской Америке и Карибскому бассейну, семь — Ближнему Востоку и Южной Азии, десять — Северной Америке и Западной Европе, восемь — Юго-Восточной Азии, Тихоокеанскому региону и Дальнему Востоку.

При этом установлен весьма нетрадиционный порядок заполнения квоты, а именно: не менее одной трети мест от каждой группы предоставляется государствам, которые имеют ядерный потенциал, «имеющий отношение к Договору, как этот потенциал определен на основе международных данных», а также с учетом количества станций наблюдения на их территории, входящих в международную систему мониторинга, наличия специальных знаний и опыта в области ДВЗЯИ и взноса в организацию. Остальные две трети мест распределяются путем голосования или иным образом по решению региональной группы.

Реально эти правила означают, что ЯОГ, включая Россию, всегда будет гарантировано место в Исполнительном совете, который играет ключевую роль в функционировании Договора. Это вместе с тем является едва ли не единственным преимуществом ЯОГ по сравнению с остальными участниками Договора.

До вступления Договора в силу ОДВЗЯИ состоит из двух органов: Подготовительной комиссии и Временного технического секретариата, которые начали функционировать в Вене в 1997 г.

Контроль за соблюдением ДВЗЯИ

Ключевой составной частью ДВЗЯИ является система мер контроля, которая включает в себя четыре элемента: международную систему мониторинга (МСМ), механизм консультаций и предоставления информации, инспекции на местах и меры на основе доверия.

Мониторинг будет осуществляться с помощью 337 объектов, расположенных по всему миру, включая 170 сейсмических, 11 гидроакустических, 60 инфразвуковых и 80 радионуклидных станций наблюдения; последние опираются на поддержку 16 лабораторий. Эти объекты должны быть расположены в 90 странах мира — частично сооружены заново, а частично созданы на основе существующих объектов. Сеть датчиков создавалась таким образом,

чтобы быть в состоянии надежно отличить ядерные взрывы от землетрясений.

Работа над созданием международной сети мониторинга началась в 1997 г., хотя и не в полном виде — в ней участвовала 241 станция слежения, преимущественно сейсмическая (этот вид контроля лучше всего развит и использует существующие во многих странах сейсмические станции). Работа в основном заключалась в интегрировании станций в единую систему, налаживании систем связи и обучении персонала.

Станции наблюдения должны передавать данные мониторинга международному центру данных (МЦД), в котором осуществляется анализ и обработка информации. Эти данные полностью доступны всем участникам Договора, которые, в конечном счете, и осуществляют их анализ. Последний момент важен, поскольку позволяет государствам-участникам не полагаться всецело на международную организацию, а быть в состоянии сформировать свое собственное мнение.

Российский сегмент механизма контроля состоит из 31 станции МСМ (6 сейсмостанций основной сети, 13 сейсмостанций вспомогательной сети, 8 радионуклидных станций и 4 инфразвуковых), центральной лаборатории радиационного контроля Минобороны, Национального центра данных в г. Дубне, а также российской независимой системы связи, которая должна обеспечить передачу данных в МЦД и получение данных оттуда. Создание объектов МСМ на территории России началось во второй половине 1998 г.

В случае возникновения сомнений или разногласий в оценках того или иного события предусмотрен механизм консультаций и разъяснений. Если вопрос снять не удается, то возможно проведение инспекции на месте. При этом предусмотрен достаточно жесткий порядок, который исключает произвольные необоснованные обвинения в адрес тех или иных стран.

Запрос об инспекции строго ограничивается рамками ДВЗЯИ, т.е. сбором дополнительной информации о том, осуществлялся ли ядерный взрыв, и не может основываться на желании получить дополнительную информацию о деятельности на каком-либо объекте. Заявка оценивается Генеральным директором ОДВЗЯИ, и в случае, если она принимается, государство, в отношении которого запрашивается инспекция, имеет возможность предоставить дополнительную информацию. Если дополнительная информация, по мнению запрашивающего инспекцию государства, не позволяет снять озабоченность, Исполнительный совет принимает решение проводить ли инспекцию (т.е. Исполнительный совет дополнительно оценивает, достаточна ли предоставленная информация и насколько обоснованно повторное требование об инспекции).

Как и в Организации по КХО, в ОДВЗЯИ установлен порядок принятия решений большинством. Несмотря на то что реальный

потенциал осуществления взрывов сосредоточен в небольшой группе стран (ЯОГ плюс пороговые страны), они не имеют каких-либо особых преимуществ. Даже постоянные члены СБ ООН, имеющие в нем право вето на любые решения, обязаны подчиняться решениям большинства членов Исполнительного совета о проведении на их территории инспекции.

Меры доверия определены достаточно общим образом, за исключением того, что страны-участницы на добровольной основе предоставляют данные о крупных неядерных взрывах (мощностью 300 т тротилового эквивалента и выше), а также могут приглашать посещать места проведения таких взрывов.

Срок действия, поправки и вступление в силу

ДВЗЯИ имеет бессрочный характер. Выход из него возможен только в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств, ставящих под угрозу высшие интересы государства-участника, с уведомлением за шесть месяцев.

Поправки к ДВЗЯИ могут приниматься только на конференции всех его участников, причем поправка считается принятой, если за нее проголосует большинство и никто не выскажется против. Это делает процесс принятия поправок крайне сложным, почти нереальным делом, за исключением случаев, когда их необходимость стала совершенно очевидной для всех участников.

Эта процедура защищает интересы прежде всего ЯОГ, гарантируя их от того, что НЯОГ-участники ДВЗЯИ могли бы в той или иной степени ужесточить его условия. Одновременно НЯОГ получают гарантию против ослабления Договора, прежде всего его контрольных функций, по инициативе стран, располагающих потенциалом для осуществления ядерных взрывов (таких стран, как будет указано ниже, 44, хотя главным образом имеются в виду, конечно, пять ЯОГ и три пороговых государства).

Порядок вступления в силу ДВЗЯИ весьма сложен. При согласовании Договора было решено, что он может вступить в силу только при условии, что его членами станут все страны, потенциально способные проводить испытания, даже если ради этого придется пойти на очень длительный перерыв между завершением переговоров и вступлением в силу. В противном случае возникал риск того, что некоторые страны смогут создавать и совершенствовать оружие, в то время как участники Договора лишат себя этой возможности. С этой точки зрения ДВЗЯИ коренным образом отличается от ДНЯО: последний более или менее мирится с наличием «отказников».

Перечень стран был составлен на основании данных МАГАТЭ о наличии исследовательских реакторов и АЭС (т.е. фактически

располагавших базой для собственных ядерных программ) и включал 44 страны из этого списка⁴, принимавшие участие в переговорах. Они перечислены в Приложении 2 к статье XIV ДВЗЯИ. Среди прочих стран в нем указаны Индия, Пакистан и Израиль, которые не являются участниками ДНЯО и располагают ядерным оружием.

По состоянию на ноябрь 2001 г. Договор подписало 164 государства, из которых 89 его ратифицировали. Важнее всего то, что среди неподписавших оказались три страны из 44, участие которых является обязательным — Индия, Пакистан и Северная Корея; остальные 41 подписали Договор. Из группы 44 ратифицировала ДВЗЯИ 31 страна, из числа официальных ЯОГ — только Россия, Великобритания и Франция. В США осенью 1999 г. была предпринята попытка ратификации ДВЗЯИ, но Договор не собрал требуемых двух третей голосов сенаторов. Формальным основанием для отклонения послужило несовершенство мер контроля, которые, по мнению многих сенаторов, не позволили бы США надежно удостовериться, что другие страны не проводят испытаний; эта точка зрения не разделяется подавляющим большинством экспертов как в США, так и за их пределами. Китай также затягивает ратификацию. Россия ратифицировала Договор в апреле 2000 г.

Конференции по ускорению вступления в силу ДВЗЯИ

В ходе согласования процедуры вступления в силу учитывалась вероятность того, что этот процесс сильно затянется. Поэтому уже в сам текст Договора (статья XIV.2) было включено положение о том, что если он не вступит в силу «через три года после даты годовщины его открытия для подписания, депозитарий созывает Конференцию государств, которые уже сдали на хранение свои ратификационные грамоты, по просьбе большинства этих государств». Конференция рассматривает и решает консенсусом вопрос о том, какие меры могут быть приняты для ускорения процесса ратификации с целью содействовать скорейшему вступлению в силу Договора. В дальнейшем подобные конференции могут проводиться ежегодно.

Первая конференция по ускорению вступления в силу ДВЗЯИ состоялась в октябре 1999 г. в Вене. В ней приняли участие 92 государства, в числе которых были и не ратифицировавшие Договор, а также 4 страны, его не подписавшие. Конференция 1999 г. не стала крупным событием. Напротив, наблюдатели отмечали, что участники были сравнительно пассивны и, казалось, восприняли

⁴ Всего по данным МАГАТЭ 71 страна имеет «значительную ядерную деятельность» (Ежегодный доклад Агентства за 2000 г. Док. GC (45)/4, с.149).

затягивание процесса вступления в силу как неизбежность. Энтузиазм периода согласования и открытия Договора для подписания явно угас⁵. На участников конференции повлияло и то, что в это самое время в США проходил процесс ратификации, и большинство ожидало, что решение будет положительным (Сенат отверг ДВЗЯИ уже после завершения конференции).

Заключительный документ конференции⁶ предусмотрел комплекс мер дипломатического характера по продвижению процесса ратификации (прежде всего интенсивные консультации со странами, не ратифицировавшими ДВЗЯИ), а также призвал неправительственные организации к более широкой пропаганде Договора. Предусматривалось, что Подготовительная комиссия продолжит усилия с целью продемонстрировать эффективность мер контроля за запрещением ядерных взрывов, что явилось ответом на высказанные в Сенате США сомнения относительно системы контроля.

В документе было подчеркнуто, что односторонние моратории на ядерные взрывы (которых придерживались все ЯОГ) не могут заменить юридически обязывающих документов. Были особо отмечены «критические» моменты, связанные с вступлением ДВЗЯИ в силу, такие, как необходимость ратификации тремя ЯОГ; необходимость подписания Договора Индией и Пакистаном; а также необходимость подписания Договора Северной Кореей, которая к моменту конференции никак не выразила своего отношения к ДВЗЯИ.

Ход дискуссии продемонстрировал, что международная обстановка в конце 1990-х гг. менее благоприятствовала прогрессу в вопросах разоружения, чем в середине десятилетия, когда согласовывался Договор. Так, представитель Китая, сославшись на ядерные испытания в Индии и Пакистане, а также на бомбардировку НАТО Югославии, подчеркнул, что его страна, «на основе рассмотрения самого Договора и международной ситуации в области безопасности, начнет процесс ратификации так скоро, как будет практически возможно [...]»⁷, фактически дав понять, что задержка в ратификации возможна и что ее сроки будут определяться не только и даже не столько самим Договором, сколько более широким контекстом.

Состоявшаяся в ноябре 2001 г. в Нью-Йорке вторая конференция по ускорению вступления в силу ДВЗЯИ также

⁵ Johnson Rebecca. Spotlight on the CTBT: Report of the CTBT Article XIV Conference. *Disarmament Diplomacy*, No.40, September/October 1999, p.2.

⁶ Final Declaration Unanimously Adopted at CTBT Conference. EIF Conference Press Release, Conference on Facilitating the Entry into Force of the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty, Vienna, 8 October 1999.

⁷ Amb. Sha Zukang. Head of the Delegation of the People's Republic of China. Statement at the Conference on Facilitating the Entry into Force of the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty, 7 October 1999.

завершилась без существенных результатов с точки зрения содействия присоединению к Договору таких стран, как США, Китай, Индия, Пакистан и Израиль. Показательно, что США бойкотировали эту конференцию.

По прошествии стольких лет после открытия Договора для подписания возникает вопрос: а стоило ли ставить столь жесткие условия для вступления ДВЗЯИ в силу, заведомо обрекая его на «подвешенное состояние» в течение длительного времени? Наверное, возможен был вариант, аналогичный ДНЯО, при котором за рамками остались бы некоторые государства. Конечно, важно было как можно скорее закрепить неядерный статус ряда государств, таких, например, как Япония и Германия. Однако подавляющее большинство правительств, а также и независимых экспертов убеждены, что принятый порядок вступления Договора в силу является единственно правильным. В самом деле, если такие государства, как США и Китай, так и не вступят в Договор, более того, будут проводить модернизацию ядерного оружия и даже создавать новые его типы, то, спрашивается, какой смысл тем странам, которые ратифицировали Договор, продолжать бесконечно поддерживать его? Видимо, рано или поздно возникнет вопрос о том, чтобы провести специальную встречу на высоком уровне с участием всех официальных ЯОГ, де-факто ЯОГ и некоторых влиятельных НЯОГ для того, чтобы определить дальнейшую судьбу не вступившего в силу Договора. А тем временем безусловно необходимо обеспечить поддержание действующего моратория на испытания.

Запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия

Проблема ЗПРМ еще с 1940-х гг. рассматривалась как один из путей, ведущих к ядерному разоружению. Этот элемент содержался в плане Ачесона-Лилиенталя и в «плане Баруха» 1946 г. План был отвергнут Советским Союзом, поскольку его конкретные параметры способствовали установлению американской ядерной монополии (см. главу 4). Не испытывали никакого энтузиазма в отношении его и англичане, приступившие в 1947 г. к созданию своего ядерного оружия. Но сама идея международного контроля за оружейными расщепляющимися материалами имела и продолжает иметь рациональное зерно. В апреле 1964 г. СССР и США объявили о некотором сокращении производства обогащенного урана и плутония для ядерного оружия; аналогичное заявление было сделано Великобританией.

Предложения о прекращении производства расщепляющих материалов для военных целей и сокращении запасов выдвигались

и позже, например, Генеральным секретарем ЦК КПСС, впоследствии президентом СССР, М.С. Горбачевым в 1989 г. и президентом США Биллом Клинтон в 1993 г.: в обоих случаях в контексте ООН с указанием на эту меру как предмет для многосторонней договоренности.

Однако запасы оружейных расщепляющихся материалов росли настолько быстрыми темпами, что уже к моменту заключения ДНЯО ЗПРМ приобрело смысл прежде всего как средство нераспространения и лишь во вторую очередь — разоружения. Действительно, запрет на производство оружейных расщепляющихся материалов послужил бы едва ли не самой надежной гарантией против появления новых ЯОГ. Его разоруженческое значение связано прежде всего с выводом из оборота расщепляющихся материалов, которые высвобождаются из ликвидируемых боеприпасов, что позволяет сделать процесс разоружения необратимым.

Таким образом, ЗПРМ имеет наибольший эффект в сочетании с другими мерами по разоружению, а именно с традиционным сокращением ядерного оружия, которое ведет к необходимости утилизации «излишков» боеприпасов, и ДВЗЯИ, который исключает возможность модернизации ядерного оружия, что в целом в определенной мере стимулирует постепенное снятие боеприпасов с вооружения.

Соотношение нераспространенческого и разоруженческого компонентов в ЗПРМ будет зависеть от содержания будущей договоренности. Здесь возможны и обсуждаются два варианта:

- прекращение производства ЯМ;
- меры в отношении существующих запасов ЯМ.

Первый вариант является в основном мерой нераспространения, в том числе *вертикального*, ставя предел увеличению ядерного потенциала де-факто ЯОГ. В отношении ЯОГ он предусматривает лишь ненаращивание количества расщепляющихся материалов, что, по крайней мере в отношении России и США, мало актуально, поскольку они уже приступили к сокращению своих запасов; выигрышем является постановка ненаращивания под международный контроль. Второй вариант является полностью разоруженческой мерой.

При обсуждении этих вариантов сталкиваются разнонаправленные интересы. Так, ЯОГ готовы согласиться с запрещением производства новых материалов, но не готовы поставить под контроль запасы и согласиться на их сокращение под наблюдением иностранных наблюдателей. Индия возражает против сокращения запасов по тем же причинам, в то время как Пакистан настроен более радикально, поскольку рассчитывает добиться сокращения индийских запасов. При этом и Индия, и Пакистан проявляют склонность к затягиванию переговоров,

поскольку это давало бы им возможность произвести еще некоторое количество материалов для ядерного оружия, в то время как большинство ЯОГ (за исключением Китая) уже готовы договориться сравнительно быстро. НЯОГ решительно выступают за скорейшее начало переговоров, будучи готовы пойти и на наиболее ограниченный из возможных вариантов ЗПРМ с учетом того, что он подготовил бы почву для согласования более радикальных шагов в будущем. Большое значение уделялось при этом самоценности системы контроля, в соответствии с которой НЯОГ впервые получили бы определенный доступ к проверке арсеналов оружейных расщепляющихся материалов ЯОГ.

Путь к переговорам по ЗПРМ

После многих лет бесплодных обсуждений ЗПРМ «процесс пошел» в 1993 г., когда ГА ООН удалось принять консенсусом резолюцию «Запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других взрывных устройств»⁸. Для этого потребовалось пойти на существенный компромисс, предопределивший ключевой элемент будущей договоренности, но в то же время предвещавший последующие споры в процессе переговоров, а именно: все предшествовавшие проекты резолюций вели речь о «производстве и накоплении» материалов, что вызывало сопротивление ЯОГ, однако снятие второго слова позволило наконец достичь сдвига.

Дальнейшим практическим шагом стало решение вопроса о мандате КР для рассмотрения ЗПРМ, поскольку переговоры такого рода проводятся именно в рамках КР. Следующим шагом должно было стать обсуждение вопроса в Женеве и создание специального комитета, в рамках которого и велись бы переговоры.

В ходе КРП ДНЯО 1995 г. переговоры по ЗПРМ были поставлены на второе место после ДВЗЯИ в перечне первоочередных мер по ядерному разоружению; можно сказать, что ЗПРМ стало одним из неперемных *условий* сохранения режима нераспространения ядерного оружия.

В марте 1995 г. КР удалось принять так называемый «доклад Шеннона» (по имени представителя Канады, который был назначен специальным координатором по ЗПРМ) о создании спецкомитета. Однако эта победа была неполной, поскольку ряд стран (Пакистан, Египет, Иран и Алжир) вновь подняли вопрос о включении в будущий документ проблемы запасов расщепляющихся материалов, против которого активно выступили ЯОГ и Индия. В итоге был принят компромиссный вариант,

⁸ Резолюция 48/75L была принята ГА ООН в декабре 1993 г.

который основывался на решении ГА («без запасов»), но было разрешено внесение других предложений («включая запасы») в ходе переговоров в спецкомитете.

Остался нерешенным вопрос о том, классифицировать ЗПРМ как меру ядерного разоружения или ядерного нераспространения. В первом случае для Индии и Пакистана могла появиться возможность добиться своего признания де-факто в качестве ЯОГ, а ЯОГ были против этого поворота. Во втором случае Индия и Пакистан должны были бы своими руками укреплять режим нераспространения. Вопрос был решен на основе компромисса: по требованию ДН («группы 21») согласование договора по ЗПРМ было классифицировано как пункт 1 повестки для КР «прекращение гонки ядерных вооружений и ядерное разоружение». Мандат спецкомитета был согласован на основе «доклада Шеннона», но при этом сохранились и проявившиеся в 1995 г. разногласия: ЯОГ и Индия заявили, что мандат не предусматривает включения существующих запасов, в то время как Пакистан и ДН (кроме Индии) заявили о намерении предложить включение запасов в ходе работы спецкомитета. В частности, это предложение было активно поддержано Египтом и другими арабскими государствами, которые настойчиво подчеркивали необходимость постановки под контроль израильских запасов оружейных расщепляющихся материалов.

Немало трудов также потребовалось для того, чтобы заручиться поддержкой Израиля, который опасался поставить под международный контроль и возможные сокращения свою ядерную программу. Тем не менее под сильным давлением США Израиль согласился поддержать доклад спецкоординатора о создании спецкомитета по ЗПРМ, хотя и оговорил, что резервирует свое мнение по существу вопросов, которые будут обсуждаться на переговорах.

В итоге решение об образовании спецкомитета по ЗПРМ и о его мандате для переговоров относительно «недискриминационного многостороннего и поддающегося международной эффективной проверке договора, запрещающего производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств»⁹, было принято спустя без малого пять лет после принятия резолюции ГА ООН — лишь в августе 1998 г., под занавес сессии КР.

В 1998 г. этот спецкомитет успел проработать под председательством канадца Марка Моэра только три недели. Уже тогда ряд делегаций высказали пожелание, чтобы в январе следующего года этот спецкомитет возобновил работу с тем же мандатом, но договориться на этот счет не удалось. Требовалось

⁹ Док. CD/1547, 12 August 1998.

сначала решить вопросы, касающиеся охвата существующих запасов, соотношения с другими мерами по укреплению режима ядерного нераспространения и ядерному разоружению.

В 1999, 2000 и 2001 гг. переговоры возобновить не удалось. В соответствии с правилами КР в начале года требуется заново принять повестку дня, создать спецкомитет и определить переговорный мандат, и достаточно неожиданно возникли новые препятствия. События показали всю сложность проведения переговоров в многостороннем формате (в КР в 1999 г. участвовали делегации 61 страны, а в 2001 г. — уже 66 государств), особенно в условиях, когда меняющаяся международная обстановка и эволюция интересов различных стран влияют на расстановку сил и линию национальных делегаций.

Наиболее последовательными сторонниками скорейшего начала переговоров по ЗПРМ оказались ЯОГ, прежде всего США, Россия, Великобритания и Франция. Представитель России настойчиво призывал КР к скорейшему возобновлению работы спецкомитета по ЗПРМ и отметил, что Россия считает неправильным «терять время на поиски альтернативных путей к ядерному разоружению, игнорируя неоднократно подтвержденный консенсус по ЗПРМ»¹⁰. Важно подчеркнуть, что эта позиция была высказана несмотря на содержащуюся в выступлении жесткую критику США и НАТО в связи с агрессией против Югославии и не менее жесткое осуждение линии США на развертывание системы ПРО, что продемонстрировало последовательность интереса России к переговорам по ЗПРМ.

Вскоре после начала сессии 1999 г. «тройка» — США, Великобритания и Франция — внесла предложение о том, чтобы КР не только подтвердила согласованный в предыдущем году мандат, но и приняла решение об автоматическом продлении этого мандата и на последующие годы. Это предложение было логичным, поскольку позволяло обеспечить преемственность работы спецкомитета и избежать ежегодных потерь времени на его подтверждение. Однако на этот раз возникли возражения сразу с двух сторон.

Китай обусловил свое согласие на начало переговоров созданием аналогичного спецкомитета по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве (в 1998 г. договорились, что будет только назначен специальный координатор по этому вопросу) — предложение, против которого резко выступили США, поскольку оно было явно нацелено на противодействие планам развертывания НПРО. Предложение об усилении внимания к проблеме космического пространства было поддержано и рядом других стран, в

¹⁰Statement by Amb. Vasily Sidorov, 10 June 1999. *Disarmament Diplomacy*, No.38, June 1999, p.26.

том числе Россией, хотя далеко не все считали обоснованной увязку этого вопроса с ЗПРМ. В итоге удалось договориться о создании в 2000 г. рабочей группы по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве — компромиссный вариант между спецкомитетом, на котором настаивал Китай, и спецпредставителем, о котором была достигнута договоренность годом раньше.

С другой стороны, Индия и Пакистан возражали против придания спецкомитету по ЗПРМ постоянного характера, указывая на то, что это не соответствовало бы общепринятым процедурным правилам КР. Общепризнанным объяснением сопротивлению, которое делегации этих стран оказывали началу переговоров, считалось их стремление воспользоваться отсрочкой для того, чтобы иметь возможность при необходимости продолжить производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия. В свою очередь Пакистан по-прежнему продвигал позицию относительно контроля над существующими запасами, которая сталкивалась с оппозицией как Индии, так и пяти ЯОГ. С позицией Пакистана, однако, солидаризировалась ЮАР, которая в 1990-е гг. выдвинулась на лидирующие роли в вопросах ядерного разоружения.

Сохранялась и особая позиция КНПД, настаивавшей на создании спецкомитета по ядерному разоружению, который должен был заняться предметной разработкой этапов продвижения к этой цели. Традиционно такая постановка вопроса сталкивается с оппозицией ЯОГ, которые возражают против навязывания им конкретных сроков и мер разоружения — как указывалось выше, существует противоречие между международным характером проблемы ядерного оружия и национальным характером принятия решений по нему: ЯОГ, естественно, не согласны отдать в чужие руки определение их политики в ядерной области.

Сессии КР в 2000 и 2001 гг., однако, не привели к какому-либо сдвигу по ЗПРМ. Противостояние между США и Китаем относительно увязки между ЗРПМ и предотвращением гонки вооружений в космическом пространстве продолжилось, так же, как и попытки НЯОГ связать с ними вопрос о полном и всеобщем ядерном разоружении, т.е. в одном пакете оказались сразу три вопроса.

КР ДНЯО 2000 г., однако, приняла ряд важных решений на этот счет. Как заявление пяти ЯОГ¹¹, так и Заключительный документ конференции¹² подчеркнули желательность неотложного начала переговоров по ЗПРМ в соответствии с мандатом 1995 г. («доклада Шеннона»).

Продвижение в вопросе о ЗПРМ, вызвавшее первоначально волну оптимизма среди сторонников этой меры, оказалось в значительной мере смазано. Стало ясно, что полного консенсуса в

¹¹ Док. NPT/CONF.2000/21.

¹² Док. NPT/CONF.2000/28.

мировом сообществе пока не существует, хотя на словах эту идею поддерживают все страны, а также что переговоры о ЗПРМ уязвимы по отношению к другим вопросам в большей мере, чем переговоры о ДВЗЯИ.

Негативное воздействие на развитие событий оказали американские планы создания НПРО (именно с этим было связано то, что Китай выдвинул в качестве жесткого условия обсуждение предотвращения милитаризации космоса).

Кроме того, готовность Индии и Пакистана идти на уступки после проведенных ими ядерных испытаний оказалась недолговечной. Эти страны вступили в этап «привыкания» к своей новой роли, которая включает определение в значительной мере заново национальных интересов. Одновременно продолжились процессы расслоения в ДН, связанные во многом с тем, что Индия, ранее выступавшая выразителем их совокупной воли, более не могла говорить от имени НЯОГ: ее бескомпромиссная позиция в пользу скорейшего ядерного разоружения оказалась скомпрометирована своего рода «псевдоядерным» статусом.

На сессии КР 2001 г. Китай еще больше осложнил решение вопроса о начале переговоров о ЗПРМ, внося на рассмотрение КР в июне 2001 г. проект договора о запрещении оружия в космическом пространстве, который предусматривает установление запрета на размещение оружия в космосе и на нападение с Земли какими-либо видами оружия на объекты, находящиеся в космическом пространстве. Несмотря на закономерность постановки самой этой проблемы, ее увязка в один узел с ЗПРМ, по мнению многих, контрпродуктивна.

Вместе с тем к оценке переговоров второй половины 1990-х гг. по ЗПРМ следует подходить с реалистических позиций. По этому вопросу придется выбирать между разными альтернативами, и не так-то легко решить, какая лучше. Например, следует ли сосредоточиться только на ЗПРМ или лучше все же попытаться сформировать и единую позицию мирового сообщества, в том числе и по оборонительным вооружениям? Надо ли ставить более радикальную цель, включив в договор контроль над запасами расщепляющихся материалов (что потребует значительного времени на согласование мандата, а тем более на сами переговоры) или предпочесть более ограниченную, но в то же время более достижимую цель запрета на производство новых расщепляющихся материалов, оставив более масштабные вопросы на будущее?

В пользу любой из этих точек зрения можно выдвинуть солидные аргументы. Прогресс по ЗПРМ является столь медленным прежде всего потому, что мировому сообществу приходится ощупью, путем проб и ошибок искать именно то уникальное сочетание точек зрения и интересов, которое позволит в конце концов согласовать соответствующий договор.

Возможное содержание будущего договора по ЗПРМ

Можно предположить, что будущий договор все же запретит только производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия, но не затронет — во всяком случае первоначально — существующих запасов таких материалов. Одновременно будет, очевидно, установлен запрет на передачу и прием оружейных расщепляющихся материалов (по аналогии с запретом передавать и принимать ЯВУ, содержащимся в ДНЯО) с целью перекрыть возможный канал обхода договора. Это необходимо в связи с тем, что некоторыми важными и даже необходимыми участниками будущего договора будут государства, не входящие в ДНЯО (Индия, Пакистан и Израиль).

Определенную трудность в ходе переговоров может представлять разграничение плутония и ВОУ, используемых для производства оружия и для энергетических целей. Помимо обеспечения транспарентности и контроля за использованием этих материалов, возможно, придется установить более дробные градации для обогащенного урана с тем, чтобы различить оружейный и энергетический уран (уран с обогащением свыше 20% считается ВОУ), а также оружейный и энергетический плутоний. Это тем более важно, что высокообогащенные расщепляющиеся материалы также используются как топливо в ядерных реакторах АПЛ и надводных судов. Проведенный в Москве (1998) по инициативе Японии технический семинар признал необходимость контроля за энергетическими и предназначенными для АПЛ расщепляющимися материалами наиболее сложным элементом с точки зрения контроля. Известно, что ряд НЯОГ, в частности Япония, накопили значительные количества энергетического плутония.

В ходе переговоров потребуется договориться о применении принципа универсальности к разному статусу государств-участников будущего договора по ЗПРМ с точки зрения контроля. Если для НЯОГ-участников ДНЯО контроль явно будет основываться на всеобъемлющих гарантиях МАГАТЭ с обязательным применением принятого в 1997 г. Дополнительного протокола, то применительно к некоторым ЯОГ придется учитывать тот факт, что их ядерный комплекс формировался как смешанный военно-гражданский, и что они, по крайней мере на первом этапе, непременно сохранят запасы ранее произведенных расщепляющихся материалов для военных целей. Это означает, что контролировать, очевидно, можно будет только заявленные места хранения расщепляющихся материалов и их производство. Вряд ли можно ожидать проведения инспекций на всех местах хранения до тех пор, пока ЗПРМ не будет расширен за счет включения существующих запасов. Определенный опыт контроля уже накоплен в рамках действующих российско-американских

договоренностей по ракетно-ядерным вооружениям. Россия и США разрабатывают совместно с МАГАТЭ методы контроля за расщепляющимися материалами, выводимыми из военной сферы.

Потребуется также исключить обход договора за счет переключения расщепляющихся материалов оружейного или близкого к этому качества с разрешенных гражданских нужд на военные. Риск такого переключения, позволяющий быстро нарастить запасы оружейных материалов в случае выхода из договора, может существенно возрасти на этапе, когда количество оружейного плутония и ВОУ сократится: тогда даже небольшое переключение такого рода будет представлять существенную опасность¹³.

Наибольшую трудность будет представлять проблема государств, которые де-факто располагают как ядерным оружием, так и некоторыми запасами расщепляющихся материалов. Соглашаясь на применение гарантий МАГАТЭ к своим объектам, эти страны фактически присоединяются к режиму нераспространения ядерного оружия. Однако применение к ним тех же мер контроля, что и к ЯОГ, может означать по сути признание такого их статуса, хотя с этим, по-видимому, придется смириться.

Перспективы многостороннего ядерного разоружения

Общая картина перспектив достижения *многостороннего* ядерного разоружения на данном этапе представляется неоднозначной и даже проблематичной. С одной стороны, Россия и США, по всем признакам, и дальше будут сокращать свои раздутые ядерные арсеналы, но, скорее всего, не посредством традиционных юридически обязывающих и контролируемых соглашений, а путем односторонних скоординированных шагов, возможно, дополненных некоторыми мерами укрепления доверия и транспарентности. Трудно с уверенностью предсказывать это, но не исключено, что Великобритания и Франция тоже могут несколько сократить свои ядерные арсеналы, но почти наверняка будут делать это сугубо односторонне. Что касается Китая, то это ЯОГ скорее будет модернизировать свои ракетно-ядерные вооружения, особенно в случае, если США пойдут на ускоренное развертывание НПРО. Можно предполагать, что Индия, Пакистан

¹³Стопроцентный контроль реально на практике вряд ли возможен, и договоры, как правило, негласно исходят из критерия «существенного нарушения», т.е. такого, которое способно повлиять на уровень безопасности других участников договора. В настоящее время можно не беспокоиться о возможном переключении плутония США или Россией из гражданской в военную программу, поскольку количество оружейного плутония и без того избыточно, и обе стороны заинтересованы в его сокращении. Однако в будущем, когда оружейные запасы сократятся, такое переключение может представлять опасность, особенно с точки зрения НЯОГ.

и Израиль также будут расширять свои ядерные потенциалы. Сильный удар по перспективам ядерного разоружения нанес отказ США и некоторых других государств ввести в действие ДВЗЯИ.

С другой стороны, НЯОГ, и особенно КНПД, будут наращивать свои усилия по оказанию давления на ЯОГ и де-факто ЯОГ в направлении ядерного разоружения. Можно не сомневаться, что эта проблема будет центральной на конференции по рассмотрению ДНЯО 2005 г., подготовка к которой начинается в 2002 г. Время от времени раздаются голоса о том, есть ли смысл и дальше сохранять КР, работа которой вот уже пять лет после завершения переговоров по ДВЗЯИ находится в состоянии затяжного тупика. Однако роспуск этого единственного органа многосторонних переговоров нанес бы непоправимый ущерб перспективам не только ядерного разоружения, но и всех многочисленных вопросов контроля над вооружениями. В результативной деятельности КР и ее предшественников и раньше были длительные паузы, но в конце концов изыскивались возможности движения вперед. Нынешняя пауза связана со многими объективными и субъективными причинами, но прежде всего объясняется тем, что единственная оставшаяся сверхдержава — Соединенные Штаты — пока еще не определилась окончательно в том, идти ли вместе с другими членами мирового сообщества по пути согласованных действий в области контроля над вооружениями или предпочесть этому свой собственный образ поведения.

На пути к безъядерному миру

В период «холодной войны» существовал определенный ядерный миропорядок, основанный главным образом на взаимном ядерном сдерживании двух сверхдержав. Существовавший тогда порядок был неустойчивым и хрупким, он неоднократно мог дать сбой и привести к непоправимым последствиям (вспомним хотя бы Карибский кризис 1962 г.). Но как бы критически ни относиться к нему, он все же поддерживал определенную степень стабильности в мире. Совершенно очевидно, однако, что ядерный порядок, пусть даже и далеко не совершенный, который имел место в тот период, ушел в прошлое.

В мире сейчас осталась одна ядерная сверхдержава — Соединенные Штаты. Россия сохраняет ракетно-ядерный арсенал, полностью гарантирующий ее безопасность. Но в мире появились и другие ядерные игроки, причем их число в последнее время возросло. Нельзя полностью исключать возникновение новых актеров на ядерной сцене, даже из числа государств, являющихся участниками ДНЯО (например, Японии, Германии, Канады, которые располагают всеми техническими возможностями для

создания ядерного оружия в короткие сроки в случае принятия политического решения).

Пока остается ядерное оружие, в мире должна существовать система мер, обеспечивающих стабильность, неприменение и безопасность ядерного оружия, но она уже более не может базироваться на взаимном ядерном сдерживании. Понятно и то, что она, во всяком случае как это представляется сегодня, пока не может еще основываться на справедливой и учитывающей интересы всего мирового сообщества системе коллективной безопасности, закрепленной в Уставе ООН.

Новый ядерный (точнее: безъядерный) миропорядок будущего может основываться как по нравственным, так и по практическим соображениям только на одном — на отказе от ядерного оружия и его ликвидации. По всей видимости, процесс образования неядерного мира будет более сложным и длительным, чем возникновение ядерного порядка периода «холодной войны» (было бы, очевидно, правильным исчислять тот период сроком в четверть века — с появления ядерного оружия до образования примерного ядерного баланса между СССР и США и заключения Договора по ПРО в 1972 г.).

Но в данном случае человечество будет начинать уже не с чистого листа. Ведь кое-какие достаточно крепкие кирпичи в фундамент безъядерного мира уже заложены — целая серия двусторонних и многосторонних соглашений по контролю над ядерными вооружениями и разоружению (договоры ОСВ, ПРО, СНВ-1, РСМД, ДНЯО, ДВЗЯИ и др.) — и закладываются каждодневно (например, российско-американские соглашения по разбавлению ВОУ для использования в АЭС и по утилизации плутония, Дополнительный протокол по гарантиям МАГАТЭ, российско-американская договоренность о создании Центра обмена данных о ракетных запусках и др.).

Более того, существуют действенные международные инструменты — ООН, МАГАТЭ, создается Организация по ДВЗЯИ. С учетом всего этого можно с полным основанием говорить о наличии уже сегодня достаточно солидной институциональной базы для движения в направлении мира без ядерного оружия.

Однако любой безъядерный мир при всей его упорядоченности должен отвечать неременному правилу: он должен гарантированно и на постоянной основе обеспечивать надежно контролируемый международным сообществом *универсальный режим перманентного ядерного нераспространения*. Ведь ЯМ в том или ином виде всегда будут оставаться, сохранятся и знания, позволяющие такие материалы посредством теперь уже хорошо известных (а в дальнейшем и новых) технологий использовать для возобновления производства ядерного оружия или других ЯВУ. Следовательно, проблема нераспространения ядерного оружия навсегда останется постоянной и неустанной

заботой человечества, и, видимо, станет еще более сложной, поскольку будет все труднее обеспечить нераспространение на основе недоступности знаний, оборудования и материалов.

Прежде чем человечество сможет приступить в практическом плане к реальному ядерному разоружению, необходимо найти надежный и обеспечивающий международную безопасность путь постепенного (поэтапного) перехода от модели стратегической стабильности периода «холодной войны», основанной на ядерном сдерживании, к такому стратегическому формату отношений между основными ЯОГ, при котором отношения строились бы на основе сотрудничества. То есть речь идет о постепенном выведении «ядерного фактора» из отношений между ЯОГ. Представляется очевидным, что такой переход должен идти по линии последовательно сокращающихся уровней стратегических ядерных вооружений России и США и непременно учитывать взаимосвязь между наступательными и оборонительными вооружениями. На определенном этапе к этому процессу должны присоединиться другие официально признаваемые ЯОГ (Китай, Франция и Великобритания), а также Индия, Пакистан и Израиль.

Как мог бы выглядеть мир, свободный от ядерного оружия? Разумеется, некоторые или даже многие из положений, которые высказываются здесь, будут по необходимости носить предположительный характер, однако, важно и даже необходимо попытаться составить хотя бы самое общее представление о том, как на сегодняшний день могли бы выглядеть контуры мира, в котором не было бы ядерного оружия. Это полезно в первую очередь для того, чтобы яснее видеть, как следовало бы продвигаться к решению этой задачи.

Прежде всего следует иметь в виду — с учетом того развития военного и мирного атома, которое произошло со времени появления первых планов международного контроля над атомной энергией в 1940-х гг. (см. главу 4), — что мы имеем сегодня дело с гигантски разросшейся атомной инфраструктурой, охватившей десятки государств (в списке стран, имеющих «значительную ядерную деятельность», который ведется МАГАТЭ, значится свыше 70 государств).

Если в 1946 г., в момент выдвижения американского «плана Баруха», лишь США имели ядерное оружие, да и то в количестве нескольких единиц, то в 2000 г., по данным *Bulletin of the Atomic Scientists*, только у пяти официально признаваемых ЯОГ насчитывалось 31 500 боезарядов¹⁴. В 1946 г. не было ни одной АЭС и у США имелось лишь несколько промышленных реакторов для наработки оружейного плутония и заводов по обогащению урана. В настоящее же время в мире находятся в эксплуатации почти 440

¹⁴ *Bulletin of the Atomic Scientists*, March–April 2000. По данным этого журнала, всего за 55 лет атомной эры было произведено 128 060 боеприпасов: 70 тыс. в США, 55 тыс. в СССР/России, 1260 во Франции, 1200 в Великобритании и 600 в Китае.

энергоблоков, не считая многих других атомных объектов — заводов по обогащению урана, изготовлению ядерного топлива, переработке ОЯТ, хранилищ топлива и радиоактивных отходов, исследовательских реакторов и т.д. и т.п.

В этих условиях можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что тот *единый* план международного контроля с *единым* органом, который обсуждался в Комиссии ООН по атомной энергии в 1940-е гг., к сегодняшней обстановке и тем более в расчете на ближайшие десятилетия неприменим, и ныне следует рассматривать целесообразность образования многокомпонентного механизма обеспечения надежно контролируемого ядерного разоружения и поддержания мира, свободного от ядерного оружия, но непременно находящегося под единым надзором, контролем СБ ООН как органа, несущего по Уставу «главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности» (например, в виде какого-то специального органа Совета, о котором будет сказано ниже). Такой механизм или комплекс мер международного контроля мог бы состоять из следующих компонентов:

1. Для 182 НЯОГ-участников ДНЯО в основном действовала бы уже существующая система гарантий МАГАТЭ, базирующаяся на известном документе INFCIRC/153, которая имеет тридцатилетний опыт достаточно успешного функционирования. Дополнительный протокол 1997 г. (INFCIRC/540), позволяющий контролировать и *необъявленную* ядерную деятельность, должен будет стать *обязательной* составной частью и нормой контроля в этих странах¹⁵. Но и этого, по всей видимости, будет недостаточно для обеспечения надлежащего контроля в условиях безъядерного мира. Необходимо будет поэтому разработать некоторые дополнительные меры, в частности, для исключения возможности использования в недозволённых целях накопленных запасов гражданского плутония, который тоже может быть использован для изготовления ядерного оружия. Возможно, нужно будет предусмотреть присутствие вооруженного персонала ООН по решению СБ ООН в местах хранения таких запасов¹⁶.

2. Для восьми ЯОГ или государств, обладающих непосредственными ядерными возможностями (России, США, Великобритании, Франции, Китая, а также Индии, Пакистана и Израиля), предусмотреть постановку *всей гражданской* ядерной деятельности под такие же гарантии МАГАТЭ, как и для НЯОГ в соответствии с пунктом 1 выше. Это относилось бы к любым атомным установкам, включая в том числе и исследовательские реакторы двойного назначения.

¹⁵Те немногочисленные НЯОГ, как, например Куба, которые не являются участниками ДНЯО, должны будут также заключить с Агентством соглашения о всеобъемлющих гарантиях.

¹⁶По оценкам Министерства энергетики США, в 2000 г. у Японии было 21 т энергетического плутония, у Германии — 17 т, у Аргентины — 6 т и т.д.

3. Для тех же восьми государств предусмотреть международный контроль с участием МАГАТЭ за высвобождающимися в процессе сокращений ЯМ оружейного происхождения на основе разрабатываемого в настоящее время типового соглашения о контроле в соответствии с Трехсторонней инициативой России–США–МАГАТЭ. Такое соглашение должно соответствовать условиям статьи I ДНЯО и предусматривать установление так называемых *информационных барьеров*, которые позволяли бы международным инспекторам получать необходимую информацию для обеспечения надежности и независимости результатов контроля и необратимости разоруженческого процесса, исключая при этом доступ к секретной информации (см. главу 5).

4. Процесс ядерного разоружения для восьми перечисленных выше государств должен быть поэтапным и осуществляться на основе договорных двусторонних и многосторонних юридически обязательных соглашений. В соответствии с имеющимися решениями ООН и КР (в рамках которой уже согласован переговорный мандат для соответствующего специального комитета) первым международным соглашением могла бы стать конвенция о ЗПРМ. Для начального этапа ядерных сокращений был бы полезен и путь *односторонних* обязательств, подкрепленных мерами укрепления доверия и транспарентности.

В дальнейшем должен быть разработан многосторонний договор о поэтапной ликвидации и демонтаже всех ядерных боезарядов, включая и тактические, и средств их доставки, предусмотрев в то же время возможность конверсии баллистических ракет для мирного использования космоса. Некоторый, хотя и ограниченный, опыт по контролю за ликвидацией средств доставки ядерных боезарядов уже накоплен по Договорам РСМД и СНВ-1, но для уничтожения самих боеголовок потребуется гораздо большая транспарентность и более интрузивный контроль, поэтому для реализации этого процесса будет необходим и неизбежен поэтапный подход. При разработке контроля следовало бы учесть и опыт МАГАТЭ по проверке полноты наличия ЯМ прямого назначения после демонтажа ядерных боезарядов в Южной Африке.

На заключительном этапе, по-видимому, потребуется установление строгого международного контроля с участием вооруженного персонала ООН за местами хранения и демонтажа ядерных боезарядов с сохранением такого контроля за хранилищами ЯМ оружейного происхождения на длительный период до тех пор, пока такие материалы не будут надлежащим образом утилизированы и не будут представлять никакого риска ядерного распространения.

5. Особые меры контроля должны быть приняты в отношении ядерных научных центров и лабораторий, занимающихся конструированием и поддержанием ядерного оружия (таких, как ВНИИЭФ, ВНИИТФ, НИИ автоматики, Лос-Аламосская

лаборатория, Ливерморская лаборатория, лаборатория Сандия, соответствующие ядерные научные центры во Франции, Китае, Индии, Пакистане, Израиле). Необходимый международный контроль должен быть установлен и в научно-исследовательских центрах, связанных с созданием носителей ядерного оружия.

6. Должен быть введен в силу ДВЗЯИ, для чего необходима ратификация Договора всеми 44-мя государствами, перечисленными в приложении 2 к Договору, включая Соединенные Штаты, Китай, Индию, Пакистан, Израиль, КНДР, Украину и другие государства. Контроль за соблюдением Договора будет осуществляться, как это предусмотрено Договором, Организацией по ДВЗЯИ, находящейся, как и МАГАТЭ, в Вене, что будет позволять лучше координировать деятельность обеих организаций.

В развитие обязательств по этому Договору необходимо будет закрыть и ликвидировать под соответствующим международным контролем существующие испытательные полигоны (Невадский, Новоземельский, Лобнорский, Похранский и Чагайский). При этом использовать опыт ликвидации Семипалатинского полигона в Казахстане и французского на острове Муруроа (Французская Полинезия). Само собой разумеется, что должны быть запрещены ко времени полной ликвидации ядерного оружия и так называемые субкритические ядерные эксперименты, допускаемые по ДВЗЯИ.

7. На соответствующем этапе, когда процесс ядерного разоружения достаточно продвинется, при СБ ООН создать специальную комиссию или какой-либо другой соответствующий орган по обеспечению соблюдения всех соглашений по ядерному разоружению. Комиссия должна будет располагать по решению СБ весьма широкими полномочиями, в том числе правом иметь вооруженный персонал ООН для соблюдения обязательств по ядерному разоружению, включая сохранность ЯМ, которые могут быть использованы для возобновления производства ядерного оружия и других ЯВУ, и обеспечения необратимости процесса разоружения¹⁷. Определенный, вначале обнадеживающий, но в целом все же неудачный опыт создания подобных комиссий уже имеется (комиссии СБ по разоружению Ирака — ЮНСКОМ и ЮНМОВИК). Тем не менее принципиальная их возможность уже

¹⁷ Существует и идея создания ядерных сил ООН под эгидой СБ в качестве промежуточного шага к безъядерному миру, которую высказывали, в частности, бывший председатель Российского Пагуошского комитета, ныне покойный академик В.И. Гольданский (*Известия*, 8 ноября 1991 г.), Роджер Спид в исследовании, выпущенном Стэнфордским университетом (Speed Roger. The International Control of Nuclear Weapons. Center for International Security and Arms Control. Stanford University. June 1994, pp.31-36), Комитет по международной безопасности и контролю над вооружениями Национальной академии наук США (The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy. Committee on International Security and Arms Control. National Academy of Sciences. Wash. D.C., National Academy Press, 1997, pp.94-95). Эта идея вряд ли реалистична, более целесообразно идти непосредственно, но поэтапно, под надлежащим международным контролем к миру, свободному от ядерного оружия.

не вызывает сомнений, а тщательно проанализированные недостатки позволят избежать провалов в будущем. Следует также использовать богатый опыт миротворческих операций ООН с использованием вооруженных формирований, предоставляемых государствами-членами ООН. Конечно, потребуется специальная подготовка таких формирований для осуществления тех специфических функций, которые будут возложены на них для обеспечения контроля за ликвидацией ядерного оружия.

Для того чтобы СБ ООН смог эффективно выполнять свою роль высшего международного органа по контролю за осуществлением ядерного разоружения и по обеспечению необратимости разоруженческого процесса, необходимо существенно повысить его авторитет и придать ему более представительный характер. Эффективность деятельности и авторитетность СБ во многом будет зависеть от согласованности действий его нынешних постоянных членов, в первую очередь Соединенных Штатов, России и Китая, так как очевидно, что без согласия между ними никакое ядерное разоружение вообще не может быть осуществлено.

Что касается придания Совету более представительного характера, то давно назрел вопрос о расширении его членского состава. Вопрос этот обсуждается уже в течение многих лет, но пока безрезультатно. К предложениям, получившим наиболее широкую поддержку, относится увеличение числа его постоянных членов, например за счет введения представителей Германии, Японии, Индии, одного представителя Африки (возможно, поочередно от Египта, Нигерии и Южной Африки) и одного представителя Латинской Америки (также в порядке ротации — от Мексики, Аргентины и Бразилии). Для большей представительности предлагается также расширить количество избираемых членов Совета с 10 до 15. Таким образом, в составе СБ было бы 25 членов, что адекватнее отражало бы общий членский состав ООН, который насчитывает сейчас 189 государств. Что касается правила единогласия постоянных членов СБ (права вето), то можно было бы сохранить его только для первоначальных постоянных членов, которые являются и официально признанными ЯОГ. При этом при расширении состава Совета они взяли бы на себя торжественное обязательство применять его лишь в исключительных случаях, которые могли бы привести к катастрофическим последствиям для международной безопасности.

8. По мере сокращения ядерных арсеналов фактор ядерных вооружений, уменьшающихся в своих количествах в процессе движения к безъядерному миру, приобретал бы все большее значение в качестве средства решения военными средствами тех конфликтов и противоречий, которые сохранялись бы между государствами. С учетом этого следовало бы рассмотреть целесообразность создания всемирной системы противоракетной обороны против одиночных или несанкционированных запусков как стратегических ракет, так и

ракет театра военных действий. Подобную глобальную систему ПРО тоже можно создать под эгидой СБ ООН.

Изложенный здесь путь к безъядерному миру базируется на уже имеющихся заделах, но, конечно, возможны и другие варианты. Только практика и — главное — политическая воля государств и дальнейший процесс развития международных отношений подскажут наиболее эффективный подход к решению этой исторической задачи.

ЛИТЕРАТУРА

Арбатов А.Г. (ред.). Ядерные вооружения и безопасность России. М., ИМЭМО РАН, 1997.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Вена, Подготовительная комиссия Организации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, 1998.

Заключительный документ Конференции 2000 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. NPT/CONF.2000/28. *Ядерный Контроль*, №5, сентябрь-октябрь 2000, с.18-40.

Кривохижа В.И. (ред.). Ядерный фактор в современном мире. М., РИСИ, 1996.

Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия. М., Библиотека ПИР-Центра, 2001.

Михайлов В.Н. (Ред.). Ядерные испытания СССР. М., ИздАТ, 1997.

Слипченко В.С. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний — четыре года спустя. *Ядерный Контроль*, №6, ноябрь-декабрь 2000, с.59-61.

Слипченко В.С., Рожков О.В. Верификационный механизм Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: процесс создания. *Ядерный Контроль*, №4, сентябрь-октябрь 2001, с.25-36.

Тимербаев Р.М. К новому соглашению по ограничению ядерных вооружений (о переговорах по запрещению производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия). *Ядерный Контроль*, №1, январь-февраль 1999, с.4-10.

ГЛАВА 11. МЕЖДУНАРОДНАЯ СИСТЕМА ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ В ЦЕЛЯХ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

В настоящей главе рассмотрены основополагающие принципы функционирования международной системы ЭК. Изложена история ее становления, проанализирована модификация системы в 1990-е гг., а также очерчен круг проблем, с которыми столкнется международная система контроля над ядерным экспортом в первые десятилетия XXI века.

Понятие экспортного контроля

Экспортный контроль — это комплекс мер, обеспечивающих реализацию установленного законодательно или через иные нормативные правовые акты порядка осуществления внешнеэкономической деятельности в отношении товаров, информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании ОМУ, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники.

При этом под *внешнеэкономической деятельностью* понимается внешнеторговая, инвестиционная и иная деятельность в области международного обмена товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, в том числе исключительными правами на них (интеллектуальная собственность).

Таким образом, ЭК действует применительно к материалам, технологиям и информации, которые могли бы быть использованы при создании ядерного оружия, химического оружия, биологического оружия, токсинного оружия, ОМУ, основанного на иных физических принципах, средств доставки (носителей) любого ОМУ, а также, в отдельных случаях, может применяться к обычным вооружениям и военной технике.

ЭК является одним из основных инструментов по предотвращению распространения ОМУ и средств его доставки, технологий их производства и иной научно-технической информации (НТИ) и знаний о них, а также материалов и технологий двойного использования — т.е. тех, которые могут быть использованы как в гражданских целях, так и для производства ОМУ, его компонентов и средств его доставки.

Режим ЭК занимает особое место в политике внешнеэкономического регулирования любой развитой страны, так как одновременно он является важным инструментом внешней политики. Он основывается на запретительно-разрешительном (лицензионном) порядке экспорта определенных товаров и технологий, включенных в специальные контрольные списки. При

этом экспорт понимается расширительно, фактически речь идет обо всех внешнеэкономических операциях, затрагивающих передачу контролируемых товаров или технологий¹.

ЭК осуществляется через создание международной системы ЭК и национальных систем ЭК государств.

Международная система экспортного контроля в ядерной области

В ядерной области создание международной системы ЭК в целях нераспространения основывается на пункте 2 статьи III ДНЯО, согласно которой каждое из государств-участников ДНЯО «обязуется не предоставлять: а) исходного или специального расщепляющегося материала или б) оборудования или материала, специально предназначенного или подготовленного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, любому государству, не обладающему ядерным оружием, для мирных целей, если на этот исходный или специальный материал не распространяются гарантии» МАГАТЭ.

Исходя из положения данной статьи, совместными усилиями промышленно развитых стран было создано несколько режимов ЭК в ядерной области, реализуемых через национальные законодательства этих государств, — один в рамках Комитета Цангера и два в рамках ГЯП. Совокупность данных режимов составляет международную систему контроля за экспортом.

В дальнейшем детально будут рассмотрены международная и национальная системы контроля только в ядерной области. Вместе с тем важно иметь в виду, что международная система ЭК включает в себя также такие режимы, как РКРТ, Австралийская группа, контролирующая экспорт товаров и технологий химического и биологического профиля, и Вассенаарские договоренности, контролирующие экспорт обычных вооружений, товаров и технологий двойного использования.

Необходимость создания международной системы экспортного контроля в целях ядерного нераспространения

Необходимость формирования международной системы ЭК в ядерной области была обусловлена как международно-политическими, так и экономическими факторами.

Прежде всего, в 1974 г. Индия, находившаяся вне ДНЯО, провела испытание ЯВУ. Этот взрыв продемонстрировал реальность глобального распространения ядерного оружия. Для

¹ Кириченко Э.В. Система экспортного контроля России в целях нераспространения оружия массового уничтожения. *Ядерный Контроль*, №5, май 1995, с.15.

государств, которые стали относиться с благодушием к проблемам ядерного нераспространения после подписания ДНЯО, индийский взрыв послужил ясным сигналом, что еще предстоит много работы.

Вторым важным событием, оказавшим воздействие на стремление ряда государств скоординировать усилия, стало четырехкратное увеличение цен на нефть в 1973-1978 гг. В этих условиях ядерная энергетика стала заманчивой альтернативой нефтяной. Поскольку многие эксперты полагали, что уран является относительно редким элементом, то в качестве наиболее вероятной перспективы стали рассматриваться ядерные реакторы с плутониевым топливным циклом. МАГАТЭ предсказывало, что к концу 1980-х гг. плутониевое топливо будет использоваться примерно в 40 государствах. Проблема контроля за большими количествами выделенного плутония, который пригоден и для военных целей, представлялась серьезным испытанием для режима ядерного нераспространения².

По мере того как все возрастающее число государств стало проявлять интерес к переработке топлива и выделению плутония, появилась озабоченность, что предприятия по переработке топлива, даже находясь под гарантиями МАГАТЭ, могут переключить находящийся под гарантиями плутоний для изготовления ядерного оружия в относительно короткий период, предоставляя мировому сообществу слишком мало времени для организации эффективного воздействия. Так, Пакистан, подталкиваемый проведенным Индией в 1974 г. испытанием, активизировал попытки приобрести во Франции завод по переработке ОЯТ и осуществить секретную программу по обогащению урана. Тайвань, желая укрепить свои позиции в его противостоянии с КНР, обратился к Франции с заявкой на покупку технологии переработки ОЯТ и к Великобритании с заявкой на переработку его ОЯТ с условием возвращения извлеченного из него плутония. Южная Корея, опасавшаяся своего северного соседа и неуверенная в надежности обязательств Соединенных Штатов по ее обороне, добилась приобретения технологии переработки у Франции. Ирак, в ответ на угрозы со стороны Израиля и Ирана, ускорил работы по получению возможности как обогащения урана, так и переработки плутония. Наконец, ЮАР приступила к строительству завода по обогащению урана.

Эти события, наряду с неосмотрительной политикой в области экспорта, проводимой государствами — ядерными поставщиками (например, в 1975 г. ФРГ заключила контракт с Бразилией на поставку технологии, охватывающей весь ЯТЦ), заставили ведущие государства-экспортеры задуматься о неотложных мерах по упрочению национальных структур ЭК.

² См.: Gardner Gary T. Nuclear Nonproliferation. A Primer. London, 1994, pp.42, 43.

Решительные шаги были предприняты в США в период администрации Джеймса Картера (1977-1981). Соединенные Штаты заявили, что не будут далее перерабатывать ОЯТ либо экспортировать технологии обогащения и переработки.

В 1978 г. Конгресс США принял Закон о ядерном нераспространении. Этот документ, в частности, предусматривал:

- прекращение ядерной торговли с НЯОГ, имеющими ядерные установки, не находящиеся под полноохватными гарантиями;
- необходимость получать разрешение на переработку, обогащение или повторный экспорт ЯМ, полученных из Соединенных Штатов;
- запрещение ядерного экспорта в НЯОГ, осуществившие испытания ЯВУ;
- повторное обсуждение существующих контрактов по поставкам ЯМ с целью анализа их условий.

Жесткая политика администрации Картера в области ядерного нераспространения стала, по сути, введением норм полноохватных гарантий, которые сегодня стали международно признанной составляющей системы ЭК. Однако в 1970-е гг. она не нашла широкой поддержки за рубежом (за исключением Канады и Австралии). Союзники США расценили такую политику как одностороннюю попытку изменить правила ядерной торговли. Европейские государства и Япония стойко и успешно противостояли попыткам администрации Картера подтолкнуть их к отказу от национальных программ развития реакторов на быстрых нейтронах и переработки ОЯТ.

Решение проблем ЭК можно было найти только на пути международного сотрудничества, и соответствующие усилия предпринимались уже с начала 1970-х гг.

Комитет Цангера

Комитет Цангера (названный по имени его первого председателя Клода Цангера) был создан в 1971 г., чтобы достичь общей договоренности ядерных экспортеров-членов ДНЯО по двум ключевым вопросам. Во-первых, следовало выработать взаимоприемлемое определение того, что составляет «оборудование или материал, специально предназначенные или подготовленные для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала». Во-вторых, следовало договориться об условиях и процедурах, которые должны регулировать экспорт такого оборудования или материала в целях соблюдения обязательств по статье III.2 ДНЯО на основе добросовестной коммерческой конкуренции.

К сентябрю 1974 г. члены Комитета Цангера договорились об основных правилах, которые были сформулированы в двух отдельных документах. Меморандум «А» давал определение и касался экспорта исходного и специального расщепляющегося материала. Меморандум «В» давал определение и касался экспорта оборудования и применяемого в атомной промышленности неядерного материала (контрольный, или исходный список Комитета Цангера). Одновременно была достигнута договоренность относительно обмена информацией о фактическом экспорте или выдаче лицензий на экспорт в страны, не являющиеся участниками ДНЯО, через систему конфиденциальных отчетов, которые ежегодно распространяются среди членов Комитета.

Консенсус, лежащий в основе договоренностей, был признан государствами-членами Комитета путем обмена нотами. Ноты государств-членов Комитета представляют собой односторонние декларации о том, что договоренности будут ими осуществляться через их национальные законодательства.

С точки зрения эффективности ЭК рекомендации Комитета Цангера имели явные слабости. Прежде всего эти рекомендации привязаны к ДНЯО. Франция, один из крупнейших ядерных экспортеров, в 1970-е гг. еще не являлась участницей ДНЯО. Вместе с тем она поставила реактор Ираку и передала технологию переработки ОЯТ Южной Корее и Пакистану.

Гарантии требовались только для поставок оборудования, которое было специально сконструировано для ядерной деятельности, в то время как экспорт товаров двойного использования осуществлялся без гарантии. «Исходный список» не включал такие технологии, критические с точки зрения нераспространения ядерного оружия, как установка по производству тяжелой воды, обогащению урана и переработке ОЯТ³.

Группа ядерных поставщиков

После произведенного Индией испытания 1974 г. страны-поставщики ядерных технологий пришли к выводу о необходимости выработать новые международные нормы ЭК. Кроме того, был нужен институт, напрямую не привязанный к ДНЯО, что дало бы возможность странам, не присоединившимся к Договору, участвовать в многостороннем режиме контроля над ядерным экспортом.

³ Кириченко Э.В. Регулирование ядерного экспорта. В кн.: Разоружение и безопасность. 1997-1998. ИМЭМО РАН. М., Наука, 1997, с.132, 133. Эта работа крупнейшего отечественного специалиста в области ЭК активно использована при подготовке настоящей главы.

Начиная с апреля 1975 г. в Лондоне проходили переговоры СССР, США, Великобритании, Франции, Канады, ФРГ и Японии (составлявших основу ГЯП) по выработке единых правил регулирования ядерного экспорта. 27 января 1976 г. участники переговоров обменялись нотами, в которых были одобрены руководящие принципы ядерных поставок.

В состав ГЯП вошли основные промышленно развитые страны, в том числе и не присоединившиеся в то время к ДНЯО, в частности Франция.

Позднее было решено, что принятие нового члена ГЯП осуществляется на основе консенсуса. При рассмотрении вопроса о членстве принимаются в расчет следующие факторы:

1) способность поставлять предметы (в том числе транзитные), включенные в приложения к Части 2 Руководящих принципов ГЯП;

2) приверженность Руководящим принципам ГЯП и осуществление действий в соответствии с ними;

3) наличие юридически обязательной национальной системы ЭК, реализующей приверженность действиям в соответствии с Руководящими принципами;

4) присоединение к ДНЯО, Договору Тлателолко или другому аналогичному международному соглашению о ядерном нераспространении, а также полное выполнение обязательств по таким договорам;

5) поддержка международных усилий по нераспространению ОМУ и средств его доставки.

В 1977 г. ГЯП единогласно приняла Руководящие принципы для ядерного экспорта в окончательном виде. В этот документ вошло требование о проведении инспекций МАГАТЭ по списку ядерного экспорта (параллельное требование к правилу Комитета Цангера) и ряд других важных ограничений, касающихся передачи контролируемых предметов.

ГЯП интегрировала Исходный список в свои документы, добавив в него такие чувствительные технологии, как производство тяжелой воды, обогащение урана, переработка ОЯТ, а также оружейные расщепляющиеся материалы и тяжелую воду.

Участники ГЯП согласились на ряд серьезных дополнительных ограничений и гарантий. В частности, товары, импортируемые НЯОГ, не должны использоваться для производства каких-либо ЯВУ (в том числе для МЯВ).

Важным положением Руководящих принципов стало применение гарантий МАГАТЭ не только при экспорте ЯМ и оборудования, но и при вывозе ядерной технологии, по крайней мере такой, которая будет сочтена критичной с точки зрения нераспространения. Это положение позволяло ввести контроль над возможным копированием установок по производству тяжелой

воды, обогащению урана и переработке ОЯТ, исходя из имевшегося опыта, когда, в частности, Индия получила плутоний для ЯВУ с реактора, скопированного с реактора, полученного от Канады.

Данное положение Руководящих принципов способствовало, в частности, тому, что ФРГ и Франция включили требование о распространении гарантий на критические технологии в свои соглашения с Бразилией и Пакистаном⁴.

Руководящие принципы требуют таких же заверений в случае реэкспорта, как и при прямой поставке; кроме того, должно быть получено согласие ядерного экспортера на сделку.

Было введено требование обеспечения надежной физической защиты предметов ядерного экспорта от хищений и диверсий.

11 января 1978 г. участники ГЯП (к тому времени их насчитывалось 15) направили в МАГАТЭ письма, к которым прилагался текст Руководящих принципов для ядерного экспорта. МАГАТЭ распространило их как свой официальный документ (INFCIRC/254) в целях информирования всех государств-членов Агентства.

ГЯП, вместе с тем, на первом этапе своей деятельности не смогла решить ряд важных вопросов, что сказывалось на эффективности режима.

Среди проблем, которые ставились в ходе встреч ГЯП и которые не удалось тогда решить, был вопрос о полноохватных гарантиях. Отрицательная позиция Франции и ФРГ, оговорки Японии, Италии и Швейцарии не позволили включить требование о распространении гарантий МАГАТЭ на всю ядерную деятельность любых государств-получателей, не обладающих ядерным оружием, в Руководящие принципы ядерного экспорта. Советский Союз, активно поддерживавший полноохватные гарантии вместе с Великобританией, Канадой и восточноевропейскими странами, не стал, в отличие от этих государств, вводить данное требование в свое внутреннее законодательство, мотивируя это необходимостью достижения общеобязательной договоренности.

Изменение позиции США (1978), Японии (1989) и ФРГ (1990) открыло дорогу для согласованных решений в этой области.

Другой проблемой, требовавшей решения на многосторонней основе, стал контроль за экспортом оборудования и материалов двойного использования, а также соответствующей технологии, применяемых в ядерных целях. Поскольку речь шла о значительном расширении контроля над предметами экспорта по сравнению с Исходным списком, односторонние меры государств-поставщиков могли иметь негативные экономические последствия. С большим трудом участники ГЯП пришли к согласию по поводу создания многостороннего механизма контроля за экспортом продукции

⁴ См.: Введение. Нераспространение ядерного оружия: Сборник документов. М., Международные отношения, 1993, с.19.

двойного использования, применяемой в ядерной области. Любопытно, что такой режим, касающийся более широкого перечня предметов двойного использования, действовал в рамках Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю (КОКОМ), целью которого было недопущение утечки высоких технологий в страны ОВД, которые представляли минимальный риск с точки зрения интересов нераспространения ядерного оружия. В то же время западные страны широко поставляли критические предметы двойного использования будущим пороговым странам «третьего мира», практически все военные ядерные программы которых основывались на западных технологиях⁵.

Слабым звеном существовавшей системы ЭК было отсутствие механизма обмена информацией и постоянных консультаций между участниками ГЯП.

К 1990-м гг. стали слишком очевидными недочеты режима контроля над ядерным экспортом. Интернационализация научно-технических знаний привела к резкому увеличению числа поставщиков критических технологий. Страны, тайно работавшие над военными ядерными программами, сменили тактику закупок: если ранее они предпочитали строительство ядерного объекта «под ключ», то теперь закупали отдельные товары и технологии двойного использования через посредников и интегрировали эти «узлы» в свою ядерную инфраструктуру.

Существует много обходных путей для размещения заказов на продукцию, подлежащую ЭК.

Так, до операции «Буря в пустыне» Ирак систематически обманывал иностранных поставщиков и правительства относительно конечных получателей закупленных товаров. Широкие рамки иракской программы впоследствии стали побудительным мотивом при принятии решения об ужесточении процедур и контрольных мер МАГАТЭ.

Война в Персидском заливе подтолкнула промышленно развитые страны к переосмыслению политики ЭК, и 27 членов ГЯП после почти 14-летнего перерыва начали работу над совершенствованием этого режима.

Встреча ГЯП 3 апреля 1992 г. в Варшаве ознаменовала новый этап в эволюции многостороннего режима ядерного ЭК. Во встрече принимала активное участие Россия, взявшая на себя международные обязательства Советского Союза в области ядерного нераспространения.

Приложения к Руководящим принципам для ядерного контроля были обновлены и гармонизированы с Исходным списком, обновленным участниками Комитета Цангера после 1978 г.

⁵ Кириченко Э.В. Регулирование ядерного экспорта. В кн.: Разоружение и безопасность, с.133.

В 1992 г. были приняты три новых важных документа, касающихся экспорта товаров и технологий двойного использования, применяемых в ядерной области: перечень последних, Руководящие принципы и Меморандум о взаимопонимании по процедурным вопросам. Государство, подписавшее Меморандум, обязалось обмениваться информацией и уведомлять партнеров о предоставленных и неутвержденных лицензиях. Члены ГЯП также приняли правило, согласно которому, хотя окончательное решение о выдаче лицензии принимает каждое государство исходя из собственного понимания проблемы, все участники обязуются не разрешать экспорт без предварительной консультации с правительством страны, по определенным причинам запретившей экспорт данного товара или технологии.

На этой же встрече было принято заявление о полноохватных гарантиях (full-scope safeguards) как обязательном условии ядерных поставок в любое НЯОГ.

ГЯП проводит ежегодные пленарные заседания с ротацией председателя. Последние пленарные заседания проводились в Эдинбурге (1998), Флоренции (1999), Париже (2000), Аспене (2001). В дополнение к этим пленарным заседаниям ГЯП имеет два постоянно действующих органа: консультации по вопросам режима двойного использования и комиссию по совместному обмену информацией.

Руководящие принципы для ядерного экспорта

Первый набор Руководящих принципов ГЯП регламентирует экспорт предметов, предназначенных исключительно для ядерного использования. Они включают:

- 1) ЯМ;
- 2) ядерные реакторы и оборудование для них;
- 3) неядерные материалы для переработки, обогащения и конверсии ЯМ, а также для изготовления топлива и производства тяжелой воды;
- 4) технологию, связанную с каждым из перечисленных выше пунктов.

Все участники ГЯП договорились, что к ядерному экспорту для мирных целей в любое НЯОГ должен применяться ряд основных принципов гарантий и контроля. В этой связи поставщики определили экспортный Исходный список и общие критерии передач ядерных предметов:

- Поставщики должны разрешать передачу предметов, указанных в Исходном списке, только при наличии официальных правительственных заверений со стороны получателя, ясно исключающих использование, которое может привести к созданию ЯВУ.

- Все ЯМ и установки, указанные в согласованном Исходном списке, должны обеспечиваться эффективной физической защитой для предотвращения несанкционированного использования или обращения с ними. Осуществление мер физической защиты в стране-получателе является обязанностью правительства этой страны. Это положение Руководящих принципов получило дальнейшее развитие в Конвенции о физической защите ядерного материала (вступила в силу 8 февраля 1987 г.). Конвенцией предусмотрено обеспечение безопасности ЯМ при международных перевозках. Уровни физической защиты определяются в зависимости от категорий ЯМ.

- Требования вышеприведенных пунктов должны также применяться к установкам для переработки, обогащения или производства тяжелой воды, использующим технологию, непосредственно переданную поставщиком или полученную через переданные установки или их основные определяющие компоненты. Поставщики должны проявлять сдержанность при передаче чувствительных установок, технологии и материалов, пригодных для производства оружия. При передаче установок или технологии для обогащения страна-получатель должна согласиться на то, что ни передаваемая установка, ни любая установка, основанная на такой технологии, не будет проектироваться или использоваться для производства урана с обогащением свыше 20% без согласия страны-поставщика, о чем должно быть уведомлено МАГАТЭ. Поставщики должны передавать предметы, указанные в Исходном списке, включая чувствительные технологии, только при наличии заверения со стороны получателя, что в случае реэкспорта таких предметов или передач предметов, произведенных с помощью импортированного оборудования, установок или технологии, получатель реэкспорта (передачи) представит те же самые заверения, какие поставщик требует при первоначальной передаче. В дополнение к этому нужно согласие поставщика для любого реэкспорта вышеперечисленных предметов, а также тяжелой воды или пригодного для производства оружия материала.

- Поставщики не должны разрешать передачу оборудования, материалов или связанной с ними технологии для использования в НЯОГ в целях создания ЯВУ или для деятельности в области ЯТЦ, не находящейся под гарантиями, или в целом, если существует неприемлемый риск переключения на такую деятельность.

ГЯП подтвердила, что ЭК является в настоящее время неотъемлемым компонентом режима ядерного нераспространения, и рекомендовала странам-участницам разработать соответствующие национальные системы.

Руководящие принципы экспорта предметов двойного использования, применяемых в ядерных целях

В 1992 г. в рамках ГЯП стороны пришли к соглашению, что поставщики должны разработать национальные процедуры лицензирования экспорта для передачи оборудования, материалов или соответствующей технологии, которые должны включать предупредительные меры в случае нарушений.

Второй набор Руководящих принципов ГЯП регламентирует экспорт ядерных предметов и технологий двойного использования, т.е. продукции, которая может значительно содействовать не поставленной под гарантии деятельности в области ЯТЦ или ЯВУ, однако имеет также и неядерное применение. К ним относятся:

- 1) промышленное оборудование (например, станки);
- 2) материалы (например, волокнистые и нитеподобные материалы);
- 3) оборудование для разделения изотопов урана;
- 4) установки для производства тяжелой воды;
- 5) оборудование для разработки имплозивных систем;
- 6) взрывчатые вещества и связанное с ними оборудование;
- 7) оборудование для ядерных испытаний;
- 8) прочие предметы (например, системы нейтронных генераторов);
- 9) технологии, связанные с каждым из перечисленных выше пунктов.

Таким образом, в Руководящих принципах был признан факт существования класса технологий и материалов, которые являются особенно чувствительными, так как могут непосредственно привести к созданию материала, используемого в оружии.

При рассмотрении вопроса о разрешении таких передач поставщики должны проявлять сдержанность и принять во внимание следующие факторы:

- является ли государство-получатель участником ДНЯО, Договора Тлателолко или аналогичного международного соглашения о нераспространении ядерного оружия и имеет ли оно действующее соглашение с МАГАТЭ о гарантиях, применимое ко всем видам мирной ядерной деятельности;
- имеет ли государство-получатель, не являющееся участником указанных договоров, любые действующие, проектируемые или строящиеся объекты или установки, которые не подпадают или не будут подпадать под гарантии МАГАТЭ;
- соответствуют ли передаваемое оборудование, материалы или связанная с ними технология заявленному конечному назначению и отвечает ли это заявленное конечное назначение конечному пользователю;
- предполагается ли использовать передаваемые оборудование, материалы или соответствующую технологию в

научных исследованиях или при разработке, проектировании, производстве, создании, эксплуатации или обслуживании любой установки по переработке ОЯТ или обогатительной установки;

- направлены ли действия, заявления и политика правительства государства-получателя на поддержку режима нераспространения ядерного оружия и действует ли государство-получатель в соответствии со своими международными обязательствами в области нераспространения;

- занимаются ли получатели подпольным или незаконным приобретением ядерных компонентов;

- не было ли отказано в разрешении на передачу конечному пользователю и не использовал ли последний разрешенную ранее передачу в целях, не совместимых с Руководящими принципами.

В соответствии с основным принципом, требующим определить, не представляет ли экспорт неприемлемый риск переключения на другие цели, поставщик, прежде чем разрешить передачу, должен сначала получить заявление конечного пользователя с указанием видов и мест конечного использования предлагаемых для передачи компонентов и четкие заверения в том, что предлагаемые для передачи компоненты или их воспроизведенные копии не будут применяться в любой деятельности по созданию ЯВУ или деятельности в области ЯТЦ, не находящейся под гарантиями МАГАТЭ.

Прежде чем разрешить передачу оборудования, материалов или соответствующей технологии в страну, не присоединившуюся к Руководящим принципам, поставщики должны получить заверения в том, что получателем предварительно будет запрашиваться (в соответствии со своим национальным законодательством и практикой) согласие на реэкспорт оборудования, материалов, соответствующей технологии или любой их воспроизведенной копии в третью страну.

Заявление о полноохватных гарантиях

Передача ядерных установок, оборудования, компонентов, материала и технологии, упомянутых в экспортном Исходном списке Руководящих принципов для ядерных передач, не должна разрешаться НЯОГ, если это государство не ввело в действие соглашение с МАГАТЭ, требующее применения гарантий в отношении всего исходного и специального расщепляющего материала в его нынешней и будущей мирной ядерной деятельности. Передача может быть разрешена лишь в исключительных случаях, когда она считается весьма важной для безопасной эксплуатации существующих установок и если в отношении последних применяются гарантии. Поставщики должны

предоставлять информацию и при необходимости проводить консультации, когда они намереваются разрешить такие поставки.

Накануне очередной встречи ГЯП, 27 марта 1992 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин подписал Указ №312, который установил, что экспорт из России ЯМ, технологий, оборудования, установок и специальных неядерных материалов, предназначенных для их обработки, использования или производства, в любое НЯОГ может осуществляться только при условии постановки всей ядерной деятельности этого государства под гарантии МАГАТЭ. Таким образом, в национальном российском законодательстве был кодифицирован принцип всеобъемлющих гарантий. Это помогло прийти к консенсусу по данному вопросу и принять соответствующее заявление в рамках ГЯП.

Россия настояла (и ее поддержал ряд других участников) на том, что эта политика не применяется к существовавшим на тот момент соглашениям и контрактам.

В то же время Руководящие принципы ядерного экспорта, принятые в ГЯП, допускают в исключительных случаях экспорт в НЯОГ, не поставившие всю свою деятельность под контроль Агентства, для обеспечения безопасности эксплуатации уже действующих ядерных установок, находящихся под гарантиями МАГАТЭ. В России соответствующее положение было закреплено Указом Президента РФ В.В. Путина от 6 мая 2000 г. (см. главу 12).

Другие составляющие международной системы экспортного контроля в целях ядерного нераспространения

Помимо режима Комитета Цангера и двух режимов в рамках ГЯП, вопросы ЭК в ядерной области являются предметом активного обсуждения между ведущими промышленно развитыми странами на двусторонней и многосторонней основе.

Так, чтобы снять определенную напряженность и непонимание, возникшие в отношениях между Россией и США в конце 1990-х гг. по вопросу об ЭК (прежде всего в связи с подозрениями США о несанкционированных утечках ракетных технологий из России в Иран в нарушение РКРТ, но также и по другим вопросам, в частности, касающимся российско-иранского сотрудничества в ядерной области), в 1998-1999 гг. было создано пять двусторонних российско-американских рабочих групп по вопросам ЭК. Одна из них, в частности, рассматривала спорные вопросы, связанные с ядерным экспортом.

На многосторонней основе проблемы ЭК ежегодно обсуждаются на встречах ведущих промышленно развитых стран (по схеме «семерка» плюс Россия). В ходе Московского саммита по ядерной безопасности (1996) страны «восьмерки» совместно заявили,

что все государства-поставщики должны придерживаться в своей деятельности по контролю за ядерным экспортом и импортом «Принципов и целей ядерного нераспространения и разоружения», принятых на КРП ДНЯО 1995 г. При этом страны «восьмерки» согласились, что особое внимание следует уделять обеспечению осуществления неотъемлемого права всех участников ДНЯО развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации, и подтвердили свои обязательства способствовать участию в возможно полном обмене оборудованием, материалами, научной и технической информацией об использовании ядерной энергии в мирных целях.

Место Комитета Цангера и Группы ядерных поставщиков в международной системе экспортного контроля в целях ядерного нераспространения

Комитет Цангера и ГЯП, решая, по сути, одну и ту же задачу, успешно функционируют, дополняя друг друга в совершенствовании принципов контроля за ядерным экспортом и уточнении Исходных списков. Однако в Комитете Цангера обсуждается вопрос о целесообразности иметь одновременно оба этих контролирующих органа. Отдельные участники считают, что между Комитетом Цангера и ГЯП уже достигнут высокий уровень взаимодействия, а проводимая в их рамках работа практически не различается.

В то же время высказывается и мнение о том, что существует необходимость дальнейшего развития такого взаимодействия, в частности, в ходе подготовки к КР ДНЯО 2005 г. (формально ГЯП не входит в структуру, обеспечивающую выполнение данного Договора).

Ряд развивающихся НЯОГ (в частности, Иран) негативно относится к существованию и деятельности ГЯП, воспринимая ее как закрытый картель развитых стран и обвиняя ее в дискриминационной практике.

Действительно, подход «Север-Юг» всегда присутствовал в деятельности ГЯП. Обмен информацией осуществляется строго внутри Группы. Так, с целью повышения эффективности контрольного механизма страны-участницы ГЯП стали активнее обмениваться между собой информацией о нарушениях режима экспорта материалов и оборудования двойного использования, информацией о ядерных программах в странах-неучастницах ДНЯО, об отказах в выдаче лицензий национальными компетентными органами при экспорте материалов и оборудования двойного использования. Ведущие западные страны предлагают расширить для этой цели обмен информацией, в том числе конфиденциальной, получаемой с использованием возможностей национальных спецслужб.

Это обстоятельство не позволяет требовать полной транспарентности ГЯП. В то же время в деятельности ГЯП во второй половине 1990-х гг. наметились некоторые изменения. Проведена активная работа по привлечению новых стран — потенциальных ядерных поставщиков к участию в экспортном режиме, особенно ННГ (Украины, Казахстана, Белоруссии, Узбекистана). Присоединение Аргентины, по мнению ряда исследователей, открыло перед ГЯП новые перспективы⁶.

Важное значение имело проведение в 1996 г. семинара по ЭК в качестве своеобразного ответа ГЯП развивающимся странам в связи с упреками в «закрытости» и «избранности» этой организации. Трехдневный семинар состоялся в Вене накануне ежегодной Генеральной конференции МАГАТЭ, что обеспечило присутствие более 70 государств. Таким образом, государства-участники ГЯП приступили к осуществлению политики большей транспарентности. В ходе семинара представители развивающихся государств (как членов ДНЯО, так и неучастников Договора, в частности Индии) смогли получить более детальное представление о методах работы ГЯП, механизме принятия решений об экспорте или об отказе, о составлении контрольных списков и т.п. Представители многих развивающихся НЯОГ позитивно оценили начало такого диалога. Вместе с тем не стоило бы переоценивать политику большей транспарентности, проводимую ГЯП, так как открытость информации ГЯП все равно носит весьма ограниченный характер.

Надо иметь в виду и противоречивые тенденции внутри самой ГЯП. Так, некоторые ее члены выступают за составление «черных списков» стран. В то же время большинство в ГЯП полагает, что при определении возможности экспорта в какую-либо страну следует руководствоваться ограничениями, связанными с санкциями ООН, а также членством в ДНЯО и наличием соглашения с МАГАТЭ о полноохватных гарантиях. Действительно, если бы члены ГЯП стали применять какие-либо другие ограничения по отношению к членам ДНЯО, кроме тех, которые закреплены в международных соглашениях и в равной мере относятся ко всем государствам, это могло бы привести к разрушению всего режима.

Всеобъемлющий контроль

Идея всеобъемлющего контроля заключается в том, что любой экспорт не должен осуществляться, если он может быть каким-либо образом направлен на производство ОМУ, даже если экспортируемые материал или технология не включены в контрольные списки. Политика всеобъемлющего ЭК была

⁶ Кириченко Э.В. Регулирование ядерного экспорта. В кн.: Разоружение и безопасность, с.135.

инициирована в 1975 г. в рамках ГЯП Великобританией и Советским Союзом, а затем поддержана Соединенными Штатами, которые включили это понятие в национальную систему ЭК. Но международные юридически обязательные договоренности по всеобъемлющему контролю отсутствуют.

Согласно правилам всеобъемлющего контроля, действующим в ряде государств (в частности, в России), юридическим или физическим лицам запрещается заключать, совершать внешнеэкономические сделки, связанные с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, или участвовать в них любым иным образом в случае, если таким лицам достоверно известно, что данные товары, информация, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности будут использованы иностранным государством или иностранным лицом для целей создания ОМУ и средств его доставки.

Экспортеры обязаны получить специальное разрешение национального органа по ЭК на осуществление внешнеэкономических операций с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, не подпадающими под действие контрольных списков, если они информированы этим или иным компетентным государственным органом или же сами имеют основания полагать, что данные товары, информация, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности могут быть использованы в целях ядерного распространения.

Как пример, можно привести проблему экспорта осциллографов. Так, существуют осциллографы, которые использовались в период первых ядерных испытаний, подобные находятся сейчас практически в любой школе. С другой стороны, существуют современные высокочувствительные осциллографы. Когда государство X получает заявку от государства Y на приобретение самых современных осциллографов, согласно правилам всеобъемлющего контроля, соответствующие ведомства государства X, прежде чем согласиться на поставку, должны выяснить, почему покупается оборудование именно такого качества, на какие цели оно может быть направлено, чем занимается та компания, которая эти осциллографы покупает, есть ли риск их перепродажи в страну Z и т.д.

Процедуры всеобъемлющего контроля весьма дорогостоящи. Поэтому позволить их себе может очень ограниченное число государств.

Международная система экспортного контроля в XXI веке

Международное сообщество сейчас стоит перед непростым выбором: как действовать дальше — попытаться усовершенствовать

Таблица. Участие государств мира в режимах ЭК

Государство	Комитет Цангера	ГЯП	Австралийская группа	РКРТ	Вассенаарские договоренности
Австралия	+	+	+	+	+
Австрия	+	+	+	+	+
Аргентина	+	+	+	+	+
Белоруссия		+			
Бельгия	+	+	+	+	+
Болгария	+	+	+		+
Бразилия		+		+	
Великобритания	+	+	+	+	+
Венгрия	+	+	+	+	+
Германия	+	+	+	+	+
Греция	+	+	+	+	+
Дания	+	+	+	+	+
Израиль				(+)	
Ирландия	+	+	+	+	+
Исландия			+	+	
Испания	+	+	+	+	+
Италия	+	+	+	+	+
Канада	+	+	+	+	+
Кипр		+	+		
Китай	+			(+)	
Корея, Южная	+	+	+	+	+
Латвия		+			
Люксембург	+	+	+	+	+
Нидерланды	+	+	+	+	+
Новая Зеландия		+	+	+	+
Норвегия	+	+	+	+	+
Польша	+	+	+	+	+
Португалия	+	+	+	+	+
Россия	+	+		+	+
Румыния	+	+	+	(+)	+
Словакия	+	+	+	(+)	+
Словения	+	+			
США	+	+	+	+	+
Турция	+	+	+	+	+
Украина	+	+		+	+
Финляндия	+	+	+	+	+
Франция	+	+	+	+	+
Чехия	+	+	+	+	+
Швейцария	+	+	+	+	+
Швеция	+	+	+	+	+
ЮАР	+	+		+	
Япония	+	+	+	+	+
ИТОГО:	35	39	33	33 (4)	33

Примечание: (+) — соблюдение РКРТ Израилем, Китаем, Румынией и Словакией.
 Источник: www.iaea.org/worldatom, www.state.gov

существующую систему ограничений, которая базируется на принципах, выработанных еще в период «холодной войны», или взять наиболее разработанные национальные принципы и системы и адаптировать их к глобальным реалиям.

Наиболее плодотворным был бы путь формирования международного консенсуса вокруг вопросов ЭК через широкое обсуждение встающих в этой связи проблем. Отсутствие этого консенсуса, например, в связи с инспекциями ООН в Ираке, повлекло негативные последствия. Однако при всей важности инспекций в Ираке они представляют собой лишь один из эпизодов политики нераспространения ОМУ. В случае же формирования глобальной системы ЭК, речь идет о системе отношений с десятками государств, которая к тому же должна существовать в течение длительного времени. Можно представить, какими последствиями для мирового сообщества обернется восприятие экспортных ограничений в качестве нелегитимных даже со стороны одной из групп развивающихся стран. Не стоит рассчитывать, что в мировой торговле есть только одна-две калитки, у которых достаточно поставить часовых.

Международному сообществу предстоит ответить на сложный вопрос о методах воздействия на государства (или их компании), нарушающие международный режим ЭК. Что это должны быть за методы — эмбарго, полномасштабные экономические санкции, вооруженное принуждение? В связи с сомнениями в эффективности механизмов ООН встает вопрос и о том, какие международные институты имеют право на введение и выбор таких механизмов принуждения, или все же СБ ООН остается единственным легитимным международным органом, правомочным принимать решения о подобном воздействии. В последнем случае целесообразно рассмотреть вопрос о повышении эффективности СБ ООН и предотвращении действий в обход его.

В XXI век перешла такая традиционная проблема ЭК, как естественное противостояние между государством и экспортером. Экономическим интересам частного предпринимателя — а следовательно, в определенной мере и государства — отвечает всемерное расширение экспорта, в то время как интересы безопасности каждой страны и всего международного сообщества требуют отсечь от общих экспортных потоков те товары и технологии, которые несут в себе опасность распространения. Разрешение этого противоречия — нахождение оптимального баланса между приверженностью принципам свободной торговли и необходимостью ограничить опасный экспорт — ставит задачи для тех, кто призван от лица государства заниматься ЭК.

В ближайшие годы проблемы ЭК переместятся в основном в сферу контроля над экспортом биотехнологий, позволяющих достаточно быстро и дешево наладить производство

биологического оружия, а также в сферу контроля над ракетными технологиями (в этой области распространение происходит наиболее явно, и уже наблюдается феномен «вторичного распространения», когда государства, лишь недавно сами получившие доступ к передовым ракетным технологиям, передают свои знания другим). В этих условиях вопросы контроля над ядерным экспортом не будут находиться на острие международных дискуссий; в то же время роль Комитета Цангера и ГЯП будет по-прежнему весьма высокой.

Одним из самых острых вопросов ЭК начала XXI века становится контроль над экспортом технологий, а также НТИ, которая может быть использована при создании ядерного оружия.

Хотя с целью предотвращения незаконного экспорта материалов в государствах-экспортерах создана и действует уже отлаженная система, включающая в себя в том числе и таможенный контроль, воспрепятствовать утечкам знаний и информации крайне сложно. Поэтому среди нерешенных проблем ЭК появляется и вопрос о так называемой «неосязаемой» передаче технологий, т.е. о передаче знаний в процессе обучения, научных обменов, по каналам компьютерной связи, через обмен НТИ, предоставление докладов, научно-исследовательских работ и т.д. Даже если гипотетически предположить, что все зарубежные передвижения всех ученых-ядерщиков всех пяти ЯОГ, являющихся носителями критически важных знаний в области создания ядерного оружия, будут находиться под постоянным контролем со стороны национальных спецслужб, пока трудно представить, как в эпоху интернета можно предотвратить передачу нежелательной информации. По крайней мере, в настоящее время задача такого тотального контроля не под силу ни одному государству.

ЛИТЕРАТУРА

Ефимов А.М. Новые вызовы международному режиму нераспространения и Группа ядерных поставщиков. *Ядерный Контроль*, №3, май-июнь 2000, с.54-57.

Кириченко Э.В. Регулирование ядерного экспорта. В книге: Разоружение и безопасность. 1997-1998. ИМЭМО РАН. М., Наука, 1997.

Тимербаев Р.М. Группа ядерных поставщиков: история создания (1974-1978). М., Библиотека ПИР-Центра, 2000.

Global Evaluation of Nonproliferation Export Controls. 1999 Report. The University of Georgia, 1999.

ГЛАВА 12. НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ В ЦЕЛЯХ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ РОССИИ

Россия так же, как и другие цивилизованные страны, считает, что важным средством предотвращения распространения ОМУ является действенная национальная система ЭК.

В документах таких международных режимов в области контроля над ядерным экспортом, как Комитет Цангера и ГЯП, отмечается, что никакой международный режим не может заменить собой национальные системы ЭК государств-ядерных экспортеров. Более того, требования международных режимов в области ЭК не могут быть применены в государствах напрямую, но они подразумевают наличие внутренних, национальных документов, уточняющих и устанавливающих требования режимов для каждого отдельного государства. Для любого государства национальная система ЭК является составной частью политики в области национальной безопасности.

В настоящей главе рассмотрены структура и механизм функционирования национальной системы ЭК на примере России. При этом особое внимание обращено на процесс становления национальной системы ЭК. В главе рассмотрены законодательная база системы ЭК России, взаимосвязь практики ЭК в ядерной сфере и внешней политики, а также пути совершенствования национальной системы контроля над ядерным экспортом.

Политика ядерного нераспространения и контроль над ядерным экспортом в СССР

Осознание необходимости предотвращения появления новых государств, которые стали бы обладателями ядерного оружия, получило широкое распространение в мире в начале 1960-х гг., когда оформились четыре ЯОГ (США, СССР, Великобритания, Франция), Китай вот-вот был готов провести свое первое ядерное испытание, а целый ряд государств всерьез рассматривал вопрос о создании ядерного оружия и даже приступал к осуществлению ядерных программ (Израиль, Швеция, Швейцария, Италия и др.). Именно тогда реальная опасность расползания ядерного оружия стала широко восприниматься мировым сообществом в качестве смертельной угрозы миру и международной безопасности. Для Советского Союза важнейшим фактором, побуждавшим его занять твердый курс в отношении контроля за распространением ядерного оружия, было бурное развитие западногерманской атомной энергетики, которое не могло не вызывать вполне оправданной озабоченности в Москве.

С тех пор позиция СССР/России по нераспространению в целом характеризовалась значительной степенью последовательности. До этого же СССР, как известно, помогал Китайской Народной Республике в создании ядерной инфраструктуры и основы для производства ядерного оружия, что на добрый десяток лет сократило срок изготовления Китаем своего первого ЯВУ¹. Начиная с середины 1950-х гг. Советским Союзом были заключены соглашения с несколькими десятками государств об использовании атомной энергии в мирных целях, в соответствии с которыми в эти страны (главным образом социалистические и дружественные развивающиеся) поставлялись энергетические и исследовательские реакторы и топливо для них. В тот период СССР, в отличие от Соединенных Штатов, не требовал контроля за поставляемыми материалами, но условием поставок было возвращение в СССР ОЯТ².

К первой половине 1960-х гг. относится поворот Советского Союза к гарантиям МАГАТЭ (от скептически-негативного к позитивному), после чего наладилось интенсивное взаимодействие с Соединенными Штатами, Великобританией и другими государствами по разработке и последующему усовершенствованию системы гарантий Агентства.

Во второй половине 1960-х гг. Советский Союз и Соединенные Штаты как сопредседатели женевского Комитета 18-ти государств по разоружению выступили инициаторами и основными разработчиками проекта ДНЯО и в качестве депозитариев (совместно с Великобританией) этого Договора всемерно содействовали его укреплению и универсализации.

В середине 1970-х гг., после проведенного Индией «мирного» ядерного взрыва, Советский Союз и Соединенные Штаты взяли на себя инициативу по созданию ГЯП (см. главу 11). Принципиальная советско-американская договоренность о создании этой группы была достигнута в Москве в конце 1974 г. Советские представители принимали активное участие в вовлечении в ГЯП поставщиков ЯМ, установок и технологий, в частности Франции, которая тогда не была участником ДНЯО.

В январе 1982 г. советское правительство утвердило Положение об экспорте ядерных материалов, технологии, оборудования, установок, специальных неядерных материалов и услуг, основанное на Руководящих принципах для ядерного экспорта, принятых ГЯП, которое в некоторых отношениях устанавливало более строгие

¹ Для полноты картины следует добавить, что в тот период и другие ЯОГ (а также и некоторые НЯОГ) оказывали содействие ряду стран в овладении ядерным потенциалом (США — Великобритания, Франция — Израиль, Канада — Индия и т.д.).

² Заметим, что и Канада, например, также поставила в Индию оборудование для тяжеловодного реактора на природном уране CIRUS, способного нарабатывать плутоний, не потребовав применения к нему гарантий. Именно на этом реакторе был получен плутоний, который был использован для индийского «мирного» ядерного взрыва в 1974 г.

нормы экспортного контроля, чем это предусматривалось международными обязательствами, взятыми на себя Советским Союзом в соответствии с Руководящими принципами ГЯП³.

В 1970-е — первой половине 1980-х гг. внимание западных специалистов было привлечено к ядерной торговле СССР — осуществлявшейся или же планировавшейся — с некоторыми государствами, не подписавшими ДНЯО, в частности с Аргентиной (тяжелая вода), Кубой (атомные реакторы), Индией (тяжелая вода), а также с Ливией (атомные реакторы, установка по производству тяжелой воды), которая, хотя и являлась членом ДНЯО, в тот период многими экспертами подозревалась в наличии военной ядерной программы с целью создания собственного ядерного арсенала. Вместе с тем наиболее внимательные и непредвзятые эксперты отмечали, что Советский Союз щепетильно следит за соблюдением политики ядерного нераспространения и своих международных обязательств в этой области, а его политика в области ядерного экспорта «заслуживает высоких оценок»⁴.

Так, в 1973–1974 гг. Советский Союз отказал иракскому лидеру Саддаму Хусейну в ответ на просьбу продать реактор для наработки плутония. В 1975 г. именно СССР оказал влияние на Ливию в пользу ратификации ДНЯО, от чего она уклонялась почти семь лет после подписания ею Договора. СССР подписал с Ливией межправительственный протокол об использовании атомной энергии в мирных целях, однако продолжал затягивать согласие на ряд даже технологически безопасных с точки зрения нераспространения поставок, пока Ливия в 1980 г. не подписала соглашение о гарантиях с МАГАТЭ⁵. СССР в основном держал Соединенные Штаты в курсе своих планов о ядерных контрактах с Ливией.

В случае с поставками в Аргентину Советский Союз находился в более сложной правовой ситуации. Однако Аргентина в 1981 г. подписала соглашение о гарантиях, которое снимало данную проблему. При этом Аргентина заключила соглашение со Швейцарией о поставке установки по производству тяжелой воды. Что касается советских поставок тяжелой воды в Индию, начавшихся в 1976 г., то СССР полностью соблюдал свои международные обязательства и при этом убедил Индию подписать соглашение о гарантиях с МАГАТЭ⁶.

³ См.: *Внешняя Торговля*, апрель 1982, с.48–49.

⁴ Potter William. The Soviet Union and Nuclear Proliferation. *Slavic Review*, Fall 1985, p.487. Эта работа американского исследователя примечательна тем, что в ней дается детальный анализ политики ядерного нераспространения СССР в 1970-е — первой половине 1980-х гг., как в целом, так и применительно к конкретным странам, вызывавшим в те годы озабоченность.

⁵ *Ibid.*, pp.477, 478, 480.

⁶ Тимербаев Р.М. Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978). М., Библиотека ПИР-Центра, 2000, с.62–64.

Даже в один из самых острых периодов «холодной войны» (начало 1980-х гг.), когда между СССР и США были фактически прерваны переговоры по контролю над вооружениями, продолжали иметь место и даже интенсифицировались консультации между обоими государствами по вопросам укрепления режима нераспространения, которые проводились дважды в год. Они охватывали практически весь круг вопросов нераспространения, включая и региональные аспекты. В частности, уже тогда имел место двусторонний обмен мнениями о ядерной ситуации в КНДР. Полезность сотрудничества между СССР и США в области ядерного нераспространения была аксиомой по обе стороны океана⁷.

Следует заметить, что руководство СССР и все основные ведомства, имевшие отношение к вопросам нераспространения, как правило, солидарно решали как принципиальные, так и практические вопросы поддержания режима ядерного нераспространения. В конце 1970-х гг. был образован специальный правительственный механизм согласования — Межведомственная комиссия по нераспространению ядерного оружия под председательством первого заместителя министра иностранных дел, в состав которой входили на уровне заместителей министров представители министерств обороны, атомной отрасли, КГБ, Академии наук, таможенного комитета и других ведомств. Несогласованность между ведомствами в тот период возникала редко.

Характерный случай разногласий между военно-промышленным комплексом и МИДом имел место во второй половине 1970-х гг., когда Ливия, располагавшая в то время крупными запасами нефтедолларов, пыталась с помощью советских организаций создать полный ЯТЦ, включавший и строительство тяжеловодного реактора на природном уране, и установки по производству тяжелой воды. Руководители советского правительства и атомного ведомства были готовы пойти на сделку (ливийцы предлагали сумму порядка 10 млрд долл.), но МИД выдвинул возражения, и в конце концов разумный подход возобладал, да и ливийская казна с окончанием мирового нефтяного кризиса иссякла.

Этот пример характерен тем, что обычно в тот период в качестве наиболее последовательных сторонников ядерного нераспространения выступали МИД, Министерство обороны и спецслужбы, в то время как атомное министерство и те инстанции в правительстве, которые занимались экономикой и особенно военно-техническим сотрудничеством, нередко были готовы допускать послабления в этом отношении в интересах получения экономических, а иногда и сиюминутных политических или идеологических выгод.

⁷ См.: Potter William. Nuclear Proliferation: U.S. — Soviet Cooperation. *Washington Quarterly*, Winter 1985, p.153.

Россия — правопреемник СССР

25 декабря 1991 г. первый президент России Б.Н. Ельцин принял из рук М.С. Горбачева «ядерный чемоданчик». В результате распада Советского Союза в декабре 1991 г. Россия унаследовала статус ЯОГ. Этот статус весомо подтверждался наличием арсенала примерно в 30 тыс. ядерных боеголовок. Ядерное оружие, ставшее собственностью России, располагалось не только на ее территории, но и в соседних государствах — Украине, Белоруссии и Казахстане.

Отношение к вопросам ядерного нераспространения, хотя и носило волнообразный характер — от повышения интереса руководства России к этой проблематике к его угасанию, — было достаточно определенным. Вообще, недвусмысленность позиции руководства России по ядерному нераспространению резко контрастировала с размытостью его позиций по большинству других внешнеполитических и оборонных вопросов. Вероятно, последовательность политики России в вопросах нераспространения в значительной степени объясняется тем, что в постсоветской России по этому вопросу сложился (а в последующие годы в целом сохранился) консенсус основных общественно-политических сил.

Выступив в качестве правопреемника СССР в вопросе о ядерном статусе, Россия получила в наследство все права и обязанности Советского Союза по ключевому международно-правовому документу, определяющему международный режим нераспространения, — ДНЯО. Россия стала также одним из трех (наряду с Соединенными Штатами и Великобританией) государств-депозитариев Договора.

Согласно статье IX.3 ДНЯО, Россия располагает международно признанным правом на обладание ядерным оружием. Таким образом, именно статья IX ДНЯО, наряду с Уставом ООН (закрепившим место России согласно статье 23 среди постоянных членов СБ ООН), является тем документом, который фиксирует статус России как статус великой державы, в одном ряду с США, Великобританией, Францией и Китаем. Снижение экономического и политического веса в мире СССР, а затем России, начавшееся в 1980-х гг. и стремительно ускорившееся в начале 1990-х гг., конечно, не может быть в полной мере компенсировано сохранением такого *избранного* статуса в соответствии с международным правом. В то же время очевидно, что само сохранение существенного голоса России в международных делах в значительной мере обеспечивается ее признанным статусом ЯОГ.

Сегодня можно утверждать, что Россия на протяжении всего периода с последних дней 1991 г. и до настоящего времени в основном строго придерживалась и продолжает придерживаться своих обязательств по ДНЯО. При этом нельзя забывать, что

Россия сумела обеспечивать выполнение обязательств по ДНЯО в крайне неблагоприятных условиях, вызванных последствиями распада Советского Союза и еще более осложненных глубоким и продолжительным экономическим кризисом. Если мы также примем во внимание переходный характер структур управления (включая управление вооруженными силами), имевший место в первой половине 1990-х гг., коррозию ВПК, стихийно складывавшиеся и не имевшие законодательной базы рыночные отношения, глубокий психологический надлом общества, триумф организованных преступных сообществ в сочетании с необходимостью безостановочного сокращения ядерных вооружений, то станет очевидным тот факт, что выполнение Россией своих обязательств по ДНЯО не может рассматриваться как нечто само собой разумеющееся. То, что в сфере ядерного нераспространения в начале 1990-х гг. мир избежал столкновения с угрозами с территории бывшего СССР — результат тех усилий, которые были предприняты прежде всего самой Россией, а также и помощи международных программ содействия по снижению вероятности таких угроз.

Курс России на принятие эффективных мер по укреплению режима нераспространения ядерного оружия был определен в послании президента Б.Н. Ельцина, направленном 27 января 1992 г. Генеральному секретарю ООН: «Мы — за принятие эффективных мер по укреплению режима нераспространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также средств их доставки»⁸. Россия выразила намерение «предпринять дополнительные шаги с тем, чтобы экспорт из России не вел к распространению средств массового поражения. Именно под этим углом зрения мы работаем сейчас над вопросами выхода на принцип «всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ» как условия нашего мирного ядерного экспорта, официального присоединения к международному режиму нераспространения ракет и ракетной технологии в качестве его равноправного участника»⁹.

Президент Ельцин сообщил о намерении России «принять внутреннее законодательство, регулирующее экспорт из России материалов, оборудования и технологии «двойного применения», которые могли бы быть использованы для создания ядерного, химического и биологического оружия, а также боевых ракет» и создать «эффективную систему государственного контроля за таким экспортом», а также наладить «самое тесное сотрудничество и координацию между всеми государствами-участниками СНГ по этим аспектам»¹⁰.

⁸ См.: Послание Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 января 1992 г. на имя Генерального секретаря ООН. Документ ООН A/47/77-S/23486, 27 января 1992.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

В доктринальном плане отношение к нераспространению ядерного оружия было оформлено в 1993 г. в Основных положениях военной доктрины. Там говорилось, что Россия «совместно с другими заинтересованными странами предпринимает необходимые меры по укреплению и приданию универсального характера режиму нераспространения ядерного оружия». К числу основных направлений обеспечения военной безопасности, в частности, отнесены: «совершенствование существующих и создание новых эффективных международных механизмов контроля за распространением оружия массового уничтожения и средств его доставки»; «создание условий для бессрочного действия ДНЯО, а также принятие мер по расширению состава участников этого Договора, включению в режим нераспространения оружия массового уничтожения всех государств, располагающих потенциалом для его создания»¹¹. Эти направления политики были еще более авторитетно закреплены в Концепции национальной безопасности 1997 г. и ее редакции, принятой в 2000 г.

Таким образом, политика ядерного нераспространения в принципиальном плане стала той внешнеполитической составляющей, которая плавно перешла из советского периода в российский, не претерпев существенных изменений. Преимуществом политики позволила избежать серьезных катаклизмов при распаде СССР и в начальный этап строительства новой российской государственности.

Становление национальной системы экспортного контроля в ядерной области

Россия считает, что действенная национальная система ЭК является наиболее перспективным средством предотвращения распространения ОМУ¹².

Национальная система ЭК России в ядерной области включает в себя следующие элементы:

1. Законодательное и нормативное регулирование.
2. Лицензирование экспорта товаров и технологий, включенных в контрольные списки.
3. Межведомственное согласование.
4. Таможенное регулирование.
5. Предотвращение нарушений и наказание за них.

Для России проблемы ЭК остро встали чуть ли не сразу после обретения ей реального суверенитета в декабре 1991 г. Надо

¹¹Основные положения военной доктрины Российской Федерации. *Российские Вести*, 2 ноября 1993.

¹²См.: Успенский Н.Н. Экспортный контроль — один из ключевых элементов национальной безопасности. *Ядерный Контроль*, май-июнь 1999, с.6.

заметить, однако, что, в отличие от других постсоветских государств, России не потребовалось создавать систему ЭК полностью «с нуля», — была унаследована советская система, включая и межведомственные механизмы согласования решений. Систему надо было лишь адаптировать под новые условия — хотя не следует переоценивать сложность и масштаб этой работы, — что было сделано достаточно оперативно, по крайней мере путем принятия соответствующих законов и постановлений.

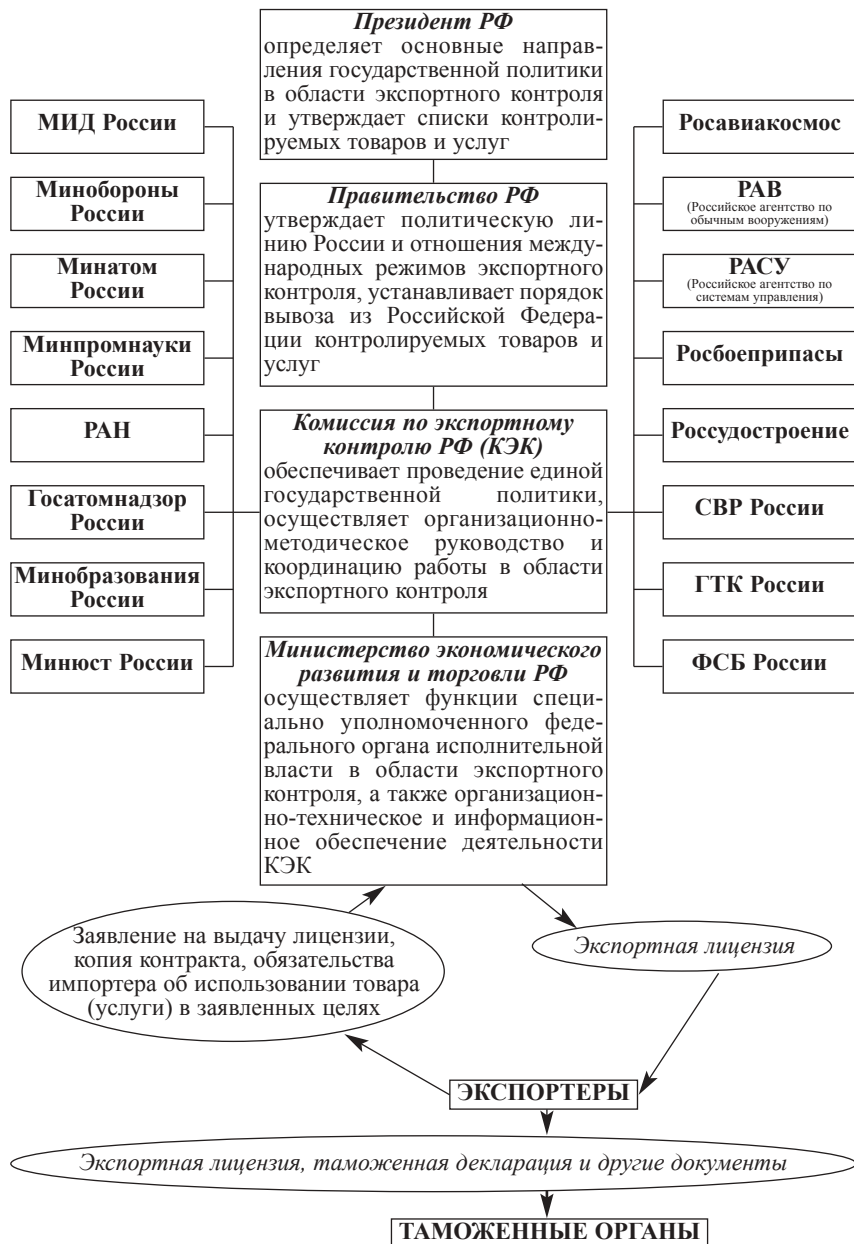
Так, уже 27 марта 1992 г. президент Б.Н. Ельцин подписал Указ №312, которым предусматривалось принятие Россией принципа применения в отношении государства-импортера, не обладающего ядерным оружием, полноохватных гарантий при ядерном экспорте в качестве условия экспорта. Это означает, что экспорт из РФ ЯМ, технологий, установок, оборудования и специальных неядерных материалов в любое НЯОГ мог отныне осуществляться только при условии постановки всей ядерной деятельности такого государства под гарантии МАГАТЭ, заключения им соглашения с МАГАТЭ, требующего применения контроля в отношении всего исходного и специального расщепляющегося материала в нынешней и будущей ядерной деятельности. Такие поставки не разрешались в государства, которые, не являясь членами ДНЯО, располагали ядерными установками и материалом, не поставленными под гарантии МАГАТЭ.

Формирование и обновление национальной системы ЭК в России происходило шаг за шагом, иногда поспевая за требованиями времени, иногда даже опережая их (как это было с известным Постановлением Правительства №57 от 22 января 1998 г.¹³), а иногда запаздывая.

Постепенно Россия создала всеобъемлющую систему ядерного ЭК, основывающуюся на нормативной базе, перечнях контролируемых товаров и технологий, процедуре выдачи лицензий на экспорт, механизме контроля за выполнением правил. Национальная система ЭК России включила все необходимые элементы (контрольные списки, лицензирование, сертификацию импорта), рекомендуемые ГЯП. В соответствии с Руководящими принципами последней (INFCIRC 254 МАГАТЭ, ч. 1 и 2) Россия

¹³Согласно Постановлению Правительства РФ №57 от 22 января 1998 г. «Об усилении контроля за экспортом товаров и услуг двойного назначения, имеющих отношение к оружию массового уничтожения и ракетным средствам его доставки», российским участникам внешнеторговой деятельности, независимо от форм собственности, предписывается воздерживаться от экспортных сделок с любыми товарами и услугами двойного назначения, не подпадающими в обычных случаях под действие нормативных правовых актов Российской Федерации по ЭК, если им известно, что данные товары и услуги могут быть использованы при создании ОМУ и ракетных средств его доставки. Был введен режим всеобъемлющего контроля (действующий в ряде западных стран — *catch-all*), который дает возможность рассматривать любые вопросы, не подпадающие формально под ограничения режимов ЭК, но относящиеся к двойным технологиям.

Рис.1. Схема функционирования системы экспортного контроля Российской Федерации

Источник: Независимое Военное Обозрение, №8, 2 марта 2001.

создала две подсистемы ЭК в целях нераспространения ядерного оружия.

Правовой основой российской системы на этапе ее становления стали указы и распоряжения президента и постановления правительства. Это позволило создать механизм ЭК в короткий срок.

Россия участвует в работе Комитета Цангера и ГЯП. При этом условия, процедуры и контрольные списки реализуются в России только через внутреннее законодательство.

Совместно с другими ядерными поставщиками Россия участвует в работе по уточнению и обновлению контрольных списков, принятых в рамках международных режимов. Это в равной мере относится к спискам ГЯП и списку Комитета Цангера. Все предложения по уточнению и обновлению этих списков после их проработки экспертами на межведомственном уровне обсуждаются российской стороной на заседаниях рабочих групп, созданных в рамках этих двух международных организаций. Затем, после согласования изменений на очередном заседании Комитета или пленарной встрече стран-участниц ГЯП, они принимаются правительством и утверждаются президентом. Только после этого считается, что российская сторона данные изменения приняла, о чем она информирует МАГАТЭ направляемой по дипломатическим каналам нотой.

В 1995 г. была усилена законодательная база: вошли в силу закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» и закон «Об использовании атомной энергии», содержащие статьи, касающиеся национальной политики ЭК.

Статья 16 закона «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» содержит два основных положения. *Во-первых*, система ЭК создана в целях защиты национальных интересов РФ при осуществлении внешнеторговой деятельности, а также соблюдения международных обязательств РФ по нераспространению ОМУ и иных наиболее опасных видов оружия. *Во-вторых*, номенклатура попадающих под ЭК вооружений, военной техники, отдельных видов сырья, материалов, оборудования, технологий, НТИ и услуг, которые применяются или могут быть применены при создании ОМУ, ракетных средств его доставки и иных наиболее опасных видов оружия, определяется списками и перечнями, устанавливаемыми президентскими указами. Последние вступают в силу не ранее чем через три месяца со дня их официального опубликования.

Закон «Об использовании атомной энергии» (1995) кодифицирует механизм, обеспечивающий правовую основу безопасного применения атомной энергии, регулирует права, обязанности и ответственность предприятий, должностных лиц, персонала и граждан в указанной сфере. ЭК посвящена глава XIV (ст. 63 и 64), согласно которой экспорт и импорт ядерных

установок, оборудования, технологий, ЯМ, включая ядерное топливо, радиоактивных веществ, специальных неядерных материалов, используемых для производства ЯМ, а также радиационных источников и услуг в области использования атомной энергии осуществляется в соответствии с международными обязательствами РФ о нераспространении ядерного оружия и международными договорами в области использования атомной энергии.

Закон «Об экспортном контроле»

Основой российского законодательства в области ЭК является закон «Об экспортном контроле» (1999).

Согласно закону, Россия проводит государственную политику в области ЭК, которая является составной частью внутренней и внешней политики России и осуществляется исключительно в целях обеспечения безопасности государства, его политических, экономических и военных интересов.

Основными целями ЭК в законе определены: защита интересов Российской Федерации; реализация требований международных договоров Российской Федерации в области нераспространения ОМУ, средств его доставки, а также в области контроля за экспортом продукции военного и двойного использования; создание условий для интеграции российской экономики в мировую экономику (ст. 4).

Государственная политика в области ЭК включает следующие основные *принципы*:

- добросовестность выполнения международных обязательств Российской Федерации в области нераспространения;
- законность, гласность и доступность информации по вопросам ЭК;
- приоритет интересов безопасности государства;
- осуществление ЭК только в той степени и объеме, которые необходимы для достижения его целей;
- единство таможенной территории Российской Федерации;
- гармонизация процедур и правил ЭК с общепризнанными международными нормами и практикой;
- взаимодействие с международными организациями и иностранными государствами в области ЭК в целях укрепления международной безопасности и стабильности, предотвращения распространения (ст. 5).

В соответствии с международно принятыми нормами и сформировавшейся в России практикой устанавливаются следующие *методы* осуществления ЭК:

- разрешительный порядок осуществления внешнеэкономических операций с контролируруемыми товарами и

технологиями, предусматривающий лицензирование как форму государственного регулирования;

- таможенный контроль и таможенное оформление вывоза из России контролируемых товаров и технологий в соответствии с законодательством о таможенном деле;
- идентификация контролируемых товаров и технологий¹⁴;
- валютный контроль, в том числе контроль за своевременностью и полнотой поступления валютной выручки на счета в уполномоченные банки России;
- применение мер государственного принуждения (санкций) в отношении юридических или физических лиц, нарушивших законодательство России в области ЭК.

Закон устанавливает полномочия президента и правительства в части формирования и осуществления политики ЭК.

Президент определяет основные направления государственной политики в области ЭК; обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти в области ЭК; наконец, утверждает списки (перечни) контролируемых товаров и технологий.

Правительство организует реализацию государственной политики в области ЭК, в том числе в отношении международных режимов ЭК; определяет и детализирует порядок осуществления внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в отношении товаров, информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании ОМУ, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники; принимает в пределах своей компетенции решения о проведении переговоров и подписании международных договоров Российской Федерации в области ЭК.

Закон устанавливает создание *межведомственного координационного органа* по ЭК с целью координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и организационно-методического руководства работами по ЭК. По сути, таким образом было законодательно оформлено существование межведомственной комиссии по экспортному контролю, которая действовала и до принятия закона, с той или иной степенью интенсивности и продуктивности, во многом в зависимости от возглавлявшего ее лица.

Новым положением является требование *создания внутрифирменных программ экспортного контроля* в организациях (ВФПЭК) (ст. 16). Закон устанавливает, что создание ВФПЭК является обязательным для организаций, осуществляющих научную

¹⁴Под идентификацией имеется в виду установление соответствия конкретных видов сырья, материалов, оборудования, НТИ, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности, являющихся объектами внешнеэкономических операций, товарам и технологиям, включенным в контрольные списки.

и производственную деятельность по обеспечению федеральных государственных нужд в области поддержания обороноспособности и безопасности России и получающих доходы от внешнеэкономических операций с контролируруемыми товарами и технологиями. Такие организации, создавшие ВФПЭК, подлежат государственной аккредитации. Это означает, что практически все предприятия ВПК России, осуществляющие экспортную деятельность, должны принять меры по созданию программы ЭК на своих предприятиях. Таким образом, должна быть обеспечена полная информированность руководства предприятия о правах и обязанностях предприятия в области ЭК, в случае необходимости следует провести повышение квалификации персонала, процесс заключения экспортных сделок станет более отлаженным и ответственным¹⁵; иными словами, создание ВФПЭК на предприятии позволяет говорить о внедрении «культуры нераспространения». Полномасштабное внедрение ВФПЭК, естественно, требует значительных усилий и продолжительного времени.

Закон подробно формулирует *требования* к внешнеэкономическим сделкам с товарами и технологиями из контрольных списков. Сделки должны совершаться при наличии письменного обязательства иностранного лица о том, что указанные товары и технологии не будут использоваться в целях создания ОМУ и средств его доставки (так называемый «сертификат конечного пользователя»). При этом правительство России вправе устанавливать дополнительные требования к условиям, на которых должны совершаться внешнеэкономические сделки с контролируруемыми товарами и технологиями, в том числе право проверки использования иностранным лицом полученных по сделке товаров и технологий в соответствии с принятыми обязательствами.

Все внешнеэкономические операции, предусматривающие передачу контролируемых товаров и технологий иностранному лицу, подлежат *лицензированию*. Лицензии выдаются Министерством экономического развития и торговли России (МЭРТ)¹⁶ при наличии положительного заключения по результатам государственной экспертизы. Лицензии выдаются на основании письменных

¹⁵Механизм создания ВФПЭК детально изложен в утвержденном 12 мая 1998 г. Методическом руководстве по созданию на предприятии (в организации) внутрифирменной системы экспортного контроля. Документ предназначен для оказания организационно-методической помощи российским предприятиям и организациям различных форм собственности, участвующих в международном обмене товарами, работами и услугами, в разработке и внедрении внутрифирменных систем ЭК.

¹⁶При этом на экспорт отдельных видов контролируемых товаров в иностранные государства, придерживающиеся в своей внутренней и внешней политике общепризнанных принципов и норм международного права в области нераспространения, могут выдаваться генеральные лицензии, т.е. лицензии с указанием количества товаров без определения конкретного покупателя. Такая генеральная лицензия может выдаваться только российскому юридическому лицу, создавшему ВФПЭК и получившему свидетельство о государственной аккредитации.

заявлений экспортеров. К заявлениям должны прилагаться документы, содержащие точные сведения о товарах, об информации, о работах, об услугах, о результатах интеллектуальной деятельности с указанием иностранного государства, на территорию которого товары, информация, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности будут вывезены.

Уведомление об отказе в выдаче лицензии или разрешения направляется заявителю в письменной форме с указанием основания отказа. Основанием для отказа в выдаче лицензии или разрешения может стать, среди прочего: наличие в документах, представленных заявителем, недостоверной, искаженной или неполной информации; отрицательное заключение государственной экспертизы; экспорт на таких условиях, при которых наносится ущерб или возникает угроза причинения ущерба интересам России.

Лицензия может использоваться ее законным владельцем только для совершения той внешнеэкономической операции, на осуществление которой такая лицензия была выдана. Она может быть аннулирована без предварительного уведомления, либо ее действие может быть приостановлено МЭРТ, прежде всего в случаях нарушения владельцем лицензии ее требований и условий.

На основании закона «Об экспортном контроле» в целях защиты национальных интересов и выполнения международных обязательств России могут вводиться запреты и ограничения ВЭД в отношении контролируемых товаров и технологий. При этом запреты и ограничения, касающиеся иностранных государств, вводятся федеральными законами, касающиеся новых товаров и технологий — указами и распоряжениями президента; касающиеся отдельных иностранных лиц, занимающихся деятельностью, несовместимой с принципами нераспространения («черные списки») — постановлениями правительства¹⁷.

Закон «Об экспортном контроле» устанавливает, что *международное сотрудничество* России в области ЭК осуществляется посредством ее участия в международных режимах ЭК и международных форумах, проведения переговоров и консультаций с иностранными государствами, взаимного обмена информацией, а также реализации совместных программ и иных мероприятий в указанной области на двусторонней и многосторонней основе.

Установлено, что Российская Федерация содействует развитию контактов и обмену информацией между российскими и иностранными неправительственными организациями, целями

¹⁷15 мая 1998 г. по предприятиям ВПК был разослан так называемый «черный список» конечных потребителей, отношения с которыми требуют предварительного согласования в компетентных органах, занимающихся контролем за экспортом «чувствительных» технологий. 20 мая 1998 г. в ряд правительственных учреждений был разослан дополнительный, подготовленный ФСБ России список иностранных компаний, по которым имеются данные об их возможной причастности к военным программам в области создания ОМУ и средств его доставки.

которых является содействие эффективному функционированию внутригосударственных механизмов ЭК.

Принятие закона «Об экспортном контроле» решило задачу полноценного формирования правовой базы национальной системы ЭК в России.

Закон «Об экспортном контроле» является всеобъемлющим, так как законодательно регулирует вопросы контроля над экспортом самой разнообразной продукции (ядерной, химической, биологической, ракетной), технологий, услуг и информации¹⁸, которые могут использоваться при создании ОМУ и средств его доставки. Действие его таким образом, безусловно, охватывает и сферу контроля над ядерным экспортом.

При этом контроль над ядерным экспортом более детально регулируется серией нормативных документов, принятых еще до вступления закона в силу и сохраняющих свое действие постольку, поскольку они не противоречат новому закону. Остановимся на этих нормативных документах подробнее.

Контроль над ядерным экспортом

Чтобы гармонизировать перечень контролируемой ядерной продукции с обновленным списком ГЯП (INFCIRC/254 МАГАТЭ, ч. 1), Указом Президента РФ №202 от 14 февраля 1996 г. был утвержден и с 19 мая 1996 г. вступил в силу новый Список ядерных материалов, оборудования, специальных неядерных материалов и соответствующих технологий, подпадавших под экспортный контроль. По мере изменения международного списка Россия вносит соответствующие корректировки в национальный механизм. 8 мая 1996 г. Правительство Постановлением №574 утвердило новое Положение о контроле над ядерным экспортом и импортом.

Ядерный экспорт и импорт осуществляется по лицензиям, выдаваемым МЭРТ на основании заявлений, предварительно согласованных с Минатомом РФ. Лицензии выдаются только юридическим лицам, имеющим разрешение Госатомнадзора (Федерального надзора России по ядерной и радиационной безопасности) на осуществление определенного вида деятельности в области использования атомной энергии, включая производство, использование, хранение и/или транспортировку соответствующих материалов. Минатом и МЭРТ консультируются с МИД России по поводу того, насколько последовательно страна-получатель

¹⁸Применительно к НТИ и технологиям: 14 мая 1998 г. подписан Указ Президента РФ №556 «О правовой защите результатов научно-исследовательских и технологических работ военного, специального и двойного назначения», объявляющий фактически все результаты научно-исследовательских работ в оборонной области интеллектуальной собственностью государства.

выполняет свои обязательства по действующим международным и двусторонним договорам и соглашениям. Экспортер обязан сообщить Минатому обо всех внешнеторговых сделках с ЯМ.

Выполняя международные договоренности, Россия также разработала системы гарантий того, что поставляемые ею чувствительные технологии будут использованы только в заявленных мирных целях.

В соответствии с национальным Положением о ядерном экспорте НЯОГ могут осуществить ядерный импорт из России при наличии заверений со стороны своих государственных органов в том, что полученные ими предметы экспорта, а также произведенные на их основе или в результате их использования параметры:

а) не будут использоваться для производства ядерного оружия, других ЯВУ или для достижения военной цели;

б) будут находиться под контролем МАГАТЭ в соответствии с соглашением о гарантиях, охватывающих всю мирную деятельность страны-получателя;

в) будут обеспечены мерами физической защиты на уровнях не ниже рекомендованных МАГАТЭ;

г) будут реэкспортироваться только на вышеназванных условиях. Что касается урана с обогащением выше 20%, плутония или тяжелой воды, реэкспорт может производиться лишь при письменном согласии Минатома.

В соответствии с международными обязательствами и действующим законодательством ядерный экспорт из Российской Федерации осуществляется только в те НЯОГ, в которых вся мирная ядерная деятельность находится под полноохватными гарантиями МАГАТЭ. В то же время Руководящие принципы ядерного экспорта, принятые в ГЯП, членом которой является Россия, допускают в исключительных случаях экспорт в НЯОГ, не поставившие всю свою деятельность под контроль Агентства, для обеспечения безопасности эксплуатации уже действующих ядерных установок, находящихся под гарантиями МАГАТЭ (см. главу 11). Для разъяснения этого положения 6 мая 2000 г. В.В. Путин подписал Указ, в котором говорится, что такой экспорт может осуществляться по индивидуальным решениям правительства России при соблюдении следующих условий:

- осуществление поставки не противоречит международным обязательствам Российской Федерации;

- правительством принимающего государства предоставлены официальные заверения, исключающие такое использование поставляемых материалов, оборудования и технологий, которое может привести к созданию ядерного оружия или других ЯВУ;

- поставка осуществляется исключительно для обеспечения безопасной эксплуатации существующих на территории принимающего государства ядерных установок;

Рис.2. Процесс принятия решения об экспорте контролируемых товаров и технологий в Российской Федерации

К заявке прилагаются:

- копия контракта на экспорт контролируемого товара или технологии;
- обязательства импортера о неиспользовании предмета экспорта в незаявленных целях и его нерезэкспорте в третьи страны;
- копия свидетельства о государственной регистрации экспортера;
- при необходимости, импортный сертификат, сертификат подтверждения доставки и другие документы.

Предварительный анализ включает:

- регистрацию заявки;
- проверку комплектности предоставляемых документов и правильности их оформления;
- первичный анализ и обобщение имеющейся информации, относящейся к экспортной сделке.

В процессе межведомственной проработки производится оценка экспортной сделки с точки зрения:

- соблюдения международных обязательств Российской Федерации в области экспортного контроля;
- соответствия политическим, экономическим и военным интересам страны;
- обоснованности заявляемых целей использования предмета экспорта и возможности его перенацеливания на запрещенные виды деятельности;
- приверженности государства-получателя принципам нераспространения в своем национальном курсе;
- значения экспортной сделки в плане наращивания потенциала, необходимого для создания ОМУ и средств его доставки;
- надежности импортера и конечных пользователей предмета экспорта.

- к указанным установкам применяются гарантии МАГАТЭ¹⁹.

В практическом плане принятие этого Указа стало юридической подготовкой к заключению контракта с Индией о поставках уранового топлива для Тарапурской АЭС (контракт был заключен в октябре 2000 г. и осуществлен в конце 2000 — начале 2001 г.). В Указе возможность таких поставок прямо обусловлена «исключительностью» ситуации с точки зрения безопасной эксплуатации этой АЭС. В этом контексте Указ Президента России корректно трактует положения, принятые ГЯП. Опасно было бы в то же время использовать мотивировку «обеспечения безопасности» для тех поставок, которые в реальности адресованы объектам, чья безопасность не находится в критическом состоянии.

Контроль за двойными технологиями, используемыми в ядерной области

Экспорт оборудования, материалов и технологий двойного использования осуществляется по лицензиям, выдаваемым МЭРТ. При экспорте продукции двойного использования в НЯОГ в контракт должно быть включено обязательство импортера не использовать предметы экспорта или их воспроизведенные копии в области ЯТЦ, не поставленной под гарантии МАГАТЭ. При экспорте в страны, не являющиеся членами ГЯП, в контракт должно быть включено обязательство не реэкспортировать и не передавать кому бы то ни было ввезенные предметы или их воспроизведенные копии без письменного разрешения российского экспортера. Обязательства конечных пользователей должны быть подтверждены импортным сертификатом, выданным государственным органом страны, в котором будет осуществляться конечное использование предметов экспорта. Таким образом, Россия учла все рекомендации ГЯП о процедурах лицензирования и гарантиях.

В 1996 г. в целях гармонизации национального режима с международными режимами по нераспространению ядерного оружия президент РФ утвердил новый список оборудования и материалов двойного использования и соответствующих технологий, применяемых в ядерных целях. Наряду с этим было обновлено Положение о порядке контроля за экспортом соответствующего оборудования, материалов и технологий. В оба документа вошли все изменения, принятые ГЯП в Руководящих принципах и в Списке. В целом порядок контроля за экспортом товаров двойного использования не претерпел существенных изменений.

¹⁹Указ «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 27 марта 1992 г. №312 «О контроле за экспортом из Российской Федерации ядерных материалов, оборудования и технологий». Пресс-служба Президента Российской Федерации. 7 мая 2000.

С экономической точки зрения дальнейшее упорядочение контроля за товарами и технологиями двойного использования откроет международные рынки для российских участников ВЭД и будет способствовать восстановлению доверия к финансовым институтам и к правительству России. Это обернется укреплением позиций российских предприятий ВПК на экспортных рынках.

Таможенное регулирование

Таможенное регулирование экспорта ЯМ из контрольных списков является одним из ключевых элементов национальной системы ЭК России в целях ядерного нераспространения.

От эффективности действий таможенных служб во многом зависит, удастся ли перевести систему предотвращения несанкционированного экспорта ЯМ из политической и законодательной плоскости в практическую.

Не будет преувеличением сказать, что именно на таможенной границе России идет настоящая борьба за действенность режима нераспространения ядерного оружия.

Существуют следующие угрозы, применительно к экспорту контролируемых ЯМ, которые должны выявляться и пресекаться органами таможенного регулирования:

- 1) попытка экспорта без лицензии и декларирования (контрабанда);
- 2) попытка экспорта без лицензии, при декларировании ЯМ как материалов, не находящихся в контрольных списках;
- 3) попытка экспорта по фальсифицированной лицензии;
- 4) несоответствие или неполное соответствие данных, указанных в лицензии, фактически вывозимым товарам.

Предотвращение данных угроз осуществляется органами таможенного контроля как самостоятельно, так и во взаимодействии с другими министерствами, ведомствами и их подразделениями, в частности, с ФСБ, СВР, МИД (для выявления соответствия заявленного конечного пользователя реальному), Минатомом (его лаборатории и институты могут использоваться для проведения необходимых экспертиз) и т.д.

Основную угрозу режиму ядерного нераспространения представляют не «ядерные контрабандисты», а предприятия ЯТЦ или их экспортно-ориентированные подразделения, которые неумышленно (в силу слабого знания установленного порядка лицензирования) или с умыслом указывают недостоверную информацию об экспортируемом грузе. Это может быть, например, несоответствие заявленного веса вывозимого товара реальному (в этом случае возникает вопрос о том, какому покупателю предназначается незаявленный вывозимый излишек), несоответствие

указанного конечного пользователя реальному²⁰ либо несоответствие заявленных качественных характеристик вывозимого на основании полученной лицензии материала реальным.

Перед таможенными органами стоят такие сложные задачи, как, во-первых, наличие квалифицированного персонала; во-вторых, наличие совершенных технических средств обнаружения; и, в-третьих, полномасштабный географический охват мероприятий по пресечению нарушений в области экспорта ЯМ.

Для решения этих задач на крупнейших таможенных рубежах — таких, как аэропорты Шереметьево-2 и Шереметьево-1 в Москве, Пулково в Санкт-Петербурге, в Астраханском морском порту и т.д. — устанавливаются самые современные приборы, позволяющие проводить обнаружение незаконно перемещаемых радиоактивных материалов. Мероприятия по оборудованию таможенных рубежей России техническими средствами для пресечения незаконного ядерного экспорта получили название «второй линии защиты». Имеется в виду, что первой линией защиты ЯМ от незаконного перемещения является система мер по ФЗУКЯМ на предприятии.

В ряде случаев устанавливаемое оборудование приобретается на средства, выделяемые Соединенными Штатами в рамках мероприятий по программе Нанна-Лугара (см. главу 14).

Оборудование современной аппаратурой по обнаружению радиоактивных материалов таможенных постов по всему периметру таможенной границы Российской Федерации представляется делом будущего.

Особо остро стоит вопрос о контроле над перемещением ЯМ в пределах, а также через внешние границы Таможенного союза, в который вместе с Россией входят Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

Предотвращение нарушений в области экспортного контроля для целей ядерного нераспространения и наказание за них

Российским ядерным экспортерам приходится действовать в трудных условиях, когда на этом направлении активно действуют спецслужбы пороговых стран, особенно на Ближнем Востоке. Национальная система ЭК в целях ядерного нераспространения или же ВФПЭК на предприятии окажутся действенными лишь в том случае, если лица, принимающие решения об экспорте или

²⁰ Например, существует риск того, что конечным пользователем указывается компания в государстве, не вызывающем озабоченности с точки зрения его политики ядерного нераспространения, в то время как указанная компания производит реэкспорт в третью страну, не являющуюся участником ДНЯО либо попадающую под режим международных ограничений (санкций) в связи с нарушениями в области политики ядерного нераспространения.

причастные к этому процессу, будут осознавать, что в случае нарушений законодательства в области ЭК они неотвратимо понесут наказание.

Нарушением законодательства Российской Федерации в области контроля над ядерным экспортом считается:

- нарушение законодательно установленных правил ведения ВЭД;
- получение лицензий на экспорт контролируемых товаров посредством предоставления поддельных или содержащих недостоверные сведения документов;
- нарушение требований и условий лицензий;
- создание препятствий для выполнения должностными лицами федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих полномочия в области экспортного контроля, своих функций;
- необоснованный отказ в предоставлении информации, запрашиваемой федеральными органами законодательной и исполнительной власти для целей ЭК, ее умышленное искажение или сокрытие;
- нарушение установленного порядка учета внешнеэкономических сделок с товарами из контрольных списков.

В России установлен трехступенчатый уровень ответственности за нарушения в области ЭК: ответственность гражданско-правовая, административная и уголовная. Она может выражаться в форме:

- 1) штрафных санкций;
- 2) лишения права заниматься ВЭД;
- 3) уголовного преследования.

В частности, в случае правонарушения, повлекшего за собой причинение существенного ущерба политическим и экономическим интересам России, ее обороне и безопасности, а также правонарушения, совершенного повторно, организация может быть лишена права заниматься ВЭД на срок до трех лет. Решение о лишении организации права заниматься ВЭД принимается правительством по представлению Комиссии по экспортному контролю.

Уголовный кодекс (УК) России предполагает суровое наказание нарушителей национальной системы ЭК в целях ядерного нераспространения.

Статьями 188 и 189 УК России за незаконный экспорт (контрабанду) технологий, научно-технической информации и услуг, которые могут быть использованы при создании ОМУ и средств его доставки, а также за сообщение ложных сведений в лицензии предусмотрено лишение свободы на срок от трех до семи лет. В случае таких нарушений, совершенных неоднократно или должностным лицом с использованием своего служебного положения, наказание будет еще более жестким — от 5 до 10 лет лишения свободы.

Статья 220 УК предусматривает наказание за незаконное приобретение, хранение, использование, передачу и разрушение ЯМ и радиоактивных веществ сроком до двух лет лишения свободы; в случае, если эти деяния повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, — сроком до 10 лет.

Статья 221 УК посвящена хищению или вымогательству ЯМ и радиоактивных веществ. За такое деяние могут последовать различные наказания: от штрафа до лишения свободы на срок до пяти лет. Если это деяние совершено неоднократно, или группой лиц по предварительному сговору, или лицом с использованием его служебного положения, или с применением (угрозой применения) насилия, то наказание составит от четырех до семи лет лишения свободы. Если же такое преступление совершила организованная группа или же лицо, ранее дважды судимое за хищение либо вымогательство, то наказание может достигнуть 10 лет лишения свободы.

Что касается неотвратимости наказания, то, согласно официальной позиции ФСБ России, «нарушители международного режима контроля в этой области должны знать, что наказания неотвратимой меры, предусмотренные международно-правовой практикой и российским законодательством, будут применены к ним со всей строгостью. [...] Ни у кого не должно возникать сомнений, что практический опыт и традиции нашей Службы обеспечат надежную защиту национальных интересов России и эффективный контроль соблюдения принятых обязательств в области контроля за нераспространением...»²¹.

Совершенствование национальной системы экспортного контроля в ядерной области

Сейчас перед Россией в области контроля над экспортом стоят проблемы, во многом сходные с проблемами других развитых стран. Как сбалансировать противоречивые задачи: стимулировать продвижение национальных товаров на мировые рынки и соблюдать международные обязательства по нераспространению ОМУ, развивать международное технологическое сотрудничество (подразумевающее в том числе и получение доступа к иностранным технологиям) и не допустить передачу оборонных технологий, критических с точки зрения нераспространения?

Как и в других государствах-экспортерах, неизбежны столкновения между лоббистскими интересами экспортирующих предприятий и государством, проводящим политику ЭК. В этом противостоянии предотвращение нарушений ЭК возможно только

²¹Центр общественных связей Федеральной службы безопасности Российской Федерации. 6 мая 1998.

при условии уважения к законодательству, его неукоснительного соблюдения экспортером, с одной стороны, и свободой государственного чиновника от воздействия лоббистов, с другой.

Опыт промышленно развитых стран показывает, что необходимым условием эффективного функционирования системы ЭК является высокий уровень правовой сознательности экспортера. Для российских экспортеров пока характерно превалирование мотивов получения максимальной прибыли в минимальный период времени без должного понимания последствий, которые могут проистекать из незаконной коммерческой деятельности²².

Для эффективного функционирования сформированной национальной системы ЭК в целях ядерного нераспространения необходимо:

- наличие политической воли руководства страны в последовательном проведении политики ядерного нераспространения в соответствии с международными обязательствами России, прежде всего в рамках ДНЯО;
- улучшение межведомственной координации по проведению политики ЭК и пресечению попыток ее игнорирования или обхода;
- проведение комплекса финансовых и технических мероприятий с целью формирования действенной «второй линии защиты» на всем протяжении таможенной границы России;
- завершение процесса государственной аккредитации предприятий, создавших ВФПЭК, что подтвердило бы факт повышения культуры ядерного нераспространения персонала предприятий;
- неукоснительное соблюдение трехступенчатой системы ответственности предприятий и лиц за нарушения в области ЭК, включая уголовное преследование;
- расширение международного сотрудничества, прежде всего в области обмена информацией о проблемах, связанных с ЭК, при продолжении проведения Россией самостоятельной политики в области контроля над ядерным экспортом, основанной на уже утвержденных контрольных списках;
- осуществление мероприятий по контролю над ядерным экспортом исходя из целей и принципов ЭК, установленных в законе Российской Федерации «Об экспортном контроле».

России предстоит жестко применять на практике те установки политики ЭК, которые зафиксированы в последние годы. Повышенное внимание к данной проблеме обуславливается тем, что ряд государств по-прежнему проявляет повышенный интерес к российским материалам и технологиям, пригодным для создания ОМУ и средств его доставки. Кроме того, можно предположить,

²²Евстафьев Г.М. Наивно ожидать простых решений. В сб.: Евстафьев Д.Г., Орлов В.А. (Ред.). Экспортный контроль в России: политика и практика. М., Библиотека ПИР-Центра, 2000, с.188.

что международные преступные сообщества и террористические группы также были бы заинтересованы в использовании лазеек в российской системе ЭК для получения необходимых им материалов и технологий.

В настоящее время наиболее серьезной проблемой должна считаться угроза утечки (несанкционированного экспорта) не столько материалов, сколько технологий двойного применения, научных знаний, научно-исследовательских работ, а также носителей этих знаний — ученых и инженеров. Еще одна острая проблема — контроль над экспортом биотехнологий и материалов, которые могут быть использованы при создании биологического оружия. Сохраняется высокий риск попыток прорыва экспортно-контрольных барьеров в ракетной области.

Ставшие в последние годы известными случаи нарушений режима ЭК в ядерной области подтверждают, что на многих предприятиях культура ЭК находится на крайне низком, зачаточном уровне. Как предупреждает один из ведущих российских правительственных экспертов по вопросам нераспространения, «если мы в ближайшее время не решим эту проблему, мы будем сталкиваться с самыми удивительными нарушениями. Причем эти нарушения становятся зачастую сознательными, применяются очень тонкие методы сокрытия действий. Дело же усложняется еще и тем, что со стороны *стран риска*, как правило, на острие этой работы находятся спецслужбы, которые обладают прекрасно отработанными методами добывания той самой закрытой технологии и материалов из секретных, прежде всего оборонных отраслей, которой они затем подчас делятся между собой...»²³.

22 февраля 2001 г. вопросы экспортно-контрольной практики стали темой специального заседания Совета безопасности РФ. Он рассмотрел две группы вопросов — политическую и технологическую составляющие ЭК. Итоги обсуждения вылились в соответствующие поручения министерствам и ведомствам разработать ряд нормативно-правовых актов. При этом в ходе заседания особо подчеркивалось, что не должны ущемляться интересы и экспортеров, и ученых, и специалистов — носителей интеллектуальной собственности. Была поставлена задача обеспечить внешнеэкономическую экспертизу для постоянного анализа заключаемых сделок, поскольку объемы этой деятельности разрастаются день ото дня и лицензии уже выдаются ежедневно. Существуют обоснованные подозрения, что некоторые ведомства, пользуясь относительной бесконтрольностью, поступают эгоистично, не считаясь с общегосударственными интересами. С тем чтобы повысить контроль за совершаемыми сделками, увидеть общую картину происходящего в ЭК, предполагается уже в ближайшее время создать федеральный банк данных. В то же время, как признали

²³ Евстафьев Г.М. Цит. соч.

участники заседания, не существует действенного барьера на пути тех представителей науки и оборонного производства, которые всего за сотню долларов готовы поделиться производственными или научными ноу-хау, истинная ценность которых на международном рынке составляет многие миллионы. В этом направлении готовятся конкретные решения, когда специалистам было бы лучше опираться на законы о защите информации, чем действовать на свой страх и риск со значительно меньшей выгодой для себя²⁴.

Примечательно, что федеральный центр задумывается сейчас о том, чтобы строить эту работу без излишней централизации. Полномочия по не особенно принципиальной номенклатуре продукции и малым объемам поставок передаются в регионы. Предполагается, что с целью децентрализации ЭК полномочные представители президента в федеральных округах возьмут данный аспект экономической деятельности под свой контроль²⁵.

ЛИТЕРАТУРА

Евстафьев Д.Г., Орлов В.А. (ред.). Экспортный контроль в России: политика и практика. Сборник статей. М., Библиотека ПИР-Центра, 2000.

Закон Российской Федерации «Об экспортном контроле». *Российская Газета*, 29 июля 1999, с.4,5.

Кириченко Э.В. Регулирование ядерного экспорта. В книге: Разоружение и безопасность. 1997-1998. ИМЭМО РАН. М., Наука, 1997.

Национальная система экспортного контроля Российской Федерации в ядерной области. Информационно-методический справочник. М., Центр проблем экспортного контроля, 1996-1997.

Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия. М., Библиотека ПИР-Центра, 2001.

Bertsch Gary K., Potter William C. (Ed.). *Dangerous Weapons, Desperate States: Russia, Belarus, Kazakstan, and Ukraine*. New York-London, Routledge, 1999, 285 p.

Orlov Vladimir. *Russian Export Controls Policy and Practices*. *Nonproliferation Review*, Fall 1999.

Wolfsthal Jon B., Chuen Cristina-Astrid, Daughtry Emily E. *Nuclear Status Report: Nuclear Weapons, Fissile Material, and Export Controls in the Former Soviet Union*. MIIIS, Carnegie Endowment for International Peace, 2001.

²⁴Соловьев В.А. Наступательная, но джентльменская конкуренция. *Независимое Военное Обозрение*, №8, 2 марта 2001.

²⁵Там же.

ГЛАВА 13. НЕТРАДИЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОМУ РЕЖИМУ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Последнее десятилетие XX века поставило на повестку дня новые, нетрадиционные угрозы международному режиму нераспространения ядерного оружия, которые уже вызывают серьезную обеспокоенность государств и, как ожидается, будут сохраняться в том или ином виде в наступившем столетии. Два наиболее серьезных вызова, брошенных сложившемуся международному режиму, это, во-первых, *незаконный оборот ядерных материалов* (НОЯМ) и, во-вторых, *ядерный терроризм* (ЯТ). Они подробно разобраны в данной главе.

Причины появления нетрадиционных угроз

Появление обеих этих угроз в качестве не сугубо гипотетических, но вполне реальных обусловлено сходными причинами.

Если в 1960-е гг., да и позже, для создания ЯВУ требовались усилия целого государства, дорогая широкомасштабная программа, то к концу столетия научно-технический прогресс, распространение знаний и технологий сделали этот процесс доступнее.

Кроме того, в результате окончания «холодной войны» и распада биполярной структуры мира небольшим, но амбициозным странам стало труднее добиваться внешнеполитических целей: в период советско-американского противостояния можно было перекинуться в другой лагерь или угрожать этим и за счет такого шантажа достигать политических результатов. Сегодня приходится выступать против единственной сверхдержавы (США) или же действовать в условиях относительного безразличия великих держав: мало кто обратит внимание на частные интересы небольшого государства, если глобальный баланс сил от него не зависит. Окончание «холодной войны» привело также к тому, что снизился контроль великих держав за развитием региональных конфликтов; как следствие, возрос соблазн для участников таких конфликтов получить дополнительные военно-политические козыри, в том числе за счет приобретения ОМУ.

Наконец, в большинстве случаев национальные правительства (например, в арабском мире) стали менее радикальными, а следовательно, определенная часть населения и политически активных радикальных группировок стала искать пути реализации своих программ не через государство, а самостоятельно.

К другим причинам появления и обострения угроз НОЯМ и ЯТ следует отнести:

- высвобождение значительного количества ЯМ оружейного качества в результате начавшегося глобального процесса сокращения ядерных вооружений;

- усложнение для НЯОГ, развивающих собственные военные ядерные программы, условий получения материалов для развития таких программ в связи с укреплением международной системы ЭК;

- увеличение числа и рост влияния и финансовых возможностей негосударственных игроков в международных отношениях, таких, как террористические группы, транснациональные организованные преступные сообщества, сепаратистские движения на этнической основе, религиозные секты.

Вопросы выработки адекватного ответа на нетрадиционные угрозы международному режиму нераспространения ядерного оружия не являются «головной болью» какого-либо одного государства, но всех государств, на территории которых размещены ядерное оружие либо предприятия ЯТЦ.

При этом риск незаконного оборота ЯМ или несанкционированного доступа к ЯМ оружейного качества или же к ядерному оружию с террористическими целями значительно выше в двух государствах — Соединенных Штатах и России, на территории которых сосредоточены наибольшие запасы ядерного оружия и ЯМ, критичных с точки зрения нераспространения, и в которых процесс сокращения ядерных вооружений идет наиболее динамично.

Незаконный оборот ядерных материалов: определение и классификация

Под *незаконным оборотом ядерных материалов* понимается перемещение в пределах государства или через границы государства в другое государство ЯМ, критичных с точки зрения нераспространения, а именно — урана с обогащением 20% и выше, плутония, установок для переработки ОЯТ, для разделения изотопов урана, для производства тяжелой воды, для конверсии обогащенного урана и плутония и основных компонентов этих установок, — полученных в результате несанкционированного доступа к ним.

Таким образом, речь идет прежде всего о хищениях урана с обогащением 20% и выше, а также плутония с предприятий ЯТЦ.

В дальнейшем ЯМ может быть оставлен похитителями в пределах страны, откуда он был похищен (собственно хищение ЯМ), либо незаконно перевезен в другое государство (контрабанда ЯМ).

С точки зрения нераспространения наибольшую опасность представляет ядерная контрабанда.

Собственно хищения и контрабанда ЯМ могут осуществляться с целью:

- коммерческой — перепродажи третьим лицам для личного обогащения похитителя;
- террористической — использования похищенного ЯМ для терроризма или шантажа;
- развития государственной ядерной программы в обход ДНЯО.

Велика вероятность «смешанных» случаев, например, хищения «частными» лицами «по заказу» государства или хищения представителями одного государства для передачи другому или террористической организации и т.д.

В подавляющем большинстве случаев сообщения о «ядерных хищениях» или «ядерной контрабанде» на деле оборачиваются фактами незаконного оборота радиоактивных веществ, не являющихся ЯМ, пригодными для изготовления ядерного оружия. В основном это природный уран, а также двуокись урана с обогащением два-четыре процента по урану-235, источники ионизирующего излучения. В ряде случаев они предназначались для перепродажи похитителями внутри государств, в других — для контрабандного вывоза. Подобные случаи не представляют угрозы с точки зрения нераспространения и поэтому в настоящей главе не рассматриваются.

Проблема анализа НОЯМ осложняется значительным объемом непроверенной информации и домыслов. Отчасти это объясняется стремлением СМИ передать сенсационные сообщения, которые не оставляют равнодушной читательскую аудиторию; кроме того, журналисты не всегда достаточно профессиональны, чтобы объяснить читателям разницу между, например, ВОУ и обедненным ураном¹. В некоторых случаях вопросы вокруг НОЯМ являются предметом политико-дипломатической игры или же предметом дезинформирующих мероприятий разведслужб.

Особенно часто в мировой прессе в качестве источника НОЯМ называлась Россия. Поводом для этого стал распад СССР и подозрения в недостаточности физической защиты ЯМ и слабости системы учета и контроля ЯМ. Первая волна информации о «ядерной контрабанде» из России относится к 1992 г. Типичными были сообщения такого рода: «В январе 1992 г. сотруднику итальянского радио и телевидения предложили в Швейцарии купить пять килограммов российского плутония». Серьезные западные эксперты были, казалось, не меньше журналистов озабочены новой угрозой, проистекавшей из России. Эти опасения основывались, в частности, на безответственных заявлениях руководителей некоторых российских компаний, воспринявших

¹ См.: Давыдов В. Журналисты и ядерное оружие. М., Права человека, 1995.

рыночные отношения как вседозволенность и публично предлагавших купить, например, химическое оружие. Именно поэтому в то время писали: «Если вы хотите купить реактор на быстрых нейтронах, обогатенный уран, тяжелую воду или даже некие «мирные ядерные взрывные устройства», то вам следует делать эти покупки в Москве»².

Среди стран, через которые ядерная контрабанда якобы доставлялась из России, чаще других называли Италию, Швейцарию и Австрию. Одним из наиболее активных обвинителей «русской ядерной контрабанды» (включая ВОУ, плутоний и так называемую «красную ртуть») выступал заместитель прокурора итальянского города Комо Романо Дольче. Осенью 1993 г., однако, сам прокурор был арестован по обвинению в причастности к международной преступной группе, занимавшейся тайными махинациями с фальшивыми долларами, поддельными банковскими сертификатами, оружием, наркотиками и радиоактивными материалами. После этого скандала первая волна обвинений в том, что Россия не способна пресекать ядерную контрабанду, сошла на нет.

Вторая волна обвинений прокатилась летом 1994 г., когда в Германии один за другим были выявлены три случая с вовлечением якобы российских ЯМ оружейного качества. В одном случае был обнаружен плутоний в городе Тенген. Дальнейшие исследования показали, что это, скорее всего, не российский плутоний, а материал из ядерного центра в Розендорфе (расположенного в Германии, на территории бывшей ГДР).

Последний случай, известный как «мюнхенский» (когда в 1994 г. в мюнхенском аэропорту на рейсе авиакомпании «Люфтганза», прибывшем из Москвы, был изъят плутоний оружейного качества), стал апогеем для тех, кто видел в России основной источник ядерной контрабанды в мире. Вместе с тем и этот скандал затух, когда выяснилось, что в нем замешаны немецкие спецслужбы и что российское происхождение плутония не доказано. «Мюнхенский скандал» в некотором смысле скомпрометировал саму идею противодействия НОЯМ. В то же время Россия, как и другие крупные государства, осознавая важность скоординированных действий по противодействию НОЯМ, постепенно пришла к пониманию важности диалога в этом вопросе. Примерно с 1995-1996 гг. провокационная окраска и политика взаимных обвинений в вопросах НОЯМ начинает уступать место конструктивному сотрудничеству между ведущими государствами.

Определенные случаи НОЯМ не могут быть разглашены без ущерба для национальной безопасности государств и поэтому

² Potter William. Russia's Nuclear Entrepreneurs. *New York Times*. 11 July 1991, p.A29.

засекречиваются или разглашаются в заведомо искаженном виде. Все это заставляет быть предельно осторожным, когда речь идет об известных фактах НОЯМ. Следует принимать во внимание, что рост числа попыток хищений радиоактивных материалов в России в первой половине 1990-х гг. был в определенной степени спровоцирован шумихой в печати, создававшей впечатление, что в мире существует массовый спрос при крайне высоких ценах на любые радиоактивные материалы.

Проблему НОЯМ ошибочно было бы связывать только с одним каким-либо государством (в частности, с Россией). Она универсальна. Так, в 1968 г. в Средиземном море исчезло судно под названием «Ширсберг», которое перевозило природный уран (на контейнерах стояла надпись «плюмбат»). Предполагают, что этот материал был похищен Израилем. В 1998 г. в Италии был обнаружен ВОУ, похищенный с исследовательского реактора Трига (Демократическая Республика Конго, бывший Заир).

Установленные случаи хищения или попыток хищения ЯМ, а также бесследного «исчезновения» ВОУ (что вскрывалось при инвентаризациях) имели место и в США, и во Франции, и в Великобритании. Не исключено, что некоторые материалы оружейного качества контрабандным путем были переправлены из Западной Европы и Северной Америки в Пакистан и Израиль.

Степень опасности НОЯМ

Как признали в апреле 1996 г. руководители семи промышленно развитых стран и России («восьмерка») на встрече в верхах, состоявшейся в Москве, НОЯМ несет в себе опасность глобального распространения и представляет угрозу здоровью и безопасности общества.

Использование ЯМ в преступных целях может способствовать отдельным государствам или террористическим группам в их усилиях обойти тщательно разработанные механизмы контроля международного режима нераспространения и позволить им создать или приобрести каким-либо иным путем ядерное или радиологическое оружие.

Руководители «восьмерки» признали, что в большинстве случаев речь пока идет лишь о незначительных количествах расщепляющихся материалов или о материалах, малопригодных для целей оружия, а многие задержанные нарушители были мелкими мошенниками. Тем не менее случаи НОЯМ продолжают иметь место. По данным Генерального директора МАГАТЭ Мохамеда Эльбарая, оглашенным в ноябре 2001 г., с 1993 г. в мире зафиксировано 175 случаев НОЯМ, включая 18 случаев с вовлечением ВОУ или плутония.

По-видимому, наиболее серьезным испытанием в этом смысле была первая половина 1990-х гг.³, хотя даже в эти трудные годы неправомерным было бы говорить о риске «ядерной анархии» на территории бывшего СССР, — вывод, к которому приходили даже некоторые серьезные западные исследователи⁴. Во второй половине 1990-х гг. количество вызывающих озабоченность и достоверно доказанных фактов хищений, потерь и контрабанды ЯМ заметно сократилось, прежде всего, как можно предположить, в результате совместных напряженных усилий государств по укреплению национальных систем ФЗУКЯМ⁵, ужесточению таможенного

³ Так, два хищения произошли в 1993 г. на Северном флоте России — в обоих случаях были похищены урановые тепловыделяющие сборки (с ураном обогащения от 26 до 36%). В январе 1995 г. в ЗАТО Озерск (на производственном объединении «Маяк») обнаружено исчезновение таблетки плутония весом 0,33 г при подготовке к утилизации в узле РО373, доставленном с предприятия Приборостроительный завод из цеха 14 после разборки в июле 1994 г. Имели место хищения ЯМ на заводе «Луч» (Подольск, Московская область), во ВНИИ экспериментальной физики (ЗАТО Саров, Нижегородская область) и др. Подробнее см.: Orlov Vladimir. The Moscow Nuclear Summit and the Status of Russia's Smuggling Threat. *Nonproliferation Review*. Spring/Summer 1996, pp.80-85; Allison Graham (Ed.). *Avoiding Nuclear Anarchy. Containing the Treat of Loose Russian Nuclear Weapons and Fissile Materials*. L., 1996, pp.20-48.

⁴ Allison Graham. Op.cit.

⁵ Россия проделала за последние годы значительный путь по совершенствованию физической защиты объектов, где находятся ЯМ (так называемая «первая линия защиты»). Успехи будут особенно заметны, если посмотреть на ситуацию начала 1990-х гг. Так, на базе Севморпуть Северного флота РФ в ноябре 1993 г. было совершено хищение радиоактивных материалов — активных частей трех свежих тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов АПЛ, с содержанием около килограмма урана-235. Вот как, по описанию военного прокурора, охранялся тот склад, откуда было совершено хищение: «Со стороны Кольского залива — вообще никакого ограждения: подплывай на шлюпке, особенно ночью, и действуй. Со стороны промышленной зоны Мурманска — судоремонтные заводы, деревообрабатывающие комбинаты, кругом проломы в заборах. Контрольно-следовая полоса по периметру хранилища отсутствует. Попасть прямо к тыльной двери хранилища не составит труда. Сам склад оборудован противоатомной защитой, системой противопожарной защиты, водяной сигнализацией. Но охранной сигнализации, как таковой, практически нет. Есть простой контактный выключатель: дверь открылась, вышиблен штырь — сигнализация сработала. Дверь закрылась — штырь встал на место, контакт разомкнут, соответственно сигнализация перестала работать. Такая сигнализация выведена на пульт, находящийся в ста метрах от самого хранилища. К тому же сигнализация в хранилище «закотачена»: откроешь одну из дверей (входную или запасную), другая будет открываться уже безо всякой сигнализации. Более того, кабель этой сигнализации проходит через «бытовку» — раздевалку грузчиков. В «бытовке» распределительный щит даже не закрыт на замок. Иными словами, сидя в «бытовке», преступник может не спеша обесточить распределительный щит и действовать. На пульте дежурят две пожилые женщины. Чтобы им добраться до этого места, надо пройти по захламленной территории, а зимой и через гигантские сугробы. Освещения никакого. На складе, где было совершено хищение, висел обыкновенный амбарный замок, и то заржавевший. Преступникам не понадобилось и десяти минут, чтобы перепилить его» (Кулик М. Некоторые проблемы хранения ядерных материалов на Северном флоте. *Ядерный Контроль*, №2, февраль 1995, с.12-15.).

контроля, международному обмену информацией. В то же время и в этот период факты НОЯМ продолжали иметь место, не ослабевала и заинтересованность некоторых государств и негосударственных игроков в ускорении своих программ или исследований в военно-ядерной области через НОЯМ.

Можно ли украсть ядерный боеприпас? Такой вопрос также неоднократно звучал и в печати, и в выступлениях политиков, и в научных дискуссиях. Скорее всего, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Системы физической защиты ядерных боеприпасов во всех официальных ЯОГ, а также, насколько известно, в Индии и Израиле исключают несанкционированный доступ.

В то же время если в хранилище ядерные боеприпасы надежно защищены от попыток хищений, то во время их транспортировки риск несанкционированного доступа к ним, в принципе минимальный, повышается. При этом, например, при перевозках он ниже в Соединенных Штатах (там транспортировка ядерных боеприпасов осуществляется в основном по воздуху) и выше в России (где транспортировка осуществляется железнодорожным или наземным грузовым транспортом)⁶. Поэтому Россия как самостоятельно, так и при помощи государств Запада предпринимает энергичные усилия по повышению надежности перевозок ядерных боеприпасов, в частности, путем закупок или получения в качестве помощи соответствующего оборудования.

Стороны НОЯМ: продавец и покупатель

Продавцами ЯМ в подавляющем большинстве случаев выступали одиночки-непрофессионалы — работники предприятий ЯТЦ, самостоятельно или в группе совершившие хищение, либо сотрудники спецслужб (или лица, работавшие по заказу спецслужб). В первом случае продавцы преследовали цель личного обогащения; никаких политических или террористических целей не прослеживалось. Во втором случае «продавцы» выполняли задание (осуществляли провокацию) с целью выявления интереса террористических групп или организованных преступных групп к контрабанде ЯМ.

Конечных покупателей — заказчиков ЯМ выявить так и не удалось. Не зафиксировано случаев, когда к ЯМ проявляли бы интерес государственные структуры из пороговых стран.

Что касается посредников, то сообщения прессы о существовании «международной ядерной мафии» также пока не находят документального подтверждения. Высказываются

⁶ Маслин Е.П. Пока что ни один ядерный боеприпас в России не пропал и не был похищен. *Ядерный Контроль*, №5, май 1995, с.9-14.

предположения, что отсутствие стабильного спроса на ЯМ, с одной стороны, и повышенное внимание ведущих государств и их спецслужб к проблеме НОЯМ, с другой, делают участие в операциях по НОЯМ малопривлекательным для транснациональных организованных преступных сообществ, особенно в сравнении с давно налаженными и приносящими устойчивые сверхприбыли наркоторговлей, контрабандой обычных вооружений или контролем над международным рынком проституции.

Согласно официальным российским данным, на территории России не существует организованных преступных групп, специализирующихся только в этой области, а все фигуранты известных фактов НОЯМ являются исключительно посредниками, которые не имеют прямого отношения к ядерным объектам и зачастую не имеют представления о предмете торговли (перепродажи) и его качественных характеристиках.

Значит ли это, что острота проблемы НОЯМ была преувеличена? В определенной степени, да. Незаконный оборот пока не принял размеров, позволяющих говорить об угрозе распространения ЯМ для целей получения оружия, и размеры этой проблемы преувеличиваются СМИ.

В то же время опасность представляют незаконные операции даже с небольшими количествами ЯМ.

Таким образом, нет оснований ни для панических настроений, ни для того, чтобы снять эту проблему с повестки дня. Потенциальные покупатели контрабандных ЯМ существуют. К ним следует отнести как государства, так и негосударственные субъекты, в частности:

- пороговые государства;
- террористические группы;
- транснациональные организованные преступные сообщества;
- сепаратистские движения на этнической основе;
- экстремистские религиозные секты.

Международное сотрудничество по предотвращению НОЯМ

Усилия, предпринимаемые в целях пресечения НОЯМ, должны исходить прежде всего от каждого отдельного государства, заинтересованного в этом. Они должны быть направлены на укрепление «первой линии защиты» — надежного и безопасного хранения ЯМ и эффективных мер их защиты, контроля и учета для предотвращения распространения. Они также должны быть направлены на совершенствование национальных систем ЭК.

Международное сотрудничество имеет в данном вопросе, чувствительном с точки зрения национальной безопасности, свои границы. Вместе с тем понятно, что вообще без международного

сотрудничества (как правило, на двусторонней, но также и на многосторонней основе) проблема НОЯМ, уже по определению связанная с вовлечением более чем одного государства, решена быть не может.

Так, шаги по международному сотрудничеству по предотвращению НОЯМ в рамках Группы по нераспространению⁷, созданной государствами «восьмерки», включают:

- совместные разведывательные⁸, таможенные и правоохранные мероприятия для предотвращения международной перевозки и продажи похищенных материалов;
- совместные усилия по идентификации и устранению незаконного предложения и спроса на расщепляющиеся материалы в целях противодействия преступным элементам;
- обмен информацией о случаях хищения и контрабанды ЯМ в соответствии с Конвенцией о физической защите ядерных материалов;
- обмен информацией о значимых событиях в данной области, особенно, если речь идет о чувствительных материалах;
- координацию между национальными разведывательными, таможенными и правоохранными органами для обеспечения быстрого расследования и наказания участников НОЯМ;
- обмен научной информацией и данными в целях идентификации происхождения, истории и путей перемещения перехваченных ЯМ.

Действия международного сообщества по решению этих проблем должны опираться на существующие механизмы и организации, обеспечивающие режим ядерного нераспространения. К ним относится всеобщая приверженность ДНЯО и принципам и целям, согласованным на КРП ДНЯО в 1995 г., Конвенции о физической защите ядерных материалов, а также рекомендациям по физической защите ЯМ МАГАТЭ и ГЯП.

Особая роль в международном сотрудничестве по предотвращению НОЯМ отводится МАГАТЭ, которая приняла Программу по борьбе с НОЯМ. В штаб-квартире этой организации в Вене сосредоточен банк данных о сообщенных случаях НОЯМ. Информация для этого банка данных сообщается правительствами государств-членов МАГАТЭ на добровольной основе; сам банк данных является конфиденциальным источником информации.

Вместе с тем, поскольку не все государства в равной степени добросовестно и охотно передают национальную информацию о подтвержденных случаях НОЯМ в МАГАТЭ, банк данных МАГАТЭ по НОЯМ вряд ли можно рассматривать как

⁷ В рамках этой группы создана также подгруппа по анализу задержанных ЯМ.

⁸ Протокол о сотрудничестве спецслужб «восьмерки» по предотвращению НОЯМ подписан в мае 1997 г. на саммите «восьмерки» в Денвере (США).

всеобъемлющий или адекватно отражающий имеющие место в мире тенденции.

Определенную, хотя и достаточно ограниченную роль, в расследованиях вопроса о НОЯМ может играть Интерпол. Примечательно, что, начиная с середины 1990-х гг., в Интерполе стали заводить специальные «ядерные досье»⁹.

Основной обмен информацией по НОЯМ происходит «в узком кругу» — прежде всего на двусторонней основе. Важнейшими принципами двустороннего взаимодействия в области пресечения НОЯМ являются:

- обеспечение конфиденциальности передаваемой информации;
- организация взаимодействия на основе информации, по возможности проверенной, в том числе с привлечением соответствующих технических специалистов;
- жесткий контроль, а при необходимости запрет на передачу в СМИ полученных сведений в отношении конкретных фактов НОЯМ до окончания проверочных мероприятий;
- обязательность проведения под международным контролем анализа изъятых образцов ЯМ в стране, где предположительно этот материал похищен, поскольку законодательство большинства стран предусматривает представление при судебном разбирательстве в качестве доказательства образца похищенного либо вывезенного контрабандным путем материала;
- недопустимость проведения операций, провоцирующих активные действия криминальных групп. Особой осторожности и взвешенного подхода требует создание и использование правоохранительными органами и спецслужбами заинтересованных государств так называемых «контролируемых каналов нелегальной поставки ядерных материалов», поскольку это может стимулировать видимость существования «черного рынка» и, как следствие этого, повышение спроса криминальных элементов на делящиеся материалы.

⁹ Так, за один 1994 г. Интерполом заведено 31 «ядерное досье» (3 — по запросам МВД России, 4 — о так называемой «красной ртути», 11 — проверка организаций, 6 — проверка возможных контрабандных хищений конкретными лицами). США не прислали в Интерпол ни одного запроса, тогда как Германия прислала 18 (9 — информационные, 4 — по «красной ртути», 6 — проверка фирм, 3 — проверка конкретных лиц или телефонов), Чехия — 4, Италия — 2 и по одному — Польша, Латвия, Румыния, Эстония. В последующие годы количество подобных запросов пошло на убыль (например, уже в 1995 г. Центральное бюро Интерпола завело всего четыре досье по данному вопросу на основе «сигналов» из Германии, Словакии, Исландии и Венгрии). *Ядерный Контроль*, №11, ноябрь 1995, с.7.

Ядерный терроризм: определение

Под *терроризмом* подразумевается преднамеренное, политически мотивированное насилие, совершенное в мирное время лицом или группой лиц, как правило, с целью оказания воздействия на государство, общество или общественное мнение¹⁰.

Под *террористической деятельностью* понимается деятельность, включающая в себя:

1) организацию, планирование, подготовку и реализацию террористической акции;

2) подстрекательство к террористической акции, насилию над физическими лицами или организациями, уничтожению материальных объектов в террористических целях;

3) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для совершения террористической акции, а равно участие в такой акции;

4) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

5) финансирование заведомо террористической организации или террористической группы или иное содействие им.

Под *международной террористической деятельностью* понимается такая террористическая деятельность, которая осуществляется:

1) террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносит ущерб интересам более чем одного государства;

2) гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства;

3) в случае, когда как террорист, так и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами территорий этих государств.

¹⁰ Российское законодательство дает более детальное определение: «Терроризм — это насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений» (Закон Российской Федерации «О борьбе с терроризмом», ст. 3).

Под *террористическим актом* понимается непосредственное совершение преступления террористического характера в форме взрыва, поджога, применения или угрозы применения ЯВУ, радиоактивных, химических, биологических, взрывчатых, токсических, отравляющих, сильнодействующих, ядовитых веществ; уничтожения, повреждения или захвата транспортных средств или других объектов; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, представителя национальных, этнических, религиозных или иных групп населения; захвата заложников, похищения человека; создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц путем создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы создания такой опасности; распространения угроз в любой форме и любыми средствами; иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий.

Терроризм с использованием ОМУ и его компонентов (ОМУ-терроризм, или ОМУТ) является одной из разновидностей терроризма. Можно утверждать, что это наиболее опасная разновидность терроризма и при этом потенциально наиболее привлекательная для террористических групп (хотя и наиболее трудно осуществимая).

В свою очередь, ЯТ является одной из разновидностей ОМУТ. Из всех известных видов ОМУТ ЯТ является наименее вероятным, но при этом наиболее опасным с точки зрения совокупности последствий (политических, военных, социальных, экологических, психологических).

Под *актом ядерного терроризма* понимается:

- использование или угроза использования ЯМ, ядерного топлива, РАО или отходов либо иных радиоактивных веществ, их радиоактивных свойств или комбинации радиоактивных свойств с токсическими, взрывными или другими опасными свойствами;
- использование или угроза использования любых ядерных установок, ЯВУ или радиационных рассеивающих устройств¹¹, а также составляющих их компонентов, либо объектов, компонентами которых они являются, включая их разрушение или угрозу разрушения, равно как изготовление самодельных ЯВУ, с целью повлечь смерть любого лица, причинить ему серьезные повреждения или нанести вред здоровью, или причинить значительный ущерб имуществу либо окружающей среде, или вынудить физическое или юридическое лицо, либо группу лиц,

¹¹Под радиационным рассеивающим устройством понимается устройство, способное рассеивать радиоактивные материалы любыми способами, создающими угрозу заражения населения и местности.

государство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения;

- получение или отчуждение без разрешения компетентных властей или обманным путем, кража, насильственный захват, присвоение, владение, видоизменение, передача ЯМ, ядерного топлива, РАО либо иных радиоактивных веществ, любых ядерных установок, ЯВУ или радиационных рассеивающих устройств и составляющих их компонентов, либо объектов, компонентами которых они являются, а также действия, которые представляют собой требование, путем угрозы силой или применения силы или с помощью какой-либо другой формы запугивания, о выдаче или передаче такого материала, источников, веществ, таких установок или устройств и/или составляющих их компонентов, либо объектов, компонентами которых они являются.

Классификация актов ядерного терроризма

Акты ЯТ могут быть классифицированы следующим образом¹².

- *Подрыв (или угроза подрыва) ЯВУ.* Ядерный взрыв представляет собой наиболее страшное проявление терроризма. В силу этого сохранность стратегических ЯМ (ВОУ и плутония) и ядерных боеприпасов является жизненно важным вопросом национальной безопасности и должна быть главным приоритетом в организации защиты ядерного комплекса. Угроза применения ядерного оружия террористами остается пока гипотетической.

- *Заражение радиоактивными материалами.* Использование радиоактивных материалов (цезия-137, плутония, кобальта-60 и т.д.) в широкомасштабных актах подразумевает их распыление в виде аэрозолей или растворение в источниках воды. Ликвидация последствий подобной акции потребует значительных усилий. В большинстве сценариев террористических атак (растворение плутония в водоеме или его аэрозольное распыление, подрыв контейнера с цезием-137) радиоактивное заражение останется локальным и не приведет к катастрофическому ущербу. В то же время, по оценке ряда отечественных специалистов, распыление значительного количества порошка диоксида плутония с применением авиации может привести к последствиям, подобным по масштабу последствиям подрыва ЯВУ.

- *Диверсия на ядерных объектах.* В большинстве случаев последствия повреждения установок исследовательских центров или предприятий ЯТЦ будут носить локальный характер (в пределах

¹²См.: Бухарин О.А. Проблемы ядерного терроризма. *Ядерный Контроль*, №15, март 1996, с.2-6. Эта работа широко использована при подготовке настоящей главы.

промышленной площадки)¹³. Глобальная катастрофа возможна при саботаже обслуживания реактора АЭС, отличающегося от других ядерных установок содержанием больших количеств радиоактивности и высоким внутренним энерговыгоранием.

При этом наиболее вероятные угрозы реакторам АЭС включают:

1) вооруженную атаку хорошо подготовленной террористической группой с возможным пособничеством «изнутри»: террористы вооружены ручным стрелковым оружием и имеют необходимое снаряжение (инструменты, взрывчатку), передвигаются на полноприводном автомобиле;

2) диверсионные действия сотрудника АЭС (любой должности);

3) прорыв транспортных средств, начиненных взрывчаткой.

По мнению авторов исследования, проведенного по заказу правительства Швейцарии, любой террористический акт против АЭС может иметь серьезные политико-психологические последствия уже просто потому, что общественность крайне нервно воспринимает вопросы безопасности АЭС.

Объекты ядерного терроризма

Проблемы международного и внутреннего терроризма актуальны для многих стран с развитой ядерной энергетикой. Серьезными индикаторами служат взрыв в правительственном здании в городе Оклахома-Сити (1995), взрывы жилых зданий в Москве и других российских городах (1999), террористические акты алжирских экстремистов во Франции и боевиков Ирландской республиканской армии (ИРА) в Великобритании. Вершины террористической деятельности в последние годы как с точки зрения символизма, так и по количеству жертв стали теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г.

Акты ЯТ могут быть совершены на территории различных государств мира — как в тех примерно сорока государствах, которые имеют объекты ЯТЦ (прежде всего АЭС), так и на территориях государств, где такие объекты отсутствуют: ведь террористы могут

¹³ При нападении на реактор технически грамотные террористы скорее всего будут стремиться к повреждению его систем жизнеобеспечения с целью расплавления реакторной зоны. При этом для реакторов типа ВВЭР возможна следующая цепочка событий:

— повреждение систем охлаждения реактора (основных трубопроводов, насосов и т.д.);

— потеря теплоносителя и расплавление реакторной зоны, сопровождаемые паровым взрывом при контакте расплавленного топлива с остатками воды в реакторном корпусе;

— разрушение корпуса реактора и реакторного здания с последующим выбросом радиоактивных продуктов деления. Аналогичные события могут быть инициированы в водо-графитовых реакторах типа РБМК и в промышленных реакторах (Бухарин О.А. Цит.соч., с.2-4).

переместить похищенный ЯМ через границы государств. Предсказать, в каком государстве или в каком регионе мира с большей вероятностью существует риск совершения акта ЯТ, не представляется возможным, прежде всего в силу транснационального характера многих организаций, ведущих террористическую деятельность. В то же время понятно, что чисто статистически риск совершения акта ЯТ наиболее вероятен в государствах, на территории которых, во-первых, существует наибольшая концентрация объектов атомной энергетики (включая военные объекты) и ЯМ, во-вторых, сосредоточено наибольшее количество организаций, ведущих террористическую деятельность, и, в-третьих, против которых террористические организации наиболее интенсивно выступают с публичными угрозами. Таким образом, риск оказывается наиболее серьезным прежде всего для США, в несколько меньшей степени — для Франции, Израиля, Японии, России, Армении, Пакистана, Индии. В региональном плане наиболее уязвимы Северная Америка, Европа, Ближний Восток, Восточная Азия.

Конечно, важен и такой фактор, как уровень физической защиты объектов, подготовленность государственных структур и персонала объектов к противодействию террористическим актам. Проблема ЯТ в странах Запада была осознана в 1970-х гг. К настоящему времени в этих странах сложилась эффективная, эшелонированная система защиты ядерных объектов и материалов, накоплен значительный опыт борьбы с терроризмом.

В России, где до начала 1990-х гг. проявления терроризма практически отсутствовали, работы в этом направлении начались недавно.

Насколько известно, уровень физической защиты ядерных объектов в двух из трех неофициальных ЯОГ — Израиле и Индии — высок. Однако отсутствие международного контроля не позволяет в этом удостовериться. Уровень физической защиты в Пакистане вызывает озабоченность.

Особенно мало информации об уровне физической защиты ядерных объектов на территории КНР (где в перспективе не исключено усиление террористических организаций, выступающих с сепаратистских позиций — прежде всего в Синцзяне и Тибете).

Объектами актов ЯТ на территории отдельных государств с наибольшей вероятностью могут стать правительства этих государств, к которым будет применен ядерный шантаж и будут предъявлены требования, скорее всего, политического характера. Помимо этого, с убывающей степенью вероятности объектами актов ЯТ могут стать:

- отдельные государственные или общественные деятели;
- представители национальных, этнических групп населения;
- представители религиозных групп населения.

Субъекты ядерного терроризма

В мире насчитывается более 500 террористических групп. Значительная часть из них имеет международный характер.

Террористические группы особенно многочисленны в государствах, где имеются множественные этнические и религиозные проблемы (Алжир, Франция, Судан, Израиль, Ливан, Египет, Таджикистан, Грузия) и особенно — где существуют очаги сепаратизма: баскского в Испании (террористическая организация ЭТА), североирландского в Великобритании (ИРА и др.), курдского в Турции, Сирии и Ираке (Рабочая партия Курдистана), тамильского в Шри-Ланке («Тигры освобождения Тамил Илама»), чеченского в России и т.д.

Однако терроризм и сепаратизм не являются синонимами. Террористические организации могут также иметь характер экстремистских политических движений (в Италии, Греции, Перу, Бразилии, Аргентине и др.), религиозных экстремистских сект (в Японии, США, Украине и др.). Особенно опасно, когда террористические группы смыкаются с организованными преступными сообществами (как это имеет место, например, в Колумбии или Чечне) и когда они приобретают международный, транснациональный характер («Рабочая партия Курдистана», «Аум Синрикё», «Аль-Кайда» Усамы бен Ладена, базирующаяся в Афганистане¹⁴ и т.д.).

Степень опасности ядерного терроризма

О возможности ОМУ впервые заговорили в 1960-е гг.: рост терроризма заставил задуматься о том, что же будет, если ядерное оружие станет достоянием не вполне уравновешенного человека. Волна терроризма то нарастала, то спадала, его очаги локализовались в разных местах, но разговоры о возможности терроризма с использованием ОМУ не прекращались. Острота проблемы ОМУ в 1990-е гг. возросла в результате следующих факторов: во-первых, распад Советского Союза (1991) привел к ослаблению контроля за потенциалом ОМУ; во-вторых, с развитием интернета доступ к научно-технической информации о производстве ОМУ стал значительно легче; в-третьих, имел место первый в истории случай относительно масштабного применения ОМУ (боевого отравляющего вещества зарин в токийском метро японской сектой «Аум Синрикё» в 1995 г.).

¹⁴По состоянию на начало 2001 г. эта организация насчитывала от двух до пяти тысяч человек. Ее боевики находились в 20 странах мира (включая Алжир, Россию, Судан, Египет, Сомали, Эфиопию, Филиппины, страны Западной Европы, США) и были способны по приказу активно действовать в 50 государствах.

В то же время, хотя известны многочисленные случаи применения высокотоксичных химикатов в террористических целях, фактов масштабного применения ОМУ, за исключением деятельности «Аум Синрикё», не было зафиксировано до 2001 г. Осенью 2001 г., вскоре после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне, по территории США начали распространяться споры сибирской язвы, преимущественно по почте. Обращает на себя внимание, что это была «оружейная» форма спор, т.е. специально обработанная для нанесения максимального ущерба. Тем не менее в течение первого месяца лишь 18 человек были заражены ею (четверо умерли), но политико-психологический эффект был огромен.

Доступ террористических групп к компонентам ОМУ и соответствующим технологиям является крайне сложной, однако в принципе осуществимой задачей¹⁵.

На исходе XX столетия стало очевидно, что террористические организации постепенно переориентируются в методах своей деятельности, отходят от традиционного терроризма «ограниченного радиуса действия», все настойчивее стремятся к обладанию компонентами ОМУ. По сути, можно говорить о зарождении «супертерроризма»¹⁶.

Основной мотивацией субъектов терроризма остается ненависть к политическим режимам и их лидерам (левоэкстремистский и правоэкстремистский терроризм); однако акцент постепенно смещается в сторону этно-националистического и религиозно-окультного (апокалиптического) терроризма. Эксперты полагают, что религиозный терроризм достигнет своего пика к 2020-2030 гг.

Возможности совершения террористами актов химического, биологического и ядерного терроризма различны.

Наибольший потенциал с точки зрения использования террористами имеет химическое оружие¹⁷ в силу того, что боевые отравляющие вещества имеют следующие свойства:

¹⁵ См.: Кацва М.С. Терроризм ОМУ: шантаж или реальность? *Химическое оружие и проблемы его уничтожения*, №6, осень-зима 1998/1999, с.10, 11.

¹⁶ Термин введен в научный оборот сотрудником СВР России специалистом по проблемам ОМУТ Ю.Н. Мараховским.

¹⁷ Известны неоднократные попытки применения химического оружия террористами. Так, в 1995 г. в метро Йокогамы (Япония) была предпринята попытка применения фосгена. В Южной Корее 10 служащих были доставлены в больницу Сеула после отравления токсическими парами (состав газа не сообщался). В октябре 1996 г. «Голос Америки» со ссылкой на бывшего директора ЦРУ Джеймса Вулси сообщил, что у представителей преступного мира был найден ризин в количестве, достаточном, чтобы убить сотни тысяч людей. *Daily News* в октябре 1996 г. опубликовала выдержку из доклада ФБР, из которого следует, что международный террорист Рамзи Юсеф, находящийся в розыске, имел тщательно подготовленный план покушения на жизнь американского Президента. В качестве одного из вариантов покушения террорист намеревался взорвать головной автомобиль в кортеже Билла Клинтона с последующей химической атакой фосгеном, направленной на лимузин Президента. В беседе с агентами американских спецслужб Рамзи Юсеф утверждал, что знал, как изготовить фосген для этих целей. (Кацва М.С. Цит. соч., с.12.) В конце 1990-х гг. повышенный интерес к химическому оружию проявлял международный террорист Усама бен Ладен.

- они могут обладать экстремальной токсичностью, т.е. количество вещества, требуемое для достижения летального исхода, очень мало (применение отравляющих веществ в 40 раз более эффективно, чем обычных взрывчатых веществ). Определение конкретного отравляющего вещества, использовавшегося при атаке, и источника заражения затруднительно;

- они могут обладать особыми свойствами, обеспечивающими возможность их боевого применения (летучесть, способность быстро проникать через кожу и др.). Отравляющие вещества не определяются традиционными антитеррористическими системами сенсоров;

- некоторые из них пригодны для применения по специально отработанным технологиям, легко трансформируемым для целей терроризма;

- отдельные из них дешевы и просты в изготовлении. Боевые отравляющие вещества могут быть синтезированы небольшой группой специалистов, иногда даже одним квалифицированным специалистом-химиком, в необходимых для теракта количествах на малогабаритной лабораторной установке в обычном вытяжном шкафу. Синтез может быть остановлен на стадии прекурсоров. Методы синтеза неоднократно публиковались в широкой печати. Химическое оружие может быть использовано скрытно, в любых направленно дозируемых масштабах, и способно обеспечить заданное время воздействия на организм. Ни население, ни государственные службы не ждут применения отравляющих веществ и, возможно, не сразу обнаружат их действие. Потери в толпе, находящейся в закрытом помещении, могут измеряться тысячами. Особо эффективным считается возможность использования бинарного химического оружия;

- некоторые из них крайне эффективны для нагнетания паники и страха¹⁸.

Применение террористами биологического оружия следует оценить как несколько менее вероятное, чем химическое, хотя и более вероятное по сравнению с ядерным оружием и радиоактивными материалами¹⁹.

В пользу применения террористами биологического оружия говорят:

- относительная простота приобретения и использования;
- низкая стоимость, возможность скрытого применения, избирательность действия.

¹⁸Каца М.С. Цит. соч., с.12.

¹⁹У террористов будет целый ряд затруднений с применением биологического оружия. Так, биологические организмы размножаются только в определенной среде, а во многих средах моментально погибают — например, в хлорированной воде (а отравление водоснабжения — наиболее вероятное применение биокомпонентов террористами).

Наиболее вероятным является применение биологических агентов типа возбудителей тифа, паратифов, токсинов ботулизма и других в зданиях, оборудованных системами кондиционирования и вентиляции воздуха. Для этих целей могут быть также использованы хранилища питьевой воды, продукты питания и косметические товары²⁰. Выбор авторами теракта осенью 2001 г. сибирской язвы оказался довольно неожиданным именно в силу низкой эффективности этого средства. Данный случай открыл новые стороны такого явления, как ОМУТ.

Известны попытки ЯТ или заявления о намерении совершить акт ЯТ.

В 1975 г. американская компания Union Oil Co. of California получила письмо с требованием 100 тыс. долл., в котором говорилось, что если эти деньги не будут выплачены, на одном из заводов компании будет взорвано спрятанное там ЯВУ.

В 1980-х гг. пуэрториканские сепаратисты угрожали осуществить теракты против ядерных объектов на территории США.

В 1985 г. террористическая группа из США «Армянская научная группировка» угрожала уничтожить крупнейшие города Турции с помощью трех ЯВУ, которые, как утверждали террористы, имеются в их распоряжении²¹.

В 1990-1992 гг. директора Курской и Смоленской АЭС получили письма с угрозами взрывов АЭС (конкретных требований не выдвигалось и никаких действий не последовало).

В 1993 г. один из лидеров чеченских сепаратистов Шамиль Басаев сообщил, что ему «предлагали купить» ЯВУ за полтора миллиона долларов.

²⁰Из известных фактов попыток использования биологических агентов террористами показательны следующие. В 1972 г. в США состоялся суд над двумя террористами по обвинению в заговоре с целью отравления водных запасов Чикаго бактериями брюшного тифа и другими особо опасными микроорганизмами. В 1981 г. из лаборатории в Форд-Детрике (США) исчезло несколько литров вируса Чикунгунья. Этого количества вируса достаточно для заражения всего населения земного шара. Виновные так и не были обнаружены. В 1984 г. Федеральное бюро расследований США арестовало двух граждан канадского происхождения в Буффало, которые под вымышленными именами дважды заказывали культуры бактерий ботулизма и столбняка для получения из «Американской коллекции культур клеток» в количестве, достаточном для заражения населения целого города. Первая попытка получения этих бактерий прошла незамеченной. (Кудакаев А. Обзор современной военно-биологической программы США и интересы России. *Ядерный Контроль*, №27, март 1997, с.23.)

²¹Более подробно об этом: Kellman Barry, Gualtiery David S. Bariicading The Nuclear Window - A Legal Regime To Curtail Nuclear Smuggling. *University of Illinois Law Review*, No.3, 1996; Kupperman R., Trent D. Terrorizim: Threat, Reality, Response. Hoover inst.press. XXIII, 1979; Levantal Paul, Alexander Yonah (Eds.). Preventing Nuclear Terrorism, 1987; Brown Herbert H. Legal Aspects of International Terrorism (Alona E.Evans, John F.Murphy eds.), 1978; Presentation of Tom Blankenship, Deputy Director, Office of Threat Assessment, US Department of Energy, 26-28 January 1993.

В 1994 г. преступная группировка после вынесения судом Литвы смертного приговора одному из ее лидеров угрожала взорвать Игналинскую АЭС (взрывное устройство обнаружено не было).

В 1995 г. во Франции, в ходе волны промышленных протестов, саботажниками была засыпана соль во второй охлаждающий контур третьего энергоблока АЭС Блэйс.

В 1995 г. лидер сербов в Боснии Радован Караджич намеревался приобрести ЯВУ малой мощности.

В 1995 г. чеченскими экстремистами был размещен контейнер с радиоактивным изотопом цезий-137 в Измайловском парке в Москве (серьезной опасности не представлял и являлся средством прежде всего психологического воздействия).

В 1995 г. стало известно, что японская религиозная секта «Аум Синрикё» предполагала изготовить ЯВУ из урана, который она намеревалась добыть в Австралии, и совершить затем акты ЯТ.

В 1997 г. в России была обезврежена группа, намеревавшаяся захватить Курскую АЭС.

Осенью 2001 г. распространились слухи о том, что организация международного террориста Усамы бен Ладена пыталась — или даже смогла — приобрести ВОУ. Правительство Пакистана задержало ряд ученых, работавших в военной ядерной программе этой страны, по подозрению в сотрудничестве с бен Ладеном.

Из вышеприведенных и иных, не вошедших в список, данных ясно, что пока серьезных сведений о готовящихся актах ЯТ не имеется. Анализ существующей информации позволяет сделать следующие выводы о степени угроз ЯТ в ближайшем будущем:

- Крайне маловероятно, что каким-либо террористическим группам удастся самостоятельно, или даже при помощи нанятых физиков-ядерщиков, создать ЯВУ. Вместе с тем специалисты обращают внимание на «плутониевую проблему», которая в начале XXI века встает с особой остротой. Так, ожидается, что к 2010 г. в мире на гражданских реакторах будет наработано 450-500 т плутония. Такой объем материала значительно превосходит потребности государств. В этом контексте риск создания самодельного ЯВУ из реакторного плутония нельзя полностью сбрасывать со счетов.

- Несанкционированный доступ террористических организаций к ядерным боеприпасам также крайне маловероятен. В то же время доступ и хищение ядерных боеприпасов при их транспортировке или разборке не могут быть полностью исключены. Однако даже в этом случае защитные механизмы ядерного боеприпаса делают вероятность его детонации близкой к нулевой²².

- Террористические нападения обычно ставят своей целью достижение «мгновенного драматического эффекта», которого

²²Kamp Karl-Heinz, Pilat Joseph P., Stern Jessica, Falkenrath Richard A. WMD Terrorism: An Exchange. *Survival*, No.4, Vol.40, Winter 1998-1999, p.170.

можно добиться самым наилучшим образом при использовании радиоактивных материалов. Так, нападение небольшой группы легковооруженных террористов на атомную установку или заявление об использовании ядерного оружия или материалов может и не причинить реального ущерба, но психологический эффект, истерия и страх могут быть огромными, и это особенно привлекательно для террористов. Так что число заявлений о намерении захватить ядерный объект или даже заранее обреченных на провал попыток его захватить скорее всего будет возрастать.

- Тщательно подготовленные террористические акты с целью захвата АЭС также нельзя исключать. Одним из наихудших возможных результатов такой террористической акции может стать повторение Чернобыльской трагедии, повлекшей за собой ущерб здоровью и психологические травмы тысяч людей, вывод из оборота сельскохозяйственных угодий, потерю энергоисточника и затраты на ликвидацию последствий аварии. Даже в условиях предотвращения значительного выброса радиоактивности долговременная остановка энергоблока способна вызвать большие экономические и социально-политические потери.

- Вероятным можно считать создание и применение террористическими организациями радиологического оружия, с использованием РАО²³.

В целом следует ожидать, что в то время как число случаев НОЯМ пойдет на убыль, ЯТ может возрасти²⁴.

Защита от ядерного терроризма

Борьба с ЯТ требует усилий по многим направлениям. Важным вкладом, например, является работа правоохранительных и специальных служб по нейтрализации террористических групп. Необходима также система мер по ограничению ущерба и ликвидации последствий возможных ядерных аварий. Однако главный элемент по сдерживанию и пресечению вооруженного нападения на ядерный объект — его система физической защиты.

Ниже будет рассмотрена организация защиты АЭС.

Первый шаг построения системы безопасности АЭС состоит в определении круга и ролей ответственных организаций²⁵.

Выработка требований к системе физической защиты начинается с определения параметров вероятной угрозы. Так

²³См.: Колдобский А.Б. Нейтронная бомба наоборот, или Поговорим о радиационном терроризме. *Ядерная Безопасность*, №11-12, апрель-май 1998, с.10, 11.

²⁴Мараховский Ю.Н. Выступление в Московском центре Карнеги. Сентябрь 1998.

²⁵В России главная ответственность за безопасность АЭС лежит на них самих и их руководящей организации — концерне Росэнергоатом. Работа по обеспечению безопасности ведется при сотрудничестве с правоохранительными органами и контролируется Госатомнадзором.

называемая модель базовой угрозы вырабатывается по результатам анализа террористической, преступной и насильственной антиядерной деятельности внутри страны и за рубежом и включает в себя такие характеристики, как размер террористической группы, используемое оружие и снаряжение, тактика действий и т.д. Модель постоянно пересматривается. Например, в США, после прорыва грузовика на территорию АЭС Три-Майл-Айлэнд (март 1993), Комиссией по ядерному регулированию было принято решение о внесении в модель возможности прорыва начиненных взрывчаткой транспортных средств. Соответственно, меры по защите от такого прорыва были приняты на всех американских АЭС.

Организация физической защиты ядерных объектов предполагает обстановку относительного спокойствия и отсутствие боевых действий. В частности, нападение чеченских боевиков на город Буденновск Ставропольского края (1995) далеко выходит за рамки модели базовой угрозы. Ответственность по защите от атак подобного масштаба лежит не на сотрудниках атомных станций, а на силовых государственных структурах.

Согласно мнению экспертов Лос-Аламосской лаборатории США, не представляет опасности несанкционированный доступ к исследовательским реакторам мощностью до 2 МВт. Ситуация с реакторами большей мощности зависит от типа и конструкции каждой конкретной установки.

Следующим шагом проектирования систем защиты АЭС является анализ ее жизненно важных элементов и возможных путей их поражения. Список критического оборудования, определяемый в тесном взаимодействии с работниками АЭС и специалистами проектных организаций, обычно включает хранилища ОЯТ и критические элементы реакторной установки — центральный зал управления, основные и запасные системы охлаждения (насосы, трубопроводы), системы электроснабжения (распределительные щиты, кабельные магистрали, дизель-генераторы). На этом этапе осуществляется интеграция аспектов технической безопасности реактора и физической защиты. В ходе анализа выявляются возможные маршруты продвижения террористов и соответствующие временные затраты. Время является критическим параметром. Конфигурация системы защиты, ее приборное оформление, требования к силам охраны определяются таким образом, чтобы удержать террористов до подхода основных сил.

Реальная охрана АЭС обеспечивается системой инженерных барьеров, техническими средствами и персоналом охраны. Задача технических систем периметра станций (включающих двойное ограждение, освещение, систему датчиков для обнаружения попытки проникновения и телекамеры) состоит в предоставлении полной и своевременной информации о нападении, на основе

которой организуется оборона и вызывается подкрепление. Критическими факторами являются действия и выучка персонала вооруженной охраны, ее обеспеченность техническими средствами. Без активного противодействия охраны террористам, оснащенным легко доступными, компактными взрывными устройствами и гранатометами типа РПГ-7, может понадобиться всего лишь полторы минуты для проникновения в жизненно важные зоны реактора и разрушения критического оборудования.

Большое внимание следует уделять вопросам нейтрализации возможной помощи террористам со стороны сотрудников станции. Обычными мерами являются проверка благонадежности, контроль потребления алкоголя и наркотиков, защита информации. Должен осуществляться строгий контроль доступа на территорию АЭС и в ее жизненно важные зоны. При входе на территорию станции все сотрудники обязаны пройти через мониторы (типа аэропортовых калиток) обнаружения оружия и взрывчатых веществ.

Организация защиты АЭС зачастую сложнее, чем защита стратегических материалов на объектах ЯТЦ. Это связано с тем, что разрушение жизненных конструкций реактора может быть осуществлено в сроки, существенно меньшие, чем сроки, необходимые для захвата и выноса ЯМ. Кроме того, прорыв террористов к реактору означает полный успех их акции, в то время как при защите ЯМ возможны меры по преследованию преступников и возвращению материала.

Международное сотрудничество по пресечению ядерного терроризма

Совместные действия государств по пресечению ЯТ могут явиться решающим фактором успеха. В рамках такого сотрудничества государствам следует выполнять следующие требования:

- принимать предусмотренные законодательством меры по предотвращению приготовления на их территориях актов ЯТ, включая запрещение незаконной деятельности лиц, групп и организаций, которые поощряют, подстрекают, организуют или участвуют в совершении актов ЯТ либо способствуют сокрытию преступлений, связанных с ЯТ;

- обмениваться информацией в целях предотвращения ЯТ. В условиях зарождения и роста возможностей, в том числе и финансовых, «супертерроризма» антитеррористические действия традиционными политическими методами теряют эффективность, и резко возрастает значимость упреждающего обмена разведывательной информацией. Понятно, что обмен такой информацией должен быть строго конфиденциальным, в том числе и для того, чтобы она не попала в распоряжение террористических организаций;

- сообщать о результатах расследований другим вовлеченным государствам в случае совершения актов ЯТ или задержания преступников, подозреваемых в подготовке таких актов²⁶.

В 1997 г. Россия вынесла на обсуждение ГА ООН проект «Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма». Пока что проект конвенции еще ждет одобрения в ООН. Задачей конвенции, в случае ее подписания, является «игра на упреждение» и создание надежного международно-правового механизма противодействия актам ЯТ, которые могут создать реальную угрозу жизни людей, нанести ущерб международному миру и безопасности. Потребность в новом международно-правовом документе обусловлена тем, что Конвенция 1980 г. о физической защите ядерного материала имеет ряд существенных пробелов в вопросах противодействия терактам с использованием ядерного оружия или материалов (прежде всего на стадии пресечения террористического акта и ликвидации его последствий). Конвенция 1980 г. распространяется в основном на вопросы сохранности «мирного атома» и охватывает лишь одну узкую область механизма борьбы с криминальным использованием ЯМ, а именно область предупреждения «выхода» ядерных компонентов из-под контроля государственных органов. Очевидно, что одного этого документа недостаточно для того, чтобы устранить опасность ЯТ во всех его проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

Бухарин О.А. Проблемы ядерного терроризма. *Ядерный Контроль*, №15, март 1996, с.2-6.

Володин Ю.Г., Илькаев Р.И., Пшакин Г.М., Румянцев А.Н. и др. Организованная преступность + местные элиты = ядерный шантаж? *Ядерный Контроль*, №36, декабрь 1997, с.17-20.

Гуров А.И. Тайна красной ртути. *Коммерческий Вестник*, 1995.

Мэтлок Д. Утечки ядерного оружия и материалов из России: от ненаучной фантастики к научной литературе. *Ядерный Контроль*, №6, ноябрь-декабрь 1998, с.76-84.

Тихонов В. Ракетно-ядерный комплекс России: мобильность кадров и безопасность. Московский центр Карнеги, 2000.

Allison Graham (Ed.) *Avoiding Nuclear Anarchy. Containing the Threat of Loose Russian Nuclear Weapons and Fissile Materials*. L., 1996, pp.20-48.

Bukharin Oleg. *The Threat of Nuclear Terrorism and the Physical Security of Nuclear Installations and Materials in the Former Soviet*

²⁶В российском УК действует статья 205 («терроризм»). В соответствии с изменениями, внесенными в нее в 1999 г., за ЯТ или попытку ЯТ полагается от 10 до 20 лет лишения свободы.

Union. Occasional Paper No.2 Monterey Institute of International Studies, August 1992.

Kamp Karl-Heinz, Pilat Joseph P., Stern Jessica, Falkenrath Richard A. WMD Terrorism: An Exchange. *Survival*, No.4, Vol.40, Winter 1998-1999, pp.168-181.

Laqueur Walter. *The New Terrorism*. Oxford University Press, 1999.

Lifton Robert J. *Destroying the World to Save It*. Metropolitan Books, 1999.

Orlov Vladimir. Preventing the Threat of Nuclear Terrorism: The Case of Russia. *Disarmament Diplomacy*, №20, November 1997, pp.12-17.

Stern Jessica. *The Ultimate Terrorists*. Harvard University Press, 1999.

Sutcliffe William et al. A Perspective on the Dangers of Plutonium. Lawrence Livermore National Laboratory. UCRL-JC-118825. 14 April 1995.

Tucker David. *Skirmishes at the Edge of Empire*. Praeger Publishers, 1997.

ГЛАВА 14. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОГРАММЫ СОДЕЙСТВИЯ ПО СНИЖЕНИЮ УГРОЗЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Существенным элементом международного режима нераспространения ядерного оружия стали международные программы содействия России и ННГ в обеспечении безопасного хранения ЯМ и ядерных объектов, ликвидации ядерных вооружений и экологической безопасности.

Наиболее крупной как по объему ассигнований, так и по охвату областей является американская программа Совместного уменьшения угрозы (СУУ), известная также как программа Нанна-Лугара, по имени двух инициировавших ее сенаторов. Она охватывает целый комплекс мер, касающихся ядерного оружия, включая его перевозку, хранение и учет, а также ликвидацию вооружений в соответствии с Договором СНВ-1.

Программы, осуществляемые другими государствами — европейскими странами и Японией — имеют более ограниченный характер и в основном касаются гражданской ядерной промышленности, переработки ядерных отходов и утилизации ядерных реакторов АПЛ.

Основное внимание в настоящей главе будет уделено именно программе Нанна-Лугара. Следует, однако, иметь в виду, что принципиальные моменты международных программ помощи относятся в равной мере к деятельности всех государств; в силу своей специфики программа СУУ является всего лишь более репрезентативной в плане изучения этого нового аспекта режима нераспространения.

Причины появления международных программ содействия

Международные программы содействия России и ННГ в ядерных делах явились ответом на своеобразный, ранее не встречавшийся вызов стабильности и эффективности режима нераспространения ядерного оружия: временную, возникшую в силу объективных обстоятельств неспособность России и ряда других государств, образовавшихся на территории СССР, в полной мере обеспечить соблюдение своих обязательств по ДНЯО и договорам о сокращении ядерных вооружений. Здесь заключается принципиально новый момент.

В отличие от ранее имевших место прецедентов — преднамеренных нарушениях режима, в данном случае речь шла о трудностях, с которыми Россия и другие государства столкнулись вследствие распада СССР и длительного экономического кризиса. Возник риск «непреднамеренного нарушения», т.е. ситуации, при которой государство временно неспособно в полном объеме

выполнять свои обязательства и вынуждено допускать действия, которые не только противоречат тем или иным соглашениям, но и его собственным интересам. В этой ситуации о санкциях не было и речи, да и с юридической точки зрения все можно было оформить надлежащим образом (например, Россия могла бы просто не вводить в силу Договор СНВ-1). Другое дело, что интересам самой же России отвечало и выполнение СНВ-1, и повышение безопасности в хранении расщепляющихся материалов, и экологически безопасная утилизация отходов. Не хватало лишь средств. При этом интересы России совпадали с интересами всего мирового сообщества.

Соответственно, другие государства были заинтересованы в оказании содействия. В конкретном плане рассматривались шесть категорий задач.

Во-первых, осуществление сокращений, предусмотренных Договором СНВ-1. Эта проблема касалась четырех стран: России, Белоруссии, Казахстана и Украины. В отсутствие достаточного финансирования они просто не могли уложиться в сроки, которые диктовались Договором.

Во-вторых, создание инфраструктуры для экологически безопасной ликвидации вооружений, включая создание объектов для уничтожения ракет, жидкого и твердого топлива, утилизации боеприпасов, ликвидации АПЛ и т.д. В советский период эта инфраструктура была развита недостаточно, и значительную часть соответствующей деятельности пришлось бы проводить экологически «грязными» методами.

В-третьих, безопасное хранение и перевозка ядерных боеприпасов и расщепляющихся материалов, прежде всего пригодных для военного использования. Новые политические и экономические условия, в особенности свобода передвижения, демонополизация внешней торговли и т.д., требовали и новых подходов к обеспечению безопасности. Экономический кризис не позволял быстро решить этот вопрос.

В-четвертых, экологически ответственная утилизация ОЯТ и ядерных реакторов. В Советском Союзе уделялось недостаточно внимания вопросам утилизации отработавших свое материалов и установок, поскольку усилия были сосредоточены на производственных мощностях. Сложилось так, что период широкомасштабной утилизации совпал с временем экономических и политических преобразований и недостатка средств. При этом демократизация сделала невозможными попытки закрыть глаза на экологические проблемы. Напротив, они вышли в число приоритетных для общественности и для государства в целом.

В-пятых, создание системы ЭК в условиях, когда внешняя торговля могла вести негосударственными субъектами и объем перевозок через границу многократно увеличился. Речь шла, в

частности, о необходимости разместить на таможенных оборудовании, позволяющее выявить попытки контрабандной перевозки расщепляющихся материалов.

В-шестых, предотвращение «утечки умов» из ЗАТО Минатома и конверсия предприятий: в условиях свертывания военных ядерных программ и развития рыночных отношений специалисты могли не просто покинуть закрытые города, но и допустить утечку информации, касающейся ядерного оружия.

Во всех случаях Россия и ННГ не снимали с себя главной ответственности за решение этих задач. В конечном счете все они были бы решены. Речь шла об ускорении этих процессов, а также о приведении их в соответствие с требованиями экологической безопасности. Е.П. Маслин, бывший начальник 12-го Главного управления Министерства обороны РФ (ГУМО), отвечающего за работу с ядерными боеприпасами, отмечал, вспоминая положение дел в 1992-1993 гг.: «Специалисты, которые эксплуатировали ядерное оружие, пребывали в некоторой растерянности от резко возросшего объема задач: ядерные боеприпасы чаще, чем когда бы то ни было, приходилось перевозить по всей России — железнодорожным транспортом, на грузовиках. Возрос приток боеприпасов из соседних с Россией государств бывшего СССР. [...] Недоставало защитных устройств, используемых при транспортировании ядерных боеприпасов, технических средств охраны, оборудования для ликвидации аварий и т.д.»¹.

Поэтому применительно к программе Нанна-Лугара, как и к другим международным программам, правильнее говорить о содействии в выполнении задач, а не о помощи. Именно с обоюдной заинтересованностью связана устойчивость программы Нанна-Лугара и аналогичной деятельности других стран по отношению к различного рода кризисам, которые в конце 1990-х гг. потрясали отношения между Россией и Западом.

Создание программы Нанна-Лугара

Начало программы Нанна-Лугара относится к осени 1991 г. После попытки путча 19-21 августа 1991 г. встал вопрос о контроле над ядерным оружием, расположенном на территории СССР, в особенности в Центральной Азии и Закавказье, а конкретно — о концентрации этого оружия на территории России в связи с вероятностью утраты центрального контроля над ним. Вероятность утраты контроля оценивалась в США довольно высоко, хотя следует

¹ Маслин Е.П. Программа совместного уменьшения угрозы и интересы национальной безопасности России. В сб.: Сафранчук И.А. (ред.). Программа совместного уменьшения угрозы: оценки эффективности и перспективы развития. *Научные Записки ПИР-Центра*, №13, январь 2000, с.5.

отметить, что советские военные оценили эту опасность раньше и начали вывод ТЯО из зон этнических конфликтов еще в 1990 г. (см. главу 7).

27 сентября 1991 г. президент США Джордж Буш предложил обсудить возможность сотрудничества в обеспечении надежных и экологически безопасных хранения, транспортировки и разборки ядерных боеприпасов, а также путей повышения физической защиты ядерного оружия.

Важность этих мер возрастала в связи с тем, что Буш одновременно выступил с инициативами относительно снятия с вооружения значительной части ТЯО. Было ясно, что в случае ожидавшегося принятия этого предложения потребности в транспортировке боеприпасов возрастут многократно. Концентрация боеприпасов стратегических носителей на территории России также должна была увеличить нагрузку на соответствующие подразделения Министерства обороны и Министерства путей сообщения. В условиях бурного развития национальных движений, в том числе зачастую радикальных и военизированных, требовалось усилить и охрану объектов, поскольку было трудно полагаться на всеобъемлющий контроль центральных властей.

Ответ президента СССР М.С. Горбачева на инициативы Джорджа Буша не заставил себя долго ждать, и уже 5 октября было обнародовано его заявление, в котором, в частности, выражалась готовность начать предметный диалог с США относительно технологий хранения и транспортировки ядерных вооружений, а также утилизации боеприпасов и повышения ядерной безопасности. Советский Союз также поддержал объявленные США меры в отношении ТЯО, означавшие, что потребности в транспортировке действительно возрастут, хотя и не столь значительно, как ожидали американцы (как отмечалось выше, значительная часть ТЯО была уже ранее выведена на территорию России, а стратегические боеприпасы СССР выводить в тот момент не собирался).

Параллельно эта идея продвигалась в США сенатором-демократом Сэмом Нанном, который, вернувшись из поездки в СССР в конце августа 1991 г., внес законопроект об оказании широкомасштабной помощи СССР, включавшей как содействие в безопасной транспортировке и хранении ядерного оружия, так и помощь в решении социальных нужд Вооруженных сил. Это предложение, однако, не прошло. Несколько позже Сэм Нанн совместно с республиканцем Ричардом Лугаром внес более ограниченный проект, касавшийся содействия СССР в вопросах транспортировки, хранения и ликвидации ядерного оружия, а также предотвращения его возможного распространения. В новом виде проект концентрировался на обеспечении жизнеспособности и устойчивости режима нераспространения ядерного оружия и связанных с ним разоруженческих режимов, которые для целей

закона интерпретировались как национальные интересы США — трактовка, неоднократно подвергавшаяся неточной интерпретации в России, поскольку в данном случае национальный интерес США совпадал с интересами мирового сообщества, включая и саму Россию.

Юридическая и организационная основа программы Нанна-Лугара

Принятый 12 декабря 1991 г. закон «Об уменьшении советской военной угрозы» предусмотрел финансирование для этих целей в размере 400 млн долл. 11 октября 1993 г. этот закон был заменен новым — «Законом о совместном уменьшении угрозы», который стал частью бюджета США на 1994-й финансовый год. В новом законе были более четко детализированы программы помощи и добавлено содействие в ликвидации химического оружия.

В общей сложности с 1992 по 1999 г. на эти цели было ассигновано 1,7 млрд долл., в том числе на содействие России 1,22 млрд долл. На Украину пришлось 521 млн долл., на Казахстан — 172,8 млн, на Белоруссию — 83,5 млн, Грузию — 1,3 млн². Лидирование России имеет очевидные причины: именно здесь находятся все ядерные боезаряды, и у нее наиболее значительные потребности в инфраструктуре ликвидации вооружений и их компонентов. В отношении Белоруссии программа была прекращена в марте 1997 г. в связи с обострением американско-белорусских отношений.

В январе 1999 г. Билл Клинтон выступил с инициативой о Расширенной программе СУУ, целью которой стала активизация работы по таким направлениям, как ядерная безопасность (финансирование демонтажа ядерных боезарядов и безопасного хранения высвобождающихся расщепляющихся материалов), содействие программам занятости российских ученых, ранее участвовавших в военных ядерных программах и т.д. Принятие этой инициативы обосновывалось тем, что в результате финансового кризиса в августе 1998 г. России стало сложнее обеспечивать свою долю финансирования соответствующих программ.

Ассигнования на Расширенную программу СУУ в 2000-м финансовом году составили 888 млн долл., однако на 2001 г. были несколько сокращены — до 873,8 млн долл. (запрос администрации в размере 974 млн долл. был сокращен Конгрессом).

В начале 2001 г. новая администрация во главе с Джорджем Бушем-мл. предприняла широкомасштабную переоценку программы СУУ в ответ на раздававшиеся со стороны консервативных кругов в

² Статистические данные содержатся в интернет-представительстве Агентства по уменьшению угрозы Министерства обороны США: www.dtra.mil.

США, особенно в рядах республиканской партии, обвинения в расточительности, в том числе в слабом контроле за расходованием средств, чрезмерных затратах на управленческие функции (это касалось прежде всего самого же правительства США) и т.д. Можно было слышать заявления и о том, что содействие России должно быть значительно сокращено, поскольку, мол, у нее находятся средства на поддержание и модернизацию ядерного оружия; некоторые были склонны к тому, чтобы обусловить продолжение программ содействия прекращением военно-технического сотрудничества с Ираном и рядом других стран.

Оценка программ содействия осуществлялась на основании их соответствия первоначальным целям, формулируемым как интересы национальной безопасности США, а также критерию «стоимость/эффективность». Однако даже при самом жестком подходе большинство программ содействия были оставлены в силе и лишь несколько подверглись крупным сокращениям. В итоге по сравнению с 2001 г. бюджетный запрос Белого дома на 2002 г. был сокращен сравнительно умеренно — с 873,8 до 773,7 млн долл. (следует, правда, иметь в виду, что запрос администрации Клинтона на 2002 г. составлял 1,2 млрд долл.). Практически сразу же в Конгрессе были предприняты усилия восстановить прежний уровень финансирования, и уже 4 апреля 2001 г. Сенат США принял поправку Уорнера-Доминичи, которая предусматривала увеличение ассигнований на содействие России и ННГ в 2002 г. на 100 млн долл., т.е. до уровня 2001 г.

Следует отметить, что общий уровень ассигнований на программу не отражает масштаба финансирования, который реально достигает стран-получателей. Эта доля варьируется в зависимости от конкретного компонента программы. Хотя официально данные не разглашаются, существуют достаточно надежные неофициальные оценки. Так, для большинства программ Министерства энергетики США (например, повышение физической защиты мест хранения расщепляющихся материалов, утилизация оружейных материалов) доля средств, достигающих России и других стран, составляет, как правило, от 20 до 40%. Для программ Министерства обороны США (ликвидация ракет, ПУ, ТБ и АПЛ, транспортировка боеприпасов, утилизация ракетного горючего) цифра обычно составляет порядка 40%. Наиболее высокий процент характерен для так называемой программы «второй линии защиты» (оборудование для таможенных пунктов) — порядка 70-80%³.

³ Эти данные (за исключением содействия ГТК России) приводятся, например, в: Семин В.В. Программа совместного уменьшения угрозы имеет потенциал дальнейшего развития. В сб.: Сафранчук И.А. (Ред.). Программа совместного уменьшения угрозы: оценки эффективности и перспективы развития. *Научные Записки ПИР-Центра*, №13, январь 2000, с.9.

Программа Нанна-Лугара регулируется двусторонними соглашениями, которые были заключены между США и государствами, образовавшимися на территории бывшего СССР. Российско-американское соглашение было подписано 17 июня 1992 г. сроком на семь лет и продлено 15 июня 1999 г. Соглашение с Белоруссией было подписано 22 октября 1992 г., с Украиной — 25 октября 1993 г., а с Казахстаном — 12 декабря 1993 г.

Российско-американское соглашение 1992 г. было «зонтичным», т.е. конкретная работа по различным направлениям требовала заключения отдельных, исполнительных соглашений между соответствующими ведомствами двух стран; число этих соглашений достигло девяти. Первоначально в тексте соглашения в качестве ответственных ведомств были определены Министерство обороны США и Министерство по атомной энергии РФ. Однако многообразность задач потребовала непосредственного вовлечения ряда других ведомств.

Так, на российской стороне ответственным за работы, связанные с ликвидацией ядерного оружия и его носителей, а также транспортировку и хранение боеприпасов был назначен Госкомитет по оборонным отраслям промышленности (в дальнейшем преобразованный в Миноборонпром); в 1993 г. Госкомоборонпром подписал соответствующее соглашение с Министерством обороны США. После ликвидации Миноборонпрома в 1997 г. эти функции были переданы в Министерство экономики, в то время как непосредственным исполнителем работ стало Российское космическое агентство (с 1999 г. — Российское авиационно-космическое агентство); за часть программ отвечает Министерство обороны (прежде всего по транспортировке и хранению боеприпасов). Минатом продолжает отвечать за вопросы, касающиеся хранения и утилизации расщепляющихся материалов, а в 1998 г. ему также была передана ответственность за ликвидацию ядерных реакторов АПЛ.

С американской стороны к программе Нанна-Лугара было активно подключено Министерство энергетики, которое полностью взяло на себя ответственность за вопросы, касающиеся хранения и утилизации расщепляющихся материалов, а также ряд других аспектов программы; активно участвуют в этой работе напрямую ядерные лаборатории (Сандия, Лос-Аламос, Ливермор и т.д.). Некоторую часть деятельности выполняет государственный департамент США, который, в частности, курирует американское участие в Международном научно-техническом центре (МНТЦ) — организации, которая финансирует гражданские научные работы, осуществляемые российскими техническими специалистами и учеными.

Транспортировка и хранение ядерных боеприпасов

Первой и наиболее неотложной задачей явилось обеспечение перевозки ядерных боеприпасов: наряду с обычной нагрузкой, связанной с обслуживанием и плановой заменой боеголовок, российские военные сначала должны были обеспечить вывод боеголовок тактических носителей в соответствии с инициативами сентября-октября 1991 г., затем — весной 1992 г. — вывод тактических боеголовок из Украины и Казахстана, а в дальнейшем вывод боеголовок стратегических носителей из трех стран (Белоруссии, Казахстана и Украины).

В рамках программы Нанна-Лугара США поставили в Россию 4 520 бронированных чехлов и 150 суперконтейнеров, а также комплекты для переоборудования 117 вагонов для перевозки боеприпасов, из них 15 вагонов для охраны (вагоны производились и переоборудовались в России с использованием американского оборудования и на американские деньги). Были также поставлены пять специальных комплексов быстрого реагирования в случаях аварий или нападения на вагоны с боеприпасами. Поставки по этой программе были завершены, но в ноябре 1999 г. министерства обороны США и России подписали новый контракт, целью которого является обслуживание и ремонт ранее изготовленных вагонов, а также постепенная замена их на 115 новых. Американская помощь была использована также при создании системы непрерывного мониторинга находящихся в пути боеприпасов.

США поставили 26,5 тыс. контейнеров для хранения расщепляющихся материалов, высвобождающихся в результате ликвидации ядерных боеприпасов, а общее количество контейнеров должно достигать 32 тыс. США оказывают содействие в создании системы для оценки мер безопасности и защиты, многоуровневой автоматизированной системы учета и контроля ядерных боезарядов. Работа в последнем направлении продвигается медленно, поскольку все поставляемое оборудование (например, компьютеры) подвергается тщательной комплексной проверке. Речь идет о замене традиционной «бумажной» системы учета на более современную, позволяющую отслеживать боезаряды более «плотно» и в реальном масштабе времени. В соответствии с программой в России должно быть создано 19 объектов, включая три центральных объекта для отслеживания и хранения информации, а также ряд объектов по всей территории страны, которые обеспечат современную систему сопровождения боезарядов; поставка компьютеров и программного обеспечения была завершена в 2001 г., а в 2003 г. вся система должна войти в строй.

США помогли создать Центр подготовки оценки безопасности в Сергиевом Посаде (Московская область), который служит

полигоном и лабораторией для разработки систем обеспечения безопасности, а также учебным центром для персонала, который занят в соответствующей деятельности. Центр открылся осенью 1999 г. Еще раньше США предоставили специальные наборы и оборудование для проверки личного состава на употребление наркотиков и алкоголизм, а также полиграфы (детекторы лжи).

Несколько позже началось усовершенствование физической защиты мест хранения ядерных боеприпасов. Эта проблема связана с тем, что безопасность ядерных объектов в советское время обеспечивалась не только заборами, охраной и системой учета, но также и такими элементами политической системы, как жесткий контроль за пересечением границ, государственная монополия на внешнюю торговлю, некоторые ограничения на передвижение (включая существование обширных запретных зон вокруг чувствительных объектов), значительные возможности служб безопасности и т.д. В новых условиях обеспечение физзащиты надо было переносить непосредственно на границы объектов. США поставили 123 комплекта спецоборудования для мест хранения ядерных боеприпасов, включая системы сигнализации, видеокамеры и т.д. В России системы физической защиты разрабатываются и производятся фирмой «Элерон».

Хранение расщепляющихся материалов на ПО «Маяк»

Уже в ходе переговоров по СНВ-1 стало ясно, что Советский Союз может столкнуться с недостатком мест хранения расщепляющихся материалов, которые будут изъяты из боеприпасов подлежащих ликвидации вооружений. Эта проблема еще более обострилась к началу 1990-х гг. в связи с отсутствием средств, требующихся для строительства такого хранилища. В октябре 1992 г. Россия и США подписали соглашение о проектировании такого хранилища. Пятнадцатимиллионный контракт был выдан корпусу военных инженеров США, проект был завершен американской и российской гражданскими проектными организациями. Именно с этого контракта началась история «Маяка», который стал крупнейшим элементом программ СУУ.

В соответствии с исходными планами новое хранилище, которое стало частью ПО «Маяк», должно вмещать 50 т плутония, изъятого из 12,5 тыс. боеголовок и помещенного в 50 тыс. контейнеров. Расходы по строительству этого комплекса имелось в виду разделить пополам; расходы со стороны США планировались в размере 275 млн долл. Однако после финансового кризиса в России в 1998 г. стало ясно, что российская сторона не в состоянии выполнить ранее взятые на себя обязательства в финансовой части, и по рекомендации Главного счетного управления США

американская сторона взяла на себя полные расходы по проекту, увеличив свой вклад до 413 млн долл. Кроме того, по ходу строительства проект был сокращен, и в настоящее время речь идет о строительстве лишь первой очереди — одного хранилища, рассчитанного на 25 тыс. контейнеров (контейнеры для хранения плутония также поставляются США). Строительство хранилища завершено в 2001 г. (с опозданием на год по сравнению с первоначально намеченными сроками), ввод в эксплуатацию намечен на 2002 г., поскольку требуется завершить установку оборудования и провести испытание всех систем. США в принципе выразили готовность профинансировать сооружение и второго корпуса, стоимость которого оценивается в 229 млн долл.

Следует отметить приверженность США этому проекту на протяжении всех 1990-х гг. (строительные работы начались в 1994 г.). Финансирование продолжалось несмотря на изменения проекта, потребность в увеличении финансирования и т.д. В определенной мере осложняющим фактором проекта стали поставленные США условия относительно «прозрачности» функционирования «Маяка», а именно — контроль за надежностью хранения, неиспользование хранимых материалов в военных целях, а также подтверждение того, что направляемые на хранение материалы изъяты из боеприпасов. Российская сторона согласилась на меры контроля в отношении первых двух пунктов, предоставив США доступ к компьютерной базе данных хранилища и разрешив шесть инспекций в год. Третье условие, однако, удовлетворить не столь легко, поскольку существует риск разглашения секретной информации. Вместе с тем в зависимости от решения этого вопроса американская сторона ставит строительство второй очереди хранилища.

Ликвидация стратегических вооружений

Данное направление программы Нанна-Лугара касается выполнения Россией и другими государствами, образовавшимися на территории СССР, своих обязательств по Договору СНВ-1. При этом между странами существует значительная разница. На Россию приходится наибольший объем работ по ликвидации как носителей, так и боезарядов. Кроме того, для нее ликвидация стратегических вооружений не является одномоментным актом: поскольку Россия сохраняет ядерное оружие, ей в будущем в порядке замены и в процессе дальнейших сокращений придется заниматься этой деятельностью еще много лет; соответственно, требуется создать широкомасштабную постоянную инфраструктуру ликвидации оружия и утилизации ядерных боезарядов, реакторов АПЛ и ракетного топлива. Программа

Нанна-Лугара в этом плане представляет особую ценность, поскольку с ее помощью удастся в сравнительно короткие сроки создать такую инфраструктуру, которая и после будет использована для целей выполнения Договора СНВ-1.

Ценным элементом создаваемой инфраструктуры является экологическая безопасность. В принципе, Россия могла бы достаточно быстро ликвидировать вооружения и своими силами — путем пуска ракет и взрыва шахт, а также частичного демонтажа АПЛ. В силу недостатка средств об экологических мероприятиях, таких, как рекультивация земли после уничтожения шахты или полная утилизация ядерных реакторов, пришлось бы забыть; ликвидация ракет на земле также была бы практически исключена, поскольку ракетное топливо, особенно жидкое, является чрезвычайно ядовитым.

В остальных трех странах ситуация проще, поскольку там ликвидация носителей ядерного оружия представляет собой конечный процесс. Частичным исключением является Украина, которая приняла решение ликвидировать ракеты и ТБ на собственной территории, поэтому там была создана инфраструктура, аналогичная российской, но существенно меньше по масштабам.

В том, что касается Казахстана, ликвидация стратегических вооружений завершена. 104 МБР Р-36М2 (СС-18) были выведены в Россию, 147 ПУ были ликвидированы с помощью США, а земли рекультивированы. Кроме того, США помогли закрыть 178 туннелей для подземных испытаний ядерного оружия.

Из Белоруссии была выведена 81 моноблочная МБР РТ-2ПМ (СС-25) и связанные с ними боеголовки, однако вследствие прекращения финансирования по программе Нанна-Лугара работа по ликвидации позиционных районов этих ракет была остановлена. Кроме того, в Белоруссии осталось 1 000 т жидкого ракетного топлива и 9 000 т окислителя, которые первоначально планировалось ликвидировать с привлечением американских средств.

На Украине были ликвидированы 130 ПУ ракет УР-100Н (СС-19), ликвидация 111 этих ракет также завершена. Кроме того ликвидированы 4 учебные шахты жидкостных ракет различных типов и 13 пунктов управления пуском. Начата ликвидация шахт МБР РТ-23 (СС-24) и ракет соответствующего типа; завершение ликвидации 46 шахт намечено на конец 2001 г. Также ликвидированы 33 ТБ (в том числе все Ту-160) и 342 КРВБ; работы должны быть завершены к концу 2001 г. В связи с достигнутой осенью 1999 г. договоренностью между Россией и Украиной о передаче части ТБ в зачет украинского долга за энергоносители объем работ в этой части сократился.

Вместе с тем топливо, изъятое из жидкостных ракет УР-100Н, пока не ликвидировано в связи с отсутствием необходимого для

этого оборудования; США пока что предоставили 58 контейнеров для его транспортировки и построили хранилище, способное вместить 3 180 т топлива. Работы должны начаться в 2002 г. Ликвидация ракет РТ-23 также задерживается из-за отсутствия объекта, способного обеспечить экологически чистую ликвидацию твердотопливных ракетных двигателей; строительство объекта по нейтрализации топлива должно начаться в 2002 г.

В России ликвидация стратегических вооружений производится в соответствии со специальным соглашением, которое было подписано в августе 1993 г. в развитие «зонтичного» соглашения от 17 июня 1992 г. При этом ликвидация шахт осуществляется российскими организациями самостоятельно с использованием американского оборудования (было поставлено оборудование на 10,5 млн долл. для этой цели и дополнительно на 4 млн долл. для рекультивации земель), в отличие от выполнения аналогичных работ в других государствах бывшего СССР. С учетом этого назвать точные цифры, сколько вооружений было ликвидировано с американской помощью, а сколько Россией самостоятельно, невозможно; по американским оценкам речь идет о 60 шахтах. Предстоит ликвидировать еще 206 шахтных пусковых установок; работы должны быть завершены к концу 2002 г. На аналогичных условиях осуществляется ликвидация ТБ. Их ликвидировано 42 единицы, и к концу 1999 г. эта программа содействия была завершена, а поставленное для нее оборудование передано на другие объекты ликвидации вооружений в России.

Ликвидация стратегических ракет происходит сравнительно медленно, если учитывать утилизацию топлива. Из жидкостных ракет в сравнительно короткие сроки было слито и отправлено на хранение топливо; сами ракеты считаются уничтоженными и более не засчитываются по Договору. США поставили различное оборудование для этих целей, и по американским данным, оно было использовано при уничтожении 258 ракет. Для перевозки жидкого топлива на хранение в ожидании его утилизации (по оценкам, 153 тыс. т) было предоставлено 125 железнодорожных платформ, семь кранов и 670 цистерн. Параллельно американские фирмы «Тиокол» и «Эллайд Сигнал» построили две установки по переработке жидкого топлива в районе Красноярска (1999); после этого процесс ликвидации ракет стал полным, т.е. включает в себя и ликвидацию топлива.

Аналогичным образом дело обстоит с ликвидацией твердотопливных ракет, очередь которых, впрочем, наступила значительно позже, чем жидкостных. Здесь вопрос упирается в создание базы экологически чистой ликвидации твердотопливных ракетных двигателей. При потребности в мощностях по уничтожению 60 двигателей в год, Россия в настоящее время

способна обеспечить ликвидацию лишь 10 двигателей⁴. В советское время была создана опытная установка для выжигания двигателей в Перми, но в 1992 г. работы там были остановлены и возобновлены лишь значительно позже. В конце 1990-х гг. в рамках программы Нанна-Лугара был заключен контракт с американской фирмой «Локхид-Мартин» на строительство промышленного объекта выжигания двигателей, который первоначально предполагалось построить на базе установки в Перми, но затем в силу ряда причин был перенесен в Воткинск, для размещения рядом с существующим заводом по производству твердотопливных ракет. Из-за сильной оппозиции местных экологических движений сооружение объекта на момент написаний настоящей главы еще не было начато.

Медленно развивалась программа утилизации АПЛ. Как и в других случаях, требования Договора СНВ-1 можно было выполнить за счет лишь частичного демонтажа, а именно — ликвидации ПУ БРПЛ. Собственно, эта работа идет своим чередом: по американским оценкам, поставленное в Россию оборудование было использовано при ликвидации 304 ПУ БРПЛ. Намного сложнее вопрос о ликвидации самих АПЛ. Для этих целей США поставили оборудование, а также содействуют созданию технологической базы на судоремонтных заводах «Нерпа» (Мурманская область), «Звездочка» (Архангельская область) и «Звезда» (Приморский край). После финансового кризиса в августе 1998 г. американская сторона взяла на себя также оплату производимых работ, включая зарплату рабочих. Реально работы начали разворачиваться только в самом конце 1990-х гг.

К началу 2001 г. было разделано 17 ПЛАРБ — это единственная категория АПЛ, ликвидацию которой финансируют США, поскольку именно она подпадает под действие Договора СНВ-1. Многоцелевые подводные лодки (которых больше по количеству и ликвидация которых является более неотложной в связи с истечением гарантийных сроков) ликвидируются Россией самостоятельно или с привлечением содействия других государств; попытки привлечь США к финансированию и этого проекта не увенчались успехом. Немалую роль сыграло увеличение ассигнований на эти цели из федерального бюджета РФ — 1,07 млрд руб. в 2000 г. и 1,2 млрд руб. в 2001 г. Несмотря на поздний старт, работы удалось развернуть широким фронтом, и в 2007 г. намечается завершить ликвидацию всех 183 выведенных из боевого состава АПЛ.

Тем не менее не следует недооценивать сложности поставленной задачи. Даже увеличенные ассигнования покрывают

⁴ Лата В.Ф. Программа совместного уменьшения угрозы и будущее ракетных войск стратегического назначения России. В сб.: Сафранчук И.А. (Ред.). Программа совместного уменьшения угрозы: оценки эффективности и перспективы развития. *Научные Записки ПИР-Центра*, №13, январь 2000, с.21.

лишь 50% потребности, и требуется привлечение ежегодно порядка 70-80 млн долл. из-за рубежа. Вопрос об адекватных ассигнованиях в рамках международных программ содействия решается, однако, довольно медленно.

Темпы разделки АПЛ в значительной мере определяются мощностями по утилизации реакторов и радиоактивных материалов. Извлеченные из реакторов урановые стержни отправляются для хранения и переработки на химкомбинат «Маяк» (Челябинская обл.). Масштабы этой работы в последние годы быстро возрастали: если, например, в 1998 г. Мурманская область отправила на «Маяк» только 3 состава с ОЯТ, то в 2000 г. — уже 7, а в 2001 г. — 13; при содействии Норвегии построен дополнительный специальный железнодорожный состав для этих целей. Утилизация самих реакторов пока остается узким местом, прежде всего потому, что требуется обеспечить их длительное хранение (в течение 50-80 лет), но для этого потребуются построить региональные хранилища. В рамках программы СУУ осуществляется строительство комплекса по хранению и переработке твердых радиоактивных отходов на Дальнем Востоке. Для переработки жидких радиоактивных отходов введены в строй два плавучих завода — один в Северодвинске (построен США), а другой в Большом Камне на Дальнем Востоке (в рамках сотрудничества с Японией).

Физическая защита расщепляющихся материалов на объектах Минатома

Этой программой в России охвачено примерно 40 объектов, а также 13 объектов на территории других стран, таких, как Украина, Казахстан, Грузия, Узбекистан. Целью программы ФЗУКЯМ является усовершенствование и модернизация систем обеспечения безопасности объектов, на которых хранятся оружейные расщепляющиеся материалы, а также создание современных систем учета, которые позволили бы заменить традиционную бухгалтерию, в частности, давали бы возможность отслеживать перемещения расщепляющихся материалов почти в реальном масштабе времени. Кроме того, речь идет о создании единого компьютерного центра, в который стекалась бы вся информация о количестве расщепляющихся материалов на каждом объекте.

Работа, однако, идет медленно. С 1993 г. осуществлены наиболее неотложные мероприятия по повышению безопасности мест хранения 650 т ВОУ и плутония, но полномасштабные работы по обеспечению физической защиты проведены лишь в отношении менее 100 т материалов (по американским оценкам); более полутора тонн материалов были переведены с небольших объектов

в централизованные места хранения⁵. С одной стороны, налицо несомненный прогресс, но с другой — по американским же данным, предстоит провести аналогичные работы в отношении еще около 600 т материалов.

Практически полностью завершены работы в двух российских институтах по разработке ядерного оружия — в Сарове (Арзамас-16) и Снежинске (Челябинск-70). Проведенные мероприятия, в частности, включают сооружение современных ограждений вокруг зданий, в которых находятся расщепляющиеся материалы, установку датчиков и видеокамер, оборудование проходных пунктов с целью исключить доступ несанкционированных лиц, а также попытки выноса даже небольших количеств расщепляющихся материалов.

Кроме того, эти два института сами стали центрами разработки и производства оборудования для физической защиты расщепляющихся материалов, что позволяет постепенно перейти с импортного американского оборудования на отечественное. В частности, Снежинск получил контракт на установку систем физзащиты в другом «закрытом городе», Новоуральске. Видимо, можно ожидать, что в дальнейшем программы ФЗУКЯМ могут постепенно перейти на те же принципы, что и американское сотрудничество с ГТК, а именно — что США будут оплачивать оборудование, разработанное и произведенное в России, что позволит повысить эффективность расходования средств. Аналогичным образом, Курчатовский институт (Москва) разработал собственную программу учета и контроля расщепляющихся материалов, которая планируется к внедрению на российских объектах.

В рамках программы Нанна-Лугара были произведены аналогичные работы на трех крупных и 11 небольших гражданских объектах, таких, как, например, Курчатовский институт или НПО «Луч» (Подольск). Кроме того, в 1999 г. на НПО «Луч» начат процесс разбавления ВОУ. Первая партия составила всего 100 кг, но в 2000 г. переработана уже одна тонна урана, а в перспективе еще 8-10 т. Речь идет о том, чтобы содействовать России в ликвидации излишков ВОУ и сокращении количества мест его хранения до оптимальных масштабов.

Министерство энергетики США профинансировало два учебных центра. Один из них находится в Обнинске и предназначен для обучения персонала, задействованного в системах ФЗУКЯМ на различных объектах на территории России. Кроме того, создана программа в Московском инженерно-физическом институте (МИФИ), которая обучает студентов по

⁵ Выступление заместителя министра энергетики США Роуз Гетемюллер на семинаре по устойчивости систем ФЗУКЯМ, проведенном ПИР-Центром и Монтерейским Центром по изучению проблем нераспространения 11 ноября 1999 г. в Москве.

специальности «Нераспространение и безопасность ядерных материалов».

Проблемы, возникающие при сотрудничестве в рамках программы Нанна-Лугара

Естественно, столь необычная программа, как программа Нанна-Лугара, не могла обойтись без возникновения различного рода проблем. Одна из них — эффективность использования выделенных средств — уже упоминалась выше. В частности, российские специалисты неоднократно выражали неудовлетворение чрезмерно высокими, по их мнению, накладными расходами, в том числе многочисленными дорогостоящими поездками, конференциями и т. д., которые отвлекали средства от более практических задач. Кроме того, сначала программа Нанна-Лугара ориентировалась на поставку оборудования, произведенного в США, при том, что оплата работ, осуществляемых с помощью этого оборудования, должна была производиться российской стороной; в ряде случаев поставляемое из США оборудование не полностью удовлетворяло российским условиям и спецификациям.

Во второй половине 1990-х гг. американские подрядчики начали все чаще привлекать российских субподрядчиков, а в ряде случаев становились непосредственными производителями работ (например, разделка АПЛ напрямую оплачивается американцами, включая зарплату рабочих, техников и инженеров, а также управленческого персонала). В результате растущая доля средств расходуется непосредственно в России⁶.

Части эти нововведения стали следствием дипломатических усилий российской стороны, но, помимо этого, изменилась и сама программа. Во второй половине 1990-х гг. она перешла в новое качество в связи с тем, что началась реализация крупномасштабных проектов по созданию инфраструктуры ликвидации и утилизации вооружений и материалов. Здесь, естественно, невозможно обойтись только поставками оборудования.

Кроме того, российские научно-исследовательские институты (НИИ) и конструкторские бюро (КБ) разработали собственные образцы оборудования, которые по ряду параметров зачастую превосходят американские хотя бы уже потому, что лучше отвечают

⁶ Например, при строительстве на Дальнем Востоке объекта по утилизации АПЛ примерно 70% средств пришлось на долю российских производителей (Воскресенский Г. Субмарины ждут переплавки. *Век*, №32, 17-24 августа 2001, с.8). По оценке начальника 12-го ГУМО РФ И.Н. Валинкина, размещение контрактов на оборудование и работы в рамках СУУ позволило сохранить или создать в России около 20 тыс. рабочих мест (Ядерный терроризм: факты и домыслы. *Красная Звезда*, 10 апреля 2000).

специфическим условиям России (характер задач, климат и т.д.). Высокие показатели помощи Государственному таможенному комитету (ГТК) (начавшейся позже всех остальных программ — только в 1998 г.) связаны прежде всего с тем, что для таможенных пунктов закупается оборудование, разработанное и произведенное в России, которое оказалось лучше по качеству, чем зарубежные образцы. Если в начале десятилетия зачастую просто не было альтернативы американскому оборудованию, теперь такая альтернатива есть, и во многих случаях выбор делается в пользу российских разработок. Все это помогает сглаживанию проблем, характерных для начального этапа программы Нанна-Лугара.

Сложной проблемой в течение длительного времени было налогообложение американской помощи, против которого США резко возражали. Эта позиция встречала понимание российской стороны, но ее юридическое оформление оказалось непростым делом, поскольку требовало внесения изменений в законодательство. В мае 1999 г. вступил в силу Закон «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации», который позволил решить основные проблемы.

С американской стороны регулярно поднимается вопрос доступа на разного рода объекты или здания внутри объектов. США аргументируют это требование необходимостью удостовериться в том, что поставленное или оплаченное оборудование использовано по назначению. В общем, каждая сторона, естественно, имеет свои правила и процедуры контроля за расходованием средств, но во многих случаях речь идет об объектах, на которые посторонние, а тем более иностранцы, не могут допускаться по требованиям секретности. Российский ядерный, в том числе военный, комплекс и так открыт значительно больше, чем любой другой, в том числе американский. В частности, из-за разногласий этого рода до сих пор не начаты работы по усовершенствованию ФЗУКЯМ на предприятиях по производству расщепляющихся материалов. Противоречия этого рода не могут быть полностью разрешены, но позитивным является тот факт, что в большинстве случаев они не являются препятствием, и как минимум позволяют России сосредоточить собственные ресурсы на тех объектах, где не могут быть задействованы американские деньги.

Крупным недостатком программы СУУ, с российской точки зрения, которая разделяется большинством независимых американских специалистов, является отказ от финансирования социальных программ Вооруженных сил, таких, как строительство

жилья для увольняемых в запас военнослужащих, их переподготовка и социальная адаптация, а также конверсия закрываемых военных объектов. Потребности в этой сфере на ближайшие годы оцениваются примерно в три миллиарда долларов. Нежелание участвовать в решении этих проблем тем более труднообъяснимо, что увольняемые специалисты представляют собой существенный риск с точки зрения нераспространения, поскольку их знаниями и опытом могут воспользоваться другие страны; эта проблема в какой-то мере решается в отношении ученых (см. ниже), но не отставных военных. Тот факт, что ушедшие в отставку офицеры вынуждены продолжать жить на военных объектах, также представляет риск, поскольку они частично сохраняют доступ к чувствительной инфраструктуре. Важность этих проблем была косвенно признана самими США, которые на первом этапе осуществления программы СУУ на Украине обеспечили строительство жилья для офицеров-ракетчиков; в России же соответствующие заявки неизменно наталкиваются на отказ.

При анализе программы Нанна-Лугара следует учитывать, что разрыв между желаемым и возможным, который порождает разногласия и неудовлетворение, неизбежен. Важно, однако, что работа идет и ее результаты ощутимы и значительны. По оценкам российских военных, американская помощь составляет примерно треть от всех расходов в России на соответствующую деятельность. Это немало. В результате многие из тех задач, которые Россия должна была бы решать в любом случае, удается решить быстрее. Естественно, что никто не снимает с России ответственности за выполнение соглашений по разоружению и эффективное соблюдение режима нераспространения ядерного оружия, да Россия и сама не снимает с себя эту ответственность. Речь, как подчеркивалось в начале настоящей главы, идет о временном содействии на этапе, когда России самой было бы сложно сделать все, что требуется. Вне всякого сомнения, программа Нанна-Лугара не является вечной: она первоначально планировалась до 2000 г., но целый ряд уже выполняемых программ продлен до 2007 г. В какой-то момент США, естественно, прекратят выделение помощи, но тогда уже Россия сама сможет взять на себя обеспечение всей необходимой деятельности.

Соглашение по ВОУ-НОУ

Видное место в программах международного содействия России в вопросах нераспространения заняла утилизация оружейных расщепляющихся материалов, которые высвобождаются вследствие сокращения арсеналов ядерного оружия и пересмотра планов его

производства. В 1997 г. Россия объявила, что излишки составляют 500 т ВОУ и до 50 т плутония⁷.

В 1993 г. было подписано российско-американское соглашение по ВОУ-НОУ (известное также как «мегатонны в мегаватты»), в соответствии с которым изъятый из ядерных боезарядов уран разобогатывается в России и затем НОУ поставляется в США, где Обоганительная корпорация США (United States Enrichment Corporation, USEC) перерабатывает его в топливо для ядерных реакторов и реализует на открытом рынке. Объем соглашения составил 500 т ВОУ, стоимость — восемь миллиардов долларов⁸, а срок реализации 20 лет. Россия в соответствии с этим соглашением должна получать компенсацию от США в двух видах: во-первых, денежные платежи в размере двух третей стоимости НОУ, а во-вторых, поставки гексафторида урана (UF₆), так называемой «природной составляющей», которая образуется после переработки НОУ в топливо с целью компенсировать природный уран, использованный при разобогащении ВОУ; «природная составляющая» может быть затем реализована на свободном рынке.

Поставки начались в 1995 г. в нарастающих объемах, достигнув к концу 2000 г. эквивалента почти 125 т ВОУ (на сумму два миллиарда долларов). По плану поставки должны быть эквивалентны 30 т ВОУ в год, что было бы достаточно для производства более тысячи ядерных боезарядов.

Выполнение контракта, однако, столкнулось со значительными трудностями, вплоть до того, что в апреле-июне 1997 г. поставки были прекращены; эта угроза возникала и в дальнейшем. В 1998 г. Б.Н. Ельцин даже уведомил Билла Клинтона о намерении прекратить осуществление контракта. В связи с этим план не был выдержан, но в 2002-2004 гг. Обоганительная корпорация США (ОК США) согласилась закупить дополнительные количества НОУ с целью компенсировать отставание.

Причиной стала приватизация ОК США, которая началась практически одновременно с началом осуществления контракта и была завершена летом 1998 г. В результате приватизации ОК США превратилась в конкурента Минатома РФ, в то время как должна была продолжать выполнение контракта. Объем поставок из России достаточен, чтобы сбить цены на американском и мировом рынках; цены упали настолько, что ожидаемые от контракта по ВОУ-НОУ прибыли сократились до минимума. Кроме того, корпорация снизила потребление «природной составляющей» в собственной деятельности (предполагалось использовать часть принадлежащей России «природной составляющей» в процессе обогащения урана,

⁷ Послание Президента РФ 41-й сессии Генеральной конференции МАГАТЭ. 26 сентября 1997.

⁸ Первоначально общая стоимость поставляемых материалов оценивалась в 12 млрд долл.

однако эта многолетняя практика была прекращена с целью снизить себестоимость получаемого урана). При этом Россия не имела возможности и забирать назад «природную составляющую», поскольку по законам США поставки урана в страны, с которыми у США отсутствует специальное соглашение, запрещены. Минатом столкнулся с необходимостью искать покупателей для товара, который был складирован в США.

В ходе почти непрерывных переговоров правительство США должно было пойти на субсидирование ОК США, хотя первоначально предполагалось, что доходы от реализации поставляемых из России материалов полностью покроют расходы. Возникшие проблемы были урегулированы к концу 1999 г. (1 декабря 1999 г. ОК США объявила, что продолжит выполнение контракта). Несмотря на немалые трудности и конфликты, бывший министр по атомной энергии В.Н. Михайлов (на долю которого выпала львиная часть конфликтов и переговоров), назвал соглашение по ВОУ-НОУ «контрактом века», важность которого не могут принизить развернувшиеся вокруг него ожесточенные схватки⁹. Именно поэтому правительство США стремилось к разрешению возникавших кризисов, а Минатом не вышел из соглашения и также настойчиво искал взаимоприемлемые решения. В 2001 г. ОК США подписала с Техснабэкспортом, который является исполнительным агентом, представляющим правительство РФ, новый контракт на заключительный тринадцатилетний период действия соглашения. Новый контракт позволяет урегулировать конфликт вокруг цены, которая будет в большей мере привязана к рыночной.

Утилизация плутония

В ходе российско-американской встречи на высшем уровне в Москве в сентябре 1998 г. Б.Н. Ельцин и Билл Клинтон договорились об утилизации по 50 т плутония с каждой стороны и о начале переговоров относительно конкретных мер по осуществлению этого решения. Переговоры были завершены в 2000 г., что было отражено в Заявлении об утилизации оружейного плутония и сотрудничестве в этой области, принятом на встрече на высшем уровне в Москве в июне 2000 г.¹⁰ 1 сентября 2000 г. между Россией и США было подписано Соглашение об утилизации плутония, заявленного как

⁹ Михайлов В.Н. Минатом и международное сотрудничество. *Ядерный Контроль*, №2, март-апрель 1999, с.63.

¹⁰ Совместное заявление Президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки В.В. Путина и Билла Клинтона об обращении с оружейным плутонием, заявленным, как не являющийся более необходимым для целей обороны, и его утилизации и о сотрудничестве в этой области. Пресс-служба Президента РФ, 4 июня 2000.

плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращении с ним и сотрудничестве в этой области¹¹.

Речь в соглашении, однако, шла только о 34 т плутония с каждой стороны: США снизили первоначальную оценку избыточного урана, в то время как Россия не была готова договариваться о неравных количествах. Соглашение предусматривает преобразование оружейного плутония в формы, непригодные для ядерного оружия, путем использования его в качестве топлива в ядерных реакторах или перевода в иммобилизованные формы, пригодные для геологического захоронения; работа должна проводиться под контролем МАГАТЭ. В России все 34 т предполагается использовать в реакторах, а США планируют использовать 25,5 т в качестве топлива, а 8,5 т будет иммобилизовано. Соглашение также предусмотрело создание соответствующих производственных мощностей (в частности, потребуется модифицировать имеющиеся реакторы ВВЭР-1000 и БН-600 для использования МОКС-топлива), которые должны вступить в строй в 2007 г. и быть в состоянии перерабатывать по две тонны плутония в год. Стоимость американской программы оценивается в 4 млрд долл. за 20 лет, а российской — в 1,7 млрд долл.; в 1999 г. США и Япония уже выделили по 200 млн долл., которые в основном были израсходованы на исследовательские работы и на изучение вариантов иммобилизации¹². Соглашение, однако, содержит положения, позволяющие не начинать строительство и модификацию установок, пока не будет создан необходимый международный фонд для обеспечения утилизации с темпом две тонны в год.

Наряду с этим Россия и США рассматривают варианты, которые позволили бы закрыть или переоборудовать три реактора, до сих пор нарабатывающие энергетический плутоний. В мае 1995 г. Россия и США заявили, что прекращают производство расщепляющихся материалов для целей оружия, однако три реактора (два в Северске и один в Железногорске) продолжали работать, производя по 1,5 т плутония в год, поскольку от них зависит электроснабжение целых регионов. С учетом этого, в 1997 г. была достигнута договоренность о переоборудовании этих реакторов под другой топливный цикл. Первоначально предполагалось, что каждая из сторон сделает равный взнос на эти цели по 80 млн долл., однако после финансового кризиса в августе 1998 г. российская сторона проинформировала американскую, что не в состоянии обеспечить свой взнос; тем временем возросла и оценочная стоимость проекта, составившая 300 млн долл. США тем не менее согласились рассмотреть этот вариант. Сдвинулись и

¹¹Пресс-служба Правительства РФ. 2 сентября 2000.

¹²The White House Office of Press Secretary, Fact Sheet. 4 June 2000; Bunn Matthew. The Next Wave: Urgently Needed New Steps to Control Warheads and Fissile Material. Washington, Carnegie Endowment for International Peace and Harvard University, 2000, p.72.

предполагаемые сроки завершения работ: с первоначально планировавшегося 2000 г. до 2003-2004 гг. Однако в начале 2000 г. Минатом заявил о намерении рассмотреть другие варианты достижения такого же результата, включая строительство электростанций, которые работали бы не на ядерном топливе.

Наконец, США предложили рассмотреть возможность прекращения переработки ОЯТ на установке РТ-1 («Маяк»), на которой выделяется порядка тонны плутония в год¹³, выразив готовность профинансировать в определенной мере захоронение ОЯТ в случае, если Россия откажется от деятельности по переработке и прекратит ядерное сотрудничество с Ираном.

Обеспечение занятости ученых ядерного комплекса

Значительное внимание в программах содействия уделяется вопросу обеспечения ученых, занятых в ядерном комплексе России, работой в условиях, когда финансирование комплекса было сокращено. Выступая 31 марта 2000 г. в Снежинске, одном из ЗАТО Минатома, В.В. Путин подчеркнул как необходимость сокращения ядерного комплекса, так и то, что проводить эту работу следует с осторожностью и здравым смыслом: «Говоря о реструктуризации, я, естественно, не говорю о механическом сокращении работающих. Да и вообще, это не самоцель — сокращение работающих. Это был бы самый легкий, но и самый опасный путь [...] Особенно для закрытых административно-территориальных образований это опасно, где, как правило, и расположены комплексы, где для людей просто нет другой работы. И потому сегодня, на новом этапе развития нам нужна другая, хорошо продуманная и разумная конверсия с учетом всех экономических и социальных последствий»¹⁴.

По данным Минатома, сокращение кадров коснется примерно 50 тыс. человек, и с учетом необходимости занять их процесс сокращений может растянуться на 10 лет. Международные программы содействия способны помочь в решении этой задачи. Так, считается, что при оказании содействия в необходимом объеме сокращение и реструктуризацию можно уложить в пятилетний срок. Внимание США и других стран к этой проблеме определяется опасениями, что потерявшие зарплату и работу ученые могут эмигрировать и принять участие в незаконных ядерных программах.

Деятельность в этом направлении включает три крупных проекта. Один из них — МНТЦ — является многосторонним и

¹³ Ibid., p.53.

¹⁴ Выступление и.о. Президента В.В. Путина на заседании расширенной Коллегии Министерства Российской Федерации по атомной энергии. Снежинск, 31 марта 2000.

будет рассмотрен ниже. Два других осуществляются на двусторонней американско-российской основе.

Программа Инициативы по предотвращению распространения была запущена в 1994 г. Ее целью является коммерциализация имеющихся оборонных технологий для использования на открытом рынке. Каждая из избранных технологий проходит три этапа: сначала российские и американские лаборатории и институты проводят необходимые исследования, затем к работе подключаются иностранные (преимущественно американские) фирмы, которые берут на себя часть расходов (на первом этапе расходы несут лаборатории США), а в дальнейшем работа осуществляется с участием только российских ученых и иностранных частных фирм. За первые пять лет программа Инициативы по предотвращению распространения израсходовала около 160 млн долл. на поддержку 511 разработок, из них 81 (на 21 млн долл.) в «закрытых городах» Минатома. В проектах было занято более восьми тысяч ученых. 70% проектов относились к ядерному сектору, остальные — к химическому и биологическому.

Программа Инициативы по предотвращению распространения вызвала довольно серьезную критику в связи с традиционными для других программ содействия недостатками. Так, отмечалось, что значительная часть средств была израсходована в американских лабораториях, а не на цели программы, что менеджмент Министерства энергетики США недостаточно эффективен, а также что ассигнованные США средства облагаются налогами в России. Существенная критика была связана с тем, что коммерциализация технологий проходит медленно и успехи сравнительно невелики¹⁵.

В ответ на эту — во многом обоснованную — критику, Министерство энергетики США осуществило ряд изменений в программе. Так, было принято решение, что не менее 50% всех ассигнований должны тратиться в России и других ННГ (до этого львиная доля приходилась на американские ядерные лаборатории). Кроме того, повышенное внимание было уделено доведению начатых проектов до уровня коммерциализации, т.е. передачи в производство. В 2000 и 2001 гг. на это пошли практически все ассигнования.

Около 20 проектов уже удалось довести до стадии, когда разработки переданы частным фирмам для внедрения; на подходе к этой стадии еще значительное число проектов. При оценке программ такого рода следует учитывать, что получение коммерческой отдачи от оборонных НИОКР занимает немало времени, поэтому ожидать немедленного эффекта было бы преждевременно.

¹⁵См. специальный доклад Главного счетного управления США. General Accounting Office, Nuclear Nonproliferation: Concerns with DOE's Efforts to Reduce the Risks Posed by Russia's Unemployed Weapons Scientists, GAO/RCED-99-54, Washington, February 1999.

Таблица. Закрытые административно-территориальные образования Минатома

Название	Основные функции
Саров (Арзамас-16)	Разработка ядерных боеприпасов, серийное производство ядерных боеприпасов
Снежинск (Челябинск-70)	Разработка ядерных боеприпасов
Лесной (Свердловск-45)	Серийное производство ядерных боеприпасов
Трехгорный (Златоуст-36)	Серийное производство ядерных боеприпасов
Заречный (Пенза-19)	Серийное производство ядерных боеприпасов
Озерск (Челябинск-65)	Производство плутония, трития, деталей ядерных боеприпасов (ВОУ, плутоний, тритий)
Северск (Томск-7)	Производство плутония, производство деталей ядерных боеприпасов (ВОУ, плутоний), производство ВОУ
Железногорск (Красноярск-26)	Производство плутония
Зеленогорск (Красноярск-45)	Производство ВОУ
Новоуральск (Свердловск-44)	Производство ВОУ

Источник: Подвиг П.Л. (ред.). Стратегическое ядерное вооружение России. М., ИздАТ, 1998, с.88.

С 1998 г. США приступили к осуществлению новой программы под названием «Инициатива ядерных городов», целью которой является диверсификация экономики ЗАТО Минатома.

В ее рамках предполагалось содействовать созданию в ЗАТО гражданского производства, которое оттянуло бы на себя высвобождаемых в процессе сокращения военных программ и сокращения ядерного комплекса сотрудников оборонных предприятий. Программа начала действовать в трех городах — Сарове, Снежинске и Железногорске, которые рассматривались как «пилотный» проект, после чего имелось в виду распространить ее и на другие ЗАТО. В рамках этой программы в Сарове и Снежинске были созданы компьютерные центры, позволяющие выполнять работу по контракту с внешними заказчиками, созданы городские центры развития бизнеса, осуществляется обучение менеджменту, написанию заявок на гранты и т.д. Министерство энергетики США договорилось с Европейским банком реконструкции и развития о предоставлении доступа для «закрытых городов» к его 300-миллионной программе поддержки малого бизнеса.

При том, что в рамках этой программы удалось добиться некоторых успехов, они оказались довольно скромными. Для этого есть ряд объективных причин как финансово-технического, так и более фундаментального характера.

Прежде всего, от программ такого рода трудно ожидать отдачи в короткие сроки и в значительных масштабах. Аналогичная программа конверсии американских ядерных лабораторий заняла

годы, потребовала значительных расходов и имела лишь ограниченный успех. По оценкам Министерства энергетики США, для обеспечения занятости заявленных Минатомом РФ 50 тыс. высвобождаемых работников потребуется более 500 млн долл. на пятилетний период, в течение которого должны быть созданы гражданские предприятия, способные их занять. Однако после выделения в первый год (1999) существования программы запрошенных администрацией Клинтона 15 млн долл. ассигнования резко сократились — в 2000 г. Конгресс выделил вместо запрошенных 30 лишь 7,5 млн долл. Правда, в 2001 г. запрос был вновь удовлетворен полностью — 27,5 млн долл.

Некоторые сложности создают и различия в подходах США и России к этому вопросу. ЗАТО должны остаться закрытыми образованиями, в которых будет осуществляться деятельность в интересах оборонного комплекса. Это автоматически накладывает определенные ограничения на свободу деятельности на их территории как американских государственных учреждений, так и потенциальных инвесторов. С американской же точки зрения осуществление программы должно сопровождаться большей прозрачностью ЗАТО, что позволило бы контролировать расходование средств. Дело еще больше осложняется тем, что Конгресс США категорически отказывается финансировать оборонные предприятия даже в части чисто гражданской, конверсионной деятельности — создавать можно только новые, чисто гражданские предприятия, что и сложнее, и требует больше времени и расходов, и не дает возможности занять значительное число работников.

Определенная часть вины лежит и на самом Министерстве энергетики США, которое недостаточно четко спланировало программу, и критика со стороны Конгресса в 1999 г. была во многом обоснованной. Именно после того как были внесены коррективы, финансирование было вновь увеличено. Администрация во главе с Джорджем Бушем-мл. подвергла «Инициативу ядерных городов» серьезной критике, в основном по тем же направлениям: низкая отдача и значительные сроки при довольно крупных расходах. В итоге запрос на 2002 бюджетный год сократился до 6,6 млн долл., необходимых для оплаты по ранее взятым обязательствам.

Другие программы содействия в ядерной области

Как указывалось выше, программы содействия России осуществляются не только США. Целый ряд стран индивидуально и коллективно ведут собственные программы, которые в основном сосредоточены в гражданской сфере и нацелены на повышение безопасности и модернизацию ядерной энергетики, а также

утилизацию АПЛ и РАО; в некоторых случаях эти программы касаются и военного атома. Ниже приводится краткая характеристика наиболее крупных программ этого рода.

Европейский Союз

Наиболее крупной коллективной программой, осуществляемой в рамках ЕС, является программа Технического содействия странам СНГ (ТАСИС), которая была начата в 1991 г. выделением 54 млн ЭКЮ на повышение уровня безопасности АЭС. В следующем году ЕС выделил 80 млн ЭКЮ на эти же цели странам бывшего СССР, в том числе 32 млн России и Украине. Проекты осуществлялись на шести АЭС — Кольской, Калининской, Белоярской, Смоленской, Балаковской и Ленинградской (в Сосновом Бору). В частности, осуществлены работы по совершенствованию систем безопасности станций, обращению с РАО, действиям в чрезвычайных ситуациях, повышению квалификации личного состава и т.д. ТАСИС профинансировала модернизацию первого и второго блоков на Ленинградской АЭС. В 1997 г. Росэнергоатому было предоставлено дополнительно 24 млн долл. на повышение безопасности российских АЭС. Кроме того, в рамках отдельной программы ТАСИС были созданы два информационных ядерных центра в Балаково и в Санкт-Петербурге.

Программа ТАСИС столкнулась с проблемами, весьма похожими на те, которыми характеризуется программа Нанна-Лугара, хотя европейцы проявили более высокую степень решительности и откровенности в оценке собственных недостатков. Так, аудит программы, проведенный в 1998 г., показал, что из общей суммы в 350 млн долл. только 104 млн достигли России. При этом значительные суммы были израсходованы на малоприменимые исследования экспертов, а также на командировочные чиновников. В результате начиная с 2000 г. программа переориентирована на более широкий круг целей, включая торговлю и инвестиции, а также демократизацию; при этом возрастает объем программы — четыре миллиарда долларов на период 2000-2006 гг. Вместе с тем сохраняется в качестве важного компонента повышение уровня ядерной безопасности АЭС, физической защиты, а также утилизации РАО и иные связанные с этим проекты. Совершенствование ядерных реакторов сохраняется в качестве одной из целей, но ассигнования на эти цели более не являются «автоматическими», а выделяются под конкретные проекты по мере надобности.

В 2001 г. было подготовлено соглашение между Россией и Европейским сообществом по атомной энергии о сотрудничестве в области ядерной безопасности. Это соглашение предусматривает

взаимодействие по таким направлениям, как безопасность реакторов, радиационная защита, обращение с радиоактивными отходами, вывод из эксплуатации ядерных установок и т.д.¹⁶

Международный научно-технический центр

МНТЦ был создан по выдвинутой в 1991 г. инициативе германского и американского глав внешнеполитических ведомств Ганса-Дитриха Геншера и Джеймса Бейкера, которые выразили обеспокоенность возможностью «утечки умов» из СССР и связанной с этим вероятностью распространения технологий ОМУ и средств его доставки. В 1992 г. их идея была обсуждена Б.Н. Ельциным и Джорджем Бушем, которые поддержали это предложение, и в течение короткого срока к нему присоединились ЕС и Япония.

В соответствии с подписанным в ноябре 1992 г. специальным соглашением целью МНТЦ является финансирование исследовательских и научно-технических проектов, выполняемых преимущественно учеными и институтами, которые заняты в военной сфере. МНТЦ начал функционировать весной 1994 г.

Первоначальными партнерами МНТЦ стали США (взнос 25 млн долл.), ЕС (20 млн ЭКЮ), Япония (17 млн долл.) и Россия (взнос в форме штаб-квартиры Центра). За время работы Центра к нему присоединились Финляндия, Швеция, Норвегия и Южная Корея, а также ряд государств СНГ. Представитель России является одним из заместителей исполнительного директора МНТЦ. Центр также имеет отделения в Минске и Алма-Ате; в Киеве существует собственный, независимый от московского аналогичный центр.

МНТЦ рассматривает поступающие в него предложения от ученых и научных коллективов и принимает решение о том, какие исследовательские проекты заслуживают финансирования. Уже на первый конкурс поступило так много заслуживающих внимания проектов, что первоначальные взносы были израсходованы всего за девять месяцев. Первые 100 проектов касались новых источников энергии, управляемой ядерной реакции, безопасности ядерных реакторов, радиоактивного заражения окружающей среды, медицины, электроники, авиакосмических технологий и т.д.

По подсчетам первого исполнительного директора МНТЦ Гленна Швайцера, в России было 60 тыс. ученых, представлявших риск с точки зрения распространения ОМУ, а из них 25 тыс. представляли наибольшую опасность, если бы они решили «продать» свои знания другим государствам. Именно на их работах и было сосредоточено внимание МНТЦ, профинансировавшего к 2001 г. 1250 проектов, в

¹⁶Пресс-центр Правительства РФ, 23 мая 2001.

которых были задействованы ученые и инженеры, представлявшие 300 научных организаций. Общий объем финансирования составил около 335 млн долл. Финансирование МНТЦ продолжается; в частности, США запланировали до 2003 г. выделить 90 млн долл. на функционирование Центра, а в целом в 2001 г. было утверждено 670 новых проектов на сумму около 13 млн долл. В среднем, финансирование по различным областям следующее: 25% — окружающая среда, 18% — ядерные реакторы, 12% — физика, 11% — материаловедение, 8% — биотехнология, 7% — космос, авиация и наземный транспорт.

МНТЦ является одной из наиболее эффективных программ с точки зрения расходования средств: подавляющая часть денег, выделяемых странами-донорами, идет на финансирование научно-исследовательских проектов. Тем не менее его работа не была свободна от критики: по оценке Главного счетного управления США, занятые в проектах МНТЦ ученые не порвали связей с НИИ, которые участвуют в разработке военных тем. Несмотря на эту критику, и США, и другие западные страны продолжают поддержку МНТЦ, хотя США, в отличие от других западных стран, приняли решение не финансировать проекты институтов и организаций, входящих в систему Минатома; остальные страны-доноры подобных ограничений не вводили.

Национальные программы

В дополнение к взносам на коллективные программы ряд стран осуществляют индивидуальные программы содействия на двусторонней с Россией основе.

Так, *Великобритания* профинансировала в начале 1990-х гг. ряд семинаров для российских специалистов по вопросам ядерной безопасности и физической защиты, а также поставила компьютеры, программное обеспечение и другое оборудование Госатомнадзору с целью совершенствования информационного обеспечения системы учета и контроля расщепляющихся материалов. Параллельно с программой Нанна-Лугара Министерству обороны РФ было поставлено 150 суперконтейнеров для перевозки ядерных боезарядов (поставки завершены в 1997 г.). Кроме того, Великобритания участвует в строительстве и обеспечении физической защиты хранилища расщепляющихся материалов «Маяк». В 1999 г. Великобритания распространила свою деятельность на вопросы утилизации и хранения РАО со снятых с вооружения АПЛ, ассигновав на эти цели 4,3 млн долл.

Франция также принимает активное участие в рамках специального двустороннего соглашения с целью повышения уровня безопасности и надежности ядерных реакторов, а также в

деятельности по укреплению и развитию системы учета расщепляющихся материалов.

Германия принимала активное участие в совершенствовании системы атомного надзора, главным образом путем предоставления необходимого оборудования, а также повышения уровня физической защиты расщепляющихся материалов. Эта деятельность осуществлялась в партнерстве как с Госатомнадзором, так и с Росэнергоатомом, а также непосредственно на ряде АЭС.

Япония построила по предоставленным Россией спецификациям десятки тысяч контейнеров для хранения плутония, а также предоставила оборудование для повышения безопасности транспортировки расщепляющихся материалов. Проводились работы по обучению персонала АЭС действиям в условиях кризисных ситуаций и аварий, а также по созданию специальной системы по детектированию утечек воды из контуров охлаждения ядерных реакторов. Однако сферой наиболее пристального внимания стала утилизация ЖРО на Дальнем Востоке. В рамках этого направления Япония предоставила технологию и профинансировала строительство плавучей установки по переработке ЖРО «Ландыш» (1998), которая должна быть способна перерабатывать до семи тысяч кубометров ЖРО в год. В 1999 г. Япония приступила к новому проекту на двусторонней с Россией основе по удалению ОЯТ со снимаемых с вооружения многоцелевых АПЛ; этот проект должен охватить 50 таких АПЛ.

Нидерланды, помимо участия в многосторонних программах, выделили средства на создание инфраструктуры физической защиты вокруг предприятий, на которых осуществляется демонтаж ядерных боезарядов. На эти цели было ассигновано 25 млн гюльденов (более 14 млн долл.).

Норвегия сосредоточила свое внимание на повышении радиационной безопасности прилегающих к ней регионов и акваторий России. Так, она участвовала в повышении безопасности функционирования Кольской АЭС, а также в очистке атмосферных выбросов никелевого производства. Несколько позже началось участие Норвегии в более масштабных проектах, которые в настоящее время сосредоточиваются в следующих областях: строительство судна для безопасного удаления и транспортировки ОЯТ АПЛ, сооружение специального состава для транспортировки ОЯТ по железной дороге, совершенствование хранилищ жидких РАО в Северодвинске, создание передвижной фильтрационной установки для ЖРО. Кроме того, Норвегия участвует в строительстве хранилища для ОЯТ на «Маяке» (впоследствии этот объект было решено перенести на Кольский п-ов), а также сухого хранилища для твердых РАО на Кольском п-ове. Норвегия участвует и в трехстороннем проекте (совместно с США) по строительству фильтрационной установки, аналогичной описанному выше

японскому проекту, и в ряде других совместных программ с США, Францией и ЕС. Вклад Норвегии в программы утилизации радиоактивных отходов, ОЯТ и экологической реабилитации оценивается примерно в 55 млн долл. В 2001 г. Россия и Норвегия договорились о взаимодействии по реабилитации территории береговой технической базы ВМФ в Губе Андреева (Мурманская обл.), где находятся около 100 снятых с эксплуатации АПЛ, часть из которых имеют на борту ядерное топливо. В рамках этого сотрудничества представителям Норвегии был впервые предоставлен доступ на этот объект. Норвегия внесла на эти цели один миллион долларов только за первый год осуществления проекта¹⁷.

Канада, наряду с участием в многосторонних программах, имеет активную программу сотрудничества с Россией по разработке ядерных реакторов, а также по строительству атомных установок для опреснения морской воды и по сооружению АЭС в Приморском крае. В 2001 г. Канада подключилась к программе утилизации российского оружейного плутония, выделив на эти цели 30 млн долл.

Швеция принимает активное участие в работах по повышению безопасности эксплуатации АЭС; эта работа осуществляется в настоящее время в соответствии с меморандумом, который был подписан в 1997 г. и останется в силе до 2002 г. Швеция также участвует в целом ряде многосторонних программ совместно с США, Норвегией, Великобританией и другими странами по повышению уровня радиационной безопасности на Севере России. В 2001 г. Министерство обороны РФ начало переговоры с министерствами обороны Швеции и Финляндии о сотрудничестве в области охраны окружающей среды.

Оценка эффективности программ содействия

Подводя итоги рассмотрения различных международных программ содействия России в решении неотложных задач в ядерной области, следует отметить, что все они носят «пожарный» (в положительном смысле этого слова) характер, т.е. призваны ускорить решение тех задач, которые в любом случае стоят перед Россией. Как сама Россия, так и страны-доноры исходят из того, что со временем, по мере улучшения экономической ситуации в РФ, надобность в них отпадет. Этот процесс, видимо, будет поэтапным и в первую очередь охватит сферы, касающиеся военного атома.

При всех недостатках, многочисленных разногласиях и частом дублировании международных программы содействия останутся примером совершенно нового, ранее не встречавшегося варианта

¹⁷www.strana.ru, 29 мая 2001.

функционирования режима нераспространения — взаимодействия намного более глубокого, чем предусматривали авторы ДНЯО в момент его согласования. И речь здесь идет не только о России и ННГ: этот прецедент может быть использован и в других случаях, когда интересы стабильности и прочности режима могут потребовать международного сотрудничества с целью материально и финансово подкрепить политическую решимость той или иной страны строго соблюдать ДНЯО и связанные с ним договоренности.

Опыт 1990-х гг. и, вероятно, первого десятилетия нового века приведет к изменению отношения к международному сотрудничеству вообще. Так, существующие сегодня программы со временем утратят экстраординарный характер, но при этом своего рода привычка к взаимодействию, особенно в обеспечении физической защиты, хранения и утилизации расщепляющихся материалов, может вылиться в долгосрочные, чисто партнерские программы сотрудничества, в которых будет отсутствовать элемент отношений «донор-получатель». Ведь серьезные задачи в этой области стоят не только перед Россией, но и перед всеми странами, имеющими ядерную промышленность, а тем более ядерное оружие; в России эти задачи в настоящий момент являются более неотложными и острыми, но далеко не уникальными. Опыт международного содействия России и ННГ имеет возможность вылиться в совершенно новые формы осуществления целей и задач режима нераспространения ядерного оружия.

ЛИТЕРАТУРА

Бухарин О.А. Консолидация ядерных оружейных комплексов США и России после окончания «холодной войны». *Ядерный Контроль*, №5, сентябрь-октябрь 1999.

Радаев Н.Н. Проблемы утилизации ядерного оружия. М., Военная академия РВСН им. Петра Великого, 1998.

Сафранчук И.А. (ред.). Программа совместного уменьшения угрозы: оценка эффективности и перспективы развития. *Научные Записки ПИР-Центра*, №13, январь 2000.

Семин В.В. О международном финансовом и техническом содействии Российской Федерации в области укрепления режима нераспространения. *Ядерный Контроль*, №5, сентябрь-октябрь 2001.

Protecting Nuclear Weapons Materials in Russia. Washington, DC, National Academy Press, 1999.

Shields John M., Potter William C. (Eds.). Dismantling the Cold War: U.S. and NIS Perspectives on the Nunn-Lugar Cooperative Threat Reduction Program. Cambridge (Mass.), The MIT Press, 1997.

Special Report: Assessing US Nonproliferation Assistance to the NIS. *Nonproliferation Review*, No.1, Vol.7, Spring 2000.

ГЛАВА 15. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Проблема нераспространения относится к числу центральных направлений контроля над вооружениями и разоружения и уже несколько десятилетий остается в фокусе внимания исследователей, среди которых дипломаты-практики, историки, политологи, юристы, физики-ядерщики.

Источники и литература до 1990-х гг.

До 1990-х гг. ДНЯО и другие международно-правовые акты, относящиеся к этой тематике, а также документы, характеризующие политику СССР и западных государств по проблеме нераспространения, неоднократно публиковались в Советском Союзе в сборниках по разоружению и истории международных отношений¹. На доступности более широкого круга источников сказывалась деликатность ядерной сферы и конфиденциальность переговоров, не говоря об общих условиях «холодной войны».

Впрочем, сотрудничество в области нераспространения между Востоком и Западом в годы «холодной войны» продолжалось и в периоды осложнений в международных отношениях, благодаря чему научная литература, посвященная этим вопросам, в 70-80-е годы была в меньшей степени подвержена воздействию политической конъюнктуры. В работах В.Ф. Давыдова, В.С. Емельянова, А.Н. Калядина, Б.П. Красулина, Ю.К. Назаркина, В.Ф. Петровского, А.М. Петросьянца, А.А. Рощина, Р.М. Тимербаева и других специалистов² были рассмотрены различные аспекты истории формирования и механизма функционирования режима нераспространения. Правовая сторона этих вопросов проанализирована в рамках публикаций по атомному

¹ Советский Союз в борьбе за разоружение. Сборник документов. М., Политиздат, 1977; Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. М., Международные отношения, ежегодно в 1961-1984 гг.; Борьба СССР против ядерной опасности, гонки вооружений, за разоружение. Документы и материалы. М., Политиздат, 1987; 50 лет борьбы СССР за разоружение. Сборник документов. Отв. ред. К.В. Новиков. М., Наука, 1967; Сборник основных документов о разоружении. М., МИД СССР, Тома I-XXX, 1945-1988; и др.

² Архангельский И.А., Ермаков С.В., Толченков Д.Л., Хлебников Н.Н. Система международного контроля за мирным использованием атомной энергии. М., Энергоатомиздат, 1986; Давыдов В.Ф. Нераспространение ядерного оружия и политика США. М., Наука, 1980; Емельянов В.С. Проблемы нераспространения ядерного оружия. М., Наука, 1981; Калядин А.Н. Проблемы запрещения испытаний и распространения ядерного оружия. М., Наука, 1976; Рошин А.А. Международная безопасность и ядерное оружие. М., Международные отношения, 1980; Тимербаев Р.М. Мирный атом на международной арене. М., Международные отношения, 1969; его же Контроль за ограничением вооружений и разоружением. М., Международные отношения, 1983.

праву А.И. Иойрыша, Г.А. Осипова, П.Г. Паламарчука, А.Б. Чопорняка³ и других юристов, прежде всего в начатой в 1984 г. серии монографий «Атомное право» (Издательство «Наука»). Подробный перечень публикаций на русском языке, вышедших в свет до 1991 г., издан Центром русских и евразийских исследований Монтерейского института международных исследований в августе 1992 г.⁴ Среди работ западных специалистов времен «холодной войны» выделяются труды Дж. Банна, Дж. Голдבלата, Л. Данна, Х. Мюллера, Дж. Пилата, У. Поттера, Дж. Симпсона, Л. Спектора, Д. Фишера, Л. Шайнмэна и других⁵.

Российские источники и литература в 1991-2001 гг.

В 1990-е гг. и в начале XXI века круг источников и литературы по теме значительно расширился. В издании «Нераспространение ядерного оружия. Сборник документов» (М., Международные отношения, 1993) на русском языке для общедоступного пользования были впервые опубликованы циркуляры МАГАТЭ, характеризующие системы гарантий Агентства, договоренности Комитета Цангера, включая Исходный список, документы ГЯП, в том числе обе части Руководящих принципов и Заявление о полноохватных гарантиях, некоторые материалы по политике России и СНГ. В томе 2 сборника «Действующее международное право» (М., Издательство Московского независимого института

³ Иойрыш А.И., Петросьянц А.М., Петровский В.Ф. Международное атомное право. М., Наука, 1987; Иойрыш А.И., Чопорняк А.Б. Атомное законодательство капиталистических стран — сравнительный анализ. М., Наука, 1981; Иойрыш А.И. Государственный контроль безопасности в области атомной энергии — правовые аспекты. М., Наука, 1991; Осипов Г.А. Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия — понятие, основные положения, проблемы укрепления. М., Наука, 1987; Паламарчук П.Г. Ядерный экспорт: международно-правовое регулирование. М., Наука, 1988.

⁴ Monterey Institute of International Studies, Center for Russian and Eurasian Studies Occasional Paper No.1. An Annotated Bibliography of Soviet and CIS Studies on Nuclear Nonproliferation.

⁵ Dunn Lewis A. Controlling the Bomb. Nuclear Nonproliferation in the 1980s. New Haven, London, Yale University Press, 1982; Fischer David, Szasz Paul. Safeguarding the Atom: A Critical Appraisal. Ed. By J. Goldblat. London, Philadelphia, Taylor & Francis, 1985; Goldblat Joseph (Ed.). Non-Proliferation: The Why and the Wherefore. London, Philadelphia, Taylor & Francis, 1985; Mueller Harald (Ed.). A European Non-Proliferation Policy. Prospects and Problems. Oxford, Clarendon Press, 1987; Potter William. Nuclear Power and Nonproliferation. An Interdisciplinary Perspective. Cambridge, Oelgeschlager, Gunn & Nain Publishers, Inc., 1982; Potter William (Ed.). International Nuclear Trade and Nonproliferation. The Challenge of the Emerging Suppliers. Lexington, Lexington Books, 1990; Scheinman Lawrence. The International Atomic Energy Agency and World Nuclear Order. Washington, Resources for the Future, 1987; Spector Leonard, Smith Jaqueline. Nuclear Ambitions. The Spread of Nuclear Weapons 1989-1990. Boulder, Westview Press, 1990; Yager Joseph A. (Ed.). Nonproliferation and U.S. Foreign Policy. Washington, Brookings Inst., 1980.

международного права, 1997) опубликованы многие действующие в ядерной области договоры, а также ДВЗЯИ. В 1999 г. Министерством обороны РФ опубликована книга «Международные договоры об ограничении и запрещении ядерных испытаний и контроль их соблюдения».

В связи с подготовкой к проведению КРП ДНЯО были опубликованы два доклада Службы внешней разведки России⁶. В первом из них большее освещение получили проблемы распространения ОМУ, побуждающие причины к обладанию таким оружием и признаки его создания или обладания им. Второй доклад рассматривал перспективы продления ДНЯО, недостатки Договора и практики его осуществления, предложения по совершенствованию механизмов международного контроля. Другое издание государственных ведомств России на ядерные темы было связано с проблемой ратификации СНВ-2. МИД и Министерство обороны выпустили совместную публикацию «Договор СНВ-2: Факты и аргументы (Белая книга)», содержащую тексты договора, Лиссабонского протокола и значительный фактический материал (М., Международные отношения, 1993).

В соответствии с Указом Президента России от 17 февраля 1995 г. №160 «О подготовке и издании официального сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия в СССР» и соответствующим постановлением правительства задача была возложена на Минатом России. В связи с рассекречиванием значительного массива документов по начальному этапу становления советской атомной программы особый интерес специалистов вызвало появление сборника в трех томах под общим названием «Атомный проект СССР: Документы и материалы» (под общей редакцией Л.Д. Рябева). Его подготовили в Государственном научном центре РФ Физико-энергетический институт (Том I: «1938-1945», часть первая — до 1943 г., часть вторая — до 1945 г.) и Российском федеральном ядерном центре Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (Том II. «Атомная бомба. 1945-1954», книга 1 — по декабрь 1949 г., книга 2 — по 1954 г.; Том III. «Водородная бомба. 1945-1956»)⁷. В сборник вошли рассекреченные документы Государственного Комитета Обороны, Совета Народных Комиссаров/Совета Министров, Академии Наук СССР, ядерных предприятий и институтов, материалы разведывательных органов.

⁶ Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения. Доклад Службы внешней разведки Российской Федерации. М., СВР, 1993; Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. М., СВР, 1995.

⁷ Атомный проект СССР. Документы и материалы. Том. I. М., Наука, Физматлит, 1998; Атомный проект СССР. Документы и материалы. Том. II. М.-Саров, Наука, Физматлит, 1999.

На основе рассекреченных фактов и материалов появился ряд новых по глубине раскрытия исследований по истории создания ядерного оружия в СССР. Среди них выделяется издание коллектива авторов Минатома (гл. ред. В.Н. Михайлов, зам. гл. ред. А.М. Петросьянц) «Создание первой советской ядерной бомбы» (М., Энергоатомиздат, 1995), в котором очевидцы и непосредственные участники разработки первой атомной бомбы рассказали об истории создания важнейших элементов нового оружия, об организации специализированной промышленности, о подготовке и проведении первого ядерного испытания.

Подробнее деятельность первых ядерных производств, НИИ, КБ, участвовавших в разработке изделий и материалов для атомной науки и техники, рассмотрена в работе А.К. Круглова «Как создавалась атомная промышленность в СССР» (2-е, исправленное издание. М., ЦНИИАтоминформ, 1995). В ней впервые были названы многие имена первопроходцев отрасли, показана роль конкретных руководителей и координаторов производства. Среди других публикаций отметим коллективную монографию (руководитель авторского коллектива Е.А. Негин) «Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было...» (Нижний Новгород, 1995) и вышедшую позднее «Историю советского атомного проекта: Документы, воспоминания и исследования», под редакцией В.П. Визигина (М., Янус-К, 1998). Отдельным изданием опубликованы труды международного симпозиума, проходившего в Дубне в мае 1996 г. «Наука и общество. История советского атомного проекта (40-50-е годы)» (М., ИзДАТ, 1997).

Значительный интерес представляет созданная на архивных материалах США и России монография российского историка В.Л. Малькова «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия» (М., Наука, 1995), в которой анализируются политические нюансы начального этапа американского атомного проекта.

Классическим трудом по истории создания режима нераспространения и выработки ДНЯО, несомненно, стала работа одного из участников переговоров, дипломата-ветерана профессора Р.М. Тимербаева «Россия и ядерное нераспространение. 1945-1968» (М., Наука, 1999). В ней рассмотрен процесс создания МАГАТЭ и постатейной выработки ДНЯО, причем эволюция советской позиции прослежена с использованием рассекреченных документов различных министерств и ведомств, дан интересный обзор распространения атомных технологий в 50-60-х годах. Как логичное продолжение этого труда можно рассматривать вышедшую в 2000 г. публикацию Р.М. Тимербаева «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974-1978)» (М., ПИР-Центр, 2000). Состояние проблем нераспространения в российско-

американских отношениях в 1991-2001 гг. проанализировано в монографии В.А. Орлова, Р.М. Тимербаева и А.В. Хлопкова⁸.

Широким историческим охватом и ориентацией на углубленный анализ современных проблем ядерного комплекса России отличается монография «Стратегическое ядерное вооружение России» (коллектив авторов под редакцией П.Л. Подвига. М., ИздАТ, 1998), в которой в доступных пределах показана уникальная картина становления и состояния СЯС. Авторы прослеживают этапы развития советских стратегических сил, рассматривают структуру СЯС (включая морские и авиационные компоненты) и оборонной промышленности, процессы создания, испытания и эксплуатации ядерных боеприпасов, проблематику стратегической обороны страны (включая ПРО). Сочетание анализа военно-политических проблем в их исторической динамике с демонстрацией конкретных достижений отечественной науки и техники характерно для прекрасно иллюстрированного труда «Советская военная мощь от Сталина до Горбачева» (под редакцией А.В. Минаева. М., Военный парад, 1999). В нем рассматриваются, среди прочего, советские ядерные вооружения и средства их доставки, системы радиоэлектронного обеспечения. Отдельные монографии опубликованы по развитию МБР СССР и военно-морским аспектам национальной безопасности страны⁹. Значительный интерес представляет издание «Ядерные испытания СССР» под редакцией В.Н. Михайлова (М., ИздАТ, 1997), в котором показано значение испытаний в процессе создания ядерного оружия, описана система организации испытаний в СССР, приведены данные по каждому ядерному взрыву в СССР, включая МЯВ (а также сводные данные о зарубежных испытаниях ядерного оружия), рассказано о войсковых учениях с применением ядерного оружия.

Подход левой оппозиции России к ядерной проблематике отражен в нескольких публикациях, среди которых «Военная реформа: вооруженные силы Российской Федерации» (М., Духовное наследие, 1998) под общей редакцией Г.А. Зюганова.

Следует признать, что хотя периодическая печать регулярно освещает текущие проблемы, связанные с ядерным оружием, на рубеже веков ощутим явный недостаток монографической литературы на русском языке (в том числе учебной), специально посвященной актуальным проблемам нераспространения. Среди приятных исключений — публикации В.Ф. Давыдова «Россия и США: Проблемы взаимодействия в укреплении режима нераспространения

⁸ Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия. М., ПИР-Центр, 2001.

⁹ Первов М. Межконтинентальные баллистические ракеты СССР и России. Краткий исторический очерк. М., 1998; Макеев Б.Н. Военно-морские аспекты национальной безопасности России. М., Комитет по критическим технологиям и нераспространению, 1997.

ядерного оружия» (М., Институт США и Канады РАН, 1997); «Сверхоружие и Содружество Независимых Государств. Факты и документы» (М., Российско-американский информационных пресс-центр, 1993); «Журналисты и ядерное оружие» (М., Права человека, 1995). Концепции второй линии защиты от распространения ОМУ посвящена одноименная публикация Физико-энергетического института 2001 г. См. также публикацию ФЭИ 2001 г. «Учет, контроль и физическая защита ядерных материалов. Вторая российская международная конференция. Тезисы докладов». Быстро меняющаяся проблематика экспортного контроля освещается в публикации ПИР-Центра «Экспортный контроль в России: политика и практика. Сборник статей», в которой рассмотрена как сложившаяся российская и международная система ЭК, так и особенности критического экспорта России и перспективы развития ЭК в связи с эволюцией международного контекста¹⁰. Деятельность МАГАТЭ проанализирована в коллективной монографии Н.С. Бабаева, Е.О. Адамова, М.Н. Рыжова и И.А. Соболева¹¹.

Несколько брошюр по проблемам нераспространения ОМУ опубликовал Московский центр Карнеги. В их числе шесть выпусков совместного доклада Института Карнеги за международный мир (США) и Монтерейского института международных исследований (США) «Ядерные наследники Советского Союза. Ядерное оружие и экспорт чувствительных технологий»¹². В докладе приведен хорошо подобранный фактический материал по расщепляющимся материалам и ядерным вооружениям на территории России, Белоруссии, Казахстана и Украины, участию республик в режиме нераспространения, размещению инфраструктуры ядерного оружия и атомной энергетики по субъектам России, российско-американским переговорам, ЭК и экспорту чувствительных технологий, а также по НОЯМ.

Проблемы нераспространения рассматриваются, среди прочих, в целом ряде публикаций по контролю над вооружениями или ядерным вопросам.

Шестое по счету исследование в серии «Разоружение и безопасность» Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН¹³ содержит специальный раздел

¹⁰ Евстафьев Д.Г., Орлов В.А. (ред.). Экспортный контроль в России: политика и практика. Сборник статей. М., Библиотека ПИР-Центра, 2000.

¹¹ Бабаев Н.С., Адамов Е.О., Рыжов М.Н., Соболев И.А. МАГАТЭ. М., Грин Лон, 1997.

¹² Пикаев А.А. (ред.). Ядерные наследники Советского Союза. Ядерное оружие и экспорт чувствительных технологий. М., Московский центр Карнеги и Комитет по критическим технологиям и нераспространению, 1994–2002 (Carnegie Endowment for International Peace and Monterey Institute of International Studies. Nuclear Successor States of the Soviet Union No.5. Washington, Carnegie Endowment for International Peace, March 1998).

¹³ Разоружение и безопасность. 1997–1998. Россия и международная система контроля над вооружениями: развитие или распад. М., Наука, 1997.

«Многосторонние режимы в области контроля над вооружениями», включающий главы по ядерному нераспространению, ЭК, РКРТ, ДВЗЯИ, КБО, КХО. По итогам дискуссии на ученом совете ИМЭМО в марте 1999 г. был опубликован сборник выступлений «Россия и Запад: кризис отношений в сфере безопасности и проблема контроля над вооружениями» (М., ИМЭМО, 1999) под редакцией А.Н. Калядина, включающий статьи по международным режимам нераспространения и ЭК.

Среди монографий, посвященных широким проблемам, связанным с ядерным оружием, стоит выделить издание Российского института стратегических исследований «Ядерный фактор в современном мире» (М., РИСИ, 1996), публикацию С.В. Картунова в серии докладов Московского общественного научного фонда «Контроль за вооружениями и интересы России» (М., Московский общественный научный фонд, 1997), а также проведенное в рамках ИМЭМО исследование «Эволюция структур военной безопасности: роль и место России» (под редакцией С.Е. Благоволина. М., ИМЭМО РАН, 1997) и монографию «Ядерные вооружения и безопасность России» (под редакцией А.Г. Арбатова. М., ИМЭМО РАН, 1997). Емкое представление о содержании многих договоров и соглашений по разоружению дает справочник, изданный ПИР-Центром в 2001 г.¹⁴

Зарубежная литература на русском языке

Кроме отечественной литературы, на русском языке вышло несколько зарубежных публикаций по ядерному нераспространению и контролю над вооружениями. В Казахстане, например, опубликованы брошюры «Зоны, свободные от ядерного оружия. Вопросы и ответы» (Алматы, Казахстанская ассоциация исследователей проблем нераспространения, 1997) и «Проблема создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия» (там же, 1998).

С 1993 г. периодически выпускается (совместно с ИМЭМО РАН) русскоязычная версия солидного ежегодника Стокгольмского международного института исследования проблем мира (СИПРИ) «Вооружения, разоружение и международная безопасность» (М., Наука, 1993-2001). В части III собраны статьи о мерах контроля над вооружениями, СНВ, ПРО, ДВЗЯИ, КХО, КБО. В специальном приложении к русскому изданию ежегодника в 2001 г. содержатся аналитические статьи, комментарии и прогнозы ведущих специалистов ИМЭМО, а также обзор официальных российских

¹⁴Борисенко А.С., Лата В.Ф., Маслин Е.П., Орлов В.А., Сафранчук И.А., Тимербаяв Р.М., Чуменко Л.Н. Справочник Контроль над вооружениями и военной деятельностью. М., ПИР-Центр, 2001.

документов по вопросам национальной безопасности и контроля над вооружениями за 1999-2000 гг.

На русский язык переведен целый ряд исследований по ядерной проблематике, первоначально вышедших в США. В первую очередь следует отметить пробный учебник Г. Гарднера «Ядерное нераспространение» (М., МИФИ, 1995), основанный преимущественно на материалах и реалиях конца 1980-х гг. В настоящее время этот учебник обновлен. Многие десятилетия развития ядерного комплекса СССР/России охватывает коллективная монография Т. Кохрэна, Р. Норриса и О. Бухарина «Создание русской бомбы. От Сталина до Ельцина»¹⁵. Национальный исследовательский совет Национальной академии наук США опубликовал доклад «Проблемы распространения. Анализ деятельности Соединенных Штатов по обеспечению безопасности ядерных и других высокоопасных материалов и технологий в странах бывшего СССР» (Киров, «Триада-С», 1998) с оценкой эффективности выполнения программ СУУ в России, Белоруссии, Казахстане и на Украине. Комитет по международной безопасности и контролю над вооружениями той же Академии выпустил краткую версию своего доклада «Управление и распоряжение избыточным плутонием из оружия. Общий обзор» (Вашингтон, Издательство Национальной академии, 1994; русский перевод сделан в 1995 г.)¹⁶.

Комитет по критическим технологиям и нераспространению (Россия) опубликовал брошюру директора Центра исследования проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований (США) У. Поттера «Отказ от ядерного оружия: Белоруссия, Казахстан, Украина»¹⁷, дающую любопытную картину мотивации стремления государств к обладанию ядерным оружием.

Подготовительная комиссия Организации ДВЗЯИ опубликовала на русском языке Договор и текст об учреждении Подготовительной комиссии Организации ДВЗЯИ (Австрия, Подготовительная комиссия Организации ДВЗЯИ, 1998).

¹⁵Кохрэн Т., Норрис Р., Бухарин О.А. Создание русской бомбы. От Сталина до Ельцина. Боулдер, Сан-Франциско, Оксфорд, Вествью Пресс, 1995. Русский перевод 1995. Thomas B. Cochran, Robert S. Norris, and Oleg Bukharin. Making the Russian Bomb: From Stalin to Yeltsin. Boulder, San Francisco, Oxford, Westview Press, 1995. Начальному этапу советской ядерной программы посвящена книга Д. Холлоуэя: Holloway David. Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy. 1939-1956. New Haven, London, Yale University Press, 1994. Отметим также публикацию: Кохрэн Т., Аркин У., Норрис Р., Сэндс Дж. Ядерное вооружение СССР. М., ИзаАТ, 1992.

¹⁶Committee on International Security and Arms Control, National Academy of Sciences, Management and Disposition of Excess Weapons Plutonium. Washington, National Academy Press, 1994.

¹⁷Поттер У. Отказ от ядерного оружия: Белоруссия, Казахстан, Украина. М., Комитет по критическим технологиям, 1996.

Особо следует отметить книгу тогдашнего Генерального секретаря ООН Б. Бутроса-Гали «Организация Объединенных Наций и нераспространение ядерного оружия» (М., Информцентр ООН в Москве, 1995), приуроченную к проведению в Нью-Йорке КРП ДНЯО 1995 г.

Источники и литература на английском языке

На английском языке за 1990-е гг. опубликованы сотни книг, посвященных режимам нераспространения ОМУ и средств его доставки, региональным аспектам этих проблем, ЭК, НОЯМ и проблеме терроризма с использованием ОМУ. Многочисленные публикации МАГАТЭ приведены на сайте www.iaea.org/worldatom/Books/.

Наиболее комплексную публикацию документов по нераспространению осуществляла в 1990-е гг. Программа за ядерное нераспространение в Саутгемптоне (Великобритания). В 1990-1998 гг. вышло шесть изданий, последнее из которых охватило, помимо прочего, ключевые решения КРП ДНЯО 1995 г., материалы КР ДНЯО 1975, 1985 и 1990 гг., договоры о ЗСЯО и о запрещении испытаний ядерного оружия, документы МАГАТЭ, включая Дополнительный протокол, материалы по гарантиям безопасности, физической защите ядерного материала, ЭК и многим другим проблемам¹⁸. Полностью материалы КРП ДНЯО были опубликованы отдельным изданием в 1995 г.¹⁹

Среди информационных материалов с глобальным охватом выделим публикации Совета по защите природных ресурсов (США) в серии Nuclear Weapons Databook Series²⁰, начатой еще в 1984 г. и дающей детальный фактический материал по ядерному комплексу не только США, но и других государств²¹. Тем, кто интересуется техническими аспектами собственно

¹⁸PPNN Briefing Book, Vol.II: Treaties, Agreements and Other Relevant Documents (Sixth Edition). Southampton, PPNN, 1998.

¹⁹The Final Document of the 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Part I. Organization and Work of the Conference; Part II. Documents Issued at the Conference; Part III. Summary Records and Verbatim Records. New York, NPT/CONF.1995, 1995.

²⁰Volume I: Cochran Thomas B., Arkin William M., Norris Robert S., Hoenig Milton M. U.S. Nuclear Forces and Capabilities; Volume II: Cochran Thomas B., Arkin William M., Norris Robert S., Hoenig Milton M. U.S. Nuclear Warhead Production; Volume III: Cochran Thomas B., Arkin William M., Norris Robert S., Hoenig Milton M. U.S. Nuclear Warhead Facility Profiles; Volume IV: Cochran Thomas B., Arkin William M., Norris Robert S., Sands Jeffrey I.; Volume V: Norris Robert S., Burrows Andrew, Fieldhouse Richard. British, French and Chinese Nuclear Weapons. Cambridge, Ballinger, 1984-1994.

²¹Среди более поздних публикаций Совета: Arkin William M., Norris Robert S., Handler Joshua. Taking Stock: Worldwide Nuclear Deployments, 1998. Washington, Natural Resources Defense Council, 1998.

нераспространенческой тематики, можно порекомендовать опубликованную СИПРИ монографию Р. Кокоски «Технология и распространение ядерного оружия»²², в которой, в частности, прекрасно раскрыты детали иракской ядерной программы.

Институт Карнеги за международный мир опубликовал книгу Р. Джонса, М. Макдоноу и др. «По следам ядерного распространения»²³ с наглядными схемами и картами, в которой детально рассматривается ситуация с ядерными объектами и материалами в избранных регионах: России, Белоруссии, на Украине, в Казахстане, Китае, Румынии, КНДР, Южной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, в ЮАР, Аргентине и Бразилии.

В Монтерейском институте международных исследований издано несколько выпусков брошюры «Каталог международных организаций и режимов нераспространения», позволяющей быстро ориентироваться в вопросах структуры этих организаций и участия в них государств мира²⁴.

Обширное исследование, детально характеризующее деятельность МАГАТЭ за сорок лет существования, опубликовал Д. Фишер²⁵. В первой части рассмотрена история возникновения проблем нераспространения и создания МАГАТЭ; во второй проанализированы конкретные области деятельности Агентства, включая вопросы ядерной безопасности, сотрудничества с развивающимися странами, международных гарантий, обмена информацией, применения радиоизотопов; третья часть посвящена проблемным направлениям и перспективам деятельности МАГАТЭ.

Под редакцией известных американских специалистов по проблеме ЭК Г. Берча, Р. Кьюпита и С. Эллиот-Гоуэра (Университет Джорджии) издана коллективная монография «Международное сотрудничество по экспортному контролю в целях нераспространения»²⁶, с участием российских, польских, французских и индийских авторов.

²²Kokoski Richard. Technology and the Proliferation of Nuclear Weapons. New York, Oxford, Oxford University Press, 1995.

²³Rodney Jones, McDonough Mark, Dalton Toby, Koblentz Gregory. Tracking Nuclear Proliferation 1998: A Guide in Maps and Charts. Washington, Carnegie Endowment for International Peace, 1998.

²⁴Rauf Tariq, Nikitin Mary Beth, Rissanen Jenni. Inventory of International Nonproliferation Organizations and Regimes. Monterey, Center for Nonproliferation Studies, 2000.

²⁵Fischer David. History of the International Atomic Energy Agency. The First Forty Years. Vienna, IAEA, 1997.

²⁶Bertsch Gary K., Cupitt Richard T., Elliot-Gower Steven (Ed.). International Cooperation on Nonproliferation Export Controls: Prospects for the 1990s and Beyond. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1994. В 1999 г. тем же Университетом Джорджии (Центр по международной торговле и безопасности) опубликован доклад: Global Evaluation of Nonproliferation Export Controls.

В 1990-х гг. опубликовано несколько монографий, посвященных вопросам плутония и ВОУ. Наиболее авторитетным следует признать исследование для СИПРИ Д. Олбрайта, Ф. Берхута и У. Уокера «Плутоний и высокообогащенный уран. 1996: запасы, возможности и политика по всему миру»²⁷.

Ряд публикаций освещает региональные особенности нераспространения, историю ядерных программ «неофициальных» ЯОГ. Среди монографий, посвященных проблематике нераспространения в СНГ, можно рекомендовать работы Г. Берча и У. Поттера²⁸, Дж. Шилдса и У. Поттера²⁹; в Южной Азии — доклад группы исследователей Института Брукингз и монографии Д. Перковича и Д. Сингха³⁰; в Северной Корее — публикации М. Мазара, Л. Сигала, Дж. К. Молтца и А. Мансурова³¹, в Ираке — работы Э. Кордсмэна и А. Хашима³², в Иране — труды М. Айзенштадта, Э. Кордсмэна и А. Хашима³³. Особо можно выделить монографию по израильской атомной программе А. Коэна³⁴, основанную на солидной архивной и мемуарной базе. В рамках программы нераспространения, осуществляемой с 1986 г. Франкфуртским институтом исследования проблем мира, опубликовано интересное коллективное исследование под редакцией Х. Мюллера «Европа и ядерное разоружение. Политические дебаты в 16 европейских странах»³⁵, в котором рассмотрен широкий круг проблем и позиций по ним в западноевропейских государствах.

²⁷Albright David, Berkhout Frans, Walker William. Plutonium and Highly Enriched Uranium 1996: World Inventories, Capabilities, and Policies. London, New York, Oxford University Press, 1997. См. также: Makhijani Arjun. Plutonium Endgame: Managing Global Stocks of Separated Weapons — Usable Commercial and Surplus Nuclear Weapons Program. Institute for Energy and Environmental Research, 2001.

²⁸Bertsch Gary K., Potter William C. Dangerous Weapons, Desperate States: Russia, Belarus, Kazakhstan, and Ukraine. New York, Routledge Press, 1999.

²⁹Shields John M., Potter William C. Dismantling the Cold War: U.S. and NIS Perspectives on the Nunn-Lugar Cooperative Threat Reduction Program. Cambridge, MIT Press, 1997.

³⁰After the Tests: U.S. Policy Toward India and Pakistan. Report of an Independent Task Force. Washington, Brookings Institution Press, 1998; Perkovich George. India's Nuclear Bomb. San Francisco, University of California Press, 2000; Singh Jasjit. Nuclear India. New Delhi, Institute for Defence Studies and Analyses, 1998.

³¹Mazarr Michael. North Korea and the Bomb. New York, St. Martin's Press, 1995; Sigal Leon. Disarming Strangers: Nuclear Diplomacy with North Korea. Princeton, Princeton University Press, 1998; Moltz James C., Mansourov Alexander. The North Korean Nuclear Program: Security Strategy, and the New Perspectives from Russia. Routledge, 2000.

³²Cordesman Anthony M., Hashim Ahmed. Iraq: Sanctions and Beyond. Washington DC, Center for Strategic and International Studies, 1997.

³³Eisenstadt Michael. Iranian Military Power: Capabilities and Intentions. Washington, Washington Institute for Near East Policy, 1996; Cordesman Anthony M., Hashim Ahmed. Iran: Dilemmas of Dual Containment. Washington, Center for Strategic and International Studies, 1997.

³⁴Cohen Avner. Israel and the Bomb. New York, Columbia University Press, 1998.

³⁵Mueller Harald (Ed.). Europe and Nuclear Disarmament. Debates and Political Attitudes in 16 European Countries. Brussels, Peace Research Institute Frankfurt, European Interuniversity Press, 1998.

Периодические издания

Специализированные периодические издания позволяют постоянно находиться в курсе быстро изменяющихся событий, а также предлагают огромное количество аналитических материалов, обзоров, полемических суждений практически по всем аспектам ядерного нераспространения.

Для исследователей в России и ННГ «настольным журналом» является *Ядерный Контроль*. Журнал издается ПИР-Центром с 1994 г. и выходит шесть раз в год на русском языке. Он распространяется в 72 городах России (включая все десять «закрытых городов» Минатома), в столицах государств СНГ и 24 зарубежных государствах. Журнал также выходит на английском языке. *Ядерный Контроль* освещает широкий круг вопросов международной безопасности, включая проблемы ОМУ в России; военные доктрины; ядерную стратегию; ядерную безопасность; экспортный контроль; проблемы химического и биологического оружия; ракеты, ракетные технологии; противоракетные системы; двойные технологии; передачу технологий; высокоточное оружие; обычные вооружения и их экспорт из России и ННГ. В то же время именно ядерно-оружейной проблематике традиционно уделяется наибольшее внимание.

Некоммерческий, неправительственный и внепартийный статус ПИР-Центра обеспечивает независимость *Ядерного Контроля*. Журнал открыт для высказывания на его страницах различных точек зрения. Дискуссии, которые ведутся в разделе «Полемика», отличаются разнообразием и частым столкновением мнений. Позиция редакции и ПИР-Центра формулируется в «Редакционной статье», которой открывается каждый номер. В разделе «Анализ» публикуются развернутые статьи ведущих отечественных специалистов в области внешнеполитического планирования, контроля над вооружениями, нераспространения. В разделе «Интервью» можно найти эксклюзивные беседы с представителями руководства России, ответственными за формирование оборонной и внешней политики. Раздел «Горячая тема» содержит материалы по наиболее актуальной на момент выхода очередного номера журнала проблематике, подготовленные «срочно в номер». В разделе «Информация» ведется подборка сообщений российских СМИ, включая как центральные, так и региональные, по всему спектру тем, освещаемых в журнале, также размещается собственная информация, собранная научными сотрудниками Центра. В разделе «Документы» собраны тексты законов, правительственных постановлений, выдержки из стенограмм заседаний Государственной Думы. В разделе «Библиотека» публикуются рецензии на вышедшие книги. Раздел «Страницы истории» содержит материалы по истории создания

ядерного оружия, переговоров по контролю над вооружениями, воспоминания участников этих событий.

Журнал *Ядерный Контроль* читают в администрации президента, Совете безопасности, в министерствах обороны, иностранных дел, по атомной энергии, других структурах федеральной исполнительной власти. Он распространяется среди депутатов и аппарата Государственной Думы РФ. Среди читательской аудитории — политологи, физики-ядерщики, военные, руководители неправительственных организаций, журналисты.

Граждане России, работающие на ее территории в государственных учреждениях или в научных институтах и центрах в сфере, связанной с проблематикой изданий ПИР-Центра, либо в СМИ, а также студенты старших курсов, интересующиеся проблематикой ядерного нераспространения, могут направить заявку для бесплатного получения журнала. Отдельные статьи из *Ядерного Контроля* можно найти в интернет по адресу www.pircenter.org/russian/publications/index.htm.

Знакомство с наиболее авторитетными *международными* изданиями по ядерному нераспространению следует начать с *Nonproliferation Review*. Этот академический, выходящий три раза в год, «толстый» журнал издается Центром по изучению проблем нераспространения (ЦИПН) Монтерейского института международных исследований (США) — ведущим центром в мире по проблемам нераспространения, где работает более ста человек. *Nonproliferation Review* особенно выделяется своими качественными, глубокими аналитическими статьями. Ведущие специалисты по нераспространению всего мира стремятся опубликовать результаты своих научных трудов прежде всего именно здесь.

Disarmament Diplomacy — еще один журнал по нераспространению ОМУ и контролю над вооружениями, без которого не обойтись. Он выходит ежемесячно в Лондоне и издается институтом «Акроним». Журнал незаменим при отслеживании хода международных форумов, таких, как КР ДНЯО и Подготовительные комитеты к ним, КР в Женеве, сессии ГА ООН и т.д. *Disarmament Diplomacy* публикует интересные сжатые обзоры с этих форумов, а также выдержки из многочисленных документов и речей. Многие делегации пользуются этим журналом как одним из ключевых источников информации.

Arms Control Today претендует на негласный титул главного журнала по контролю над вооружениями. Он выходит ежемесячно или один раз в два месяца в США и издается Американской ассоциацией по контролю над вооружениями. Журнал содержит краткие аналитические статьи, не претендующие на академизм, и политические комментарии, интересные прежде всего как обзор того, что думают о контроле над вооружениями в США.

The Bulletin of the Atomic Scientists, несмотря на скромное слово «бюллетень» в названии, на самом деле является полноценным красочным журналом (выходит шесть раз в год). В США, да и вообще в мире, среди ученых-ядерщиков он традиционно считается уважаемым изданием, часто полемически заостренным и публицистически ярким. Это не специализированный журнал, а, как раз наоборот, общеполитическое издание для узких специалистов. Публикуемые в журнале статьи часто становятся сенсациями и, как правило, бурно обсуждаются.

Существует целый ряд серьезных международных изданий на английском языке по широкому кругу вопросов внешней политики и международной безопасности — таких, как *Foreign Affairs* (США), *Foreign Policy* (США), *International Security* (США), *Security Dialogue* (Норвегия) и др. В нашу задачу их обзор не входит. В то же время следует подчеркнуть, что в них нередко публикуются статьи по ядерному нераспространению как одному из ключевых элементов международных отношений. Пожалуй, в этом списке следует обратить внимание на ежеквартальный журнал *Survival*, издающийся Международным институтом стратегических исследований, расположенным в Лондоне. Этот уважаемый журнал пишет об угрозах распространения ОМУ довольно часто, и целый ряд академических статей из *Survival* последних лет послужил сигналом к широкой научной дискуссии в области нераспространения и контроля над вооружениями.

В качестве вспомогательных источников анализа и информации можно посоветовать следующее: *The Monitor* — бюллетень по нераспространению (особенно по ЭК), издаваемый Центром международной торговли и безопасности Университета штата Джорджия (США); ежедневные обзоры прессы, осуществляемые МАГАТЭ; различные информационные издания британского *Jane's (Defence Weekly, Missiles & Rockets, International Defense Review)*.

Для *русскоязычного читателя*, интересующегося проблемами ядерного нераспространения, выбор периодических изданий в настоящее время достаточно широк, в то время как еще в начале 1990-х гг. такие издания попросту отсутствовали.

Помимо уже упоминавшегося *Ядерного Контроля*, в России издаются: бюллетень *Ядерная Безопасность* (цветной, выходит шесть раз в год, издается Центром журналистики войны и мира, предназначен прежде всего для журналистов, но с интересом читается специалистами; может быть рекомендован студентам); бюллетень *Ядерное Распространение* (издается Московским центром Карнеги, публикует в основном переводные статьи американских авторов, но в последнее время также и аналитические материалы российских авторов, документы и обзор книг); бюллетень *Экспортный контроль в России* (издается Центром по проблемам экспортного контроля); *Научные Записки ПИР-Центра* (выходят четыре раза в год).

Более широкий спектр внешнеполитических и военных проблем обсуждается на страницах журналов *Военная Мысль* (издание Министерства обороны России), *Мировая Экономика и Международные Отношения* (издается ИМЭМО РАН), *Международная Жизнь* (ежемесячный официальный журнал МИД России), *США: Экономика, Политика, Идеология* (издается Институтом США и Канады РАН), *Pro et Contra* (ежеквартальный журнал Московского центра Карнеги — вероятно, наиболее качественное издание в своей области); бюллетень для руководителей *Вопросы Безопасности* (издается ПИР-Центром и выходит дважды в месяц, пишет о проблемах международной, экономической и военной безопасности, включая нераспространение).

Среди узкоспециализированных периодических изданий, которые могут быть полезны при рассмотрении отдельных аспектов ядерного нераспространения, следует назвать: *Бюллетень Центра общественной информации по атомной энергии* (рассматривает в основном проблемы мирного атома); бюллетень *Энергетика и Безопасность* (ежеквартально издается американским Институтом исследований по энергетике и экологии, в том числе и на русском языке; много пишет о проблемах утилизации плутония); *Вестник Госатомнадзора России*; бюллетень *Ядерная и Радиационная Безопасность* (издается Центром экологической политики России).

Примечательно, что о проблемах нераспространения ОМУ в последние годы стали активнее писать и в ННГ, прежде всего в тех государствах, которые расстались с ядерным оружием на своей территории, однако сохранили значительные компоненты ядерного комплекса. Так, на Украине Центр исследований проблем нераспространения издает *Обозрение по контролю за распространением* (на русском и украинском языках).

Сейчас значительную часть материалов по нераспространению можно получить в электронном виде — через электронные бюллетени (они, как правило, бесплатные) или в интернет-представительствах (сайтах) СМИ, научных организаций (институтов, центров), государственных структур. Объем такой информации и возможностей интернета растет стремительно.

Среди электронных бюллетеней можно отметить Сборник новостей (на английском языке) Российско-американского совета по ядерной безопасности (RANSAC), где тщательно отбираются ключевые новости и газетные статьи по проблемам ядерного нераспространения и контроля над вооружениями касательно России: www.ransac.org. Дайджест российских СМИ «Ядерная Россия Сегодня» можно найти на сайте www.pircenter.org. Отличную подборку новостей по нераспространению в мире из ведущих западных СМИ делает Институт Карнеги за международный мир (www.ceip.org). Ежемесячно выходит аналитическое издание *Arms*

Control Letters (на английском языке), издаваемые ПИР-Центром (www.pircenter.org/english/publications/index.htm).

Ресурсы интернета в помощь изучающим проблемы ядерного нераспространения

Интернет значительно расширяет доступ к информации и возможности для аналитической работы — и тех, кто лишь начинает изучать вопросы нераспространения, и тех, кто исследует самые сложные аспекты этой проблемы. Всемирная сеть благожелательна к пользователю и позволяет ему быстро освоиться в ней. К сожалению, любой справочник устаревает: меняются адреса, сливаются и разделяются госучреждения, институты и научные фонды. Помимо приведенных ниже адресов, можно без труда найти свои пути «по паутине», а системы поиска по ключевому слову или дате, имеющиеся во многих «информационных кладовых», облегчают общую ориентацию и подбор материала.

Сводные списки сайтов по проблемам нераспространения содержатся в рубрике «связи» (links) на сайтах практически всех крупных ведомств, специализирующихся на контроле над вооружениями или на вопросах, связанных с ядерными материалами. Начать можно с перечня, приведенного по адресам infomanage.com/nonproliferation или www.isn.ethz.ch/linkslib. Подробный список сайтов по ядерной проблематике был составлен в 1997 г. Советом по защите природных ресурсов США (Natural Resources Defense Council, NRDC) и доступен в электронном виде (online) по адресу www.nrdc.org/nuclear/nuguide/guinx.asp под названием «The Internet and the Bomb — a Research Guide to Policy and Information about Nuclear Weapons».

Круг источников для пользователей, владеющих лишь русским языком, будет ограничен, так как подавляющее большинство сайтов — на английском языке. На сайтах государственных органов представлены заявления президента РФ и другие документы, характеризующие официальную позицию России. Выйти на эти сайты можно через www.gov.ru или www.politika.ru. Концепция национальной безопасности РФ, например, доступна на сайте Совета безопасности РФ www.scrf.gov.ru.

Официальная позиция России по самым разным проблемам хорошо прослеживается на сайте МИД РФ www.mid.ru. Радикально обновленный в 2000 г. сайт www.mid.ru предоставляет доступ к официальным документам и материалам по международной проблематике президента России, федеральных органов исполнительной и законодательной власти (включая материалы парламентских слушаний), размещает как основополагающие документы по внешней политике России, так и текущие

материалы, прежде всего МИД. Целый раздел сайта посвящен позиции России по вопросам разоружения, контроля над вооружениями и ЭК, включая ядерное разоружение, проблематику ПРО и СНВ, запрещения ядерных испытаний, ядерного нераспространения (в том числе деятельность ГЯП и Комитета Цангера), РКРТ и других международных режимов. Специальный раздел посвящен международным договорам и соглашениям, библиографии и справочным материалам.

При изучении многих технических сторон ядерной проблематики полезным окажется сайт Минатома России www.minatom.ru, некоторых вопросов разоружения — сайты военного-промышленного комплекса www.vpk.ru, а также Российского авиационно-космического агентства www.rosaviakosmos.ru. Текущая информация по ядерной проблематике хорошо представлена на сайте www.nuclear.ru. Краткую историю развития ядерных сил пяти ЯОГ можно проследить по материалам Энциклопедии вооружений по адресу www.arms.ru/nuclear. Очень интересный сайт на русском и английском языках у Центра по разоружению, энергетике и экологии Московского физико-технического института (www.armscontrol.ru); здесь можно посмотреть материалы по СНВ, ПРО, соглашению ВОУ-НОУ и ядерной политике России в целом.

Значительно шире интернет-ресурсы на английском языке. Начинаящим рекомендуем знакомство с проблематикой ядерного оружия и средств его доставки на сайте Федерации американских ученых (Federation of American Scientists) www.fas.org/nuke/intro/nuke, а также www.fas.org/nuke/intro/missile и www.fas.org/nuke/intro/cm. Вводная информация к теме нераспространения содержится по адресу infomanage.com/nonproliferation/primer. Истории ядерного комплекса США освещена на сайте www.energy.gov/aboutas/history/manhattan.sist.html. Немало оригинальных рассекреченных документов США по ядерной проблематике — в тематически сгруппированных National Security Archives Electronic Briefing Books на сайте Университета Джорджа Вашингтона www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB. Процесс принятия решения о применении ядерного оружия в 1945 г. представлен на сайте www.dannen.com/decision/index.html, а с последствиями этого применения в Японии можно ознакомиться по адресу www.csi.ad.jp/ABOMB/index.html.

Лучшими ресурсами по ядерным технологиям (с точки зрения ознакомления) являются сайты Уранового информационного центра в Австралии (www.uic.com.au) и Всемирной ядерной ассоциации (www.world-nuclear.org). Обогащенный уран и плутоний — в поле зрения Института ядерного контроля (Nuclear Control Institute) в Вашингтоне (www.nci.org), изотопы — Проекта по изотопам на сайте isotopes.lbl.gov/isotopes/toi.html. На сайте Института по исследованию проблем энергетики и окружающей

среды (Institute for Energy and Environment Research) немало информации, полезной для тех, кто осваивает проблематику расщепляющихся материалов, РАО, ОЯТ (www.ieer.org).

Договоры по контролю над вооружениями и разоружению на английском языке можно посмотреть в ООН и ее учреждениях (например, www.unog.ch/frames/disarm/distreat/warfare.htm), многие документы — на сайте Федерации американских ученых (www.fas.org/nuke/control), Института Карнеги за международный мир (www.ceip.org/programs/npp/nuclinks.htm), Ассоциации по контролю над вооружениями (www.armscontrol.org) и др.

Многие международные организации предоставляют доступ к материалам нераспространенческой тематики. Документы и резолюции СБ ООН доступны по адресам: www.un.org/Docs/sc.htm; www.un.org/Docs/scres. Из учреждений ООН наибольший интерес представляют Департамент по делам разоружения (www.un.org/Depts/dda/DDAHome.htm) и Специальная комиссия по Ираку (www.un.org/Depts/unscom). Материалы КР можно посмотреть на сайте www.unog.ch/frames/disarm/disconf.htm.

Обширный и регулярно обновляемый сайт МАГАТЭ (www.iaea.org/worldatom) содержит (в форме циркуляров Агентства) подавляющую часть документов, относящихся к ядерному нераспространению (включая материалы Комитета Цангера и ГЯП). Ежегодные доклады МАГАТЭ (Annual Reports) суммируют разнообразную деятельность Агентства; особый интерес представляет раздел, посвященный международным гарантиям, а также состоянию конвенций, в отношении которых МАГАТЭ выступает как депозитарий.

Среди других международных организаций отметим Агентство по ядерной энергии государств, входящих в ОЭСР (Nuclear Energy Agency, www.nea.fr) и ОПАНАЛ (www.opanal.org). На сайте ОПАНАЛ — интересная подборка материалов о состоянии договоров о ЗСЯО, причем не только в Латинской Америке и Карибском регионе³⁶. Проблемы запрещения ядерных испытаний представлены на сайте ОДВЗЯИ www.ctbto.org.

Перечень сайтов государственных органов всех стран мира (и доступ к ним) возможен через прекрасно организованный в ФРГ свод по адресу: www.gksoft.com/govt/en/world.html. Наиболее интересная информация (как актуальная, так и служащая для ретроспективного анализа) на английском языке — на сайтах в США. Много полезных сведений по общему состоянию проблем нераспространения и политике США размещено на сайте Государственного департамента (www.state.gov/t/np).

Специальные отделы, занимающиеся нераспространением, функционируют в составе Министерства энергетики США

³⁶Любопытную информацию о деятельности АБАКК можно получить на сайте www.abacc.org.

(Department of Energy, www.doe.gov). С 1 марта 2000 г. учреждена Администрация по ядерной безопасности Министерства энергетики (National Nuclear Security Administration, www.nnsa.doe.gov), отвечающая, в частности, за поддержание в безопасности ядерных арсеналов и расщепляющихся материалов и за продвижение в деле нераспространения. Ей подчинены другие ведомства в этом министерстве: Управление по контролю над вооружениями и нераспространению Министерства энергетики США (Office of Arms Control and Nonproliferation, www.nn.doe.gov), курирующее сотрудничество с государствами СНГ по укреплению ФЗУКЯМ, Управление по использованию расщепляющихся материалов Министерства энергетики США (Office of Fissile Material Disposition), Институт по нераспространению и национальной безопасности Министерства энергетики США (Nonproliferation and National Security Institute, www.nnsi.doe.gov). Базу данных расщепленных материалов Министерства энергетики можно посмотреть по адресу: www.osti.gov/opennet.

Министерству энергетики подчинены национальные ядерные лаборатории США. В Сандийской лаборатории действует Cooperative Monitoring Center, осуществляющий программу содействия экспертам различных государств по анализу, разработке и внедрению мер по нераспространению и контролю над вооружениями (www.cmc.sandia.gov). В Ливерморской лаборатории функционируют Управление по нераспространению, контролю над вооружениями и международной безопасности (Nonproliferation, Arms Control and International Security Directorate, www.llnl.gov/nai) и Центр по исследованию проблем безопасности и технологий (Center for Security and Technology Studies, www.llnl.gov/csts), изучающий, в частности, проблемы утилизации плутония. В Лос-Аламосской лаборатории осуществляется программа «Нераспространение и международная безопасность» (nis-www.lanl.gov или www.lanl.gov/orgs/nis/cisa/cisa.html).

Среди органов Министерства обороны США, осуществляющих программы по нераспространению и имеющих представительство в электронной сети, выделяется Агентство по уменьшению угрозы (Defense Threat Reduction Agency, www.dtra.mil).

Рабочая группа по нераспространению и технологии контроля над вооружениями (Nonproliferation and Arms Control Technology Working Group, www.dtic.mil/npac) создана из представителей различных министерств и ведомств и координирует их деятельность на этих направлениях. На сайте Рабочей группы — неплохо подобранный каталог основных организаций, занимающихся этой тематикой, с их кратким описанием.

В Министерстве торговли (Department of Commerce) действует Бюро по управлению экспортом (Bureau of Export Administration), на сайте которого — информация по ЭК (www.bxa.doc.gov). В

Министерстве финансов (Department of Treasury) сходной тематикой занимается Office of Foreign Assets Control (www.ustreas.gov/ofac/t11wmd.pdf). Разведывательные ведомства, прежде всего Центральное разведывательное управление, публикует доклады и публичные выступления по нераспространению, часть которых доступна в электронном виде (www.cia.gov/cia/publications/pubs.html).

На сайте www.usec.com приватизированной ОК США (US Enrichment Corporation, USEC) специальный раздел Magatons to Megawatts посвящен реализации российско-американского соглашения по ВОУ-НОУ.

Среди неофициальных сайтов «мозговых трестов»³⁷ следует в первую очередь отметить сайты Монтерейского института международных исследований (Центра по изучению проблем нераспространения) cns.mii.edu и Института Карнеги за международный мир.

Среди проектов Центра по изучению проблем нераспространения (Center for Nonproliferation Studies): нераспространение в России и ННГ (NISNP), в Восточной Азии (EANP), международные организации и нераспространение (IONP), нераспространение химического и биологического оружия (CBWNP), мониторинг угроз распространения (MPT). Материалы сайта сгруппированы и по географическому принципу (Африка, Америка, Европа и ННГ, АТР, Ближний Восток). Наиболее ценный ресурс сайта — базы данных по России и ННГ, Восточной Азии, ядерным и ракетным вопросам, публикациям (доступны при подписке).

Программа по нераспространению Института Карнеги за международный мир www.ceip.org/files/projects/npp предоставляет прекрасно организованный доступ как к собственным материалам, так и к ресурсам других ведомств. Ресурсы сгруппированы по регионам: Израиль, Ирак, Иран, Китай, Корейский полуостров, Россия, Южная Азия; по проблемам: ядерное, химическое, биологическое, ракетное оружие, ПРО; а также по характеру материалов.

Часть публикаций по ядерной тематике Совета по защите природных ресурсов доступна в электронном виде по адресу: www.nrdc.org/publications/default.asp (в разделе Nuclear Weapons and Waste).

Ассоциация по контролю над вооружениями разместила на своем сайте (www.armscontrol.org) многие материалы по проблемам нераспространения ОМУ и средств его доставки, СНВ/ПРО, ядерных испытаний, хронологии событий в области контроля над вооружениями.

На сайте Института науки и международной безопасности (Institute of Science and International Security, www.isis-online.org) —

³⁷Если не оговаривается особо, адреса принадлежат американским научным центрам.

хорошие материалы по ядерной проблематике, особенно по ситуации на Корейском полуострове.

В Центре оборонной информации (Center for Defense Information) подобраны сведения по ядерным арсеналам ЯОГ (база данных), предоставляется доступ к публикациям сотрудников Центра по нераспространенческой тематике (адрес www.cdi.org).

В Центре Генри Л. Стимсона (www.stimson.org) осуществляется программа «Диалог по ядерной опасности» (бывший Комитет по ядерной политике), а также проект по нераспространению химического и биологического оружия.

В Гарвардском университете, в Школе управления имени Дж. Кеннеди с осени 1996 г. реализуется проект «Управление атомом» (Managing the Atom), нацеленный на исследование взаимосвязи атомной энергии и ядерного оружия, а также процессов принятия решений по ядерным вопросам (ksgnotes1.harvard.edu/bcsia/mta.nsf/web/home).

В Стэнфордском университете функционирует Центр по международной безопасности и сотрудничеству (Center for International Security and Cooperation, CISAC, cisac.stanford.edu), среди программ которого — исследование перспектив изменения роли ядерного оружия, а также нераспространение химического и биологического оружия.

В ноябре 2001 г. открылся сайт нового фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (Nuclear Threat Initiative) — благотворительной организации, сопредседателями которой являются сенатор Сэм Нанн и медиамагнат Тэд Тернер. Существуют планы того, что по адресу www.nti.org можно будет найти значительные объемы информации, а также базы данных по ядерному нераспространению. Создана и страница сайта на русском языке.

Среди неамериканских исследовательских центров можно отметить Стокгольмский международный институт исследования проблем мира СИПРИ (www.sipri.se), под эгидой которого осуществляются программы по ЭК, нераспространению ОМУ, военным технологиям. Поддерживается (с участием других европейских институтов) база данных Facts on International Relations and Security Trends (доступ после регистрации), организованная по странам, годам и проблемам, включая ОМУ, ЭК и т.д. (first.sipri.org).

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

(без приложений и библиографических данных)

- Абдул Кадыр Хан 193
АБАКК 205-206, 253
Австралийская группа 336
Австралия 11, 50, 53, 89, 158, 234, 241
Австрия 146, 167, 234, 239
Азербайджан 313
Албания 167, 313
Алжир 162, 172, 178, 184, 203, 228, 257, 320, 392, 394
Ангола 241, 253
Антарктика 17, 150, 160
АНЗЮС 89
АПЛ 51, 55, 56, 93, 102, 189, 189, 325, 404-405, 409-410, 413-419, 429, 431-433
Аргентина 88, 133, 137, 169, 182, 202-204, 206, 228, 356, 394, 444
Аркадьев, Георгий 137
Армения 213, 215, 313, 393
Арцимович Л.А. 116
АСЕАН 160, 162
Атомы для мира 118-119, 122
«Аум Синрикё» 35, 36, 394, 395, 398
Афганистан 36, 65, 75, 129, 191, 194, 269, 394
Ачесон, Дин 82-83, 318
АЯЭ 147
- Баали, Абдалла 257, 261
Баба, Хоми 87, 187
Бангкокский договор 159-161, 168, 255
Барух, Бернард 81, 83, 118-121, 318, 319
Басаев, Шамиль 397
Бегин, Менахем 176
Безъядерные зоны (ЗСЯО) 78, 108, 132, 147, 149-170, 202, 243, 247, 236
- Бейкер, Джеймс 430
Белиз 153
Белоруссия 167, 168, 171, 211, 212, 214, 215, 216-218, 222-226, 229, 259, 279, 281, 290, 313, 349, 358, 373, 405, 408, 410, 411, 414, 440, 442, 444
Бельгия 143, 146
Бергманн, Эрнст Дэвид 176
Биологическое оружие 14, 18, 19-20, 78, 166, 172, 174, 179, 228, 244, 260, 263, 299, 301, 335, 336, 353, 359, 368, 377, 396, 446, 454, 455
Бирма 96
Ближний Восток, арабские государства 13, 149, 150, 165, 166, 169, 170, 171, 173, 174-185, 242-245, 252, 255, 259, 262, 303, 373, 393, 444, 454
Бликс, Ханс 181
Бодде, Иоганн 45
Болгария 50, 116, 135, 167, 313
Боливия 152
Бор, Нильс 81
Босния и Герцеговина 25, 313
Боуи, Роберт 93, 95
Бразилия 28, 53, 54, 58, 88, 96, 99, 106, 133, 143, 152, 153, 154, 157, 169, 172, 201, 202-206, 228, 241, 253, 264, 333, 337, 341, 394, 444
Брандт, Вилли 103, 113
Бруней 243
Булганин Н.А. 116
Буш, Джордж 194, 217, 273, 281, 282, 289, 295, 298, 407, 430
Буш, Джордж младший 20, 64, 290, 293, 408, 428
Бушер (АЭС) 27, 182-183, 241, 256
Бхутто, Беназир 191, 194
Бхутто, Зульфикар Али 194

Ванников Б.Л. 82
Вануату 241, 253
Вануну, Мордехай 176
Варшавский Договор, ОВД 23, 297, 342
Великобритания 11, 12-14, 28, 32, 53, 57-59, 62, 81, 82, 84, 85, 89, 94, 107-110, 114, 116, 126, 128, 130, 137, 139, 142, 144, 146, 156-158, 160, 163, 164, 176, 213, 221, 223, 224, 231, 234, 237, 244, 250, 254, 255, 257, 259, 280, 284, 303, 308, 309, 310, 316, 318, 322, 326, 329, 330, 337, 340, 341, 350, 354, 355, 358, 383, 392, 394, 431, 433, 443
Венгрия 50, 116, 167, 313
Венесуэла 154, 234, 235, 246
Вестдал, Кристофер 242, 261
Внешнеэкономическая деятельность, ВЭД 365, 367, 372, 374
«Восьмерка» 22, 249, 250, 291, 347, 348, 383, 387
ВОУ 46-52, 56, 87, 145, 178, 181, 182, 193, 209, 210, 213, 219, 220, 223, 250, 255, 261, 325, 326, 328, 381, 382, 391, 398, 417, 418, 421, 422, 423, 445, 451, 454
Вьетнам 75, 243
Гаагская конвенция 1907 г. 19
Габон 50
Гайана 153
Гана 164
Ганди, Индира 84, 187
ГА ООН 92, 97, 115, 119, 123, 125, 151, 152, 156, 165, 167, 174, 244, 291, 303, 305-307, 320, 321, 402, 447
Гарантии безопасности неядерных государств 26, 92, 110, 111, 147, 153, 158, 162, 165, 219, 226-228, 232, 240, 241, 243, 251, 260, 414
Гарсиа Роблес, Альфонсо 156
Гвадалахарское соглашение 1991 г. 205-206
Гвинея 96
ГДР 50, 110, 116, 125, 382
Геншер, Ганс-Дитрих 430
Гертер, Кристиан 93
де Голль, Шарль 87
Гольдшмидт, Бертран 129, 136, 137
Горбачев М.С. 215, 272, 279, 281, 295, 296, 298, 310, 319, 358, 407, 439
Госатомнадзор 368, 431, 432, 449
Греция 146, 394
Громыко А.А. 83, 94, 97, 135
Грачев П.С. 215
Грузия 213, 313, 394, 408, 417
Группа ядерных поставщиков, ГЯП 18, 49, 78, 146, 189, 224, 336, 340-350, 353, 354, 355, 356, 361, 363, 368, 369, 371, 387, 436, 451, 452
Грэм, Томас 242
Даллес, Джон Фостер 120-121
Данапала, Джаянта 229, 238, 243, 246
Дания 146, 167
ДВЗЯИ 31, 46, 107, 179, 184-186, 201, 202, 204, 229, 236, 237-239, 251, 254, 257, 259, 260, 261, 266, 286, 299, 302-305, 308-310, 322, 325, 330, 437, 441
Двойного назначения, материалы и технологии 177, 260, 284, 314, 315, 319, 321-323, 325, 329, 339, 342, 344, 345, 347, 417
Джибути 241, 253
Джонсон, Линдон 94, 95, 97, 144
ДНЯО 11-15, 22, 33-34, 37, 50, 52, 54, 72, 76-78, 90, 91, 93, 95-97, 99-101, 102-108, 109-111, 129, 136, 137, 139, 140, 142, 147-149, 152, 154, 155, 157, 159-164, 166, 168,

169, 177, 179-183, 190, 191, 193, 195, 197, 199-202, 204, 205, 208-210, 212, 213, 217-219, 223-244, 246-256, 258, 259, 262-264, 274, 283, 290-292, 295, 299, 300, 302, 306-308, 311, 313, 315, 316, 318, 319, 325, 329, 335, 346, 350, 360, 377, 404, 406, 408-410, 413, 414, 418
Договор о запрещении испытаний в трех сферах 1963 г. 111, 112, 139
«Доклад Шеннона» 320, 321
Дольче, Романо 382

Евратом 48, 100, 101, 103, 104, 138, 146, 147, 198, 206, 255

Египет 11, 65, 96, 99, 100, 106, 107, 116, 129, 133, 165, 166, 172, 174, 176-179, 228, 230, 232, 235, 243, 244, 246, 252, 235, 243, 244, 246, 252, 253, 261, 264, 320, 321, 333, 394

Ельцин Б.Н. 183, 215, 223, 249, 254, 281, 282, 291, 298, 347, 358, 359, 361, 422, 423, 430

Емельянов В.С. 87, 136

Женевская конференция по мирному использованию атомной энергии 1955 г. 54, 117

ЖРО 432

Закон Макмагона 82, 85, 117

Закон Хелмса-Бертонна 154

Зарубин Г.Н. 121

ЗАТО 225, 406, 425, 427, 428

Зимбабве 162, 234

Зия-уль-Хак 193

ЗПРМ 236, 240, 247, 249, 254, 259, 263, 302, 308, 318-325

ЗСОМУ 149-170, 179, 259, 262

Израиль 12, 20, 28, 32, 54, 59, 65, 77, 86, 87, 111, 115, 165, 166, 171-

185, 207, 209, 229, 230, 235, 241-244, 246, 252, 253, 259, 262, 289, 303, 306, 316, 318, 321, 325, 327, 329, 330, 332, 337, 354, 383, 385, 393, 394, 454

Индия 12, 21, 23, 28, 36, 46, 53, 54, 55, 58, 59, 62, 66, 67, 84, 87, 96, 99, 106, 111, 115, 128, 129, 133, 135, 136, 137, 143, 171, 172, 173, 185-195, 207, 226, 229, 241, 242, 248, 252, 253, 254, 259, 262, 263, 268, 303, 306, 308, 311, 316-326, 329, 330, 332, 333, 336, 337, 339, 341, 349, 355, 356, 371, 385, 393

Индонезия 129, 133, 232, 234, 235, 240, 246

Интерпол 388

Иордания 174, 235

Ирак 12, 25, 27, 31, 53, 52, 73, 131, 140, 145, 171, 172-174, 179-181, 228, 229, 240, 256, 261, 268, 284, 289, 290, 301, 332, 337, 339, 352, 394, 445, 452, 454

Иран 31, 53, 54, 129, 165, 171, 172, 174, 179, 180-184, 234, 235, 240, 241, 244, 246, 252, 256, 264, 320, 337, 347, 348, 409, 425, 445, 454

Ирландия 91, 146, 239, 252, 253, 262, 306

Испания 146, 164

Исследовательские реакторы 56, 59, 87, 88, 135, 138, 144, 145, 176-178, 180, 181, 183, 184, 187, 191, 193, 195, 200, 214, 220, 307

Исходные ЯМ 44, 47, 48, 98-100, 125, 142, 155, 315, 318, 326

Исходный список 55, 102, 322-328, 326, 328, 407

Италия 53, 86, 99, 103, 112, 113, 143, 146, 250, 341, 354, 382, 383, 394

Каддафи, Муамар 184, 185

Казахстан 50, 67, 168, 170, 171, 212, 215, 216, 218-219, 222, 223, 224, 226, 228, 229, 279, 281, 282, 290, 332, 349, 358, 373, 405, 407, 410, 411, 414, 417, 440, 441, 442, 444

Канада 50, 58, 59, 90, 126, 147, 187, 189, 242, 243, 245, 250, 252, 320, 327, 338, 340, 341, 433

Караджич, Радован 398

Карибский кризис 1962 г. 137, 139, 152, 153

Картер, Джеймс 198, 269, 277

КБО 1972 г. 20, 307, 441

КЕДО 198

Кения 234, 235

Кеннеди, Джон 90, 93, 94, 154, 176, 455

Ким Ир Сен 198

Кини, Сперджен 100

Киси 89

Киссинджер, Генри 85

Киргизия 168, 213-215, 226, 252, 373

Китай 11, 14, 28, 31, 32, 34, 36, 53, 57, 62, 64, 65, 76, 85, 86, 87, 107, 111, 112, 144, 156, 158, 159, 164, 182, 184, 193, 195, 221, 224, 231, 237, 241, 252, 257, 258, 260, 261, 293, 303, 308, 309, 316, 317, 318, 320, 323, 324, 326, 329, 330, 332, 333, 354, 355, 358, 444, 454

Клапрот, Мартин Хайнрих 45

Клаузен, Питер 119

де Клерк, Фредерик 208, 209

Клинтон, Уильям (Билл) 241, 254, 273, 283, 291, 292, 293, 319, 408, 409, 422, 423, 428

КНДР 253, 254, 301, 332

Козырев, Андрей 237

КОКОМ 240, 342

Кокрофт, Джон 126

Колор де Мелло, Фернандо 205

Колумбия 235, 394

Комитет Цангера 18, 46, 49, 53, 54, 55, 103, 146, 240, 336, 338-339, 340, 342, 348, 353, 354, 363, 436, 451, 452

Комиссия по атомной энергии (США) 117, 118, 126, 142

Комиссия ООН по атомной энергии 81-84

Конго (Киншаса), бывший Заир 164, 370

Конференция по разоружению в Женеве 243, 250, 256, 290, 292, 294, 295, 308-311, 418, 424

Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 169, 204, 206, 228-264, 277, 314, 332, 418

Конференция по рассмотрению действия и продлению ДНЯО 1995 г. 34, 168, 185, 227-248, 251, 254, 295, 311, 331, 332, 364, 412, 416

Концепция национальной безопасности РФ 14, 25, 31

Корея Южная (Республика Корея) 50, 55, 56, 86, 107, 109, 161, 194, 316, 318, 332, 368, 401

Кравчук Л.М. 221-223

КРВБ 269, 274, 275, 276, 277, 280, 283

Критическая масса, КМ 44, 47, 53, 56

КРМБ 269, 284, 298

КРНБ 296

Крылатые ракеты 269, 284, 296

Куба 115, 154, 206-207, 241, 256, 259, 356

Кувейт 25

Кука острова 158

Курчатов И.В. 43, 82

КХО 19, 20, 75, 307, 314, 441

бен Ладен, Усама 34, 394, 398

Лал Бахадур Шастри 87

Лаос 243
Латвия 167, 313
Латинская Америка 88, 149, 150, 151, 152-157, 159, 169, 171, 201, 206, 234, 242, 313, 333, 452
Легководные реакторы (АЭС) 47, 57, 58, 59, 165, 178, 182, 189, 193, 198, 204, 210, 253
Ливан 129, 235, 394
Ливия 171, 172, 184, 185, 203, 228, 235, 236, 240, 243, 356, 357
Либиенталь 82, 318
Лиссабонский протокол 1992 г. 212, 216, 217, 224, 437
Литва 167, 317, 398
Лугар, Ричард 404
Люксембург 146

Маврикий 163
МАГАТЭ 16, 17, 27, 42, 45, 46, 48, 49, 50, 52, 55, 56, 59, 71, 78, 84, 87, 89, 100, 101, 103, 104, 108, 120, 122, 123, 153, 154, 157, 159, 161, 164, 165, 178, 180, 183, 184, 185, 187, 189, 193, 194, 196, 197, 198, 201, 203, 229, 236, 240, 244, 247, 248, 249, 250, 253, 255, 256, 257, 261, 315, 325, 326, 329, 330, 331, 332, 336, 337, 340, 341, 342, 344, 345, 346, 347, 349, 355, 356, 359, 363, 368, 371, 383, 387, 424, 436, 438, 441, 443, 444, 452
Мадагаскар 162
Македония 313
Макмиллан, Гарольд 89
Макнамара, Роберт 95
Малайзия 230, 234, 235, 239, 243, 246, 264, 306
Мальшев В.А. 122
Мао Цзедун 85
Маршалловы острова 158, 235
Международные гарантии, контроль МАГАТЭ 149-151, 153, 155, 157, 160-162, 166, 172, 175-177, 180-182, 184, 185, 187, 191-193, 197-199, 201, 205-208, 213, 214, 219, 232, 236, 240, 245, 246, 249, 251, 252, 256, 259, 265, 312, 315-321, 323-328, 330, 338, 344, 408, 424
Международный режим нераспространения 4, 5, 8-20, 22, 26-31, 34, 35, 40, 45, 55, 56, 58, 59, 62-64, 72-75, 77, 80, 92, 103, 106, 145, 147, 155, 163, 166, 168, 178, 196, 201, 205, 223-230, 232, 234, 244, 246, 247, 252, 253, 255, 260, 261, 262, 265, 290, 292, 308-310, 312, 314, 324, 326, 328, 335, 336, 338, 344, 346, 349, 352, 353, 357, 360, 377, 380, 392, 404, 405, 409, 411, 412, 414
Международный суд 19
Мексика 96, 105, 106, 107, 110, 152, 154, 155, 234, 235, 236, 239, 241, 252, 253, 262
де Мело Франко, Альфонсо 148
Менем, Карлос 203, 205
Мензис, Роберт 89
Мершаймер, Джон 65
Михайлов В.Н. 423
Микронезия 158, 235
МНТЦ 410, 425, 430-431
МОКС-топливо 424
Молдавия 167, 215, 313
Молотов В.М. 83, 120, 121, 123
Монголия 165
Московская встреча на высшем уровне по ядерной безопасности 1996 г. 249-252
Моэр, Марк 321
Мубарак, Хосни 230
Мусса, Амр 244, 245
Муто 200
Мюрдаль, Альва 101
МЭРТ 366-371

МЯВ 101-102, 151, 157, 237, 298,
320, 410

МЯС/АЯС 83-94, 97

Назарбаев, Нурсултан 219

Накиченович, Слободан 142

Намибия 50

Нанн, Сэм 407

НАТО 26, 30, 31, 79, 92, 94, 95, 97,
166, 167, 168, 173, 252, 259, 260,
278, 284, 287, 292, 295-298, 306,
317, 322

Неофициальные ядерные
государства 173-175, 187, 188, 194,
227, 228, 242, 248, 262, 295, 370,
419

Неприсоединившиеся страны, ДН
61, 62, 114, 231, 232, 235-238, 243,
246, 253, 258, 259, 260, 262, 303,
306, 307, 321, 324

Нигер 50

Нигерия 96, 144, 232, 234, 235, 239,
246, 252, 333

Нидерланды 53, 146, 147, 156, 193,
234, 432

Никсон, Ричард 85

ННГ 23, 210, 212, 214, 225, 226,
229, 349, 404, 406, 409, 426, 434

Новая Зеландия 89, 234, 239, 252,
253, 306

Норвегия 86, 135, 167, 417, 430,
432, 433, 448

Норстэд, Лорис 92

ОАЭ 241, 253

Огарков Н.В. 84

Оман 241, 253

ОМУ 14, 16, 18, 19, 20, 23, 24, 31,
35, 38, 39, 79, 149, 150, 166, 173,
174, 179, 184, 196, 199, 210, 212,
226, 228, 229, 248, 307, 335, 340,
349, 350, 352, 354, 360, 363, 364,
365, 366, 374, 375, 376, 379, 390,

394, 395, 397, 430, 437, 440, 443,
446, 448, 449, 454, 455

ОМУТ 390, 394, 397

ООН 14, 15, 24, 25, 26, 30, 61, 62,
65, 76, 78, 79, 82, 83, 84, 91, 96, 97,
110, 111, 112, 114, 115, 119, 121-
128, 131, 145, 151-153, 156, 162,
164, 165, 167, 179, 181, 232, 233,
244, 259, 303, 349, 352, 359, 402,
443

ООП 174

ОПАНАЛ 150, 153, 160, 169, 206,
452

Оппенгеймер, Роберт 82, 118

ОСВ 107, 270-277, 276, 281

ОЯТ 47, 48, 49, 51, 54, 55, 57, 58,
90, 127, 136, 141, 145, 189, 198, 202,
225, 250, 337-341, 346, 355, 380,
400, 405, 417, 425, 432, 433

Пак Чжон Хи 90

Пакистан 12, 23, 28, 53, 54, 58, 59,
66, 67, 78, 11, 115, 133, 171, 172,
173, 186, 190-195, 207, 226, 229,
241, 242, 248, 252, 253, 256, 259,
262, 268, 303, 306, 308, 316-329,
332, 337, 339, 341, 383, 393

Палау 158

Панама 154, 156

Папуа-Новая Гвинея 235, 239

Парижские соглашения 1954 г. 86

Пасторе, Джон 95

Пелиндаба, Договор 162-165, 169,
255

Перес, Шимон 176, 179

Перон, Хуан 201

Петросьянц А.М. 143

Первый Комитет ГА ООН 297

Перрен, Франсис 100, 127

ПИР-Центр 438, 440, 441, 446-448,
450

Плутоний 40-44, 46-49, 54, 55, 57-
59, 84, 128, 139, 146, 165, 177, 180,

181, 187, 188, 190, 192, 193, 196-200, 202, 248, 254, 255, 261, 318, 325, 326, 328, 329, 330, 337, 341, 356, 369, 380-383, 391, 398, 412, 413, 417, 422-425, 432, 433, 442, 445, 449, 451, 453

Подготовительный комитет к КР ДНЯО 16, 184, 204, 228, 229, 232, 240, 251, 252

Польша 167, 259, 313

«Поправка Брауна» 194

«Поправка Гленна-Саймингтона» 194

«Поправка Джексона» 270

«Поправка Пресслера» 194

«Поправка Харкина» 194

Португалия 146

Правиц, Ян 84, 88

Примаков Е.М. 64

Применение ОМУ 9, 10, 15, 16, 23, 25, 26, 29, 38, 62, 75, 76, 80, 81, 90, 92, 111, 117, 156, 158, 160, 173, 204, 211, 213, 226, 227, 259, 295, 363, 364, 368, 410, 423

ПРО 28, 30, 32, 33, 34, 36, 64, 77, 252, 268, 269-72, 277, 288-293

Программа «93+2»,
Дополнительный протокол 141-142, 155

Путин В.В. 146, 258, 292, 293, 294, 347, 369, 425

Пуэрто-Рико 154

Раби, Исидор 127

Ракеты средней дальности, РСД 13, 186, 278, 279, 295-297

Рамзи, Юсеф 395

Рандерс, Гуннар 135, 136

РАО 51, 52, 159, 161, 164, 390, 391, 399, 429, 431, 432, 452

Рапацкий, Адам 149

Раротонга, Договор 157-160, 161, 162, 163, 168

Раск, Дин 97, 113

Рауни, Эдвард 278

РВСН 219

РГЧ ИН 269-273, 276-279, 283

Рейган, Рональд 194, 272, 278, 279, 296, 310

РикOVER, Хаймэн 93

РКРТ 20-23, 76, 78, 292, 331, 347, 441, 451

Роман-Морей, Энрике 151

РСМД 107, 266, 279, 295-297

Румыния 58, 116, 167, 313, 444

Санкт-Петербургская декларация 1898 г. 19

СВР 38, 372

Сдерживание 13, 19, 24, 28, 30, 31, 32, 88, 172, 175, 176, 185, 201, 208, 231, 258, 260, 263, 270, 271, 291, 299, 327, 328, 329, 379

Сиборг, Гленн 46, 98, 100, 142, 143

Сидоров В.С. 322

Сирия 129, 166, 176, 235, 236, 244

Система международных отношений 61-68

Скобельцын Д.В. 126

Словакия 167, 313

Словения 313

Смит, Беделл 117

СНВ-1 28, 107, 216, 217, 222-224, 229, 266, 269, 272, 273, 278-281, 284, 290, 297, 298, 328, 331, 404, 405, 412, 413, 414, 416

СНВ-2 73, 229, 255, 257, 259, 266, 269, 281-286, 287, 288, 437

СНВ-3 255, 257, 259, 286, 287, 291

СНГ 214, 215, 217, 222, 226, 234, 259, 429, 430, 436, 445, 446, 453

Совет Безопасности ООН 12, 28, 64, 77, 79, 82, 114, 122-124, 125, 126, 131, 140, 151, 156, 179, 183, 197, 230, 231, 259, 262, 303, 318, 330

СОИ 272, 273, 279, 289
Соколовский В.Д. 122, 123
Сомали 163
Специальные расщепляющиеся материалы 47, 51, 101-103, 146, 159, 319, 322, 340
СССР 11, 19, 20, 28, 31, 33, 34, 37, 48, 49, 53, 56, 62, 65, 66, 75, 77, 78, 81-85, 90, 95, 97, 100, 103, 105, 106, 107, 111, 113, 115-119, 121-125, 127, 131, 132, 134-136, 141, 145, 151-153, 155, 157, 168, 180, 182, 203, 204, 206-213, 218, 219, 221, 225, 263-265, 267-278, 284-287, 291, 295-298, 306, 319, 336, 337, 355, 357, 377-381, 383, 386, 388, 399, 400, 406, 408-410, 413
Сталин И.В. 82, 83, 118, 120, 122, 439, 442
Стимсон, Генри 82
Стратегическая стабильность 28, 62
Стратегические вооружения 71, 73, 122, 138, 150, 173, 175, 212, 216, 221, 257-260, 268, 269-300, 301, 329
Страус, Льюис 118
Судан 394
СУУ, Программа Нанна-Лугара 217, 282, 405-419
СЯС 212, 215, 271, 439

Табуи, Женевьева 101
Тавиани, Паоло-Эмилио 85
Таджикистан 50, 168, 214, 215, 226, 373, 394
Таиланд 237, 243
Тайвань (Китай) 85, 90, 172, 196, 200-201
Тактическое ядерное оружие, ТЯО 33, 178, 197, 211, 222, 252, 260, 263, 297-300, 306, 407
Танзания 233, 240
ТАСИС 429

ТБ 269, 270, 273, 274, 275-300, 404, 414, 415
Терроризм, ЯТ, организованные преступные группы 23, 32, 185, 211, 241, 254, 258, 264, 379-403
Того 162
Тонга 157
Тлателолко, Договор 152-157, 158, 160, 162, 163, 168, 202, 204-206
Трансурановые элементы 39, 46
Трехстороннее заявление 1994 г. 222, 223
Трумэн, Гарри 82
Туркменистан 167, 211, 214
Тяжелая вода 41, 42, 55, 57, 86, 138, 182, 187, 193, 214, 220, 339, 340, 344, 345, 356, 369, 380, 382
Тяжеловодные реакторы (АЭС) 50, 57-59, 178, 187, 193

У Даю 90
Украина 50, 59, 66, 67, 138, 167, 168, 171, 211, 212, 214-217, 218, 220-225, 228, 229, 238, 279, 281, 282, 290, 313, 332, 349, 358, 394, 405, 408, 410, 411, 414, 407, 421, 429, 440, 444, 449
Узбекистан 46, 164, 209-211, 329, 389
Уран 32, 37, 38-59, 81, 87, 88, 119, 129, 138, 141, 145, 165, 179-181, 183, 184, 189, 190, 193, 195, 196, 201-215, 310, 315, 320, 321, 323, 324, 325, 344, 353-357, 371, 391, 394-396, 416, 423
Уругвай 234, 235

Фанфани, Аминторе 112
Ферми, Энрико 43
Феу Алвим, Карлос 206
ФЗУКЯМ 16, 36, 250, 373, 384, 407, 418, 420, 453
Филиппины 129, 160, 234, 235, 242, 243

- Финляндия 143, 146, 167, 252, 430, 433
Фишер, Дэвид 137
Фостер, Уильям 99, 109, 120, 121, 143
Франция 11, 13, 14, 28 32, 50, 53, 57-59, 62, 86, 87, 94, 95, 100, 107, 111, 124, 129, 135, 136-138, 144-146, 149, 153, 156-160, 164, 176, 178, 184, 204, 221, 224, 257, 259, 260, 303, 308, 309, 316, 322, 326, 329, 330, 332, 337, 339, 340, 341, 354, 355, 358, 383, 392, 394, 396, 431, 433
ФРГ 53, 54, 59, 85, 87, 92, 98, 103, 104, 112, 113, 134, 136, 137, 138, 139, 143, 146, 202, 204, 337, 340, 341, 452
Фриш, Отто 80
- Халаф 100
Хершель, Уильям 44
Хефеле 137
Химическое оружие 14, 18-20, 32, 78, 166, 173, 226, 243, 261, 264, 301, 335, 336, 359, 366, 382, 395, 396, 408, 426, 446, 454, 455
Холт, Гарольд 89
Хорватия 313
Хрушев Н.С. 85, 116
Хурагуа (АЭС) 154, 207
- Чехия 45, 167, 313
Чехословакия 50, 116, 125, 126, 135, 137
Чили 152-154, 157, 241, 253
Чон Ду Хван 89
Чувствительные фазы ЯТЦ 48, 51-54, 141
- Шабан-Дельмас, Жак 85
Шайнмэн, Лоуренс 137
Шакер, Мохаммед 98
- Шапошников Е.И. 215
Шариф, Наваз 193
Швайцер, Гленн 430
Швейцария 11, 27, 28, 88, 89, 103, 106, 109, 129, 143, 234, 252, 341, 354, 356, 381, 382, 392
Швеция 11, 59, 88, 91, 96, 100, 106, 109, 142, 143, 146, 167, 172, 217, 234, 238, 239, 253, 262, 306, 354, 430, 433
Шри-Ланка (Цейлон) 129, 135, 229, 234
Штраус, Франц Йозеф 86
- Эйзенхауэр, Дуайт 118-120
Эйкен, Фрэнк 91
Эквадор 151
Экваториальная Гвинея 162
Эклунд, Зигвард 142
Экспортный контроль, ЭК 16, 18, 27, 36, 78, 159, 172, 203, 211, 219, 225, 240, 261, 335-353, 354-378, 380, 386, 405, 429, 440
Эльбарადей, Мохамед 133
Эрландер, Таге 88
Эрхард, Людвиг 112
Эспин, Лес 79
Эстония 167, 313, 354
Эфиопия 96, 143, 162
- ЮАР 27, 28, 38, 50, 53, 54, 59, 67, 8, 87, 111, 137, 162, 169, 172, 208, 209, 210, 228, 234, 235, 236, 252, 253, 262, 264, 306, 323, 337, 444
Юго-Восточная Азия 148, 115, 160, 162, 229
Югославия 26, 64, 65, 116, 142, 167, 252, 287, 313, 317
Южная Азия 172, 186, 242, 255, 263
ЮНСКОМ 174, 179
- ЯВУ 11, 16, 17, 18, 36, 38, 54, 85, 86, 87, 99, 110, 164, 172, 173, 176,

178, 180, 181, 183, 184, 185, 187, 190, 192, 195, 196, 208, 228, 247, 249, 264, 308, 310, 311, 325, 328, 332, 336, 338, 340, 341, 343, 344, 345, 346, 355, 369, 379, 390, 391, 397, 398

Ядерная контрабанда, НОЯМ 225, 250, 251, 254, 264, 379-399

Ядерная энергетика, мирное использование атомной энергии 17, 25, 41, 45, 47, 48, 53, 57, 77, 82, 84, 87, 98, 99, 101-104, 116-124, 127, 128, 132, 140, 144, 151, 159, 162, 163, 185, 205, 206, 239, 241, 249, 250, 256, 258, 266, 303

Ядерное разоружение, сокращение вооружений 157, 212, 227, 231, 233-235, 243-246, 247, 248, 250, 252-258, 262-266, 273, 274, 280, 282, 284, 290-297, 305-311, 328, 380, 392, 406, 422-425

Ядерные испытания 23, 31, 47, 62, 67, 84, 86, 89, 96, 112, 120, 136, 139, 155, 157, 159, 160, 164, 168, 176, 184, 189, 190, 194, 195, 204, 208, 209, 234, 235, 247, 252, 260, 268, 274, 281, 299, 308, 309, 310, 315-318, 336, 338, 350, 354, 384, 414, 438

Ядерные материалы 37, 38, 40, 42, 45, 46, 49-52, 57, 100-103, 116-118, 131, 133, 135-139, 150, 161, 174, 177, 179, 185, 191, 192, 194, 196, 198, 202, 203, 208-210, 214, 215, 218, 220, 245, 246, 250, 307, 317, 320, 323, 324, 327, 337, 338, 343, 345-347, 349, 353-357, 359-361, 363, 364, 366, 375, 377

Ядерный цикл, ЯТЦ 38, 49-55, 59, 87, 88, 141, 199, 337, 344, 345, 346, 371, 372, 380, 385, 391, 392, 401

Яковлев В.Н. 286

ЯОГ 11, 12, 14, 15, 17, 24, 26, 28, 30, 32-35, 38, 46, 47, 50, 53, 54, 56,

61, 66, 77, 79, 80, 84, 91, 94, 96-99, 102, 105, 106-110, 112, 114, 115, 116, 120, 121, 128, 136, 141, 143-45, 150, 151, 155, 156, 158, 160-162, 164, 167, 169, 171, 174, 186, 188, 195, 210, 223, 224, 229-234, 241-246, 248, 251, 252, 254-263, 265-267, 280, 287, 296, 298, 301-303, 308, 311, 315, 316-322, 325-332, 353, 354, 356, 358, 382, 393, 443, 451, 455

Япония 11, 19, 28, 35, 36, 46, 53, 54, 55, 58, 59, 65, 89, 90, 99, 100, 103, 104, 106, 136, 137-139, 143, 145, 172, 195, 198, 199, 200, 217, 234, 239, 250, 301, 318, 325, 327, 333, 338, 340, 341, 392, 394, 404, 417, 424, 430, 432, 451

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБАКК — Бразильско-аргентинское агентство по учету и контролю ЯМ — Agencia Brasileno-Argentina de Contabilidad y Control de Materiales Nucleares; Agencia Brasileiro-Argentina de Contabilidade e Controle de Materiais Nucleares (АВАСС)

АНЗЮС — Блок США, Австралии и Новой Зеландии (1951) — Australia, New Zealand & United States (ANZUS)

АПЛ — атомная подводная лодка — nuclear-powered submarine (SSN)

АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии — Association of Southeast Asian Nations (ASEAN)

АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион — Asia-Pacific Region

АЭС — атомная электростанция — nuclear power plant

АЯС — Атлантические ядерные силы — Atlantic Nuclear Forces (ANF)

АЯЭ — Агентство по ядерной энергии — Nuclear Energy Agency (NEA)

БРПЛ — баллистическая ракета подводных лодок — submarine-launched ballistic missile (SLBM)

ВВС — Военно-Воздушные Силы — Air Force (AF)

ВВЭР — водо-водяной энергетический реактор советской/российской конструкции — light water cooled and moderated reactor (VVER, LWR)

ВМС — Военно-Морские Силы — Navy

ВМФ — Военно-Морской Флот (СССР/России) — Navy

ВОЗ — Всемирная организация здравоохранения — World Health Organization (WHO)

ВОУ — высокообогащенный уран — highly enriched uranium (HEU)

ВПК — военно-промышленный комплекс — military-industrial complex

ВТО — Всемирная торговая организация — World Trade Organization (WTO)

ВЭД — внешнеэкономическая деятельность — external economic activities

ВЭК — Федеральная служба по валютному и экспортному контролю — Federal Service for Currency and Export Controls

ВФПЭК — Внутрифирменная программа экспортного контроля — Internal Compliance Program

ГА — Генеральная Ассамблея ООН — UN General Assembly (UNGA)

Госатомнадзор (ГАН) — Федеральный надзор России по ядерной и радиационной безопасности — Gosatomnadzor

ГТК — Государственный таможенный комитет — State Customs Committee

ГСУ(и)К — Государственная система учета и контроля (ядерных материалов) — State System of Accounting and Control (of nuclear material)

ГУМО — Главное управление Министерства обороны РФ — MOD Main Directorate

ГЯП — Группа ядерных поставщиков — Nuclear Suppliers Group (NSG)

ДВЗЯИ — Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (1996) — Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (CTBT)

ДН — Движение неприсоединения — Non-Alligned Movement (NAM)

ДНЯО — Договор о нераспространении ядерного оружия (1968) — Nuclear Non-Proliferation Treaty (NPT)

ДОВСЕ — Договор об обычных вооруженных силах в Европе (1990) — Conventional Armed Forces in Europe Treaty (CFE Treaty)

Договор по ПРО — Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны (1972) — Anti-Ballistic Missile Treaty (ABM Treaty)

Договор по РСМД — Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (1987) — Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty (INF Treaty)

Договор СНВ-1 — Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (1991) — Strategic Arms Reduction Treaty (START I)

Договор СНВ-2 — Договор между РФ и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (1993) — Strategic Arms Reduction Treaty (START II)

Евратом — Европейское сообщество по атомной энергии — European Atomic Energy Community (Euratom)

ЕРР — единица разделительной работы — separative work unit (SWU)

ЕС — Европейские Сообщества, с 1993 г. Европейский Союз — European Communities, from 1993 European Union (EC/EU)

ЖРО — жидкие радиоактивные отходы — liquid radioactive waste

ЗАТО — закрытое административно-территориальное образование — closed administrative-territorial unit

ЗСОМУ — зона, свободная от оружия массового уничтожения — zone free of weapons of mass destruction

ЗСЯО — зона, свободная от ядерного оружия — nuclear-weapon-free zone (NWFZ)

КАЭ — Комиссия по атомной энергии — Atomic Energy Commission (AEC)

КБО — Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972) — Biological and Toxin Weapons Convention (BWC)

КЕДО — Организация по развитию энергетики на Корейском полуострове — Korean Peninsula Energy Development Organization (KEDO)

КНПД — Коалиция за новую повестку дня — New Agenda Coalition (NAC)

КМ — критическая масса — critical mass

КОКОМ — Координационный комитет по многостороннему экспортному контролю — Coordinating Committee for Multilateral Export Control (COCOM)

Конвенция о ЗПРМ — Конвенция о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия — Fissile Material Cut-off Treaty (FMCT)

КР — Конференция (до 1984 г. Комитет) по разоружению в Женеве — Geneva Conference (until 1984 — Committee) on Disarmament

КРВБ — крылатая ракета воздушного базирования — air-launched cruise missile (ALCM)

КРНБ — крылатая ракета наземного базирования — ground-launched cruise missile (GLCM)

КРМБ — крылатая ракета морского базирования — sea-launched cruise missile (SLCM)

КР ДНЯО — Конференция по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия — NPT Review Conference

КРП ДНЯО — Конференция по рассмотрению действия и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия (1995 г.) — NPT Review and Extension Conference

КХО — Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (1993) — Chemical Weapons Convention (CWC)

КЭК — Комиссия по экспортному контролю при правительстве РФ — Export Control Commission

МАГАТЭ — Международное агентство по атомной энергии — International Atomic Energy Agency (IAEA)

МБР — межконтинентальная баллистическая ракета — intercontinental ballistic missile (ICBM)

МВт — мегаватт, миллион ватт — megawatt (MWt)

МГИМО-Университет — Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ — Moscow State Institute of International Relations (University)

МИД — Министерство иностранных дел — Ministry of Foreign Affairs (MFA)

Минатом — Министерство по атомной энергии РФ — Ministry of Atomic Energy (Minatom)

Минсредмаш — Министерство среднего машиностроения СССР

МИФИ — Московский инженерно-физический институт — Moscow Engineering Physics Institute (MEPhI)

МНТЦ — Международный научно-технический центр — International Science and Technology Center (ISTC)

МОКС-топливо — смешанное ядерное топливо из оксидов урана и плутония — mixed oxides fuel (MOX-fuel)

МОТ — Международная организация труда — International Labour Organization (ILO)

МСМ — Международная система мониторинга — International Monitoring System

МЦД — Международный центр данных — International Data Centre

МЯВ — ядерный взрыв в мирных целях — peaceful nuclear explosion (PNE)

МЯС — Многосторонние ядерные силы — Multilateral Forces (MLF)

НАТО — Организация Североатлантического договора — North Atlantic Treaty Organization (NATO)

НИОКР — Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы — Research and Development (R&D)

НИГ — Новое независимое государство — Newly Independent State (NIS)

НОУ — низкообогащенный уран — low enriched uranium (LEU)

НОЯМ — незаконный оборот ядерных материалов — illicit nuclear trafficking

НПО — Научно-производственное объединение

НПРО — Противоракетная оборона национальной территории — National Missile Defense (NMD)

НТИ — научно-техническая информация

НЯОГ — Государство, не обладающее ядерным оружием — non-nuclear-weapon state (NNWS)

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (до 1 января 1995 г. Совещание — СБСЕ) — Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE, before 1995 Conference — CSCE)

ОВД — Организация Варшавского Договора — Warsaw Treaty Organization (WTO)

ОДВЗЯИ — Организация по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний — Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Organization (CTBTO)

ОМУ — оружие массового уничтожения — weapons of mass destruction (WMD)

ОМУТ — терроризм в области ОМУ — WMD terrorism

ООН — Организация Объединенных Наций — United Nations (UN)

ООП — Организация Освобождения Палестины — Palestine Liberation Organization (PLO)

ОПАНАЛ — Агентство по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском регионе — Organismo para la Proscripcion de las Armas Nucleares en la America Latina y el Caribe (OPANAL)

ОСВ — Ограничение стратегических вооружений (переговоры) — Strategic Arms Limitation Talks (SALT)

ОСВ-1 — Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (1972) — Interim Agreement on Certain Measures with Respect to the Limitation of Strategic Offensive Arms (SALT I)

ОСВ-2 — Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (1979) — Strategic Arms Limitation Treaty (SALT II)

ОЭСР — Организация по экономическому сотрудничеству и развитию — Organization for Economic Cooperation and Development (OECD)

ОЯТ — облученное (отработанное) ядерное топливо — spent nuclear fuel

ПИР-Центр политических исследований в России — Center for Policy Studies in Russia (PIR Center)

ПЛАРБ — подводная лодка атомная, с баллистическими ракетами на борту — nuclear-powered ballistic missile submarine (SSBN)

ПКК — Постоянная Консультативная Комиссия (по Договору ПРО и ОСВ-1) — Standing Consultative Commission (SCC)

ПРО — 1) Противоракетная оборона — Ballistic Missile Defense (BMD); 2) Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны — Treaty between the USSR and the USA on the Limitation of Anti-Ballistic Missile Systems (ABM Treaty)

ПРО ТВД — противоракетная оборона театра военных действий — Theatre Missile Defense (TMD)

ПУ — пусковая установка — launcher

РАО — радиоактивные отходы — radioactive waste

РБМК — реактор большой мощности канальный советской/российской конструкции — light water cooled, graphite moderated reactor (РБМК, LWGR)

РВСН — Ракетные войска стратегического назначения — Strategic Rocket Forces (SRF)

РГЧ ИН — разделяющаяся головная часть с боеголовками индивидуального наведения — multiple independently targeted reentry vehicle (MIRV)

РИСИ — Российский институт стратегических исследований — Russian Institute for Strategic Studies

РКРТ — Режим контроля за ракетной технологией — Missile Technology Control Regime (MTCR)

РСД — ракета средней дальности — intermediate-(medium-) range missile

СБ ООН — Совет Безопасности ООН — UN Security Council (UNSC)

СВР — Служба внешней разведки России — Foreign Intelligence Service of Russia (SVR)

СКК — Специальная контрольная комиссия (по Договору РСМД) — Special Verification Commission (SVC)

СМИ — средства массовой информации — mass media

СНГ — Содружество Независимых Государств — Commonwealth of Independent States (CIS)

СОИ — Стратегическая Оборонная Инициатива — Strategic Defense Initiative (SDI)

СУУ — Совместное уменьшение угрозы, Программа Нанна-Лугара — Cooperative Threat Reduction (CTR), Nunn-Lugar Program

СЯС — Стратегические ядерные силы РФ — Strategic Nuclear Forces of Russia

ТАСИС — Программа технического содействия Евросоюза странам СНГ — Technical assistance to the CIS (TACIS)

ТБ — тяжелый бомбардировщик, стратегический бомбардировщик — heavy bomber, strategic bomber

ТВС — тепловыделяющая сборка (на АЭС) — fuel assembly

ТВЭЛ — тепловыделяющий элемент (на АЭС)

ТНТ — тринитротолуол — trinitrotoluol (TNT)

ТЯО — тактическое ядерное оружие — tactical nuclear weapons (TNW)

УК — Уголовный Кодекс — Penal Code

ФЗУКЯМ — физическая защита, учет и контроль ядерных материалов — Material Physical Protection, Control and Accounting (MPC&A)

ЦУЯО — Центр по уменьшению ядерной опасности — Nuclear Risk Reduction Centre (NRRC)

ЭК — экспортный контроль — export control(s)

ЮНСКОМ — Специальная комиссия ООН по контролю за выполнением резолюций СБ ООН по ОМУ Ирака — United Nations Special Commission (UNSCOM)

ЮНМОВИК — Комиссия ООН по наблюдению, контролю и инспекции (в Ираке) — UN Monitoring, Verification and Inspection Commission (in Iraq) (UNMOVIC)

ЯВУ — ядерное взрывное устройство — nuclear explosive device

ЯМ — ядерные материалы — nuclear materials

ЯО — ядерное оружие — nuclear weapon

ЯОГ — государство, обладающее ядерным оружием — nuclear weapon state (NWS)

ЯТ — ядерный терроризм — nuclear terrorism

ЯТЦ — ядерный топливный цикл — nuclear fuel cycle

ACDA — Arms Control and Disarmament Agency — Агентство США по контролю над вооружениями и разоружению (до 1999)

AFNWFZ — African Nuclear-Weapon-Free Zone — Африканская безъядерная зона

BW — biological weapons — биологическое оружие

CANDU — Canadian Deuterium Uranium (heavy-water-moderated reactor) — тяжеловодный реактор канадской конструкции

DOD — Department of Defense — Министерство обороны США

DOE — Department of Energy — Министерство энергетики США

ETRI — Expanded Threat Reduction Initiative — Инициатива по расширенной программе уменьшения угрозы

FBR — fast breeder reactor — реактор на быстрых нейтронах, бридер

FMSF — fissile material storage facility — хранилище расщепляющихся материалов

FSS — full-scope safeguards — полноохватные гарантии

FY — fiscal year — финансовый год

G-7 — Group of Seven (industrialized nations) — Группа семи (промышленно-развитых стран)

G-8 — Group of Eight — Группа семи и Россия

HWR — heavy-water-moderated nuclear reactor — тяжеловодный реактор

ICR — Inventory Change Report — Отчет об изменениях инвентарных количеств материала (представляемый в МАГАТЭ)

INFCIRC — Information circular — Информационный циркуляр (форма распространения документов в МАГАТЭ)

JVE — Joint verification experiment — Совместный эксперимент СССР и США по контролю за ядерными испытаниями

LTBT — Limited Test Ban Treaty — Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (1963)

MBA — material balance area — зона баланса материалов (для целей контроля МАГАТЭ)

MOU — Memorandum of understanding — Меморандум о взаимопонимании

MUF — material unaccounted for — неучтенный материал (для целей контроля МАГАТЭ). Разница между зарегистрированным количеством материала и фактически наличным количеством

NNA — Neutral and Non-Aligned States — нейтральные и неприсоединившиеся государства

NNPA — Nuclear Nonproliferation Act — Закон США о ядерном нераспространении (1978)

NPPA — Nuclear Proliferation Prevention Act — Закон США о предотвращении ядерного распространения (1994)

OSI — on-site inspection — инспекции на местах

PNE Treaty — Peaceful Nuclear Explosions Treaty — Договор между СССР и США о подземных ядерных взрывах в мирных целях (1976)

PrepCom — Preparatory Committee — Подготовительный комитет (к КР ДНЯО)

RV — reentry vehicle — боеголовка, боезаряд

SEANWFZ — Southeast Asian Nuclear-Weapon-Free Zone — Безъядерная зона в Юго-Восточной Азии

SNDV — strategic nuclear delivery vehicle — средство доставки ядерного оружия стратегической дальности

SNF — short-range nuclear forces — ядерные силы малой дальности/радиуса действия

SQ — significant quantity — значимое количество (ядерного материала)

SPNFZ — South Pacific Nuclear-Free Zone — Безъядерная зона в южной части Тихого океана

SVC — Special Verification Commission (INF Treaty) — Специальная контрольная комиссия (по Договору между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности 1987 г.)

THAAD — theater high-altitude area defense (system) — высотная система ПРО ТВД

TTBT — Threshold Test Ban Treaty — Договор между СССР и США об ограничении подземных испытаний ядерного оружия (1974)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ГЛОССАРИЙ

Технические и военные термины

Активная зона реактора (core) — главная часть реактора, где находится ядерное топливо и протекает ядерная реакция.

Атом (гр. atomos — неделимый) — мельчайшая частица элемента (например, урана, серебра, золота, водорода), определяющая его химические свойства.

Атомная (ядерная) энергия (nuclear energy) — энергия, выделяющаяся в значительных количествах при распаде, делении, слиянии ядер (ядерных превращениях).

Атомное оружие (atomic weapon) — оружие взрывного действия, основанное на последствиях деления ядер тяжелых элементов (как правило, урана-235 и плутония-239).

Баллистическая ракета (ballistic missile) — ракета, большая часть полета которой осуществляется по баллистической траектории.

Баллистическая ракета подводных лодок (submarine-launched ballistic missile, SLBM) — баллистическая ракета с дальностью свыше 600 км того или иного типа, какая-либо из ракет которого содержалась на подводной лодке или использовалась для запуска с подводной лодки.

Быстрые нейтроны (fast neutrons) — свободные нейтроны, имеющие скорость порядка нескольких тысяч километров в секунду.

Водородное (термоядерное) оружие (hydrogen, thermonuclear weapons) — оружие взрывного действия, основанное на последствиях слияния ядер легких элементов (изотопов водорода дейтерия и трития).

Воспроизводящий ядерный материал (fertile nuclear material) — ядерный материал, при облучении которого возможно образование под действием нейтронов делящегося материала; помимо урана-238 к воспроизводящим материалам относят достаточно широко встречающийся в природе торий-232.

Высокообогащенный уран (highly enriched uranium) — уран с обогащением 20% и выше.

Дейтерий (deuterium) — изотоп водорода, в ядре которого кроме протона содержится один нейтрон; входит в состав тяжелой воды; экспорт дейтерия и любого его соединения, в котором соотношение дейтерия к водороду превышает 1:5000, контролируется МАГАТЭ в количествах, превышающих 200 кг дейтерия для любой одной страны-получателя в течение любого 12-месячного периода.

Завод по переработке (reprocessing facility) облученного ядерного топлива — для целей МАГАТЭ установка для разделения облученных ЯМ и продуктов деления, включая имеющиеся на установке секции по приемке и подготовке материала к

переработке и связанные с ней секции для хранения и производства анализов.

Замедлитель (moderator) — используемый в большинстве реакторов материал; как правило — ядерно-чистый графит, обычная (легкая) или тяжелая вода; применение в этих целях тяжелой воды позволяет использовать уран с природным обогащением (или низкообогащенный); наряду с теплоносителем служит основой для реакторов наиболее распространенной классификации (легководные, тяжеловодные, графитовые).

Значимое количество ядерного материала (significant quantity) — минимальное количество ЯМ, опасность переключения которого на незащищенные цели должна быть своевременно предотвращена в интересах нераспространения; МАГАТЭ считает 25 кг урана-235 и 8 кг плутония-239 значимым количеством ядерного материала.

Зона баланса материалов (material balance area, MBA) — по определению МАГАТЭ (INFCIRC/153, п.110), зона в/вне установки, в которой а) количество ЯМ при каждом перемещении в/из зоны баланса материалов может быть определено; и б) фактически наличное количество материала в каждой зоне баланса материалов может быть, при необходимости, определено в соответствии с установленными процедурами для того, чтобы мог быть установлен материальный баланс для целей Агентства.

Изотопы (isotopes) элемента — атомы, в ядрах которых одинаковое количество протонов, но разное число нейтронов; изотопы одного элемента принято различать по сумме протонов и нейтронов в ядре, которая именуется атомным, или массовым, числом (оно добавляется к названию элемента, например, уран-235, уран-238, плутоний-239, плутоний-241).

Исходный материал (source nuclear material) — торий, уран с природным обогащением или обедненный уран; по определению МАГАТЭ: уран с содержанием изотопов в том соотношении, в каком они находятся в природном уране; уран, обедненный изотопом 235; торий; любое из вышеуказанных веществ в форме металла, сплава, химического соединения или концентрата; какой бы то ни было другой материал, содержащий одно или несколько из вышеуказанных веществ такой концентрации, которая время от времени будет определяться Советом управляющих Агентства; и такой другой материал, какой время от времени будет определяться Советом управляющих.

Ионизация (ionization) — потеря атомами электронов; вызывается радиацией при прохождении через вещество, опасна для живых организмов.

Коэффициент размножения нейтронов (neutron coefficient) — главный показатель, количественно характеризующий цепную ядерную реакцию; он измеряется как отношение числа нейтронов следующего поколения к числу нейтронов предыдущего поколения.

Критическая масса (critical mass) — минимальное количество делящегося материала, необходимое для начала цепной реакции. Может быть уменьшена, например, при окружении делящегося вещества слоем материала, отражающего нейтроны, или при сжатии сферы расщепляющегося материала неядерным взрывом (имплозия).

Крылатая ракета (cruise missile) — беспилотное, оснащенное собственной двигательной установкой, управляемое средство доставки оружия, полет которого на большей части его траектории обеспечивается за счет использования аэродинамической подъемной силы.

Материал прямого использования (direct-use nuclear material) — ЯМ, непосредственно пригодный для изготовления ядерного оружия; для целей МАГАТЭ таким материалом считаются ВОУ, уран-233 и плутоний с содержанием плутония-240 менее 80%.

Межконтинентальная баллистическая ракета, МБР (intercontinental ballistic missile, ICBM) — баллистическая ракета наземного базирования с дальностью свыше 5 500 км.

Нейтрон (neutron) — незаряженная элементарная частица.

Неучтенный материал (material unaccounted for) — разница между зарегистрированным для целей МАГАТЭ количеством ЯМ и фактически наличным количеством материала.

Нуклид (nuclide) — ядро, характеризующееся строго определенным количеством нейтронов и протонов в нем.

Обогащение (enrichment) — отношение объединенного веса изотопов урана-233 и урана-235 к весу всего урана, о котором идет речь; понижение этого отношения называется обеднением.

Оружейные расщепляющиеся материалы (weapons-grade fissile material) — к используемым в реальных вооружениях материалам относят уран с обогащением порядка 93% и плутоний с содержанием плутония-240 менее 7%.

Период полураспада (half-life) — время, за которое распадается половина начального количества атомных ядер.

Плутоний (plutonium) — искусственно полученный элемент с атомным номером 94 и массовыми числами изотопов от 230 до 247; плутоний-239 получают искусственным путем при нейтронном облучении урана-238 и применяют при производстве ядерного оружия наряду с ураном-235.

Протон (proton) — положительно заряженная элементарная частица; количество протонов в ядре каждого химического элемента определяет его атомный номер, в соответствии с которым каждый элемент расположен в периодической таблице.

Пусковая установка (launcher) — устройство, предназначенное или используемое для содержания, подготовки к пуску или пуска ракет.

Радиация (radiation) — выделяющиеся в процессе распада вновь образовавшиеся ядра гелия (альфа-радиация), электроны (бета-радиация) и лучевая энергия (рентгеновское и гамма-излучение).

Радиоактивность (radioactivity) — испускание частиц при распаде ядер.

Радиоактивные отходы (radioactive waste) — отходы на разных фазах ядерного топливного цикла; в зависимости от радиоактивности отходы классифицируются как слабо-, средне- и высокоактивные. На высокоактивные отходы приходится 99% радиоактивного излучения всех отходов.

Ракета меньшей дальности (shorter-range missile) — баллистическая или крылатая ракета, дальность которой равна или превышает 500 км, но не превышает 1 000 км.

Ракета средней дальности (intermediate-range missile) — баллистическая или крылатая ракета, дальность которой превышает 1 000 км, но не превышает 5 500 км.

Реактор (reactor), ядерный — установка, в которой происходит контролируемая самоподдерживающаяся цепная реакция деления ядер под действием нейтронов и ядерное превращение воспроизводящего материала в делящиеся вещества; ключевая фаза в ядерном цикле.

Специальный расщепляющийся материал (special fissionable material) — по определению МАГАТЭ: плутоний-239; уран-233; уран, обогащенный изотопами 235 или 233; любой материал, содержащий одно или несколько из вышеуказанных веществ; и такой другой расщепляющийся материал, который время от времени будет определяться Советом управляющих; термин не включает исходный материал.

Тепловые (медленные) нейтроны (thermal, or slow neutrons) — нейтроны, скорость которых достаточно низка (до нескольких метров в секунду) для того, чтобы вызывать деление ядер тяжелых элементов.

Трансурановые элементы (transuranium elements) — элементы, идущие в периодической таблице после урана (порядковый номер 92).

Тритий (tritium) — радиоактивный изотоп водорода, в ядре которого кроме протона содержатся два нейтрона; получается при облучении в тяжелой воде; используется при реакции слияния ядер в водородном оружии и для повышения мощности атомного оружия.

Тяжелая вода (heavy water) — неядерный материал; для целей МАГАТЭ: двуокись дейтерия, в которой соотношение дейтерия к водороду превышает 1:5000; контролируется экспорт в количествах, превышающих 200 кг дейтерия для любой одной страны-получателя в течение любого 12-месячного периода.

Уран (uranium) — встречающийся в природе элемент с порядковым номером 92 в периодической таблице; в природе состоит из смеси трех изотопов — урана-238 (99,276%), урана-235 (0,718%) и урана-234 (0,0056%).

Установка (facility) — для целей МАГАТЭ: а) реактор, критическая сборка, завод по обработке, завод по изготовлению, завод по переработке, завод по разделению изотопов или отдельное хранилище ЯМ; или б) любое другое место, где обычно используется ЯМ в количестве, превышающем один эффективный килограмм.

Цепная реакция (chain reaction) — цепь процессов, аналогичных тому, который вызвал их начало; она может идти с затуханием, самоподдержанием и расширением.

Чувствительные фазы (sensitive phases) ЯТЦ — фазы обогащения и переработки; к экспорту соответствующих технологий и оборудования применяются особые ограничения в рамках международного режима нераспространения (решения Группы ядерных поставщиков).

Эффективный килограмм (effective kilogram) — условная единица, используемая при постановке ЯМ под гарантии; количество ЯМ в эффективных килограммах получается путем следующих вычислений: а) для плутония — его вес в килограммах; б) для урана с обогащением в 1% и выше — его вес в килограммах, умноженный на квадрат его обогащения; в) для урана с обогащением от 0,5% до 1% — его вес в килограммах, умноженный на 0,0001; и г) для обедненного урана с обогащением в 0,5% и ниже (и для тория) — его вес в килограммах, умноженный на 0,00005.

Ядерное взрывное устройство (nuclear explosive device) — ядерное оружие и устройства для проведения мирных ядерных взрывов.

Ядерное оружие (nuclear weapons) — атомное и водородное оружие.

Ядерно-чистый графит (nuclear-grade graphite) — неядерный материал, относимый Комитетом Цангера к материалам, передача которых за пределы государства требует применения гарантий МАГАТЭ; контролируется экспорт в количествах, превышающих 30 т для любой одной страны-получателя в течение любого 12-месячного периода.

Ядерные материалы (nuclear material) — исходный и специальный расщепляющийся материал.

Ядерный топливный цикл (nuclear fuel cycle) — цикл, включающий добычу урановой руды и производство уранового концентрата, конверсию и изотопное обогащение урана, изготовление реакторного топлива, его облучение в реакторах, хранение и переработку отработанного ядерного топлива (ОЯТ) и обращение с радиоактивными отходами; ЯТЦ считается замкнутым, если в него входит переработка ОЯТ.

Ядро, атомное (nucleus) — расположено в центре каждого атома, включает протоны и нейтроны; на ядро приходится лишь триллионная доля объема, зато более 99,9% массы атома.

Политические термины

Австралийская группа (Australian Group) — создана в 1984 г. Неформальное объединение промышленно развитых стран, которые принимают параллельные односторонние обязательства по контролю над экспортом. На январь 2002 г. 33 участника: Австралия, Австрия, Аргентина, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Кипр, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, США, Турция, Финляндия, Франция, ФРГ, Чехия, Швейцария, Швеция, Южная Корея, Япония. Наблюдатель от Европейской Комиссии. Цель — предотвращение распространения материалов и технологий двойного применения, связанных с химическим и биологическим оружием. В рамках группы осуществляется обмен информацией и готовятся перечни химических веществ и микроорганизмов с целью установления контроля путем мониторинга и экспортного лицензирования.

Агентство по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском регионе, ОПАНАЛ (Organismo para la Proscripcion de las Armas Nucleares en la America Latina y el Caribe, OPANAL) — создано 14 февраля 1967 г. в соответствии с договором Тлателолко. 32 государств-участника (2000) — Антигуа и Барбуда, Аргентина, Багамские о-ва, Барбадос, Белиз, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гаити, Гайана, Гватемала, Гондурас, Гренада, Доминика, Доминиканская республика, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Сент Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Суринам, Тринидад и Тобаго, Уругвай, Чили, Эквадор, Ямайка.

Агентство по ядерной энергии, АЯЭ (Nuclear Energy Agency, NEA) — создано в 1958 г. Цель — способствовать мирному использованию ядерной энергии в государствах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). 27 государств-членов: Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Турция, США, Финляндия, Франция, ФРГ, Чехия, Швейцария, Швеция, Южная Корея, Япония.

Антарктика, Договор об Антарктике (The Antarctic Treaty) — открыт для подписания 1 декабря 1959 г., вступил в силу 23 июня 1961 г. На 1 января 2001 г. 44 участника, включая 27 голосующих и

17 присоединившихся. Первоначально подписавшие государства: Австралия, Аргентина, Бельгия, Великобритания, Новая Зеландия, Норвегия, СССР/Россия, США, Франция, Чили, ЮАР, Япония. Другие голосующие государства (в скобках — с какого года): Болгария (1978), Бразилия (1983), Индия (1983), Испания (1988), Италия (1987), Китай (1985), Нидерланды (1990), Перу (1989), Польша (1977), Уругвай (1985), ФРГ (1981), Финляндия (1989), Швеция (1988), Эквадор (1990), Южная Корея (1989). Присоединившиеся государства: Австрия (1987), Венгрия (1984), Венесуэла (1999), Гватемала (1991), Греция (1987), Дания (1965), Канада (1988), КНДР (1987), Колумбия (1988), Куба (1984), Папуа-Новая Гвинея (1991), Румыния (1971), Словакия (1993), Турция (1995), Украина (1992), Чехия (1993), Швейцария (1990). Аргентина, Австралия, Великобритания, Новая Зеландия, СССР и США использовали право на инспекции. Сопутствующие соглашения — более 200 рекомендаций, принятых на консультативных встречах и ратифицированных государствами, а также Протокол о защите окружающей среды (подписан 4 октября 1991 г., вступил в силу 14 января 1998 г.).

Бангкокский договор, Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии (Treaty on the Southeast Asia Nuclear-Weapon-Free Zone, Bangkok Treaty) — подписан 10 странами региона 15 декабря 1995 г., вступил в силу 27 марта 1997 г. (Филиппины еще не ратифицировали договор). Ядерные державы не подписали протокол к Договору.

Бразильско-аргентинское агентство по учету и контролю, АБАКК (Agencia Brasileo-Argentina de Contabilidad y Control de Materiales Nucleares; Agencia Brasileiro-Argentina de Contabilidade e Controle de Materiais Nucleares, АВАСС) — создано в соответствии с Гвадалахарским соглашением двух стран и осуществляет функции Общей системы учета и контроля, участвует в четырехстороннем соглашении с МАГАТЭ (подписано 13 декабря 1991 г., вступило в силу с 4 марта 1994 г.).

Вассенаарские договоренности по контролю за экспортом обычных вооружений, товаров и технологий двойного назначения (Wassenaar agreements) — подписаны 12 декабря 1995 г., вступили в силу в сентябре 1996 г.; 33 государства-участника: Австралия, Австрия, Аргентина, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Словакия, США, Турция, Украина, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция, Южная Корея, Япония. 3 декабря 1998 г. в Контрольный список внесены изменения.

Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб (Vienna Convention on Civil Liability for Nuclear Damage) —

открыта для подписания 21 мая 1963 г., вступила в силу 12 ноября 1977 г. На 1 января 2002 г. в силе для 33 государств, 14 — подписали.

Военная доктрина РФ (Military Doctrine of the RF) — совокупность официальных взглядов, определяющих военно-политические, военно-стратегические и военно-экономические основы обеспечения военной безопасности России. Документ утвержден президентом РФ 21 апреля 2000 г. Согласно доктрине, ядерное оружие России рассматривается как фактор сдерживания агрессии, обеспечения военной безопасности РФ и ее союзников, поддержания международной стабильности и мира. Россия оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов ОМУ, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности страны ситуациях.

Всеобъемлющие гарантии (comprehensive safeguards) — международные гарантии, применяемые ко *всему* ядерному материалу во *всей* мирной ядерной деятельности в пределах территории неядерного государства, под его юрисдикцией или осуществляемой под его контролем где бы то ни было. Основой для применения таких гарантий служит соглашение между неядерным государством и МАГАТЭ, разработанное на базе документа «Структура и содержание соглашений между Агентством и государствами, требуемые в связи с ДНЯО» (распространенного МАГАТЭ в 1971 г. как INFCIRC/153). К 2002 г. такие соглашения заключили около 130 государств, участвующих в ДНЯО и договорах о безъядерных зонах. Применительно к ядерному экспорту применяется термин «полноохватные гарантии» (full-scope safeguards). Заявление о полноохватных гарантиях ГЯП (1992), пункт 12 резолюции КРП ДНЯО «Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения» (1995) и статья 9 Договора Пелиндаба делают требование о применении таких гарантий обязательным условием ядерного экспорта.

Гарантии безопасности (security assurances) неядерных государств — негативные и позитивные гарантии, предоставляемые государствами, обладающими ядерным оружием, государствам-участникам ДНЯО, не обладающим ядерным оружием.

Гарантии МАГАТЭ (IAEA safeguards) — международный контроль над ядерной деятельностью государств (и возможность коррективных мер), осуществляемый Агентством на основании соглашений трех видов: 1) двусторонних соглашений с неядерными государствами, участвующими в ДНЯО, Договоре Тлателолко, Договоре Раротонга и т.д.; в Аргентине и Бразилии гарантии осуществляются на основании четырехстороннего соглашения с участием этих государств, МАГАТЭ и АБАКК; в неядерных странах Евросоюза — соглашения с Евратомом; к 1999 г. —

126 действующих соглашений, еще 12 подписанных (по типу INFCIRC/153); 2) с неядерными государствами — по типу INFCIRC/66 Rev.2, в связи с заключением соглашения о конкретном проекте между МАГАТЭ и членом Агентства (37 соглашений с 27 государствами к 1999 г.), в связи с соглашением о поставках между двумя или более государствами (25 соглашений) или в связи с односторонней просьбой какого-либо государства (29 соглашений с 10 государствами); 3) на добровольной основе — с пятью ядерными державами (на всю или часть мирной ядерной деятельности). Особые случаи составили соглашения о гарантиях по типу INFCIRC/153 еще до присоединения соответствующих государств к ДНЯО: с Албанией и четырехстороннее соглашение с Аргентиной и Бразилией (при участии АБАКК).

Гвадалахарское соглашение, Соглашение между Аргентиной и Бразилией об исключительно мирном использовании ядерной энергии (Guadalajara Agreement, Agreement between the Republic of Argentina and the Federative Republic of Brazil for the Exclusively Peaceful Use of Nuclear Energy) — подписано 18 июля 1991 г., оно закрепило процесс углубления взаимопонимания между двумя государствами, отраженный в совместных декларациях о ядерной политике, принятых в Фоз до Игуаку (1985), Бразилиа (1986), Виедма (1987) и Иперо (1988). Согласно статье I.1 Соглашения, «Стороны обязуются использовать ядерные материалы и установки, находящиеся под их юрисдикцией или контролем, исключительно в мирных целях». В статье I.3 выражена особая позиция обоих государств по МЯВ и устройствам для их проведения (получившая ранее отражение при выработке статьи 18 Договора Тлателолко): «Учитывая, что в настоящее время нельзя провести техническое различие между ядерными взрывными устройствами для мирных целей и для военных целей, Стороны также обязуются запретить и предотвращать на своих соответствующих территориях, воздерживаться от проведения, поощрения или санкционирования, прямо или косвенно, или от участия в любой форме в испытании, использовании, изготовлении, производстве или приобретении любого ядерного взрывного устройства пока существует вышеупомянутое техническое ограничение». На основе статей IV-V создана Общая (для двух государств) система учета и контроля ядерных материалов, которой переданы все ядерные материалы во всей ядерной деятельности Аргентины и Бразилии. Реализация Соглашения открыла дорогу для введения каждой из сторон в действие Договора Тлателолко, а затем и для присоединения их к ДНЯО.

Государственная система учета и контроля ядерных материалов, ГСУК (state system of accounting for and control of nuclear material) — создана в соответствии с соглашениями НЯОГ с МАГАТЭ, заключенными на основе документа INFCIRC/153 (пп. 31-32).

Система основывается на структуре зон баланса материалов и предусматривает такие меры, как принятие системы измерений для определения количества ЯМ; оценка точности измерений; разработка процедур по идентификации, обзору и оценке различий в измерениях отправителя/получателя; разработка процедур по определению фактически наличного количества ЯМ; разработка процедур по оценке накоплений неизмеренных инвентарных количеств и неизмеренных потерь; создание системы учетной и отчетной документации, показывающей для каждой зоны баланса материалов инвентарное количество ЯМ и изменения, включая поступления в зону и передачи из нее; разработка положений, обеспечивающих правильность применения процедур и мероприятий по учету; разработка процедур представления отчетов Агентству. В НЯОГ Евросоюза функции ГСУК выполняет Евратом, в Аргентине и Бразилии — АБАКК.

Государство, обладающее ядерным оружием, ЯОГ (nuclear-weapon state) — по определению ДНЯО (статья IX.3), государство, которое произвело и взорвало ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г., т.е. США, СССР/Россия, Великобритания, Франция, Китай.

Группа ядерных поставщиков, ГЯП (Nuclear Suppliers Group, NSG) — создана в 1975 г. Принимает Руководящие принципы для государств-экспортеров ядерных материалов, технологий и оборудования, публикуемые МАГАТЭ в серии INFCIRC/254. 39 государств-участников: Австралия, Австрия, Аргентина, Белоруссия, Бельгия, Болгария, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Кипр, Латвия, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Словакия, Словения, США, Турция, Украина, Финляндия, Франция, ФРГ, Чехия, Швейцария, Швеция, ЮАР, Южная Корея, Япония. Наблюдатель от Европейской комиссии. 3 апреля 1992 г. участники ГЯП приняли Заявление о полноохватных гарантиях. В соответствии с ним не должна разрешаться передача предметов и технологии, упомянутых в Исходном списке Руководящих принципов, государству, не обладающему ядерным оружием, «если это государство не ввело в действие соглашение с МАГАТЭ, требующее применения гарантий в отношении всего исходного и специального расщепляющегося материала в своей нынешней и будущей мирной ядерной деятельности».

Договор между РФ и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, Договор СНВ-2 (Treaty between the Russian Federation and the USA on the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms, START II) — подписан 3 января 1993 г., вступит в силу одновременно с Протоколом к Договору от 26 сентября 1997 г.

Договор между СССР и США об ограничении подземных испытаний ядерного оружия (Treaty between the USSR and the USA on the Limitation of Underground Nuclear Weapon Tests, Threshold Test Ban Treaty, ТТВТ) — подписан 3 июля 1974 г., вступил в силу 11 декабря 1990 г. (вместе с дополнительно согласованным сторонами Протоколом к Договору, подписанным 1 июня 1990 г.).

Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны, Договор ПРО (Treaty between the USSR and the USA on the Limitation of Anti-Ballistic Missile Systems, ABM Treaty) — подписан 26 мая 1972 г., вступил в силу 3 октября 1972 г.; Протокол к Договору подписан 3 июля 1974 г., вступил в силу 25 мая 1976 г.; Решение об участии государств-участников СНГ в Договоре подписано 9 октября 1992 г.; Меморандум о договоренности в связи с Договором, два Согласованных заявления в связи с Договором (и Общие понимания к каждому Согласованному заявлению), Соглашение о мерах укрепления доверия в отношении систем борьбы с баллистическими ракетами, не являющимися стратегическими баллистическими ракетами, новое Положение о Постоянной консультативной комиссии подписаны 26 сентября 1997 г. (Россией, США, Украиной, Белоруссией и Казахстаном). 13 декабря 2001 г. США заявили об одностороннем выходе из Договора через шесть месяцев.

Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности, Договор РСМД (Treaty between the USSR and the USA on the Elimination of their Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles, Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty, INF Treaty) — подписан 8 декабря 1987 г., вступил в силу 1 июня 1988 г.

Договор между СССР и США о подземных ядерных взрывах в мирных целях (Treaty between the USSR and the USA on Underground Nuclear Explosions for Peaceful Purposes, PNE Treaty) — подписан 28 мая 1976 г., вступил в силу 11 декабря 1990 г. (вместе с дополнительно согласованным сторонами Протоколом к Договору, подписанным 1 июня 1990 г.).

Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, Договор СНВ-1 (Treaty between the USSR and the USA on the Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms, START I) — подписан 31 июля 1991 г. Лиссабонский протокол, подписанный 23 мая 1992 г. превратил Договор в пятисторонний документ с участием Белоруссии, Казахстана, России, Украины, США. Договор вступил в силу 5 декабря 1994 г.

Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана, Договор Рапотонга (South Pacific Nuclear Free Zone Treaty, Treaty of Rarotonga) — открыт для подписания 6 августа 1985 г., вступил в силу 11 декабря 1986 г. К 1999 г. 12 региональных участников (еще одно государство лишь подписало Договор). Три протокола к Договору

открыты для подписания в декабре 1986 г. ядерными державами и государствами, несущими международную ответственность за расположенные в регионе территории (получены все необходимые ратификационные грамоты, лишь США не ратифицировали три протокола).

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии, Договор 2+4 (Vertrag ueber die abschliessende Regelung in Bezug auf Deutschland) — подписан 12 сентября 1990 г. представителями ГДР, ФРГ, СССР, США, Великобритании и Франции, вступил в силу 15 марта 1991 г. Безъядерный статус восточных земель объединенной Германии сформулирован в статье 5: «3. После завершения вывода советских войск с территории нынешней Германской Демократической Республики и Берлина в данной части Германии могут размещаться также формирования немецких вооруженных сил, приданные военным союзническим структурам таким же образом, как и формирования на остальной германской территории, но без носителей ядерного оружия. Это не распространяется на системы обычных вооружений, которые могут обладать другими способностями, помимо обычных, но которые в данной части Германии оснащены для обычной роли и предназначены только для таковой. Иностранные войска и ядерное оружие или его носители не будут размещаться в данной части Германии и разворачиваться там».

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, ДВЗЯИ (Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty, СТБТ) — открыт для подписания 24 сентября 1996 г. Согласно статье XIV, для вступления Договора в силу необходимо его подписание и ратификация 44 перечисленными государствами, имеющими энергетические и исследовательские реакторы (Индия, Пакистан и КНДР не подписали Договор). На 1 декабря 2001 г. Договор ратифицировали 89 государств (включая 31 из 44 государств, перечисленных в статье XIV), еще 76 государств лишь подписали его.

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Treaty on Goodneighbourliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China) — подписан 16 июля 2001 г.; в статье 2, в частности, говорится: «Договаривающиеся стороны подтверждают обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, а также взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты».

Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (Treaty Banning Nuclear Weapon Tests in the Atmosphere, in Outer Space and under Water, ЛТВ, Limited Test Ban Treaty, РТВ, Partial Test Ban Treaty) — открыт для подписания 5 августа 1963 г., вступил в силу 10 октября 1963 г.;

в силе для 124 участников (еще 10 государств лишь подписали Договор).

Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (Treaty on the Prohibition of the Emplacement of Nuclear Weapons and Other Weapons of Mass Destruction on the Seabed and the Ocean Floor and in the Subsoil Thereof) — открыт для подписания 11 февраля 1971 г.; вступил в силу с 18 мая 1972 г.; депозитари: СССР/Россия, США, Великобритания; в соответствии со статьей I, «государства-участники настоящего Договора обязуются не устанавливать и не размещать на дне морей и океанов и в его недрах за внешним пределом зоны морского дна [...] какое-либо ядерное оружие или любые другие виды оружия массового уничтожения, а также сооружения, пусковые установки и любые другие устройства, специально предназначенные для хранения, испытания или применения такого оружия»; в силе для 92 государств (еще 21 государство лишь подписало Договор).

Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (и Карибском регионе), Договор Тлателолко (Treaty for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America (and the Caribbean), Treaty of Tlatelolco) — открыт для подписания 14 февраля 1967 г., вступил в силу для 11 государств 25 апреля 1969 г., к 2000 г. 32 государства-участника (еще одно государство лишь подписало договор); два Дополнительных протокола для ядерных держав и для держав, контролирующих территории в регионе (получены все ратификационные грамоты). 3 поправки к договору: 1990 г. (в силе для 20 государств), 1991 г. (16) и 1992 г. (18).

Договор о нераспространении ядерного оружия, ДНЯО (Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, NPT) — открыт для подписания 1 июля 1968 г., вступил в силу 5 марта 1970 г. 187 участников по состоянию на 1 июля 2000 г. Продлен бессрочно 11 мая 1995 г.

Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies) — открыт для подписания 27 января 1967 г.; вступил в силу 10 октября 1967 г.; депозитари: СССР/Россия, США, Великобритания; в соответствии со статьей IV, «государства-участники Договора обязуются не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом»; кроме этого, «Луна и другие небесные тела используются всеми государствами-участниками Договора исключительно в мирных целях. Запрещается создание на небесных телах военных баз, сооружений

и укреплений, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров»; в силе для 96 государств (еще 25 государств лишь подписали Договор).

Дополнительный протокол (Additional Protocol) — международно-правовое соглашение между МАГАТЭ и государством, в котором, как правило, уже осуществляются всеобъемлющие гарантии, расширяющие возможности Агентства и повышающее эффективность контроля в целях нераспространения. К 11 декабря 2001 г. Дополнительный протокол был подписан 58 государствами (включая все ЯОГ) и вступил в силу для 22.

Европейское сообщество по атомной энергии, Евратом (European Atomic Energy Community, Euratom) — создано на основании Римского договора от 25 марта 1957 г. (вступил в силу 1 января 1958 г.). Гарантиям посвящена глава VII (статьи 77-85) Римского договора. При выработке ДНЯО (статья III.4) была учтена возможность заключения неядерным государством соглашения о гарантиях с МАГАТЭ «совместно с другими государствами». 28 апреля 1992 г. между МАГАТЭ и Евратомом был согласован Новый принцип партнерства (New Partnership Approach), удешевляющий контроль МАГАТЭ. Евратом участвует в соглашениях о добровольной постановке под гарантии МАГАТЭ части ядерной деятельности ядерных держав-участниц Европейских сообществ: Великобритании (1976) и Франции (1978).

Европейская организация по ядерным исследованиям (ЦЕРН) — сокращение от предшествовавшего названия Conseil Européen pour la Recherche Nucléaire. Организация создана 1 июля 1953 г. (действует с 29 сентября 1954 г.). Цель — способствовать исключительно мирному использованию атомной энергии. 19 стран-участниц: Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Греция, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Финляндия, Франция, ФРГ, Чехия, Швейцария, Швеция. Шесть государств-наблюдателей: Израиль, Россия, Турция, США, Югославия (членство приостановлено), Япония, а также Евросоюз и ЮНЕСКО.

Закон США об атомной энергии, Закон Макмагона (Atomic Energy Act, MacMahon Act) — принятый Конгрессом в июле 1946 г. закон, нацеленный на сохранение американской атомной монополии и запрещавший, например, «обмен информацией с другими государствами в отношении использования атомной энергии в промышленных целях», что фактически прекращало сотрудничество даже с Великобританией и Канадой; в связи с инициативой «Атомы для мира» в закон в 1954 г. были внесены существенные поправки.

Закон США о предотвращении ядерного распространения (Nuclear Proliferation Prevention Act, NPPA) — принят в 1994 г.; прекращает экономическую и военную помощь США любому

неядерному государству, которое произвело взрыв ЯВУ или получило информацию о его конструкции; секция 826 Закона вошла новой, 10-й главой в Закон США об экспортном контроле. Послужил основой для введения санкций США против Индии и Пакистана после ядерных испытаний в мае 1998 г.

Закон США о ядерном нераспространении (Nuclear Nonproliferation Act, NNPA) — принят в 1978 г.; практически запретил экспорт установок и их компонентов для любого обогащения урана, переработки ядерного топлива или производства тяжелой воды; сделал обязательным требование о полноохватных гарантиях как условие ядерного экспорта; привел к пересмотру всех заключенных США соглашений о сотрудничестве в этой области.

Закрытые города (Closed nuclear cities) — города с особым статусом, в которых расположены объекты Минатома России: Железногорск (старое название — Красноярск-26), Заречный (Пенза-19), Зеленогорск (Красноярск-45), Лесной (Свердловск-45), Новоуральск (Свердловск-44), Озерск (Челябинск-65), Саров (Арзамас-16), Северск (Томск-7), Снежинск (Челябинск-70), Трехгорный (Златоуст-36); входят в число Закрытых административно-территориальных образований России.

Исходный список (Trigger List) — Меморандум В Комитета Цангера и приложение к нему — Пояснение предметов, включенных в Исходный список (по описанию в разделе 2 Меморандума В). С 1978 г. Исходный список и Пояснение предметов включены в Руководящие принципы ГЯП (приложения А и В). При обновлении Руководящих принципов в 1992 г. к ним была добавлена часть II — «Руководящие принципы экспорта оборудования и материалов двойного использования и соответствующей технологии, применяемых в ядерных целях» с приложением, т.е. Исходный список ГЯП стал шире по охвату.

Квебекское соглашение Великобритании и США (Quebec Agreement) — подписанное 19 августа 1943 г. на Квебекской конференции Франклином Рузвельтом и Уинстоном Черчиллем строго секретное соглашение по атомному оружию, в котором стороны брали обязательство не применять это оружие друг против друга и не применять его против третьих стран без ведома друг друга, а также не передавать без взаимного согласия информацию о нем третьей стороне. Великобритания отказалась от права вето на применение Соединенными Штатами атомного оружия в 1948 г.

Комитет Цангера, Комитет ядерных экспортеров (Zangger Committee) — создан в 1971 г. пятнадцатью государствами после вступления в силу ДНЯО в связи со статьей III.2 Договора; назван по фамилии председателя (до 1989 г.) профессора Клода Цангера (Швейцария); два меморандума от 14 августа 1974 г.; меморандум А давал определение и касался экспорта исходного и специального расщепляющегося материала, меморандум В давал определение и

касался экспорта оборудования и неядерного материала; меморандум В известен как Исходный список (Trigger List). Эти документы распространены МАГАТЭ как INFCIRC/209 3 сентября 1974 г. и многократно обновлялись в дальнейшем. 9 марта 2000 г. распространен INFCIRC/209/Rev.2, на основе посланий 32 государств (без России и Китая) от 15 ноября 1999 г. Статус Комитета — неофициальный; договоренности Комитета не являются юридически обязательными для членов и признаются государствами путем обмена нотами — односторонними декларациями об осуществлении договоренностей через внутреннее законодательство об экспортном контроле. На январь 2001 г. 35 государств-участников: Австралия, Австрия, Аргентина, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Китай, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Словакия, Словения, США, Турция, Украина, Финляндия, Франция, ФРГ, Чехия, Швейцария, Швеция, ЮАР, Южная Корея, Япония.

Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии (Convention on Early Notification of a Nuclear Accident) — открыта для подписания 26 сентября 1986 г., вступила в силу 27 октября 1986 г. На 19 октября 2001 г. в силе для 84 государств (участвуют также — Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), Всемирная метеорологическая организация (ВМО) и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ).

Конвенция о дополнительной компенсации за ядерный ущерб (Convention on Supplementary Compensation for Nuclear Damage) — открыта для подписания 29 сентября 1997 г. На 1 декабря 2001 г. ее подписали 13 государств — Австралия, Аргентина (ратифицировала), Индонезия, Италия, Ливан, Литва, Марокко (ратифицировало), Перу, Румыния (ратифицировала), США, Украина, Филиппины, Чехия. Конвенция вступит в силу на девяностый день после выполнения ряда условий, включая сдачу на хранение пяти ратификационных грамот.

Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, КБО (Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on Their Destruction, BWC) — открыта для подписания 10 апреля 1972 г., вступила в силу 26 марта 1975 г. На 22 июля 2001 г. в силе для 144 государств (еще 17 государств лишь подписали Конвенцию).

Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, КХО (Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction, CWC) — открыта для подписания 13 января 1993 г., вступила в силу

29 апреля 1997 г. На 15 января 2002 г. в силе для 145 государств (еще 29 государств лишь подписало Конвенцию).

Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации (Convention on Assistance in the Case of a Nuclear Accident or Radiological Emergency) — открыта для подписания 26 сентября 1986 г., вступила в силу 26 февраля 1987 г. На 1 ноября 2001 г. в силе для 80 государств (участвуют также — Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), Всемирная метеорологическая организация (ВМО) и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ).

Конвенция о физической защите ядерного материала (Convention on the Physical Protection of Nuclear Material) — открыта для подписания 3 марта 1980 г., вступила в силу 8 февраля 1987 г. На 8 февраля 2002 г. в силе для 69 государств (участник — Евратом). В декабре 1999 г. на встрече стран-участниц принята рекомендация о пересмотре документа, который не затрагивает вопросов НОЯМ, переключения ЯМ из оружейных программ на мирные цели и др.

Конвенция о ядерной безопасности (Convention on Nuclear Safety) — открыта для подписания 21 сентября 1994 г., вступила в силу 24 октября 1996 г. На 1 января 2002 г. в силе для 52 государств (еще 12 государств лишь подписали Конвенцию, участник — Евратом).

Консультативное заключение Международного суда по законности угрозы или применения государством ядерного оружия в вооруженном конфликте (International Court of Justice, Advisory Opinion on Legality of the Threat or Use by a State of Nuclear Weapons in Armed Conflict) — принято 8 июля 1996 г. и включает, в частности, единое мнение судей о необходимости завершения переговоров о ядерном разоружении, о том, что угроза или применение ядерного оружия должны соответствовать требованиям международного права, особенно гуманитарного, а также вывод (восемью голосами против семи) о том, что угроза или применение ядерного оружия противоречили бы в целом праву, применимому в вооруженном конфликте, и в частности принципам гуманитарного права. Суд не смог дать однозначного заключения о законности/незаконности применения или угрозы ядерным оружием в крайних обстоятельствах самообороны, в которых речь идет о самом выживании государства.

Контрраспространение (counterproliferation) — американская стратегия противодействия распространению ОМУ после окончания «холодной войны» с акцентом на применение силы, впервые развернуто сформулированная в выступлении министра обороны Леса Эспина 7 декабря 1993 г. Декларированные цели: предотвращать приобретение ОМУ и средств доставки; добиваться возвратного хода событий, если распространение произошло; сдерживать применение ОМУ; приспособить военное

планирование и вооруженные силы США к будущим угрозам в этой области. Новые оперативные планы предусматривают варианты применения авиации и КР «Томагавк» по объектам более чем в 30 государствах.

Конференции по рассмотрению ДНЯО, КР ДНЯО (NPT Review Conference) — созываемые с 1975 г. раз в пять лет конференции стран-участниц ДНЯО на основании статьи VIII.3 Договора.

Конференция по рассмотрению и продлению ДНЯО, КРП ДНЯО 1995 г. (NPT Review and Extension Conference, NPT Revcon) — проходила в апреле-мае 1995 г. в Нью-Йорке на основании статьи X.2 ДНЯО. В результате Договор был бессрочно продлен (резолюция NPT/CONF.1995/32, Решение 3) в пакете с рядом резолюций: Повышение эффективности процесса рассмотрения действия Договора (NPT/CONF.1995/32, Решение 1), Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения (NPT/CONF.1995/32, Решение 2), а также резолюцией по Ближнему Востоку (NPT/CONF.1995/32).

Концепция внешней политики Российской Федерации (Foreign Policy Concept of the RF) утверждена президентом РФ 28 июня 2000 г. Российская Федерация подтверждает в документе, в частности, «неизменность своего курса на участие совместно с другими государствами в предотвращении распространения ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения, средств их доставки, а также соответствующих материалов и технологий. Российская Федерация — твердый сторонник укрепления и развития соответствующих международных режимов, включая создание Глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий. Российская Федерация намерена твердо придерживаться своих обязательств по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и призывает присоединиться к нему все государства мира».

Концепция национальной безопасности РФ (National Security Concept of the RF) — система взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. В документе, утвержденном президентом РФ 10 января 2000 г., укрепление режима нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки отнесено к основным задачам в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и говорится, что внешняя политика Российской Федерации должна быть направлена, в частности, на «достижение прогресса в сфере контроля над ядерными вооружениями, поддержание стратегической стабильности в мире на основе выполнения государствами своих международных обязательств в этой сфере; выполнение взаимных обязательств в области сокращения и ликвидации оружия массового уничтожения, [...] обеспечение

международного контроля за экспортом товаров и технологий, а также за оказанием услуг военного и двойного назначения; адаптацию существующих соглашений по контролю над вооружениями и по разоружению к новым условиям международных отношений, а также разработку при необходимости новых соглашений, в первую очередь по мерам укрепления доверия и безопасности; содействие созданию зон, свободных от оружия массового уничтожения». Российская Федерация должна обладать ядерными силами, способными гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому государству-агрессору или коалиции государств в любых условиях обстановки. Возможность применения военной силы для обеспечения национальной безопасности рассматривается Россией, в частности, исходя из принципа применения «всех имеющихся в ее распоряжении сил и средств, включая ядерное оружие, в случае необходимости отражения вооруженной агрессии, если все другие меры разрешения кризисной ситуации исчерпаны или оказались неэффективными».

Международное агентство по атомной энергии, МАГАТЭ (International Atomic Energy Agency, IAEA). — создано 26 октября 1956 г. (действует с 29 июля 1957 г.). Главная цель — способствовать мирному использованию атомной энергии. На 1 января 2002 г. 133 государства-члена. Генеральная конференция, Совет управляющих. Генеральный секретарь — Мохамед Эльбарადей.

Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины (Белоруссии, Казахстана) к ДНЯО (Memorandum on Security Assurances in Connection with Ukraine's (the Republic of Belarus'; the Republic of Kazakhstan's) Accession to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons) — три документа, подписанных 5 декабря 1994 г. и предоставивших гарантии безопасности со стороны России, США и Великобритании. Гарантии со стороны Франции и Китая были предоставлены отдельными документами.

Московская встреча на высшем уровне по ядерной безопасности (Moscow Nuclear Safety and Security Summit) — встреча президентов России, США, Франции, премьер-министров Великобритании, Италии, Канады, Японии, федерального канцлера ФРГ в Москве 19-20 апреля 1996 г. (в качестве наблюдателя присутствовал Председатель Европейской комиссии, в обсуждении проблемы ядерной безопасности на Украине участвовал президент Украины); приняты Декларация Московской встречи, Программа противодействия незаконному обороту ядерных материалов (НОЯМ), Заявление по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), Заявление по Украине.

Негативные гарантии (negative security assurances) — обязательство каждого из ядерных государств не применять ядерное оружие против стран, не обладающих таким оружием; за

исключением Китая, ядерные державы (США и Великобритания в 1978 г., Франция в 1982 г., Россия в 1993 г.) сопроводили свои заявления о негативных гарантиях оговорками на случай вторжения или любого другого нападения на свою территорию (Великобритания: «и на зависимые территории»), вооруженные силы или другие войска, союзников или на государство, с которым они имеют обязательство в отношении безопасности, осуществляемых или поддерживаемых таким неядерным государством совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием; принятие негативных гарантий в отношении территорий, расположенных в ЗСЯО, оформляется присоединением ядерных держав к протоколам, сопровождающим такие договоры.

Неофициальные ядерные государства (non-declared nuclear weapon states) — государства вне международного режима нераспространения, которые произвели и взорвали ядерное взрывное устройство после 1 января 1967 г. (Индия, Пакистан и до 1991 г. — ЮАР, по мнению многих специалистов, в эту группу можно включить и Израиль).

Неприменение первыми ядерного оружия (no first use of nuclear weapons) — военно-политический принцип, распространяющий негативные гарантии на все государства и все случаи войны, за исключением ситуации применения против придерживающегося его государства ядерного оружия; Китай сделал соответствующее заявление в 1964 г., СССР — в 1982 г. (действовало для России до 1993 г.).

Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами (Joint Convention on the Safety of Spent Fuel Management and on the Safety of Radioactive Waste Management) — открыта для подписания 29 сентября 1997 г., вступила в силу 18 июня 2001 г. На 11 сентября 2001 г. ее подписали 42 государства и 27 ратифицировали.

Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между РФ и Организацией Североатлантического договора (Founding Act on Mutual Relations, Cooperation and Security between the Russian Federation and NATO) — подписан 27 мая 1997 г. В разделе IV (Военно-политические вопросы) говорится, в частности: «Государства-члены НАТО подтверждают, что не имеют намерений, планов или причин для развертывания ядерного оружия на территории новых членов и не имеют необходимости изменять любой из аспектов построения ядерных сил НАТО или ядерную политику НАТО, а также не предвидят необходимости делать это в будущем. Это включает тот факт, что НАТО приняла решение о том, что не имеет намерений, планов или причин создавать места хранения ядерного оружия на территориях этих стран ни путем

строительства новых объектов хранения ядерного оружия, ни путем приспособления старых объектов хранения ядерного оружия».

Памятная записка Нильса Бора Франклину Рузвельту о необходимости международного контроля над атомной энергией (memorandum of Niels Bohr) — переданное президенту США Франклину Рузвельту конфиденциальное послание датского физика Нильса Бора, написанное 3 июля 1944 г. Констатируя особую важность создания «оружия, которое коренным образом изменит все способы ведения войны», Нильс Бор высказывается за достижение «соглашения о контроле над использованием новых активных материалов», так как «любое временное превосходство, каким бы значительным оно ни было, может оказаться менее весомым, чем постоянная угроза безопасности человечества». Этот самый ранний призыв к установлению международного контроля над атомным оружием был отклонен Франклином Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем. В Памятной записке о переговорах между ними в Гайд-Парке от 19 сентября 1944 г. заявлялось, в частности: «Мы решительно отклоняем предложение о разглашении работ, ведущихся по проекту «Tube Alloys» [кодовое название атомного проекта], с целью заключения международного соглашения о применении атомной энергии и контроле над ним. Все, что так или иначе относится к атомной проблеме, по-прежнему должно оставаться строго засекреченным».

Пелиндабский договор, Договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия в Африке (African Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty, Treaty of Pelindaba) — открыт для подписания 11 апреля 1996 г., подписан 50 из 53 африканских государств, ратифицирован 15 государствами. Два протокола к договору подписаны ядерными державами, третий — Францией, как государством, несущим международную ответственность за расположенные в регионе территории (Испания не подписала этот протокол). Соответствующие протоколы ратифицированы Китаем и Францией.

Подготовительный комитет (Preparatory Committee, PrepCom) — созываемый перед КР и КРП ДНЯО подготовительный орган; с 1997 г. в течение трех лет созывался Подготовительный комитет по подготовке очередной Конференции по рассмотрению действия ДНЯО на основании резолюции КРП ДНЯО 1995 г. «Повышение эффективности процесса рассмотрения действия Договора». Цель заседаний Подготовительного комитета — рассмотрение принципов, задач и путей содействия всестороннему осуществлению ДНЯО и придания ему универсального характера, а также вынесение по ним рекомендаций для Конференции, в том числе сформулированных в решении о принципах и целях нераспространения ядерного оружия и ядерного разоружения, принятом 11 мая 1995 г.

Позитивные гарантии (positive security assurances) — требуемое от ядерных государств обязательство поддержать неядерное государство, которое окажется жертвой угрозы применения против него ядерного оружия или агрессии с использованием такого оружия; в апреле 1995 г. Совет Безопасности принял резолюцию 984, согласно которой «государства-постоянные члены Совета Безопасности, обладающие ядерным оружием, немедленно доведут данный вопрос до сведения Совета и будут побуждать Совет принять меры для оказания, в соответствии с Уставом, необходимой помощи государству, ставшему жертвой агрессии».

Пороговые государства (threshold states) — государства, руководства которых приняли решения о создании ОМУ, причем имеющаяся техническая и научная база в области ОМУ позволяет в близкой перспективе стать обладателями такого оружия. Околопороговые государства — страны, принявшие программу создания ОМУ и приступившие к ее реализации, но не обладающие адекватным программе потенциалом.

Программа «93+2» (Programme 93+2) — Программа по укреплению гарантий МАГАТЭ, начатая в 1993 г. В июне 1995 г. Совет управляющих согласился с планом Генерального директора по осуществлению мер повышения эффективности гарантий, который не выходил за пределы правовых полномочий, предоставляемых соглашениями о гарантиях (по типу INFCIRC/153). В мае 1997 г. Совет утвердил текст типового Дополнительного протокола, расширявшего возможности Агентства по осуществлению гарантий.

Программа Совместного уменьшения угрозы, Программа Нанна-Лугара (Cooperative Threat Reduction Program, Nunn-Lugar Program) — начата Пентагоном в 1991 г. (на основе Закона об уменьшении советской угрозы) и продолжена в 90-х годах. Основные направления финансирования программы в России: ликвидация стратегических наступательных вооружений; учет, контроль и защита ядерного оружия; обеспечение контейнеров и хранилища для делящихся материалов; уничтожение химического оружия.

Программы по поддержке гарантий (Safeguards support programmes) — официальные программы поддержки гарантий МАГАТЭ со стороны государств-членов и организаций, предоставляющих финансовые средства и экспертов. На конец 1999 г. Австралия, Аргентина, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Канада, Нидерланды, Россия, Финляндия, Франция, ФРГ, Швеция, Южная Корея, Япония, а также Евратом имели такие программы. Австрия, Латвия и Пакистан вносят вклад через соглашения об исследованиях и разработках и программы испытаний.

Протокол о внесении поправок в Венскую конвенцию о гражданской ответственности за ядерный ущерб (Protocol to Amend the 1963 Vienna Convention on Civil Liability for Nuclear Damage) — открыт для подписания 29 сентября 1997 г. На 5 декабря 2001 г. его

подписали 15 государств — Аргентина (ратифицировала), Беларусь, Венгрия, Индонезия, Италия, Латвия (ратифицировала), Ливан, Литва, Марокко (ратифицировало), Перу, Польша, Румыния (ратифицировала), Украина, Филиппины, Чехия. Протокол вступит в силу через три месяца после сдачи на хранение пятой ратификационной грамоты.

Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств (Protocol for the Prohibition of the Use in War of Asphyxiating, Poisonous or other Gases and of Bacteriological Methods of Warfare) — подписан 17 июня 1925 г., вступил в силу 8 февраля 1928 г. На 1 января 2002 г. 131 участник, еще одно государство лишь подписало Протокол.

Рамочное соглашение между США и КНДР (Agreed Framework between the USA and the DPRK) — подписано 21 октября 1994 г. и направлено на разрешение ядерной проблемы на Корейском полуострове. Стороны обязались «взаимодействовать в замене графитовых реакторов КНДР и связанного с ними оборудования на энергетические установки, действующие на легководных реакторах», а также продвинуться «к полной нормализации политических и экономических отношений». США обязались предоставить КНДР «официальные гарантии, исключающие угрозу применения ядерного оружия со стороны США», а КНДР — «последовательно предпринимать шаги к претворению в жизнь Совместной декларации Северной и Южной Кореи о денуклеаризации Корейского полуострова».

Режим контроля над ракетной технологией, РКРТ (Missile Technology Control Regime, MTCR) — создан 16 апреля 1987 г. (первоначальные участники — страны G-7 — выработали временное соглашение о контроле за распространением баллистических ракет, способных нести ядерное оружие, еще в 1985 г.). Цель — сдерживать ракетное распространение путем контроля над экспортом ключевых ракетных технологий и оборудования. 33 государства-участника: Австралия, Австрия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Россия (с октября 1995 г.), США, Турция, Украина, Финляндия, Франция, ФРГ, Чехия, Швейцария, Швеция, ЮАР, Южная Корея, Япония. Китай, Израиль, Румыния и Словакия обязались соблюдать Руководящие принципы РКРТ (Guidelines for Sensitive Missile-Relevant Transfers). 7 января 1993 г. Руководящие принципы подверглись пересмотру и стали распространяться на системы доставки не только для ядерного, но и для других видов оружия массового уничтожения. Приложение к Руководящим принципам пересматривалось в ноябре 1991 г., в июле 1993 г. и в июле 1996 г.

Резолюция 687 Совета Безопасности ООН по Ираку (UN Security Council Resolution 687) — принята 3 апреля 1991 г. На основании главы VII Устава ООН было решено, в частности (параграф 8), что Ирак должен безоговорочно согласиться на уничтожение, устранение или обезвреживание под международным наблюдением всего химического и биологического оружия и всех баллистических ракет дальностью более 150 км. Для контроля и инспекции создавалась Специальная комиссия ООН, ЮНСКОМ (параграф 9). МАГАТЭ поручалось, в частности, взять под контроль ЯМ, которые могут быть использованы в ядерном оружии, и провести инспекции на местах (параграфы 12 и 13).

Российско-американское межправительственное соглашение о прекращении производства плутония (The Plutonium Production Reactor Agreement) — подписано 23 июня 1994 г. Стороны отказываются от права возобновлять работу уже остановленных реакторов по производству плутония и должны были остановить работу оставшихся реакторов к 2000 г. Сторонам запрещено использовать произведенный реакторами плутоний при производстве ядерного оружия. В связи с отказом США от финансирования создания альтернативных источников энергии Россия отказалась ввести соглашение в действие.

Руководящие принципы экспорта оборудования и материалов двойного использования и соответствующей технологии, применяемых в ядерных целях (Guidelines for Transfers of Nuclear-Related Dual-Use Equipment, Materials, Software and Related Technology) — эта, вторая часть документов ГЯП была добавлена при обновлении Руководящих принципов ядерного экспорта в 1992 г. Публикуется МАГАТЭ в серии INFCIRC/254/Part2, 9 марта 2000 г. распространен вариант INFCIRC/254/Rev.4/Part2 от 20 октября 1999 г.

Руководящие принципы ядерного экспорта (Guidelines for Nuclear Transfers, Nuclear Suppliers' Guidelines) — для государств-экспортеров ядерных материалов, технологий и оборудования, публикуемые МАГАТЭ в серии INFCIRC/254. 15 марта 2000 г. распространен INFCIRC/254/Rev.4/Part.1 от 1 февраля 2000 г.

Совместная декларация о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной — подписана 20 января 1992 г. премьером Административного Совета КНДР и премьер-министром Южной Кореи, вступила в силу 19 февраля 1992 г. В документе, в частности, заявлялось, что «Юг и Север не испытывают, не производят, не получают, не имеют, не хранят, не размещают и не применяют ядерного оружия», «используют ядерную энергию исключительно в мирных целях», «не владеют установками для переработки ядерных материалов и обогащения урана». Реализация Совместной декларации зависит, в частности, от выполнения Рамочного соглашения между КНДР и США.

Совместное заявление президентов России и США о принципах обращения и утилизации плутония, заявленного как не являющегося более необходимым для целей обороны (Joint Statement by Presidents of the USA and Russian Federation on Principles for Management and Disposition of Plutonium Designated as No Longer Required for Defense Purposes) — подписано 2 сентября 1998 г.; включает обязательства по разработке мер транспарентности, в том числе международные инспекции, выделение по 50 т оружейного плутония для использования в МОКС-топливе или ликвидации остекловыванием.

Совместные заявления президентов России и США по проблемам нераспространения и безопасности в 1990-х гг. (Joint Statements) — ряд документов, принятых в ходе двусторонних или многосторонних встреч на высшем уровне: в Москве 14 января 1994 г. (о нераспространении ОМУ и средств его доставки), в Вашингтоне 28 сентября 1994 г. (по вопросам стратегической стабильности и ядерной безопасности), в Москве 10 мая 1995 г. (о нераспространении, о ракетных системах, о транспарентности и необратимости процесса сокращения ядерных вооружений), в Москве 21 апреля 1996 г. (о соглашении по ВОУ), в Хельсинки 21 марта 1997 г. (о химическом оружии, о параметрах будущих сокращений ядерных сил, относительно Договора по ПРО), в Москве 2 сентября 1998 г. (об общих вызовах безопасности на рубеже XXI века, о принципах обращения и утилизации плутония, заявленного как не являющегося более необходимым для целей обороны, о протоколе к Конвенции о запрещении биологического оружия, об обмене информацией о пусках ракет и раннем предупреждении), в Кельне 20 июня 1999 г. (относительно стратегических наступательных и оборонительных вооружений и дальнейшего укрепления стабильности) и в Москве 4 июня 2000 г. (о принципах стратегической стабильности, об обращении с оружейным плутонием, заявленным, как не являющийся более необходимым для целей обороны, и его утилизации и о сотрудничестве в этой области).

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия, Соглашение ВОУ-НОУ (The Agreement between the Government of the United States and the Government of the Russian Federation Concerning the Disposition of Highly Enriched Uranium Extracted from Nuclear Weapons, the Russian HEU Agreement) — подписано 18 февраля 1993 г. и предусматривает закупку в течение 20 лет США у России 500 т ВОУ, который разобогащают и превращают в 15,3 тыс. т НОУ для дальнейшего использования на американских АЭС. 14 января 1994 г. подписан исполнительный контракт, а в ноябре 1996 г. — дополнение к контракту по объемам закупок и

ценам. На 1 января 2002 г. поставлено 4 148 т НОУ, полученного из 141 т ВОУ.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращению с ним и сотрудничества в этой области (Agreement Between the Government of the United States of America and the Government of the Russian Federation Concerning the Management and Disposition of Plutonium Designated As No Longer Required for Defense Purposes and Related Cooperation) — подписано 29 августа и 1 сентября 2000 г. В соответствии с условиями Соглашения каждая из Сторон утилизирует не менее 34 метрических тонн плутония. Утилизация осуществляется одним или более из следующих способов: а) облучением утилизируемого плутония в качестве топлива в ядерных реакторах; б) иммобилизацией утилизируемого плутония в иммобилизованные формы; или в) любыми иными способами, которые могут быть согласованы Сторонами в письменной форме.

Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки относительно безопасных и надежных перевозки, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия (Agreement between the USA and the Russian Federation Concerning the Safe Transportation, Storage and Destruction of Weapons and the Prevention of Weapons Proliferation) — подписано 17 июня 1992 г. и служит рамочным соглашением при оказании помощи России со стороны США по программе Нанна-Лугара. Цели сотрудничества сторон по Соглашению: «а) уничтожение ядерного, химического и других видов оружия; б) безопасные и надежные перевозка и хранение такого оружия в связи с их уничтожением; и с) установление дополнительных подпадающих контролю мер против распространения такого оружия, которое подвержено риску распространения». 15-16 июня 1999 г. стороны подписали Протокол к Соглашению, которым, в частности, срок действия Соглашения продлен еще на семь лет.

Соглашение о запрещении нападения на ядерные сооружения и объекты между Индией и Пакистаном (Agreement on the Prohibition of Attack against Nuclear Installations and Facilities between the Republic of India and the Islamic Republic of Pakistan) — подписано 31 декабря 1988 г., вступило в силу 28 января 1991 г. Согласно статье 1.1, стороны обязались «воздерживаться от того, чтобы предпринимать, поощрять или участвовать, прямо или косвенно, в каком бы то ни было действии, направленном на то, чтобы вызвать разрушение или причинение ущерба любым ядерным сооружениям или объектам в другой стране». В соответствии со статьей 2 стороны обменялись списками своих ядерных сооружений и объектов, однако каждая поставила под сомнение полноту списка

другой стороны. В Лахорской декларации и Меморандуме о взаимопонимании (февраль 1999 г.) два государства согласовали ряд дальнейших мер по укреплению доверия в ядерной области.

Специальная Комиссия ООН, ЮНСКОМ (UN Special Commission (UNSCOM) — орган, созданный в соответствии с параграфом 9(b) резолюции 687 Совета Безопасности ООН (1991) для контроля за ликвидацией в Ираке ОМУ и средств его доставки. В связи с прекращением по инициативе Ирака на его территории деятельности ЮНСКОМ Совет Безопасности принял 17 декабря 1999 г. резолюцию 1284, которой, в частности, вместо ЮНСКОМ учреждена ЮНМОВИК — Комиссия ООН по наблюдению, контролю и инспекции (UN Monitoring, Verification and Inspection Commission, UNMOVIC).

Тактическое ядерное оружие, ТЯО СССР/России и США (tactical nuclear weapons) — в соответствии с односторонней инициативой президента США Джорджа Буша от 27 сентября 1991 г., ответными шагами и встречными предложениями М.С. Горбачева от 5 октября 1991 г. и Б.Н. Ельцина от 29 января 1992 г. без формальных соглашений должно быть радикально ограничено и сокращено с обеих сторон.

Трехстороннее заявление президентов России, США и Украины (Trilateral Statement) — подписано 14 января 1994 г. и стало решающим моментом в процессе подключения Украины к международному режиму нераспространения, завершившемся 5 декабря 1994 г. Президенты России и США информировали президента Украины о готовности своих стран предоставить ей гарантии безопасности, как только вступит в силу Договор СНВ-1 и Украина станет государством-участником ДНЯО, не обладающим ядерным оружием. Три президента приняли решение об одновременности вывода ядерного оружия из Украины и предоставления ей компенсации в виде тепловыделяющих сборок для АЭС. Конкретные размеры компенсации, сроки и порядок ликвидации ядерного оружия оговорены в Приложении к заявлению.

Центр по уменьшению ядерной опасности, ЦУЯО (Nuclear Risk Reduction Center, NRRC) — два центра открыты в Москве и Вашингтоне 1 апреля 1988 г. на основании соглашения между СССР и США, подписанного в сентябре 1987 г.

Ядерный зонтик (nuclear umbrella) — военно-политическая гарантия безопасности неядерного государства, предоставляемая союзным государством, обладающим ядерным оружием.

Ядерный порог (nuclear threshold) — гипотетический момент перехода во время вооруженного конфликта к применению ядерного оружия; чем слабее мотивация и расчеты на безнаказанность после такого применения, тем труднее принять соответствующее решение и тем выше ядерный порог.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПОЗИЦИИ ГОСУДАРСТВ ПО ОСНОВНЫМ ВОПРОСАМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Государства	Членство в МАГАТЭ	Участие в ДНЯО ¹	Соглашения о гарантиях МАГАТЭ ²	Участие в ЗСЯО ³	Участие в ДВЗЯИ ⁴	Участие в конвенциях МАГАТЭ ⁵
1	2	3	4	5	6	7
Австралия	1957	27.02.70, 23.01.73	10.07.74 Д12.12.97	Р06.08.85, 11.12.86	24.09.96, 09.07.98	А23.10.87, Б24.03.97, О23.10.97, Ф22.10.87, Р13.11.98п
Австрия (Австрийская Республика)	1957	01.07.68, 27.06.69	31.07.96 Д22.09.98п		24.09.96, 13.03.98	А22.12.89, Б24.11.97, О20.03.88, Ф21.01.89, Р11.09.01

¹ По колонке «Участие в ДНЯО»: две даты обозначают подписание и вступление в силу, одна — присоединение (вступление в силу), для Чехии третья дата — правопреемство.

² По колонке «Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ»: дата обозначает вступление соглашения о полномасштабных гарантиях в силу; дата после «Д» относится к вступлению в силу Дополнительного протокола; «п» после даты означает, что документ лишь подписан, но не вступил в силу; *курсивом* выделены специальные случаи: соглашения с ядерными державами о добровольной постановке под гарантии и соглашения МАГАТЭ с государствами, не имеющими соглашений о всеобъемлющих гарантиях. В скобках приведена дата соглашения с Новой Зеландией, которое применяется также на островах Кука и Ниуэ.

³ По колонке «Участие в ЗСЯО»: буквами «Б», «П», «Р» и «Т» обозначено участие, соответственно, в Договорах Бангкокском, Пелиндаба, Раротонга и Тлателолко; две даты после «Б», «Р» и «Т» обозначают подписание и вступление в действие документа для данного государства; после «П» — дни подписания и ратификации данным государством. *Курсивом* выделена дата провозглашения Монголией своей территории ЗСЯО. «Пр» для ЯОГ означает участие в протоколе.

⁴ По колонке «Участие в ДВЗЯИ»: две даты обозначают подписание и вступление в силу, одна — подписание; **полужирным шрифтом** отмечено участие 41 из 44 государств (кроме Индии, КНДР и Пакистана), ратификация которыми Договора обязательна для его вступления в силу.

⁵ По колонке «Участие в конвенциях МАГАТЭ»: дата обозначает вступление соответствующей конвенции в силу для данного государства; «п» после даты означает, что документ лишь подписан, но не вступил в силу; «А» обозначает участие в Конвенции о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации, «Б» — Конвенции о ядерной безопасности, «Г» — Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб, «О» — Конвенции об оперативном оповещении о ядерной аварии, «Р» — Объединенной конвенции о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами, «Ф» — Конвенции о физической защите ядерного материала.

1	2	3	4	5	6	7
Азербайджан (Азербайджанская Республика)	2001	22.09.92	06.11.98п Д29.11.00		28.07.97, 02.02.99	
Албания (Республика Албания)	1957	12.09.90	25.03.88		27.09.96	
Алжир (Алжирская Народная Демократическая Республика)	1963	12.01.95	07.01.97	П11.04.96, 11.02.98	15.10.96	А24.09.87п, Б20.09.94п, О24.09.87п
Ангола (Республика Ангола)	1999	14.10.96		П11.04.96	27.09.96	
Андорра (Княжество Андорра)		07.06.96	Д09.01.01п		25.09.96	
Антигуа и Бурбуда		17.06.85	09.09.96	Т11.10.83, 11.10.83	16.04.97	Ф03.09.93
Аргентина (Аргентинская Республика)	1957	10.02.95	18.03.97	Т27.09.67, 18.01.94	24.09.96, 04.12.98	А17.02.90, Б16.07.97, Г12.11.77, О17.02.90, Р18.06.01, Ф06.05.89
Армения (Республика Армения)	1993	15.08.93	05.05.94 Д29.09.97п		01.10.96	А24.09.93, Б20.12.98, Г24.11.93, О24.09.93, Ф23.09.93
Афганистан (Исламское Государство Афганистан)	1957	01.07.68, 04.02.70	20.02.78			А26.09.86п, О26.09.86п
Багамские о-ва		11.08.76	12.09.97	Т29.11.76, 26.04.77		
Бангладеш (Народная Республика Бангладеш)	1972	31.08.79	11.06.82, Д30.03.01		24.10.96, 08.03.00	А07.02.88, Б24.10.96, О07.02.88
Барбадос		01.07.68, 21.02.80	14.08.96	Т18.10.68, 25.04.69		
Бахрейн (Государство Бахрейн)		03.11.88			24.09.96	
Белиз		09.08.85	21.01.97	Т14.02.92, 04.11.94		
Белоруссия (Республика Белоруссия)	1957	22.07.93	02.08.95		24.09.96, 13.09.00	А26.02.87, Б27.01.99, Г09.05.98, О26.02.87, Р13.10.99п, Ф14.06.93

1	2	3	4	5	6	7
Бельгия (Королевство Бельгии)	1958	20.08.68, 02.05.75	21.02.77 Д22.09.98п		24.09.96, 29.06.99	A04.02.99, B13.04.97, O04.02.99, P08.12.97п, Φ06.10.91
Бенин (Республика Бенин)	1998	01.07.68, 31.10.72		П11.04.96	27.09.96, 06.03.01	
Болгария (Республика Болгария)	1957	01.07.68, 05.09.69	29.02.72 Д10.10.00		24.09.96, 29.09.99	A26.03.88, B24.10.96, Г24.11.94, O26.03.88, P18.06.01, Φ08.02.87
Боливия (Республика Боливия)	1963	01.07.68, 26.05.70	06.02.95	T14.02.67, 18.02.69	24.09.96, 04.10.99	Г12.11.77
Босния и Герцеговина	1995	15.08.94	28.12.73		24.09.96	A01.03.92, Г01.03.92, O01.03.91, Φ01.03.92
Ботсвана (Республика Ботсвана)		01.07.68, 28.04.69		П06.09.98, 16.06.99		Φ19.10.00
Бразилия (Федеративная Республика Бразилии)	1957	18.09.98		T09.05.67, 30.05.94	24.09.96, 24.07.98	A04.01.91, B02.06.97, Г26.06.93, O04.01.91, P31.10.97п, Φ08.02.87
Бруней (Государство Бруней-Даруссалам)		26.03.85	04.11.87	B15.12.95, 27.03.97	22.01.97	
Буркина-Фасо	1998	25.11.68, 03.03.70		П11.04.96, 27.08.98	27.09.96	
Бурунди (Республика Бурунди)		19.03.71		П11.04.96	24.09.96	
Бутан		23.05.85	24.10.89			
Вануату (Республика Вануату)		24.08.95		P16.09.95, 09.02.96	24.09.96	
Ватикан (Святейший Престол)	1957	25.02.71	01.08.72 Д24.09.98		24.09.96, 18.07.01	A26.09.86п, O26.09.86
Великобритания (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии)	1957	01.07.68, 27.11.68	14.08.78 Д22.09.98п	ППр1,2 11.04.96п РПр1,2,3 19.09.97п ТПрI,II 11.12.69	24.09.96, 06.04.98	A12.03.90, B24.10.96, Г11.11.64п, O02.03.90, P18.06.01, Φ06.10.91

1	2	3	4	5	6	7
Венгрия (Венгерская Республика)	1957	01.07.68, 27.05.69	30.03.72 Д04.04.00		25.09.96, 13.07.99	A10.04.87, Б24.10.96, Г28.10.89, О10.04.87, P18.06.01, Ф08.02.87
Венесуэла (Республика Венесуэла)	1957	01.07.68, 25.09.75	11.03.82	T14.02.67, 23.03.70	03.10.97	
Вьетнам (Социалистическая Республика Вьетнам)	1957	14.06.82	23.02.90	Б15.12.95, 27.03.97	24.09.96	A30.10.87, O30.10.87
Габон (Габонская Республика)	1964	19.02.74	03.12.79п	П11.04.96	07.10.96, 20.02.00	
Гаити (Республика Гаити)	1957	01.07.68, 02.06.70	06.01.75п	T14.02.67, 23.05.69	24.09.96	Ф09.04.80п
Гайана (Кооперативная Республика Гайана)		19.10.93	23.05.97	T16.01.95, 06.05.96	07.09.00, 07.03.01	
Гамбия (Республика Гамбия)		04.09.68, 12.05.75	08.08.78	П11.04.96, 16.10.96		
Гана (Республика Гана)	1960	01.07.68, 02.06.70	17.02.75 Д12.06.98п	П11.04.96, 21.01.00	03.10.96	Б06.07.95п
Гватемала (Республика Гватемала)	1957	26.07.68, 22.09.70	01.02.82 Д14.12.01п	T14.02.67, 06.02.70	20.09.99	A08.09.88, O08.09.88, Ф08.02.87
Гвинея (Гвинейская Республика)		29.04.85		П11.04.96	03.10.96	
Гвинея-Бисау (Республика Гвинея-Бисау)		20.08.76		П11.04.96	11.04.97	
Германия (Федеративная Республика Германия)	1957	28.11.69, 02.05.75	21.02.77 Д22.09.98п		24.09.96, 20.08.98	A15.10.89, Б20.04.97, O15.10.89, P18.06.01, Ф06.10.91
Гондурас (Республика Гондурас)	1999	01.07.68, 16.05.73	18.04.75	T14.02.67, 23.09.68	25.09.96	
Гренада		19.08.74	23.07.96	T29.04.75, 20.06.75	10.10.96, 19.08.98	Ф08.02.02

1	2	3	4	5	6	7
Греция (Греческая Республика)	1957	01.07.68, 11.03.70	17.12.81 Д22.09.98п		24.09.96, 21.04.99	A07.07.91, B18.09.97, O07.07.91, P18.06.01 Ф06.10.91
Грузия	1996	07.03.94	29.09.97п Д29.09.97п		24.09.96	
Дания (Королевство Дания)	1957	01.07.68, 03.01.69	21.02.77 Д22.09.98п		24.09.96, 21.12.98	A26.09.86, B11.02.99, O27.10.86, P18.06.01, Ф06.10.91
Джибути (Республика Джибути)		16.10.96		П11.04.96	21.10.96	
Доминика (Содружество Доминики)		10.08.84	03.05.96	T02.05.89, 25.08.93		
Доминиканская Республика	1957	01.07.68, 24.07.71	11.10.73	T28.07.67, 14.06.68	03.10.96	Ф03.03.80п
Египет (Арабская Республика Египет)	1957	01.07.68, 26.02.81	30.06.82	П11.04.96	14.10.96	A17.11.88, B20.09.94п, Г12.11.77, O06.08.88
Замбия (Республика Замбия)	1969	15.05.91	22.09.94	П11.04.96	03.12.96	
Зимбабве (Республика Зимбабве)	1986	26.09.91	26.06.95	П11.04.96, 06.04.98	13.10.99	A26.09.86п, O26.09.86п
Израиль (Государство Израиль)	1957		<i>04.04.75</i>		25.09.96	A25.06.89, B22.09.94п, Г19.08.97п, O25.06.89, Ф17.06.83
Индия (Республика Индия)	1957		<i>30.09.71, 17.11.77, 27.09.88, 11.10.89, 01.03.94</i>			A28.02.88, B20.09.94п, O28.02.88
Индонезия (Республика Индонезия)	1957	02.03.70, 12.07.79	14.07.80 Д29.09.99	B15.12.95, 10.04.97	24.09.96	A13.12.93, B20.09.94п, O13.12.93, P06.10.97, Ф08.02.87

1	2	3	4	5	6	7
Иордания (Иорданское Хашимитское Королевство)	1966	10.07.68, 11.02.70	21.02.78 Д28.07.98		26.09.96, 25.08.98	A11.01.88, Б06.12.94п O11.01.88
Ирак (Республика Ирак)	1959	01.07.68, 29.10.69	29.02.72			A21.08.88, O21.08.88
Иран (Исламская Республика Иран)	1958	01.07.68, 02.02.70	15.05.74		24.09.96	A09.11.00, O09.11.00
Ирландия	1970	01.07.68, 01.07.68	21.02.77 Д22.09.98п		24.09.96, 15.07.99	A14.10.91, Б24.10.96, O14.10.91, P18.06.01, Ф06.10.91
Исландия (Республика Исландия)	1957	01.07.68, 18.07.69	16.10.74		24.09.96, 26.06.00	A26.09.86п, Б21.09.95п, O28.10.89
Испания (Королевство Испания)	1957	05.11.87	05.04.89 Д22.09.98п		24.09.96, 31.07.98	A14.10.89, Б24.10.96, Г06.09.63п, O14.10.89, P18.06.01, Ф06.10.91
Италия (Итальянская Республика)	1957	28.01.69, 02.05.75	21.02.77 Д22.09.98п		24.09.96, 01.02.99	A25.11.89, Б14.07.98, O11.03.90, P28.01.98п, Ф06.10.91
Йемен (Йеменская Республика)	1994	23.09.68, 01.06.79	21.09.00п		30.09.96	
Кабо-Верде (Республика Кабо-Верде)		24.10.79		П11.04.96	01.10.96	
Казахстан (Республика Казахстан)	1994	14.02.94	11.08.95		30.09.96	Б20.09.96п, P29.09.97п
Камбоджа (Королевство Камбоджа)	1958	02.06.72		Б15.12.95, 27.03.97	26.09.96, 10.11.00	
Камерун (Республика Камерун)	1964	17.07.68, 08.01.69	21.05.92п	П11.04.96		A25.09.87п, Г12.11.77, O25.09.87п
Канада	1957	23.07.68, 08.01.69	21.02.72 Д08.09.00		24.09.96, 18.12.98	A26.09.86п, Б24.10.96, O18.02.90, Ф08.02.87
Катар (Государство Катар)	1976	03.04.89			24.09.96, 03.03.97	

1	2	3	4	5	6	7
Кения (Республика Кения)	1965	01.07.68, 11.06.70		П11.04.96, 09.01.01	14.11.96, 30.11.00	
Кипр (Республика Кипр)	1965	01.07.68, 10.02.70	26.01.73 Д29.07.99п		24.09.96	А04.02.89, Б15.06.99, О04.02.89, Ф22.08.98
Киргизия (Кыргызская Республика)		05.07.94	18.03.98п		08.10.96	
Кирибати (Республика Кирибати)		18.04.85	19.12.90	Р06.08.85, 11.12.86	07.09.00, 07.09.00	
Китай (Китайская Народная Республика) ⁶	1984	09.03.92	18.09.89 Д31.12.98п	ППр1,2 20.09.96 РПр2,3 21.10.88 ТПрII 02.06.74	24.09.96	А11.10.87, Б24.10.96, О11.10.87, Ф09.02.89
Колумбия (Республика Колумбия)	1960	01.07.68, 08.04.86		Т14.02.67, 06.09.72	24.09.96	Г21.05.63п
Коморские о-ва (Федеральная Исламская Республика Коморские Острова)		04.10.95		П11.04.96	12.12.96	
Конго (Демократическая Республика Конго)	1961	22.07.68, 04.08.70	09.11.72	П11.04.96	04.10.96	А30.09.86п, О30.09.86п
Конго (Республика Конго)		23.10.78		П27.01.97	11.02.97	
Корея, Северная (Корейская Народно-Демократическая Республика)		12.12.85	10.04.92			А29.09.86п, О29.09.86п
Корея, Южная (Республика Корея)	1957	01.07.68, 23.04.75	14.11.75 Д21.06.99п		24.09.96, 24.09.99	А09.07.90, Б24.10.96, О09.07.90, Р29.09.97п, Ф08.02.87
Коста-Рика (Республика Коста-Рика)	1965	01.07.68, 03.03.70	22.11.79 Д12.12.01п	Т14.02.67, 25.08.69	24.09.96 25.09.01	А17.10.91, О17.10.91

⁶ В соответствии с решением Совета Управляющих МАГАТЭ от 9 декабря 1971 г. отношения между Агентством и властями Тайваня (Китай) являются неправительственными; гарантии к ядерным установкам на острове применяются на основе двух соглашений (INFCIRC/133, INFCIRC/158). Тайвань подписал ДНЯО 1.07.68, сдал ратификационную грамоту 27.01.70.

1	2	3	4	5	6	7
Кот-д'Ивуар (Республика Кот-д'Ивуар)	1963	01.07.68, 06.03.73	08.09.73	П11.04.96, 28.07.99	25.09.96	A26.09.86п, O26.09.86п
Куба (Республика Куба)	1957		05.05.80, 07.10.83, Д15.10.99п	T25.03.95		A08.02.91, B20.09.94п, Г12.11.77, O08.02.91, Ф26.10.97
Кука о-ва			(29.02.72)	P06.08.85, 11.12.86	05.12.97	
Кувейт (Государство Кувейт)	1964	15.08.68, 17.11.89			24.09.96	
Лаос (Лаосская Народно-Демократическая Республика)		01.07.68, 22.02.70	22.11.91п	B15.12.95, 27.03.97	30.07.97, 05.10.00	
Латвия (Латвийская Республика)	1997	31.01.92	21.12.93 Д12.07.01п		24.09.96, 20.11.01	A28.01.93, B23.01.97, Г15.06.95, O28.01.93, P18.06.01
Лесото (Королевство Лесото)		09.07.68, 20.05.70	12.06.73	П11.04.96	30.09.96, 14.09.99	
Либерия (Республика Либерия)	1962	01.07.68, 05.03.70		П09.07.96	01.10.96	
Ливан (Ливанская Республика)	1961	01.07.68, 15.07.70	05.03.73			A18.05.97, B24.10.96, Г17.07.97, O18.05.97, P30.09.97п, Ф15.01.98
Ливия (Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия)	1963	18.07.68, 26.05.75	08.07.80	П11.04.96	13.11.01	A28.07.90, Ф17.11.00
Литва (Литовская Республика)	1993	23.09.91	15.10.92 Д05.07.00		07.10.96, 07.02.00	A22.10.00, B24.10.96, Г15.12.92, O17.12.94, P30.09.97, Ф06.01.94
Лихтенштейн (Княжество Лихтенштейн)	1968	20.04.78	04.10.79		27.09.96	A20.05.94, O20.05.94, Ф08.02.87
Люксембург (Великое Герцогство Люксембург)	1958	14.08.68, 02.05.75	21.02.77 Д22.09.98п		24.09.96, 26.05.99	A27.10.00, B06.07.97, O27.10.00, P01.10.97, Ф06.10.91

1	2	3	4	5	6	7
Маврикий (Республика Маврикий)	1974	01.07.68, 08.04.69	31.01.73	П11.04.96, 24.04.96		A17.09.92, O17.09.92
Мавритания (Исламская Республика Мавритания)		26.10.93		П11.04.96, 24.02.98	24.09.96	
Мадагаскар (Республика Мадагаскар)	1965	22.08.68, 08.10.70	14.06.73		09.10.96	
Македония (Республика Македония)	1994	30.03.95	10.10.00п		29.10.98, 14.03.00	A17.11.91, G08.09.91, O17.11.91, Ф17.11.91
Малави (Республика Малави)		18.02.86	03.08.92	П11.04.96	09.10.96	
Малайзия	1969	01.07.68, 05.03.70	29.02.72	Б15.12.95, 27.03.97	23.07.98	A02.10.87, O02.10.87
Мали (Республика Мали)	1961	14.07.69, 10.02.70		П11.04.96, 22.07.99	18.02.97, 04.08.99	A02.10.86, B24.10.96, O02.10.86п
Мальдивы (Мальдивская Республика)		11.09.68, 07.04.70	02.10.77		01.10.97, 07.09.00	
Мальта (Республика Мальта)	1997	17.04.69, 06.02.70	13.11.90		24.09.96, 23.07.01	
Марокко (Королевство Марокко)	1957	01.07.68, 27.11.70	18.02.75	П11.04.96	24.09.96, 17.04.00	A07.11.93, B01.12.94п, Г30.11.84п, O07.11.93, P18.06.01, Ф25.07.80п
Маршалловы о-ва (Республика Маршалловы Острова)	1994	30.01.95			24.09.96	
Мексика (Мексиканские Соединенные Штаты)	1958	26.07.68, 21.01.69	14.09.73	T14.02.67, 20.09.67	24.09.96, 05.10.99	A10.06.88, B24.10.96, Г25.07.89, O10.06.88, Ф04.05.88
Микронезия (Федеративные Штаты Микронезии)		14.04.95			24.09.96, 25.07.97	
Мозамбик (Республика Мозамбик)		04.09.90		П11.04.96	26.09.97	

1	2	3	4	5	6	7
Молдавия (Республика Молдова)	1997	11.10.94	14.06.96п		24.09.97	A07.06.98, B05.08.98, G07.08.98, O07.06.98, Ф06.06.98
Монако (Княжество Монако)	1957	13.03.95	13.06.96 Д30.09.99		01.10.96, 18.12.98	A19.08.89, B16.09.96п, O19.08.89, Ф08.09.96
Монголия	1973	01.07.68, 14.05.69	05.02.72 Д05.12.01п	09.1992	01.10.96, 08.08.97	A12.07.87, Ф08.02.87
Мьянма (Союз Мьянма)	1957	02.12.92	20.04.95	B15.12.95, 27.03.97	25.11.96	O18.01.98
Намибия (Республика Намибия)	1983	02.10.92	15.04.98 Д22.03.00п	П11.04.96	24.09.96, 29.06.01	
Науру (Республика Науру)		07.06.82	13.04.84	P17.07.85, 13.04.87	08.09.00, 12.11.01	
Непал (Королевство Непал)		01.07.68, 05.01.70	22.06.72		08.10.96	
Нигер (Республика Нигер)	1969	09.10.92	Д20.09.01п	П11.04.96	03.10.96	A26.09.86п, Г24.10.79, O26.09.86п, Ф07.01.85п
Нигерия (Федеративная Республика Нигерия)	1964	01.07.68, 27.09.68	29.02.88	П11.04.96	08.09.00, 27.09.01	A10.09.90, B21.09.94п, O10.09.90
Нидерланды (Королевство Нидерландов)	1957	20.08.68, 02.05.75	21.02.77 Д22.09.98п		24.09.96, 23.03.99	A24.10.91, B13.01.97, O24.10.91, P18.06.01, Ф06.10.91
Никарагуа (Республика Никарагуа)	1977	01.07.68, 06.03.73	29.12.76	T15.02.67, 24.10.68	24.09.96, 05.12.00	A12.12.93, B23.09.94п, O12.12.93
Ниуэ			(29.02.72)	P06.08.85, 11.12.86		
Новая Зеландия	1957	01.07.68, 10.09.69	29.02.72 Д24.09.98	P06.08.85, 11.12.86	27.09.96, 19.03.99	A11.04.87, O11.04.87
Норвегия (Королевство Норвегия)	1957	01.07.68, 05.02.69	01.03.72 Д16.05.00		24.09.96, 15.07.99	A26.02.87, B24.10.96, O27.10.86, P18.06.01, Ф08.02.87

1	2	3	4	5	6	7
Объединенные Арабские Эмираты	1976	26.09.95			25.09.96, 18.09.00	A02.11.87, O02.11.87
Оман (Султанат Оман)		23.01.97			23.09.99	
Пакистан (Исламская Республика Пакистан)	1957		05.03.62, 17.06.68, 17.10.69, 18.03.76, 02.03.77, 10.09.91, 24.02.93			A12.10.89, B29.12.97, O12.10.89, Ф12.10.00
Палау		12.04.95				
Панама (Республика Панама)	1966	01.07.68, 13.01.77	22.12.88п Д11.12.01	T14.02.67, 11.06.71	24.09.96, 23.03.99	A02.05.99, O02.05.99 Ф01.05.99
Папуа-Новая Гвинея (Независимое Государство Папуа-Новая Гвинея)		13.01.82	13.10.83	P16.09.85, 15.09.89	25.09.96	
Парагвай (Республика Парагвай)	1957	01.07.68, 04.02.70	20.03.79	T26.04.67, 19.03.69	25.09.96, 04.10.01	A02.10.86п, O02.10.86п, Ф08.02.87
Перу (Республика Перу)	1957	01.07.68, 03.03.70	01.08.79 Д23.07.01	T14.02.67, 04.03.69	25.09.96, 12.11.97	A17.08.95, B29.09.97, Г26.11.80, O17.08.95, P04.06.98, Ф10.02.95
Польша (Республика Польша)	1957	01.07.68, 12.06.69	11.10.72 Д05.05.00		24.09.96, 25.05.99	A24.04.88, B24.10.96, Г23.04.90, O24.04.88, P18.06.01, Ф08.02.87
Португалия (Португальская Республика)	1957	15.12.77	01.07.86 Д22.09.98п		24.09.96, 26.06.00	A26.09.86п, B18.08.98, O31.05.93, Ф06.10.91
Россия (Российская Федерация)	1957	01.07.68, 05.03.70	10.06.85 Д22.03.00п	ППр2,3 05.11.96п, РПр2,3 21.04.88, ТПрII 08.01.79	24.09.96, 30.06.00	A26.02.87, B24.10.96, Г08.05.96п, O24.01.87, P27.01.99п, Ф08.02.87
Руанда (Руандийская Республика)		20.05.75		П11.04.96		

1	2	3	4	5	6	7
Румыния	1957	01.07.68, 04.02.70	27.10.72 Д07.07.00		24.09.96, 05.10.99	A13.07.90, Б24.10.96, Г29.03.93, О13.07.90, P18.06.01, Ф23.12.93
Сальвадор (Республика Эль-Сальвадор)	1957	01.07.68, 11.07.72	22.04.75	T14.02.67, 22.04.68	24.09.96, 14.09.98	
Самоа (Независимое Государство Самоа)		17.03.75	22.01.79	P06.08.85, 11.12.86	09.10.96	
Сан-Марино (Республика Сан-Марино)		01.07.68, 10.08.70	21.09.98		07.10.96	
Сан-Томе и Принсипи (Демократическая Республика Сан-Томе и Принсипи)		20.07.83		P09.07.96	26.09.96	
Саудовская Аравия (Королевство Саудовская Аравия)	1962	03.10.88				A04.12.89, O04.12.89
Свазиленд		24.06.69, 11.12.69	28.07.75	P11.04.96, 17.07.00	24.09.96	
Сейшельские о-ва (Республика Сейшельские Острова)		12.03.85		P09.07.96	24.09.96	
Сенегал (Республика Сенегал)	1960	01.07.68, 17.12.70	14.01.80	P11.04.96	26.09.96, 09.06.99	A15.06.87п, O15.06.87п
Сент-Винсент и Гренадины		06.11.84	08.01.92	T14.02.92, 11.05.92		A19.10.01, Г18.12.01, O19.10.01
Сент-Китс и Невис		22.03.93	07.05.96	T18.02.94, 14.05.97		
Сент-Люсия		28.12.79	02.02.90	T25.08.92, 02.06.95	04.10.96, 05.04.01	
Сингапур (Республика Сингапур)	1967	05.02.70, 10.03.76	18.10.77	B15.12.95, 27.03.97	14.01.99, 10.11.01	A15.01.98, B15.03.98, O15.01.98
Сирия (Сирийская Арабская Республика)	1963	01.07.68, 24.09.69	18.05.92			A02.07.87п, B23.09.94п, O02.07.87п

1	2	3	4	5	6	7
Словакия (Словацкая Республика)	1993	01.01.93	03.03.72 Д27.09.99п		30.09.96, 03.03.98	A01.01.93, B24.10.96, Г07.06.95, O01.01.93, P18.06.01, Ф01.01.93
Словения (Республика Словения)	1992	07.04.92	01.08.97 Д22.08.00		24.09.96, 31.08.99	A25.06.91, B18.02.97, Г25.06.91, O25.06.91, P18.06.01, Ф25.06.91
Соединенные Штаты Америки	1957	01.07.68, 05.03.70	09.12.80 Д12.06.98п	ППр1,2 11.04.96п, РПр1,2,2 25.03.96п, ТПрI 23.11.81, ТПр II 12.05.71	24.09.96	A20.10.88, B10.07.99, O20.10.88, P29.09.97п, Ф08.02.87
Соломоновы о-ва		17.06.81	17.06.93	P29.05.87, 27.01.89	03.10.96	
Сомали (Сомалийская Демократическая Республика)		01.07.68, 05.03.70				
Судан (Республика Судан)	1958	24.12.68, 31.10.73	07.01.77	П11.04.96		A26.09.86п, B20.09.94, O26.09.86п, Ф17.06.00
Суринам (Республика Суринам)		30.06.76	02.02.79	T13.02.76, 10.06.77	14.01.97	
Сьерра-Леоне (Республика Сьерра-Леоне)	1967	26.02.75	10.11.77п	П11.04.96	08.09.00, 17.09.01	A25.03.87п, O25.03.87п
Таджикистан (Республика Таджикистан)	2001	17.01.95			07.10.96, 10.06.98	Ф10.08.96
Таиланд (Королевство Таиланд)	1957	02.12.72	16.05.74	B15.12.95, 27.03.97	12.11.98	A21.04.89, O21.04.89
Танзания (Объединенная Республика Танзания)	1976	31.05.91	26.08.92п	П11.04.96, 19.06.98		
Того (Тоголезская Республика)		01.07.68, 26.02.70	29.11.90п	П11.04.96	02.10.96	
Тонга (Королевство Тонга)		07.07.71	18.11.93	P02.08.96		
Тринидад и Тобаго (Республика Тринидад и Тобаго)		20.08.68, 30.10.86	04.11.92	T27.06.67, 27.06.75		Г12.11.77, Ф25.05.01

1	2	3	4	5	6	7
Тувалу		19.01.79	15.03.91	P06.08.85, 11.12.86		
Тунис (Тунисская Республика)	1957	01.07.68, 26.02.70	13.03.90	П11.04.96	16.10.96	A27.03.89, B20.09.94, O27.03.89, Ф08.05.93
Туркмения (Туркменистан)		29.09.94			24.09.96, 20.02.98	
Турция (Турецкая Республика)	1957	28.01.69, 17.04.80	01.09.81, Д17.07.01		24.09.96, 16.02.00	A03.02.91, B24.10.96, O03.02.91, Ф08.02.87
Уганда (Республика Уганда)	1967	20.10.82		П11.04.96	07.11.96, 14.03.01	
Узбекистан (Республика Узбекистан)	1994	07.05.92	08.10.94 Д21.12.98		03.10.97, 29.05.97	Ф11.03.98
Украина	1957	05.12.94	22.01.98, Д15.08.00п		27.09.96, 23.02.01	A26.02.87, B07.07.98, Г20.12.96, O26.02.87, P18.06.01, Ф05.08.93
Уругвай (Восточная Республика Уругвай)	1963	01.07.68, 31.08.70	17.09.76 Д29.09.97п	T14.02.67, 20.08.68	24.09.96, 21.09.01	A21.01.90, B28.02.96п, Г13.07.99, O21.01.90
Фиджи (Суверенная Демократическая Республика Фиджи)		14.07.72	22.03.73	P06.08.85, 11.12.86	24.09.96, 10.10.96	
Филиппины (Республика Филиппины)	1958	01.07.68, 05.10.72	16.10.74 Д30.09.97п	B15.12.95	24.09.96, 23.02.01	A05.06.97, B14.10.94п, Г12.11.77, O05.06.97, P10.03.98п, Ф08.02.87
Финляндия (Финляндская Республика)	1958	01.07.68, 05.02.69	01.10.95 Д22.09.98п		24.09.96, 15.01.99	A28.12.90, B24.10.96, O11.01.87, P18.06.01, Ф22.10.89
Франция (Французская Республика)	1957	03.08.92	<i>12.09.81</i> Д22.09.98п	ППр1,2,3 10.10.97, РПр1,2,3 20.09.96, ТПрI 24.08.92, ТПрII 22.03.74	24.09.96, 06.04.98	A06.04.89, B24.10.96, O06.04.89, P18.06.01, Ф06.10.91

1	2	3	4	5	6	7
Хорватия (Республика Хорватия)	1993	29.06.92	19.01.95 Д06.07.00		24.09.96, 02.03.01	A08.10.91, Б24.10.96, Г08.10.91, О08.10.91, P18.06.01, Ф08.10.91
Центрально-Африканская Республика	2001	25.10.70		П11.04.96		
Чад (Республика Чад)		01.07.68, 10.03.71		П11.04.96	08.10.96	
Чехия (Чешская Республика)	1993	01.07.68, 22.07.69, 01.01.93	11.09.97 Д28.09.99п		12.11.96, 08.09.97	A01.01.93, Б24.10.96, Г24.06.94, О01.01.93, P18.06.01, Ф01.01.93
Чили (Республика Чили)	1960	25.05.95	09.09.96	T14.02.67, 18.01.94	24.09.96, 12.07.00	A26.09.86п, Б20.03.97, Г23.02.90, О26.09.86п, Ф27.05.94
Швейцария (Швейцарская Конфедерация)	1957	27.11.69, 09.03.77	06.09.78, Д16.06.00п		24.09.96, 01.10.99	A01.07.88, Б11.12.96, O01.07.88, P18.06.01, Ф08.02.87
Швеция (Королевство Швеция)	1957	19.08.68, 09.01.70	19.08.68, 09.01.70		24.09.96, 02.12.98	A25.07.92, Б24.10.96, O30.03.87, P18.06.01, Ф08.02.87
Шри-Ланка (Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка)	1957	01.07.68, 05.03.79	06.08.84		24.10.96	A11.02.91, Б09.11.99, O11.02.91
Эквадор (Республика Эквадор)	1958	09.07.68, 07.03.69	10.03.75 Д24.10.01	T14.02.67, 11.02.69	24.09.96, 12.11.01	Ф16.02.96
Экваториальная Гвинея (Республика Экваториальная Гвинея)		01.11.84			09.10.96	
Эритрея (Государство Эритрея)		16.03.95		П11.04.96		
Эстония (Эстонская Республика)	1992	07.01.92	24.11.97 Д13.04.00п		20.11.96, 13.08.99	A09.06.94, Г09.08.94, O09.06.94, P05.01.01п, Ф08.06.94

1	2	3	4	5	6	7
Эфиопия (Федеративная Демократическая Республика Эфиопия)	1957	05.09.68, 05.02.70	02.12.77	П11.04.96	25.09.96	
Югославия (Союзная Республика Югославия)	1957 2001	10.07.68, 04.03.70	28.12.73		08.06.01	A10.05.91, Г12.11.77, O11.03.89, Ф08.02.87
Южно-Африканская Республика	1957	10.07.91	16.09.91	П11.04.96, 27.03.98	24.09.96, 30.03.99	A10.09.87, Б24.03.97, O10.09.87, Ф18.05.81п
Ямайка	1965	14.04.69, 05.03.70	06.11.78	T26.10.67, 26.06.69	11.11.96, 13.11.01	
Япония	1957	03.02.70, 08.06.76	02.12.77 Д16.12.99		24.09.96, 08.07.97	A10.07.87, Б24.10.96, O10.07.87, Ф27.11.88

Источники: www.iaea.org/worldatom; www.ctbto.org.

CONTENTS AND SUMMARY

Foreword	4
Chapter 1. Introduction to Nuclear Nonproliferation.....	11
Chapter 2. Nuclear Weapons and Nuclear Energy.....	38
Chapter 3. Nuclear Nonproliferation and the Notion of International Regime.....	61
Chapter 4. Nuclear Nonproliferation: History and Evolution. The Non-Proliferation Treaty.....	81
Chapter 5. International Organizations in the Area of Nuclear Energy and Nonproliferation.....	116
Chapter 6. Nuclear-Weapon-Free Zones.....	149
Chapter 7. Nuclear Nonproliferation: Regional Aspects.....	171
Chapter 8. Nonproliferation Regime in the Late 1990s.....	228
Chapter 9. Nuclear Arms Control: Bilateral Agenda.....	265
Chapter 10. Nonproliferation and Nuclear Arms Control: Multilateral Agenda.....	301
Chapter 11. International Export Controls and Nuclear Nonproliferation.....	335
Chapter 12. National System of Nuclear Export Controls in Russia	354
Chapter 13. Non-Traditional Nonproliferation Challenges.....	379
Chapter 14. International Proliferation Threat Reduction Programs	404
Chapter 15. Bibliographical Review.....	435
Index	456
Acronyms	466
Appendices	474
Appendix 1. Glossary.....	474
Appendix 2. Key Nuclear Nonproliferation Issues: Positions of States.....	501
Contents and Summary	517
About the PIR Center	523

This book is unique, as it is the first attempt in Russia and in the world to create a comprehensive textbook concerning nuclear nonproliferation issues.

Adherence to nuclear nonproliferation is one of the fundamental principles of Russian foreign policy. According to the National Security Concept of the Russian Federation, strengthening the WMD nonproliferation regime is key to maintaining Russia's national security, since the proliferation of WMDs and their delivery systems is regarded as one of the principal national security threats.

President Putin has referred to the problem of nuclear nonproliferation as «the most important issue today».

The urgent nature of WMD nonproliferation issues is proven every day. One can hardly open a respectable newspaper or look through news agency headlines without running across nonproliferation matters: North

Korean ambitions; nuclear rivalry in South Asia; the Middle East situation; construction of the nuclear power plant in Iran; the Iraqi crisis; etc. The events come and go, but certainly during the last 30 years, WMD nonproliferation issues, particularly nuclear nonproliferation, have been an important part of the international agenda.

This topic is now hot and actively discussed. Hundreds of research papers dealing with these matters come out every year; cyberspace is filled with information. Most of this happens in the USA, in Europe and in other parts of the world; but while Russia is not a leader in nonproliferation publications, it can, nevertheless, be proud of some insightful and internationally recognized works.

In recent years, a number of US and European universities have introduced courses on WMD nonproliferation. Russian universities are now doing so as well. The first Russian educational institution to offer nonproliferation courses is one of the country's most prestigious technical universities — the Moscow Engineering Physics Institute (MEPhI). Nowadays, lectures on nonproliferation are also held in the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) and in the Diplomatic Academy, both of which are affiliated with the Russian Ministry of Foreign Affairs.

At the same time, due to a strange paradox, no comprehensive textbook has been written on the subject. The US uses introductory nuclear nonproliferation manuals, which were quite useful in the early 1990s but now look out-of-date and incomplete. Indeed, such manuals were never intended to be comprehensive.

This book, on the other hand, covers the whole range of nuclear nonproliferation issues. It deals with the history of the development of nuclear weapons, the evolution of the international nuclear nonproliferation regime, the international law aspects, details of the diplomatic discussions, and the particulars of the nuclear programs and nuclear policy of certain states. The textbook contains numerous facts, figures, and quotations from documents, all of which will facilitate the work of students, researchers, journalists and all other specialists, who normally have to collect such information from dozens of sources, many of which are not easy to access.

A person who is not familiar with nuclear nonproliferation issues will not get lost in the book, since it contains the definitions of all the key terms used in the field.

Although the textbook is designed primarily for senior students in Russian and FSU higher education institutions (masters and doctoral candidates), its potential audience is much broader than that. It can be useful to young specialists in liberal arts, professional, or technical fields: diplomats, international law experts, nuclear fuel cycle engineers, and MPC&A (protection, accounting and control of nuclear material) specialists. The book will provide additional information for Russian

officials who strive to improve their professional knowledge and will also be helpful to researchers from academic institutions and nongovernmental organizations who are studying international security problems. Finally, a number of the chapters will be useful to journalists who cover nuclear nonproliferation issues.

The book is targeted primarily at speakers of Russian, but this does not mean that the book deals only with nuclear nonproliferation in Russia. While sometimes ideas and statements are illustrated with examples relating to Russia, the book itself deals with nuclear nonproliferation as a whole. This is why it can become a basis for textbooks published in other countries where these matters are more focussed on and studied in universities.

The textbook was prepared by the PIR Center for Policy Studies in Russia. The PIR Center is a leading Russian institution in the area of arms control and WMD nonproliferation. It publishes the *Yaderny Kontrol Journal*, which is the major Russian source of information and analysis of nonproliferation policy and practice for the Russian academic community and Russian government experts.

The authors and the editors of the book are prominent Russian experts in the area of nonproliferation, arms control and international security.

Ildar A. Akhtamzyan (the editor of Volume 2, the author of Chapters 2 and 6 and the appendices and the co-author of Chapter 15) has a Ph.D. in History. He is a Research Associate of the PIR Center and an Associate Professor at the Department for International Relations and Russian Foreign Policy at MGIMO. He is also the *founding father* of the nonproliferation course at this university. Dr. Akhtamzyan has published more than 30 publications in Russia and abroad dealing with the history of international relations and arms control and nonproliferation, and has helped prepare two collections of documents on these issues.

Dmitry G. Evstafiev (the author of Chapter 7) has a Ph.D. in Political Science. He is a Senior Research Associate at the PIR Center and a member of the *Yaderny Kontrol* Editorial Board. He has worked at the Institute for US and Canadian Studies at the Russian Academy of Sciences and at the Russian Institute for Strategic Studies. He is the co-author of two books and the author of many publications in the Russian and foreign academic and political press. His work at present concentrates on the military-political aspects of Russian national security, problems of US foreign and military policy, crisis decision-making and conflict management, and regional aspects of WMD nonproliferation.

Vladimir A. Orlov (the editor of the entire textbook; the co-editor of the first volume, the author of Chapters 8, 11, 12, and 13, and the co-author of Chapters 7 and 15) has a Ph.D. in Political Science. He is the founding Director of the PIR Center and Director of the

«Nonproliferation and Russia» Research Program, and Editor-in-Chief of the *Yaderny Kontrol Journal*. Dr. Orlov is also a UN Consultant on Nonproliferation and Disarmament Education. He is the co-author of «Arms Control and Security in the Middle East and the CIS Republics» (1994), «Dismantling the Cold War» (1997), «Dangerous Weapons, Desperate States» (1999), «Export Controls in Russia: Policy and Practice» (2000), «Nuclear Nonproliferation in US-Russian Relations: Challenges and Opportunities» (2001), «Arms Control Guide» (2001), as well as the author of a number of works on export controls, nuclear terrorism, and Russian nonproliferation policy.

Nikolai N. Sokov (the co-editor of the first volume, the author of Chapters 1, 3, 9, and 14, and the co-author of Chapter 10) is a Doctor of Political Science and has a Ph.D. in History. He is a Senior Research Associate at the Center for Nonproliferation Studies at the Monterey Institute of International Studies, CA, USA. He has worked in the Soviet and Russian Ministry for Foreign Affairs and participated in the negotiations on START I and in numerous top-level meetings. Dr. Sokov is the author of many publications concerning international security and disarmament issues; his latest book, «Russian Strategic Modernization: Past and Future» came out in early 2000.

Roland M. Timerbaev (the author of Chapters 4 and 5, co-author of Chapter 10) is a Doctor of History, Professor, IAEA Consultant on Nuclear Nonproliferation, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (retired) and a Senior Advisor of the PIR Center and a member of the *Yaderny Kontrol* Editorial Board. Amb. Timerbaev is a leading expert on nuclear nonproliferation who participated in negotiating the NPT and a number of other important bilateral and multilateral arms control treaties. He is the author of numerous publications on nonproliferation, which have been published in Russia and abroad. His latest book, «Russia and Nuclear Nonproliferation», came out in 1999.

The first edition of the textbook came out in 2000 and raised substantial interest among experts and students. Within a few months, the book became regarded as a bibliographical treasure. Responding the numerous requests made as time went by, the PIR Center decided to prepare the second edition of the textbook with some amendments and updates.

The second edition contains two volumes. The first volume, whose editors are Vladimir Orlov and Nikolai Sokov, deals with the history of nuclear weapons development, the evolution of the international nuclear nonproliferation regime, the international law aspects, details of the diplomatic discussions, and the particulars of the nuclear programs and nuclear policy of certain states. The second volume, whose editor is Ildar Akhtamzyan, contains key international and Russian nuclear nonproliferation documents. Vladimir Orlov is the editor of the textbook overall.

The structure of the first volume is based on the structure of the course of lectures «Nuclear Nonproliferation» elaborated upon by the PIR Center and held at MEPhI in 1997-2001. At present, this one-semester course is given within MEPhI's Masters program and comprises 36 academic hours. At the end of the course, the students submit a paper and take an exam; some of them also do an internship with a state body or a scientific institution and eventually defend a diploma paper.

The book covers and analyzes many of the issues concerning nuclear nonproliferation. The authors strove to describe the dynamics and development of the nuclear nonproliferation regime and to examine the processes of its establishment and its evolution over the last three decades. Such an approach to the regime helps enable us to define ways of maintaining it and enhancing its efficiency.

Another task of the textbook is to give a comprehensive vision of the regime, i.e., not only to focus on the NPT and IAEA activities, but also to review other intertwined processes such as nuclear disarmament, international cooperation, Russian domestic legislation, etc.

This comprehensive approach to the nonproliferation regime not only encourages the reader to learn the history of nonproliferation and its key elements, but also gives him or her the capability to make both an independent analysis of possible future developments and appropriate decisions to strengthen the regime.

The first three chapters are introductory. The **first chapter** gives a general review of nuclear nonproliferation issues and their connection to the nonproliferation of other WMDs and their delivery systems.

Chapter 2 contains the minimum required information about the technical aspects of nuclear nonproliferation. Basic technical knowledge is helpful to understanding the principles of the NPT and IAEA activities, as well as the work of export control mechanisms.

Chapter 3 analyzes the theory of international regimes, including their emergence and the factors affecting their sustainability and evolution. Many substantive aspects of nuclear nonproliferation come from the general features of international regimes and not from the specific characteristics of nuclear weapons.

The next five chapters are devoted to the nuclear nonproliferation regime as such.

Chapters 4 and 5 deal with the history of the nonproliferation regime and the NPT negotiations, give a detailed article-by-article analysis of the treaty and examine the structure of international organizations directly connected with the NPT, especially the IAEA.

Chapters 6 and 7 characterize regional aspects of nuclear nonproliferation and focus on the regions that are the most critical from the viewpoint of the stability and sustainability of the regime.

Chapter 8 covers the 1995 decision on indefinite extension of the NPT, the current status of the nonproliferation regime, and the results of the 2000 NPT Review Conference. This chapter also provides a

detailed description of the key NPT member states, grouped in accordance with their attitude towards the NPT.

Problems of nuclear arms limitation and reduction are covered in **Chapters 9 and 10**. According to Article VI of the NPT, such limitations and reductions are one of the key conditions for the smooth functioning of the nonproliferation regime. Chapter 9 deals with US-Soviet/Russian bilateral talks, starting with the late 1960s, and gives a brief characterization of the nuclear doctrines. Chapter 10 covers the multilateral efforts undertaken within the UN and the Conference on Disarmament in Geneva, with particular emphasis on such significant treaties as the CTBT and the FMCT.

The next set of chapters is devoted to export controls. **Chapter 11** analyzes the international system of export controls, including the principles and practices of the IAEA and other organizations that play a key part in formulating export rules and restrictions. **Chapter 12** covers the Russian nuclear export control system.

Two other chapters are concerned with the contradictory aspects of the current situation with the nonproliferation regime: on the one hand, new challenges to the stability and existence of this regime, including nuclear terrorism and illicit trafficking in nuclear material (**Chapter 13**), and, on the other hand, new international endeavors to maintain and strengthen the regime. One of the examples of the latter is the US assistance to Russia and other FSU states in overcoming the nonproliferation crisis that occurred after the demise of the Soviet Union, which was provoked by the economic breakdown in the newly independent states (**Chapter 14**).

Finally, **Chapter 15** facilitates the search for additional information about the entire range of nuclear nonproliferation issues. It provides a review of recommended literature, periodicals, and Web sites.

The second volume contains key international and Russian nuclear nonproliferation documents.

All facts and figures in the new edition of the textbook are as of November 1, 2001.

The authors are extremely grateful to Vladimir Baranovsky, Vladimir Belous, Victor Belyakov, Konstantin Eggert, Vitaly Fedchenko, Igor Goloskokov, Alexander Izmailov, Valery Kapashin, Anton Khlopkov, Alexander Koldobsky, Valentin Korabelnikov, Dmitry Kovchegin, Eduard Kryuchkov, Valentin Kuznetsov, Vasily Lata, Yury Marakhovsky, Yevgeny Maslin, Vladimir Nasonov, Yury Podgornykh, Dmitry Rogozin, Vyacheslav Romanov, Ivan Safranchuk, Yevgeny Sirotnin, Victor Slipchenko, Nikolai Vasiliev, Mikhail Vinogradov, Ivan Yefremov, and Nikolai Yemelin for their assistance and advice.

Our special thanks to the British Foreign Office, to the Ministries for Foreign Affairs of the Netherlands, Norway and Sweden, and to the Carnegie Corporation of New York, all of which supported the preparation and/or publishing of the new edition. It is important to note

that the opinions, findings, and conclusions or recommendations expressed in this publication are those of the authors and editors and do not necessarily reflect the views of the governmental structures or organizations which supported this edition. The PIR Center bears full responsibility for the book's contents.

Comments and requests for copies of the book should be sent to:

PIR Center
Trekhpudny Per., 9, bldg. 1B
Moscow 103001
Russia

Requests or comments can also be sent

by fax: (095) 234-9558
or by e-mail: info@pircenter.org.

ПИР-ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ПИР-Центр политических исследований в России — некоммерческая организация, основанная в апреле 1994 г. и имеющая штаб-квартиру в Москве. ПИР-Центр является независимой, неправительственной и внепартийной организацией и осуществляет научно-исследовательскую, образовательную, информационную, издательскую и консультационную деятельность. С момента основания и по настоящее время приоритетными областями научных исследований ПИР-Центра остаются международная безопасность, контроль над вооружениями (прежде всего ядерными) и нераспространение оружия массового уничтожения.

Первым проектом ПИР-Центра стал выпуск журнала *Ядерный Контроль*, пробный номер которого был выпущен в ноябре 1994 г. К декабрю 2001 г. ПИР-Центр выпустил уже 60 номеров журнала, который продолжает оставаться «визитной карточкой» организации. Сегодня в Центре работают около 30 сотрудников над 29 краткосрочными и долгосрочными проектами. ПИР-Центр стал ведущей российской неправительственной исследовательской организацией в области международной безопасности. В своей повседневной деятельности он тесно контактирует с представителями исполнительной и законодательной ветвей власти.

Сотрудники ПИР-Центра принимали участие в конференциях по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия 1995 и 2000 гг. В 1999–2000 гг. ПИР-Центром был проведен социологический опрос «Россияне о ядерном оружии и ядерных угрозах» — первое такого рода исследование в России. В 2001 г. вышла монография В.А. Орлова, Р.М. Тимербаева и А.В. Хлопкова «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия», где обширный фактический материал сочетается с глубоким анализом результатов последнего десятилетия XX века для международного режима ядерного нераспространения и с политическими рекомендациями на будущее. ПИР-Центр имеет динамично развивающееся интернет-представительство (www.pircenter.org), где размещены практически все публикации Центра. Библиотека ПИР-Центра по контролю над вооружениями — это обширное собрание книг, журналов, газет и другой необходимой документации, включая досье по исследуемым проблемам.

Первое издание учебника «Ядерное нераспространение» вышло в свет осенью 2000 г. и мгновенно стало библиографической редкостью. Поэтому ПИР-Центр осуществил второе, исправленное и дополненное издание учебника, теперь в двух томах, в расчете на то, что оно будет содействовать развитию культуры ядерного нераспространения в России.

ПРОЕКТЫ ПИР-ЦЕНТРА

Научно-исследовательские и издательские проекты

- Проект «Контроль над ядерными вооружениями»
- Проект «Критический экспорт и экспортный контроль»
- Проект «Международные программы содействия России по снижению ядерной угрозы: оценка эффективности»
- Проект «Нераспространение ракет и ракетных технологий»
- Проект «Россия в ядерном нераспространении: 1991-2000 годы и долгосрочная перспектива»
- Проект «Вызовы режиму ядерного нераспространения, исходящие из Южной Азии»
- Проект «Информационные вызовы национальной и международной безопасности»
- Издание журнала «Ядерный контроль»

Информационные проекты

- База данных «ЯДРО» («Ядерная Россия»)
- Развитие библиотеки ПИР-Центра по контролю над вооружениями
- Бюллетень-дайджест российской прессы «Ядерная Россия Сегодня»
- Бюллетень «Дума и контроль над вооружениями»
- База данных «Кто есть кто в нераспространении»

Образовательные проекты

- Разработка и осуществление лекционного курса по ядерному нераспространению в МИФИ
- Образовательная программа по контролю над вооружениями для российских законодателей
- Повышение квалификации молодых специалистов в области нераспространения оружия массового уничтожения

НАШ АДРЕС:

ПИР-Центр политических исследований

Трехпрудный переулоч, дом 9, стр 1Б.
103001, Москва

тел.: 234-0525

факс: 234-9558

Интернет: www.pircenter.org

E-mail: info@pircenter.org

ОТЗЫВЫ НА ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ «ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ»

«Книгу отличает комплексный подход к вопросам, связанным с нераспространением ядерного оружия, продуманная структура изложения, информативность и глубина содержания, полезный анализ источников информации (и особенно ресурсов, находящихся в интернете) по проблемам нераспространения. Все это делает данную работу весьма ценной для подготовки нового поколения специалистов в области ядерного нераспространения».

Д.О. Рогозин

Председатель Комитета по международным делам
Государственной Думы РФ

«[...] Книга по своему содержанию представляет оригинальное издание, рассматривающее проблему нераспространения ядерного оружия в мире с момента создания первых ядерных боеприпасов до настоящего времени. Важным достоинством монографии является то, что в ней дается не только оценка сложившейся ситуации, но и делаются определенные прогнозы на будущее. В силу этого она представляет несомненный интерес для специалистов по международному праву и других лиц, занимающихся вопросами нераспространения ядерного оружия».

В.В. Корабельников

Заместитель Начальника Генерального штаба
Вооруженных Сил России
генерал-полковник

«Большим достоинством пособия является его охват, начиная с концептуальных вопросов международного режима ядерного нераспространения и технических определений изучаемого предмета и кончая характеристикой основных элементов режима, в том числе в преломлении к российской действительности. Основанный на этом материале курс лекций, без сомнений, будет большим подспорьем в осознании широкой общественностью важности тематики ядерного нераспространения и необходимости активных усилий по предотвращению расползания ядерного оружия».

В.С. Слипченко

Старший советник
Постоянного представительства России
при международных организациях в Вене

В серии «Библиотека ПИР-Центра» вышла монография

**«ПРОБЛЕМЫ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ
В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ:
история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия»**

В условиях, когда Россия и США на взаимно согласованной основе и в одностороннем порядке стремятся к значительному сокращению своих ядерных арсеналов, роль ядерного оружия в военной политике обоих государств продолжает оставаться высокой. В обозримой перспективе Россия и США останутся владельцами, по существу, *контрольного пакета акций* в мировом ядерном клубе.

Чтобы понять, как двигаться дальше, какой должна быть российская политика в области ядерного нераспространения, как стоило бы модифицировать двусторонний российско-американский диалог, сделать его продуктивным, — для всего этого надо сначала посмотреть на уроки недавнего прошлого, провести *инвентаризацию*. С этой целью задумывалась и писалась монография «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия».

Авторы монографии — творческий коллектив сотрудников ПИР-Центра в составе директора В.А. Орлова, старшего советника Центра Р.М. Тимербаева и научного сотрудника А.В. Хлопкова.

Исследование охватывает период с момента распада СССР по июнь 2001 г. (встреча В.В. Путина и Джорджа Буша в г. Любляне) В нем подробно, на богатом фактическом материале рассказывается о формировании политики России в области нераспространения ядерного оружия, ее характерных чертах, особенностях, изменениях, которые она претерпевала на протяжении ушедшего десятилетия.

Особенностью монографии является преимущественное использование источников на русском языке, в том числе ранее не публиковавшихся.

Книга предназначена в первую очередь для представителей исполнительной и законодательной власти России и США, участвующих в формировании и осуществлении политики нераспространения в своих странах. Исследование может быть также рекомендовано широкому кругу дипломатов, военных специалистов, экспертов в области международной безопасности, студентам старших курсов и аспирантам — будущим специалистам в области международных отношений. Ряд глав данной монографии будет полезен для журналистов, специализирующихся по ядерной проблематике.

Книга издана на русском и английском языках.

ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ

Учебное пособие для студентов высших учебных заведений
(в двух томах)

Под общей редакцией канд. полит. наук В.А. Орлова
Том I

Редакторы тома:
канд. полит. наук В.А. Орлов
д-р полит. наук Н.Н. Соков

Технический редактор: К.И. Фуралева
Администратор: М.Я. Верникова

Издание ПИР-Центра политических исследований

Тел.: 234-0525

Факс: 234-9558

E-mail: info@pircenter.org

Internet: www.pircenter.org

Адрес: Москва, 103001, Россия

Трехпрудный переулок, д.9, стр.1Б

Подписано в печать 20.01.2002 г. Формат 60x90/16

Печать офсетная. Усл. печ. л. 33.

Тираж 1500 экз. Заказ №

Оригинал-макет и полиграфические работы —

Центр полиграфических услуг «Радуга»

ПБОЮЛ «Гайнуллин»

Лицензия: серия ИД 3 06137

Москва, Малый Могильцевский пер., 3

Тел.: 241-3606

Отпечатано в Московской типографии № 6
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций
109088, Москва, Южнопортовая ул., 24